

**РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР: ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

**Том 2
Часть 1**

Сборник материалов X Конвента РАМИ

8–9 декабря 2016 г.
МГИМО–Университет

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Российская ассоциация международных исследований (РАМИ)

«25 ЛЕТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ»

Сборник материалов X Конвента РАМИ

(Москва, 8–9 декабря 2016 г.)

В пяти томах

Том 2

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР: ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

В двух частях

Часть 1

Под общей редакцией А.В. Мальгина

Москва
Издательство «МГИМО–Университет»
2017

УДК 327(470+571)

ББК 66.4(2Рос)

Д22

РАМИ не несет ответственности за содержание статей.
Мнение авторов не обязательно совпадает с точкой зрения
Исполнительной дирекции и Руководящего совета РАМИ

Со всеми материалами X Конвента можно ознакомиться
на сайте Ассоциации www.risa.ru

Научные редакторы:

*Н. Ю. Кавешников, А. И. Никитин, А. Д. Воскресенский, М. И. Рыхтик,
В. В. Сумский, Е. В. Колдунова*

Д22 **«25 лет внешней политике России»**: сб. материалов X Конвента
РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.). В 5 т. Т. 2 : Россия и современный
мир: политика и безопасность. В 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. А. В. Мальгина ;
[науч. ред.: Н. Ю. Кавешников и др.] ; Моск. гос. ин-т междунар. отноше-
ний (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Рос. ассоциация между-
нар. исследований (РАМИ). — Москва : МГИМО–Университет, 2017. —
499, [5] с.

ISBN 978-5-9228-1737-0 (т. 2, ч. 1)

ISBN 978-5-9228-1743-1

Издание представляет собой сборник статей, подготовленных модераторами и
участниками секций X Конвента Российской ассоциации международных исследо-
ваний (РАМИ), а также участниками пленарного заседания. Публикация отражает
спектр проблем, которые обсуждались в ходе Конвента.

УДК 327(470+571)

ББК 66.4(2Рос)

ISBN 978-5-9228-1737-0 (т. 2, ч. 1)
ISBN 978-5-9228-1743-1

© МГИМО МИД России, 2017

Оглавление

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Перспективы создания евrorегииона с участием Ленинградской области и Санкт-Петербурга <i>Е. В. Бондаренко</i>	9
Интеграция и идентичность: вопросы отношений России и новых независимых государств <i>Л. Б. Вардомский</i>	24
Применение эконометрических методов для оценки возможного эффекта роста импорта промышленных товаров России из Израиля в результате сокращения тарифных и нетарифных барьеров <i>К. М. Пузанков</i>	40
Россия и перспективы интеграции в Северо-Восточной Азии <i>И. Ю. Ткаченко</i>	60
Bridging The Dividing Lines in Greater Eurasia <i>T. van der Toorn</i>	76

КОНФЕРЕНЦИЯ

РОССИЯ И АСЕАН В АТР: ДИНАМИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Роль вьетнамской трудовой миграции в экономике России <i>Динь Ле Хонг Занг</i>	85
Молодежные саммиты Россия — АСЕАН как инструмент публичной дипломатии: предварительные оценки эффективности <i>К. А. Ефремова</i>	90
На пути к Евразийскому партнерству: формат АСЕАН — ШОС — ЕАЭС и отношения России и АСЕАН <i>Е. А. Канаев, А. С. Королев</i>	107
Регионализация, исследовательские сети и перспективы научного сотрудничества России и АСЕАН <i>Е. В. Колдунова</i>	125
Ход и предпосылки создания экономического сообщества АСЕАН <i>В. М. Мазырин</i>	136
Назад в Камрань <i>Н. П. Малетин</i>	159
Сценарии гармонизации отношений для Юго-Восточной и Восточной Азии <i>С. В. Чугров</i>	172

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ: ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

Ядерные государства — новая общность человечества <i>Ю.Я. Кишин</i>	187
Палестино-израильский трек: провал ближневосточной политики администрации Б. Обамы <i>А.В. Крылов</i>	194
Частные военные и охранные компании (ЧВОК): феномен современности <i>М.А. Небольсина</i>	213
Частные военные компании и «приватизация войны» <i>В.М. Неёлов</i>	225
Типологизация конфликтов и теории «справедливых» войн <i>А.И. Никитин</i>	238
Приднестровский конфликт в контексте украинского кризиса <i>С.В. Растольцев</i>	248
К вопросу о европейской безопасности: российско-американские противоречия в Причерноморье <i>Н.А. Самойловская</i>	267
Система информационного сопровождения внешней политики США как лидера НАТО в контексте войны в Боснии (1992–1995 гг.) и конфликта в Косово и Метохии (1999 г.) <i>М.П. Теленьга</i>	275
 КРУГЛЫЙ СТОЛ «ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМ ЕВРАЗИИ»	
Геополитическая экономия евразийского трансрегионализма <i>М.Л. Горбунова, И.Д. Комаров</i>	301
Трансрегиональное «сечение» международных отношений <i>А.Б. Каримова</i>	326
Индия как глобальная держава и ее участие в региональных организациях Азии <i>С.И. Лунев</i>	337
Realization of Federative Principle Of Political And Territorial Structure On Supranational Level <i>И.Ю. Окунев</i>	357

ЦЕННОСТИ, ИНТЕГРАЦИЯ И КОНФЛИКТ

Европейская идентичность: становление новых смыслов в условиях Брексита и миграционного кризиса в Европейском Союзе <i>О. А. Лисий</i>	373
---	-----

Интеграционные процессы в БРИКС через призму теории международных отношений <i>А. А. Сергунин</i>	392
---	-----

ОТДЕЛЬНЫЕ ДОКЛАДЫ

Ключевые факторы развития угрозы международного терроризма в Центральной Азии и Афганистане <i>А. А. Казанцев, С. М. Медведева</i>	407
--	-----

Имидж Японии в России как важнейший фактор двусторонних отношений <i>С. В. Чугров</i>	424
---	-----

Борьба с глобальным терроризмом XXI века: иллюзия или реальность? <i>А. Н. Каменских</i>	436
--	-----

Наследие президента Б. Обамы в области публичной дипломатии США <i>Н. А. Цветкова</i>	450
---	-----

Правый популизм в современной Эстонии <i>П. В. Осколков</i>	467
--	-----

Что мы знаем и не знаем о режимах и режимных изменениях в контексте демократических транзитов <i>О. Г. Харитонова</i>	482
---	-----

**Россия
и современные
интеграционные процессы**

модератор

Н. Ю. Кавешников

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ ЕВРОРЕГИОНА С УЧАСТИЕМ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Е. В. БОНДАРЕНКО

***Аннотация.** Значимым фактором регионального развития России и ЕС является международное сотрудничество приграничных регионов. В статье рассмотрены ключевые аспекты и характеристики современного состояния трансграничного сотрудничества Санкт-Петербурга и Ленинградской области с сопредельными регионами Финляндии и Эстонии. Теоретическое основание работы составили положения теории неофункционализма, на основе которой обосновано участие регионов в трансграничном взаимодействии с использованием такой формы кооперации, как еврорегион. В работе также определены основные недостатки данных теорий в трактовке российских реалий, что объясняется ограниченной применимостью европейской теории интеграции в исследовании опыта незападного регионального сотрудничества. В статье дана оценка двусторонним контактам и международной проектной деятельности Санкт-Петербурга и Ленинградской области с регионами Финляндии и Эстонии. Практическая часть работы посвящена рассмотрению возможностей формирования еврорегиона на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области.*

Анализ трансграничных контактов Санкт-Петербурга и Ленинградской области с приграничными регионами Финляндии и Эстонии, а также участия данных субъектов в проектной деятельности в рамках Европейского Инструмента Соседства и Партнерства позволяет прийти к выводу о том, что диалог регионов ведется и направлен на выстраивание долгосрочного сотрудничества. Разработана оптимальная модель трансформации нынешнего сотрудничества в институционально оформленную структуру — еврорегион.

Представляется, что приграничное и межрегиональное сотрудничество является в большей степени деполитизированным, в меньшей степени зависимым от противоречий между ЕС и РФ на государственном уровне, что дает все основания для возможной корректировки

форматов трансграничного взаимодействия российских и европейских регионов, в частности для создания еврорегиональных объединений на внешних границах ЕС.

Ключевые слова: *еврорегион; трансграничное сотрудничество; трансграничный регион; региональная политика; ЕС; Санкт-Петербург; Ленинградская область.*

Введение. Объективной закономерностью развития приграничных регионов является участие в интеграционных процессах, темпы которых наиболее высоки на внешних границах государств. При рассмотрении этих процессов большое значение приобретает такое явление как трансграничное региональное сотрудничество, институциональным оформлением которого, в большинстве случаев, является еврорегион. Несмотря на кризис «европейской идеи» и растущий евроскептицизм, на сегодняшний день именно данная интеграционная модель представляет эффективный инструмент регионального развития и механизмы взаимодействия региональных единиц разных стран.

Принимая во внимание тот факт, что участниками трансграничного сотрудничества выступают приграничные регионы Северо-Западного федерального округа РФ, актуальным представляется анализ участия Санкт-Петербурга и Ленинградской области в трансграничном сотрудничестве с сопредельными регионами стран ЕС. Актуальность исследования обусловлена также необходимостью определить перспективы использования приграничного положения Санкт-Петербурга и Ленинградской области для трансформации существующего трансграничного регионального сотрудничества данных субъектов с регионами соседних европейских стран в еврорегион с их участием.

Значимость трансграничного сотрудничества субъектов Северо-Западного Федерального округа с европейскими государствами в области экономики, экологии, образования, культуры и т. д. нашла отражение в трудах отечественных и зарубежных специалистов по этим проблемам. В работах российских и зарубежных авторов находят отражение общие тенденции деятельности российских и европейских еврорегионов, вопросы правового обеспечения их деятельности в России и Европе, общая проблематика трансграничного сотрудничества. Большое внимание уделяется формированию Балтийского региона как такового с участием российского Северо-Запада, месту в нем Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

В тоже время мало изученным остается вопрос участия субъектов Северо-Западного федерального округа в формировании и деятельности еврорегионов, особенно это касается Санкт-Петербурга и Ленин-

градской области, так как основной массив работ в этом направлении сосредоточен на Республике Карелия или Калининградской области. Таким образом, возможность формирования еврорегиона с участием Санкт-Петербурга и Ленинградской области до настоящего времени не получила достаточного освящения в научных исследованиях.

Теоретические основания исследования. Анализ процесса трансграничного регионального сотрудничества был проведен с позиций теории европейской интеграции, а частности неофункционализма. Несмотря на то, что данная теория, как, впрочем, и другие классические теории, не была непосредственно сосредоточена на анализе региональных процессов, творческое использование идейного багажа «новых» функционалистов вполне возможно в сфере трансрегиональной интеграции¹. Так, неофункционализм формулирует необходимые предпосылки кооперации, среди которых плюрализм социальных структур, экономическое и промышленное развитие, консенсус относительно фундаментальных ценностей². Данная теория также дает объяснение главному движущему фактору сотрудничества, а именно нацеленности всех акторов взаимодействия на удовлетворение собственных интересов.

Однако, несмотря на очевидную уместность анализа природы трансграничного сотрудничества и еврорегионов в контексте теории неофункционализма стоит учесть невозможность полной сопоставимости процессов взаимодействия на региональном уровне в ЕС, описываемых в данной теории, и ситуации на границе России и ЕС.

Существует множество подходов к сущности трансграничного сотрудничества, а соответственно и к определению понятия «еврорегион»³. Хотя деятельность данной формы трансграничного сотрудничества регулируется нормативно-правовой базой⁴, термин «еврорегион»

¹ Вардомский Л. Б. Прозрачные границы: Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России; под ред. Вардомского Л. Б., Голунова С. В. М. — Волгоград: НОФМО, 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.obraforum.ru/book/chapter1.htm#note2> (дата обращения: 15.10.2016)

² Rosamond B. Theories of European Integration. — Macmillan, Basingstoke, 2000. P. 69.

³ Дмитриева С. И. Лимология: учебное пособие. Воронежский государственный университет. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008. С. 73; Зверев Ю. М. Еврорегионы как форма приграничного сотрудничества // Космополис. 2005. №3(13). С. 75. и др.

⁴ См. Федеральный Закон РФ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» № 4-ФЗ от 4 января 1999 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901723799> (дата обращения: 06.12.2015); European Outline Convention on Transfrontier Co-operation

не употребляется во внутренних законах и официальных документах ЕС и России. Вместо него в основном используются термины «региональные объединения», «трансграничные регионы» и «трансграничное сотрудничество», которые официально признаны мировым сообществом.

В свою очередь, Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей от 21 мая 1980 г. дает следующее определение трансграничному сотрудничеству. Так, данным взаимодействием является «любая совместная акция по укреплению и поощрению добрососедских отношений между территориально-административными единицами или властями в рамках юрисдикции двух и более участников»⁵. Именно это определение взято за основу при рассмотрении вопросов, связанных с трансграничным сотрудничеством.

Исследование: основная часть. Основным научным предположением данного исследования является наличие достаточного потенциала сотрудничества Санкт-Петербурга и Ленинградской области с регионами Юго-Восточной Финляндии и Эстонии для создания совместной трехсторонней структуры.

Методология исследования. Исследование основывается на междисциплинарном подходе с применением общенаучных, социологических и исторических методов. Так, при анализе нормативно-правовой базы приграничного сотрудничества используется метод качественного анализа документов. По средствам сравнительного метода проводится сопоставление российского и зарубежного нормотворческого опыта, а также исследование полномочий регионов в осуществлении

between Territorial Communities or Authorities. [Электронный ресурс]. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/106.htm> (дата обращения: 15.10.2016); Additional Protocol to the European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.coe.int/fr/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007cdba> (дата обращения: 15.10.2016); 11. Protocol No. 2 to the European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities concerning interterritorial co-operation. [Электронный ресурс]. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/169.htm> (дата обращения: 15.10.2016); Protocol No. 3 to the European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities concerning Euroregional Co-operation Groupings (ECGs). [Электронный ресурс]. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/206.htm> (дата обращения: 13.01.2017).

⁵ European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities. [Электронный ресурс]. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/106.htm> (дата обращения: 15.10.2016).

трансграничных связей. Метод кейсов (case study) был взят за основу при выявлении форм участия Санкт-Петербурга и Ленинградской области в трансграничном сотрудничестве с регионами Финляндии и Эстонии. При рассмотрении возможностей трансформации сотрудничества в еврорегион использовался метод моделирования.

Участники исследования. Непосредственными участниками исследования стали следующие территориальные единицы — г. Санкт-Петербург, Ленинградская область, приграничные территории Финляндии и Эстонии.

Материалы исследования. Источниковую базу данного диссертационного исследования составили международно-правовые документы, регламентирующие приграничное и трансграничное сотрудничество, российское законодательство, регламентирующее внешнеэкономические связи субъектов РФ, программные документы ЕС, а также отчеты о реализации проектов по программам в рамках Европейского Инструмента Сотрудничества и Партнерства.

Основой для анализа двусторонних контактов и международной проектной деятельности Санкт-Петербурга и Ленинградской области послужили отчеты о ходе международного сотрудничества⁶, а также документы программ в рамках Европейского Инструмента Сотрудничества и Партнерства «Юго-Восточная Финляндия — Россия»⁷, «Эстония — Латвия — Россия»⁸, «Россия — Эстония»⁹.

⁶ Отчет Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга о ходе реализации в 2012 году соглашений Правительства Санкт-Петербурга и исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга об осуществлении международного сотрудничества, международных и внешнеэкономических связей. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kvs.spb.ru/userfiles/2013/Soglasheniya.pdf> (дата обращения: 06.12.2016).

⁷ South-East Finland — Russia ENPI CBC Programme 2007–2013 // Programme Document. [Электронный ресурс]. URL: http://www.southeastfinrusnpi.fi/wp-content/uploads/sites/2/2013/10/SE-FI-RU-ENPI-Programme-document-19.12.2008-and-Addendum-3.12.2010-and-17_12_2010en.pdf (дата обращения: 15.10.2016); South-East Finland — Russia CBC 2014–2020 // Programme Document. [Электронный ресурс]. URL: http://www.southeastfinrusnpi.fi/wp-content/uploads/sites/2/2013/12/South-East-Finland-Russia-CBC-2014–2020-JOP_EN.pdf (дата обращения: 06.12.2016).

⁸ Estonia-Latvia-Russia cross border cooperation Programme within European Neighborhood and Partnership instrument 2007–2013. // Estonia Latvia Russia. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.estlatrus.eu/eng/home/> (дата обращения: 20.11.2016)

⁹ Joint Operational Programme of Estonia-Russia Cross-Border Cooperation Programme 2014–2020. [Электронный ресурс]. URL: http://www.estlatrus.eu/uploaded_files/EST-RUS/Adopted%20JOP_EE-RU_2014–2020.PDF (дата обращения: 22.11.2016).

Процедура исследования. Исследование было разбито на несколько этапов. Вначале была проведена работа по сбору информации и данных касательно двустороннего трансграничного сотрудничества Санкт-Петербурга и Ленинградской области с регионами Финляндии и Эстонии, их участия в программах приграничного сотрудничества за период 2007–2013 гг., а также доступная информация по программам, стартовавшим с 2014 года. На втором этапе исследование было сосредоточено на правовом обеспечении региональной кооперации как основе для налаживания взаимовыгодных контактов. На основе полученных промежуточных результатов были определены перспективы создания еврорегиона с участием Ленинградской области и Санкт-Петербурга.

Результаты исследования. Анализ трансграничных контактов Санкт-Петербурга и Ленинградской области с приграничными регионами Финляндии и Эстонии, а также участия данных субъектов в проектной деятельности в рамках Европейского Инструмента Соседства и Партнерства показывает, что рассматриваемая территория обладает существенным потенциалом для трансформации имеющихся трансграничных региональных связей в институционально оформленное сотрудничество — еврорегион.

В тоже время более детальное исследование существующей активности позволяет прийти к выводу о том, что на данном этапе такая форма кооперации на российско-эстонской границе является преждевременной, тогда как в случае с регионами Финляндии для создания еврорегиона не хватает государственной поддержки.

Так, взаимодействие Санкт-Петербурга и Ленинградской области с Эстонией осуществляется исключительно на муниципальном уровне. Санкт-Петербург имеет соглашение с Таллином, Василеостровский р-н Санкт-Петербурга сотрудничает с Тарту, Кировский р-н — с Нарвой. На территории Ленинградской области действуют соглашения у таких пар городов как Ивангород — Нарва, Кингисепп — Йыхви, Сланцы — Кохтла-Ярве. Точкой взаимного схождения интересов является культурная сфера. В то время как вопросы предпринимательства, экологии и транспорта остаются пока перспективными для дальнейшего сотрудничества, отчасти реализуются за счет европейской финансовой поддержки, а именно в рамках таких программ как «Эстония — Латвия — Россия» до 2013 года и «Россия — Эстония» до 2020 года.

Это позволяет говорить о существовании мощного двигателя в виде внешнего финансирования для осуществления трансграничного взаимодействия между Санкт-Петербургом, Ленинградской областью и приграничными регионами Эстонии. То есть в данном случае программа

ЕИСП берет на себя далеко не добавочную функцию, а играет основную роль в обеспечении и продвижении совместных трансграничных проектов, восполняет собой отсутствие местной инициативы. В то время как для создания еврорегиона такого уровня региональных контактов недостаточно.

Совершенно иная ситуация прослеживается во взаимодействии с регионами Финляндии. Так, трансграничное сотрудничество с сопредельными финскими территориями реализуется в формах двусторонних соглашений между регионами и муниципальными образованияами (побратимские связи, двойной город Иматра — Светлогорск), в рамках проектов программ ЕИСП, кроме того имеются совместные органы координации сотрудничества. Сотрудничество сторон ведется по широкому диапазону направлений и охватывает экономическую, транспортную, социальную, культурную и туристическую сферы. Все это позволяет говорить о реальной возможности формирования еврорегиона, отличительной чертой которого стал бы не только географический фактор, а наличие общих проблем и инициатив их совместного решения.

Анализ результатов. На основе достигнутых результатов не лишним смысла является рассмотрение возможности объединения потенциала сотрудничества Санкт-Петербурга и Ленинградской области с регионами Юго-Восточной Финляндии и Эстонии и создания совместной трехсторонней структуры. Модель такой кооперации была бы особенно выгодна Санкт-Петербургу и Ленинградской области, так как географически сконцентрировала бы двух важных европейских партнеров в единой структуре.

Однако представляется, что трансформация трансграничного сотрудничества в еврорегион с одновременным участием в нем и финских и эстонских приграничных территорий на данном этапе не принесет желаемого результата партнерам. Подобная модель сотрудничества пострадает из-за явных диспропорций в уровне развития отношений Санкт-Петербурга и Ленинградской области с Финляндией и Эстонией. Сложившиеся различия в направлениях взаимодействия создадут трудности в поиске общих для трех сторон приоритетов. С учетом всех вышеперечисленных обстоятельств подобный формат кооперации просто теряет свою практическую значимость.

Возможной альтернативой для Санкт-Петербурга и Ленинградской области, регионов Юго-Восточной Финляндии и Эстонии видится поэтапный переход к институционализированному трехстороннему сотрудничеству. Так, на первом этапе, возможна трансформация успешного

трансграничного сотрудничества с регионами Юго-Восточной Финляндии в еврорегион с участием Санкт-Петербурга и Ленинградской области, финансовой опорой которого стала бы программа ЕИСП «Юго-Восточная Финляндия — Россия» 2014–2020 гг. Параллельно необходимо активизировать весь имеющийся потенциал взаимодействия российских субъектов с Эстонией в рамках программы ЕИСП «Россия — Эстония», а также продолжить сотрудничество в трехстороннем формате по линии защиты морской среды Финского залива и Балтийского моря.

Следующим шагом на пути к трехстороннему сотрудничеству могла бы стать программа ЕИСП на период 2020–2024 гг., которая объединила бы потенциал трансграничных территорий России, Финляндии и Эстонии. В случае ее успешной реализации и нахождения совместных приоритетных направлений развития, предполагалось бы вхождение регионов Эстонии в российско-финский еврорегион, созданный на первом этапе. Преимуществом такого варианта развития событий стала бы постепенность и продвижение к институциональной структуре по мере достигаемых результатов.

Описанная модель сотрудничества основана на убеждении в том, что создание в конечном счете еврорегиона не должно изначально быть самоцелью регионов, инициативой «сверху», а призвано стать логическим оформлением сотрудничества при достижении определенного уровня кооперации.

Заключение. Использование механизмов работы еврорегионов приобретает особенную актуальность при изучении международного взаимодействия субъектов Северо-Западного федерального округа. Так, данная территория занимает уникальное геополитическое положение, обладает значительным потенциалом для установления внешних связей с приграничными европейскими государствами, и выполняет особую роль в развитии региональных интеграционных процессов между Россией и ЕС. Составляющие его субъекты федерации, в частности Санкт-Петербург и Ленинградская область, со своей стороны участвуют в трансграничном сотрудничестве, а более активные регионы, в данном случае речь идет о Республике Карелия, Псковской и Калининградской областях, развивают такую форму международной экономической интеграции, как еврорегион.

Для анализа процессов трансграничного регионального сотрудничества и формирования еврорегионов в данном исследовании использовались основные положения теории европейской интеграции, а именно неофункционализма. Процессно-ориентированный взгляд данной теории на межгосударственное взаимодействие дает объясне-

ние ряду явлений. Однако в результате исследования было выявлено, что существует некоторая ограниченность данной теории интеграции в исследовании опыта неевропейского регионального сотрудничества, которая объясняется невозможностью полной сопоставимости процессов взаимодействия на региональном уровне в ЕС и ситуации на границе России и ЕС. Кроме того, комплексный анализ региональных процессов на указанной территории позволяет говорить о том, что они представляют собой многомерное явление, которое в теоретическом плане не поддается строгому объяснению.

Принимая во внимание интеграционный потенциал Северо-Запада России, важным представляется правовое обеспечение региональной кооперации, которое должно являться основой для налаживания взаимовыгодных контактов. На данный момент существует очевидная слабость в развитии российского законодательства в сфере регулирования внешних связей регионов, и отсутствие законов, регламентирующих создание и функционирование форм организации трансграничной кооперации, в частности еврорегионов. В силу вышесказанного РФ идет по пути постепенной унификации существующего законодательства, разработанного Советом Европы и ЕС.

Однако нынешняя концентрация властных полномочий в руках федерального центра, а также возросшее административное регулирование международной деятельности регионов непосредственно сказывается на сотрудничестве, в том числе создает дополнительные препятствия для создания еврорегионов, хотя прямо не ограничивает трансграничные контакты российских регионов.

В тоже время реализация данной формы трансграничного сотрудничества тормозится, как представляется, по большей части на федеральном уровне нашей страны в силу скептического российский подход к созданию еврорегионов, основанного на неудачных примерах приграничного институционального сотрудничества, а также завышенных ожиданиях, которые не могут быть связаны с функционированием «малых» форм¹⁰ трансграничной интеграции.

Касаемо практической стороны сотрудничества России и Европейского Союза на региональном уровне, то необходимо констатировать тот факт, что на современном этапе невозможно представить дальнейшее развитие международной региональной активности субъектов Северо-Западного федерального округа, в частности Санкт-Петербурга

¹⁰ Кузнецов А. В. Еврорегионы: полвека «малой» интеграции // Современная Европа. 2008. №2. С. 56.

и Ленинградской области, без ориентации на сотрудничество с европейскими государствами, в данном случае с Финляндией и Эстонией.

Анализ трансграничных контактов Санкт-Петербурга и Ленинградской области с приграничными регионами Финляндии и Эстонии, а также участия данных субъектов в проектной деятельности в рамках Европейского Инструмента Соседства и Партнерства показывает, что, несмотря на результаты «санкционной войны» (приостановление диалога о безвизовом режиме, о новом базовом соглашении о сотрудничестве, о введении ограничительных мер торгового и финансового характера), приверженностью европейских регионов официальной позиции ЕС, диалог регионов ведется и направлен на выстраивание долгосрочного сотрудничества.

Конечно, не стоит отрицать того, что региональное сотрудничество может достаточно успешно осуществляться, не будучи институционально оформленным. Другими словами для экономических, инфраструктурных, экологических, культурных и других контактов с сопредельными территориями не обязательно формирование еврорегиона. Но, представляется, что подобная постоянная структура сотрудничества взяла бы на себя функцию разработки долгосрочного планирования развития сопредельных регионов, стала бы платформой для создания и последующей реализации совместных проектов. Действительно, во многом сейчас эта роль отводится программе «Юго-Восточная Финляндия — Россия», план которой разрабатывается до 2020 года. Однако, проектная деятельность, ограниченная временными рамками, не может быть альтернативной заменой постоянно действующей структуре. Помимо этого, модель такой кооперации была бы особенно выгодна Санкт-Петербургу и Ленинградской области, так как географически сконцентрировала бы двух важных европейских партнеров в единой структуре.

Представляется, что приграничное и межрегиональное сотрудничество является в большей степени деполитизированным, в меньшей степени зависимым от противоречий между ЕС и РФ на государственном уровне, что дает все основания для возможной корректировки форматов трансграничного взаимодействия российских и европейских регионов, в частности для создания еврорегиональных объединений на внешних границах ЕС. Тем более что Протокол №3 предлагает российской стороне готовый инструментарий для оформления подобных инициатив и их последующей реализации.

Стоит также отметить, что, несмотря на существующий правовой инструментарий Совета Европы, касающийся еврорегионов, в настоящее время на рассматриваемой территории нет возможности в полной

мере применить данные юридические рамки. Это связано с тем, что Протокол №3 к Европейской рамочной конвенции не подписали Финляндия и Эстония. В силу данного обстоятельства, на данный момент дальнейшая практическая реализация трансграничного сотрудничества в формате еврорегиона зависит только от воли государств.

Резюмируя вышесказанное, стоит акцентировать внимание на том, что развитие трансграничного сотрудничества, укрепление экономических, экологических, культурных и иных связей приграничными регионами Северо-Западного федерального округа является актуальной темой для дальнейших исследований. Задача эффективного использования потенциала соседства стоит как перед Россией в целом, так и перед ее субъектами в частности.

Для успешной реализации данной задачи России не достаточно участвовать в программах ЕИСП, инициированных ЕС. Необходимо формирование целенаправленной стратегии трансграничного сотрудничества, а также развитие федерального законодательства.

Теоретически слабое обоснование современных форм взаимодействия регионов на российско-европейской границе создает необходимость в разработке теории трансграничной регионализации, ориентированной на модернизацию региональной политики и практическое использование наиболее перспективных форм сотрудничества.

Литература

1. Вардомский Л. Б. Прозрачные границы: Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России; под ред. Вардомского Л. Б., Голунова С. В. М. — Волгоград: НОФМО, 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.obraforum.ru/book/chapter1.htm#note2> (дата обращения: 15.10.2016).
2. Дмитриева С. И. Лимология: учебное пособие. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008. 112 с.
3. Зверев Ю. М. Еврорегионы как форма приграничного сотрудничества // Космополис. 2005. №3(13). С. 74–81.
4. Кузнецов А. В. Еврорегионы: полвека «малой» интеграции // Современная Европа. 2008. №2. С. 48–59.
5. Отчет Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга о ходе реализации в 2012 году соглашений Правительства Санкт-Петербурга и исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга об осуществлении международного сотрудничества, международных и внешнеэкономических связей. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kvs.spb.ru/userfiles/2013/Soglasheniya.pdf> (дата обращения: 06.12.2016).

6. Федеральный Закон РФ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» № 4-ФЗ от 4 января 1999 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901723799> (дата обращения: 06.12.2015).
7. Additional Protocol to the European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.coe.int/fr/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007cdba> (дата обращения: 15.10.2016).
8. European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities. [Электронный ресурс]. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/106.htm> (дата обращения: 15.10.2016).
9. Joint Operational Programme of Estonia-Russia Cross-Border Cooperation Programme 2014–2020. [Электронный ресурс]. URL: http://www.estlatrus.eu/uploaded_files/EST-RUS/Adopted%20JOP_EE-RU_2014–2020.PDF (дата обращения: 22.11.2016).
10. Estonia-Latvia-Russia cross border cooperation Programme within European Neighborhood and Partnership instrument 2007–2013. // Estonia Latvia Russia. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.estlatrus.eu/eng/home/> (дата обращения: 20.11.2016).
11. Protocol No. 2 to the European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities concerning interterritorial co-operation. [Электронный ресурс]. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/169.htm> (дата обращения: 15.10.2016).
12. Protocol No. 3 to the European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities concerning Euroregional Co-operation Groupings (ECGs). [Электронный ресурс]. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/206.htm> (дата обращения: 13.01.2017).
13. Rosamond B. Theories of European Integration. Macmillan, Basingstoke, 2000. Pp. 50–77.
14. South-East Finland — Russia ENPI CBC Programme 2007–2013 // Programme Document. [Электронный ресурс]. URL: http://www.southeastfinrusnpi.fi/wp-content/uploads/sites/2/2013/10/SE-FI-RU-ENPI-Programme-document-19.12.2008-and-Addendum-3.12.2010-and-17_12_2010en.pdf (дата обращения: 15.10.2016).
15. South-East Finland — Russia CBC 2014–2020 // Programme Document. [Электронный ресурс]. URL: http://www.southeastfinrusnpi.fi/wp-content/uploads/sites/2/2013/12/South-East-Finland-Russia-CBC-2014–2020-JOP_EN.pdf (дата обращения: 06.12.2016).

THE PROSPECT OF CREATING A EUROREGION COMPRISING THE LENINGRAD OBLAST AND THE CITY OF ST. PETERSBURG

Ekaterina V. Bondarenko

Abstract. *The international cooperation of border regions is a significant factor of Russian and European development. It is given a brief review of the key aspects and features of the current condition of transborder cooperation between the Leningrad Oblast and the city of St. Petersburg with the neighboring regions of Finland and Estonia. Regional participation in the transborder interaction and such a form of cooperation as Euroregion analyses through the prism of the provisions of neofunctionalism. The main shortcomings of this theory in explaining of Russian realities are noted. The conclusion is that the application of European integration theory in the study of non-Western experience of regional cooperation has limitations. The bilateral contacts and international project activities of the city of St. Petersburg and the Leningrad Oblast with the regions of Finland and Estonia are studied. The practical component consists in the identification of the possibilities of forming a Euroregion comprising the city of St. Petersburg and the Leningrad Oblast. The main results are as follows.*

Cross-border contacts of St. Petersburg and Leningrad Region with the border regions of Finland and Estonia, as well as the participation of these entities in project activities under the European Neighbourhood and Partnership Instrument has shown that regional dialogue is aimed at building long-term cooperation. The optimal transformation model of the current cooperation in the institutionally formalized structure — Euroregion is also presented.

It seems that the cross-border cooperation is more depoliticized, less dependent on the contradictions between the EU and the Russian Federation on the state level. That gives every reason for a possible reviewing of cross-border cooperation's framework between Russian and European regions.

Key words: *Euroregion; cross-border cooperation; transborder region; regional policy; EU; Saint-Petersburg; the Leningrad Oblast.*

References

1. Vardomskij, L. B., Golunova, S.V. (2002). Prozrachnye granicy: Bezopasnost' i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v pojase novyh granic Rossii [Porous borders: The safety and international co-operation in the zone of new Russian borders]. Moskva. Volgograd: NOFMO. Retrieved 15, October 2016 from <http://www.ob-raforum.ru/book/chapter1.htm#note2>
2. Dmitrieva, S. I. (2008). Limologija: uchebnoe posobie [Limology: work book]. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskij centr Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta.

3. Zverev, Ju. M. (2005). Evroregiony kak forma prigranichnogo sotrudnichestva [Euroregions as a form of cross-border cooperation]. *Kosmopolis [Cosmopolis]*, 3(13), 74–81.
4. Kuznecov, A. V. (2008). Evroregiony: polveka «maloj» integracii [Euroregions: a half-century of “small” integration]. *Sovremennaja Evropa [Modern Europe]*, 2, 48–59.
5. Otchet Komiteta po vneshnim svjazjam Sankt-Peterburga o hode realizacii v 2012 godu soglashenij Pravitel'stva Sankt-Peterburga i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti Sankt-Peterburga ob osushhestvlenii mezhdunarodnogo sotrudnichestva, mezhdunarodnyh i vneshnejekonomicheskikh svyazej [Report of the External Relations Committee of St. Petersburg on the implementation in 2012 of agreements of St. Petersburg Government and the executive authorities of St. Petersburg on the implementation of international cooperation, international and foreign economic relations]. Retrieved 6 December, 2016 from <http://www.kvs.spb.ru/userfiles/2013/Soglasheniya.pdf>
6. Federal'nyj Zakon RF «O koordinacii mezhdunarodnyh i vneshnejekonomicheskikh svyazej sub'ektov Rossijskoj Federacii» № 4-FZ ot 4 janvarja 1999 g. [Federal Law of the Russian Federation “On Coordination of International and Foreign Economic Relations of the Russian Federation” № 4-FZ dated January, 4 1999]. Retrieved 6 December, 2016 from <http://docs.cntd.ru/document/901723799>
7. Additional Protocol to the European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities. Retrieved 15 October, 2016 from <http://www.coe.int/fr/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007cdba>
8. European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities. Retrieved 15 October, 2016 from <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/106.htm>
9. Joint Operational Programme of Estonia-Russia Cross-Border Cooperation Programme 2014–2020. Retrieved 22 November, 2016 from http://www.estlatrus.eu/uploaded_files/EST-RUS/Adopted%20JOP_EE-RU_2014–2020.PDF
10. Estonia-Latvia-Russia cross border cooperation Programme within European Neighborhood and Partnership instrument 2007–2013. Retrieved 20 November, 2016 from <http://www.estlatrus.eu/eng/home/>
11. Protocol No. 2 to the European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities concerning interterritorial co-operation. Retrieved 15 October, 2016 from <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/169.htm>
12. Protocol No. 3 to the European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities concerning Euroregional Co-operation Groupings (ECGs). Retrieved 13 January, 2017 from <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/206.htm>

13. Rosamond, B. (2000). Theories of European Integration. Macmillan, Basingstoke.
14. South-East Finland — Russia ENPI CBC Programme 2007–2013. Retrieved 15 October, 2016 from http://www.southeastfinrusnpi.fi/wp-content/uploads/sites/2/2013/10/SE-FI-RU-ENPI-Programme-document-19.12.2008-and-Addendum-3.12.2010-and-17_12_2010en.pdf
15. South-East Finland — Russia CBC 2014–2020. Retrieved 6 December, 2016 from http://www.southeastfinrusnpi.fi/wp-content/uploads/sites/2/2013/12/South-East-Finland-Russia-CBC-2014–2020-JOP_EN.pdf

Информация об авторе

Бондаренко Екатерина Владимировна

аспирантка Факультета международных отношений Санкт-Петербургского Государственного Университета

E-mail: eka.v-bondarenko@yandex.ru

Ekaterina V. Bondarenko

PhD student of St. Petersburg University, International Relations

E-mail: eka.v-bondarenko@yandex.ru

ИНТЕГРАЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ: ВОПРОСЫ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Л. Б. ВАРДОМСКИЙ

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы эволюции взаимных отношений России и стран «ближнего зарубежья» под влиянием формирующейся идентичности. Расхождение идентичностей сказывалось на экономических отношениях и, прежде всего, на взаимной торговле России и постсоветских партнеров. Более низкие темпы роста взаимной торговли по сравнению с ростом общего ВВП отражает постепенное уменьшение комплементарности их экономик. Постсоветские интеграционные проекты изначально были сориентированы на сохранение советского экономического наследия и оказались бесполезными с точки зрения эффективного вхождения хозяйства новых государств в глобальную экономику.*

Перспективы интеграционных процессов на постсоветской Евразии сильно зависят от того, как быстро Россия сможет осуществить модернизацию своей экономики и усилить экономические взаимодействия со странами региона на новой технологической основе. Акцент в сотрудничестве в рамках ЕАЭС должен быть перенесен с «латания» старой, унаследованной от советского времени, экономики — на создание новой. На этой основе возможен переход от дивергенции к конвергенции национальной идентичности.

***Ключевые слова:** Россия страны СНГ ЕАЭС идентичность модернизация интересы внешняя торговля комплементарность экономик интеграция.*

В 1991–2016 годы происходило не только становление новых независимых государств (ННГ), их рыночная и структурная трансформация, но и выстраивание взаимных отношений как суверенных государств. В системе этих отношений центральное место занимают отношения между РФ и другими ННГ. За прошедшую четверть века они были весьма противоречивы, поскольку менялись самооценка Россией и другими постсоветскими странами своего места в мире и состояние их экономик.

В ходе самооценки или формирования идентичности стран в системе международных отношений происходит выбор социо-культурных и внешнеполитических приоритетов, которые в наибольшей степени соответствуют задачам национальной модернизации. Одним из первых на связь идентичности и интеграции в контексте модернизации среди российских ученых обратил внимание Д. В. Тренина в своей статье «Идентичность и интеграция: Россия и Запад в XXI веке»¹¹.

Формирование идентичности России и других постсоветских государств происходило под влиянием экономической и политической динамики внутри стран и внешнем окружении и вызывало корректировку государственных интересов. Через призму этих интересов выстраивались взаимные отношения и создавались инструменты реагирования на возникавшие политические и экономические разногласия. Все это, так или иначе, сказывалось на их экономических связях. Противоречия между Россией и странами «ближнего зарубежья» хорошо отражает их отношение к постсоветским интеграционным проектам, включая и реализуемый сейчас проект евразийской интеграции.

Идентичность России и политика в отношении постсоветских государств

Политическая элита РСФСР выступила одним из главных инициаторов распада СССР. На первых порах суверенного существования она рассчитывала на быструю рыночную трансформацию и вхождение в евроатлантическое сообщество развитых государств в качестве полноправного члена. Политика же в отношении стран СНГ в 1990-е гг. определялась, с одной стороны, тяжелым социально-экономическим положением, внутренней политической нестабильностью, крайней слабостью государственных финансов, а с другой, — нежеланием давать повод Западу упрекать себя в стремлении воссоздать в какой-то форме СССР. Этого также хотели избежать постсоветские страны. Поэтому политика была импульсивной, рассчитанной на то, что совместное прошлое само по себе обеспечит скорую реинтеграцию. В условиях расходящихся политических и экономических интересов СНГ и несогласия ряда из них с претензиями России на лидерство в постсоветском регионе была выдвинута концепция разноскоростной и разноуровневой интеграции. Однако интеграционные проекты 1990-х годов (СНГ, Таможенный союз, Союзное государство и др.) продвигались в условиях формирования государственности и сильнейшего экономического спада и поэтому рассматривались, скорее, как механизмы смягчения

¹¹ Статья была опубликована в журнале Pro et Contra в 2004 г. в № 3.

социальных и экономических последствий распада единой в течение длительного времени страны.

Тогдашнее руководство России надеялось, что лояльное отношению к Западу станет своего рода «охранной грамотой» для ее интересов в «ближнем» зарубежье.

Финансовый кризис 1998 г., который стал результатом противоречивой внутренней экономической политики России, создал дополнительный импульс разрушения экономических связей с постсоветскими партнерами и еще более подпортил репутацию как страны способной консолидировать постсоветское пространство. В результате все без исключения страны СНГ, так или иначе, стали стремиться к «ослаблению экономической и политической зависимости от Москвы и к диверсификации своих внешних связей» [Торкунов, 1999, С. 288–290].

К концу 1990-х гг. (в период работы в правительстве РФ Е. М. Примакова) у руководства России возникло понимание того, что в евроатлантическом клубе избранных ее не рассматривают как равного партнера. С этого момента начинается переход страны к традиционной державной политике, осуществлять которую начнет В. В. Путин. Для того, что бы добиться баланса в отношениях с Западом на основе равенства, Россия после кризиса 1998 г. активизирует политику в отношении «ближнего зарубежья» с целью восстановить экономические, политические и социальные связи с новыми государствами при укреплении своей лидирующей роли¹². В этот период началась работа по реализации интеграционных проектов в форматах Союзного государства, ЕврАзЭС и Таможенного союза в составе РФ, Беларуси, Казахстана и Украины. Одновременно в 2000–2004 гг. РФ, признавая важность ЕС для модернизации своей экономики, пыталась выстроить отношения с ним, но исходя из своей самостоятельной роли на международной арене. Это подтверждает активное обсуждение в те годы проекта общего экономического пространства ЕС и РФ.

Однако быстрое продвижение ЕС и НАТО к границам России, «цветные революции» и напористая политика ЕС на восточном направлении заставило РФ «заморозить» идею «общего пространства», которая с точки зрения ЕС означала, прежде всего, переход РФ на институциональные нормы союза.

В этот период произошло разделение стран «ближнего зарубежья» по идентичности на проевропейские (Грузия, Молдова и Украина), проевразийские (Беларусь, Казахстан, Киргизия и Таджикистан) и нацио-

¹² Россия 2010. Российские трансформации в контексте мирового развития. Горбачев-Фонд, Фонд «Новая Евразия», МШЭ МГУ им. М. В. Ломоносова. М., Логос. 2010

нальные, при этом все стремились проводить многовекторную внешнюю политику.

С 2005 г. Россия стала реализовывать «прагматичный» подход к сотрудничеству со странами Содружества, что выразилось в сворачивании ценовых преференций на нефть и газ для стран СНГ и тем самым сокращении объемов субсидирования их экономик. Переход от льготных к рыночным ценам на природный газ, по сути, разрушил одну из главных экономических основ консолидации СНГ в период жесткой дезинтеграции. Использование рыночных цен на газ заметно ухудшило бюджетную ситуацию в странах — потребителях газа, понизило конкурентоспособность энергоемких предприятий, сократило финансовые ресурсы развития, стало одной из причин усиления экономических и политических противоречий между ними и Россией. Прагматичный подход сочетался с дифференцированным отношением к отдельным странам СНГ в зависимости от их готовности учитывать интересы политического руководства и бизнеса России.

Тем не менее, важным элементом новой политики РФ стала разработка программных документов развития СНГ и будущего ЕАЭС, создание новых институтов сотрудничества ЕАБР (2006 г.) и Антикризисный фонд (2009 г.), (с 2016 г. Евразийский фонд стабилизации), учреждение Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (2010 г.) и ЗСТ в рамках СНГ (2012 г.).

Россия через интеграцию стремилась сохранить тесные связи с «ближним зарубежьем», реализовать свою историческую роль как центра постсоветского пространства и одновременно позиционировать себя как равный Западу «центр силы». Это было важно с точки зрения стабильности геополитического положения, обеспечения безопасности России и ее самооценки как одного из центров мировой экономики и политики. В связи с этим постсоветское пространство рассматривается Россией как зона ее особых (привилегированных) интересов, что вызывало и вызывает резкое неприятие Запада, усматривающего в этом ее «имперские амбиции».

В результате столкновения геополитических интересов на постсоветском пространстве с 2008 г. происходило непрерывное ухудшение отношений РФ с США и ЕС, отражением которого стал майдан и государственный переворот на Украине. Кризис на Украине стал отражением политики Запада по сдерживанию или даже «разрушению России» [Киссинджер, 2015].

Эти события открыли новый этап отношений РФ со странами СНГ, характерной чертой которого является раскол постсоветского пространства по интеграционным приоритетам, в которых отражается

и цивилизационное позиционирование политических элит соответствующих стран.

Другая особенность нового этапа — все более активное продвижение Китаем и Турцией своих интересов в постсоветском регионе. В этом контексте сохраняется дисбаланс между политическими и экономическими интересами России в бывших союзных республиках. Если политические интересы сформулированы вполне понятно, то об экономических интересах этого не скажешь. Они до последнего времени имели производный характер от внешнеполитических и геополитических задач. Это вполне определенно отражает динамика их внешнеторговых связей.

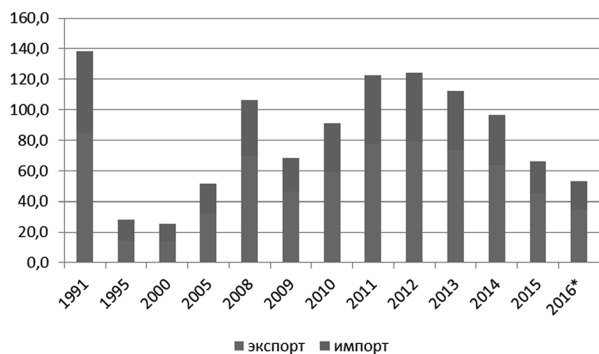
Ослабление взаимных торговых связей и их причины

На начальном этапе отношений России и ННГ произошло резкое сокращение взаимных торговых связей: за 1991–2000 гг. их объем сократился в 5 раз: с 138 млрд долл. до 26 млрд долл. (без учета неорганизованной торговли), а доля стран СНГ во внешней торговле России сократилась с 54,6% до 18,8%¹³. Это стало результатом тройного «шока»: жесткой дезинтеграции постсоветского пространства, распада рублевой зоны (1993 г.) и рыночной трансформации, сильно ослабивших унаследованную от СССР комплементарность экономик ННГ.

С началом второго этапа отношений в 2000–2004 гг. на фоне восстановительного роста взаимная торговля стала быстро увеличиваться (рис. 1). На третьем этапе (2005–2012 гг.) рост взаимных связей продолжился до кризисного 2009 г. После ощутимого спада их стоимостной объем вновь стал расти и в 2012 г. достиг 124 млрд долл. — рекордной величины в условиях суверенного существования, но все же уступавшей по объему 1991 г. При этом все эти годы доля стран СНГ во внешнеторговом обороте России находилась на уровне 14–15%.

Современный этап ознаменовался устойчивым падением взаимных связей, которые в 2016 г. по стоимостному объему откатились к 2005 г., а доля стран СНГ во внешней торговле РФ опустилась до 12%. И это падение скорее всего в ближайшие годы продолжится, хотя и меньшими темпами. Минэкономразвития РФ склонно объяснять эту ситуацию внешними факторами: падением мировых цен на сырьевые товары, санкциями и контрсанкциями, «украинским фактором», падением курса

¹³ 10 лет Содружества Независимых Государств: иллюзии, разочарования, надежды//Материалы международной научной конференции. ИМЭПИ РАН. М. 2001. С. 8–10. https://docs.google.com/viewer?url=http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/9dd9931d-3960-454c-a8db-ec6fc1ab4bfc/prognoz_2017_2019.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=9dd9931d-3960-454c-a8db-ec6fc1ab4bfc&embedded=true (дата обращения 24.01.2017)

*оценка автора

Рис. 1. Внешняя торговля России со странами СНГ в 1991–2016 гг., млрд долл.
Источники: Статкомитета СНГ, ФТС России.

рубля и т.п.¹⁴ Действительно, все это имеет место. Взаимный товарооборот России и Украины за 2014–2015 гг. сократился в 2 раза: с 22,5 до 12,3 млрд долл. Но сокращаться он начал в 2012 г. Максимальный взаимный товарооборот двух стран был достигнут в 2011 г. — 48,9 млрд долл. Всего за 2011–2016 гг. российско-украинская торговля сократилась более чем в 5 раз¹⁵.

В моем представлении динамика взаимного товарооборота России и «ближнего зарубежья» определялась как политическими, так и структурными факторами. Среди политических причин важным элементом сдерживания взаимной торговли были «торговые войны» в связи с противоречиями между Россией и транзитными Беларусью и Украиной по поводу распределения «сырьевой» ренты. В этом же ряду стоят торговые войны, связанные с ориентацией Грузии, Молдовы и Украины на ЕС, которые усилились во второй половине 2000-х годов.

Иными словами, прагматичная модель «доступ на российский рынок и льготные цены на энергоносители в обмен на лояльность» сдерживала развитие взаимных торговых связей. В том же направлении

¹⁴ Прогноз социально-экономического развития России на 2017 г. и на плановый период 2018–2019// Министерство экономического развития РФ/ [Электронный ресурс] URL: https://docs.google.com/viewer?url=http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/9dd9931d-3960-454c-a8db-ec6fc1ab4bfc/prognoz_2017_2019.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=9dd9931d-3960-454c-a8db-ec6fc1ab4bfc&embedded=true (дата обращения 24.01.2017)

¹⁵ Данные Государственной службы статистики Украины.

действовало стремление постсоветских партнеров ослабить свою экономическую зависимость от России. В свою очередь, помня об экономических последствиях недавнего распада СССР и стремлении ряда стран в НАТО и ЕС, Россия стремилась к сокращению зависимости от новых государств в наиболее критичных областях, прежде всего в оборонной промышленности.

В еще большей степени размывание советского экономического наследия происходило под влиянием международной конкуренции (она усилилась в связи с вступлением РФ (2012) и других стран СНГ в ВТО), при том, что новые производства в ходе взаимного сотрудничества по упомянутым причинам возникали в недостаточной степени, что бы компенсировать падение взаимных торговых связей. Торговые связи РФ и стран СНГ сталкиваются сегодня со структурными ограничениями, вытекающими из сырьевого характера их экономики. При этом топливно-энергетический сектор, выступая, прямо или косвенно, центральным фактором развития национальных экономик, порождает много противоречий в отношениях между странами. Время показало, что это скорее фактор дезинтеграции, чем драйвер интеграции.

Сотрудничество на основе углубляющихся межстрановых различий в сфере демографии, уровню доходов населения, ресурсов экономического роста, на основе межотраслевого разделения труда при отсутствии совместных механизмов содействия экономическому развитию отстающих стран не может иметь устойчивый, взаимовыгодный характер. Интеграционные проекты на постсоветском пространстве изначально были сориентированы на сохранение советского экономического наследия и оказались бесполезными с точки зрения эффективного вхождения новых государств в глобальную экономику.

В результате произошедших в ННГ структурных трансформаций, взаимная комплементарность экономик сильно сократилась. Для ее измерения был использован коэффициент торговой связанности (КТС), построенный на отношении взаимной торговли к общему ВВП исчисленному как отношение взаимной торговли РФ и ННГ к их общему ВВП взятому в текущих ценах и по текущим валютным курсам (данные МВФ). В 2000 г. это отношение составило 7,22%, в 2008 — 4,90%, в 2012 — 4,67% и в 2015 — 3,57%. КТС показывает, что общий ВВП стран растет быстрее чем взаимная торговля, а следовательно, относительное взаимодополнение их экономик сокращается.

Отметим, что тренд к снижению комплементарности реализовался в условиях, когда доля РФ в общем ВВП стран СНГ до 2012 г. увеличивалась. (табл.1). Структурно экономика России, хотя и менялась, но

Таблица 1

Изменение доли стран СНГ в общем ВВП (в текущих ценах)
за 1991–2015 гг., в %

Страны	1991	2000	2008	2012	2015	2015*
СНГ	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Азербайджан	1,3	1,5	2,2	2,5	2,9	2,9
Армения	0,8	0,6	0,5	0,4	0,6	0,6
Белоруссия	4,1	2,9	2,8	2,3	2,9	2,9
Грузия	0,9	0,9	0,6	—	—	0,7
Казахстан	4,2	5,2	6,1	7,7	10,1	9,9
Киргизия	0,9	0,4	0,2	0,2	0,4	0,4
Молдова	1,3	0,4	0,3	0,3	0,4	0,4
Россия	67,7	73,7	76,0	76,8	72,0	71,3
Таджикистан	0,6	0,3	0,2	0,3	0,4	0,4
Туркменистан	0,7	1,2	1,0	1,2	1,9	2,0
Узбекистан	3,0	3,9	1,4	1,8	3,5	3,6
Украина	14,5	9,0	8,7	6,5	4,9	4,9

*Данные Мирового банка.

Источник: Содружество независимых государств 1991–2015. Стат. сб. МГСК СНГ. М. 2016. С. 64.

за счет либо разворачивания сборочных производств, что в основном приводило к наращиванию торговых связей с третьими странами, либо импортозамещения, что тормозило импорт, прежде всего, из стран СНГ. В связи с этим, в 2000–2012 гг. потенциал России, как интеграционного ядра Евразии, не рос пропорционально росту ее экономики.

Сокращение комплементарности было связано также с более быстрым ростом экономики стран-экспортеров нефти и газа и упрощением экономики за счет производств, выпускающих продукцию с высокой степенью обработки. В результате этого доли стран с преобладанием обрабатывающей промышленности в общем ВВП заметно сократились, особенно Молдовы и Украины.

Рост экспорта России в страны СНГ в 2000–2008 гг. и 2010–2012 гг. преимущественно был связан с ростом мировых цен на энергоносители, а импорта — с ростом потребления товаров из стран на волне

Таблица 2

Машиностроительная продукция во внешней торговле России в 1995–2012 гг.

Годы	всего, млрд долл.		со странами СНГ, млрд долл.		доля стран СНГ в торговле машинами, %	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
1995	8,0	15,7	2,7	2,9	33,8	18,5
2000	9,1	10,7	2,4	2,6	26,4	24,3
2005	13,5	43,4	5,9	5,0	43,7	11,5
2008	22,8	141,0	11,5	11,8	50,4	8,4
2010	21,3	102,0	6,9	9,1	32,4	8,9
2012	26,5	157,0	10,3	15,4	38,9	9,8
2015	25,3	81,8	7,3	4,2	28,9	5,1

Примечание: здесь и далее (если не указано иначе) к машиностроительной продукции относится товарная группа «машины, оборудование и транспортные средства».

Источники: Россия в цифрах. 2012: Крат. стат. сб. / Росстат. — М., 2012; Россия в цифрах. 2013: Крат. стат. сб. / Росстат. — М., 2013; ФТС РФ 2014, 2015.

экономического роста. С ухудшением конъюнктуры объемы экспорта и импорта сокращались симметрично, сохраняя положительным сальдо в пользу России. В 1991 г. оно оценивалось в 31,9 млрд долл., в период спада оно сократилась до 1–2 млрд долл., но далее стало расти, достигнув в 2008 г. 33,2 млрд долл. и в 2012 г. — 34,3 млрд долл. На волне сокращения взаимной торговли положительное стало сокращаться: 24 млрд долл. в 2015 г. и около 16 млрд долл. в 2016 г. (оценка автора). Тем не менее, по объему оно заметно превышает поступление капиталов в страны из России по линии трудовых трансфертов и инвестиций, что создает для них большие платежные проблемы.

Либерализация взаимной торговли в виде двухсторонних режимов свободной торговли, зоны свободной торговли в рамках СНГ, запущенной в 2012 г., и создания в 2010 г. единого таможенного пространства в рамках ЕврАзЭС, в 2015 г. преобразованного в ЕАЭС, не смогла обеспечить устойчивый рост взаимной торговли.

Хотя, за годы суверенного существования взаимозависимость национальных экономик заметно уменьшилась, для партнеров по СНГ Россия остается крупным рынком с дифференцированным спросом, на

Таблица 3

Доля России в машиностроительном импорте стран СНГ и Грузии в 2001–2015 гг., %

Страны	2001	2005	2008	2010	2012	2014	2015
Беларусь	41,2	28,3	24,5	20,3	25,9	31,7	35,3
Казахстан	33,5	23,1	19,5	8,8	25,2	24,7	25,0
Украина	29,9	20,2	14,5	18,1	13,8	14,0	12,7
Киргизия	16,4	13,0	8,8	8,3	6,6	7,4	10,7
Армения	19,8	21,0	17,1	13,2	12,5	7,8	8,7
Узбекистан	14,4	19,8	16,0	12,8	11,0	11,4	8,2
Туркменистан	10,6	6,8	21,5	13,1	7,5	8,8	7,6
Азербайджан	7,2	13,5	13,8	12,7	6,1	5,1	4,7
Таджикистан	38,6	19,7	19,8	11,6	4,9	5,0	4,4
Молдавия	12,2	8,3	5,8	6,5	4,1	2,9	3,4
Грузия	5,2	8,6	3,0	2,1	1,4	1,5	2,3

Источник: Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Шурубович А.В. Сотрудничество России и стран СНГ в контексте модернизации национальных экономик //Белорусский экономический журнал. 2016.№4 С12.

котором можно найти спрос для своих товаров и услуг. Для России же партнеры по СНГ сравнительно небольшой рынок с низкой платежеспособностью и ограниченным инвестиционным потенциалом. Однако они важны как источник дешевой рабочей силы разной квалификации.

Асимметрия взаимных экономических связей и дисбаланс между политическими и экономическими интересами объясняет то, оставаясь стержнем постсоветской геополитической и геоэкономической конструкции, Россия не сформулировала привлекательную концепцию развития СНГ.

Экономическое лидерство России в регионе ограничивает сильная подверженность ее экономики «внешним» шокам. В периоды ухудшения мировой конъюнктуры это негативно сказывается на экономиках стран — партнеров через падение курса рубля и спроса на товары и рабочую силу. Темпы роста России в последние годы были значительно ниже, чем у многих постсоветских партнеров. Экономические перепады в России и проблемы с ростом заставляют ННГ географически диверсифицировать свои внешнеэкономические связи.

Ослабление экономических позиций РФ в постсоветском регионе отражает сильное падение за 2008–2016 гг. доли стран СНГ в машиностроительном экспорте и импорте России. Причем за 2012–2015 гг. сильно сократились и абсолютные объемы взаимной торговли машиностроительной продукцией. (Табл. 2). Основной вклад в это сокращение внес разрыв связей с Украиной.

За 2001–2015 гг. у всех стран произошло сокращение доли РФ в их машиностроительном импорте, что свидетельствует об ослаблении ее роли в модернизации национальных экономик. Причем наибольшее сокращение характерно для Таджикистана, Молдавии, Украины, Грузии и Армении — в два более раз. (Табл.3).

Объявив постсоветские страны зоной своих особых интересов, Россия оказалась недостаточно готова содействовать их экономическому развитию. Она фактически утрачивает свою историческую функцию модернизатора региона. Нынешнее экономическое состояние России можно объяснить ее попаданием в «ловушку среднего дохода» [Дянков, 2014], в которой оказались также, по-видимому, Азербайджан, Казахстан и Беларусь.

В ситуации, когда «интеграционные проекты и процессы модернизации национальных экономик фактически протекают обособленно» [Вардомский, Пылин, Шурубович, 2016 С. 14], необходима выработка новых подходов к взаимному сотрудничеству. Приток зарубежных технологий ускоряет модернизацию соответствующих отраслей, но объективно затрудняет координацию технологического обновления экономики в странах Содружества и производственную кооперацию, поскольку центры технологических и продуктовых нововведений находятся вне СНГ. Это затрудняет реальную интеграцию экономик, ослабляет интеграционные стимулы, подпитывает дивергенцию идентичностей России и ее постсоветских партнеров.

Широкие заимствования технологий из третьих стран, по нашему мнению, должны сочетаться с восстановлением собственной технологической основы интеграции, хотя бы в отдельных секторах производства. Одновременно должны развиваться интеграционные процессы в сфере услуг (образование, медицина, научные исследования и разработки), транспорта и логистики, финансовой и инновационной сферах.

Россия и ЕАЭС

Евразийский интеграционный проект пока не создал условий для устойчивого развития взаимных экономических связей стран-участниц, не стал фактором модернизации их экономик. На фоне низкой мировой конъюнктуры, экономического спада, уменьшения бюджетных доходов,

санкционной войны между РФ и западным блоком усилились противоречия внутри ЕАЭС.

В подоплеке роста противоречий лежат разные интересы и ожидания стран от реализации проекта ЕАЭС. Они обусловлены разными уровнями развития, структурами экономики и системами государственного управления, что воспроизводит протекционистское поведение стран в виде сохранения нетарифных барьеров. Страны ЕАЭС, лишенные значительных топливных ресурсов, прежде всего Беларусь, стремятся получать часть доходов от экспорта углеводородов, осуществляемых Казахстаном и Россией, поскольку именно с ними связаны финансовые ресурсы, которые можно направлять на развитие. Однако Казахстан и Россия в условиях неблагоприятной политической и экономической конъюнктуры не готовы делиться с другими участниками ЕАЭС своими топливными доходами.

При этом большинство стран-членов ЕАЭС хотели бы получать от РФ в разных формах геополитическую ренту, сохраняя свободу рук в проведении своей внешней политики. То есть Россия в своей сложной геополитической борьбе, оставаясь донором, не имеет должной политической поддержки.

Тем не менее, перспективы интеграционных процессов на постсоветской Евразии сильно зависят от того, как быстро Россия сможет осуществить модернизацию своей экономики и усилить экономические взаимодействия со странами региона на новой технологической основе. В силу технологической слабости и упрощению экономики ей настоящее время трудно выступать в качестве лидера евразийских интеграционных процессов. Но от динамики евразийской интеграции сильно зависит будущее всего постсоветского пространства и положение России в формирующейся полицентричной системе мира.

В связи с этим акцент в сотрудничестве в рамках ЕАЭС должен быть перенесен с «латания» старой, унаследованной от советского времени, экономики — на создание новой. А это вопрос согласованной модернизации национальной экономики в условиях ожидаемой четвертой промышленной революции. Для России это означает необходимость новых акцентов в интеграционной политике связанной с переходом к новой модели ее собственного развития. Речь идет о переходе от модели взаимодействия, построенной на принципе «преференции в обмен на лояльность» к модели «согласованной и совместной модернизации», о соединении процессов интеграции и модернизации национальной экономики.

Это необходимо также в контексте ухудшения отношений России с коллективным Западом и ограничений в получении от него новых технологий. Россия уже не может пренебрегать потенциалом сотрудни-

чества на постсоветском пространстве. Тем более, что азиатские члены СНГ сохраняют высокие темпы роста населения и экономики.

Главное место в политике качественных изменений в отношениях России и постсоветских государств занимает ЕАЭС. На фоне неровной динамики стоимостных объемов взаимной торговли машиностроительной продукцией в 2010–2015 гг. произошло увеличение доли РФ в машиностроительном ввозе Беларуси и Казахстане — ее главных партнеров по ЕАЭС (табл. 3).

В настоящее время в рамках ЕАЭС создаются институты, которые позволяют усилить координацию экономического развития. Она осуществляется на двусторонней основе, в рамках Союзного государства, ЕАЭС и СНГ. Координация имеет как информационный характер в ходе разработки национальных программ и стратегий развития, так и предметно-секторальный — в виде согласованных разработки новых продуктов, их производства и реализации. Координация и совместные действия возможны и на отдельных стадиях инновационного цикла. В этой связи может быть полезна идея «центров технологического превосходства» выдвинутая в Беларуси¹⁶, которая при реализации позволит более полно использовать преимущества креативной (на основе национальных технологических разработок) модернизации для самой Беларуси и для ее партнеров по ЕАЭС — России, Казахстана, Армении и Киргизии, а также заинтересованных стран СНГ.

Важным элементом координации и совместной деятельности становится кооперация в создании новых для стран производств. Такие предприятия совместно с РФ создаются в Казахстане. На базе Тихвинского вагоностроительного завода в Ленинградской области организуется совместная компания, которая будет иметь производства в Казахстане и России, что позволит увеличить выпуск новых вагонов различного назначения. «В Казахстане организовано сборочное производство комбайнов компании «Ростсельмаш», которое будет выпускать 500 комбайнов в год. В Усть-Каменогорске при участии тольятинского «Автоваза» создается предприятие полного цикла мощностью в 120 тыс. автомобилей в год» [Вардомский, Пылин, Шурубович, 2016, с.14].

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) работает над налаживанием коммуникаций стран по поводу стратегий их развития. Одной из ведущих становится координация промышленной политики. В мае

¹⁶ Программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 года. Утверждена Постановлением Совета Министров РБ 05.07.2012 № 622.

2013 г. на уровне глав-правительств были приняты «Основные направления координации национальной промышленной политики», а в сентябре 2015 г. — «Основные направления промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС». В них определяются следующие форматы движения по пути совместной или согласованной модернизации: координация национальных промышленных политик, евразийские технологические платформы, формирование евразийской сети трансфера технологий, инжиниринговые центры, ассоциации отраслевых производителей (по типу ассоциации фармацевтических производителей), цифровая трансформация промышленности и переход к цифровой экономике.

Евразийские технологические платформы (ЕТП) призваны организовать новую кооперацию в производстве новых продуктов. Это кооперация заинтересованных стран в научно-технической, инновационной и производственной сферах. ЕТП формируются посредством сотрудничества бизнеса (отраслевые промышленные предприятия, государственные компании), науки (научно-исследовательские институты, университеты, иные образовательные учреждения), государства (институты развития, профильные государственные органы) и общественных организаций (отраслевые ассоциации и объединения) государств-членов ЕАЭС. На основе секторально-отраслевых платформ с активным участием российских компаний совместно будут разрабатываться новые технологии и продукты, формироваться рынки этих продуктов¹⁷.

Формирование евразийских технологических платформ — первый важный шаг в направлении усиления ориентации интеграции на модернизацию. В них заложен потенциал новой проэкспортной политики и политики на импортоопережение. Теперь важно, что бы эту инициативу ЕЭК активно поддержали российские ведомства (включили в свои планы и бюджеты), бизнес и его организации, учреждения науки, банки. Развитие горизонтальных связей фактически запустило бы механизмы проектной интеграции, которых не хватало до сих пор. Если эти механизмы заработают, то начнется саморазвитие интеграционного процесса. Пока же он в основном базируется на интеграционном энтузиазме высших должностных лиц государств — участников. В то время как интеграционные действия должны происходить и на других уровнях государственного и регионального управления, бизнеса и некоммерческих организаций.

¹⁷ Промышленная политика ЕАЭС: от создания к первым результатам. Ред. Сидорский С.С./ ЕЭК. М. 2015. С. 36–37

Успехи согласованной и совместной модернизации будет определяться нахождением баланса между свободой предпринимательской деятельности на всем интеграционном пространстве и национальными интересами, между национальной идентичностью и идентичностью интеграционного объединения. О них будет свидетельствовать развертывание новых производств на основе межгосударственной кооперации и координации и одновременно формирование их рынков сначала в пределах ЕАЭС, СНГ, а затем и третьих стран.

Литература

1. Современные международные отношения. Ред. академик А. В. Торкунов. М. РОСПЭН. 1999.
2. Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Шурубович А.В. Сотрудничество России и стран СНГ в контексте модернизации национальных экономик //Белорусский экономический журнал. 2016. №4. С. 4–16.
3. Дянков С. Как не попасть в ловушку среднего дохода /Forbes. 06.02.2014//
4. [Электронный ресурс] URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurentsya/250548-kak-ne-popast-v-lovushku-srednego-dokhoda> (дата обращения 27.01. 2017).
5. Г.Киссинджер: целью Запада является разрушение России. Взгляд. Деловая газета. [Электронный ресурс] URL: <http://vz.ru/news/2015/8/19/762145.html> (дата обращения 27.01.2017)

INTEGRATION AND IDENTITY: QUESTIONS OF THE RELATIONS OF RUSSIA AND NEW INDEPENDENT STATES

Leonid B. Vardomskiy

Abstract. *Problems of evolution of the mutual relations of Russia and of near “neighboring countries” under the influence of the formed identity are considered. The discrepancy of identity affected the economic relations and, first of all, mutual trade of Russia and Post-Soviet partners. Lower growth rates of mutual trade in comparison with growth of the overall GDP are reflected by gradual reduction of a complementarity of their economies. Post-Soviet integration projects were initially oriented on preservation of the Soviet economic heritage and were useless for effective entry of the new states economy into a global economy.*

The prospects of integration processes on Post-Soviet Eurasia strongly depend on how quickly Russia will be able to carry out modernization of the economy and to strengthen economic interactions with the countries of the region on a new technological basis. The accent in cooperation within EEU has to be

postponed from “patching” old, inherited from Soviet period, economy — for creation new. On this basis transition from divergence to convergence of national identity is possible.

Keywords: *Russia The CIS Countries EAEU Identity Modernization Interest Foreign trade Complementarity of economies Integration.*

References

1. Torkunov A. V. [ed] (1999) *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya* [Modern international relations], Moscow: Editorial ROSPEN.
2. Vardomskiy L. B., etc. (2016) *Sotrudnichestvo Rossii i stran SNG v kontekste modernizatsii nacionalnykh economic* [Cooperation between Russia and The CIS countries in the context of modernization of the national economies] *Belorusskiy ekonomicheskii zhurnal*. № 4. P. 4–16.
3. Diankov S. *Kak ne popast v lovushku sredniego dochoda* [How not to get to a trap of the average income] *Forbes*. 06.02.2014// [Digital resource] URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurentsia/250548-kak-ne-popast-v-lovushku-srednego-dokhoda> (address date 27.01. 2017)
4. G. Kissinger: *celju zapada javljaetsya razrushenie Rossii* [G. Kissinger: the purpose of the West is a destruction of Russia] *Vzglyad. Delovaja gazeta*
5. [Digital resource] URL: <http://vz.ru/news/2015/8/19/762145.html> (address date 27.01.2017)

Информация об авторе

Вардомский Леонид Борисович

Доктор экономических наук,
профессор, заведующий центром Института экономики РАН
Россия

E-mail: wardom@yandex.ru

Leonid B. Vardomskiy

Doctor of Economics, Professor,
Head of the center, RAS Institute of economy
E-mail: wardom@yandex.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ДЛЯ ОЦЕНКИ ВОЗМОЖНОГО ЭФФЕКТА РОСТА ИМПОРТА ПРОМЫШЛЕННЫХ ТОВАРОВ РОССИИ ИЗ ИЗРАИЛЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ СОКРАЩЕНИЯ ТАРИФНЫХ И НЕТАРИФНЫХ БАРЬЕРОВ

К. М. ПУЗАНКОВ

***Аннотация.** В условиях ограничения возможности увеличения таможенных тарифов у государств-членов ВТО появляется новый запрос на количественную оценку эффектов от отмены нетарифных мер. Особое значение такие оценки приобретают на предварительной стадии формирования переговорной позиции перед заключением соглашений о зонах свободной торговли. В настоящем исследовании анализируется возможность применения эконометрических методов для получения оценок влияния сокращения тарифов и отмены нетарифных мер на рост импорта. Влияние вышеуказанных мер торговой политики на импорт из Израиля в Россию оценивалось с использованием двухэтапной методологии. Методология разрабатывалась при наличии предположения о равенстве коэффициентов эластичности импорта России из Израиля средним оценкам эластичности импорта товаров из Израиля в двести двадцать четыре страны мира. На первом этапе методологии были разработаны критерии выбора наиболее интересных промышленных товаров на уровне шести знаков Гармонизированной системы 2012. На втором этапе были произведены оценки коэффициентов регрессии по тарифам, нетарифным мерам, и другим факторам гравитационных моделей. Три модификации гравитационных моделей использовались для оценок: регрессия на основе метода наименьших квадратов, регрессия Пуассона и двухэтапный метод Хекмана. Оценки гравитационных моделей с лучшими тестами статистики отбирались для каждого продукта, выбранного ранее на первом этапе алгоритма. Впоследствии были рассчитаны адвалорные эквиваленты нетарифных мер. Более девяти тысяч наблюдений проанализировано для каждого фактора моделей.*

Ключевые слова: *гравитационные модели, нетарифные меры, панельные данные.*

Введение. Распространение нетарифных мер в качестве инструментов торговой политики обуславливает необходимость новых специализированных исследований, направленных на оценку их экономических последствий.

Особенно актуальным представляется проведение анализа влияния тарифов и нетарифных барьеров на изменение импорта промышленных товаров в контексте переговоров о заключении зоны свободной торговли России и Израиля.

В результате анализа работ российских и зарубежных авторов было выявлено два концептуально различных подхода оценки влияния нетарифных мер.

Первый исследуемый метод, а именно метод ценового разрыва, реализуется посредством анализа изменения цен в результате имплементации нетарифных мер в сравнении с ценами, действующими до их введения. Применение указанного метода описано в частности в работе авторов Кадот и Гурдона. Как подчеркивают сами авторы указанной работы: «существует несколько хорошо известных проблем с использованием метода ценового разрыва. Один из ключевых вопросов связан с наличием и сопоставимостью данных о ценах» [Cadot/Gourdon, 2015, с. 4].

Другими словами, один из недостатков метода связан со сложностью получения достаточной информации о ценах товаров на внутреннем рынке, в том числе в условиях отсутствия нетарифных мер.

Кроме того, в некоторых других работах, описывающих применение вышеуказанного метода, информация для анализа цен, как правило, была ограничена данными по сельскохозяйственным продуктам для небольшого набора стран.

Внутренние цены на затронутые нетарифными мерами товары по вышеуказанному методу часто напрямую сравнивались с мировыми ценами аналогичных товаров. При таком сравнении в ряде случаев не учитывалось возможное влияние различий в качестве товаров, реализуемых на внутреннем и внешнем рынках стран, вводящих ту или иную нетарифную меру.

Другой подход оценки нетарифных мер реализуется посредством применения эконометрических методов, в частности, гравитационных моделей международной торговли. Значительный вклад в развитие эконометрического моделирования для оценки влияния нетарифных мер сделали авторы Ки, Никита, Оларега.

Описывая эффекты от реализации нетарифных мер, указанные авторы исходили из предпосылок, что нетарифные меры являются скорее

взаимозаменяемыми по отношению к тарифам, а также, что они могут оказывать скорее отрицательное влияние на международную торговлю. Так, по мнению авторов: «Страны становятся богаче, когда ограничения нетарифными мерами становятся прозрачнее. Это говорит о том, что в целом тарифы и адвалорные эквиваленты нетарифных мер являются взаимозаменяемыми, а не взаимодополняемыми, в то время, как доля нетарифных мер как правило становится выше, когда уровень тарифов сокращается» [Kee/Nicita/Olarega, 2008, с. 23].

В свою очередь, в публикации Бегина, Марет и Тонгерена было показано, что в условиях несовершенства рынка нетарифные меры могут оказывать не только негативное влияние на ход международной торговли, но и способствовать увеличению благосостояния граждан страны, введившей такие меры. Авторы отмечали: «Многие нетарифные меры могут ограничивать торговлю, но также они могут улучшить благосостояние в присутствии негативных внешних факторов или информационной асимметрии. Другие нетарифные меры могут приводить к расширению торговли, так как они могут способствовать увеличению спроса на товар благодаря наличию более полной информации о товаре, или за счет улучшения характеристик товара.» [Beghin/Marette/Tongereren, 2009, с. 13].

Стоит отметить также работы российских специалистов А. Кнобеля и В. Идрисовой, выполнивших в Институте экономической политики имени Е. Т. Гайдара оценку параметров гравитационных моделей импорта в зависимости от изменения тарифов (А. Кнобель) и в зависимости от изменения нетарифных мер (В. Идрисова).

А. Кнобель на основе эмпирических исследований установил взаимосвязь между уровнем тарифной защиты и ценой иностранной продукции. Как отмечает автор: «Уровень тарифной защиты повышает цену иностранной продукции. В то же время чем выше номинальный обменный курс (количество долларов за один рубль), тем при прочих равных условиях ниже цена импорта и тем больше отечественное производство нуждается в защите. В связи с этим согласно гипотезе общественных интересов естественно ожидать положительное влияние номинального обменного курса на уровень средневзвешенного тарифа.» [Кнобель, 2010, с. 147].

В. Идрисова производила эмпирическую оценку чувствительности физического объёма импорта к различным нетарифным мерам регулирования внешней торговли для России. Автор выявила существенное значимое влияние нетарифных мер на объёмы импорта различных товаров. По мнению Идрисовой «существенное различие во влиянии нетарифных мер на объёмы импорта может быть объяснено за счет

различной степени проникновения импорта и различной доли товаров в группе, попадающей под действие меры» [Идрисова, 2011, с. 113–114].

Теоретическое основание исследования. Проводя сравнительный анализ вышеуказанных подходов, можно прийти к выводу о преимуществе применения гравитационного метода по сравнению с методом сравнительного анализа цен, что связано с его гибкостью и большими возможностями по формированию оценок эластичности.

Так, в отличие от данных, необходимых для применения метода сравнительного анализа цен, все данные, необходимые для оценок гравитационной модели, имеются в открытом доступе. Кроме того, применение гравитационного метода позволяет получать оценки эластичности импорта, используя данные по многим странам с учётом динамики изменения зависимых переменных модели во времени.

Тем не менее, применение подхода гравитационного моделирования для последующей оценки нетарифных мер также имеет свои недостатки. Как и метод сравнения цен, этот подход не отличается качеством отечественных товаров от качества иностранных товаров, что может частично исказить оценки коэффициентов эластичности импорта по нетарифным мерам и тарифам.

Признавая преимущества и недостатки обоих подходов, в рамках решения поставленной задачи был выбран метод гравитационного моделирования для последующего формирования модели эластичности импорта России из Израиля.

Исследование: основная часть. В целях получения оценок эластичности импорта по тарифам и нетарифным мерам было использовано предположение о равенстве коэффициентов эластичности импорта России из Израиля средним оценкам эластичности экспорта товаров из Израиля в 224 страны мира.

Методология оценки и источники данных. Оценки возможного эффекта роста импорта России из Израиля в результате сокращения тарифных и нетарифных барьеров проводились посредством построения гравитационных моделей торговли по алгоритму, представленному на рисунке 1.

Как видно из рисунка, алгоритм оценок гравитационной модели состоит из двух основных этапов: отбора товаров, необходимых для дальнейшего построения моделей регрессии и непосредственно получения самих оценок регрессии. Рассмотрим указанные этапы более подробно.

1 этап. Методология отбора товаров. В целях получения количественных оценок влияния сокращения тарифных и нетарифных барьеров на рост импорта России из Израиля на первом этапе про-

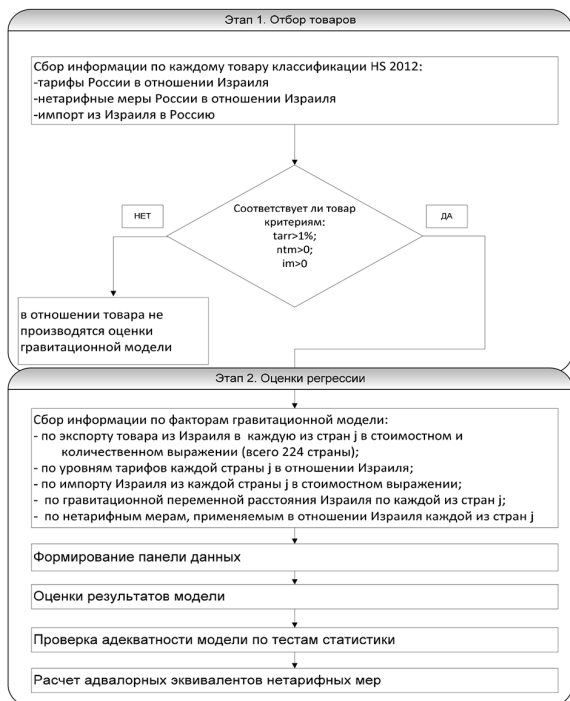

Рис. 1. Алгоритм оценок гравитационной модели

водился отбор товаров, в отношении которых впоследствии были рассчитаны коэффициенты эластичности импорта по тарифам и нетарифным мерам.

Отбор товаров на уровне 6 знаков гармонизированной системы HS 2012 формировался по промышленным товарам при условии соблюдения в отношении отдельно взятого товара одновременно всех трех нижеперечисленных критериев:

1. наличие ненулевого импорта товаров из Израиля в Россию за период с 2012 по 2015 гг.;
2. применение в отношении товара, импортируемого из Израиля в Россию, импортного тарифа на уровне более 3%;
3. применение в отношении товара, импортируемого из Израиля в Россию, нетарифных мер.

В результате анализа товарных позиций по всей номенклатуре товаров, экспортируемых Израилем в Россию, выявлено 11 товарных пози-

ций (параметр k в гравитационных моделях), по которым в дальнейшем проводились оценки эластичности импорта.

2 этап. Спецификации модели оценки эластичности импорта товаров из Израиля в Россию в зависимости от изменения тарифов и нетарифных мер.

На втором этапе выполнены оценки гравитационной модели, учитывающие чувствительность импорта товаров из Израиля в Россию в зависимости от изменения тарифов и нетарифных мер.

Оценки гравитационной модели сформированы на базе методологии ЮНКТАД¹⁸ и впоследствии адаптированы под задачи выявления эластичности импорта товаров из Израиля в Россию с учётом опыта российских и зарубежных авторов, описанного выше.

Оценки регрессии по промышленным товарам проводились с учётом

$$\ln(eq_{isr-j,t}^k) = a_1^k \ln(1 + tar_{j,t}^k) + a_2^k \sum_{m=1}^m NTB_{j,t}^k + a_3^k \ln(rasst)_{isr-j,t}^k + a_4^k \ln(im)_{isr-j,t}^k + y_{12} + y_{13} + y_{14} + y_{15} + \varepsilon \quad (1),$$

$\forall m; m \in [QB, TBT]$, где:

QB — количественные ограничения;

TBT — технические барьеры торговли.

Оценка нетарифных мер производилась посредством добавления в модель дамми-переменных:

$$NTB = \begin{cases} 1 & \text{если Россия применяла нетарифные меры в отношении} \\ & \text{Израиля по продукту } k; \\ 0 & \text{если Россия не применяла нетарифные меры по отношению} \\ & \text{к Израилю по продукту } k \text{ в период } t. \end{cases}$$

Как отмечалось выше, ключевым допущением модели является равенство оценок эластичности импорта из Израиля в Россию средним оценкам эластичности импорта товаров по всем странам мира из Израиля, или, что эквивалентно, средним оценкам эластичности экспорта товаров из Израиля в каждую страну j .

Также в расчетах использовалась модификация модели с добавлением переменной прокси-цены товара, сформулированной в работе Идрисовой и модифицированной в целях выполнения задач указанного раздела до вида:

$$\ln(eq_{isr-j,t}^k) = a_1^k \ln(p_{j,t}^k) + a_2^k (1 + tar_{j,t}^k) + a_3^k NTB_{j,t}^k + a_4^k \ln(rasst)_{isr-j,t}^k + a_5^k \ln(im)_{isr-j,t}^k + y_{12} + y_{13} + y_{14} + y_{15} + \varepsilon \quad (2)$$

¹⁸ Unctad. (2013). Non-tariff measures to trade: Economic and policy issues for Developing countries. Retrieved 20 January, 2017 from http://unctad.org/en/Publication-Library/ditctab20121_en.pdf

В отличие от формулировок моделей 1 и 2, условия модели 3 содержат оценки экспорта Израиля в количественном выражении, а также позволяют оценивать фактор изменения прокси-цены (удельной стоимости) товара, рассчитываемой в соответствии с формулой 3.

$$p_j^k = v_{isr-j}^k / eq_{isr-j,t}^k \quad (3), \text{ где:}$$

p_j^k — прокси цена (удельная стоимость) товара;

v_j^k — экспорт товара k из Израиля в страну j в стоимостном выражении;

жени;

$eq_{isr-j,t}^k$ — экспорт товара k из Израиля в страну j в количественном выражении.

Ключевым источником формирования данных по нетарифным мерам третьих стран по отношению к Израилю являлась база данных нотификаций нетарифных мер интегрированного портала торговли I-TIP Всемирной торговой организации¹⁹ (далее — WTO).

Всего из базы I-TIP WTO было проанализировано 8290 нетарифных мер (источник I-TIP WTO) с описанием кодов по этим мерам в 5498 случаях (67 %).

Данные по среднеарифметическим уровням тарифов России в отношении Израиля, а также Израиля в отношении третьих стран по отдельным товарам формировались на основе базы данных анализа тарифов ТАО WTO. Всего было проанализировано более 2000 тарифных линий по каждому году за период с 2012 по 2015 гг.

Данные по экспорту товаров из Израиля в страны j , а также по импорту товаров из каждой страны j в Израиль, как в стоимостном, так и в количественном выражении, формировались из базы данных UN Comtrade²⁰. Расчет переменных удельной стоимости товаров производился по данным UN Comtrade.

Данные по расстоянию Израиля и каждой из стран j формировались из базы гравитационных переменных CEPPII²¹.

Всего было проанализировано более 9000 наблюдений по каждому из факторов модели.

Параметры гравитационной модели (коэффициентов эластичности) рассчитывались на 6-знаках по классификации HS-2012 с использованием следующих регрессий:

¹⁹ WTO Integrated Trade Intelligence Portal (I-TIP). Retrieved 20 January, 2017 from <http://i-tip.wto.org/>

²⁰ International Trade Statistics Database UN Comtrade. Retrieved 20 January, 2017 from <http://comtrade.un.org/>

²¹ French research center in international economics CEPPII. Retrieved 20 January, 2017 from: <http://www.cepii.fr/>

- множественной регрессии на основе обычного метода наименьших квадратов (оценки МНК или OLS);
- регрессии Пуассона на основе метода псевдомаксимального правдоподобия (Poisson Pseudo Maximum Likelihood, PPML);
- регрессии с двухуровневыми оценками методом Хекмана.

1) *Оценки множественной регрессии на основе обычного метода наименьших квадратов.*

Метод наименьших квадратов (МНК) основан на минимизации суммы квадратов отклонений функции от искомым переменных и является одним из базовых методов регрессионного анализа для оценки неизвестных параметров по выборочным данным.

В целях получения оценок эластичности уравнение регрессии МНК было сформулировано в следующем виде:

$$\ln(ev_{isr-j,t}^k) = a_1^k \ln(1 + tar_{j,t}^k) + a_2^k NTB_{j,t}^k + a_3^k \ln(rasst)_{isr-j,t}^k + a_4^k \ln(im) + y_{12} + y_{13} + y_{14} + y_{15} + \varepsilon \quad (4),$$

при выполнении условия:

$$\sum \varepsilon^2 = \sum (y_{isr-j,t} - f(p, (1+t), NTB, rasst, im))^2 \rightarrow \min \quad (5)$$

В целом применение указанного метода показало достаточно надежные оценки наблюдаемых параметров. Преимуществом метода является простота получения и интерпретации результатов. Недостаток оценок МНК связан с невозможностью учёта параметров регрессоров²², по которым наблюдаются пропущенные данные экспорта товаров, а, следовательно, возможны искажения оцениваемых параметров.

2) *Оценки на основе метода псевдомаксимального правдоподобия Пуассона.*

Метод псевдомаксимального правдоподобия Пуассона для оценивания параметров гравитационной модели был предложен в работе [Silva/Tenreyro, 2006, с. 642–658] и стал весьма популярен среди исследователей в силу ряда преимуществ.

Преимущества использования регрессии Пуассона связаны с обеспечением более корректных оценок за счет использования информации о регрессорах в случае наличия нулевых потоков экспорта. Кроме того, использование регрессии Пуассона позволяет получать корректные оценки эластичности в условиях гетероскедастичности, т.е. неоднородности наблюдений, выражающейся в неодинаковой (непостоянной) дисперсии случайной ошибки, которая достаточно часто встречается при формировании панели данных гравитационной модели.

²² тарифы, нетарифные меры, расстояние.

К недостаткам модели следует отнести возможные смещения оценок в случае, когда большинство наблюдений являются цензурированными (т.е. если большинство наблюдений равны 0).

Далее решение проблемы учёта нулевых потоков экспорта с применением метода псевдомаксимального правдоподобия Пуассона рассматривается более подробно.

Общий вид регрессии Пуассона для каждого товара k может быть представлен следующим образом:

$$E(e_{j,t}^k) = \exp(a_1^k \ln(1 + \text{tar}_{j,t}^k) + a_2^k \ln(\text{rasst})_{\text{ISR}-j,t}^k + a_4^k \ln(\text{im})_{j,t}^k) \text{NTM}_{\text{ISR}-j,t}^{a_2} + \varepsilon \quad (6),$$

где:

$E(e_{j,t}^k)$ - математическое ожидание экспорта товара k из Израиля в страну j

ε — среднее значение ошибки регрессии, которая не зависит от факторов

Формула 6 может быть записана в виде:

$$E(e_{j,t}^k) = \exp(a_1^k \ln(1 + \text{tar}_{j,t}^k) + a_2^k \ln(\text{rasst})_{\text{ISR}-j,t}^k + a_4^k \ln(\text{im})_{j,t}^k) \text{NTM}_{\text{ISR}-j,t}^{a_2} u_{\text{ISR}-j,t}^k \quad (7)$$

В случае если все значения экспорта отличны от 0, модель 7 может быть переформулирована в линейном виде:

$$\ln(e_{\text{ISR}-j,t}^k) = a_1^k \ln(1 + \text{tar}_{j,t}^k) + a_2^k \ln(\text{rasst})_{\text{ISR}-j,t}^k + a_4^k \ln(\text{im})_{\text{ISR}-j,t}^k + u_{\text{ISR}-j,t}^k \quad (8)$$

Очевидно, что модель 8 может иметь решение только при наличии ненулевых экспортных потоков.

Так как значения $e_{j,t}^k$ могут принимать и нулевые значения и значения, отличные от нуля, формулировка модели (9) позволяет решить проблему нулевых потоков.

$$E(e_{j,t}^k) = \exp(a_1 \ln(1 + \text{tar}_{j,t}) + a_3 \ln(\text{rasst})_{\text{ISR}-j,t} + a_4 \ln(\text{im})_{j,t} + a_2 \text{NTM}_{\text{ISR}-j,t} + u \quad \dots \dots (9)$$

Результаты оценок регрессий МНК и Пуассона были получены с использованием функции GLM log Poisson статистического пакета программного обеспечения Stat Soft.

Необходимо отметить, что оценки регрессии Пуассона показали наиболее значимые результаты тестов статистики²³.

3) Двухуровневые оценки Хекмана.

Применение двухуровневых оценок Хекмана так же, как и в случае с регрессией Пуассона, обусловлено необходимостью корректировок регрессоров, содержащих информацию об их вариациях при условии равенства экспорта 0.

²³ по критерию крайнего пессимизма Вальда и р-значения (вероятности ошибки при отклонении от нулевой гипотезы об отсутствии взаимосвязи или корреляции между исследуемыми переменными).

Общий вид уравнения двухуровневых оценок Хекмана сформулирован в работе Годси, Грублера и Стехрера²⁴.

Для выполнения задач настоящего исследования вышеуказанное уравнение было модифицировано до вида:

$$\ln(\text{ev}_{\text{isr}-j}^k | \text{ev}_{\text{isr}-j}^k > 0) = a_1^k \ln(1+t) + a_2^k \ln \text{NTB} + a_3^k \ln(\text{rasst}) + a_4^k \ln(\text{im}) + y_{12} + y_{13} + y_{14} + y_{15} + u \quad (10),$$

при выполнении условия:

$$\text{prob}(\text{ev}_{\text{isr}-j}^k > 0) = b_1^k (1+t) + b_2^k \text{NTB} + b_3^k (\text{rasst}) + b_4^k (\text{rasst}) + y_{12} + y_{13} + y_{14} + y_{15} + e \quad (11)$$

Расчеты двухуровневых оценок Хекмана проводились с использованием функции Heckman two-step selection статистического пакета программного обеспечения Eviews.

Как видно из формул (10) и (11), в рамках применения метода двухуровневых оценок Хекмана, модель была разделена на две составляющие: модель бинарного выбора участия и линейную модель интенсивности участия.

Критерием бинарного выбора участия являлась оценка вероятности ненулевых потоков экспорта из Израиля в страны j в стоимостном выражении, которая оценивалась на первом шаге указанного метода.

На втором шаге производились оценки коэффициентов линейной регрессии, входящих в оценку факторов.

После получения оценок регрессии каждым из методов, выбирались оценки с лучшими тестами статистики. По результатам выбора лучших оценок рассчитывались адвалорные эквиваленты нетарифных мер (AVE) по формулам:

$$\text{AVE}_{\text{isr}-j,t}^k = a_{\text{ntm}}^k / a_{(1+\text{tarr})}^k \quad (12),$$

$$\text{AVE}_{\text{isr}-j,t}^k = (\exp(a_{\text{ntm}}^k) - 1) / a_{(1+\text{tarr})}^k \quad (13)$$

Модификация формулы, аналогичной расчету адвалорных эквивалентов по формуле 12 использовалась в работе зарубежных авторов Годси, Грублера и Стехрера, по формуле 13 — в работе В Идрисовой. Стоит отметить, что расчеты адвалорных эквивалентов нетарифных мер по формулам (12) и (13) показали схожие результаты с одинаковыми знаками по одним и тем же товарам.

²⁴ Ghodsi M., Grübler J., Stehrer R. (2016) Assessing the Impact of Non-Tariff Measures on Imports, pp. 8–10. Retrieved 18 January, 2017 from http://cepr.org/sites/default/files/2486_GRUEBLER%20-%20Assessing%20the%20Impacy%20of%20NTMs%20on%20Imports.pdf

Анализ результатов исследования

Результаты отбора товаров по критериям алгоритма представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты отбора товаров, по которым проводились оценки регрессии

Код товара*	Наименование товаров**	Значение среднего уровня тарифа, %	Импорт товаров, тыс. долл. США			
			2012	2013	2014	2015
901910	Устройства для механотерапии; аппараты массажные; аппаратура для психологических тестов для определения способностей	5	28 042	23 213	15 477	18 665
854370	Машины электрические и аппаратура, имеющие индивидуальные функции прочие	5	159 971	144 549	128 518	92 176
852871	Аппаратура приемная для телевизионной связи: не предназначенная для включения в свой состав видеодисплея или экрана	10,83	5026	4725	6374	3825
852380	Диски, ленты, твердотельные энергонезависимые устройства хранения данных, прочие	10	8982	6746	10377	6632
852349	Диски, ленты, твердотельные энергонезависимые устройства хранения данных, оптические носители, прочие	9	8472	15 257	25 977	19 528
852329	Диски, ленты, твердотельные энергонезависимые устройства хранения данных, магнитные носители, прочие	10,75	6779	6177	3818	3767

Код товара*	Наименование товаров**	Значение среднего уровня тарифа, %	Импорт товаров, тыс. долл. США			
			2012	2013	2014	2015
851989	Аппаратура звукозаписывающая или звуковоспроизводящая, прочая	10,4	65 398	62 142	35 598	22 876
851981	Аппаратура прочая, использующая магнитные, оптические, или полупроводниковые носители	11,18	1213	1574	1813	2169
844332	Машины печатные, используемые для печати посредством пластин, цилиндров и других печатных форм товарной позиции 8442 прочие, имеющие возможность подключения к вычислительной машине или к сети	5	51 796	54 688	83 032	74 565
854370	Машины электрические и аппаратура, имеющие индивидуальные функции, в другом месте данной группы не поименованные или не включенные: машины и аппаратура прочие	5	159 971	144 549	128 518	92 176
852550	Аппаратура передающая для радиовещания или телевидения	5	35 964	33 028	46 775	22 885

Источники данных: www.tao.org, www.i-tip.org, www.comtrade.org

* по классификации HS-2012

** Наименование товаров в отношении которых действуют нетарифные меры

Результаты оценок регрессии по изменению импорта в зависимости от сокращения тарифов из Израиля в Россию²⁵ по промышленным товарам представлены в таблице 2.

²⁵ при условии, что эластичность импорта товаров России из Израиля эквивалентна средним значениям эластичности экспорта Израиля в третьи страны.

Таблица 2

Результаты оценок по изменению тарифов в зависимости от изменения экспорта товаров из Израиля в третьи страны по промышленным товарам

Код товара	Наименование товара	Оценки коэффициентов регрессии*
852349	Диски, ленты, твердотельные энергонезависимые устройства хранения данных, «интеллектуальные карточки» и другие носители для записи звука или других явлений, записанные или незаписанные, включая матрицы и мастер-диски для изготовления дисков, кроме изделий группы 37, оптические носители прочие	-5,443**
852610	Аппаратура радиолокационная прочая	-13,385**
852871	Аппаратура приемная для телевизионной связи, включающая или не включающая в свой состав широкоэвещательный радиоприемник или аппаратуру, записывающую или воспроизводящую звук или изображение: не предназначенная для включения в свой состав видеодисплея или экрана	2,636**
852329	Диски, ленты, твердотельные энергонезависимые устройства хранения данных, «интеллектуальные карточки» и другие носители для записи звука или других явлений, записанные или незаписанные, включая матрицы и мастер-диски для изготовления дисков, кроме изделий группы 37, магнитные носители прочие	8,742**
901910	Устройства для механотерапии; аппараты массажные; аппаратура для психологических тестов для определения способностей:	1,482****
851989	Аппаратура звукозаписывающая или звуковоспроизводящая прочая	9,32****
852380	Диски, ленты, твердотельные энергонезависимые устройства хранения данных, «интеллектуальные карточки» и другие носители для записи звука или других явлений, записанные или незаписанные, включая матрицы и мастер-диски для изготовления дисков, кроме изделий группы 37, полупроводниковые носители прочие	-0,816**

Код товара	Наименование товара	Оценки коэффициентов регрессии*
844332	Принтеры, копируемые и факсимильные аппараты, прочие, имеющие возможность подключения к вычислительной машине, или к сети	7,417**
851981	Аппаратура звукозаписывающая, или звуковоспроизводящая, использующая магнитные, оптические или полупроводниковые носители	-2,314**
852550	Аппаратура передающая для радиовещания или телевидения	-16,146**
854370	Машины электрические и аппаратура, имеющие индивидуальные функции, в другом месте данной группы не поименованные или не включенные. Машины и оборудование прочее	-0,6271***

* (оценки эластичности импорта по тарифам)

** — Оценки Пуассона, *** — Оценки МНК, ****- Двухуровневые оценки Хекмана

Оценки коэффициентов регрессии показали, что наиболее чувствительным к сокращению тарифов является импорт следующих товаров²⁶:

- аппаратура передающая для радиовещания или телевидения, включающая или не включающая в свой состав приемную, звукозаписывающую или звуковоспроизводящую аппаратуру; телевизионные камеры, цифровые камеры и записывающие видеокамеры: аппаратура передающая (код HS-2012: 852550) — при сокращении среднего уровня тарифа на указанный товар на 1 %, увеличение его импорта может составить 16,15 %;
- аппаратура радиолокационная прочая (код HS-2012: 852610) — при сокращении среднего уровня тарифа на указанный товар на 1 %, увеличение его импорта может составить 13,39 %;
- диски, ленты, твердотельные энергонезависимые устройства хранения данных, «интеллектуальные карточки» и другие носители для записи звука или других явлений, записанные или незаписанные, включая матрицы и мастер-диски для изготовления дисков, кро-

²⁶ Ранжирование произведено от максимальных до минимальных значений чувствительности импорта товаров России из Израиля к сокращению тарифов, при условии, что эластичность импорта товаров России из Израиля эквивалентна средним значениям эластичности экспорта Израиля в третьи страны.

Таблица 3

Результаты оценок по изменению адвалорных эквивалентов нетарифных мер в зависимости от изменения экспорта товаров из Израиля в третьи страны по промышленным товарам

Код товара	Наименование товара	QR (квоты)	TBT (технические барьеры)
844332	Принтеры, копируемые и факсимильные аппараты, прочие, имеющие возможность подключения к вычислительной машине, или к сети	11,2865	9,3490
851981	Аппаратура звукозаписывающая, или звуко-воспроизводящая, использующая магнитные, оптические или полупроводниковые носители	-0,7508	2,0675
851989	Аппаратура звукозаписывающая или звуко-воспроизводящая прочая	0,0004	-0,0152
852329	Диски, ленты, твердотельные энергонезависимые устройства хранения данных, «интеллектуальные карточки» и другие носители для записи звука или других явлений, записанные или незаписанные, включая матрицы и мастер-диски для изготовления дисков, кроме изделий группы 37, магнитные носители прочие	-0,1852	-0,0165
852349	Диски, ленты, твердотельные энергонезависимые устройства хранения данных, «интеллектуальные карточки» и другие носители для записи звука или других явлений, записанные или незаписанные, включая матрицы и мастер-диски для изготовления дисков, кроме изделий группы 37, оптические носители прочие	0,6017	1,9154
852380	Диски, ленты, твердотельные энергонезависимые устройства хранения данных, «интеллектуальные карточки» и другие носители для записи звука или других явлений, записанные или незаписанные, включая матрицы и мастер-диски для изготовления дисков, кроме изделий группы 37, полупроводниковые носители прочие	0,0553	0,0527

Код товара	Наименование товара	QR (квоты)	TBT (технические барьеры)
852610	Аппаратура радиолокационная прочая	0,0150	-0,5695
852871	Аппаратура приемная для телевизионной связи, включающая или не включающая в свой состав широкоэвещательный радиоприемник или аппаратуру, записывающую или воспроизводящую звук или изображение: не предназначенная для включения в свой состав видеодисплея или экрана	-0,1255	-1,7854
854370	Машины электрические и аппаратура, имеющие индивидуальные функции, в другом месте данной группы не поименованные или не включенные. Машины и оборудование прочее	-0,1500	0,3347
852550	Аппаратура передающая для радиовещания или телевидения, включающая или не включающая в свой состав приемную, звукозаписывающую или звуковоспроизводящую аппаратуру; телевизионные камеры, цифровые камеры и записывающие видеокамеры: аппаратура передающая	-0,0146	-0,0140
901910	Устройства для механотерапии; аппараты массажные; аппаратура для психологических тестов для определения способностей	-1,1316	-1,2730

* — Оценки Пуассона, ** — Оценки МНК, ***- Двухуровневые оценки Хекмана

- ме изделий группы 37, оптические носители прочие (код HS-2012: 852349) — при сокращении среднего уровня тарифа на указанный товар на 1 %, увеличение его импорта может составить 5,44 %;
- аппаратура звукозаписывающая, или звуковоспроизводящая, использующая магнитные, оптические или полупроводниковые носители (код HS-2012: 851981) — при сокращении среднего уровня тарифа на указанный товар на 1 %, увеличение его импорта может составить 2,31 %;
 - машины электрические и аппаратура, имеющие индивидуальные функции, в другом месте данной группы не поименованные или не включенные. Машины и оборудование прочее (код HS-2012: 854370) — при сокращении среднего уровня тарифа на указанный товар на 1 %, увеличение его импорта может составить 0,63 %.

Результаты оценок чувствительности импорта товаров России из Израиля по количественным ограничениям и техническим барьерам приведены в таблице 3.

Как видно из таблиц 2 и 3, оценки регрессии по тарифам и нетарифным мерам были рассчитаны с применением всех трех рассматриваемых методов. Конкретные оценки одного из трех методов выбирались в отношении товара по критериям соответствия таких оценок лучшим тестам статистики.

Наиболее чувствительными к введению количественных ограничений оказались следующие товары:

- устройства для механотерапии; аппараты массажные; аппаратура для психологических тестов для определения способностей (код HS-2012: 901910) — отмена квот по указанному товару может привести к увеличению его импорта на 1,13 %;
- аппаратура звукозаписывающая, или звуковоспроизводящая, использующая магнитные, оптические или полупроводниковые носители (код HS-2012: 851981) — отмена квот по указанному товару может привести к увеличению его импорта на 0,75 %;
- диски, ленты, твердотельные энергонезависимые устройства хранения данных, «интеллектуальные карточки» и другие носители для записи звука или других явлений, записанные или незаписанные, включая матрицы и мастер-диски для изготовления дисков, кроме изделий группы 37, магнитные носители прочие (код HS-2012: 852329) — отмена квот по указанному товару может привести к увеличению его импорта на 0,185 %;
- машины электрические и аппаратура, имеющие индивидуальные функции, в другом месте данной группы не поименованные или не включенные. Машины и оборудование прочее (код HS-2012: 854370) — отмена квот по указанному товару может привести к увеличению его импорта на 0,15 %;
- аппаратура приемная для телевизионной связи, включающая или не включающая в свой состав широкоэвещательный радиоприемник или аппаратуру, записывающую или воспроизводящую звук или изображение: не предназначенная для включения в свой состав видеодисплея или экрана (код HS-2012: 852871) — отмена квот по указанному товару может привести к увеличению его импорта на 0,13 %.

Наиболее чувствительными к введению технических барьеров оказались товары:

- аппаратура приемная для телевизионной связи, включающая или не включающая в свой состав широкоэвещательный радиоприем-

ник или аппаратуру, записывающую или воспроизводящую звук или изображение: не предназначенная для включения в свой состав видеодисплея или экрана (код HS-2012: 852871) — отмена технических барьеров по указанному товару может привести к увеличению его импорта на 1,79%;

- устройства для механотерапии; аппараты массажные; аппаратура для психологических тестов для определения способностей (код HS-2012: 901910) — отмена технических барьеров по указанному товару может привести к увеличению его импорта на 1,27%;
- аппаратура радиолокационная прочая (код HS-2012: 852610) — отмена технических барьеров по указанному товару может привести к увеличению его импорта на 0,57%.

Заключение. В результате применения различных модификаций гравитационных моделей в рамках указанного исследования удалось получить оценки наиболее чувствительных промышленных товаров к росту импорта из Израиля в Россию в зависимости от сокращения тарифов, отмены квот и технических барьеров.

Литература

1. Идрисова В.В. Теоретические вопросы применения нетарифных мер регулирования во внешней торговле. Москва. Изд-во Института Гайдара. 2011. 152 с.
2. Кнобель А.Ю. Закономерности формирования уровня тарифов в международной торговле. Москва. Изд-во Института Гайдара. 2010. 188 с.
3. Beghin J., Marette S., Tongeren F. A Cost-Benefit Framework for the Assessment of NonTariff Measures in AgroFood Trade, 2009 [Electronic source]. URL: <https://www.oecd.org/tad/agricultural-trade/45013630.pdf> (date of access: 19.01.2017).
4. Cadot O., Gourdon J. NTMs, Preferential Trade Agreements, and Prices: New evidence. [Electronic source]. URL: http://www.cepii.fr/PDF_PUB/wp/2015/wp2015-01.pdf (date of access: 20.01.2017).
5. Ghodsi M., Grübler J., Stehrer R. Assessing the Impact of Non-Tariff Measures on Imports, 2016. [Electronic source]. URL: http://cepr.org/sites/default/files/2486_GRUEBLER%20-%20Assessing%20the%20Impacy%20of%20NTMs%20on%20Imports.pdf (date of access: 18.01.2017).
6. Kee H., Nicita A., Olarreaga M. Estimating trade restrictiveness indices, 2008. [Electronic source]. URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTRES/Resources/OTRIpaper.pdf>, (date of access: 18.01.2017).
7. Silva S., Teneyro S. The log of gravity, 2006 [Electronic source]. URL: <http://personal.lse.ac.uk/teneyro/jensen08k.pdf> (date of access: 19.01.2017).

APPLYING ECONOMETRIC METHODS TO ASSESS THE POSSIBLE EFFECT OF IMPORT GROWTH ON MANUFACTURED GOODS FROM ISRAEL TO RUSSIA BY TARIFFS AND NON-TARIFF BARRIERS REDUCTION

Kirill M. Puzankov

Abstract. *In terms of limited possibility of tariffs increasing, WTO members have a request to receive quantitative assessments of the impact of non-tariff measures on import. Such quantitative assessments become especially important on preliminary steps of building positions for negotiations before conclusion of free trade agreements. The paper analyses the ability of using econometric methods to estimate the impact of reduction of tariff and non-tariff measures on import increase. In a two-stage approach, the impacts of trade policy measures on import from Israel to Russia are estimated. The algorithm are developed with the assumption that import elasticity from Israel to Russia is equal to mean of import elasticity from Israel to 224 countries of the world. In the first stage of the approach, criteria for selection of the most potentially interesting industrial products at the level of 6-digits of the Harmonized System 2012 are developed. In the second stage, regression coefficients of tariffs, non-tariff measures and other factors of gravity models are estimated. Three versions of gravity models are used for estimations: ordinary least squares regression, Poisson regression and Heckman two-stage approach. Estimates of gravity models with the best statistic coefficients are chosen for each product previously selected in the first stage of algorithm. Then, ad-valorem equivalents of non-tariff measures are calculated. More than 9,000 observations are analyzed for each factor in the models.*

Key words: *gravity models, non-tariff measures, panel data*

References

1. Beghin J., Marette S., Tongeren F. (2009) A Cost-Benefit Framework for the Assessment of NonTariff Measures in AgroFood Trade. Retrieved 19 January, 2017 from <https://www.oecd.org/tad/agricultural-trade/45013630.pdf>
2. Cadot O., Gourdon J. (2015). NTMs, Preferential Trade Agreements, and Prices: New evidence. Retrieved 20 January, 2017 from http://www.cepii.fr/PDF_PUB/wp/2015/wp2015-01.pdf
3. Ghodsi M., Grübler J., Stehrer R. (2016) Assessing the Impact of Non-Tariff Measures on Imports. Retrieved 18 January, 2017 from http://cepr.org/sites/default/files/2486_GRUEBLER%20-%20Assessing%20the%20Impact%20of%20NTMs%20on%20Imports.pdf
4. Kee H., Nicita A., Olarreaga M. (2009) Estimating trade restrictiveness indices. Retrieved 18 January, 2017 from <http://siteresources.worldbank.org/INTRES/Resources/OTRIpaper.pdf>

5. Knobel A. (2010). Zakonomernosti formirovaniya urovnya tarifov v mezhdunarodnoi torgovle [Factors of import tariff formation]. Moscow: Economic Policy Institute named after E.T. Gaidar.
6. Idrisova V. (2011). Teoreticheskie voprosi primeneniya netarifnih mer regulirovaniya vo vneshnei torgovle [Application of non-tariff barriers]. Moscow: Economic Policy Institute named after E.T. Gaidar.
7. Silva S., Tenreyro S. (2006). The log of gravity. Retrieved 19 January, 2017 from <http://personal.lse.ac.uk/tenreyro/jensen08k.pdf>

Информация об авторе

Пузанков Кирилл Максимович

Магистр экономики, заместитель начальника отдела сопровождения торговых споров АНО «Информационно-аналитический центр по вопросам внешнеторговой деятельности» (Россия, Москва)

E-mail: kirill_puzankov@mail.ru

Kirill M. Puzankov

Master of economics, deputy head of the trade dispute section ANO «Foreign Trade Information and Analysis Center», Russia, Moscow

E-mail: kirill_puzankov@mail.ru

РОССИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

И. Ю. ТКАЧЕНКО

Аннотация. *Статья посвящена проблемам региональной интеграции в Северо — Восточной Азии, на примере которого видны проблемы и противоречия нынешнего периода интеграции как глобального явления в мировой экономике. В СВА в течение длительного времени идет организационное оформление существующих кооперационных процессов в полномасштабную международную организацию. Регион Северо-Восточной Азии представляет собой несомненный интерес для России, поскольку географически он охватывает территории Китая, Японии, Республики Корея, КНДР, Монголии, а также российские регионы Сибири и Дальнего Востока.*

Среди проектов международного сотрудничества, которые активно продвигаются Россией в данном регионе, особое место занимает Расширенная Туманганская инициатива (РТИ). Расширенная Туманганская инициатива — проект многостороннего сотрудничества, инициированный ПРООН в 1991 году в целях совместного развития сопредельных территорий КНР, РФ, Монголии и Республики Корея. Проблемы преобразования данного формата взаимодействия в международную организацию обусловлены во многом трудностями переходного периода становления самостоятельной международной организации: нехватка финансирования, отсутствие продуманного механизма привлечения частных и государственных инвестиций для разработки и реализации масштабных инфраструктурных проектов, недостаточный уровень политического представительства и др. Опыт преобразования Расширенной Туманганской инициативы в международную многоформатную организацию подтверждает несовершенство существующих наднациональных институтов регулирования. Одновременно функционирующие на территории СВА организации регионального взаимодействия, например, Ассоциация Региональных Администраций стран Северо-Восточной Азии, демонстрируют большую оперативность и мобильность в принятии решений и действиях. Проведенный анализ показывает, что в настоя-

щее время глобальные интеграционные процессы вступают в противоречие с действиями национальных правительств по ограничению многостороннего взаимодействия в рамках международных объединений (Brexit, дискуссии по развитию Транс-Тихоокеанского партнерства).

Ключевые слова: *Интеграция, сотрудничество, международные организации, Расширенная Туманганская инициатива, Ассоциация Региональных Администраций стран Северо-Восточной Азии*

Введение. Восточный вектор российской внешней политики, который традиционно рассматривается как расширение сотрудничества России с азиатскими странами, требует активизации усилий РФ по налаживанию связей со странами Северо-Восточной Азии. Данный регион, бесспорно, актуален для России, поскольку распространяется на территории Китая, Японии, Республики Корея, КНДР, Монголии, а также российских регионы Сибири и Дальнего Востока. Возможность преодоления региональных диспропорций в развитии, экономический подъем российских регионов Сибири и Дальнего Востока через использование синергетических эффектов взаимодействия с сопредельными государствами отвечает национальным интересам России в регионе.

Теоретические основания исследования.

Интеграционные процессы, происходящие в современном мире, в настоящее время демонстрируют то обстоятельство, что реальная экономическая и политическая действительность существенным образом дополняет, если не корректирует ставшие, казалось, незыблемыми теоретические постулаты о том, что интеграция как процесс складывания региональных экономических группировок и объединений является объективной тенденцией и неотъемлемой характеристикой современного этапа развития мировой экономики и проходит ряд этапов, восходя от зоны свободной торговли к экономическому и валютному союзу стран²⁷. Одновременно нельзя не видеть, что эффективность действий наднациональных организаций регулирования, которые традиционно являлись инструментами межгосударственного экономического сотрудничества, снижается. Происходящие дезинтеграционные процессы в современном мире: выход Великобритании из Евросоюза, переговоры в рамках НАФТА по изменению условий трехстороннего соглашения и переход торговли между участниками на двусторонние, основанные на принципах ВТО, говорят, по-видимому, о том, что выгоды региональной экономической интеграции в привычных формах становятся не так очевидны, если всту-

²⁷ BELA BAIASSA The Theory of Economic Integration L., 1961. 178. (дата обращения: 15.01.2017)

пают в противоречие с национальными интересами, в силу чего интеграционные процессы могут быть вполне обратимы вспять.

Исследование: основная часть

В последние годы Россия активно участвует в азиатских проектах международной кооперации, среди которых особое место занимает Расширенная Туманганская инициатива (РТИ). РТИ — проект многостороннего сотрудничества, инициированный ПРООН в 1991 году в интересах совместной деятельности стран по подъему сопредельных территорий КНР, РФ, Монголии и Республики Корея. На первых этапах развития проект рассматривался как Программа ООН по развитию района реки Туманная (UNDP Tumen River Area Development Programme — TRADP) и был частью Программы ООН по развитию Северо-Восточной Азии и финансировался ПРООН с 1991 по 2005 гг. В 2005 году проект был переформатирован в РТИ через преобразование Программы развития зоны реки Туманная (Tumen River Area Development Programme — TRADP) в самостоятельный проект межстрановой региональной кооперации. До 2009 года среди участников проекта была и КНДР, однако с этого времени взаимодействие КНДР в проекте приостановлено, поскольку КНДР из него вышла. Япония, которая объективно тяготеет к региону СВА, проявляет к данному формату несомненный интерес, однако присутствует в нем только в качестве наблюдателя.

Многостороннее сотрудничество в рамках РТИ осуществляется в области транспорта, энергетики, инвестиций, туризма и экологии.

Вот уже длительное время идет процесс преобразования РТИ в полномасштабную международную организацию многостороннего сотрудничества, с обязательными для такой организации структурой управления и реализации решений, а также разносторонними полномочиями (см. рис. 1):

В целях оптимизации местного и регионального сотрудничества с 2011 года функционирует Комитет местного сотрудничества (КМС) РТИ в Северо-Восточной Азии (GTI NEA Local Cooperation Committee), который призван заниматься разработкой механизма кооперации местных и центральных органов власти в СВА на региональном уровне для решения проблем, актуальных для стран СВА.

РТИ концентрируется на отраслевом сотрудничестве, которое реализуется через деятельность отраслевых советов и комитетов, сформированных странами-участницами, по направлениям, наиболее востребованным с их точек зрения. К числу таких направлений в настоящее время отнесены экология, туризм, транспорт, торговля, энергетика, контакты между предпринимателями, работающими в регионе.

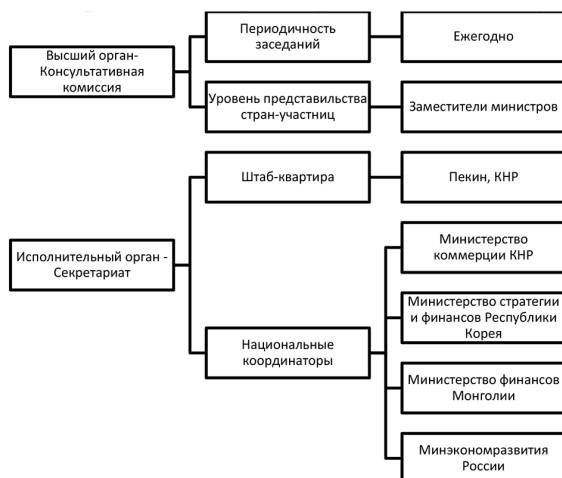

Рис. 1. Структура РТИ.

Мотивы ПРООН, которые побудили организацию начать проект межстранового взаимодействия государств региона реки Туманная, вполне понятны. Территория РТИ распространяется на три северо-восточные провинции (Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин) и Внутреннюю Монголию КНР, три восточных аймака Монголии (Дорнод, Хентии и Сухбаатар), восточные порты Республики Корея и Приморский край, Российская Федерация. Очевидная общность принципиальных интересов стран региона, чьи сопредельные территории в равной степени характеризуются депрессивными процессами, недостаточность национальных усилий по выводу этих территорий из экономического застоя объективно порождают идею использования синергетического эффекта от международной кооперации в целях экономического роста сопредельных регионов стран СВА.

Так, северо-восточные провинции КНР и российский Приморский край отличаются низким уровнем экономического развития по сравнению с экономическими показателями стран в целом. Так, к примеру, по данным Росстата России, если в целом по стране в 2014 году валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения составлял 403 178,9 рублей, то ВРП Приморского края был значительно ниже — 332 383,3 руб²⁸.

²⁸ Национальные счета [Электронный ресурс]: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения: 25.01.2017)

По итогам 2015 г. экономический рост в китайской провинции Хэйлунцзян в 2015 году составил 5,7 %, что ставит регион на третье место с конца по данному показателю среди всех регионов КНР²⁹.

Объективно существует проблема изолированности Монголии от главных торгово-экономических маршрутов в Северо-Восточной Азии (СВА). Преодоление этой изолированности через участие в совместных со странами РТИ проектах может стать драйвером экономического роста страны, что делает для нее привлекательным участие в проекте РТИ. Экономически благополучные страны региона — Япония и Республика Корея также заинтересованы в развитии сотрудничества в данном формате. Включение Японии, к примеру, в проекты РТИ, может стать для нее источником экономического роста, поскольку инициирует зону возможного направления инвестиций, технологий, создаст новые рабочие места с материковыми партнерами. Для Республики Корея такое сотрудничество будет способствовать продвижению ее интересов на территориях, которые уступают стране в технологическом развитии, что также станет драйвером экономического роста для страны. Особое значение для развития национальной экономики и смягчения политической напряженности в регионе в целом должно стать включение Северной Кореи в региональное сотрудничество в формате РТИ, поскольку оно будет означать постепенное преодоление изолированности КНДР.

Вместе с тем, регион СВА характеризуется регулярно возникающими противоречиями на политическом уровне между сопредельными странами и столкновением их интересов, что объективно затрудняет реализацию совместных экономических задач. Так, и РФ и КНР в равной степени обеспокоены размещением системы ПРО США THAAD на Корейском полуострове. С точки зрения Японии и Республики Корея, это размещение может быть объяснено интересами национальной безопасности страны и предупреждением потенциальных угроз ракетных запусков КНДР в отношении Республики Корея и Японии. Однако для России и КНР представляется очевидным, что масштабы и характер этого размещения не соответствуют реальным проблемам безопасности и нарушают баланс сил в регионе.

Представляется очевидным, что конкретные общезначимые совместные проекты, актуальные для стран — участниц, работают не только на решение текущих экономических задач, но способствуют преодолению политических разногласий и противоречий в СВА.

²⁹ Зуенко И. «Ржавый пояс» на границе с Россией в центре внимания [Электронный ресурс]: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7640#top-content (дата обращения: 25.01.2017)

Таблица 1

Макроэкономические показатели стран — участниц проекта РТИ

Экономика	Население, млн чел	ВВП (ППС), млрд долл.	ВВП (официальный курс), млрд долл.	ВВП на душу населения (ППС), долл.	ВНД на душу населения	Уровень доходов	Экономический рост, %	Экспорт, млрд долл.	Импорт, млрд долл.
КНР	1371,2	19390	10980	14100	7820	Выше среднего	6,9	2.143	1.576
Монголия	2,959	36,07	11,74	12100	3830	Ниже среднего	2.3	4,619	
Республика Корея	50,617	1849	1377	36500	27440	Высокий	2.6	548,8	428.5
РФ	144,1	3718	1325	25400	11440	Выше среднего	-3.7	341,5	193

Источник: составлено по данным Всемирного банка

Прекращение финансирования РТИ со стороны ПРООН объективно повлекло за собой снижение масштабов проектов, оказывающихся в фокусе интересов РТИ. Созданная в 2012 году Ассоциация экспортно-импортных банков Северо-Восточной Азии в известном смысле создает финансовый фундамент деятельности РТИ. В Ассоциации участвуют экспортно-импортные банки государств-членов РТИ: Экспортно-импортный банк Китая, Экспортно-импортный банк Республики Корея, Банк Развития Монголии. В 2013 г. к инициативе присоединился российский Внешэкономбанк, а в 2014 году было подписано рамочное соглашение с другими участниками Ассоциации³⁰. Однако в настоящее время этот механизм многостороннего финансового сотрудничества задействован недостаточно, что не позволяет пока РТИ перейти к разработке и реализации крупных инфраструктурных, в том числе, мультимодальных проектов, взаимной либерализации условий торговли

³⁰ ВЭБ И АССОЦИАЦИЯ ЭКСПОРТНО-ИМПОРТНЫХ БАНКОВ СТРАН СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ ПОДПИСАЛИ РАМОЧНОЕ СОГЛАШЕНИЕ [Электронный ресурс]: http://veb.ru/press/news/index.php?id_19=32050&filter_year_19=2014&filter_month_19=9 (дата обращения: 10.01.2017)

Таблица 2

Конкурентоспособность стран — участницы РТИ.

Экономика	Показатель		
	Индекс конкурентоспособности промышленного производства (CIP index)	Доля высоко-технологичной продукции в общем объеме экспорта, %	Место страны в Индексе глобальной конкурентоспособности (GC index 2016–2017)
КНР	0,35	58,3	28
Монголия	0,01	3,7	102
Республика Корея	0,41	72,4	26
РФ	0,12	28,2	43

Источник: составлено по данным The Industrial Development Report 2016, UNIDO, The Global Competitiveness Report 2016–2017, Всемирный экономический форум.

в регионе, продвижения трансграничных региональных туристических маршрутов.

Развитие транспортного обеспечения СВА объективно требует совместных усилий стран региона. В этой связи весьма перспективным представляется реализация проекта развития транспортного маршрута Муданьцзян — Суйфэньхэ — Гродеково — Владивосток — Донхэ — Сакаиминато. Продвижение этого проекта осуществляется префектурами Японии, Республики Корея и Китая. Комитет по сотрудничеству региональных властей РТИ может оказать существенную помощь в реализации проекта. Поскольку маршрут должен пройти по территории Приморья, он находится в зоне интереса России.

Одной из проблем РТИ является страновая степень вовлеченности в сотрудничество и возможности национальных экономик. Масштабы экономик стран РТИ, согласно данным Всемирного банка, в 2016 году, (см. табл.1)³¹ свидетельствуют об их существенных различиях, что во многом объясняет их уровень интереса к взаимодействию:

Как это очевидно из представленных выше данных, несомненным экономическим лидером среди участников РТИ является КНР, что

³¹ Countries[Электронный ресурс]: <http://www.worldbank.org/en/country> (дата обращения: 10.01.2017)

Таблица 3Место стран РТИ в рейтинге Doing business, 2017³²

Экономика	2016	2017
КНР	80	78
Монголия	62	64
Республика Корея	4	5
РФ	36	40

Источник: составлено по данным Всемирного банка

и определяет ее роль как главного драйвера проекта. Китай, реализуя свой мегапроект «Экономический пояс Шелкового пути», вполне логично встраивает собственные инициативы по подъему своих депрессивных территорий через строительство транспортных коридоров, используя участие в РТИ в качестве дополнительного рычага воздействия. Следует также отметить, что Республика Корея, будучи технологическим лидером среди стран — участниц РТИ, крайне заинтересована в продвижении своих компаний для реализации инфраструктурных проектов на пространстве РТИ (см. табл. 2)³³:

Особенности экономического развития стран и их технологические возможности существенным образом влияют на степень участия партнеров по РТИ в совместной деятельности по продвижению инициативы (см. табл. 3):

В силу того, что многосторонняя кооперация стран СВА реализуется через деятельность национальных правительств, то степень государственного регулирования национальных хозяйств существенным образом влияет на участие в совместных проектах. Поскольку во всех странах — участницах государство в значительной степени регулирует бизнес-процессы, интересно видеть, что в рейтинге Doing business, 2017 по такому показателю, как получение разрешений на строительство и регистрация прав собственности, Россия выступает бесспорным лидером, в то время как остальные страны находятся на примерно одинаковых позициях (см. табл. 4):

³² Рейтинг стран [Электронный ресурс]: <http://russian.doingbusiness.org/rankings> (дата обращения: 10.01.2017)

³³ Industrial Development Report 2016 [Электронный ресурс]: https://www.unido.org/fileadmin/user_media_upgrade/Resources/Publications/EBOOK_IDR2016_FULLREPORT.pdf, The Global Competitiveness Report 2016–2017 [Электронный ресурс]: http://www3.weforum.org/docs/GCR2016-2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016-2017_FINAL.pdf (дата обращения: 10.01.2017)

Таблица 4

Позиции стран — участниц в рейтинге Doing business, 2017: получение разрешений на строительство и регистрация прав собственности

Экономика	Получение разрешений на строительство		Место в рейтинге Doing business, 2017	Регистрация собственности		Место в рейтинге Doing business, 2017
	Процедуры, кол-во	Дни, кол-во		Процедуры, кол-во	Дни, кол-во	
КНР	22.0	244.3	177	4,0	19,5	42
Монголия	17.0	137.0	29	5,0	10,5	46
Республика Корея	10	28	31	7,0	5,5	39
РФ	13.7	239.3	115	5,0	15,0	9

Источник: составлено по данным Всемирного банка

Безусловно, устойчиво поступательное развитие КНР способствует перспективности проектов создания международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2». Реализация создания таких коридоров будет эффективно обеспечивать транзит грузов из Китая, Республики Корея, Японии, других стран АТР. Интересы России по подъему дальневосточных регионов страны могут быть реализованы через осуществление проекта развития порта Зарубино в Приморье, превращение его в мощный транспортный хаб по перевалке зерна, контейнерных и других грузов. Такой проект может стать проектом сотрудничества России и КНР, т.к. через развитие порта Зарубино другой участник РТИ, китайская провинция Цзилинь, получает возможность непосредственного выхода к морю.

Второй — строительство в Амурской области на базе Ерковецкого угольного месторождения ТЭЦ и линии для экспорта электроэнергии в КНР.

В 2016 году председательство в РТИ осуществляет Российская Федерация. Нельзя сказать, что председательство России ознаменовалось какими-либо существенными прорывами в превращении РТИ в полноформатную международную организацию. Возможно, к числу причин можно отнести, с одной стороны, снижение внимания к процессу со стороны ООН вследствие смены руководства этой организации, с другой, необходимость реакции России на внешние вызовы и внутренние проблемы национального развития.

Таблица 5
Участники АРАССВА

Страна	Количество территориальных единиц — участниц АРАССВА
КНР	7
Япония	10
КНДР	2
Монголия	22
РФ	16
Республика Корея	16

Источник: составлено по данным АРАССВА

Нельзя также не учитывать то обстоятельство, что в мире нарастают дезинтеграционные процессы, которые объективно тормозят проекты международного сотрудничества, которые не дают быстрого экономического эффекта, а РТИ следует отнести именно к таковым.

Гораздо более эффективными именно в смысле налаживания непосредственного интеграционного взаимодействия между хозяйствующими субъектами являются региональные организации сотрудничества. Так, в СВА с 1996 года создана и функционирует другая площадка международной региональной кооперации — Ассоциация Региональных Администраций стран Северо-Восточной Азии (АРАССВА)³⁴. Причины возникновения данного формата взаимодействия коренятся в общности целей регионального развития, а также необходимости разрешения потенциально болезненных противоречий, обусловленных территориальной сопряженностью соседних регионов. Именно поэтому в проекте участвует значительное число территорий стран СВА, в том числе, две провинции КНДР (см. табл. 5):

Главная цель создания АРАССВА состоит в достижении всеобщего благосостояния в регионе путем интенсификации обменов и сотрудничества во всех областях, включая управление, экономику и культуру на принципах взаимопонимания, равноправия и взаимной выгоды.

³⁴ Ассоциация Региональных Администраций стран Северо-Восточной Азии [Электронный ресурс]: http://www.neargov.org/ru/page.jsp?mnu_uid=2596& (дата обращения: 10.01.2017)

Деятельность Ассоциации главным образом лежит в поле расширения знаний членов Ассоциации об экономике, технологии и ходе развития территорий друг друга, помощь в налаживании бизнес-контактов предпринимателей стран региона через проведение Конференций региональных администраций стран Северо-Восточной Азии, выставок, ярмарок, обменов делегациями.

Рабочая комиссия, которая занимается управлением текущей деятельности Ассоциации, формируется из региональных представителей на уровне начальников управлений. В рамках Рабочей комиссии действуют 11 подкомиссий по актуальным для сопредельных территорий региона направлениям.

Секретариат АРАССВА координирует связь между членами Ассоциации, составляет проекты мероприятий, доклады и отчеты, формирует и исполняет бюджет. Штаб-квартира Секретариата находится на территории той администрации, которую возглавляет председатель Ассоциации³⁵.

В настоящее время основные направления сотрудничества в рамках АРАССВА находятся преимущественно в сфере культурных, межэтнических, экологических, образовательных контактов. Вместе с тем, сотрудничество в рамках АРАССВА может внести ясность и сгладить многие противоречия, которые возникают вследствие осуществления национальных проектов, затрагивающих интересы соседних территорий. К числу таких проектов можно отнести строительство трех ГЭС на реке Селенга и ее притоках, реализация которых может угрожать экосистеме Байкала. Если реализация данного проекта финансируется Всемирным банком, то строительство плотины на реке Эгийн-гол — самом крупном притоке Селенги обеспечивается инвестициями китайских «Эксимбанка» и «Гэджуба Интернейшнл» (China Gejuba Group Limited). В результате заключения кредитного соглашения с КНР с «Эксимбанком» на сумму 1 млрд долларов сроком на 20 лет Монголия решает свои комплексные проблемы: так, 703,5 млн долл. пойдет на строительство ГЭС на реке Эгийн-гол, 102,5 млн долл. направят на возведение 260-километровой высоковольтной ЛЭП, а 66,2 млн долл. — на строительство 12 мясокомбинатов. Оставшиеся средства страна предполагает для модернизации ТЭС в городе Эрдэнэт, развития системы пригородных автомагистралей и совершенствования технического обеспечения профессионально-производственных учебных центров³⁶.

³⁵ АРАССВА [Электронный ресурс]: http://www.neargov.org/ru/page.jsp?mnu_uid=2816& (дата обращения: 10.01.2017)

³⁶ Кичанов М. Монголия наносит удар [Электронный ресурс]: <http://expert.ru/siberia/2016/08/mongoliya-nanosit-udar/> (дата обращения: 10.01.2017)

Потребности использования синергетического эффекта от совместной деятельности при решении общезначимых проблем во многом определяют перспективность осуществления проектов межстрановой кооперации в СВА. Представляется вполне целесообразной идея общего транспортно-логистического и инфраструктурного коридора, который свяжет Россию, Монголию, КНР. Такой проект может стать результатом сопряжения инфраструктурных проектов ЕАЭС, Экономического пояса Шелкового пути, а также монгольского проекта «Степной путь». Монгольский проект «Степной путь» в рамках начавшихся евразийских интеграционных процессов позволит стране преодолеть изолированность и извлечь все возможные выгоды из географического положения страны в этих процессах. Подъем горнодобывающей отрасли и расширение экспортных поставок минеральных ресурсов объективно требуют от Монголии совершенствовать национальную транспортно-логистическую инфраструктуру, которая в настоящее время во многом опирается на транспортно-логистические системы России и КНР. Сопряжение проектов ЕАЭС, КНР и Монголии в перспективе может стать базой для создания зоны свободной торговли в рамках экономических проектов ШОС. В процессе согласования маршрутов в настоящее время наблюдается столкновение интересов потенциальных участников проекта, т.к. КНР планирует провести свой путь по районам, где другие участники реализуют национальные транспортно-логистические проекты в рамках региональной кооперации. Так, железнодорожное сообщение соединяет сейчас Китай с Монголией и Россией, в настоящее время дискутируется аналогичная инициатива строительства «Степного пути»³⁷: реконструкция железной дороги и строительство автомобильной. В августе 2016 началось пилотное функционирование транспортного коридора грузового транзитного автотранспорта из порта Тяньцзинь (КНР) через столицу МНР Улан-Батор в Улан-Удэ (Бурятия, РФ) машины попадут в главный город Республики Бурятия, что благоприятно скажется на развитии транспортной инфраструктуры трех государств, интенсификации торговых инвестиционных связей³⁸. Естественно, реализация подобного рода масштабных проектов материализуют межгосударственные договоренности, достигнутые

³⁷ «Степной путь» соединит Монголию с Китаем и Россией [Электронный ресурс]: [Электронный ресурс]: <http://www.moscowmongols.com/2015/06/11/stepnoj-put-soedinit-mongoliju-s-kitaem-i-rossiej.html> (дата обращения: 10.01.2017)

³⁸ Россия, Китай и Монголия открыли движение по транспортному коридору из Азии в Европу [Электронный ресурс]: <http://www.vz.ru/news/2016/8/18/827488.html> (дата обращения: 10.01.2017)

на высшем уровне, но конкретное претворение их в жизнь является результатом повседневной деятельности региональных администраций.

Представляется очевидным, что сотрудничество региональных администраций в рамках организации в настоящее время может иметь серьезное развитие, т.к. взаимная увязка региональных интересов на уровне национальных региональных администраций исходит из знания конкретных экономических реалий и имеет большой потенциал оперативного и гибкого реагирования на вызовы времени и текущих социально-экономических проблем. Однако необходимость в общих действиях повышает роль и значение АРАССВА в качестве координатора совместных проектов в регионе.

Заключение.

Проведенный анализ показывает, что вызовы современной экономической действительности переводят интеграционные процессы в сферу проектного взаимодействия между сопряженными странами. Сложности в формировании новых полномасштабных международных организаций, курируемых глобальными наднациональными институтами, показывают, что даже при наличии объективных экономических интересов масштабы многосторонней кооперации должны уйти на уровень регионального взаимодействия. Такое взаимодействие исходит из конкретных интересов повседневной экономической практики стран-участниц и не ставит амбициозных задач, реализация которых на проектном уровне демонстрирует практическую полезность и только со временем может перерасти в крупномасштабные проекты.

Литература

1. «Степной путь» соединит Монголию с Китаем и Россией [Электронный ресурс] [Электронный ресурс]: <http://www.moscowmongols.com/2015/06/11/stepnoj-put-soedit-mongoliju-s-kitaem-i-rossiej.html> (дата обращения: 10.01.2017)
2. АРАССВА [Электронный ресурс]: http://www.neargov.org/ru/page.jsp?mnu_uid=2816& (дата обращения: 10.01.2017)
3. Ассоциация Региональных Администраций стран Северо-Восточной Азии [Электронный ресурс]: http://www.neargov.org/ru/page.jsp?mnu_uid=2596& (дата обращения: 10.01.2017)
4. Выбор Монголии — «степной путь» [Электронный ресурс]: <http://www.east-russia.ru/material/vybor-mongolii-stepnoj-put/eastrussia.ru> (дата обращения: 10.01.2017)
5. ВЭБ И АССОЦИАЦИЯ ЭКСПОРТНО-ИМПОРТНЫХ БАНКОВ СТРАН СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ ПОДПИСАЛИ РАМОЧНОЕ СОГЛАШЕНИЕ [Электрон-

- ный ресурс]: http://veb.ru/press/news/index.php?id_19=32050&filter_year_19=2014&filter_month_19=9 (дата обращения: 10.01.2017)
6. Зуенко И. «Ржавый пояс» на границе с Россией в центре внимания [Электронный ресурс]: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7640#top-content (дата обращения: 25.01.2017)
 7. Кичанов М. Монголия наносит удар [Электронный ресурс]: <http://expert.ru/siberia/2016/08/mongoliya-nanosit-udar/> (дата обращения: 10.01.2017)
 8. Национальные счета [Электронный ресурс]: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения: 25.01.2017)
 9. Программа развития Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]: [HTTP://WWW.UN.ORG/RU/GA/UNDP/](http://WWW.UN.ORG/RU/GA/UNDP/) (дата обращения: 10.01.2017)
 10. Рейтинг стран [Электронный ресурс]: <http://russian.doingbusiness.org/rankings> (дата обращения: 10.01.2017)
 11. Россия, Китай и Монголия открыли движение по транспортному коридору из Азии в Европу [Электронный ресурс]: <http://www.vz.ru/news/2016/8/18/827488.html> (дата обращения: 10.01.2017)
 12. BALASSA, B. The Theory of Economic Integration (2011). Routledge Taylor & Francis Group, NY. (дата обращения: 15.01.2017)
 13. Countries [Электронный ресурс]: <http://www.worldbank.org/en/country> (дата обращения: 10.01.2017)
 14. Industrial Development Report 2016 [Электронный ресурс]: https://www.unido.org/fileadmin/user_media_upgrade/Resources/Publications/EBOOK_IDR2016_FULLREPORT.pdf (дата обращения: 10.01.2017)
 15. The Global Competitiveness Report 2016–2017 [Электронный ресурс]: http://www3.weforum.org/docs/GCR2016–2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016–2017_FINAL.pdf (дата обращения: 10.01.2017)

RUSSIA AND THE PROSPECTS OF INTEGRATION IN THE NORTH-EASTERN ASIA

I. Y. Tkachenko

Abstract. *The article deals with the problems of the regional integration in North — East Asia, which can be considered to be an example of problems and contradictions of the current integration period as a global phenomenon in the global economy. In Northeast Asia for a long period of time one can see the institutionalization of existing cooperation process into a full-scale international organization. Northeast Asia as a region is undoubtedly in focus of Russia's interest because geographically it covers the territory of China, Japan, Republic of Korea, DPRK, Mongolia as well as the Russian regions of Siberia and the Far East Russia.*

The Greater Tumen Initiative (RTI) among other international cooperation projects, which are actively promoted by Russia in the region, has a unique position. Greater Tumen Initiative is a project of multilateral cooperation, initiated by UNDP in 1991 for the purpose of joint development of the adjacent territories of China, Russia, Mongolia and the Republic of Korea. Problems of converting this format of interaction into an international organization are largely due to the transition of establishing an independent international organization: the lack of funding, lack of a comprehensive mechanism for attracting private and public investment for development and implementation of large-scale infrastructure projects, lack of political representation, etc. The experience of conversion Greater Tumen Initiative into an international multi-format organization confirms the imperfection of the existing supranational regulatory institutions. Simultaneously functioning in the Northeast Asia region cooperation organizations such as the Association of Regional Administrations of the countries of Northeast Asia, demonstrate the greater efficiency and flexibility in decision-making and actions. The analysis shows that the current global integration processes are inconsistent with the actions of national governments in restricting the multilateral cooperation within international organizations (Brexit, discussions on the development of the Trans-Pacific Partnership).

Key words: *Integration, cooperation, international organizations, the Greater Tumen initiative, the Association of Regional Administrations of the countries of Northeast Asia*

References

1. «Stepnoj put» soedinit Mongoliyu s Kitaem I Rossiej URL: <http://www.moscow-mongols.com/2015/06/11/stepnoj-put-soedinit-mongoliyu-s-kitaem-i-rossiej.html> (Retrieved: 10 January, 2017)
2. ASSOTSIATSIA Regionalnyh Administratsii stran Severo-Vostochnoy Azii URL: http://www.neargov.org/ru/page.jsp?mnu_uid=2816& (дата обращения: 10.01.2017)
3. ASSOTSIATSIA Regionalnyh Administratsii stran Severo-Vostochnoy Azii URL: http://www.neargov.org/ru/page.jsp?mnu_uid=2596& (Retrieved: 10 January, 2017)
4. BALASSA, B. The Theory of Economic Integration (2011). Routledge Taylor & Francis Group. NY. (Retrieved: 15 January, 2017)
5. Countries URL: <http://www.worldbank.org/en/country> (Retrieved: 10 January, 2017)
6. Development Report 2016 URL: https://www.unido.org/fileadmin/user_media_upgrade/Resources/Publications/EBOOK_IDR2016_FULLREPORT.pdf (Retrieved: 10 January, 2017)

7. Kichanov M. Mongoliya nanosat udar URL: <http://expert.ru/siberia/2016/08/mongoliya-nanosit-udar/> (дата обращения: 10.01.2017)
8. Natsionalnye ctsheta URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (Retrieved: 25 January, 2017)
9. Programma razvitiya Organizatsii Ob'edinennyh Natsii URL: <http://www.un.org/ru/ga/undp/> (Retrieved: 10 January, 2017)
10. Rating stran URL: <http://russian.doingbusiness.org/rankings> (Retrieved: 10 January, 2017)
11. Rossia, Kitai I Mongolia otrkili dvizgenie po transportnomu koridoru iz Azii v Evropu URL: <http://www.vz.ru/news/2016/8/18/827488.html> (Retrieved: 10 January, 2017)
12. The Global Competitiveness Report 2016–2017 URL: http://www3.weforum.org/docs/GCR2016–2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016–2017_FINAL.pdf (Retrieved: 10 January, 2017)
13. VEB I ASSOTSIIATSIYA EXPORTNO-IMPORTNYH BANKOV SEVERO-VOSTOCHNOY AZII PODPISALI RAMOCHNOE SOGLASHENIE URL: http://veb.ru/press/news/index.php?id_19=32050&filter_year_19=2014&filter_month_19=9 (Retrieved: 10 January, 2017)
14. Vybormongolii — «stepony put» URL: <http://www.eastrussia.ru/material/vybormongolii-stepnoy-put/eastrussia.ru> (Retrieved: 10 January, 2017)
15. Zuenko, I. «Rzhaviy poyas» na granitse s Rossiey v tsentre vnimania URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7640#top-content (Retrieved: 25 January, 2017)

Информация об авторе

Ткаченко И. Ю.

профессор кафедры мировой и национальной экономики,
Всероссийская академия внешней торговли,
Москва, Российская Федерация,
кандидат философских наук, доцент
E-mail: irinautkachenko@gmail.com

I. Y. Tkachenko

PhD (Philosophy), Professor
Department of World and National Economy
Russian Foreign Trade Academy
Moscow, Russian Federation
E-mail: irinautkachenko@gmail.com

BRIDGING THE DIVIDING LINES IN GREATER EURASIA

T. ван дер Торгт

Abstract. *Instead of convergence towards a Greater Europe «from Lisbon to Vladivostok», we have recently noted increased competition and divergence between European and Eurasian forms of regional integration.*

The Clingendael report proposes the option of tentative compatibility between the EU and the Eurasian Economic Union, working towards greater approximation of technical norms and standards and preventing a further widening of the gap between two « competing unions ». Some form of (informal) relationship between the EU and the EEU should therefore be established.

For the «shared neighbourhood» this would imply an option of “no choosing, no losing”, giving countries the opportunity to have good relations with both sides. As long as the option of a wider Free Trade Union between the EU and the EEU is not a realistic perspective, because of the present geopolitical conflicts, the EU could diversify the relations with individual Eastern Partnership countries, taking their other obligations towards third parties/other unions into account and assisting all sides to modernise their economies to increase competitiveness in a wider Eurasian context. This also presupposes that a «Fortress Eurasia» is not a feasible long-term option and that proximity and complementarity stimulates the EU to search for new opportunities in Greater Eurasia.

The recent Chinese plans for a New Silk Road, connecting China with broader Eurasian and European markets, could offer additional opportunities for a broader Eurasian integration and should be taken seriously not only by the EEU, but also by the EU.

Greater connectivity and convergence of economic systems could lead to more prosperity and peaceful development in a Greater Eurasia from «Lisbon to Shanghai».

Keywords: *EU, Russia, EEU, Eurasian integration, Eastern Partnership, China*
Competing Unions and connectivity wars

In recent years we have witnessed increased competition and divergence in development between two forms of regional integration, the European Union (EU) and the Eurasian Economic Union (EEU). This reached

a climax in the Ukraine crisis, the most important geopolitical conflict between Russia and the West in the post-Soviet space. Geopolitics is back with a vengeance and now also has serious geo-economic consequences.

Attempts at building a Common European Home or a Wider/Greater Europe “from Lisbon to Vladivostok” have come to a complete standstill. Any movement towards greater convergence between the two parts of the Eurasian continent now depends on a breakthrough in finding a solution to the Ukraine crisis.

Whereas the EU supports regional integration in other parts of the world, the EEU is still mainly viewed as a Russian geopolitical project. However, notwithstanding all its internal differences and weaknesses, the EEU will remain the most advanced form so far of (re-)integration in the post-Soviet space. As such, it constitutes an element not only in EU-Russia relations but also in the EU's relations with other Eastern European and Central Asian states.

The emerging *connectivity wars*³⁹ between two “Competing Unions” also pose an urgent challenge to the EU as a global actor in trade and finance. There is an increased risk of the two “Competing Unions” growing further apart, presenting us with rifts that are difficult to bridge in a climate of increasing protectionism. The countries “in between”, including those in the EU's Eastern Partnership, will also suffer, as they form the geopolitical and geo-economic battleground and seem destined to remain in some kind of “strategic purgatory”.

Tentative compatibility between the EU and the Eurasian Economic Union

Against this background, the Clingendael Institute attempted to identify some options for the EU to deal with the new geopolitical and geo-economic realities, in both the short term and the longer term. In our report “From Competition to Compatibility. Striking a Eurasian balance in EU-Russia relations”⁴⁰ we opted for a strategy of “tentative compatibility” for relations between the EU and the EEU.

Although we fully understand the geopolitical aspects of the most recent Russian attempt at deeper Eurasian integration, the EEU does constitute a new regional organisation, to which a number of post-Soviet states have been encouraged (or forced) to transfer part of their competences in developing trade relations with third parties (including the EU). Furthermore, the EEU

³⁹ Mark Leonard (ed.), *Connectivity Wars. Why migration, finance and trade are the geo-economic battlegrounds of the future*. ECFR, London, January 2016

⁴⁰ Tony van der Togt, Francesco Montesano and Jaroslav Kozak, *From Competition to Compatibility. Striking a Eurasian balance in EU-Russia relations*, Clingendael Report, October 2015: <http://www.clingendael.nl/publication/competition-compatibility-striking-eurasian-balance>

constitutes the framework in which EEU member states are working towards a greater convergence of norms and standards between themselves. So, whatever way you look at it, the EU will have to take these elements into account.

This is all the more important in that the EEU seems to be focussing first on internal consolidation, before moving towards wider integration and the establishment of preferential trade agreements with its main external economic partners, notably the EU and China. For the moment, this could imply mainly a strengthening of the position and market share of Russian business in EEU internal markets, built on the comparative advantages Russian business has inside the EEU. The competitiveness of companies from (other) EEU member states could be negatively affected, as they would not be forced to modernise in order to compete on a global scale and in more developed markets. Such internal contradictions offer opportunities for the EU, as a main source of modernisation and technology transfer, as is acknowledged even in the (now dormant) EU-Russia "Partnership for Modernisation".

As a global actor in trade and finance, the EU remains interested in bringing together "competing regionalisms" and overcoming new dividing lines by stimulating greater convergence of trade and financial systems.

Therefore, we recommended as a matter of priority: engaging the Eurasian Economic Commission, whether formally or on an informal basis, in order to look for closer approximation of (technical) norms and standards. In these matters, differences between the EU and the EEU often seem to be exaggerated, as some approximation of norms and standards has already taken place at an earlier stage. Some common basis has been developed, on which relations can be built and additional efforts can be based, also to prevent a further divergence in norms and standards between the EU and EEU member states.

Furthermore, when discussing trade relations all sides realise that every (future) arrangement has to be fully compatible with WTO obligations, to which the EEU is also subject. This offers another element of commonality on which to build future trade relations.

Apart from the consequences for current trade and financial relations, the present situation of "Competing Unions" also implies missing opportunities for closer cooperation which could constitute a most welcome stimulus for increased prosperity on both sides of the divide⁴¹.

While a Free Trade Agreement between the EU and the EEU remains a remote possibility under the present political circumstances, bridges should

⁴¹ See e.g. Christian Bluth, Focus paper: Free Trade from Lisbon to Vladivostok. A Tool for Peace and Prosperity: The effects of a Free Trade Area between the EU and the Eurasian Region, Bertelsmann Stiftung, 2016

be kept open for whenever the situation improves. A lot of research has already been undertaken (and will continue) on both sides of the divide to develop options for a “mega deal” for such a situation in future, when the geopolitical situation would improve and the EEU would open up towards such a Free Trade Agreement with its major economic partners⁴².

For the moment the EU envisages only limited cooperation and selective engagement with Russia on issues of common interest and appears to be focussing more on strengthening the resilience of the states in the “Shared Neighbourhood”, including those participating in the EU’s Eastern Partnership⁴³. However, the proposed “tentative compatibility” could both constitute an element of selective engagement with Russia, based on common interests, and strengthen simultaneously the resilience, position and economic development of the states in the “Shared Neighbourhood”.

The Shared Neighbourhood and the option of “no choosing, no losing”

In the context of our strategy of striving for “tentative compatibility” we also recommended that the EU engage more intensively with individual EEU member states. In accordance with a study undertaken by the European Parliament’s research service, states in the “Shared Neighbourhood” should have the possibility of maintaining good relations simultaneously with both sides of the divide: “no choosing, no losing”⁴⁴.

We recommended that the EU strengthen the independent choice of the states concerned, including their multi-vector policies, with the aim of balancing good (trade) relations with both Russia and the EU. After all, the EU did not force states to have an Association Agreement/DCFTA with the EU as the most advanced form of integration available to Eastern Partnership countries. It is only possible membership of the EEU (being a Customs Union) that cannot be combined with a simultaneous AA/DCFTA with the EU. Continuing good trade relations in the context of the CIS FTA has always remained an option, even for Ukraine, until Russia blocked this possibility on a bilateral basis.

⁴² See the dialogue in IIASA; full report in English and Russian: http://www.iiasa.ac.at/web/home/about/news/21-11-2016_Final_Eurasian_project_report_FINAL.pdf; http://www.eabr.org/tr/research/centre/projectsCII/projects_cii/index.php?id_4=49506&linked_block_id=0.

⁴³ See the Five Principles for Relations with Russia, as agreed by the EU’s Foreign Ministers in March 2016: <http://www.consilium.europa.eu/en/meetings/fac/2016/03/14/> and the EU’s Global Strategy: https://eeas.europa.eu/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf

⁴⁴ Pasquale de Micco, When choosing means losing. The Eastern partners, the EU and the Eurasian Economic Union, European Parliament, DG for External Policies, March 2015: [http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EX-PO_STUD\(2015\)549026](http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EX-PO_STUD(2015)549026)

Before that happened, the EU had been exploring with Russia and Ukraine whether flexibility in the implementation of the AA/DCFTA could be used to take Russian trade interests into account, making use of longer transition periods and the fact that not every element of the EU *acquis communautaire* had to be adopted in the same strict manner. It was for geopolitical reasons that Russia blocked an emerging deal, which could have offered Ukraine a way out. It could have enabled Kyiv to enable some sectors to produce for the EU internal market, in accordance with EU norms and standards, with other sectors continuing to produce for CIS markets, in accordance with partially different standards.

Unfortunately, such a trilateral deal could not be accomplished. It could have been beneficial, not only for Ukraine but also for the other two post-Soviet states having an AA/DCFTA with the EU: Moldova and Georgia. Whereas their economies are much smaller and trade relations with Russia had already been negatively affected by earlier sanctions imposed by Moscow, some trilateral deal could have been an option for them as well. And with Moldova possibly in limbo after the recent election of a more pro-Russian and pro-EEU president, trilateral negotiations could once again be a real possibility.

Trilateralism being (temporarily) off the table, the only realistic option for the EU is to continue working with the Eastern Partnership countries mainly on a bilateral basis and, if and when possible, on a broader regional basis. In principle, the door for Russia to be included in such a broader regional format remains open, but here everything clearly depends on Moscow's cooperation in the full implementation of the Minsk agreements.

On a bilateral basis the EU has started to re-engage more closely with Armenia. After Russia forced Armenia into the EEU, the EU started a scoping exercise with Yerevan to identify which elements could be saved from the draft AA/DCFTA under negotiation and would fully respect the obligations of Armenia as a member of the EEU. These talks constitute an interesting example of how an EEU member state could still develop good relations with the EU and keep as much connectivity as possible. Furthermore, it also offers opportunities for the EU to assist in the modernisation of the economy and society, which is not offered by the EEU, this being a more limited organisation and one hampered in its development by Russia's geopolitical and more protectionist intentions.

Gradually, the EU's Eastern Partnership is evolving in such a way as to engage partner countries in a more differentiated manner, taking into account their obligations towards third parties and other organisations.

The next interesting example of selective engagement, based on "principled pragmatism", could be Belarus. In its relations with Belarus the EU has

dropped most of its earlier sanctions and has started to engage with civil society, private business and gradually also higher levels of the authorities. In as far as Minsk opts for multi-vector policies and strives for stability and prosperity, based on an “integration of integrations”, this clearly serves the EU’s interests as well. Here too, the EU could offer support for modernisation and financial support, which the Russian side is at present unwilling or unable to offer. Both for the EU and for Belarus, there seems to be an emerging “win-win” situation, which does not necessarily encroach upon Minsk’s close relations with Moscow or its standing in other regional organisations, such as the EEU.

As long as the present geopolitical and geo-economic conflict with Russia continues, engaging with individual EEU member states, including in the context of the Eastern Partnership, offers the EU a real possibility of retaining at least some small bridges across the geopolitical divide.

Greater Europe, Greater Eurasia and Greater Asia: enhancing connectivity

Although for the moment the momentum towards a Greater Europe from Lisbon to Vladivostok has been completely lost (and there is a real danger of a widening of the divide inside Europe), the economic realities of proximity and complementarity remain. Russia will remain at least an important provider of energy and other natural resources to Europe and Europe can still be an important source of high technology needed for modernisation of the Russian and Eurasian economies.

At the same time, broader Eurasian integration in a number of sectors (at present mainly related to infrastructure connectivity) has been proposed by China’s One Belt, One Road (or New Silk Road) initiative. In our report we therefore deliberately widened our analysis to include options for greater Eurasian integration as well.

Russia’s “pivot to Asia” has forced Moscow not only to take this initiative seriously, but also to explore possibilities to connect the New Silk Road to the EEU. At the moment Russia does not wish to aim for a complete Free Trade Agreement between the EEU under development and China, only offering a bilateral non-preferential trade agreement, but things may change.

The EU’s engagement with China is at present mainly focussing on investments. But the New Silk Road offers a new challenge, as it aims to connect China via Central Asia to (South-) East European markets. The recent 16+1 summit in Riga offers a clear signal to Brussels that the EU as a whole must take trade and investment relations with China more seriously and elevate them to a higher level. The fact that Belarus was attending as an observer offers the prospect of involving Eastern Partnership countries in future as well.

The Chinese push for Greater Asian and Eurasian connectivity runs counter to Russian protectionist tendencies and could offer the EU another opportunity to push for an even wider Eurasian integration “from Lisbon to Shanghai”, working in tandem with Beijing.

Conclusion

Eurasian integration as embodied in the EEU poses a challenge to the EU, risking less connectivity, more protectionism and a further divergence in norms and standards. As the EU’s main interest remains enhanced connectivity across the Eurasian continent, “tentative compatibility” would serve us best. Therefore, the EU should take the EEU seriously and strive for closer approximation of norms and standards.

Furthermore, the EU should intensify constructive relations with individual member states of the EEU and other Eastern Partnership countries, based on the principle of “no choosing, no losing”, enabling them to sustain good relations with both sides and strengthening their resilience. The EU could also contribute to modernisation of the countries concerned, potentially leading to their greater competitiveness and orientation towards European and global markets.

In principle, the same could be on offer for Russia, reviving the earlier “Partnership for Modernisation” and developing trilateral and wider connections across the Shared Neighbourhood. Once Russia tempers its present geopolitical ambitions of forcing friendship/partnership on post-Soviet states, which prefer multi-vector policies to being constrained inside a Russia-dominated EEU, the prospects for a future Greater Eurasian Free Trade Area will be enhanced.

Finally, in a search for increased connectivity across Greater Eurasia the EU could find a partner in China, which is pushing its New Silk Road initiative to include Central Asian states, Russia and (South) Eastern European states as well. This would connect the EU and the EEU in a new broader framework “from Lisbon to Shanghai”. It could counter the present protectionist tendencies, stimulate inter-regional cooperation and lead to greater prosperity across the whole of Eurasia.

Информация об авторе:

Тони ван дер Тогт

Старший научный сотрудник Института Клингендаля (Нидерланды)
Эл.почта: ttogt@clingendael.nl

Van der Togt, Anthony (Tony) M.

M.A. (history), Senior Research Fellow, Clingendael Institute, The Hague, The Netherlands

E-mail: ttogt@clingendael.nl

Конференция
**Россия и АСЕАН в АТР:
динамика взаимодействия,
региональные процессы
и глобальный контекст**

РОЛЬ ВЬЕТНАМСКОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

ДИНЬ ЛЕ ХОНГ ЗАНГ

Аннотация. В последнее десятилетие Вьетнам является одним из основных стран-доноров рабочей силы на российском рынке труда. Изучение феномена трудовой миграции из Вьетнама является актуальным в связи с необходимостью выявления влияния миграционных процессов на развитие как Вьетнама, так и РФ в контексте наличия ряда вопросов, требующих уточнений, начиная с демографических и заканчивая правовыми.

В статье автор работы раскрывает характерные черты вьетнамских миграционных процессов в России и анализирует влияние вьетнамской трудовой миграции в российском экономическом секторе. В целом, несмотря на достаточно ограниченное количество проживающих в России вьетнамцев, они играют положительную роль в укреплении как экономических, так и межнациональных отношений в стране пребывания, способствуют укреплению дружбы между российским и вьетнамским народами.

Ключевые слова: Миграционная политика, вьетнамская трудовая миграция, политические отношения, экономические развития, Вьетнам, Россия.

Вопрос о миграции населения, безусловно, является одной из самых важных глобальных проблем. При глобализации практически ни одно государство мира не избегает процесса перемещения трудовых ресурсов. Среди экономических факторов бедность и безработица являются основными причинами, которые побуждают тысячи людей ехать в другие государства с целью поиска работы или повышения социального положения. На сегодняшний день численность международных мигрантов составляет более 3% населения планеты, в том числе 150 млн человек являются трудящимися мигрантами [1, с. 6].

Российская Федерация активно участвует в международной миграции: она играет роль моста между странами «богатого Севера» и «бедного Юга». В Россию приезжают трудовые мигранты из стран СНГ и Азии,

также она отправляет своих мигрантов в более развитые страны — Австралию, государства Европы и Северной Америки. По официальной статистике, в 2015 г. число иммигрантов на российской территории составило 11,6 млн человек, тем самым заняв третье место по количеству мигрантов в мире после США и Германии [2].

Для трудовых мигрантов из Вьетнама Россия является привлекательной страной. Если мы посмотрим историю, то первая волна трудовой миграции пришлась на период с 1981 по 1991 гг. Однако в связи с распадом Советского Союза приём вьетнамских рабочих был сильно сокращён. С середины 90-х годов XX века российско-вьетнамские отношения стали постепенно восстанавливаться усилиями двух стран, в том числе становилась более интенсивной деятельность межправительственного сотрудничества в области использования трудовых ресурсов.

В последнее десятилетие Вьетнам является одним из основных стран-доноров рабочей силы на российском рынке труда. В списке стран — основных поставщиков трудовых мигрантов в Россию Вьетнам занял 12-е место, среди государств «дальнего» зарубежья — 3-е место после Китая и Турции. Сейчас на российской территории, по данным Федеральной миграционной службы, проживает около 49,5 тыс. вьетнамцев [3]. Однако, согласно неофициальным оценкам, число вьетнамских мигрантов в России составляет от 60 до 100 тысяч человек [4]. Большая часть вьетнамцев живёт и работает в Москве, Ставропольском крае, Башкортостане, Тульской и Волгоградской областях, Хабаровском крае и ряде других регионов России [5].

Иммигранты из Вьетнама играют значительную роль в социально-экономическом развитии России, это обусловлено следующими факторами:

Во-первых, вьетнамские трудовые мигранты обеспечивают необходимые рабочие ресурсы в условиях старения населения в России. Вьетнамские рабочие заняты на тех видах работ в отраслях экономики РФ, которые не привлекают российских граждан по причине плохих условий труда, а также из-за непрестижности рабочих мест.

В 2012 г. ФМС выдала вьетнамским гражданам 12,1 тыс. разрешений на работу. Основными отраслями трудоустройства вьетнамских временных трудовых мигрантов в России является промышленность (40%), сфера услуг (18%), торговля (12%), строительство (8%) и сельское хозяйство (2%) [6]. Ряд отраслей в экономике России уже испытывают нехватку рабочих рук и нуждаются в дополнительной рабочей силе.

Во-вторых, вьетнамские иммигранты обеспечивают конкурентоспособность многих российских предприятий ввиду низкой стоимости рабочей силы. Согласно результатам опроса, который был проведён в 2011 г.

российскими демографами, только 27,3 % самих вьетнамских мигрантов в России были владельцами собственного дела или предприятия, а большинство мигрантов работали на предприятиях и фирмах российских работодателей или на предприятиях с совместным капиталом [7, с. 40].

Специалисты высказывают мнение, что «вьетнамские мигранты в силу своей многочисленности, неприхотливости, стойкости к невзгодам, трудолюбию, готовности к жертвам во имя будущего благополучия более конкурентоспособны по сравнению с мигрантами из других стран» [8, с. 102]. Многие вьетнамские мигранты готовы работать за меньшую заработную плату и жить в менее комфортных бытовых условиях. Это обеспечивает достаточно конкурентоспособность многих российских предприятий ввиду дешёвой стоимости рабочей силы.

Следует отметить, что большинство из них являются низко- и среднеквалифицированными рабочими. Доля высококвалифицированных специалистов невелика, но она имеет тенденцию к увеличению. За 2012 г. в ФМС России вьетнамским гражданам было выдано только 518 разрешений на работу как высококвалифицированным специалистам [9, с. 30]. В 2014 г. доля вьетнамских специалистов уже достигла приблизительно 3,6 тыс. человек [10]. Привлечение высококвалифицированных рабочих позволяет сэкономить время и средства для подготовки требующихся специалистов при проведении технологических изменений, осуществляемых в условиях повышения конкурентоспособности.

В-третьих, страны, принимающие мигрантов, привлекают капиталы, которые в основном прибывают из развивающихся стран и стран с переходной экономикой. На территории российских субъектов насчитывается значительное количество вьетнамских предприятий среднего и малого бизнеса в разных областях, например, таких как производство продуктов питания, швейное производство, строительство, сельское хозяйство, ресторанный бизнес. Самой успешной вьетнамской компанией в России является торговая марка «Роллтон», которая является лидером продаж в сегменте лапши быстрого приготовления на российском рынке. Следом можно назвать компанию «Инцентра» — владелец многофункционального центра «Ханой — Москва».

Эти предприятия увеличивают валовой внутренний продукт России, расширяют доступ к товарам и услугам, также платят налоги в федеральный бюджет. Вьетнамские предприниматели и бизнесмены не только используют труд своих земляков, а ещё обеспечивают занятостью местных рабочих. Например, в г. Курск существует уникальное совместное вьетнамо-российское предприятие, в нём работают не только вьет-

намские трудовые мигранты, численностью примерно в 100 человек, но ещё более двухсот курян.

Вьетнамские мигранты создают новые рынки, оживляющие экспорт из родных стран, а также активизируют импорт товаров на родину. Не смотря на то, что вьетнамцы живут много лет в России, к европейским продуктам питания они не привыкли, отдавая предпочтение национальной кухне. С целью удовлетворения потребностей вьетнамцев в Россию импортируется значительный объём продовольственных товаров из Вьетнама. В обратном направлении вьетнамским потребителям доставляют русские товары: в первую очередь косметику, алкоголь и медицинские препараты. По данным Федеральной таможенной службы, товарооборот России и Вьетнама в 2012 году составил \$ 3,66 млрд, доля Вьетнама в российской внешней торговле — 0,4%, России в товарообороте Вьетнама — 1% [11].

Однако на сегодняшний день приток трудовых мигрантов из Вьетнама в Россию устойчиво снижается. С одной стороны, это связано с экономическим упадком, жёсткостью миграционной политики России, а с другой — изменением миграционной политики Вьетнама. Начиная с 2000-х гг. основной поток вьетнамских эмигрантов-контрактников был переориентирован в соседние страны и регионы, куда легче попасть и найти работу с высокой зарплатой.

С 2012 г. Вьетнам стал всеобъемлющим стратегическим партнёром Российской Федерации в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако экономическая составляющая — недостаточно развитое звено межгосударственного сотрудничества. В 2015 г. был образован ЕАЭС, в который входят РФ и другие страны. ЕАЭС ставит своей целью выработку общей торговой, денежной, налоговой политики, то есть максимально возможную экономическую интеграцию. Вьетнам — одна из первых стран, подписавших с ним Соглашение о зоне свободной торговли. Этот факт, на наш взгляд, стимулирует большую эффективность экономических связей между Вьетнамом и странами ЕАЭС.

Таким образом, из выше сказанного можно заключить, что вьетнамские мигранты, в целом, играют положительную роль в укреплении как экономических, так и межнациональных отношений, способствуют укреплению дружбы между российским и вьетнамским народами. Поэтому изучение феномена трудовой миграции из Вьетнама является актуальным в связи с необходимостью выявления влияния миграционных процессов на развитие как Вьетнама, так и России в контексте наличия ряда вопросов, требующих уточнений, начиная с демографических и заканчивая правовыми.

Литература

1. ILO global estimates on migrant workers: results and methodology. Geneva, 2015.
2. The United Nations. Population division department of economic and social affairs. Trends in International Migrant Stock: The 2015 Revision. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org>
3. Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе (по странам гражданства) 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fms.gov.ru>
4. *Tiềm năng và phân bố của người Việt ở nước ngoài (Потенциал и распределение вьетнамцев за рубежом)*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tgvn.com.vn>
5. Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>
6. Федеральная служба государственной статистики. Труд и занятость 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>
7. Рязанцев С. В., Кузнецов Н. Г. Как России использовать миграционный потенциал Вьетнама // Азия и Африка сегодня — 2011. № 6.
8. Кузнецов Н. Г. Интеграция вьетнамских мигрантов в российское общество // Миграция между Россией и Вьетнамом: История, современные тенденции и роль в социально-экономическом развитии стран. М., 2007.
9. Волох В. А. Трудовая миграция: состояние и регулирование // Служба занятости — 2014. № 2.
10. Федеральная служба государственной статистики. Труд и занятость 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>
11. Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Вьетнамом в 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ved.gov.ru>

Информация об авторе

Динь Ле Хонг Занг

НИУ Высшая школа экономики

Студент магистратуры первого курса

E-mail: giangdinh@yandex.ru

МОЛОДЕЖНЫЕ САММИТЫ РОССИЯ — АСЕАН КАК ИНСТРУМЕНТ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ

К. А. ЕФРЕМОВА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы результативности ежегодных молодёжных саммитов Россия-АСЕАН как инструмента осуществления публичной дипломатии России в Юго-Восточной Азии. Основываясь на работах Дж. Ная-мл. о «мягкой силе» и методике расчёта «мягкой силы» государства, разработанной международным консалтинговым агентством «Портленд Коммьюникейшнз», автор предлагает собственную методику экспертной оценки степени эффективности проецирования российской «мягкой силы» во время проведения российско-асеановских молодёжных саммитов. Вслед за А. Ю. Цветковым, автор определяет «эффективность» как функцию двух переменных: (1) степени достижения поставленных целей и (2) полноты использования имеющихся ресурсов.

В ходе исследования по итогам опроса экспертов была выстроена матрица, объединяющая основные направления проецирования «мягкой силы» России в Юго-Восточной Азии посредством молодёжных саммитов с критериями эффективности подобного проецирования. Каждому из критериев ставился в соответствие оценочный балл, выбираемый экспертами. На основании этих баллов была построена лепестковая диаграмма, показывающая эффективность молодёжных саммитов как инструмента проецирования «мягкой силы» России на конкретных направлениях.

По результатам проведённого анализа можно сделать следующие выводы:

Во-первых, молодёжные саммиты являются достаточно эффективным средством осуществления публичной дипломатии: суммарная экспертная оценка их эффективности находится на уровне 2,9 баллов для степени достижения целей и 2,8 баллов для полноты задействованных ресурсов (при максимуме в 4 балла).

Во-вторых, что вполне ожидаемо, максимальный балл (3,4) набрал вектор «Образование». Это свидетельствует об эффективности мо-

лодѣжных саммитов прежде всего как инструмента распространения информации о российской образовательной системе и тех возможностях, которые она предоставляет для иностранных студентов, в том числе из стран АСЕАН.

В-третьих, учитывая относительно невысокий балл, набранный по вектору «Предпринимательство» (2,0), при проведении будущих саммитов имеет смысл уделять этому направлению дополнительное внимание. В качестве предложения по усовершенствованию программы саммитов можно рассмотреть вариант регулярного проведения конкурсов совместных российско-асеановских молодѣжных старт-апов.

Ключевые слова: «мягкая сила», публичная дипломатия, Россия, АСЕАН, молодѣжные саммиты.

Введение. Настоящее исследование посвящено рассмотрению весьма актуальной на сегодняшний день проблематики, а именно, конкретных целей и механизмов осуществления публичной дипломатии России в Юго-Восточной Азии. Важность публичной дипломатии в деле обеспечения объективного восприятия России в мире, формирования её благоприятного образа за рубежом подчёркивается в майском Указе президента В. В. Путина «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» (2012), Концепции внешней политики Российской Федерации (2016) и ряде других программных документов. В этом направлении работают Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова, Центр поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия» и многие другие организации.

Как отмечал эксперт Российского совета по международным делам А. В. Долинский, «у публичной дипломатии должны быть три задачи: информирование зарубежной общественности о позиции российского государства и общества; получение обратной связи от зарубежной общественности; участие в выработке внешнеполитической позиции России с учетом мнения зарубежной общественности. Первая задача отчасти реализуется благодаря увеличению финансирования публичной дипломатии, произошедшему в течение последнего десятилетия, возрождению старых и созданию новых инструментов внешней коммуникации («Russia Today», Фонд «Русский мир», РИА-Новости, «Голос России» и др.). Однако в системе публичной дипломатии по-прежнему практически полностью отсутствуют образовательные обмены и некоторые другие инструменты долгосрочного действия. Вторая и третья задачи сегодня де-факто не решаются» [Долинский, 2012].

На решение этих немаловажных задач как раз и направлены молодёжные саммиты, регулярно организуемые под эгидой Центра Россия — АСЕАН при МГИМО МИД России. Основанный в 2010 г. с целью действовать гуманитарным контактам между Россией и странами, входящими в Ассоциацию, Центр вносит немаловажный вклад в развитие российской публичной дипломатии. Первый российско-асеановский молодёжный саммит состоялся в мае 2013 г. в МГИМО–Университете (Москва), второй — в октябре 2014 г. в Международном молодёжном центре Куала-Лумпура (Малайзия), третий прошёл в октябре 2015 г. в Дальневосточном федеральном университете (Владивосток). Четвёртый саммит состоялся в октябре 2016 г. в Сиёмреапе (Камбоджа). Пятый саммит планируется провести в 2017 г. в Маниле (Филиппины).

В качестве объекта настоящего исследования выбраны четыре прошедших молодёжных саммита Россия-АСЕАН. Целью исследования является определение эффективности данной формы международного сотрудничества в контексте первоочередных задач российской публичной дипломатии. В частности, в статье рассматриваются такие её формы как проекция «мягкой силы», формирование позитивного имиджа России в странах Юго-Восточной Азии, кросс-культурный диалог и сотрудничество, подготовка лояльных к России экспертов из стран АСЕАН и отечественных специалистов по данному региону.

Теоретические основания исследования. Представления о «мягкой силе» восходят к статье Джозефа Ная-мл. с одноимённым названием, вышедшей в журнале «Форин Полиси» осенью 1990 г. Известный американский политолог, профессор Гарвардского университета утверждал в ней, что государство может добиваться своих целей во внешней политике не только привычной «жёсткой» силой (прежде всего, военной), но и другими методами. В частности, «государство может достичь желаемых результатов в мировой политике потому, что другие государства хотят следовать за ним или соглашаются с ситуацией, которая приводит к данному результату» [Nye, 1990, с. 166]. Одним из инструментов проецирования «мягкой силы» является *публичная дипломатия*. Этот термин был введён в 1965 г. Эдмундом Галлионом, деканом Флетчерской школы права и дипломатии Университета Тафтса (США) в качестве эвфемизма для обозначения государственной пропаганды [Лебедева, 2015, с. 41], однако со временем потерял свою негативную коннотацию и начал обозначать любую «официальную коммуникацию, нацеленную на иностранную общественность» [Melissen, 2005, с. 3].

Агентами публичной дипломатии являются индивиды, группы, институты, участвующие в неформальном межгосударственном взаимо-

действию, чья деятельность влияет на выработку внешней политики соответствующих стран. Это могут быть транснациональные корпорации, средства массовой информации, неправительственные организации и даже частные лица, воздействующие на общественное мнение за рубежом. Главной их задачей является формирование привлекательного образа своей страны в сознании иностранной общественности, продвижение основных положений официальной идеологии на неофициальном уровне, увеличение потенциала «мягкой силы» своего государства за счёт убеждения заграничных партнёров в искренности его намерений и поддержание его положительной, заслуживающей доверия репутации. Кроме того, агенты публичной дипломатии, взаимодействуя со своими иностранными контрагентами, получают возможность через них косвенно влиять на принятие политических решений в зарубежных странах. Справедливо и обратное, а именно, возможность агентов публичной дипломатии влиять на корректировку внешнеполитического курса в своей собственной стране, донося мнение иностранной общественности до лиц, принимающих политические решения (осуществляя таким образом механизм обратной связи). Соответственно, «цель публичной дипломатии — это не только трансляция положительной информации о нации, но и участие в выработке внешнеполитических решений с учетом влияния на репутацию страны, которое они окажут» [Долинский, 2012].

Следует иметь в виду, что публичная дипломатия принципиально отличается от таких форм воздействия на иностранное общественное мнение, как пропаганда, международный лоббизм, национальный брендинг и кросс-культурная коммуникация. Это не просто внешнеполитический инструмент, это — часть современных международных отношений, неотъемлемый элемент современной дипломатии. Публичная дипломатия «выстраивается на доверии и нацелена на долгосрочную перспективу» [Melissen, 2005, с. 6–8; 15–17], тогда как пропаганда ассоциируется с дезинформацией, а международный лоббизм — с краткосрочными эффектами. Публичная дипломатия отличается от национального брендинга тем, что ориентируется, в первую очередь, на получение обратной связи, а от кросс-культурной коммуникации — наличием чётко заданных политических целей (улучшение имиджа своей страны, выстраивание партнёрских отношений с иностранными контрагентами). Впрочем, как считают эксперты, «вопрос заключается не столько в имидже, сколько в наполнении концепции мягкой силы серьёзным и достойным содержанием» [Иванченко, 2016].

Исследователи Джеффри Кован и Амелия Арсено выделяют три уровня публичной дипломатии: монолог, диалог и сотрудничество. Уро-

вень монолога необходим для донесения до общественного мнения других стран взглядов, планов, позиции своего государства по тем или иным международным вопросам. На этом уровне работают государственные средства массовой информации, а также отдельные политики, чиновники, дипломаты, выступающие с заявлениями для иностранной прессы. Уровень диалога — это система двусторонней (или многосторонней) коммуникации, которая обеспечивает равноправный обмен мнениями между представителями различных стран. К этому уровню относятся международные конференции, круглые столы, посольские приёмы и т. д. И, наконец, уровень сотрудничества подразумевает совместную работу участников из различных стран над общим международным проектом. Участники таких проектов работают в единой многонациональной команде и совместно достигают конкретных целей, что создает основу для более прочных длительных отношений. Совместные проекты, социальные сети, трансграничные партнерства создают атмосферу доверия и являются источником положительного совместного опыта, который оказывается незаменимым в дальнейшем развитии межгосударственных отношений [Долинский, 2011, с. 66].

В случае молодёжных саммитов Россия — АСЕАН мы имеем дело с третьим, наиболее продвинутым уровнем публичной дипломатии — транснациональным сотрудничеством. Рассмотрим его подробнее.

Исследование: основная часть. Целью настоящего исследования является оценка эффективности молодёжных саммитов Россия — АСЕАН как инструмента публичной дипломатии Российской Федерации. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд последовательных задач:

- определить, в чём состоит «мягкая сила» России;
- выяснить, какие именно элементы «мягкой силы» проецируются вовне во время молодёжных саммитов;
- выработать критерии оценки эффективности проецирования «мягкой силы» на молодёжных саммитах;
- оценить, насколько полно раскрывается потенциал молодёжных саммитов как инструмента проецирования «мягкой силы» России.

Методология исследования. Основываясь на теоретическом подходе, предложенном Дж. Наем-мл. [Нуе, 2008], будем рассматривать публичную дипломатию (и молодёжные саммиты Россия — АСЕАН) как инструмент проецирования «мягкой силы» России в Юго-Восточной Азии. В качестве показателя последней выберем комплексный индекс «мягкой силы», разработанный международным консалтинговым агентством «Портленд Коммьюникейшнз» [McClory, 2016]. Этот индекс ис-

пользует объективные и субъективные данные (в соотношении 70 : 30). Объективные данные включают в себя шесть параметров, по которым оценивается привлекательность того или иного государства:

1. Правительство (Government):
 - модель государственного управления;
 - политические ценности;
 - результаты государственной политики (ИЧР и др.).
2. Культура (Culture):
 - культурное наследие;
 - современное искусство;
 - спортивные успехи.
3. Вовлечённость (Engagement):
 - дипломатические ресурсы;
 - воздействие на иностранную аудиторию;
 - способность определять мировую повестку дня.
4. Образование (Education):
 - привлечение иностранных студентов;
 - содействие международным обменам;
 - вклад в развитие современных обучающих технологий.
5. Цифровые технологии (Digital):
 - развитие информационно-коммуникационных технологий;
 - «цифровая дипломатия» (Twitter, Facebook);
 - распространение интернета.
6. Предпринимательство (Enterprise):
 - национальная бизнес-модель;
 - способность к инновациям;
 - экономическая свобода, борьба с коррупцией и т. д.

Субъективные данные собираются методом массовых опросов в 25 странах мира по нескольким позициям, среди которых — рациональность внешней политики, дружелюбие к иностранцам, привлекательность для проживания, богатство культуры, высокотехнологичная продукция, товары престижного потребления и национальная кухня исследуемого государства.

Несмотря на условность выбранных для оценки критериев, подчас граничащую с произвольностью, на сегодняшний день Портленд-индекс представляет собой единственную комплексную методику оценки «мягкой силы», разработанную в сотрудничестве с Дж. Наем-мл. и отражающую современные реалии (цифровая революция, социальные сети и т. д.). Это обуславливает возможность его применения в данном исследовании.

Следует иметь в виду, что Портленд-индекс определяет потенциал «мягкой силы», но ничего не говорит об эффективности её применения конкретным государством в каждом конкретном случае. Поэтому для оценки эффективности публичной дипломатии воспользуемся методом, предложенным отечественным исследователем А. Ю. Цветковым [Цветков, 2010, с. 115–116]. Он вводит два критерия эффективности:

приближение к целям / отдаление от целей, объективно подлежащих достижению в рамках публичной дипломатии;

полнота / фрагментарность мобилизации ресурсов, находящихся в распоряжении субъектов публичной дипломатии.

Таким образом, построив матрицу, основанную на этих двух критериях, постараемся оценить эффективность молодёжных саммитов Россия — АСЕАН как инструмента публичной дипломатии.

Материалы исследования. В качестве материалов данного исследования используются (1) информационные буклеты, выпущенные организаторами саммитов, (2) материалы, размещённые в социальных сетях (Facebook) по итогам молодёжных саммитов, а также (3) опросы непосредственных организаторов и участников молодёжных саммитов.

Процедура исследования. Сначала оценим потенциал «мягкой силы» России (которая в 2016 году заняла 27 место в глобальном рейтинге «The Soft Power 30», составляемом агентством «Портленд Коммьюникейшнз»¹), а затем рассмотрим, как этот потенциал реализовывался в ходе молодёжных саммитов Россия — АСЕАН.

Результаты исследования. В соответствии с поставленными целями и задачами исследования, были достигнуты следующие результаты:

1. Определение потенциала «мягкой силы» России.

Согласно индексу «The Soft Power 30» за 2016 г., потенциал «мягкой силы» России распределился по категориям:

- Вовлечённость — 8 место;
- Цифровые технологии — 11 место;
- Культура — 14 место;
- Образование — 20 место;
- Предпринимательство — 27 место;
- Правительство — 30 место;
- Опрос экспертов — 30 место.

Анализируя эти данные, мы видим, что потенциал международной привлекательности России сосредоточен, прежде всего, в её вовлеченно-

¹ Материалы официального сайта «Портленд Коммьюникейшнз». URL: <http://softpower30.portland-communications.com/ranking/>

сти в общемировые процессы, успехе «цифровой революции» и богатстве культурного наследия. Вместе с тем, уровень «мягкой силы» в сфере образования, предпринимательства и государственных институтов не высок, что обусловлено особенностями российской модернизации и теми проблемами, с которыми страна сталкивается при её проведении. Несмотря на существующий резерв «мягкой силы», субъективно Россия воспринимается в качестве аутсайдера (последнее место в экспертном опросе), что говорит о необходимости актуализировать имеющийся потенциал.

2. Выяснение того, какие именно элементы «мягкой силы» проецируются вовне во время молодёжных саммитов.

Рассмотрим основные элементы «мягкой силы» России и механизмы их проекции на зарубежную аудиторию:

1. Правительство

- государственная поддержка традиционных ценностей (семья, религия и т. п. «духовные скрепы»);
- многонациональность и многоконфессиональность, толерантность к представителям различных этносов и конфессий;
- государственная поддержка молодёжи (Росмолодёжь и др.).

2. Культура

- богатое культурно-историческое наследие (музеи, балет и др.);
- развитая туристическая индустрия («Золотое кольцо» и др.);
- спортивные успехи (хоккей, фигурное катание, пулевая стрельба и др.).

3. Вовлечённость

- постоянное членство в Совете Безопасности ООН;
- участие в БРИКС, G-20, АСЕМ и других международных форумах;
- широкая сеть дипломатических учреждений (посольств, консульств);
- государственная поддержка публичной дипломатии (Фонд Горчакова).

4. Образование

- привлечение иностранных студентов (РУДН и другие вузы);
- содействие международным обменам (государственные стипендии для иностранцев, приезжающих учиться в Россию, и для россиян, проходящих стажировку за границей);
- распространение русского языка и культуры за рубежом (Фонд «Русский мир»).

5. Цифровые технологии

- использование высшими должностными лицами Twitter, Instagram и др. социальных сетей;

- широкое вещание на иностранную аудиторию (Голос России, RT).

6. Предпринимательство

- транснациональные корпорации (Газпром, Русал, Алроса и др.);
- молодёжные старт-апы (Бизнес-инкубатор МГИМО).

Молодёжные саммиты (и саммиты Россия-АСЕАН не исключение) представляют собой прекрасную площадку для осуществления публичной дипломатии и актуализации потенциала «мягкой силы» государства. Так, государственная поддержка проведению молодёжных мероприятий (на уровне заместителей министра иностранных дел России, послов, других авторитетных фигур) способствует формированию благоприятного имиджа правительства нашей страны, уделяющего приоритетное внимание делам молодёжи. Во время международных саммитов их участникам прививается чувство толерантности к инокультурным традициям, ощущение причастности к мировому экспертному сообществу, готовность к межнациональному и межконфессиональному диалогу.

Богатое культурно-историческое наследие нашей Родины как элемент «мягкой силы» актуализируется посредством культурной программы саммитов. Как правило, каждый молодёжный саммит Россия-АСЕАН сопровождается выступлениями музыкантов, танцоров, певцов, конкурсом тематических фотографий, обзорным туром по городу, принимающему саммит, а также угощением блюдами национальной кухни стран-участниц. Взаимодействие в неформальной обстановке способствует приобщению будущих лидеров из стран АСЕАН к богатой российской культуре, помогает установить контакты между ними и их российскими сверстниками, что создаёт весомый задел на будущее.

Вовлечённость России в мировые дела ярко проявляется в тематике молодёжных саммитов, освещающих ключевые двусторонние проблемы:

- Первый саммит — «Что значит Россия для АСЕАН? Что значит АСЕАН для России?».
- Второй саммит — «Развитие российско-асеановской связанности: торговля и инвестиции, СМИ, образование».
- Третий саммит — «Молодежь России — молодежь АСЕАН: расширение связей на уровне регионов».
- Четвёртый саммит — «Молодая АСЕАН — молодая Россия: к большей взаимосвязанности молодёжи».

Затрагивая данную проблематику, организаторы саммитов позиционируют Россию и АСЕАН как важных акторов многополярного мира, сотрудничество между которыми не только желательно, но и необходимо ради укрепления международной безопасности.

Привлекательность России в сфере образования наглядно демонстрируется на примере ведущих российских вузов — МГИМО МИД России (Москва) и Дальневосточного федерального университета (Владивосток). Гости из-за рубежа имели возможность не только ознакомиться с кампусом и библиотекой принимающего университета, но и познакомиться со своими российскими сверстниками и окунуться в их бурную студенческую жизнь. Логичным продолжением такого рода образовательных контактов могла бы стать регулярная презентация культурно-просветительской деятельности Фонда «Русский мир» в странах АСЕАН, ориентированная на участников российско-асеановских молодёжных саммитов.

Содействие российских СМИ в информационном освещении саммитов предоставляет уникальную возможность распространить новости о данных мероприятиях по всему миру, включая государства АСЕАН. Благодаря этому молодёжные саммиты приобретают большую известность и в России, и за рубежом, что позволяет расширить круг их потенциальной аудитории далеко за пределы списка непосредственных участников. Таким образом, эффективность саммитов как инструмента публичной дипломатии существенно возрастает. Той же цели служит использование социальных сетей (в частности, Facebook) для информационной раскрутки будущих саммитов и последующего поддержания контактов между их бывшими участниками. В частности, одним из итогов Третьего молодёжного саммита стало создание по инициативе его индонезийских выпускников неформальной Молодежной ассоциации Россия-АСЕАН и её медиа-платформы RUSSEAN.org (на индонезийском, русском и английском языках), что можно считать реальным достижением российской публичной дипломатии.

Актуализация предпринимательства как элемента «мягкой силы» России выражается в информационной поддержке саммитов Деловым советом Россия-АСЕАН. Это, пожалуй, самое слабое звено в системе проецирования российской «мягкой силы» через механизм молодёжных саммитов. Представляется, что в будущем имело бы смысл активнее развивать это направление: например, организовать конкурс совместных российско-асеановских молодёжных старт-апов с призами в виде первоначальной помощи по их реализации (наподобие бизнес-инкубатора МГИМО) с использованием, скажем, средств Финансового фонда диалогового партнёрства Россия — АСЕАН.

3. Выработка критериев оценки эффективности проецирования «мягкой силы» на молодёжных саммитах.

Таблица 1

Оценочная таблица для опроса экспертов

Критерии эффективности	Нет	Скорее нет	Не ясно	Скорее да	Да
Достижение поставленных целей	0	1	2	3	4
Полнота мобилизации ресурсов	0	1	2	3	4

Таблица 2

Матрица критериев эффективности «мягкой силы»

Направления / критерии	Цели	Ресурсы
Правительство	Формирование благоприятного имиджа официальной России. Распространение российских ценностей.	Участие в саммитах официальных лиц. Участие в саммитах представителей традиционных религий.
Культура	Ознакомление с «высокой» российской культурой. Ознакомление с бытовой культурой (традиции, национальная кухня и т.д.).	Культурные программы саммитов. Неформальные студенческие контакты.
Вовлечённость	Развитие институтов публичной дипломатии. Вклад саммитов в решение международных проблем.	Организационная поддержка саммитов со стороны МИД России. Повестка дня саммитов.
Образование	Содействие международным обменам. Формирование благоприятного имиджа российских вузов.	Участие в саммитах представителей Фонда «Русский мир». Неформальные студенческие контакты.
Цифровые технологии	Распространение информации о проведении саммитов. Поддерживание персональных контактов во время и после саммитов.	Информационная поддержка саммитов со стороны ведущих СМИ. Использование социальных сетей для объединения выпускников.
Предпринимательство	Формирование благоприятного имиджа российского бизнеса. Развитие двустороннего молодёжного предпринимательства.	Участие в саммитах представителей деловых кругов. Поддержка совместных российско-асеановских стартапов.

Как уже отмечалось выше, основными критериями эффективности публичной дипломатии (по А. Ю. Цветкову) являются:

- приближение к целям / отдаление от целей, объективно подлежащих достижению в рамках публичной дипломатии;
- полнота / фрагментарность мобилизации ресурсов, находящихся в распоряжении субъектов публичной дипломатии.

Построим матрицу, объединяющую основные направления проецирования «мягкой силы» России в Юго-Восточной Азии посредством молодёжных саммитов с критериями эффективности подобного проецирования. Для их количественной оценки используем следующую таблицу 1.

Построим матрицу, охватывающую основные элементы «мягкой силы» России, с одной стороны, и критерии их эффективности, с другой: таблица 2.

Каждому из критериев ставится в соответствие оценочный балл, выбираемый экспертами. На основании этих баллов строится лепестковая диаграмма, показывающая эффективность молодёжных саммитов как инструмента проецирования «мягкой силы» России на конкретных направлениях.

4. Оценка того, насколько полно раскрывается потенциал молодёжных саммитов как инструмента проецирования «мягкой силы» России.

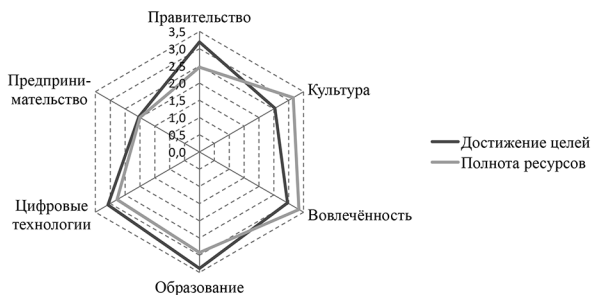
По результатам опросов российских экспертов, принимавших участие в молодёжных саммитах Россия — АСЕАН, была составлена следующая таблица: таблица 3.

Таблица 3

Экспертная оценка критериев эффективности проецирования «мягкой силы» на молодёжных саммитах

Направления / критерии	Цели			Ресурсы		
	№1	№2	ИТОГО	№1	№2	ИТОГО
Правительство	3,6	2,8	3,2	3,6	1,3	2,5
Культура	2,2	2,8	2,5	2,8	3,5	3,2
Вовлечённость	3,5	2,4	3,0	3,4	3,3	3,3
Образование	3,3	3,5	3,4	2,8	3,1	2,9
Цифровые технологии	2,9	3,2	3,1	2,5	3,0	2,8
Предпринимательство	2,2	1,8	2,0	2,3	1,7	2,0

По результатам экспертных оценок построим следующую диаграмму:

Анализ результатов

Исходя из анализа представленной диаграммы, можно предположить, что молодёжные саммиты наилучшим образом обеспечивают проекцию российской «мягкой силы» в трёх сферах: образование, вовлечённость и цифровые технологии. Кроме того, стоит отметить, что цель формирования благоприятного имиджа официальной России (вектор «Правительство») и отечественных вузов (вектор «Образование») была достигнута несмотря на недостаточное использование имеющихся ресурсов публичной дипломатии. В сфере культуры, напротив, полнота задействованных ресурсов не обеспечила соответствующее достижение поставленных целей. Но хуже всего дело обстоит с предпринимательством, вектор развития которого (включая ресурсный потенциал) существенно отстаёт от других векторов «мягкой силы».

Таким образом, мы видим, что эксперты-участники российско-асеановских молодёжных саммитов в целом весьма положительно оценивают свой опыт задействования в подобного рода мероприятиях и полагают, что они являются важным элементом проецирования российской «мягкой силы» в Юго-Восточной Азии. Что же касается выявленных в ходе анализа недоработок, то, по-видимому, они имеют временный характер, связанный с недостаточной институционализированностью саммитов (этот вопрос поднимался, в частности, на четвёртом молодёжном саммите в Камбодже). Нужно сказать, что в этой области уже был накоплен большой задел, который требует вдумчивого осмысления. Представляется, что по мере развития данной формы публичной дипломатии имеющиеся недоработки будут устранены.

Заключение.

По результатам проведённого анализа можно сделать следующие выводы:

Во-первых, молодёжные саммиты являются достаточно эффективным средством осуществления публичной дипломатии: суммарная экспертная оценка их эффективности находится на уровне 2,9 баллов для степени достижения целей и 2,8 баллов для полноты задействованных ресурсов (при максимуме в 4 балла).

Во-вторых, что вполне ожидаемо, максимальный балл (3,4) набрал вектор «Образование». Это свидетельствует об эффективности молодёжных саммитов прежде всего как инструмента распространения информации о российской образовательной системе и тех возможностях, которые она предоставляет для иностранных студентов, в том числе из стран АСЕАН.

В-третьих, учитывая относительно невысокий балл, набранный по вектору «Предпринимательство» (2,0), при проведении будущих саммитов имеет смысл уделять этому направлению дополнительное внимание. В качестве предложения по усовершенствованию программы саммитов можно рассмотреть вариант регулярного проведения конкурсов совместных российско-асеановских молодёжных старт-апов.

Безусловно, автор отдаёт себе отчёт в том, что полученные им в ходе исследования результаты являются дискуссионными. Принимая во внимание несовершенство предложенной автором методики количественного анализа эффективности проецирования российской «мягкой силы» в Юго-Восточной Азии, нельзя исключить возможность появления ошибочных оценок. Однако следует, тем не менее, отметить, что данная методика позволяет в первом приближении получить представление о практических результатах проводимых ежегодно российско-асеановских молодёжных саммитов, и в этом своём качестве заслуживает определённое право на существование.

Литература

1. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 30.11.2016 № 640 [Электронный ресурс]. База данных «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.12.2016).
2. Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. База данных «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.12.2016).
3. Долинский А. Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 1. С. 63–73.

4. Долинский А. В. Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России? // Российский совет по международным делам. 12 сентября 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=791#top-content (дата обращения: 16.10.2016).
5. Иванченко В. Мягкая сила России: что мы делаем не так? // International Studies. Ru. 05 июля 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://internationalstudies.ru/stati/rossiya/item/144-myagkaya-sila-rossii-cto-my-delaem-ne-tak.html> (дата обращения: 16.10.2016).
6. Лебедева О. Особенности института публичной дипломатии в России // Международная жизнь. 2015. № 6. С. 41–56.
7. Цветков А. Ю. Публичная дипломатия как ресурс внешней политики: проблема эффективности // Вестник СПбГУ. Серия 6. 2010. № 3. С. 110–116.
8. McClory J. The Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power. London-New York-Washington DC: Portland Communications, 2016. 120 с.
9. Melissen J. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice // The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations / Ed. by J. Melissen. Houndmills-N.Y.: Palgrave MacMillan, 2005. с. 3–27.
10. Nye, Jr. J. S. Soft Power // Foreign policy. 1990. Т. 80. С. 153–171.
11. Nye, Jr. J. S. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Т. 616. № 1. С. 94–109.

RUSSIA-ASEAN YOUTH SUMMITS AS A TOOL FOR PUBLIC DIPLOMACY: PRELIMINARY ESTIMATES OF EFFECTIVENESS

Ksenia A. EFREMOVA

Abstract. *The paper discusses the problem of effectiveness of annual Russia-ASEAN Youth Summits taken as an instrument for implementation of Russia's public diplomacy in South-East Asia. Basing on Joseph S. Nye, Jr. writings on the concept of «soft power» and the methodology of «soft power» estimates elaborated by the Portland Communications international consulting agency, the author presents her own method of expert evaluation for the effectiveness of Russia's «soft power» projection during Russia-ASEAN Youth Summits. Following A. Yu. Tsvetkov, the author defines «effectiveness» as a function of two variables, namely, (1) the achievement of intended goals, and (2) the usage of available resources.*

In the course of study, building upon the polling of experts, a matrix is constructed, which combines major directions of Russia's «soft power» projection in South-East Asia via Youth Summits with criteria of the projection effectiveness. Each criterion is given a score defined by experts. Based on these scores, a diagram is drawn demonstrating the effectiveness of Youth Summits as an instrument for Russia's «soft power» projection on chosen directions.

According to the results of the diagram's analysis the following conclusions are made:

First, Youth Summits are an effective means of public diplomacy. The overall score of their effectiveness lies at 2.9 points for the achievement of intended goals, and 2.8 points for the usage of available resources (with the maximum of 4.0 points).

Second, quite expectedly, the maximum score (3.4 points) is given to the Education vector of «soft power» projection. It testifies that Youth Summits are particularly effective as a tool for spreading information on the Russian educational system and the opportunities that it provides for foreign students, including the ASEAN students.

Third, regarding a relatively low score given to the Enterprise vector of «soft power» projection (2.0 points), it makes sense to draw special attention to this sphere at future summits. It may be proposed that, in order to amend the summits' programme, regular competitions of joint Russia-ASEAN youth start-ups may be organised.

Key words: «soft power», public diplomacy, Russia, ASEAN, youth summits.

References

1. Concept of foreign policy of the Russian Federation. Approved by the Decree of the President of the Russian Federation 30.11.2016 № 640 [Digital resource]. «Consultant Plus» database (Accessed on: 16.12.2016).
2. Decree of the President of the Russian Federation 07.05.2012 № 605 «About measures for realization of the foreign policy of the Russian Federation». [Digital resource]. «Consultant Plus» database (Accessed on: 16.12.2016).
3. Долинский, А. (2011). Дискурс о публичной дипломатии. *Международные процессы*, 9(1), 63–73. [Dolinskii, A. (2011). Diskurs o publichnoi diplomatii (Public Diplomacy Discourse). *Mezhdunarodnye protsessy*, 9(1), 63–73.]
4. Долинский, А.В. (2012) Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России? [Dolinskii, A.V. (2012) Chto takoe obshchestvennaia diplomatiia i zachem ona nuzhna Rossii? (What is Public Diplomacy and Why We Need It in Russia?) URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=791#top-content (Accessed on: 16.10.2016).
5. Иванченко, В. (2016) Мягкая сила России: что мы делаем не так? [Ivanchenko, V. (2016) Miagkaia sila Rossii: chto my delaem ne tak? (Russia's Soft Power: What We Do In A Wrong Way?) URL: <http://internationalstudies.ru/stati/rossiya/item/144-myagkaya-sila-rossii-chto-my-delaem-ne-tak.html> (Accessed on: 16.10.2016).
6. Лебедева, О. (2015). Особенности института публичной дипломатии в России. *Международная жизнь*, 6, 41–56. [Lebedeva, O. (2015). Osobennosti

- instituta publichnoi diplomatii v Rossii (Specifics of the Public Diplomacy in Russia). *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 6, 41–56.]
7. Цветков, А. Ю. (2010) Публичная дипломатия как ресурс внешней политики: проблема эффективности. *Вестник СПбГУ, Серия 6, 3*, 110–116. [Tsvetkov, A. Ju. (2010) Publichnaia diplomatiia kak resurs vneshnei politiki: problema effektivnosti. (Public Diplomacy as a Resource of Foreign Policy: A problem of Effectiveness). *Vestnik SPbGU, Serii 6, 3*, 110–116]/
 8. McClory, J. (2016). *The Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power 2016*. London-New York-Washington DC: Portland Communications.
 9. Melissen J. (2005). The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice. *The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations*. Houndmills-N.Y.: Palgrave MacMillan.
 10. Nye, Jr., J. S. (1990). Soft Power. *Foreign policy*, 80, 153–171.
 11. Nye, Jr., J. S. (2008). Public Diplomacy and Soft Power. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 616(1), 94–109.

Информация об авторе

Ефремова Ксения Александровна

Московский государственный институт международных отношений МИД России, доцент кафедры востоковедения, кандидат политических наук

E-mail: efremova@mgimo.ru

Ksenia A. Efremova

Moscow State Institute of International Relations, Department of Asian and African Studies, Associate Professor,
PhD in Political Science

E-mail: efremova@mgimo.ru

НА ПУТИ К ЕВРАЗИЙСКОМУ ПАРТНЕРСТВУ: ФОРМАТ АСЕАН — ШОС — ЕАЭС И ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И АСЕАН

Е. А. КАНАЕВ, А. С. КОРОЛЕВ

***Аннотация.** Успех российской политики «поворота на Восток» в значительной степени зависит от ее увязки с процессами, проходящими в более широком географическом ареале. Выступая одним из идейных вдохновителей формирования нового мирового геоэкономического и геостратегического полюса — Большой Евразии, в 2016 г. российская дипломатия достигла ощутимых успехов на этом направлении. Фиксация стремления России и АСЕАН на Юбилейном саммите в г.Сочи двигаться к формированию отношений стратегического партнерства сопровождалась призывом к налаживанию сотрудничества между АСЕАН, ЕАЭС и ШОС. Продвижение данной инициативы укрепляет основу для формирования Сообщества Большой Евразии, в котором Россия и страны АСЕАН будут играть одну из ведущих ролей. Выполнение столь масштабной задачи требует комплексного подхода, важная составляющая которого — аналитическое сопровождение процесса формирования евразийского центра мировой политики и экономики (или, пользуясь официальной терминологией, Евразийского партнерства) с учетом интересов его участников, в числе которых Россия и страны АСЕАН.*

Наибольший вклад в развитие представлений о формировании Большой Евразии внесли работы экспертов Международного дискуссионного клуба «Валдай» (Караганов С. А., Бордачев Т. В., Алексеенкова Е. С., Афонцев С. А., Лукин А. В.), труды китайских (Ли Синь, Фэн Шаолей, Бэй Вэньли) и казахстанских авторов (Сыроежкин К. Л., Сарабеков Ж.)

Теоретико-методологическую основу исследования составила неолиберальная парадигма теории международных отношений, в частности, теория комплексной взаимозависимости.

В ходе подготовки исследования Канаев Е. А. и Королев А. С. применили широкий методологический инструментарий, включая анализ статистических данных, опросы российских бизнесменов, экспертов и представителей органов государственной власти, анализ норма-

тивно-правовой базы многостороннего сотрудничества. Были рассмотрены документы, отражающие перспективные планы АСЕАН и содержание российско-асеановского сотрудничества, в числе которых — Сочинская декларация Юбилейного саммита Россия — АСЕАН, Генеральный план АСЕАН по наращиванию взаимосвязей 2025 и другие.

К основным результатам исследования правомерно отнести выявление факторов, определяющих объективность запроса АСЕАН и России на развитие сотрудничества в Евразии, а также оценку влияния евразийского контекста на сотрудничество между Россией и АСЕАН и эволюцию мирового порядка. Ключевой вывод таков, что основу формирования нового глобального полюса роста — Большой Евразии — составит прагматичное и взаимовыгодное сотрудничество в формате АСЕАН — ШОС — ЕАЭС на основе принципов, разработанных АСЕАН и разделяемых другими участниками, включая Российскую Федерацию.

Ключевые слова: многостороннее сотрудничество, АСЕАН, ШОС, ЕАЭС, Россия, Большая Евразия

Введение. Актуальность проведенного исследования состоит в объективно существующей необходимости экспертного сопровождения перспективных планов России и Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), озвученных в мае 2016 г., двигаться к формированию отношений стратегического партнерства. Констатируя ограниченность ресурсов России как партнера АСЕАН для успешного выполнения поставленной задачи, авторы предлагают подход к ней с учетом более широкого контекста их отношений. Дополнительную актуальность исследованию придает то обстоятельство, что назревшая потребность в усилении тенденций к сотрудничеству в мировой экономике, политике и безопасности требует инновационных политических и экспертных решений, содействующих реализации этого сценария на двустороннем, субрегиональном и региональном уровнях.

Теоретические основания исследования. Теоретико-методологическую основу исследования составляет неолиберальная парадигма, в частности теория комплексной взаимозависимости. Моделирование сотрудничества АСЕАН — ШОС — ЕАЭС демонстрирует, что наращивание инфраструктурной и человеческой взаимосвязанности между сторонами, налаживание регулярных каналов многосторонней коммуникации является наиболее эффективным инструментом координации перспективных планов России и Ассоциации, создавая условия для формирования отношений стратегического партнерства.

Исследование: основная часть. Гипотезой данного исследования является утверждение, что оптимальной институциональной основой

для формирования отношений стратегического партнерства между Россией и АСЕАН станет формат АСЕАН — ШОС — ЕАЭС.

Методология исследования. Методология исследования включает в себя основные положения неолиберализма как направления теории международных отношений. В основу методологии исследования положен системный подход, фундаментом которого является системная теория. Международные отношения представлены как взаимодействие как собственно акторов — участников процесса создания Сообщества Большой Евразии, так и независимых переменных, прежде всего, ресурсного потенциала Сибири и Дальнего Востока.

Ключевым методом исследования является анализ статистических данных, когнитивное картирование и контент-анализ нормативно-правовой базы многостороннего сотрудничества. Важным источником данных для анализа являются опросы российских бизнесменов, экспертов и представителей органов государственной власти, ответственных за выработку внешнеполитической стратегии России на азиатско-тихоокеанском направлении.

Участники исследования. Канаев Евгений Александрович, д. ист. н., профессор факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; Королев Александр Сергеевич, младший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ.

Материалы исследования. В ходе подготовки исследования были использованы статистические материалы (данные по товарообороту АСЕАН с партнерами по диалогу), официальные документы (выступления Президента РФ В. Путина, Сочинская декларация юбилейного саммита Россия — АСЕАН, Генеральный план АСЕАН по наращиванию взаимосвязей 2025), аналитические материалы (доклады экспертов международного дискуссионного клуба «Валдай» и Российского совета по международным делам), статьи отечественных и зарубежных ученых.

Процедура исследования. Исследование содержит выявление проблем и перспектив сотрудничества между Россией и АСЕАН в контексте формирующегося нового геоэкономического и геостратегического пространства Большой Евразии. Основными инструментами исследования являются теория неолиберализма и анализ первичных источников.

В 2016 г. заметным внешнеполитическим дискурсом РФ стало формирование евразийского геополитического пространства как самостоятельного глобального полюса. Об этом трижды говорил Президент РФ²,

² Петербургский международный экономический форум. (2016). Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. Retrieved from <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>

эта тема стала одной из центральных в публикациях ведущих российских экспертов-международников, многие из которых как напрямую участвуют в процессе выработки внешнеполитического курса РФ, так и формируют интеллектуальную среду, под воздействием которой он развивается³.

В марте того же года в г. Сочи состоялся Юбилейный саммит Россия — АСЕАН, ознаменовавший двадцатилетнюю годовщину их полномасштабного диалогового партнерства. По итогам саммита было принято решение о формировании отношений стратегического партнерства⁴.

Такое предполагает устойчивый, долгосрочный и взаимовыгодный характер отношений. Возникает закономерный вопрос о наличии для этого соответствующих ресурсов: ведь экономические позиции России в Юго-Восточной Азии значительно слабее, чем таковые других региональных игроков — Китая, США, Японии, Индии и даже Южной Кореи. Или целесообразно смотреть шире, за пределы собственно «двустороннего» российско-асеановского сегмента, увязывая его с евразийским измерением российской политики? Или, возможно, наиболее важная причина кроется в изменении международных приоритетов АСЕАН?

Спектр поставленных вопросов нуждается в адекватном осмыслении, которое, если судить по предпринятым к настоящему времени попыткам, находится на начальной стадии.

Двадцать лет полномасштабного диалогового партнерства: что сделано и не сделано

С 1996 г. отношения между Россией и АСЕАН развиваются в формате полномасштабного диалогового партнерства. Хотя формально содержание таких партнерств (а их у Ассоциации существует немало) не раскрыто в официальных документах, их суть состоит в особо доверительном характере, позволяющем российским представителям участвовать в заседаниях асеаноцентричных диалоговых форматов. Это

³ Караганов, С. А., Барабанов, О. Н., & Бордачев, Т. В. (2016); К Великому океану — 4: поворот на Восток. Предварительные итоги и новые задачи. М.: Валдайский клуб; Ефременко, Д. В. (2016). Рождение Большой Евразии. Россия в глобальной политике; Бордачев, Т. В. (2016). Поворот на Восток и Евразийское всеобъемлющее партнерство. Международный дискуссионный клуб «Валдай».

⁴ Саммит Россия — АСЕАН. (2016). Сочинская декларация Юбилейного саммита Россия — АСЕАН в связи с 20-летием установления диалогового партнерства между Российской Федерацией и АСЕАН «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству». Retrieved from file:///C:/Users/E/Downloads/Sochi_Declaration_RUS%20(2).pdf

сделало возможным ряд достижений российско-асеановского сотрудничества, к которым правомерно отнести следующие.

Прежде всего, Россия не декларативно, а реально поддерживает центральную роль АСЕАН в таких диалоговых площадках, как Региональный форум АСЕАН (АРФ), Совещание министров обороны (СМО) АСЕАН+8 и Восточноазиатский саммит (ВАС). На этих заседаниях российская дипломатия предлагает инициативы, нацеленные на купирование остроты основных угроз азиатско-тихоокеанской безопасности, а, следовательно, содействующие укреплению этой роли. В числе таких предложений — Рамочные принципы укрепления безопасности и развития сотрудничества в АТР, нацеленные на создание в регионе системы «неделимой безопасности» на основе положений Балийского договора АСЕАН и Декларации ВАС 2011 г. о принципах взаимовыгодных отношений⁵. Перспектива нарастания китайско-американского соперничества в АТР с приходом новой американской администрации делает реализацию российских предложений не только давно назревшим, но и крайне своевременным шагом.

Немаловажным достижением можно считать запуск антитеррористического сотрудничества в октябре 2012 года. Практика показала, что политика ИГИЛ (запрещенного в РФ) носит глобальный характер, и Юго-Восточная Азия не может быть и не будет изолирована от ее влияния⁶. Обмениваясь опытом с правоохранительными органами государств ЮВА, Россия учится и у них, являясь наблюдателем при организации АСЕАНПОЛ, аналоге ИНТЕРПОЛа в Юго-Восточной Азии.

Оформление и последующее укрепление глобальной составляющей интересов АСЕАН проходило, в том числе, под российским влиянием во время взаимодействия на глобальных диалоговых площадках. Россия принимает во внимание индонезийский фактор в глобальном мусульманском движении (например, Организации исламского сотрудничества, наблюдателем в которой Россия является с 2005 г.), присутствие Индонезии на заседаниях Большой двадцатки. С другими государствами ЮВА Россия проводит обсуждения вопросов мирового развития «на полях» заседаний ГА ООН.

⁵ Министерство иностранных дел Российской Федерации. (2012). Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на пленарном заседании 7-го Восточноазиатского саммита, Пномпень, 20 ноября 2012 года. Retrieved from http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWmR/content/id/134194

⁶ Канаев, Е.А., Демиденко, С.В. (2016). ИГИЛ в Юго-Восточной Азии в современной американской политике. Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 29, 33–53.

Позитивный эмоциональный климат российско-асеановского сотрудничества не в последнюю очередь обусловлен отсутствием негативной исторической памяти. В этом состоит отличие России от других крупных внерегиональных партнеров Ассоциации. Народы стран ЮВА еще долго будут помнить политику Японии во время Войны на Тихом океане, а Вьетнам — действия США во время Второго индокитайского конфликта. Китайские ошибки, совершаемые непреднамеренно, в силу простого стечения обстоятельств, волей-неволей будут вызывать аллюзии с худшими историческими прецедентами китайской политики в ЮВА. У России такой негативный багаж отсутствует, что позволяет ей выстраивать взаимоотношения со странами ЮВА без оглядки на прошлое. Отсюда — устойчивый интерес стран ЮВА к развитию сотрудничества с Россией в такой деликатной сфере, как ВТС. В государствах азиатского юго-востока Россия не ассоциируется с игроком, сотрудничество с которым может нанести ущерб их обороноспособности, в том числе вследствие технологической привязки к российским вооружениям и военной технике.

Вместе с тем бесспорные достижения российско-асеановского полномасштабного диалогового партнерства до настоящего времени не способствовали наращиванию сотрудничества по линии как взаимной торговли, так и совместно реализуемых проектов.

По итогам 2015 г. торговля между Россией и странами АСЕАН составила 13,3 млрд долл., в то время как торговля АСЕАН с Китаем, Японией и США — 345,7 млрд долл., 238,0 млрд долл. и 212,3 млрд долл. соответственно⁷.

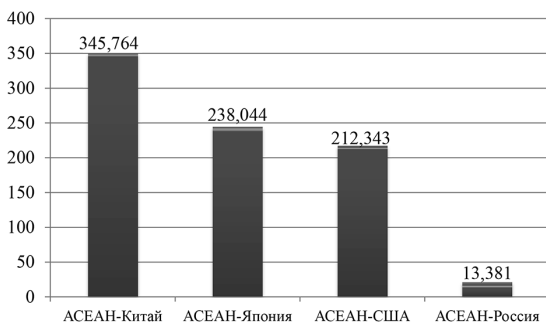

Рис. 1. Товарооборот АСЕАН с партнерами, 2015 г., млн долларов
Источник: ASEAN Secretariat

⁷ ASEAN Secretariat. (2016). ASEAN trade by selected partner country/region. Retrieved from http://asean.org/storage/2016/11/Table19_as-of-6-dec-2016.pdf

Ощутимо буксуют проекты, значимость которых, казалось бы, бесспорна для тех стран ЮВА, где они будут реализованы. Сроки строительства АЭС Ниньтхуан-1 неоднократно переносились, несмотря на то, что этот проект гарантированно внесет лепту в укрепление энергетической безопасности СРВ. Не набрало должного темпа и строительство при российском участии морского угольного терминала и железной дороги в Индонезии. В этом контексте нужно учитывать, что Россия не является для стран ЮВА альтернативным партнером — та же Япония проявляет повышенный интерес к развитию инфраструктуры стран ЮВА и готовность ее подкрепить финансово⁸. Не говоря о Китае, чей проект «Один пояс, один путь» ставит развитие инфраструктуры своих партнеров на первое место.

Одним словом, в российско-асеановских отношениях не сделано главное — экономическое сотрудничество не выведено на самовоспроизводящийся уровень. Причины такой ситуации изучены достаточно детально. Не пересказывая существующие публикации и отсылая заинтересованную аудиторию к ним напрямую⁹, подчеркнем, что эти проблемы носят системный характер и не могут быть устранены за короткий срок. Следовательно, к задаче наращивания экономических связей, равно как формированию отношений стратегического партнерства, России и АСЕАН необходимо подходить с другой стороны.

Почему Евразия?

Постановка такого вопроса тем более правомерна, что России и ее партнерам из стран азиатского юго-востока, как было показано выше, было бы логично сначала привести в порядок свои дела в ЮВА, используя для этого «прорывные» интеллектуальные решения и лучшие практики других партнеров Ассоциации, и только потом нацеливаться на что-то за ее пределами. До недавнего времени именно так и было: накануне очередной «круглой даты» российско-асеановских отношений объявлялось о начале новых проектов, которые, как правило, быстро входили в состояние перманентного пролонгирования из-за объективной невозможности России нарастить ресурсы, которые были бы сопоставимыми с китайскими, японскими или американскими. Выхода из сложившейся ситуации, как казалось, не было.

⁸ Das, S.B. (2016). ASEAN's Regional Integration will be Determined by Better Connectivity in the Future. ISEAS Perspective, 28, 1–9.

⁹ Sumsky, V., & Kanaev, E. (2014). Russia's Progress in Southeast Asia: Modest But Steady. Russian Analytical Digest, 145, 2–4; Михеев, В., Вода, Е., Войтоловский Ф., Журавлева, В., Канаев, Е., Клюева, Е., Ларин, В., Луконин, С., Луконина, Ю., Потапов, М., Рябов, А., Савельев, А., Федоровский, А., & Швыдко, (2014). В. Дисбалансы транстихоокеанского пространства /Отв. ред. В.В. Михеев, ВГ. Швыдко.— М. : Магистр, 307–315.

Его появлению способствовало изменение международных приоритетов АСЕАН в сторону укрепления в них глобальной составляющей. Глобализация угроз международной безопасности и вызовов устойчивому развитию, с которыми сталкиваются страны ЮВА, требует от Ассоциации своевременного и адекватного отклика. Состояние проблемы Южно-Китайского моря отчетливо демонстрирует неэффективность как региональных диалоговых форматов (отсутствие Итоговой декларации малайзийской встречи участников СМО АСЕАН+8), так и глобальных. Решение Постоянной палаты третейского суда в Гааге не только не способствовало снижению остроты противоречий из-за Южно-Китайского моря, но и раскачало их еще больше. Эволюция северокорейской ядерной проблемы с двумя испытаниями на протяжении одного лишь 2016 г. подталкивает Ассоциацию к очевидному выводу: в обозримой перспективе превращение ЮВА в зону, свободную от ядерного оружия, останется не более чем благим пожеланием. Заявление ИГИЛ о ЮВА как о потенциальном театре борьбы с неверными побуждает Ассоциацию отслеживать развитие событий на Ближнем Востоке более пристально, чем она это делала до сих пор¹⁰.

Глобализируются «ведомые» Ассоциацией форматы и проекты экономического сотрудничества. Инициативы, реализуемые участниками диалоговой площадки АСЕАН+3, и проект Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (РВЭП) остаются в числе немногих механизмов, позволяющих состояться «веку Азии». Другой реализуемый в АТР проект экономического регионализма — Транстихоокеанское партнерство, не включающий Китай, Индию и Индонезию — фактически, подрывает сами его основы, подменяя «азиатский век» «американским веком».

Сталкиваясь с необходимостью дать ответ на фундаментальный вопрос — за счет каких ресурсов укреплять свои глобальные позиции — Ассоциация отдает приоритет мероприятиям по наращиванию региональной взаимосвязанности в ее инфраструктурном, институциональном и «межчеловеческом» измерениях. Глобализация интересов АСЕАН просматривается и тут — в Генеральном плане АСЕАН по наращиванию взаимосвязей 2025, принятом в 2016 г., этой теме уделено значительно больше внимания, чем в предыдущей версии¹¹. Причина

¹⁰ South Front. (2016). ISIS Declares Caliphate in Southern Philippines, Seizes Island. Retrieved from <https://southfront.org/isis-declares-caliphate-in-southern-philippines-seizes-island/>

¹¹ ASEAN Secretariat. (2016). Master Plan on ASEAN Connectivity 2025. Retrieved from <http://asean.org/storage/2016/09/Master-Plan-on-ASEAN-Connectivity-20251.pdf>

состоит в стремлении АСЕАН подтолкнуть своих внерегиональных партнеров к финансированию трансграничной инфраструктуры ЮВА. В свою очередь, партнеры Ассоциации увязывают взаимосвязанную в инфраструктурном, институциональном и межчеловеческом отношении ЮВА со своими приоритетами в других регионах. Отсюда — стремление АСЕАН сделать Юго-Восточную Азию частью более обширного геоэкономического пространства, интегрированного на основе взаимосвязанности в ее асеановском понимании. В силу естественных географических причин таким пространством является евразийский континент.

Стремясь пусть не выйти на авансцену глобальной политики, но укрепить там свои позиции, Ассоциация не может не видеть изъянов современного этапа глобализации. АСЕАН не чувствует себя комфортно в условиях «игры без правил» как новой нормы мировой политики, слома мирового — с проекцией на Юго-Восточную Азию — порядка, при котором характер взаимодействия, в том числе его «красные флажки», был более или менее понятен. Гуманитарные интервенции, двойные стандарты и фактический «уход» международного права с авансцены мировой политики — именно то, появления чего АСЕАН пытается не допустить в ЮВА, и что превратилось в «новую нормальность» на том уровне, куда Ассоциация сейчас так активно стремится. Отсюда — ее стремление заручиться поддержкой такого партнера, который не только бы не препятствовал АСЕАН реализовать свои глобальные амбиции, но и был бы в этом заинтересован.

Понимая такую мотивацию АСЕАН и откликаясь на нее, Россия заинтересована в координации с ней собственных планов. Центральный компонент таковых — сделать Ассоциацию частью собственного геополитического проекта. Практика последней четверти века убедительно показала: России не нужно встраиваться в чужие проекты, и уж тем более — на правах «ведомой». В рамках же той интеграционной инициативы, в которой Россия играет одну из ведущих ролей, АСЕАН с ее устойчиво позитивной международной репутацией, опытом взаимодействия с крупными игроками и выработки консенсусного подхода к сложным международным проблемам — ценнейший партнер.

Отдельный момент — выстраивание сотрудничества между асеановскими и российскими дальневосточными проектами. Важнейшей задачей российских деловых и политических кругов является форсированная модернизация Сибири и Дальнего Востока, превращение дальневосточных территорий в участника региональных процессов сотрудничества и соразвития. Принимая во внимание стратегические

интересы стран АСЕАН, с точки зрения укрепления инфраструктурного сотрудничества с Россией наибольшим потенциалом обладает создание совместных индустриальных парков и промышленно-сервисных кластеров на территории Сибири и Дальнего Востока, специализирующихся на производстве продукции с высокой добавленной стоимостью. Реализация совместных инфраструктурных проектов позволит отчасти решить наиболее чувствительные для стран АСЕАН проблемы, в частности, связанные с продовольственной и энергетической безопасностью.

Формат АСЕАН — ШОС — ЕАЭС: предпосылки успешности

Наращение запроса АСЕАН в развитии сотрудничества с Россией на евразийском пространстве и позитивный отклик на него с российской стороны ставят вопрос о создании институционального формата, уполномоченного развивать такое сотрудничество и способного раскрыть его потенциал максимально полно и комплексно. Предложение Президента РФ о выстраивании связки АСЕАН — ШОС — ЕАЭС отвечает интересам России и Ассоциации.

Из вероятных последствий работы формата АСЕАН — ШОС — ЕАЭС для интересов АСЕАН, выделим наиболее важные.

Прежде всего, эта диалоговая площадка позволяет Ассоциации усилить глобальный вектор своей политики, участвуя в мероприятиях по наращиванию взаимосвязанности за пределами ЮВА и АТР. По мере развития проекта «Один пояс, один путь» АСЕАН может стать участником «трехуровневой» мега-стратегии наращивания транс-континентальной взаимосвязанности: по центральному треку — сопряжение Экономического пояса шелкового пути и ЕАЭС, южному — увязка Морского шелкового пути и Сети портов стран АСЕАН (*ASEAN Port Network*), и северному — развитие Северного морского пути. Кумулятивный экономический эффект от такой транс-евразийской дуги транспортной взаимосвязанности будет позитивным как для мировой экономики, так и для ЮВА как одного из ее центров.

В контексте развития СМП заслуживает внимания потенциальная роль Сингапура. Будучи наблюдателем при Арктическом совете, Сингапур имеет хорошие шансы играть роль «моста» между АС и АСЕАН, предоставляя своим партнерам по АСЕАН информацию о климатических изменениях в Арктике, а по АС — технологии и инновационные решения.

Развитие транспортных коридоров через Евразию в обход Малаккского пролива приведет к снижению остроты американо-китайских противоречий по вопросу о свободе судоходства в Южно-Китайском море,

позитивно сказавшись на состоянии проблемы¹². Развитие энергетической инфраструктуры (например, интеграция инфраструктуры Единой энергосистемы АСЕАН с будущим проектом Азиатское энергетическое кольцо в Северо-Восточной Азии) и производственно-сбытовых цепочек поставок сельскохозяйственных товаров укрепит энергетическую и продовольственную безопасность ЮВА. Опыт государств АСЕАН, ШОС и ЕАЭС в противодействии международному терроризму будет использован для борьбы с угрозой ИГИЛ (запрещенной в РФ) с позитивным мультиплицирующим эффектом для евразийской безопасности.

Эти процессы ускорят формирование уже не региональной, а континентальной системы безопасности, в рамках которой нынешние проблемы не только Азии, но и Европы будут помещены в принципиально иной контекст¹³. Несмотря на то, что центростремительные тенденции между ЕС и ЕАЭС (а впоследствии между ЕС и ЕАЭС — ШОС — АСЕАН) пока развиты слабо, со временем они будут укрепляться.

Наконец, в формате АСЕАН — ШОС — ЕАЭС Ассоциации может быть делегирован статус «движущей силы» многосторонних переговоров — учитывая как ее опыт осуществления подобной функции, так и объективную заинтересованность участников сотрудничества в принципах, близких или созвучных асеановским. Тем самым Ассоциация будет объективными обстоятельствами подталкиваться к укреплению единства между входящими в нее странами, а это — ключевое условие эффективности ее международной политики.

Для России взаимодействие с АСЕАН посредством формата АСЕАН — ШОС — ЕАЭС также весьма перспективно. Российским компаниям будет проще войти на рынки стран ЮВА и закрепиться там, если для этого они получат дополнительную поддержку, в том числе институциональную. Сотрудничество АСЕАН — ШОС — ЕАЭС облегчит России и Ассоциации формирование зоны свободной торговли, к чему призвали двигаться участники сочинского саммита¹⁴. Опыт АСЕАН по

¹² Luft, G. (2016). It Takes a Road. China's One Belt One Road Initiative: An American Response to the New Silk Road. Institute for the analysis of global security. Retrieved from http://www.iags.org/Luft_BRI.pdf

¹³ Караганов, С.А. (2015). Евразийский выход из европейского кризиса. Россия в глобальной политике, 13 (4), 92–104.

¹⁴ Саммит Россия-АСЕАН. (2016). Сочинская декларация Юбилейного саммита Россия — АСЕАН в связи с 20-летием установления диалогового партнерства между Российской Федерацией и АСЕАН «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству». Retrieved from file:///C:/Users/E/Downloads/Sochi_Declaration_RUS%20(2).pdf

развитию Глобального движения умеренных будет интегрирован в повестку переговоров АСЕАН — ШОС — ЕАЭС и надлежащим образом использован для противодействия терроризму и религиозному экстремизму в Евразии. Пока продолжается антироссийская пропагандистская кампания в западных СМИ, Россия будет приветствовать сотрудничество на основе асеановских принципов с их акцентом на выработку взаимоприемлемых консенсусных решений.

Идея сформировать партнерство с участием АСЕАН, ШОС и ЕАЭС не нова. В политических кругах стран ШОС и АСЕАН возможности расширить сотрудничество между этими диалоговыми площадками обсуждаются с 2005 года. В 2015 г. ЕАЭС и Вьетнам подписали соглашение о ЗСТ, которое, как предполагается, со временем расширится до ЗСТ между ЕАЭС и АСЕАН.

На экспертном уровне Валдайский клуб и Российский совет по международным делам выдвинули и обосновали идею Большой Евразии и Евразийско-тихоокеанскую инициативу по наращиванию взаимосвязей¹⁵. В обоих случаях речь идет об осуществлении мега-стратегий, которые, с одной стороны, будут содействовать развитию Дальнего Востока в сотрудничестве с партнерами из АТР, а с другой — впишут эти усилия в транс-евразийский контекст.

В общем и целом, формирование Большого евразийского пространства — процесс исторически неизбежный. Сотрудничество между АСЕАН — ШОС — ЕАЭС, хотя на данный момент гипотетическое, выглядит оптимальным институциональным форматом для его практической реализации.

Результаты исследования. Результатами исследования стало выявление факторов, определяющих объективность запроса АСЕАН и России на развитие сотрудничества в Евразии, институализированного посредством формата АСЕАН — ШОС — ЕАЭС. Определено, что направления такого сотрудничества, необходимость в котором артикулирована на высшем политическом уровне, будут соответствовать интересам и перспективным планам России и АСЕАН с учетом их объективной комплементарности, отсутствия негативного исторического опыта и взаимной конкуренции. Сформулированы основные последствия такого сотрудничества для отношений между Россией и АСЕАН и для эволюции глобального мирового порядка.

¹⁵ Алексеенкова, Е.С., Тимофеев, И.Н. (2015). Геозкономика Евразии: взгляд из России. Российский совет по международным делам; Караганов, С. А., Барабанов, О. Н., & Бордачев, Т. В. (2016); К Великому океану — 4: поворот на Восток. Предварительные итоги и новые задачи. М.: Валдайский клуб.

Анализ результатов. Результаты исследования соответствуют принципу объективности научного знания, т.к. базируются на использовании передовых направлений теории международных отношений, системного подхода как методологической основы исследования, эмпирического анализа первичного источникового материала. В своей совокупности это позволяет определить тенденции развития отношений между Россией и АСЕАН на пространстве Большой Евразии, выявить характер и наиболее вероятные направления такого сотрудничества, прогнозировать усиление в них центростремительных элементов с благоприятным кумулятивным эффектом для повестки глобального развития.

Заключение. Евразийское измерение российско-асеановского сотрудничества не выглядит отвлеченной идеей. Это — объективно назревший процесс, отражающий три взаимосвязанных приоритета основных евразийских игроков. Если первый из них состоит в выработке консолидирующей повестки сотрудничества в условиях нынешней «экономики и политики всеобщего недоверия», то второй и третий нацелены на то, чтобы сделать международный порядок более демократичным (демократия не *внутри* государств, а *в отношениях между ними*), используя для этого ресурсы «коллективного не-Запада».

Новый международный порядок как ответ на эти запросы формирует-ся во многом стихийно, с пробуксовками и попятными движениями. Однако его наиболее заметной и устойчивой чертой становится оформление Большой Евразии как второго мирового полюса. В этом процессе сотрудничество между Россией и АСЕАН будет играть одну из ключевых ролей.

В основе такой оценки лежит объективная комплементарность не только интересов, но и ресурсов, которыми обладают Россия и АСЕАН. История России — это «выход за флажки» в кризисных ситуациях, в то время, как история АСЕАН — непрерывный поиск компромиссов в интересах всех участников сотрудничества. Отсюда — основания ожидать углубления и диверсификации диалога между Россией и Ассоциацией как в Юго-Восточной Азии, так и за ее пределами с позитивным синергетическим эффектом для его торговой, инвестиционной, технологической, производственной и иных составляющих, развитие которых способно нарастить российско-асеановские экономические обмены сообразно их потенциалу.

Главным итогом станет формирование усилиями России и Ассоциации Евразийского партнерства как ключевого элемента нового мирового порядка. Его основу составит прагматичное и взаимовыгодное сотрудничество на основе подлинно демократических принципов, разработанных АСЕАН и разделяемых Российской Федерацией.

Литература

1. ASEAN Secretariat. ASEAN trade by selected partner country/region. [Электронный ресурс]. URL: http://asean.org/storage/2016/11/Table19_as-of-6-dec-2016.pdf (дата обращения: 15.01.2016).
2. Das S. B. ASEAN's Regional Integration will be Determined by Better Connectivity in the Future // ISEAS Perspective. — 2016. — № 28. — С. 1–9.
3. Luft, G. It Takes a Road. China's One Belt One Road Initiative: An American Response to the New Silk Road // Institute for the analysis of global security. — 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iags.org/Luft_BRI.pdf (дата обращения: 13.01.2016).
4. South Front. ISIS Declares Caliphate in Southern Philippines, Seizes Island. [Электронный ресурс]. URL: <https://southfront.org/isis-declares-caliphate-in-southern-philippines-seizes-island/> (дата обращения: 15.01.2016).
5. Sumsky V., Kanaev E. Russia's Progress in Southeast Asia: Modest But Steady // Russian Analytical Digest. — 2014. — Т. 145. — С. 2–4.
6. Аликсеенкова Е. С., Тимофеев И. Н. Геоэкономика Евразии: взгляд из России // Российский совет по международным делам. — 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6953#top-content (дата обращения: 13.01.2016).
7. Бордачев Т. В. Поворот на Восток и Евразийское всеобъемлющее партнерство // Международный дискуссионный клуб «Валдай». — 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/povorot-na-vostok-i-evraziyskoe-partnerstvo/> (дата обращения: 14.01.2016).
8. Ефременко Д. В. Рождение Большой Евразии // Россия в глобальной политике. — 2016. <http://www.globalaffairs.ru/number/Rozhdenie-Bolshoi-Evrazii-18478> [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения: 13.01.2016).
9. Канаев Е. А., Демиденко С. В. ИГИЛ в Юго-Восточной Азии в современной американской политике // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2015. — № 29. — С. 33–53.
10. Караганов С. А. Евроазиатский выход из европейского кризиса // Россия в глобальной политике. — 2015. — 13 (4). — С. 92–104. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Evroaziatskii-vykhod-iz-evropeiskogo-krizisa-17541> (дата обращения: 13.01.2016).
11. Караганов С. А., Барабанов О. Н., Бордачев Т. В. К Великому океану — 4: поворот на Восток. Предварительные итоги и новые задачи // М.: Валдайский клуб. — 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/11701/> (дата обращения: 13.01.2016).
12. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на пленарном заседании 7-го Восточноазиатского саммита, Пномпень, 20 ноября 2012 года. [Электрон-

- ный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/134194 (дата обращения: 13.01.2016).
13. Михеев, В., Вода, Е., Войтоловский Ф., Журавлева, В., Канаев, Е., Ключева, Е., Ларин, В., Луконин, С., Луконина, Ю., Потапов, М., Рябов, А., Савельев, А., Федоровский, А., Швыдко, В. Дисбалансы транстихоокеанского пространства /Отв. ред. В.В. Михеев, ВГ. Швыдко // М. : Магистр. — 2014. — С. 307–315.
 14. Петербургский международный экономический форум. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения: 12.01.2016).
 15. Саммит Россия-АСЕАН. Сочинская декларация Юбилейного саммита Россия — АСЕАН в связи с 20-летием установления диалогового партнерства между Российской Федерацией и АСЕАН «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству». [Электронный ресурс]. URL: [file:///C:/Users/E/Downloads/Sochi_Declaration_RUS%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/E/Downloads/Sochi_Declaration_RUS%20(2).pdf) (дата обращения: 13.01.2016).

TOWARDS THE EURASIAN PARTNERSHIP: ASEAN-SCO-EAEU FORMAT AND RUSSIA- ASEAN RELATIONS

Eugeny Kanaev, Alexander Korolev

Abstract. *The success of Russia's «turn to the East» to a considerable extent depends upon its integration in a broader geographic area. Being one of the main actors to advocate the idea of creating a new geo-economic and geo-strategic area — Greater Eurasia, in 2016 Russian diplomacy made a breakthrough in this realm. The ASEAN-Russia Commemorative Summit held in Sochi (May, 2016) declared the nascent strategic partnership between the parties and called for the creation of a strategic partnership along with the establishment of the link between the EAEU, the SCO and ASEAN. The promotion of this flagship initiative strengthens the foundation for the establishment of the Greater Eurasia, a process in which Russia and ASEAN will play a pivotal role. A task of such significance requires a multi-dimensional approach. One of its components is the analytical support of the establishment of Greater Eurasia (or, to put it officially, Eurasian Partnership) as the global center of gravity accounting for the perspectives of the key actors including Russia and ASEAN.*

The subject has been mostly under consideration of the Valdai Discussion Club experts (Karaganov S., Bordachev T., Alekseenkova E., Afontsev S., Lukin A.) as well as the Chinese (Li Xin, Feng Shaolei, Bei Wenli) and Kazakhstan scholars (Syroezhkin K., Sarabekov Z.).

The theoretical and methodological framework of the research embraces the neo-liberal paradigm, in particular, the complex interdependence theory.

While carrying out the research, E. Kanaev and A. Korolev applied a wide range of methodological instruments, including statistical data analysis, surveys of opinions of Russian businessmen, experts and government authorities, the content-analysis of the documents issued by multilateral dialogue venues. In particular, Sochi Declaration of the ASEAN-Russian Federation Commemorative Summit, Master Plan on ASEAN Connectivity 2025 and some others were carefully examined.

The main results of the study include the identification of factors that are behind ASEAN and Russia's interests to develop cooperation in Eurasia, as well as evaluating the impact of this cooperation format upon Russia-ASEAN relationship and the evolution of the global order. The authors conclude that the central pillar of Greater Eurasia as a new global center of gravity will be pragmatic and mutually beneficial cooperation within the format ASEAN-SCO-EAEU on the basis of principles developed by ASEAN and shared by other participants including the Russian Federation.

Keywords: *multilateral cooperation, ASEAN, SCO, EAEU, Russia, Greater Eurasia*

References

1. Alekseenkova, E.S., Timofeev, I.N. (2015). Geojekonomika Evrazii: vzgljad iz Rossii [Geo-Economics of Eurasia: A View from Russia]. In *Rossijskij Sovet po mezh-dunarodnym delam [Russian International Affairs Council]*. Retrieved 1 December, 2015 from http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6953#top-content
2. ASEAN Sekretariat. (2016). *Master Plan on ASEAN Connectivity 2025*. Retrieved 31 August, 2016 from <http://asean.org/storage/2016/09/Master-Plan-on-ASEAN-Connectivity-20251.pdf>
3. Bordachev, T. V. (2016). Povорот na Vostok i Evrazijskoe vseobemljushhee partnerstvo [Pivot to the East and Comprehensive Eurasian Partnership]. In *Mezh-dunarodnyj diskussionnyj klub «Valdaj» [Valdai Discussion Club]*. Retrieved 31 August, 2016 from <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/povorot-na-vostok-i-evrazijskoe-partnerstvo/>
4. Das, S.B. (2016). ASEAN's Regional Integration will be Determined by Better Connectivity in the Future. *ISEAS Perspective*, 28, 1–9.
5. Efremenko, D.V. (2016). Rozhdenie Bol'shoj Evrazii [The Emergence of Greater Eurasia]. *Rossija v global'noj politike [Russia in Global Affairs]*. Retrieved 28 November, 2016 from <http://www.globalaffairs.ru/number/Rozhdenie-Bolshoi-Evrazii-18478>
6. Kanaev, E.A., Demidenko, S.V. (2015). IGIL v Jugo-Vostochnoj Azii v sovremennoj amerikanskoj politike [ISIS in Southeast Asia in Modern US politics]. In *Jugo-Vostochnaja Azija: aktual'nye problemy razvitiya [South East Asia: Actual Problems of Development]*, 29, 33–53.

7. Karaganov S. A. (2015). Evroaziatskij vyhod iz evropejskogo krizisa // *Rossija v global'noj politike [Russia in Global Affairs]*. 13 (4), 92–104. Retrieved 19 June, 2015 from <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Evroaziatskii-vykhod-iz-evropejskogo-krizisa-17541>
8. Karaganov, S. A., Barabanov O. N., Bordachev, T. V. (2016). K Velikomu okeanu — 4: povorot na Vostok. Predvaritel'nye itogi i novye zadachi [Toward the Great Ocean 4: Turn to the East. Preliminary Results and New Objectives]. In *M.: Valdajskij klub [Valdai Discussion Club]*. Retrieved 26 March, 2016 from <http://ru.valdaiclub.com/files/11701/>
9. Luft, G. (2016). It Takes a Road. China's One Belt One Road Initiative: An American Response to the New Silk Road. *Institute for the analysis of global security*. Retrieved 13 November, 2016 from http://www.iags.org/Luft_BRI.pdf
10. Miheev, V., Voda, E., Vojtolovskij F., Zhuravleva, V., Kanaev, E., Kljueva, E., Larin, V., Lukonin, S., Lukonina, Ju., Potapov, M., Rjabov, A., Savel'ev, A., Fedorovskij, A., & Shvydko, V. (2014). Disbalansy transtihookeanskogo prostranstva [Imbalances of the Transpacific Space]. In *M. : Magistr [M. : Magistr]*, 307–315.
11. Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii. (2016). *Vystuplenie Ministra inostrannyh del Rossii S. V. Lavrova na plenarnom zasedanii 7-go Vostochnoaziatskogo sammita, Pnompen', 20 nojabrja 2012 goda* [Speech of the Minister of Foreign Affairs of Russia Sergey V. Lavrov at the Plenary Session of the Seventh East Asia Summit, Phnom Penh, November 20, 2012]. Retrieved 20 November, 2012 from http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/134194
12. Peterburgskij mezhdunarodnyj jekonomicheskij forum. (2016). *Plenarnoe zasedanie Peterburgskogo mezhdunarodnogo jekonomicheskogo foruma* [Plenary Session of the St Petersburg International Economic Forum]. Retrieved 17 June, 2016 from <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>
13. Sammit Rossija — ASEAN. (2016). *Sochinskaja deklaracija Jubilejnogo sammita Rossija — ASEAN v svjazi s 20-letiem ustanovlenija dialogovogo partnerstva mezhdu Rossijskoj Federaciej i ASEAN «Na puti k vzaimovygodnomu strategicheskomu partnerstvu»* [Sochi Declaration of the ASEAN-Russian Federation Commemorative Summit to Mark the 20th Anniversary of ASEAN-Russian Federation Dialogue Partnership «Moving Towards a Strategic Partnership for Mutual Benefit»]. Retrieved 20 May, 2016 from [file:///C:/Users/E/Downloads/Sochi_Declaration_RUS%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/E/Downloads/Sochi_Declaration_RUS%20(2).pdf)
14. South Front. (2016). *ISIS Declares Caliphate in Southern Philippines, Seizes Island*. Retrieved 29 November, 2016 from <https://southfront.org/isis-declares-caliphate-in-southern-philippines-seizes-island/>
15. Sumsky, V., & Kanaev, E. (2014). Russia's Progress in Southeast Asia: Modest But Steady. *Russian Analytical Digest*, 145, 2–4.

Информация об авторе

Канаев Евгений Александрович

д.ист.н., профессор департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия

E-mail: ekanaev@hse.ru

Королев Александр Сергеевич

младший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия

E-mail: askorolev@hse.ru

Eugeny Kanaev

Prof., Dr. (history), School of International Affairs of the Faculty of World Economy and International Affairs

National Research University Higher School of Economics, Russia

E-mail: ekanaev@hse.ru

Alexander Korolev

Junior Research Fellow at the Centre for Comprehensive European and International Studies

National Research University Higher School of Economics, Russia

E-mail: askorolev@hse.ru

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СЕТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И АСЕАН¹⁶

Е. В. КОЛДУНОВА

Аннотация. В статье рассматриваются форматы взаимодействия исследовательских и образовательных центров стран Юго-Восточной Азии, которые внесли свой вклад в процессы регионализации и формирования экспертного измерения (диалога на втором треке) в рамках Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В частности, рассматривается деятельность таких сетевых образований как Институты стратегических и международных исследований стран АСЕАН и Экономический исследовательский институт для АСЕАН и Восточной Азии. Анализируются возможности России по укреплению взаимосвязи с этими структурами и перспективы научно-образовательного сотрудничества России и АСЕАН. В концептуальном плане исследование основывается на работах Джеймса МакГанна и Кента Вэвера, а также докладах Пенсильванского университета, которые выпускаются ежегодно и в которых анализируется деятельность фабрик мысли во всех регионах мира, включая Восточную и Юго-Восточную Азию, однако корректирует подходы МакГанна и Вэвера с учетом специфики деятельности фабрик мысли и исследовательских центров в азиатских странах. Данное исследование исходит из предположения о том, что фабрики мысли и исследовательские центры в странах Юго-Восточной Азии в силу их организационных особенностей выполняют иные функции нежели их организационные аналоги в Европе или Северной Америке. Не имея полномасштабных возможностей генерирования альтернативных точек зрения по вопросам внутреннего (в особенности — внутриполитического) развития, они, тем не менее, вносят достаточно видимый вклад в процессы регионализации в Юго-Восточной Азии, предлагая свои оценки и экспертный анализ направлений дальнейшего развития региональной интеграции. В результате исследования делается вывод о том, что

¹⁶ Исследование выполнено по гранту РГНФ 15–03–00438.

характер влияния двух рассматриваемых сетевых исследовательских структур на процессы регионализации определяется двумя параметрами. Первый связан с тем, что рассматриваемые исследовательские сети являются центральными для проведения общерегиональных исследовательских мероприятия (в рамках сети институтов стратегических исследований АСЕАН и АТССБ) и посредством этого формируют культуру сетевого взаимодействия. Вторым параметром связан с экспертным консультированием интеграционных структур и региональных институтов (АСЕАН, Восточноазиатский саммит).

Ключевые слова: регионализация, фабрики мысли, исследовательские центры, институты стратегических исследований, АСЕАН, Россия

Введение. Исторически с точки зрения количественных показателей и степени влияния на политические и экономические процессы в соответствующих странах лидерство принадлежало фабрикам мысли и исследовательским центрам, возникшим в США и странах Западной Европы. До сих пор согласно докладу «Global Go to Think Tank Index Report», ежегодно выпускаемому Пенсильванским университетом, порядка 55 % всех фабрик мысли в мире работает на территории Северной Америки и Европы. При этом, однако, в странах Азии с начала этого века наблюдается резкий количественный рост различных исследовательских центров и фабрик мысли. Такой активный рост исследовательских центров, естественно, не мог не вызвать внимания к данному процессу, поскольку именно фабрики мысли либо обеспечивают аналитическое сопровождение разработки государственной политики, либо могут напрямую влиять на принятие политических решений. Одновременно следует отметить, что в данном случае Азия, по сути, в географическом плане является наиболее интересным сегментом, отражающим глобальные тенденции роста центров исследовательской экспертизы в связи с усложнением международно-политических и экономических процессов, их девестернизацией и повышением роли Азии в международных отношениях.

Для выявления специфики стран Азии в данной сфере необходимо обратиться в общем концептуальным подходам, анализирующим такой феномен, как мозговые тресты или фабрики мысли. В исследовательской литературе существует целый ряд исследований, посвященных деятельности таких организаций и подходам к их классификации. Один из них представлен в уже ставшей классической работе под редакцией Джеймса МакГанна и Кента Вэвера «Фабрики мысли и гражданские общества» [Think Tanks and Civil Societies, 2000]. Отметим также, что Джеймс МакГанн является автором методики определения степени влияния фабрик мысли и составителем рейтинга мозговых трестов

Пенсильванского университета, о чем будет подробнее сказано далее в разделе «Методология».

Особенностям деятельности фабрик мысли, их роли в политической и социально-экономической жизни азиатских стран посвящен ряд специальных исследований, как отечественных, так и зарубежных авторов. В частности, эти вопросы анализируются в работах Питера Хэйеса [Hayes, 2015, p. 86–95], Ляо Сюнли [Liao, 2015, p. 96–100], Уоррена Станислауса [Stanislaus, 2015, p. 102–106], Паскаля Эбба [Abb, 2013]. По проблематике азиатских научно-исследовательских центров и фабрик мысли Российским институтом стратегических исследований подготовлен ряд справочников¹⁷.

Теоретические основания исследования. Существенным концептуальным вопросом для проводимого исследования является вопрос о том, какие именно организации рассматривать в качестве фабрик мысли. Джеймс МакГанн и Кент Вэвер в указанной коллективном монографии предлагают подразделять все фабрики мысли на четыре категории: 1) выполняющие академические исследования, 2) выполняющие исследования по конкретным заказам, 3) продвигающие определенные идеи, 4) аффилированные с партийными структурами [Think Tanks and Civil Societies, 2000, p. 7]. Однако данная классификация не представляется исчерпывающей и кроме того не отражает кросс-культурной специфики фабрик мысли, поскольку деятельность многих из них находится в прямой зависимости от характера политического режима.

Более детальная категоризация приводится Джеймсом МакГанном в докладе Пенсильванского университета, посвященном рейтингу мозговых трестов. Он предлагает подразделять фабрики мысли на: 1) независимые/ автономные (имеется ввиду, что они не находятся в критической зависимости от какой-либо одной группы интересов, одного финансового донора или правительства), 2) квазинезависимые (такие фабрики мысли могут быть независимы от государства, но зависят от источника финансирования или группы интересов), 3) аффилированные с правительством (структурно являются частью правительства), 4) квазиправительственные (формально не являются правительственной структурой, но финансируются правительством), 5) аффилированные с университетами (структурно являются частью университетов), 6) аффилированные с политической партией, 7) корпоративные (входят

¹⁷ Комиссина И. Н. Научные и аналитические центры стран Азии/ И. Н. Комиссина. М.: РИСИ, 2013; И. Н. Комиссина. Научные и аналитические центры стран Южной Азии/ И. Н. Комиссина. М.: РИСИ, 2014; И. Н. Комиссина. Научные и аналитические центры Китая/ И. Н. Комиссина. М.: РИСИ, 2012.

в структуру корпораций или работают ради получения дохода [McGann, 2014, p. 10]. Данная категоризация дает более полное представление о характере и видах фабрик мысли и исследовательских центров и позволяет применять ее не только к ситуации в странах Европы и Северной Америки, но и к другим регионам мира.

Кроме того, применительно к азиатским странам действенной представляется также и классификация по сферам деятельности. В самом общем виде азиатские аналитические центры можно объединить в несколько категорий. К первой относятся аналитические центры, обеспечивающие экспертизу промышленно-экономической деятельности (например, в составе крупных японских или южно-корейских корпораций). Ко второй — занимающиеся политическим анализом ситуации в стране базирования, проблемами безопасности и международных отношений (например, сеть институтов стратегических и международных исследований в странах Юго-Восточной Азии). В третью категорию можно объединить центры и институты, специализирующихся на вопросах развития гражданского общества. Однако во многих странах Азии фабрики мысли развиваются по иной траектории, нежели в Соединенных Штатах или Европе. Специфика их деятельности зачастую связана с особенностями социального устройства и характера политического режима. В ряде стран, таких как КНР или Вьетнам они выполняют скорее функции экспертно-аналитического обслуживания государственных органов.

Существует ряд концептуальных объяснений того, почему фабрики мысли могут быть влиятельными игроками на политическом и экономическом поле. В частности, можно выделить три группы индикаторов, свидетельствующих о влиянии фабрик мысли. К первой группе относятся показатели, связанные с количеством источников финансирования и способностью фабрик мысли к выстраиванию сетевого взаимодействия. Вторая группа индикаторов показывает, в какой степени тот или иной исследовательский центр представлен в медийном поле страны, в какой степени политическая и экономическая элита восприимчива к рекомендациям и исследованиям этого центра. К третьей группе относятся такие показатели, как выполнение консультационных функций для партийных или государственных структур, количество значимых публикаций в качественных академических журналах, Интернет-присутствие [Haues, 2015, p. 88]. Несмотря на то, что большинство из представленных выше индикаторов вырабатывалось на опыте западных фабрик мысли их отдельные элементы применимы и к анализу деятельности азиатских фабрик мысли, что, например, позволило, Паскалю Эббу сделать вывод о росте влияния китайских аналитических центров

(он, в частности, рассматривал такие показатели как рост публикаций и присутствие в медиа пространстве).

Исследование: основная часть. Данное исследование исходит из предположения о том, что фабрики мысли и исследовательские центры в странах Юго-Восточной Азии в силу их организационных особенностей выполняют иные функции нежели их организационные аналоги в Европе или Северной Америке. Не имея полномасштабных возможностей генерирования альтернативных точек зрения по вопросам внутреннего (в особенности — внутривнутриполитического) развития, они, тем не менее, вносят достаточно видимый вклад в процессы регионализации в Юго-Восточной Азии, предлагая свои оценки и экспертный анализ направлений дальнейшего развития региональной интеграции.

Методология. Представленное исследование концентрируется на рассмотрении двух сетевых структур, одна из которых — сеть институтов стратегических исследований стран АСЕАН — охватывает десять стран Юго-Восточной Азии, а вторая — Экономический исследовательский институт для АСЕАН и Восточной Азии — носит макрорегиональный характер. Исследование опирается на доклад Пенсильванского университета (издание 2015 г.), в котором с 2013 г. в качестве одной из категорий оценки фабрик мысли введена категория «лучшей исследовательской сети». Согласно докладу 2015 г. сеть институтов стратегических исследований АСЕАН находилась на 11 месте (из азиатских исследовательских сетей ей предшествовал лишь институт Азиатского банка развития, 6 место). Экономический исследовательский институт для АСЕАН и Восточной Азии находился на 24 месте [McGann, 2015, p. 122].

Процедура исследования. Процедура исследования заключается в общей оценке структуры и деятельности двух указанных выше сетевых структур и кратком сравнении с сетью восточноазиатских фабрик мысли (*Network of East Asian Think Tanks*), действующей в формате АСЕАН+3.

В странах Азии очевиден не только количественный рост фабрик мысли, но и их качественные трансформации, особенно в таких странах как Китай. Эти изменения проявляются в том, что азиатские фабрики мысли становятся все более активными игроками на политическом и экономическом поле, постоянно присутствуют в медийном пространстве своих стран и расширяют свою академическую деятельность. В ходе исследования выявлена также еще одна интересная тенденция, заслуживающая особого внимания. Она заключается в том, что если на национальном уровне рекомендации фабрик мысли могут далеко не всегда быть востребованными правительствами и служить руководством к действию, а выполнение функции генерирования альтернатив-

ных точек зрения может быть затруднено, то на региональном уровне в рамках сетевого взаимодействия деятельность фабрик мысли может быть востребована в гораздо более высокой степени. Об этом свидетельствует, в частности работа сети восточноазиатских фабрик мысли, с 2003 г. регулярно проводящей ежегодные саммиты в одной из стран АСЕАН, Китае, Японии или Южной Корее. В рамках этих саммитов создаются рабочие группы, проводящие анализ процессов региональной интеграции по различным направлениям, и формируются рекомендации для проведения дальнейшей политики.

Сеть институтов стратегических исследований АСЕАН начала формироваться в 1980-е гг. и в настоящее время включает 10 исследовательских организаций, представляющих все страны Ассоциации. Среди них — Брунейский институт политических и стратегических исследований, Камбоджийский институт сотрудничества и мира, Центр стратегических и международных исследований Индонезии, Институт международных отношений ЛНДР, Институт стратегических и международных исследований Малайзии, Мьянманский институт стратегических и международных исследований, Институт стратегических исследований и проблем развития Филиппин, Сингапурский институт международных отношений, Институт проблем безопасности и международных исследований Таиланда, Дипломатическая академия Вьетнама.

Основным ежегодным мероприятием сети является Азиатско-Тихоокеанский круглый стол, который организуется Институтом стратегических и международных исследований Малайзии в Куала-Лумпуре. Особенностью сети институтов стратегических исследований является также их структурная связь с Азиатско-Тихоокеанским советом сотрудничества по безопасности (АТССБ), поскольку все национальные институты стратегических исследований стран АСЕАН одновременно являются представителями своих стран в АТССБ. Таким образом, сеть обеспечивает экспертное взаимодействие как на уровне АСЕАН, так и в более широком макрорегиональном контексте. Такая «перекрестная» деятельность представителей перечисленных выше национальных институтов стратегических исследований по сути ведет в формированию самоподдерживающихся экспертных контактов и в конечном итоге регионального эпистемического сообщества.

Еще одна сетевая экспертная структура, сформировавшаяся на базе АСЕАН — это Экономический исследовательский институт для АСЕАН и Восточной Азии (*Economic Research Institute for ASEAN and East Asia, ERIA*). Данный аналитический центр нацелен на разработку практических рекомендаций для таких региональных организаций и форумов как АСЕАН и Восточноазиатский саммит (включает десять стран АСЕАН

и таких партнеров АСЕАН по диалогу как Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия, США и Россия). Исследования института используются как в работе саммита лидеров стран Ассоциации, так и различных министерских встреч. Результаты деятельности ERIA доводятся до сведения экспертного и бизнес сообщества посредством организации специализированных семинаров и конференций.

В 2010 г. по запросу Восточноазиатского саммита экспертами Экономического исследовательского института для АСЕАН и Восточной Азии был подготовлен документ под названием «Комплексный план азиатского развития» (*The Comprehensive Asia Development Plan*). В нем на основе методов географического моделирования сформулированы конкретные предложения по развитию инфраструктурно-индустриальных кластеров в странах АСЕАН и Восточной Азии на субрегиональном уровне с использованием механизмов государственно-частного партнерства.

Экономический исследовательский институт для АСЕАН и Восточной Азии работает в тесном контакте с секретариатом АСЕАН и шестнадцатью исследовательскими институтами из стран региона. В исследовательскую сеть ERIA входят следующие институты: Брунейский институт политических и стратегических исследований (Бруней), Центральный институт экономического менеджмента (Вьетнам), Центр стратегических и международных исследований (Индонезия), Камбоджийский институт сотрудничества и мира (Камбоджа), Национальный экономический исследовательский институт (Лаос), Малазийский институт экономических исследований (Малайзия), Янгонский институт экономики (Мьянма), Сингапурский институт международных отношений (Сингапур), Таиландский институт исследования проблем развития (Таиланд), Филиппинский институт исследований проблем развития (Филиппины), Австралийский национальный университет (Австралия), Китайская академия социальных наук (Китай), Исследовательская и информационная система для развивающихся стран (Индия), Институт исследования развивающихся экономик (Япония), Корейский институт международной экономической политики (Республика Корея), Новозеландский институт экономических исследований (Новая Зеландия).

Представители этих институтов принимают участие в деятельности Экономического исследовательского института для АСЕАН и Восточной Азии, а сами институты в свою очередь формируют региональную исследовательскую сеть, которая предоставляет ERIA конкретную страновую информацию.

В задачи Экономического исследовательского института для АСЕАН и Восточной Азии входит содействие экономическому сотрудничеству и интеграции за счет исследований в тех областях, которые выходят за

рамки традиционных тарифных ограничений в торговле, анализ возможностей инфраструктурного развития, как в области информационно-коммуникационных технологий, так и традиционных сфер дорожного, портового строительства, энергетики и т.д.

Три ключевых направления, по которым ведет исследования Экономический исследовательский институт для АСЕАН и Восточной Азии, связаны с задачами углубления экономической интеграции в регионе (1), сокращения разрывов в развитии (2) и разработки мер, способствующих устойчивому развитию (3).

В рамках первого направления проводится комплексный анализ зон свободной торговли в формате АСЕАН+, в рамках второго разрабатываются стратегические инициативы для развития группы стран Ассоциации, включающей Вьетнам, Лаос, Мьянму и Камбоджу, и проекты, связанные социальной сферой. Третье направление охватывает исследование экологических и энергетических аспектов развития в регионе, включая энергосберегающие проекты, проекты использования энергии биомассы, проекты интеграции энергетических рынков.

Национальные институты, образующие исследовательскую сеть ERIA, выполняют следующие функции: 1) предоставление практической информации по соответствующим странам, 2) разработка предложений и рекомендаций для региональных организаций сотрудничества, 3) доведение результатов работы Экономического исследовательского института для АСЕАН и Восточной Азии до сведения лиц, принимающих политические решения, на уровне своих стран, 4) делегирование своих представителей соответствующей квалификации для работы над проектами Экономического исследовательского института для АСЕАН и Восточной Азии.

Представляется, что для России опыт стран Азии по развитию университетов и фабрик мысли может быть крайне полезным. Существенным для выработки российской внешней политики также существенным является понимание того, какие экспертные структуры обеспечивают аналитическую разработку интеграционных инициатив, например, в рамках таких структур как АСЕАН, АСЕАН+3, АСЕАН+6.

Результаты исследования. В ходе исследования был проведен анализ двух сетевых исследовательских структур, сформировавшихся в Восточной и Юго-Восточной Азии и, согласно докладу Пенсильванского университета, являющимися наиболее влиятельными экспертно-аналитическими сетевыми структурами в своем регионе. Была рассмотрена специфика деятельности этих сетей. В первом случае речь идет о фокусировании на процессе регионализации и региональной интеграции в АСЕАН. Во втором случае особенностью Экономического исследо-

вательского института для АСЕАН и Восточной Азии является концентрация на процессах экономической интеграции и повышении инфраструктурной взаимосвязанности в более широком макрорегиональном контексте. И в первом, и во втором случае можно говорить о наличии инструментов влияния этих исследовательских сетей на региональные процессы, в частности, посредством создания регионального диалога по наиболее важным проблемам, подготовке исследований, которые непосредственно доводятся до сведения лиц, принимающих решения, и формирования регионального эпистемического сообщества.

Анализ результатов. Анализируя результаты исследования, можно говорить о том, что в Азии в целом и в Юго-Восточной Азии в частности фиксируется качественный и количественный рост фабрик мысли. При этом в Юго-Восточной Азии сформировались как минимум две влиятельных экспертно-аналитические сети, которые выполняют организующую роль для диалога второго трека в рамках АСЕАН и Восточноазиатского саммита. Их видимая роль на национальном и региональном уровне подтверждается также результатами доклада «Global Go to Think Tank Index Report». В связи с этим важным направлением дальнейших исследований является анализ тех областей, в рамках которых возможно налаживание научно-экспертного взаимодействия российских и асеановских фабрик мысли и исследовательских центров.

Заключение. В ходе проведенного исследования были сделаны следующие выводы. Характер влияния двух рассматриваемых сетевых исследовательских структур на процессы регионализации определяется рядом параметров. Во-первых, это общерегиональные мероприятия (в рамках сети институтов стратегических исследований АСЕАН и АТССБ), которые формируют культуру сетевого взаимодействия. Во-вторых, это экспертное консультирование интеграционных структур и региональных институтов (АСЕАН, Восточноазиатский саммит). Именно в силу влияния указанных сетевых исследовательских структур на процессы регионального сотрудничества выстраивание эффективного диалога между российскими экспертными структурами и фабриками мысли стран АСЕАН может способствовать активизации диалогового партнерства России и Ассоциации.

Литература

1. Abb P. China's Foreign Policy Think Tanks: Changing Roles and Structural Conditions/ P. Abb. German Institute of Global and Area Studies Working Paper No. 213. January 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://giga.hamburg/en/publication/china%E2%80%99s-foreign-policy-think-tanks-changing-roles-and-structural-conditions> (дата обращения 15.01.2017).

2. Hayes P. Think Tanks, 'Think Nets' and Their Evolution in Asia/ P. Hayes// Global Asia. 2015 (Spring). Vol. 10, No. 1, P. 86–95.
3. Liao X. Seeking Influence: Chinese Foreign Policy Think Tanks/ X. Liao//Global Asia. 2015 (Spring). Vol. 10, No. 1, P. 96–100.
4. McGann J. 2014 Global Go To Think Tank Index Report. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2014.
5. McGann J. 2015 Global Go To Think Tank Index Report. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2014.
6. Stanislaus W. Seeking an Independent Voice: Japanese Think Tanks// Global Asia. 2015 (Spring). Vol. 10, No. 1, P. 102–106.
7. Think Tanks and Civil Societies: Catalysts for Ideas and Actions. Ed. by J.McGann, K. Weaver. New Brunswick: Transaction Publishers, 2000.

REGIONALIZATION, RESEARCH NETWORKS AND THE PROSPECTS OF RUSSIA-ASEAN ACADEMIC COOPERATION¹⁸

Ekaterina V. Koldunova

Abstract. *The article focuses on the ways of cooperation between research centers in Southeast Asia, which have contributed to the process of regionalization and created an expert dimension (Track Two dialogue) within Association of Southeast Asia (ASEAN). In particular, the article examines Institutes of Strategic and International Studies of ASEAN member states and Economic Research Institute for ASEAN and East Asia and the ways Russia could expand its cooperation with these structures. Conceptually the article utilizes the research of think tanks done by James McGann and Kent Weaver (2000) and «Global Go To Think Tank Index Report» issued annually at the University of Pennsylvania and focused on the assessment of the most influential thinks tanks in all regions of the world, including Eastern and Southeast Asia. Thought the article adjusts McGann's and Weaver's approaches taking into account the specifics of Asian think tanks. This article argues that Southeast Asian think tanks and research centers has different functions as compared to their counterparts in Europe and North America. They may not have full-fledged opportunities to generate alternative viewpoints concerning domestic politics but at the same time they contribute a lot to the regionalization process in Southeast Asia, proposing their expert analysis of the ways ASEAN integration can go further. The research concludes that the two research networks under scrutiny can influence the regional processes in two ways. The first one is connected with creating regional discussion platforms (within the framework of ASEAN network of Institutes of strategic and international studies and Council for Security Cooperation in the*

¹⁸ Research is financially supported by RFFH grant 15–03–00438.

Asia Pacific) which contribute to the culture of regional networking. The second one is about providing expert consulting for regional integration frameworks and institutions (ASEAN, East Asian Summit).

Keywords: regionalization, think tanks, research centers, institutes of strategic studies, ASEAN, Russia

References

1. Abb P. (2013) China's Foreign Policy Think Tanks: Changing Roles and Structural Conditions/ P. Abb. German Institute of Global and Area Studies Working Paper No. 213. January 2013 Available at: <https://giga.hamburg/en/publication/china%E2%80%99s-foreign-policy-think-tanks-changing-roles-and-structural-conditions> (accessed 15.01.2017).
2. Hayes P. (2015) Think Tanks, 'Think Nets' and Their Evolution in Asia. *Global Asia*. Vol. 10, No. 1, p. 86–95.
3. Liao X. (2015) Seeking Influence: Chinese Foreign Policy Think Tanks. *Global Asia*. Vol. 10, No. 1, p. 96–100.
4. McGann J. (2014) 2014 Global Go To Think Tank Index Report. Philadelphia: University of Pennsylvania.
5. McGann J. (2015) 2015 Global Go To Think Tank Index Report. Philadelphia: University of Pennsylvania.
6. Stanislaus W. (2015) Seeking an Independent Voice: Japanese Think Tanks. Vol. 10, No. 1, p. 102–106.
7. McGann J., Weaver K., eds. (2000) Think Tanks and Civil Societies: Catalysts for Ideas and Actions. Ed. by J.McGann, K. Weaver. New Brunswick: Transaction Publishers.

Информация об авторе

Екатерина Валерьевна Колдунова

кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения, заместитель декана Факультета политологии, ведущий эксперт Центра АСЕАН МГИМО МИД России

E-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru

Ekaterina V. Koldunova

PhD (International Relations), Associate Professor, Asian and African Studies Department,

Deputy Dean, School of Political Affairs

Senior Expert, ASEAN Centre, MGIMO University, the MFA of Russia

E-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru

ХОД И ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА АСЕАН

В. М. МАЗЫРИН

Аннотация. Результаты. В исследовании дан анализ формирования Экономического сообщества АСЕАН (ЭСА). Показаны актуальность темы, привлеченные материалы, методология и теория вопроса. Рассмотрены значение, история и мотивы формирования ЭСА. Раскрыты правовые аспекты, стимулы и проблемы экономического сближения. Представлены основные направления и задачи интеграции. В заключение изложены промежуточные итоги изучаемого процесса.

Актуальность темы обусловлена образованием в 2015 г. Сообщества АСЕАН и повышением роли АСЕАН в мировой экономике, началом переговоров о создании зоны свободной торговли между АСЕАН и ЕАЭС. Тема важна теоретически и практически, поскольку интеграционные процессы развертываются в других регионах мира, в том числе в Евразии.

Материалы исследования. Тема достаточно нова, и степень ее разработанности невысока, в частности, в России. Исследование опирается в основном на публикации аналитического центра АСЕАН — IS-EAS. Приняты во внимание также взгляды и позиции вьетнамских ученых, учтены разработки по теме АСЕАН российских авторов.

Процедура. Исследование велось путем сбора, группировки информации о факторах, путях и направлениях формирования ЭСА, сверки и дополнения данных различных источников. Решалась задача раскрытия опыта, движущих сил интеграции, выяснения темпов, сроков, сфер, перспектив экономического сближения. Проведена верификация предположения о том, что условия для создания ЭСА не созрели.

Методология исследования. Теоретической и методологической основой исследования стали работы по проблематике международной и региональной экономической интеграции, правовые документы и соглашения АСЕАН. Изучались характеристики и модель экономической интеграции в ЮВА. Были рассчитаны основные социально-экономические показатели АСЕАН.

Теоретической основой исследования служат популярные концепции, которыми объясняется необходимость расширения внешней торговли и других форм экономического взаимодействия вне рамок отдельных стран. Это теории экономической интеграции, международной торговли (либерализации в противовес протекционизму), международного экономического сотрудничества в целях ускоренной индустриализации.

Анализ результатов. Исследование выявило, что страны АСЕАН уверенно идут по пути укрепления своих экономических взаимосвязей, создания прочной основы для постепенной интеграции в рамках ЮВА и укрепления влияния, центральной роли Ассоциации в общерегиональных процессах.

Этот вывод опровергает сомнения в возможности реализации программы ЭСА и противоречит распространенным в России негативным прогнозам будущего АСЕАН. Хотя основные цели построения нового объединения к концу 2015 г. не достигнуты, заложена основа экономического сообщества — ключевые соглашения и механизмы интеграции.

Заключение. Исследование показало, что интеграция стран АСЕАН ведется по иной модели, чем в Европе и в Евразии. Сходство ограничивается только названием. Меры по созданию экономического сообщества нацелены на достижение новой идентичности, общей в рамках Ассоциации. Они пока скорее представляют собой кооперацию — предшествующую стадию или более простую форму сотрудничества, чем интеграция.

Ключевые слова: Экономическое сообщество, интеграция АСЕАН, кооперация, программа, соглашение, зона свободной торговли

В статье дан анализ формирования Экономического сообщества АСЕАН (ЭСА). В первой части проведенное исследование характеризуется с точки зрения его актуальности, привлеченных материалов (источников и работ предшественников), методологии и теории вопроса. Во втором разделе рассмотрены значение, история и мотивы формирования ЭСА. Третья часть раскрывает правовое обеспечение, стимулы и проблемы экономического сближения. Затем представлены основные направления и задачи интеграции, образующие программу создания ЭСА. В заключении обобщены результаты исследования: определены промежуточные итоги и модель изучаемого процесса.

1. Введение

На Саммите в честь 20-летия диалога России и АСЕАН (Сочи, май 2016) стороны решили установить стратегическое партнерство и активизировать взаимное сотрудничество. Россия исходит из того, что региональная группировка АСЕАН, географически охватывающая

Юго-Восточную Азию, сегодня привлекает к себе все больше внимания. Здесь находится и играет растущую роль Вьетнам — главный партнер РФ в ЮВА. Вступление в силу в октябре 2016 г. соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Вьетнамом проложило путь к образованию ЗСТ между ЕАЭС и АСЕАН в целом. Чтобы уверенно идти по этому пути, важно понимать особенности и модель процесса экономического сближения стран-членов Ассоциации.

Актуальность темы исследования выросла с образованием в декабре 2015 г. принципиально нового интеграционного формата в регионе ЮВА — Сообщества АСЕАН. Это событие примечательно с учетом повышения роли входящих в него стран в мировой экономике. Они образуют емкий рынок с населением около 630 млн человек (третий по размеру в мире) и объемом внешней торговли в 2,5 млрд долл. (7,1 % мирового экспорта и 6,3 % мирового импорта), в том числе оборотом с внешними партнерами в 1,9 трлн долл., производственную площадку с суммарным валовым продуктом свыше 2,5 трлн долл. (седьмое место в мире и третье в Восточной Азии после Китая и Японии), показывают высокую экономическую динамику (в пределах 4–7 % прироста ежегодно)¹⁹.

Данные характеристики позволяют отнести АСЕАН к крупнейшим объединениям не только среди развивающихся стран, но и мира в целом, и подтверждают вывод о том, что оно обладает значимым демографическим, производственным, внешнеэкономическим потенциалом [Сергун, 2013, с.11].

Особое внимание в этой связи привлекает экономический компонент Сообщества, включающего еще две части — в сфере политики и безопасности и в социально-культурной сфере. По оценке многих экспертов, механизмы и предпосылки экономической интеграции созрели в наибольшей степени²⁰, что подталкивает объединительный процесс в ЮВА. Однако тема формирования Экономического сообще-

¹⁹ Для сравнения в 2009 г. население стран АСЕАН составляло 591 млн, ВВП — 1,49 млрд долл., внешний товарооборот — 1,54 млрд долл., приток ПИИ — 60 млрд долл. (2008 г.), занятость — 276 млн чел. — см. ASEAN Economic Community Blueprint // <http://www.asean.org/archive/5187-10.pdf> (дата обращения: 31.10.2016); Searight A.E. and Hiebert M. Engaging Southeast Asia: Economic Recommendations for the New Administration // Southeast Asia from Scott Circle (CSIS), January 12.01.2017 (дата обращения: 14.01.2017).

²⁰ Наронгчай Акрасани утверждает, что ЭСА отличается от двух других частей сообщества тем, что они представляют собой незаконченные проекты, а программы их формирования сводится в основном к пожеланиям [The 3-rd ASEAN Reader. 2015, p. 14–16].

ства АСЕАН — достаточно нова, и степень ее разработанности даже в странах-членах Ассоциации, тем более в трудах западных ученых невысока. Для российского же обществоведения это пока «белое пятно», требующее скорейшего раскрытия.

Процедура исследования. Наше исследование велось в форме сбора, группировки информации о факторах, путях и направлениях формирования ЭСА, сверки и дополнения данных различных источников. Рассмотрены теории, опыт и движущие силы интеграции. Решалась задача выявления темпов, сроков и сфер, а также перспектив экономического сближения.

В качестве основной идеи исследования была проведена верификация выводов ряда авторитетных специалистов о том, что условия для создания ЭСА не созрели, в частности применительно к объявленному сроку его рождения — декабрю 2016 года²¹. Выяснили, в какой мере и почему это не так.

Для формулировки и проверки качественных оценок использовались статистические показатели. При этом вклад отдельных членов Ассоциации показан совокупно. Статистические данные и оценки почерпнуты из баз Секретариата АСЕАН в Джакарте, а также международных институтов типа ВБ, МВФ, АзБР, ВЭФ и организаций системы ООН. Отдельные показатели рассчитаны автором или дополнены из национальных источников. На основе обобщения этого материала выявлены характерные тенденции процесса.

Методология исследования. Теоретической и методологической основой исследования послужили работы зарубежных и отечественных учёных по проблематике международной и региональной экономической интеграции, а также правовые документы и соглашения, принятые в рамках АСЕАН. Для достижения цели исследования и решения поставленных задач использовались как общетеоретические, так и специальные методы познания: анализа и синтеза, исторический, логический, аналогии и сопоставления, системно-структурный, экономического анализа, статистический, графической интерпретации и другие.

С концептуальной точки зрения мы стремились выявить характеристики и модель экономической интеграции в ЮВА. Это важно и теоретически, и практически, поскольку аналогичные процессы разворачиваются в других регионах мира, в том числе в Евразии. Не случайно

²¹ См. Desker B. ASEAN Integration remains illusion // Straits Times, 10.09.2015; Menon J. Moving too slowly towards Asian free trade agreements // East Asia Forum, 14.10.2014; Banyan. Getting in the way // The Economist, 17.05.2014.

теоретики АСЕАН были под сильным влиянием проводников аналогичной политики в иных регионах мира, таких как аргентинец Рауль Пребиш — первый генеральный секретарь ЮНКТАД.

Материалы исследования. Исследование в значительной мере построено на самых свежих публикациях авторитетного аналитического центра АСЕАН — Института изучения Юго-Восточной Азии в Сингапуре (ISEAS). В них отражены опыт практической работы и оценки его ведущих экспертов. Реалии построения ЭСА и сопутствующие мифы раскрывают коллективные работы этого института под общей редакцией Родolfo Северино, Санчиты Басу Дас, Джайанта Менон и Там Сиеу Йен²².

Приняты во внимание взгляды и позиции вьетнамских ученых, которые абстрагируются от оценок ситуации на конкретный момент и сосредоточены на самом процессе, видя в нем хорошие перспективы. Эти взгляды изложены в профильных научных изданиях этой страны, прежде всего в журналах «Экономические исследования» (BAOH), «Экономическое развитие» (Госуниверситет города Хошимина), материалах Института экономической политики (Госуниверситет Ханоя).

В нашем исследовании нашли отражение разработки по теме АСЕАН также российских авторов, большая часть которых не касается нового интеграционного объединения. К ним относятся диссертационные труды и публикации И. С. Троекурова, И. П. Сергуна, К. Ю. Мурадова²³. Отдельные аспекты процесса экономической интеграции в ЮВА осветили ученые ИМЭМО — Е. А. Канаев, А. А. Рогожин и другие²⁴. Первый опыт комплексного анализа идущих здесь процессов представлен в коллективной монографии сотрудников ИДВ РАН²⁵. Центр АСЕАН МГИМО совместно с коллегами из ISEAS опубликовал книгу с подробным ана-

²² The 3-rd ASEAN Reader (2016); The ASEAN economic community and beyond. Myths and Reality (2016); The ASEAN economic community. An economic and strategic project (2016).

²³ Троекурова И. С. Проблемы расширения внешнеэкономических связей России в АТЭС, М., 2010; Сергун И. П. Перспективы участия России в интеграционных процессах в Юго-Восточной Азии: на примере опыта создания зоны свободной торговли Китай — АСЕАН, М., 2013; Мурадов К. Ю. Экономическая интеграция стран-участниц АСЕАН в 1990–2000-х годах: оценка и критерии эффективности, М., 2005.

²⁴ Рогожин А. А. Экономическое сообщество АСЕАН на пути к созданию единой региональной энергосистемы // Юго-Восточная Азия. Актуальные проблемы развития. Вып. 32. М.: ИВ РАН, 2016. С. 24–34; Канаев Е. А., Родосская М. А. АСЕАН как «движущая сила» РВЭП // Юго-Восточная Азия. Указ. соч. М.: ИВ РАН, 2016. Вып. 33. С. 10–27.

²⁵ АСЕАН в начале XXI века: актуальные проблемы и перспективы. Отв. Ред. Локшин Г. М. М.: ИД «Форум», 2010.

лизом ключевых параметров и возможностей двустороннего сотрудничества России и АСЕАН²⁶.

Теоретической основой исследования служат популярные концепции, которыми объясняется необходимость расширения торговли и других форм экономического взаимодействия вне рамок отдельных стран. Во-первых, это теория экономической интеграции, сформулированная еще в 1960-е годы. Один из ее родоначальников Бела Балаш трактовал интеграцию просто как «отмену дискриминации внутри определенной зоны» [Balassa, 1961, p. 1]. Позднее она стала отождествляться с понятием регионализма. Э. Мэнсфилд и Х. Мильнер выделили 4 этапа развития интеграции, последний из которых назвали «новым регионализмом» [Mansfield, Milner 1999, p. 589–627]. Дж. Грюгель считает ее «способом решения социально-экономических проблем, порожденных глобализацией» [Grugel, 2004, p. 604].

Особенно этот подход актуален для малых экономик АСЕАН, которым сложно выдерживать давление глобализации на национальном уровне. Дж. Миттельман полагает, что, «ведя острую конкуренцию за иностранные инвестиции с целью поддержать внутреннее производство, государства вынуждены сотрудничать, чтобы расширить свое рыночное пространство» [Mittelman, 2000, p. 85]. Решение строить ЭСА, по определению М. Каваи и Д. Хью, объективно обусловили глобальные процессы, которые подтолкнули 10 стран ЮВА ускорить экономическую интеграцию [Kawai, 2005, p. 29–55; Hew, 2007, p. 17].

Эти трактовки вступают в определенное противоречие с классической теорией международной торговли, которая призывает к ее либерализации в противовес протекционизму. Го Кен Сво подчеркнул актуальность данной задачи еще в 1995 г. [Goh Keng Swee, 1995, p. 105]. Получается, что защита национальных интересов коллективными усилиями на региональном уровне вполне закономерна, хотя расходится с неолиберальными постулатами.

Необходимость интеграции основывается и на теоретических посылах доклада Кансу (Kansu Report), изданного в 1970-е годы, согласно которым экономическое сотрудничество помогает прогрессу индустриализации, что согласуется с опытом стран ЮВА. Глубинную общую закономерность выявляет теория повышения эффективности экономики по мере расширения масштабов производства и рынка («эффект масштаба»).

²⁶ ASEAN — Russia: Foundations and Future Prospects. Ed. by Sumsky V. and Hong M. Singapore: ISEAS, 2012.

Определяя основные *понятия и дефиниции* нашего исследования, уточним, что происходящие сегодня в ЮВА процессы мы рассматриваем только как кооперацию, т.е. взаимодействие государств и хозяйствующих субъектов в общих интересах на определенной территории. По сути, это предшествующая стадия или более простая форма сотрудничества, чем интеграция.

2. История, цели и мотивы формирования ЭСА

Тема экономической кооперации в ЮВА возникла в 1976–1977 гг., когда в деятельности АСЕАН доминировали интересы политики и безопасности. Первые шаги по выработке общей экономической линии АСЕАН, признает ее бывший Генеральный секретарь Р. Северино, были далеки от нынешнего подхода [ASEAN Reader, 2015, p. 17–22]. Ее члены поначалу использовали протекционизм для защиты ряда отраслей своих экономик, чтобы избежать региональной конкуренции, чем лишь сдерживали сотрудничество. Затем они запустили программу региональной промышленной кооперации по выпуску отдельных товаров, список которых составила ТПП АСЕАН. Такая кооперация служила формой обеспечения за каждой страной региональной монополии на производимые ею виды или группы продукции и исходила из узких задач импортозамещения. Следом были установлены рамки работы транснациональных компаний в ЮВА и принципы подключения к цепочкам создания стоимости, которые сложились в мире.

Потребность объединения усилий и выработки единой политики была по-настоящему осознана только после Азиатского финансового кризиса 1997 г., хотя первым реальным шагом в этом направлении стало создание в 1992 г. Зоны свободной торговли АСЕАН (АФТА). В развитие ЗСТ ее участники приняли и ввели в действие ряд специальных соглашений по либерализации торговли товарами и услугами, движения капитала и т.д. Создание единых механизмов по услугам и инвестициям признается особенно важным для расширения экономического сотрудничества в ЮВА. Начались регулярные встречи министров экономики членов Ассоциации. Наконец, в 2007 г. на этой основе была запущена программа построения ЭСА до 2015 г.

Создание ЭСА является одновременно экономическим и стратегическим проектом. Экономический проект имеет целью сформировать единые рынок и производственную базу в ЮВА, достичь новых экономических выгод. Как стратегический проект, ЭСА призвано обеспечить национальные интересы своих участников и прочные позиции АСЕАН в регионе и мире.

Участники исходят из того, что только интеграция позволит привлечь необходимые для развития национальных экономик инвестиции

извне, делать товары и услуги членов Ассоциации более конкурентоспособными. Экономическое сближение должно помочь в преодолении странами ЮВА текущих проблем, создать более объемный рынок. По мнению Р. Северино, перед АСЕАН стоит задача, во-первых, преодолеть уязвимость экономик, вызванную их мелким, фрагментарным характером, и увеличить свой потенциал перед лицом глобализации и регионализации [Severino, 2011, p. 25]. Правительства АСЕАН решили ответить на глобальный тренд, вызовы развития свободной торговли. Они пошли на снижение как торговых, так и неторговых барьеров, открытое и упрощенное таможенное регулирование, гармонизацию стандартов, либерализацию торговли услугами, улучшение транспорта и связи, необходимые для экономической интеграции региона.

Без этого экономики ЮВА не могли серьезно конкурировать с Китаем по мере его подъема и с другими крупным экономикой Восточной Азии в борьбе за ПИИ и экспортные рынки. По объему привлеченных инвестиций КНР в 1990-е годы значительно опережала страны ЮВА, и это отставание удалось преодолеть только в 2013 г. (рис.1). Озабоченность лидеров АСЕАН данным явлением подтолкнула их к объединению и привлечению ПИИ.

Во-вторых, принятие в состав АСЕАН в 1995–1999 гг. 4 слаборазвитых стран — Вьетнама, Камбоджи, Лаоса, Мьянмы (ВКЛМ) выявило большой разрыв в уровне развития членов Ассоциации и потребовало принять общую программу по смягчению диспропорций с целью

FDI Inflows to China and ASEAN, 1980–2013

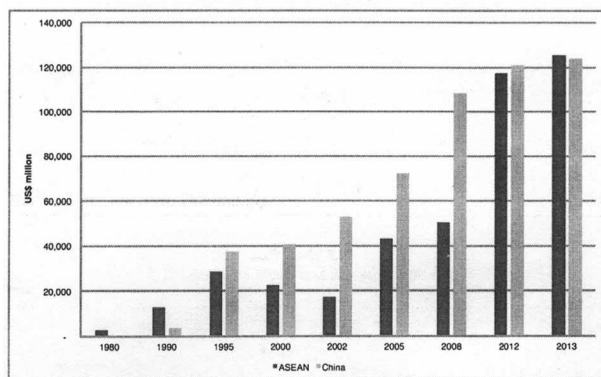

Рис. 1. Приток ПИИ в Китай и АСЕАН в 1990–2013 гг., млн долл. США
Источник: UNCTAD Database.

обеспечения политического единства и перспектив организации. Новый, более высокий формат — ЭСА — призван реально подключить их к общим процессам, позволив всем вместе воплотить в жизнь ранее подписанные экономические соглашения.

В-третьих, члены Ассоциации стремились к интернационализации своих экономик, усилению их открытости, чего и добились, как отмечает тайский эксперт Наронгчай Акрасани [ASEAN Reader, 2015, p. 14–16]. Выработке нужных принципов и механизмов либерализации способствовали встречи глав экономических ведомств стран-участниц форума АТЭС, переговоры в форматах АСЕАН «плюс 1» и «плюс 6», ВАС.

Помимо процессов в ЮВА и АТР базовым фоном для формирования единого экономического блока стран-членов АСЕАН послужили углубление интеграционных процессов в Европе и Америке, общая активизация и унификация системы международной торговли в ходе трансформации ГАТТ в ВТО в 1990-е годы.

Движение членов АСЕАН к ЭСА также рассматривается как защитная реакция на «запрет» регионализма со стороны США и Европы, замедление процесса либерализации в рамках ВТО после раунда в Дохе и ответ на ограниченную результативность АТЭС в деле создания региональной ЗСТ [Kawai, 2005, p. 29–55; New, 2007, p. 25].

Цель нового проекта стран АСЕАН, по свидетельству ее экспертов — в течение 10 лет создать высоко конкурентную экономику с единой производственной базой и открытой торгово-инвестиционной системой, т.е. общий рынок в ЮВА. При условии структурных реформ ожидается, что к 2025 г. ее рост достигнет 7,1 % в год и будет дополнительно создано 14 млн рабочих мест²⁷. ЭСА призвано показать миру серьезность этих намерений. В 2016 г. начаты действия в ряде секторов, нацеленные на стимулирование торговли, обеспечение продовольственной безопасности, развитие малого и среднего бизнеса, кооперацию между специальными экономическими зонами, повышение прозрачности тарифных линий, разрешение споров при трансграничных сделках.

АСЕАН двигают и геостратегические соображения. Стремясь быть экономически единой, сильной и устойчивой, она пытается закрепить за собой роль «строителя мостов» в масштабах всей Азии и превратить ЭСА в экономический хаб региональных процессов. По оценке Бенджамина Хо, эта концепция была одной из основополагающих при

²⁷ The Limited Impact of the ASEAN Economic Community on Skilled Labour Migration // The ASEAN economic community and beyond. Myths and Reality. Singapore: ISEAS, 2016. P. 51.

создании экономического сообщества [Но, 2012, р. 32]. Также объединение сил призвано увеличить возможности членов Ассоциации в отстаивании своих интересов в ВТО, коллективных переговорах по ЗСТ с другими партнерами, решении международных финансовых, экономических и стратегических вопросов, улучшить их позиции в мировых цепочках создания стоимости.

Благодаря общему экономическому пространству, миру и стабильности в ВА предполагается добиться осуществления адекватных интеграционным задачам политических реформ, культивировать региональную идентичность, которая должна прийти на смену до сих пор преобладающей национальной идентичности.

Продвигаясь вперед, процесс строительства ЭСА должен способствовать преодолению текущей геополитической и экономической неопределенности. Она вызвана не только общим системным кризисом капитализма и его центров — США и ЕС, проявляющимся, в частности, в падении мировых цен на энергоносители, отрицательных процентных ставках и низких темпах развития. Положение внутри и вокруг АСЕАН дестабилизируют и другие факторы. Во-первых, эксперты АСЕАН обращают внимание на конфликт интересов в Азии крупных держав — Китая, Индии, России, Японии и, особенно, США. Этот конфликт между Россией и США, добавим от себя, по сути, привел к возобновлению холодной войны в новых формах, ввиду чего обострились проблемы нетрадиционной безопасности, которые затрагивают и страны АСЕАН. В-третьих, предметом их повышенной обеспокоенности являются обострившиеся территориальные споры в ЮКМ.

3. Правовая база и возможности интеграции

В 1997 г. был одобрен концептуальный документ «Видение АСЕАН 2020», который наметил создание Сообщества АСЕАН к 2020 г. Этот график подтвердил саммит в Индонезии в 2003 г., однако в ходе саммита 2007 г. на Филиппинах лидеры Ассоциации решили сократить срок на 5 лет — до 2015 г. Они приняли новую Дорожную карту (Blueprint) формирования сообщества, сделав ставку на сближение именно в экономической области. Эта программа предусмотрела совместные действия в течение 4 двухлетних периодов. Был сформулирован единый подход сторон по нетарифным барьерам, услугам, инвестициям, конкурентной политике, а также охране интеллектуальной собственности, политике развития, отношениям с внешними партнерами, урегулированию разногласий, институциональному строительству.

Переходу стран-членов АСЕАН от экономического взаимодействия к построению единого экономического пространства способствовал

запуск в разных сферах необходимых правовых режимов, в том числе принятие в 2008 г. Хартии АСЕАН. ЭСА явилась логическим продолжением этих инициатив. В торговле товарами действует Соглашение АТІГА, услугами — Рамочное соглашение AFAS, в сфере инвестиций — Всестороннее инвестиционное соглашение ASIA, обмен квалифицированными специалистами регулирует так наз. протокол № 4, облегчающий реализацию инвестиционных проектов и сопутствующие услуги²⁸.

Экономическая кооперация — лучшая стратегия хеджирования рисков для обеспечения устойчивого роста и развития в будущем. Это подтвердил глобальный финансовый кризис, начавшийся в 2008 г., который страны АСЕАН пережили относительно мягко, а на фоне более развитых регионов мира — просто успешно. Члены Ассоциации быстро приняли необходимые меры для поддержки частного бизнеса, граждан и финансовых институтов. На переговорах по ЗСТ с более крупными экономиками и другими странами они совместно добились нужных результатов. Благодаря этому повысились признание и авторитет организации. С 2009 г. АСЕАН получает приглашение на саммиты Г-20, в 2011 г. она способствовала вовлечению России и США в ВАС. Вошло в практику назначение иностранных послов при Ассоциации.

Рост внимания со стороны держав стимулировал процессы объединения экономик Восточной Азии вокруг АСЕАН (так наз. асеаноцентричность). В ноябре 2012 г. лидеры Ассоциации приступили к созданию Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) с тем, чтобы объединить 5 ЗСТ, созданных по формуле «АСЕАН плюс 1». Ожидается, что так удастся парировать вызов, которой брошен АСЕАН со стороны АТЭС, ТПП и др.

Выявление *экономических преимуществ и недостатков* стран АСЕАН позволяет оценить ход и перспективы интеграции в ЮВА.

Двигателями хозяйственного роста здесь являются демографическая структура, стимулирующая расширенное потребление, а также инвестиции в производственный и иные сектора, обусловленные верой инвесторов в экономические перспективы ЮВА. Сильные стороны стран-участниц варьируются от богатых природных ресурсов до капиталоемких отраслей промышленности типа текстильной и автомо-

²⁸ Как отмечает вьетнамский эксперт Динь Чунг Тхань, это повысило привлекательность региона для иностранного капитала, что подтверждает растущая инвестиционная активность ТНК [Dinh Trung Thanh, 2016, с.69]. Здесь работает 80% глобальных компаний из списка журнала «Форчун», в частности, по 10 ведущих мировых производителей автомобилей и запчастей к ним, фармацевтической продукции и изделий микроэлектроники.

бильной, микроэлектроники, больших рекреационных возможностей. К плюсам относится рост инноваций и предпринимательских навыков.

В целом ЮВА располагает высоко конкурентной производственной базой, опирающейся на относительно развитую инфраструктуру и низкую стоимость квалифицированного труда. Инвесторы также выигрывают от географического расположения региона между Китаем и Индией, которое, в свою очередь, помогает участию в азиатских цепочках создания стоимости. Постоянная забота стран АСЕАН о развитии национального образования дала ей преимущества перед другими развивающимися рынками в части удовлетворения потребностей зарубежного бизнеса. Последовательная либерализация экономик и реформы помогают им поддерживать глобальную конкурентоспособность, что сделало ЮВА идеальным местом для бизнеса ведущих мировых компаний.

Создание ЗСТ с партнерами в АТР, как и сама региональная интеграция, во многом способствуют социальному прогрессу, оказывают за счет развития человеческого капитала общий позитивный эффект. На него и рассчитывают основатели АСЕАН, стремясь к «сообществу, в котором граждане и бизнес смогут получать выгоды от более низких цен и лучших условий труда» [Sanchita, 2016, с.24]. Члены Ассоциации достигли существенных успехов в снижении бедности и формировании среднего класса. Экономике региона показывают быстрый рост знаниеёмких отраслей промышленности и сферы услуг: биотехнологии, туризма, медицины и др. Развитие инфраструктуры, вызванное растущими потребностями экономик, создает новые возможности для инвестиций и занятости в регионе, а повышение доходов населения — для охраны его здоровья. Увеличение достатка работающих прямо определяет масштабы потребления и спрос на финансовые услуги.

Очевидны также и недостатки, сдерживающие процесс интеграции. К слабостям Ассоциации относятся различия ее участников и сложность принятия ими общих решений, приближение многих к «ловушке среднего уровня развития». Также признается медленное продвижение либеральных нововведений и, как следствие, недостаток стимулов у бизнеса к большему использованию регионального преференциального режима. К тому же целый ряд стран имеет быстро стареющее общество, а регион в целом — слабую институциональную структуру, вследствие чего участники АСЕАН слабо связаны физически и через общие механизмы управления.

Страны АСЕАН сильно зависят от внешней среды. Любое замедление экономик развитых стран и Китая вызывает здесь серьезные послед-

Таблица 1

Сводный анализ преимуществ и недостатков АСЕАН

Сильные стороны	Слабые стороны
Обширный рынок	Разрыв в уровне развития экономик
Богатство природных ресурсов	Риск «ловушки сред уровня развития»
Интегр производственная базы, сети	Медленный ход внутренних реформ
Географическое положение	Стареющее население
Низкий уровень зарплат, относительно высокий — развития человека	Слабое использование частным сектором преференциальных тарифов
Прогрессивная либеральная политика	Слабые институционал возможности
Возможности	Угрозы
Созревание региональной интеграции	Напряженность в ЮКМ
Рост в отраслях сферы услуг	Замедление роста в США, ЕС, КНР
Взаимодействие в сфере медицины	Уязвимость финансовых рынков
Инвестиции в инфраструктуру	Эконом конкуренция Китая и Индии
Растущий «средний класс»	Изменение климата, эколог проблемы
Рост запросов частного бизнеса	Рост эпидемических заболеваний

Источник: [Sanchita, 2016, p. 86].

ствия для роста ВВП и сохранения занятости. Конкуренция с китайскими товарами на важнейших для Ассоциации экспортных рынках остается главной заботой. Страны ЮВА продолжают борьбу за аутсорсинг бизнес процессов с Индией, так как он привлекателен для иностранного капитала дешевой рабочей силой. Обострение территориальных споров в ЮКМ — главном торговом пути АТР — угрожает торговле и безопасности региона. Страны ЮВА сталкиваются с вызовами глобального потепления и продовольственной безопасности.

Конечно, формирование ЭСА порождает и объективные трудности. Так, в условиях глобального финансового кризиса временно окрепла тенденция протекционизма, вредная для развития региональных экономических сетей ввиду снижения конкурентоспособности экспортных товаров. Разрыв в уровнях экономического развития стран АСЕАН требует,

чтобы менее развитые из них (типа ВКЛМ) осуществляли либерализацию медленнее, чем развитые. Они даже несут потери, выполняя соответствующие обязательства членов АФТА. Для того чтобы решить данную проблему, приходится искать альтернативные пути повышения доходов госбюджета и реформы налоговой системы, в частности сокращая нелегальную торговлю, обеспечивая больше выгод от проводимых коллективных мер.

Интеграция в АСЕАН ведется сверху вниз, поэтому участники на низовом уровне часто не осведомлены о ее механизмах и не очень сильно в ней заинтересованы, а если она подрывает их бизнес, то могут и оказывать сопротивление. Одновременно процесс идет помимо их воли: страны региона уже вовлечены в интеграцию через созданные ТНК производственные сети, т.е. рыночные механизмы. Если тенденция глобализации возобладает над регионализацией, то вместе указанные причины ослабят интеграционные импульсы внутри Ассоциации, приведут к созданию широких объединений трансконтинентального типа. Пока для этого, похоже, не созрели условия.

В обобщенном виде сильные и слабые стороны АСЕАН, возможности и вызовы в сфере экономики, стоящие перед ней, представлены в таблице 1.

4. Условия и задачи, институциональное оформление интеграции

Формирование сообщества велось на основе стратегического плана. Для мониторинга его выполнения в 2007 г. была принята Дорожная карта ЭСА, которая включала в себя 17 основных целей, 506 конкретных мер. Программу предполагалось осуществить за 4 двухлетних периода, начиная с 2008–2009 гг. Работа, предусмотренная программой на 2008–2011 гг. [ASEAN Economic Community Scorecard, 2012, с.9], по оценкам Секретариата Ассоциации, выполнена на 68,2%, в 2014 г. зафиксирован уровень в среднем 82,1%, к апрелю 2015 г. было достигнуто 90,5% показателей²⁹. Хотя конечная цель к намеченному сроку так и не достигнута, прогресс в выполнении программы очевиден. На ее полное завершение отведено дополнительно еще 10 лет.

План и программа строительства ЭСА направлены на создание четырех **составных частей или «опор»** сообщества, как их назвали в АСЕАН.

²⁹ Публикация данных о выполнении Дорожной карты остановлена в 2012 г., поэтому за следующие годы они получены на основе оценок [Sanchita, 2016, p. 11, 12, 19, 29]. См. также R. Severino, M. Thuzar. ASEAN Economic Cooperation and its Political Realities // Moving the AEC beyond 2015: Managing Domestic Consensus for Community-Building. Tham Siew Yean and Sanchita Basu Das eds. Singapore: ISEAS, 2016. P. 25.

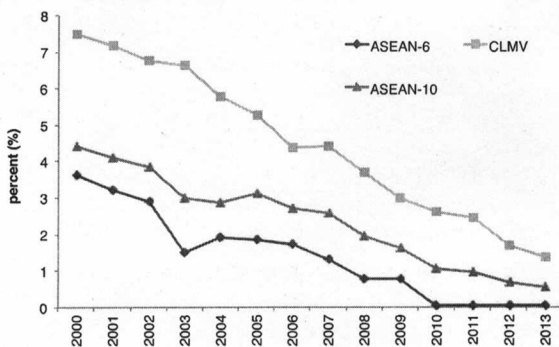

Рис. 2. Динамика снижения тарифов в торговле между членами АСЕАН
 Источник: ASEAN Secretariat Statistical Database.

Первая из таких опор — **образование общего рынка и производственной базы**. За счет этого должно быть обеспечено свободное движение товаров, услуг, инвестиций и капитала, квалифицированной рабочей силы, интеграция в приоритетных секторах и в традиционных отраслях. За 2008–2011 гг. данная часть программы выполнена на 66,5% [Sanchita, 2016, p. 11].

Если говорить о главной составной части общего рынка — *свободном движении товаров*, то оно опирается на Соглашение АТIGA. В 2010 г. это соглашение было ратифицировано 9 членами АСЕАН кроме Таиланда. Для его реализации созданы различные механизмы, облегчающие движение товаров через границу: таможенного декларирования, обработки грузов, перевозимых воздушным путем, таможенного транзита и другие.

По мере формирования ЭСА ввозные пошлины на товары и услуги в нем сокращаются до нуля, все отрасли экономики открываются. Это должно обеспечить всестороннюю интеграцию региона, ускорить экономический рост стран-членов. В 2012 г. 6 основателей АСЕАН применяли нулевой тариф к 99,1% товарных позиций, а менее развитые страны — 67,6%, ставка в пределах 0–5% охватила во второй группе стран 98,6% позиций³⁰.

Члены АСЕАН добились большого успеха, опустив среднюю тарифную ставку во внутрирегиональной торговле товарами до 0,9%

³⁰ Sanchita, B.Das. Can the ASEAN economic community be achieved by 2015? // The ASEAN Economic Community and Beyond. Myths and Realities. Singapore: ISEAS, 2016. P. 24, 38.

(в 2000 г. 4,4 %). Группа 6 стран обнулила тарифы с 2010 г. по всем позициям за исключением аграрных продуктов. В группе 4 (ВКЛМ) средний тариф снизился за 2000–2013 гг. с 7,3 до 1,8 % (см. рис. 2).

Второе из условий формирования ЭСА — превращение Юго-Восточной Азии в **экономически конкурентоспособный регион** (выполнено к 2012 г. на 69,2 %) [Sanchita, 2016, p. 12]. В этой части стоит задача достичь стандартов конкурентной политики, защиты потребителя и прав интеллектуальной собственности, развития инфраструктуры, прежде всего, транспорта, и услуг в информационно-коммуникационной сфере, поставок электроэнергии, а также налоговой системы и электронной торговли.

Политика конкуренции — относительно новое явление для ряда членов АСЕАН, но ее соблюдение названо чрезвычайно важным для единого рынка. Поэтому пришлось создавать рабочую группу для изучения лучших практик и координации политики конкуренции на региональном уровне, разработать конкретные рекомендации. Эксперты АСЕАН считают, что в долгосрочной перспективе возможна лишь ограниченная координация и кооперация.

Для повышения конкурентоспособности любой стране нужно развивать *инфраструктуру*, а высокие транспортные и логистические издержки мешают взаимодействию между членами Ассоциации и внутри их экономик. С 2010 г. АСЕАН реализует мастер-план расширения взаимосвязи между странами-членами, которым предусмотрено «улучшить сообщение внутри ЮВА на основе развития физической инфраструктуры, взаимодействия институтов и людей» [Tham and Sanchita, 2016, p. 9]. С участием АзБР создан Инвестиционный фонд АСЕАН с начальным капиталом 485 млн долл. и внедряется механизм частно-государственного партнерства для реализации ключевых инфраструктурных проектов³¹.

Для обеспечения интегрированной и эффективной логистики в зоне АСЕАН подписаны и реализуются три многосторонних соглашения: по воздушным услугам, полной либерализации аренды воздушных судов, облегчению транспортного сообщения между членами Ассоциации. Первые два открыли путь к созданию единого авиационного рынка в регионе.

Выполняется мастер-план АСЕАН, нацеленный на определение единого направления и целей развития *информационно-телекомму-*

³¹ Severino, R., Thuzar, M. ASEAN Economic Cooperation and its Political Realities. Moving the AEC beyond 2015 // Managing Domestic Consensus for Community-Building. Tham Siew Yean and Sanchita Basu Das eds. Singapore: ISEAS, 2016. P. 25.

никационных услуг в регионе. Это направление интеграции очень актуально и выгодно с учетом их бурного распространения в последнее десятилетие.

Сокращение разрыва в уровне социально-экономического **развития** стран ЮВА — еще одно неотъемлемое условие создания ЭСА (до 2012 г. выполнено на 66,7%) [Sanchita, 2016, с.13]. Задача решается, в частности через поддержку малого и среднего бизнеса как основы частнокапиталистического хозяйства. Работа в этом направлении организована на основе Дорожной карты по развитию малого и среднего бизнеса (2004–2014 гг.) и «Инициативы по интеграции стран АСЕАН». Последняя, рассчитанная на 2009–2015 гг., осуществляется в 12 приоритетных отраслях и призвана сделать эти отрасли катализатором экономического объединения региона.

Ассоциация подошла к выбору приоритетных направлений интеграции осторожно и выборочно, сделав ставку на те из них, которые нуждаются в совместных усилиях, менее затронуты конкуренцией. По решению АСЕАН, планируется активнее координировать макроэкономическую и финансовую политику, но без создания наднациональных органов управления [ASEAN Economic Community Blueprint, 2007].

Взаимодействие затруднено схожестью хозяйственных возможностей, преимуществ и специализации ряда членов Ассоциации. Многие государства АСЕАН следуют экспорториентированной модели развития с опорой на обрабатывающую промышленность. Самые передовые из них естественным образом переносят в наименее развитые страны трудоемкие отрасли производства (как сегодня во Вьетнам), что определяет пути специализации и промышленной кооперации в ЮВА.

Четвертая основа ЭСА — **интеграция в глобальную экономику** на основе согласованного подхода к внешнеэкономическим связям и растущего участия в международных производственно-распределительных сетях. К 2012 г. эта задача была выполнена на 85,7% — максимально по сравнению с другими [Sanchita, 2016, с.19]. Успех данного направления формирования ЭСА обусловлен созданием ЗСТ с Китаем, Японией, Республикой Корея, Индией, а также внерегиональными странами.

В документах АСЕАН отмечается, что интеграция в Восточной Азии продвигается постепенно, поэтапно, в духе формирования экономических блоков и начинается с регулирования и активизации торговли товарами через подтверждение страны их происхождения, построение единой товарной номенклатуры, выработку общих таможенных правил и экономическую кооперацию [ASEAN Economic Community Blueprint, 2007].

Таблица 2

Обобщенные внутренние показатели экономического прогресса АСЕАН

Выбранные индикаторы	Год	Объем	Год	Объем	Тренд
Внеш товарооборот, млрд долл.	2000	166,1	2012	602,0	Рост
Доля от всего товарооборота, %	2000	22,0	2012	24,3	Рост
Объем ПИИ, млрд долл.	2000	1,2	2012	20,1	Рост
Доля от общего притока ПИИ %	2000	5,1	2012	18,3	Рост
Оборот внешн услуг, млрд долл	2005	21,3	2011	44,4	Рост
Доля от всего оборота услуг, %	2005	8,1	2011	8,4	Рост
Душевой доход по ППС, долл.*	2000	4187	2012	8394	Рост
Индекс конкурентоспособности**	2000	77,7	2011	80,6	Рост
Индекс развития человека	2005	0,635	2013	0,690	Рост

Источник: [Sanchita, 2016, p. 13].*Примечания:*

* душевой доход рассчитан по данным ВЭФ, исключая Сингапур и Бруней

** На основе рейтинга ВЭФ, в процентах от страны, занимающей 1-е место

Вместе с тем внешние эксперты критически оценивают прогресс на этом направлении. Так, М. Каваи и Г. Винараджа считают выгоды, приносимые указанными ЗСТ, неоднородными и ограниченными [Kawai and Vignaraja, 2011, p. 47]. Более того, они дают негативные отзывы, сравнивая набор ЗСТ с «комком вермишели» по сложности процедур, неадекватному управлению, различию правил определения происхождения товаров и проч.

Анализ результатов. Как показало наше исследование, страны АСЕАН сделали важный шаг по пути укрепления своих экономических взаимосвязей, создания прочной основы для постепенной интеграции в рамках ЮВА и укрепления влияния, центральной роли Ассоциации в общих региональных процессах. Об этом свидетельствует улучшение всех основных социально-экономических показателей АСЕАН даже к 2012 г. — прежде, чем окончился намеченный для образования ЭСА срок (см. табл. 2).

Эти результаты служат ответом участников объединения на осложнение обстановки в АТР, обострение геополитической конфронтации

и усиление региональной нестабильности. Наш вывод прямо противоречит оценке Н. Власовым будущего АСЕАН как «неопределенного» [Власов, 2016, с. 146–147]. Центральная роль Ассоциации в интеграционных процессах в АТР не вызывает сомнения, поскольку появление новых региональных инициатив носит не конкурентный характер (участие в них АСЕАН как единого актора никогда и не предусматривалось), а дополняющий, т.е. опирается на прочный фундамент. Проекты же, прямо или косвенно нацеленные на раскол АСЕАН, такие как Транстихоокеанское партнерство (ТТП), закономерно терпят при этом провал на наших глазах.

Хотя основные цели построения всего Сообщества к концу 2015 г. не достигнуты, прежде всего, не образован единый рынок, но заложена основа ЭСА — ключевые соглашения и механизмы интеграции. Члены АСЕАН твердо намерены продолжать усилия по их имплементации и улучшению, стремиться использовать эти базовые механизмы и меры, оказывающие максимально благоприятное влияние на экономику региона. ЭСА — формирующееся объединение, в котором на базе открытого регионализма импорт более эффективных товаров преобладает над менее эффективными («эффект отклонения» не доминирует: хотя торговля между членами АСЕАН отчасти сократилась, но не «перехвачена» внерегиональными партнерами).

Из двух возможных базисных сценариев развития организации свою жизнеспособность показывает позитивный. Он состоит в том, что в регионе сохранятся центростремительные тенденции и будет все больше нарастать консолидация. В этом случае АСЕАН в условиях противостояния великих держав не только останется независимым участником региональных дел, но и укрепит позиции реального лидера, способного эффективно выстраивать отношения с другими партнерами и отстаивать свои интересы с учетом приоритетов каждой из стран-членов. Второй сценарий, сводящийся к «поляризации стран-членов в результате нарастания центробежных тенденций и дальнейшему размыванию региональной роли Ассоциации» [Власов, 2016, с. 147], представляется маловероятным.

Заключение

Экономическое сообщество АСЕАН (ЭСА) пока нельзя рассматривать как завершенное и эффективное интеграционное объединение. Интеграция — длительный процесс, требующий политической воли и обязательств, в случае ЭСА рассчитанный как минимум до 2025 г. Она является для АСЕАН лишь перспективой, которая зависит от углубления процесса экономического сближения членов Ассоциации и его институционального оформления. Такое понимание принципиально

отличается от применяемого западными теоретиками и, на наш взгляд, является научно более точным и объективным.

Хотя ЭСА, возможно, не скоро станет настоящим интеграционным объединением с общим рынком и производственной базой, его постепенное формирование позволит АСЕАН стать сильнее как группе государств. Это поможет членам Ассоциации лучше противостоять глобальному кризису, обострению конфликтов между ведущими державами и новым испытаниям, обеспечивать поступательное развитие своих экономик.

Проведенное исследование показывает, что интеграция стран АСЕАН ведется по иной модели, чем также возникшие в Европе и в Евразии. Как признают специалисты Ассоциации, они не копируют при формировании ЭСА опыт европейской интеграции (ЕС), хотя изучали и использовали его ввиду значительных достижений этого регионального объединения [Sanchita, 2016, с.59]. Сходство ограничивается в основном названием — экономическое сообщество. Меры по созданию сообщества отвечают желанию участников развивать экономическое сотрудничество и нацелены на достижение новой идентичности — общей в рамках Ассоциации. Достижение же идентичности поможет продвижению индивидуальных и национальных интересов по мере политического и экономического сближения стран-участниц, а в итоге и общему прогрессу региона.

Литература

1. Власов Н. АСЕАН в эпоху региональной геополитической нестабильности // *Международная жизнь*, 2016, № 6. С. 142–147.
2. Сергун И. П. Перспективы участия России в интеграционных процессах в Юго-Восточной Азии: на примере опыта создания зоны свободной торговли Китай — АСЕАН. Автореферат диссертации к.э.н. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dissercat.com/content/perspektivy-uchastiya-rossii-v-integratsionnykh-protsessakh-v-yugo-vostochnoi-azii-na-primer#ixzz4RDzECurf> (дата обращения: 26.10.2016).
3. ASEAN Economic Community Scorecard. Jakarta, ASEAN Secretariat, 2012. 20 p.
4. Balassa, Bella. *The Theory of Economic Integration*. Illinois, 1961. 224 p.
5. Dinh Trung Thanh. *Dau tu truc tiep tu cac nuoc ASEAN vao Viet Nam trong boi canh hinh thanh AEC nam 2015* // *Nghien cuu kinh te*, 2016, № 3 (454). Tr. 68–76.
6. Goh Keng Swee. *Regional cooperation in Southeast Asia. The Economics of Modernization*. Singapore, ISEAS, 1995. P. 102–116.
7. Grugel, J. B. *New Regionalism and Model of Governance* // *European Journal of International Relations*, 2004, vol. 10, n. 4. P. 601–615.

8. Ho, Benjamin. ASEAN's Centrality in a Rising Asia. RSIS Working Paper Series, n. 249. Singapore, 2012. 54 p.
9. Kawai Masahiro and Vignaraja Ganesh. Main Findings and Policy Recommendations // Asia's Free Trade Agreements: How is Business Responding? ADB, 2011. 36 p.
10. Kawai, Masahiro. East Asian Economic Regionalism: Progress and Challenges // Journal of Asian Economies, 2005, vol. 16, n. 1. P. 29–55; Hew, D. Brick to Brick: The Building of an ASEAN Economic Community. Singapore: ISEAS, 2007. 154 p.
11. Mansfield, E.D. and Milner H. The New Wave of Regionalism // International Organization, 1999, vol. 53, n.3. P. 589–627.
12. Mittelman, J.H. The Globalization Syndrome: Transformation and Resistance. New Jersey, 2000. 286 p.
13. Sanchita, Basu Das. The ASEAN Economic Community and Beyond. Myths and Realities. Singapore, ISEAS, 2016. 290 p.
14. Severino, R. C. The Politics of ASEAN Economic Cooperation // Asian Economic Policy Review, 2011, n 1. P. 24–36.
15. The 3-rd ASEAN Reader. Singapore, ISEAS, 2015. 485 p.

THE COURSE AND PREREQUISITES FOR THE ASEAN ECONOMIC COMMUNITY BUILDING

Vladimir M. Mazyrin

Abstract. Results. *The study analyzes formation of the ASEAN Economic community (AEC). It presents the relevance of the topic, bibliography, methodology and theory of the study. The importance, history and motto of the AEC formation are discussed too. The author uncovers legal aspects, incentives, and problems of economic convergence, main directions and tasks of integration. Interim results of the studied process are exposed in conclusion.*

Topicality. *The relevance of the topic caused by the formation in 2015 of the ASEAN Community and rising role of ASEAN in global economy. The start of negotiations between ASEAN and the Eurasian Economic Union on free trade area creation has meaning too. This topic is important theoretically and practically, as the integration process unfolds in other regions of the world, including in Eurasia.*

Literature Review. *The topic is fairly new, and the degree of its exploration is low, particularly in Russia. The research bases mainly on publications of the analytical center of ASEAN — ISEAS. The views of Vietnamese scholars have been also taken into consideration together with findings on the ASEAN theme in Russian authors' studies.*

Procedure. *The study was organized through collecting, grouping information about the factors, ways and directions of the AEC formation, verifi-*

ation and completing of the data from divers sources. The author searched to disclose the experience, driving forces of integration, determine the pace, timing, spheres, and prospects of economic convergence. The hypothesis that the conditions for the AEC formation were not ripe experienced notable examination.

Methods. *The studies on international and regional economic integration, legal instruments and agreements of the ASEAN countries formed theoretical and methodological basis of research. It examined the characteristics and patterns of economic integration in Southeast Asia. Core socio-economic indicators of ASEAN were calculated too.*

Theoretical background *of the study consists of popular concepts explaining the need to expand foreign trade and other forms of economic cooperation outward individual countries. There are theories of economic integration, international trade (liberalization versus protectionism), and international economic cooperation aiming at faster industrialization.*

Discussion. *The study revealed that the ASEAN countries are making steady progress on the path of strengthening their economic interaction, creating a solid basis for gradual integration within Southeast Asia and strengthening the Association centrality in regional processes.*

This conclusion refutes the doubts in the possibility of AEC Blue-print implementation and opposes to negative forecasts of the ASEAN future common in Russia. Although main goals of new cooperation format were not reached by the end of 2015, it laid the foundation of economic community namely key agreements and integration mechanisms.

Conclusion. *The study witnessed that the integration of the ASEAN countries follows a different model than in Europe and Eurasia. The similarity is limited by the name itself. Measures for economic community building aimed at achieving a new identity, shared within the Association. These steps are still more likely to be cooperation as previous stage or ordinary form of cooperation than integration.*

Keywords: *Economic community, ASEAN integration, cooperation, Blue-print, agreement, free trade area*

References

1. ASEAN Economic Community Scorecard (2012). Jakarta, ASEAN Secretariat.
2. Balassa, Bella (1961). The Theory of Economic Integration. Illinois.
3. Dinh Trung Thanh (2016). Dau tu truc tiep tu cac nuoc ASEAN vao Viet Nam trong boi canh hinh thanh AEC nam 2015 [Foreign Direct Investment of ASEAN countries to Vietnam under ASEAN Economic Community building in 2015]. *Nghien cuu kinh te [Economic Studies]*, 3 (454), 68–76.

4. Goh Keng Swee. (1995). Regional cooperation in Southeast Asia. *The Economics of Modernization*. Singapore, ISEAS, 102–116.
5. Grugel, J.B. (2004). New Regionalism and Model of Governance. *European Journal of International Relations*, 10 (4), 601–615.
6. Ho, Benjamin (2012). ASEAN's Centrality in a Rising Asia. Singapore, RSIS Working Paper Series, 249.
7. Kawai, Masahiro and Vignaraja, Ganesh (2011). Main Findings and Policy Recommendations. *Asia's Free Trade Agreements: How is Business Responding?* ADB.
8. Kawai, Masahiro (2005). East Asian Economic Regionalism: Progress and Challenges. *Journal of Asian Economies*, v.16, 1, 29–55; Hew, D. (2007). Brick to Brick: The Building of an ASEAN Economic Community. Singapore: ISEAS.
9. Mansfield, E.D. and Milner H. (1999). The New Wave of Regionalism // *International Organization*, 53 (3), 589–627.
10. Mittelman, J.H. (2000). The Globalization Syndrome: Transformation and Resistance. New Jersey.
11. Sanchita, Basu Das (2016). The ASEAN Economic Community and Beyond. Myths and Realities. Singapore: ISEAS.
12. Sergun, I.P. Perspektivy uchastija Rossii v integracionnyh processah v Jugo-Vostochnoj Azii na primere opyta sozdaniya zony svobodnoj trgovli Kitaj–ASEAN. Avtoreferat dissertacii k.je.n. [Prospects of Russia's participation in integration processes in South-East Asia: the example of China–ASEAN free trade area creation. PhD (econ.) thesis]. Retrieved 26 October, 2016 from <http://www.disserscat.com/content/perspektivy-uchastiya-rossii-v-integratsionnykh-protsessakh-v-yugo-vostochnoi-azii-na-primer#ixzz4RDzECurf>.
13. Severino, R.C. (2011). The Politics of ASEAN Economic Cooperation. *Asian Economic Policy Review*, 1, 24–36.
14. The 3-rd ASEAN Reader (2015). Singapore: ISEAS.
15. Vlasov N. (2016). ASEAN v jepohu regional'noj geopoliticheskoj nestabil'nosti [ASEAN in the era of regional geopolitical instability]. In *Mezhdunarodnaja zhizn' [International life]*, 6, 142–147.

Информация об авторе

Мазырин Владимир Моисеевич

д. экон. н, доцент, руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока РАН, Россия
E-mail: mazyrin_v@mail.ru

Vladimir M. Mazyrin

Assoc. Prof., D. Sc. (econ.), Chair of the Center for Vietnam and ASEAN studies, Institute for Far Eastern studies, Russian Academy of Sciences, Russia

НАЗАД В КАМРАНЬ

Н. П. МАЛЕТИН

Аннотация. Военно-техническое сотрудничество Вьетнама с Советским Союзом началось с середины 1960-х гг. и после небольшого перерыва возобновилось с его правопреемницей российской Федерацией.

После китайской агрессии против СРВ в начале 1979 г. Советский Союз заключил с Вьетнамом Соглашение об использовании бывшей американской военной базы на юге страны в Камрани, по которому она передавалась ему в бесплатную аренду на 25 лет.

Развал СССР прервал военные связи с Вьетнамом, и база практически осталась безхозной. Сократившийся Российский ВМФ пользовался ею, численность российского персонала была сокращена в 4 раза.

Крайне нуждавшийся в средствах для проведения масштабных экономических реформ Вьетнам поставил вопрос о выплате аренды за пользование базой с 1991 г. на сумму более 2 млрд долл. В этих условиях Россия, с трудом выходящая из ельцинского дефолта, сочла возможным отказаться от базы, и в 2002 г. она была возвращена Вьетнаму. Тем не менее, по мере активизации российско-вьетнамских военных контактов вопрос о судьбе Камрани ставился в средствах массовой информации, как в России, так и за рубежом в свете очередной встречи российских и вьетнамских руководителей, прежде всего в связи с обострившимся конфликтом между КНР и СРВ по вопросу о спорных островах Южно-китайского моря. Непосредственное наращивание военного потенциала Вьетнама в основном за счет покупок российской военной техники и размещение ее в Камрани, естественно активизировало процесс обсуждения возможностей расширения российского присутствия на базе в той или иной форме. Министр обороны РФ С. Шойгу заявил в начале 2014 г. о намерении расширить глобальное морское присутствие России, назвав в качестве одного из пунктов Камрань. В мае 2016 г. посол СРВ в РФ Нгуен Тхань Шон выступил с заявлением, что Вьетнам не против возвращения России на военную базу, подчеркнув, что наше двустороннее сотрудничество не должно быть направлено против третьих стран. Россия уже получила возможность упрощенно-

го порядка захода военных кораблей в бухту Камрань, там же разместились и российские топливозаправщики Ил-78, подписано соглашение о создании совместной базы для обслуживания и ремонта подводных лодок. Может нам этого уже вполне достаточно?

Ключевые слова: *Вьетнам, Россия, Военно-техническое сотрудничество (ВТС), Камрань, военная база, Пункт материально-технического обеспечения (ПМТО), вооружение, подлодки, корабли, самолеты, ремонт и обслуживание. стратегическое партнерство*

Геополитическое положение России, рост влияния страны на мировую политику настоятельно требуют укрепления ее позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где у нас в отличие от западного направления есть такой надежный стратегический партнер как Вьетнам, который входит в пятерку наиболее развитых экономик ЮВА и является важным центром влияния в регионе.

Неотъемлемой составляющей нашего всеобъемлющего стратегического партнерства является всестороннее военное и военно-техническое сотрудничество. Проводящий многовекторную внешнюю политику Ханой как и в советский период приоритет в ВТС отдает нашей стране, выступая в качестве ее ключевого партнера в этой сфере в Юго-Восточной Азии.

Военно-техническое сотрудничество Советского Союза с Вьетнамом до 1991 г. осуществлялось по всем направлениям. С самого начала американской агрессии 1965–1972 гг. Москва обеспечивала вьетнамскую армию практически всеми видами вооружений, так как Вьетнам считался «форпостом социалистического лагеря» в ЮВА. Общий объем поставок военной техники за тот период равнялся (в ценах того времени) более 15 млрд долл. По данным генерального штаба ВС СССР в период американской агрессии против СРВ с лета 1965 г. во Вьетнаме в боевых действиях приняли участие более 6300 офицеров и генералов и около 4,5 тысяч солдат и сержантов советских вооруженных сил³².

В начале поставки специмущества и техническое содействие проводились на безвозмездной основе. Война во Вьетнаме, как отмечала в апреле 1975 г. английская «Дейли телеграф», «была выиграна войсками, которые были в основном вооружены русскими»³³. После подписания осенью 1978 г. Договора о дружбе и взаимопомощи по 1990 гг. на указанные цели предоставлялись льготные кредиты. Нападение Китая

³² Кобелев Е. В. Российско-вьетнамские отношения: история и современность. Позиции России в АТР. — Москва: Издательский дом «Ключ-С», 2007. С. 249.

³³ Кобелев Е. В., Коваленко И. И. Торжество правого дела народов Индокитая. — М.: Знание, 1975. — С. 31.

на СРВ весной 1979 г. привело к подписанию в мае мес. Соглашения об использовании советским

ВМФ военной базы Камрань, которая еще с конца 1950-х годов до вывода американских войск с юга Вьетнама в 1972 г. была базой Пентагона, а затем сайгонского режима до его падения в мае 1975 г. По этому соглашению все модернизированные и сооруженные там объекты передавались Вьетнаму, а он сдавал базу советской стороне в бесплатную аренду на 25 лет как Пункт материально-технического обеспечения (ПМТО) Тихоокеанского флота СССР. После модернизации и расширения площади до 100 кв.км. там находились причалы для кораблей и подлодок, береговые складские помещения и взлетно-посадочная полоса для любых типов самолетов. Камрань получила статус крупнейшей военно-морской базы советского ВМФ за рубежом. По договору на ней могли находиться одновременно до 8 подлодок и до 16 надводных кораблей и др. судов, а также более 30 самолетов различных видов. До конца 1980-х годов советские корабли различных классов посещали базу десятки раз в год.

После распада СССР в 1991 г. сотрудничество в военной сфере между двумя странами резко сократилось. Москва прекратила безвозмездную военную помощь Ханюю, вывела весь контингент военных советников, перевела ВТС на коммерческую основу.

На рубеже веков важнейшим вопросом в ВТС двух стран стала судьба военной базы в Камрани. Благодаря уникальным природным условиям база считается одним из самых лучших глубоководных портов в мире и потому представляется стратегически важным объектом для тихоокеанских держав. После развала СССР военные корабли РФ перестали заходить на базу, и численность российского персонала была сведена до минимума, сократившись примерно в 4 раза по сравнению с началом 1980-х годов. Министр иностранных дел РФ Игорь Иванов отмечал в 2002 г., что «на протяжении 10 лет наш военно-морской флот не выходил в Индийский океан и не пользовался услугами военно-морской базы»³⁴.

После того как правительство Вьетнама предложило перевести вопрос о базе на коммерческую основу, то есть получать за ее использование арендную плату в Москве стали рассматривать возможность ее закрытия. Генерал-полковник Леонид Ивашов, который в то время возглавлял в военном ведомстве Главное управление международного военного сотрудничества (ГУМВС) отмечал, что предложения по закрытию базы в СРВ и разведовательного технического пункта на Кубе

³⁴ URL: <http://geopolitica.info/kamran-vremya-razbrasyvat-kamni-vremya-ikh-sobirat.html>

президенту В. Путину подавал начальник Генштаба Анатолий Квашнин³⁵, хотя лично министр обороны Игорь Сергеев, до 2001 г. возглавлявший военное ведомство был против ухода из Камрани и еще во время своего визита в Ханой в 1998 г. подчеркивал, что сохранение базы отвечает интересам как России, так и Вьетнама³⁶. Даже асеановцы уже не считали российское присутствие угрозой и не требовали того, чтобы РФ последовала примеру американцев, которые были вынуждены закрыть свои базы на Филиппинах еще в начале 1990-х.

Не требовали закрытия базы и вьетнамцы, они лишь настаивали на арендной плате с 1991 г., которая могла составить более 2 млрд долл. но с учетом того, что задолженность самой СРВ составляла более 10 млрд долл. ее можно было бы списать в счет покрытия вьетнамского долга. Однако Москва посчитала, что аренда слишком высока и в условиях после дефолта не согласилась с такой схемой погашения вьетнамской задолженности. Хотя срок договора об аренде оканчивался в 2004 г. появились сообщения, что завершение военной миссии на Камрани может произойти раньше. Эта проблема была напрямую связана с решением вопроса о задолженности Вьетнама СССР/РФ. В сентябре 2000 г. в Москве во время визита премьера СРВ Фан Ван Кхяя было подписано соглашение об урегулировании долга на условиях Парижского клуба кредиторов. Предусматривалось погашение в течение 23 лет задолженности сниженной фактически в 6 раз до 1,7 млрд долл³⁷. В итоге за счет вьетнамского долга мы не могли содержать базу в Камрани.

Зам. министра иностранных дел А. Лосюков накануне визита В. Путина в СРВ в 2001 г. был вынужден признать, что договор об аренде базы Камрань, видимо придется пересмотреть, так как Ханой ставит вопрос о выплате арендной платы с 1991 г. При этом СРВ ссылалась на кубинский прецедент, когда ежегодную задолженность в 200 млн долл. за аренду центра радиоэлектронной разведки Россия компенсировала с 1992 г. поставками древесины, топлива и военного имущества³⁸. В российских военных кругах не исключили возможности того, что Москва может отказаться от дальнейшего использования базы. Учитывая потребности экономического и общественного развития и задачи своей внешней политики, правительство СРВ во время визита В. Путина во Вьетнам проинформировало президента РФ о решении Политбюро о том, что после того как прежнее соглашение потеряет

³⁵ «Новая газета», 07.10. 2010.

³⁶ Там же.

³⁷ «Время новостей» 27.02.2001.

³⁸ Там же.

силу, Вьетнам не подпишет договора с другой страной об использовании базы Камрань для военных целей. В итоге Москва и Ханой в 2001 г. достигли договоренности о прекращении действия соглашения по использованию базы российской стороной с 1 июля 2002 г. После этого Москва приняла решение о досрочном выводе военного контингента из Камрани почти за два года до окончания срока действия соглашения в 2004 г. В феврале 2002 г. Путин назвал это решение «абсолютно правильным» и военно-политически взвешенным по мнению не только политиков, но и военных, прежде всего Генерального штаба. В том же году была закрыта и база на Кубе, находившаяся всего в 250 км от побережья США, от которой Москва получала до 75 % всей информации об Америке³⁹.

Мы ушли из СРВ и с Кубы после терактов в Вашингтоне 11 сентября 2001 г., когда нам казалось, что у США и РФ общий враг — международный терроризм. Но Буш-младший под лозунгом борьбы с терроризмом расширил сеть американских баз по всему миру. Пентагон довел количество имеющихся и снимаемых во временное пользование баз до 130 в разных странах. В отличие от США свои базы СССР/РФ рассматривали не только под углом сугубо национальных интересов, но и отстаивали интересы своих союзников, такие базы нам предоставивших, что придавало этим государствам стабильность.

Уход из Камрани принес России некоторые политические и экономические выгоды: смягчал отношения с КНР, Японией, Америкой и АСЕАН, а также освобождал от финансовых затрат, которые пришлось бы нести до 2004 г. хотя и снизил ее роль как тихоокеанской державы. При этом следует учитывать и процесс ускоренного сближения РФ и КНР после подписания 16 июля 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве в условиях, когда США еще и не думали разворачиваться к Азии и не стали основным соперником Пекина. Поэтому российская база во Вьетнаме вряд ли бы способствовала активному налаживанию российско-китайских связей.

Со своей стороны Вьетнам, став хозяином базы, нейтрализовал недоверие со стороны КНР и стран АСЕАН, смог активизировать приток иностранных капиталовложений, включая американские, японские, европейские и китайские в свою экономику.

Естественно, что в России серьезные опасения вызывала возможность использования базы другими странами и прежде всего Китаем или Америкой. Были сообщения, что Китай и США готовы платить за

³⁹ Там же.

аренду до 500 млн долл. в год⁴⁰. Однако министр обороны Китая Чи Хаотянь утверждал, что никаких переговоров на эту тему с Ханоем не ведется и вопрос о российской базе в Камрани — это дело РФ и СРВ⁴¹. Министр обороны СРВ Фам Ван Ча в мае 2002 г. заявил, что после вывода российского персонала Камрань не будет предоставлена какому-либо другому государству, и правительство будет использовать ее самостоятельно исключительно в мирных целях⁴².

После закрытия базы военное присутствие России в ЮВА фактически свелось к минимуму, тем не менее, наши страны остались важнейшими партнерами в сфере военно-технического сотрудничества.

Между тем вопрос о Камрани традиционно поднимался в прессе в связи с визитами российских и вьетнамских руководителей. Некоторые СМИ накануне поездки президента РФ Д. Медведева в СРВ осенью 2010 г. сообщали о возможности обсуждения вопроса о Камрани. Ханой был заинтересован в усилении российского военного присутствия в свете событий в ЮКМ, но в российском МИД тогда считали, что максимум, что могло бы быть, — это пункт материально технического обеспечения⁴³.

В свете предстоящего визита президента СРВ Чыонг Тан Шанга в РФ в 2012 г. некоторые газеты писали чуть ли не о желании Ханоя договориться с Москвой о возвращении российского ВМФ в Камрань⁴⁴.

В интервью радио «Голос России» президент СРВ сказал, что Вьетнам намерен предоставить России преимущества в Камрани в целях развития военного сотрудничества. При этом он отметил, что Ханой не намерен ни в коем случае кооперироваться ни с одной из стран в целях военного использования этой базы⁴⁵.

Чыонг Тан Шанг подчеркнул, что в будущем в бухте Камрань не будет военных баз никакой другой страны, в ней будет находиться военно-морская база Вьетнама, а также судоремонтное предприятие для оказания услуг иностранным судам. (Порт для обслуживания и ремонта иностранных судов открыт в 2010 г). Предполагалось, что Россия получит опреде-

⁴⁰ «Газета», 15.05.2002.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Газета «Коммерсант» № 203/П(4503) от 01.11 2010. URL: <http://www.kommersant.ru/doc-y.aspx?DocslD=1529496>.

⁴⁴ Воронин А. С. Взаимодействие России и Вьетнам выходит на новый уровень (К итогам визита в Россию президента СРВ Чыонг Тан Шанга) // Проблемы Дальнего Востока. 2012, № 6. С. 31.

⁴⁵ Там же.

ленные привилегии в обслуживании в порту и, кроме того, может создать свой собственный пункт стоянки и обслуживания кораблей.

Вполне естественно, что Москва, очевидно, хотела бы расширить масштаб двустороннего ВТС, не ограничивая его «лишь временной побывкой» своих кораблей, но и зафиксировать свое присутствие на вьетнамском берегу с более твердых позиций.

Безусловно, Россия в том или ином аспекте проявляла заинтересованность в сохранении там своего присутствия в рамках некоторых проектов сотрудничества военно-технического характера. По мере наращивания военных поставок из России, появления у СРВ своего надводного и подводного флота становился естественным рост внимания Ханоя к дальнейшей судьбе Камрани. 12 ноября 2013 г. президент РФ В. Путин и президент СРВ Чыонг Тан Шанг подписали соглашение о создании совместной базы для обслуживания и ремонта подводных лодок в Камрани^{46*}.

Возможность возвращения России туда в той или иной форме не снималась с повестки дня. Так, в феврале 2014 г. министр обороны РФ С. Шойгу заявил о намерениях расширить глобальное морское присутствие России, связав это с планами строительства морских баз для обслуживания российских кораблей во Вьетнаме, на Кубе, на Сейшельских островах, в Сингапуре и Никарагуа⁴⁷ 16).

В ноябре 2014 г. во время визита в РФ генерального секретаря КПВ Нгуен Фу Чонга было подписано межправительственное соглашение об упрощенном порядке захода российских военных кораблей в порт Камрань. Корабли и подлодки России получили возможность заходить в порт бесплатно. Что же касается услуг, оказываемых принимающей стороной, то они оставались платными. К ним относятся — заправка топливом, водой, снабжение продовольствием, подача электроэнергии, ремонтные работы.

В соответствии с согласованными еще в 2013 г. условиями взаимовыгодного базирования в Камрани российских топливозаправщиков Ил-78 для дозаправки в воздухе в международном пространстве стратегических бомбардировщиков Ту-95, с весны 2014 г. аэродромы

⁴⁶ URL: <http://geopolitica.info/kamran-vremya-razbrasyvat-kamni-vremya-ikh-sobirat.html>

*Еще в начале 2000-х военный аналитик Игорь Коротченко тем не менее высказывал предположение, что в перспективе возможно совместное использование базы как вьетнамскими, так и российскими кораблями и подлодками. (Интервью « Новой Газете». 07.10.2010)

⁴⁷ См. Россия и Вьетнам: двустороннее сотрудничество и перспективы региональной интеграции. — Москва: 2015, РИСИ. — С. 30.

Камрани стали использоваться для обслуживания российских Ил. Это вызвало крайнюю нервозность США, которые посчитали, что полеты российской дальней авиации носят провокационный характер и ущемляют американские интересы

В марте 2015 г. Вашингтон обратился к правительству СРВ с настоятельной просьбой прекратить предоставлять России подобные льготные условия пользования базой. Просьба-требование США была расценена как вмешательство во внутренние дела СРВ и не была удовлетворена⁴⁸.

Безусловно, для России упрочение своего военного присутствия в зоне Тихого океана от Сахалина до Малаккского пролива имеет жизненно важное значение. Кроме того, в Ханое понимают всю важность сохранения безопасности и стабильности в АТР, и, в частности, в ЮКМ в современных сложных международных условиях. Так, накануне визита в СРВ председателя правительства РФ Д. Медведева в середине апреля 2015 г. премьер СРВ Нгуен Тан Зунг заявил корреспонденту ТАСС, что ВТС в рамках всеобъемлющего стратегического партнерства между СРВ и РФ способствует поддержанию мира, стабильности и устойчивого развития⁴⁹.

17 мая 2016 г. посол СРВ в России Нгуен Тхань Шон выступил с заявлением о том, что «Вьетнам не против возвращения России на военную базу в Камрани. Но это сотрудничество не должно быть направлено против третьих стран. Он особо подчеркнул, что «политика Вьетнама заключается в том, чтобы не вступать в военные союзы или союзничать с одним государством против другого. В этом контексте использование портов Камрани для многостороннего международного сотрудничества в целях обеспечения морских транспортных услуг, ремонта судов и развития военной техники для обеспечения мира и стабильности в регионе является подходящим направлением»⁵⁰. Еще во время визита в Москву в 2014 г. генерального секретаря ЦК КПВ Нгуен Фу Чонга было подписано соглашение об упрощенном порядке захода российских кораблей во вьетнамский порт Камрань. Для этого требуется лишь уведомление портовых властей. Эта важная для России договоренность о «согласительном» порядке захода кораблей, по мнению ряда обозревателей, может стать вторым после Сирии прецедентом для открытия «пункта материально-технического обеспечения» в Камрани или точнее

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Премьер Вьетнама: Россия — наш приоритетный партнер. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/1880164>

⁵⁰ URL: <http://geopolitica.info/kamran-vremya-razbrasyvat-kamni-vremya-ikh-sobirat.html>

его возвращения. Вьетнамская база — важный перекресток на пути из Тихого океана в Индийский, где мы сотрудничаем с нашим стратегическим партнером Индией. И, кроме того, от нее рукой подать до Персидского залива — важного стратегического района. Когда США и Запад «давят» на наши западные рубежи, показать им эффективность российских ВС не в количественном (по старой схеме гонки вооружений), а асимметричном плане вполне логично. Создается впечатление, что нас ждут как в СРВ, так и на Кубе, ведь после нашего ухода базы они никому не сдали.

Все практически во многом упирается «в цену вопроса» и конкретную политическую ситуацию в мире.

Базы не только политика или безопасность, но и в большой степени экономика. И вопрос о них должен решаться не односторонне, а комплексно. Научный сотрудник Центра анализа стратегий и технологий, главный редактор журнала «Экспорт вооружений» Андрей Фролов считает, что у России появилась возможность «вернуть статус великой державы за сравнительно небольшие деньги». Главное, чтобы это была взаимовыгодная сделка, желательно бартерного характера⁵¹.

Безусловно, следует найти наиболее рациональное решение, так как нам предоставили в какой-то степени право выбора из нескольких вариантов. Самый простой и устраивающий стороны — это возможности упрощенного захода кораблей. Могут быть и другие варианты. Время покажет, на чем сойдемся. Но принципиально важно то, что нас хотят, хотят, чтобы мы пришли.

Конечно, помощь России законному правительству Сирии показала, что обладая самым современным оружием наши ВС могут «достать» кого угодно и где угодно, но лучше когда дешевле и поближе к ним.

Бывший начальник Главного управления международного военного сотрудничества Минобороны РФ, участвовавший еще в переговорах по Камрани в 1998–2000 г.г., генерал-полковник Леонид Ивашов считает, что от такого сделанного вьетнамским послом «приглашении отказываться ни в коем случае нельзя» и «возвращаться в Камрань нужно однозначно»⁵². В случае договоренности масштабы военного объекта будут значительно уступать прежнему, еще советских времен, но и этого вполне достаточно, с учетом того что в Сирии в Тартусе ПМТО обеспечивал постоянное присутствие в Средиземном море, что чрезвычайно

⁵¹ Антон Мардасов Вьетнам пригласил Россию вернуться в Камрань. Свободная пресса. Четверг, 5 января. URL: <http://svpressa.ru/war21/article/148840>

⁵² Там же.

важно. Не обязательно, держать на базах корабли на постоянной основе. Главное иметь инфраструктуру или пользоваться вьетнамской, чтобы обеспечить там военное присутствие. Так стали действовать американцы после ухода с баз на Филиппинах в 1992 г.

Весь период своего существования база в Камрани позволяла Тихоокеанскому флоту СССР контролировать южную часть Тихого и весь Индийский океан. И хотя Россия не может повторить советский размах, но даже возвращение хотя бы трети кораблей и авиации может изменить геополитическую карту региона, укрепить позиции России в этом важном стратегическом районе. Индийский военный эксперт д-р Раджагопалан даже полагает, что открытие российской военной базы в Камрани создаст баланс и стабильность, позволит разрядить ситуацию в регионе, в первую очередь между Китаем и Индией, Китаем и США⁵³.

В статье «Россия обустроивается в Камрани» Антон Мардасов отмечает, что по заявлению экс-главкома ВВС России генерала армии П. Дейнекина, которое он сделал в интервью РИА «Новости» 12 августа 2016 г. аэродромная сеть во Вьетнаме восстанавливается в интересах российских воздушно-космических сил. Ряд аналитиков считает, что следующей постоянной базой присутствия российских ВКС после Хмейним станет Камрань⁵⁴, и таких «заяв» немало. В другой своей статье «Вьетнам пригласил Россию вернуться в Камрань» автор задается вопросом: «Воспользуется ли Москва моментом, чтобы закрепиться в Азии?»⁵⁵ Андрей Губин, российский исследователь из Владивостока в статье «Союз медведя и дракона» спрашивает: «Сможем ли мы вернуться еще на один полуостров на букву К?» — и философски отвечает, что время покажет⁵⁶.

В то же время немало и не столь оптимистических и наступательных позиций.

Эксперт из ИДВ В. Кашин сомневается, что какой-то военный объект в СРВ у России будет в собственности как авиабаза Хмейним в Сирии. Он считает, что полноценное возвращение в Камрань нецелесо-

⁵³ Денис Кунгуров. Вьетнам впустит русскую армию «Утро» <http://utro.ru/articles/2016/08/23/1294779/shtml>

⁵⁴ Антон Мардасов. Россия обустроивается в Камрани. URL: <http://svpressa.ru/war21/article/154296>

⁵⁵ Антон Мардасов. Вьетнам пригласил Россию вернуться в Камрань. Свободная Пресса. Четверг, 5 января 2017 г. URL: <http://svpressa.ru/war21/ARTICLE/148840/>

⁵⁶ А. Губин. «Союз медведя и дракона». URL: http://www.eastrussia.ru/material/soyuz_medvedya_i_drakona_o_rossiyskovetnamskom_vts/

образно в связи с ситуацией в ЮКМ, в которую не следует «глубоко влезать»⁵⁷.

С ним солидаризируется и ведущий эксперт Центра военно-политических исследований МГИМО Михаил Александров, заявляя, что полноценное военное присутствие РФ во Вьетнаме нам сейчас невыгодно, так как отношения между нашими двумя важнейшими стратегически партнерами в АТР оставляют желать лучшего⁵⁸.

Нельзя забывать и то, по какому поводу СССР получил базу, он и сейчас в какой-то степени сохраняется, но о нем умалчивают. И положение России в АТР сейчас кардинально отличается от ситуации 1979 г. Оно значительно благоприятнее и, исходя из этого, следует проявлять осторожность, чтобы не ухудшить его. Нам нежелательно оказаться меж двух огней.

В целом же следует признать, что прошло время покидать базы, настало время возвращаться, очевидно в измененной форме. Мы должны иметь в Камрани не всё, но значительно больше, чем другие. Нельзя обижать партнеров. Кроме того, Вьетнам всегда будет сохранять пространство для маневра.

Программа-минимум уже выполнена. Мы уже и так в Камрани.

Литература

1. Воронин А. С. Взаимодействие России и Вьетнам выходит на новый уровень (К итогам визита в Россию президента СРВ Чыонг Тан Шанга) // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 6.
2. Кобелев Е. В. Российско-вьетнамские отношения: ИСТОРИЯ и современность. Позиции России в АТР. — Москва: Издательский дом «Ключ-С», 2007.
3. Кобелев Е. В., Коваленко И. И. Торжество правого дела народов Индокитая. — М.: Знание, 1975.
4. Россия и Вьетнам: двустороннее сотрудничество и перспективы региональной интеграции. Москва: 2015, РИСИ.

BACK TO KAMRAN

Nikolay P. Maletin

Abstract. *Military technical cooperation between Viet Nam and the Soviet Union had begun since mid-60s and after a short break renewed with the Russian federation as its legal successor. After the Chinese aggression against the*

⁵⁷ Антон Мардасов. Россия обустроивается в Камрани. URL: <http://svpressa.ru/war21/article/154296>

⁵⁸ Антон Мардасов. Россия обустроивается в Камрани. <http://svpressa.ru/war21/article/154296>

Socialist Republic of Viet Nam in the beginning of 1979 the Soviet Union signed an agreement with Viet Nam on the use of former U. S. Naval base in the south of the country according to which this base had been turned over to the Soviet Union on the basis of lease for the period of 25 years.

The dissolution of the Soviet Union had broken its military ties with Viet Nam and the Kamran base remained practically without the owner. The reduced personnel of the Russian Navy did not make use of it as the number of Russia's naval personnel had been cut in 4 times.

Having acute demand for funds to conduct large-scale economic reforms Viet Nam put a question of paying out of the amount of US\$ 2 billion for the use of the base since 1991 before Russia. Under these conditions Russia having difficulties in getting out of the president Boris Eltsin default economic situation rendered it possible to refuse from the base and it was turned over to Viet Nam in 2002.

But despite that fact according to the progress of re-activating the Russian — Viet the question of the Kamran base destiny was raised both in the Russian as well as in foreign mass-media in the light of each new summit of Russian and Vietnamese leaders and first of all with regard to the aggravated conflict between The People's Republic of China and the Socialist Republic of Vietnam on the problem of disputable islands in South-China sea.

The direct build-up of the military capabilities of Vietnam basically for the account of purchase of Russian weapons and military equipment and their deployment in Kamran naturally stepped up the process of discussions over the possibilities of Russian presence in base in one or other form. The Russian Minister of Defence Sergei Shoigu in the beginning of 2014 stated about Russia's intention to enlarge its global deep sea presence having mentioned Kamran as one of its centers. In May 2016 the Ambassador of the Socialist Republic of Vietnam to the Russian Federation Nguen Thang Shong made a statement saying that Vietnam has nothing against Russia's return to the military base having stressed that our bilateral cooperation should not be aimed against the third Countries.

Russia has been already given the possibility to have simplified order of its naval ships visits to the Kamran harbor. Also there were deployed Russian Ilyushin-78 refueller planes and there was signed an agreement on the creation of the joint naval base for providing repair and maintenance services to the Russian submarines.

Why, has it probably been enough for us already?

Keywords: Viet Nam, Russia, military-technical cooperation (MTC), Kamran, military base, logistic center (PMTO), armaments, submarines, combat aircraft, repair and maintenance service, strategic partnership.

References

1. Voronin A.S. Vzaimodeistvie Rossii i V'etnam vykhodit na novyi uroven' (K itogam vizita v Rossiiu prezidenta SRV Chyong Tan Shanga) // Problemy Dal'nego Vostoka. 2012. № 6.
2. Kobelev E.V. Rossiisko-v'etnamskie otnosheniia: ISTORIa i sovremennost'. Pozitsii Rossii v ATR. — Moskva: Izdatel'skii dom «Kliuch-S», 2007.
3. Kobelev E.V., Kovalenko I.I. Torzhestvo pravogo dela narodov Indokitaia. — M.: Znanie, 1975.
4. Rossiia i V'etnam: dvustoronnee sotrudnichestvo i perspektivy regional'noi integratsii. Moskva: 2015, RISI.

Информация об авторе

Малетин Николай Павлович,

Д.и.н., профессор

Старший научный сотрудник Кафедры востоковедения,

МГИМО МИД России

Nikolay P. Maletin

Doctor of Historical Sciences, Professor,

Senior research fellow,

Department of Eastern Studies,

MGIMO–University

СЦЕНАРИИ ГАРМОНИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ ДЛЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

С. В. ЧУГРОВ

Аннотация. Автор исходит из теоретической посылки, что еще недавно в мире господствовал политический реализм с его опорой на рациональные (чаще силовые) факторы. Сейчас же, по мнению исследователя, идет поиск альтернативы. Авторская гипотеза состоит в том, что Азия управляется ценностными нормами, направленными на сочетание политического реализма и гармонизации отношений на основе консенсуса.

В России на профессиональном уровне ведется изучение экономических и политических аспектов отношений со странами Азии вообще и ЮВА в частности. Детально проанализированы (во многом трудами Центра АСЕАН МГИМО) концепты развития, предложенные Ли Куан Ю и Махатхиром Мохамадом (и это есть основа гармонизации национальных отношений). Гораздо хуже известны концепции китайских и японских политологов, предлагающих свои рецепты гармонизации отношений и стабильного развития стран АТР. Эти рецепты — в центре данного анализа, в первую очередь концепции «диалогической цивилизации» китайца Ду Вэймина (Ту Вэймина) и «глобальной биоэтики» японца Хякудая Сакамото.

На основе исследований этих ученых и их последователей можно сделать несколько важных выводов. Во-первых, в азиатском мировоззрении любые человеческие действия прямо включены в природу в качестве ее частей, и границы между природным и искусственным едва уловимы, также условна дихотомия сознания и тела. Во-вторых, этика и социальная справедливость интерпретируются в ЮВА и Восточной Азии контекстуально, поскольку здесь отсутствуют абсолютный бог и категорический императив. Любой этический и моральный кодекс соотносится со временем и местом, поэтому практически отсутствует почва для идей «универсальности» и «фундаментальных прав человека». В-третьих, народы Восточной и Юго-Восточной Азии не стремятся к какому бы то ни было постоянству и вечности, все феномены «текущего

мира» переменчивы, нет констант. В этом мировоззрении доминирует космоцентризм, которому не присущ универсальный метанарратив.

В Восточной Азии и ЮВА групповые интересы воспринимаются как приоритетная ценность, стабильность, гармония и «презумпция доверия» и котируются выше, нежели формализм демократических процедур, который может угрожать общим интересам группы. Дух доверия важнее, чем буква контракта. В Азии важно вписаться в контекст, а на Западе важнее переломить контекст. Концепты Ду Вэймина и Хякудая Сакамото, призывая к гармонизации обнаруживают родство и заслуживают тщательного изучения.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия; азиатское мышление; гармонизация; права человека; Ду Вэймин; Сакамото.

Введение. Евгений Примаков еще в 1998 г. предлагал развернуть Россию на Восток. Казалось, идея получила поддержку Бориса Ельцина, но потом затерлась в бесконечных дискуссиях, не будучи востребованной политической элитой. Сейчас этот вопрос встает с очевидной остротой.

В недавнем совместном исследовании ИМЭМО РАН им. Е. Примакова и Atlantic Council «Глобальная система на переломе», отмечается: «АСЕАН будет стараться увеличить свое участие и влияние на региональное и глобальное развитие. Однако достигнуть этих целей будет не так просто, имея в виду большое разнообразие и очевидные различия интересов членов ассоциации» [Глобальная система, 2016: 149].

Глубоко проанализированы (во многом трудами Центра АСЕАН МГИМО) концепты развития, предложенные учеными и политиками Юго-Восточной Азии, в частности, Ли Куан Ю и Махатхиром Мохаммадом (и это основа гармонизации национальных отношений). В целом, ментальности народов азиатской цивилизации не свойственно открытое противоречие: происходит мягкая замена противоречия на противоположение.

Интересно, например, что Ли Куан Ю призывал к построению справедливого общества, а не «государства всеобщего благосостояния» западного типа» [Ли Куан Ю, 2010: 93] и с большим интересом относился к японским социокультурным характеристикам, анализируя на страницах своих мемуаров японский феномен в главах «Япония — родина первого экономического «чуда» в Азии» и «Японский опыт [там же: 475–503]. «Несмотря на личный опыт, приобретенный в период оккупации Сингапура, я столкнулся с некоторыми чертами японского характера, из-за которых я стал бояться их, теперь я уважаю японцев и восхищаюсь ими, — отмечает Ли Куан Ю. — Их групповая солидарность, дисциплина, интеллект, трудолюбие и готовность жертвовать собой ради своей нации делают японцев огромной созидательной силой» [там же, с. 502].

Четвертый премьер-министр страны, политический долгожитель, чья карьера длилась более четырех десятилетий, Махатхир Мохамад писал в мемуарах «Доктор своей страны»: «Призыв „Равняться на Восток“ не сводился к изучению производственного потенциала Японии и Южной Кореи, он предполагал понимание того, что стояло за успехами этих государств. Каковы были социальные и культурные основы этой новой мощи и конкурентоспособности? Понятно, что одним из факторов была трудовая этика, побуждавшая упорно работать и гордиться достигнутыми результатами» [Махатхир, 2015, с. 449]. Анализируя в деталях японский менталитет, он подчеркивает: «Изучать японское мироощущение, в чем бы оно ни проявлялось — в мелочах или в чем-то существенном — страшно интересно. Их перфекционизм проявляется даже на кухне — или, лучше сказать, особенно на кухне... Мне нравится *темпура* — японское блюдо из хорошо в легком кляре креветок, рыбы и всевозможных овощей... Меня зачаровывает процесс приготовления блюда» [там же, с. 452–453]. После этого он посвящает две страницы всем тонкостям процесса приготовления своего любимого блюда.

Гораздо хуже известны концепции китайских и японских политологов, предлагающих свои рецепты гармонизации отношений и стабильного развития стран АТР. Учитывая вес Китая и Японии в этой обширной зоне, такие концепции надо изучать, чтобы диалог был более содержательным и обладал более конструктивным эффектом на развитие нестабильного региона. Данная статья призвана хоть в небольшой степени восполнить этот пробел.

Теоретические обоснования исследования. Ситуация в мире радикально преобразилась: господствовавший еще недавно политический реализм с его опорой на рациональные (чаще силовые) факторы представляется сегодня тупиковым путем. Сейчас политологи ведут поиск альтернативы. Мы исходим из того предположения, что Азия управляется ценностными нормами, направленными на сочетание политического реализма и гармонизации отношений на основе консенсуса. Азиатские ценности многолики. Однако у них есть нечто общее. В центре этих концепций — справедливость и гармонизация, снятие антагонизмов как некая новая общая модальность. Именно в Азии появились пять принципов гармонизации отношений между государствами «панча шила». Дэн Сяопин еще в 1988 г. отмечал: «Эти принципы отличаются четкостью, ясностью и доходчивостью. Ими мы и должны руководствоваться в международных отношениях» [Дэн Сяопин, 2002, с. 375].

Исследование: основная часть. Внимание к китайским концепциям развития давно находится в центре внимания политологов ЮВА хотя бы

по причине наличия мощной китайской диаспоры в этом регионе, которая демонстрирует более динамичные показатели экономического развития.

Методология исследования. Автор опирался на классические методы компаративного исследования, вычлняя из текстов ключевые идеи и сравнивая их в контексте истории и современной политики. Скажем, можно согласиться с тем, что конфуцианские нормы эффективны только в тех странах конфуцианского ареала (например, во Вьетнаме). Гибкость и приспособляемость конфуцианства к различным стилям руководства, образования и организации, включая семью, позволили ему сохранять цельное мировоззрение в «текущем мире» при изменчивых обстоятельствах.

Но едва ли рецепты конфуцианства универсальны и приемлемы для всех стран ЮВА, поскольку они базируются на конфуцианской доктрине и адресованы преимущественно китайской диаспоре. Конфуцианство представляет собой настолько специфическую черту мира китайской культуры, что, в отличие от христианства, ислама и буддизма, оно зачастую воспринимается больше как региональный феномен, нежели как мировая религия. Эта «форма жизни» указывает на способы преодолеть дихотомии в глобальном сообществе для налаживания диалога между западными и незападными цивилизациями.

Материалы исследования. Ду Вэймин, директор пекинского Института продвинутых гуманистических исследований, которого называют «современным Конфуцием», развивает идею «культурного Китая», под которым понимается общее культурно-цивилизационное пространство, включающее различные ареалы и формы бытования китайской культуры и этоса. Он предсказывает особую роль китайской диаспоры в ЮВА, призывает к гармонизации западных и восточных ценностей на основе «нового конфуцианства», формирования нового глобального мышления и обновленного гуманистического проекта: «Восточная Азия под влиянием конфуцианской культуры уже построила менее конфронтационную, менее индивидуалистичную и менее эгоистическую современную цивилизацию» [Tu Weiming 2010: 116]. Ду Вэймин видит будущее АТР в виде гармонии западных и восточных ценностей: «Мы не имеем выбора „или-или“» [ibid.: 114].

Нарастание давления КНР в Южно-Китайском море не может не беспокоить страны АСЕАН. Поэтому настроенность Пекина на гармонизацию в регионе и его верность конфуцианским принципам крайне важны для всех его соседей. Так считают и российские исследователи, правда, стараясь избегать алармизма: «К счастью, Китай не оставляет своего конфуцианского поведения и движется вперед уверенными, но

осторожными шагами, давая нам возможность привыкнуть к его и нашим новым ролям» [Торкунов, 2010, с. 335].

У японской интеллектуальной элиты есть не один проект будущего мироустройства. Однако остановим наш взгляд на концепции «глобальной биоэтики» (global bioethics), которую предложил почетный профессор университета Аояма Гакуин (Токио) Хякудай Сакамото на конференции Центра «Восток — Запад», проходившей в Гонололу (Гавайи) в 2003 г.

Термин bioethics многозначен. Он появился у немецкого пастора Фрица Яра (1895–1953), который в 1926 г. предложил своеобразную концепцию биоэтики, сформулировав — как противовес кантовскому категорическому императиву — биоэтический императив, призывающий уважать не только человека, но и природу, включая животных и растения. Морально-нравственные нормы в медицине и биологии в 1960-х годах формулирует в рамках биоэтики американский онколог и биохимик В. Р. Поттер, концентрируя внимание на взаимоотношениях врача и пациента, эвтаназии и ксенотрансплантации. Японский буддолог Хадзимэ Накамура (1912–1999) перевел изучение биоэтики в более широкую плоскость этического универсализма, дав толчок развитию гуманистической традиции японской биоэтики, рассматривающей моральные принципы шире, чем западная наука, и изучающей коммунитаристское общество, в котором людям обеспечено достойное и гармоничное существование. Но лишь в начале XXI в. Сакамото передвинул биоэтику на глобальный уровень — регулирование с помощью этических норм международных отношений [Sakamoto 2003], провозгласив переход «от либеральных образцов к коммунитаристским» [Сакамото 2005: 218]

Сакамото определяет глобальную биоэтику как «постмодернистскую и постгуманистическую» [там же, с. 216]. Он осуждает «универсализацию американских стандартов», а суть глобализации понимает как «новый путь гармонизации (или согласования) каждого различия или конфликта между всеми культурными и социальными общностями на Земле, возникающими из многообразия современных культурных и социальных инноваций» [Sakamoto 2003: 11]. В новом глобальном обществе гармонизация отношений и уход от конфронтации должны вытеснить принципы «баланса сил».

Согласно концепции Сакамото, новая «глобальная биоэтика» не должна быть универсалистской, так как человечество выработало много ценностных систем. Ученый предложил идею «технологии межкультурной социальной настройки, или адаптации». Вот ключевая фраза: «Чтобы создать постмодернистскую глобальную этику, мы должны принимать

и гармонизировать каждое проявление антагонистических ценностей в мире. Для этой цели мы должны выработать новую социальную технологию настройки социального беспорядка не только на межнациональном, но и на межэтническом и межкультурном уровнях идеологии, выходящую за рамки теперешнего европейского гуманизма» [ibidem].

Сакамото утверждает, что во многих странах Восточной и Юго-Восточной Азии, образующих «азиатский этос», статус прав человека выражен слабо, а иной раз они выглядят даже инородно [Сакамото 2005: 2013]. Страны АТР, по его мнению, имеют слишком непродолжительное время знакомы с западной интерпретацией прав человека, а их собственный опыт опирается на традиционные морально-этические нормы, с помощью которых они стремятся побороть бедность, голод и невзгоды. Подчеркнем: не с помощью формального провозглашения «прав человека», а полагаясь на солидарность и стремление достичь процветания всего сообщества. Исследователь считает, что насильственное внедрение западного концепта прав человека вызывает отторжение и психологическую травму в азиатских обществах.

Представители школы гуманизма, возникшего на Западе в эпоху Ренессанса и развивавшегося в XVII–XVIII вв. под влиянием Просвещения, концентрировали внимание на достоинстве горожан. Гуманизм Запада был евроцентричным, и он не распространялся на азиатов и африканцев. В глазах «азиатского этоса», Джон Локк и Иммануил Кант защищали личность как рациональное существо, обладающее набором свобод и, в частности, свободой колонизовать африканские и азиатские страны, а также насильственно покорять природу. Великая французская революция сформулировала «фундаментальные права человека», но под ними имелись в виду права представителей христианской цивилизации [ibid.: 12–13].

«Глобальная биоэтика» имеет совсем иное происхождение. Согласно теории Сакамото, она с трудом совместима с универсализмом прав человека и потому с универсализмом европейско-американской биоэтики. Она, по мнению политолога, основана на следующих постулатах.

1. Новый гуманизм — парадигма отношений между человеком и природой. В новой глобальной биоэтике преобладает приближение к природе, встроенность в естественную среду, в ней нет противопоставленности природного и искусственного.
2. Минимизация прав человека. Почему лишь человечество должно наделяться такого рода правами, почему они считаются универсальными? Иммануил Кант опирался на понятие «личности», которая универсальна, рациональна и свободна. Однако, пройдя через испытания XX века, мы выяснили, утверждает Сакамото, что понятие

«личность» (persona) есть только лишь маска, и потому не может считаться ни универсальным, ни априорным. Необходимо принять за основу принципы ценностного релятивизма. Сакамото признает, что идея прав человека успешно функционирует в западных обществах, поэтому главная цель народов Азии, считает Сакамото, — примирить обе позиции и признать нормы «глобальной биоэтики».

3. Целостная гармония. Сакамото замечает: «Я убежден, что глобальная биоэтика должна иметь в своей основе традиционные этосы каждого региона, которые могут быть совершенно отличны от европейского этоса во многих отношениях» [ibid: 15]. «Глобальная биоэтика» призвана гармонизировать и наводить мосты между различными этосами, быть целостной, холистической [Сакамото 2005: 2019]. Даосизм, конфуцианство и буддизм придают ценность природе, обществу, сообществу, соседству и взаимопомощи, нежели индивидуальному «я». Такой тип социокультурного регулирования ученый называет социальной технологией тонкой настройки (social fine tuning technology).

В этой тональности различаются и способы коммуникации в Азии и в Европе. На Западе коммуникация исходит из стремления любой ценой настоять на своем, а не из желания обрести гармоничный и конструктивный контакт с контрагентом. Компромисс в восточном дискурсе — это изначально инструмент снижения накала спора и снятие неловкости при общении: «Восточное восприятие предполагает внутреннее понимание, а западное — действие, направленное вовне» [см. Чугров 2015: 689]. В странах Восточной и Юго-Восточной Азии переговорщик обычно не противостоит собеседнику, не настаивает на своем, а стремится «включиться» в его личное пространство. В этом смысле многие народы АТР далеки от полемики в западном стиле, но их последовательно извиняющееся упорство способно сломить любое сопротивление.

4. Политика «глобальной биоэтики» как технологии социальной настройки. «Я бы заменил слово „гармонизация“ на более реалистичное слово „компромисс“ или „согласование“, — отмечает Сакамото. — Я называю эту политику „политикой диалога и согласования“. Это должно стать единственно возможным путем реализации азиатского идеала гармонии в условиях глобализма третьего тысячелетия» [Sakamoto 2003: 15]. Несомненно, Сакамото рисует безупречную идеалистическую, если не утопическую, схему, едва ли возможную в современной вестернизированной Азии. Но как в любой схеме, здесь особенно выпукло проступают контуры мировоззрения, которое Сакамото называет азиатским. Для жителей Восточной Азии и ЮВА важную роль играют согласование интересов и социальный порядок, а не личные интересы и до-

стоинство. Гармония достигается путем определения социальных ролей и выполнения индивидами, группами, сообществами надлежащих обязательств. Согласование означает не только отсутствие конфликтов, но и душевное спокойствие. Опираясь на метод факторного анализа, видный японский исследователь Такаси Иногути изучал особенности развития стран Юго-Восточной Азии и обратил внимание на существенные отличия от западных стандартов. Например, он обнаружил, Камбоджу, Лаос и Мьянму объединяет «размытость различий между общественным и приватным пространствами, которые как бы переплетены, смешаны между собой» [Inoguchi 2015: 603].

Результаты исследования. На основе исследований Ту Вэймина, Сакамото и их последователей можно сделать несколько важных выводов.

Во-первых, в азиатском мировоззрении любые человеческие действия прямо включены в природу в качестве ее частей, и границы между природным и искусственным едва уловимы, также условна дихотомия сознания и тела. Природа — это то, с чем надо сосуществовать, а не то, что должно быть подчинено. Поэтому, с точки зрения Сакамото, народы Азии отдают предпочтение благополучию всего сообщества, нежели своим индивидуальным интересам [ibid.: 15].

Во-вторых, этика и социальная справедливость интерпретируются в ЮВА и Восточной Азии контекстуально, поскольку здесь отсутствуют абсолютный бог и категорический императив. На справедливости основаны предписания контролировать свое поведение ради поддержания социальной гармонии. Любой этический и моральный кодекс соотносится со временем и местом, поэтому практически отсутствует почва для идей «универсальности» и «фундаментальных прав человека».

В-третьих, народы Восточной и Юго-Восточной Азии не стремятся к каким бы то ни было постоянству и вечности. В тех странах, где укоренилось буддистское мировоззрение, все феномены «текущего мира» переменчивы, нет констант. В противовес этому мировоззрению Запад постоянно находится в поисках инвариантного и вечного, которое, проходя через любые трансформации и испытания, остается в своей основе незыблемым. Идея инвариантности чужда азиатскому типу мышления, в чем коренное отличие «азиатского» видения природы и человека от западного [Sakamoto 2003: 15–16].

Анализ результатов. Модель мировоззрения (в буквальном смысле — «воззрения на мир») народов Восточной и Юго-Восточной Азии строится на парадигме взаимоотношений человека и окружающей среды, которая далека от европейского антропоцентризм. У них принципиально иное: «В этом мировоззрении доминирует космоцентризм, близость

к природе, встроенность в естественную среду, заставляющие избегать противопоставления природного и искусственного. Взгляды мыслителей Восточной и Юго-Восточной Азии на природу человеческого мировоззрения, если выйти за рамки привычных западных заимствований, не похожи на каноны западной философской антропологии и идеалы Французской революции, которые создали почву для универсалистского концепта прав человека. Целостная парадигма космоцентризма отдает преимущество прежде всего природе, группе, сообществу, соседству и взаимопомощи, нежели индивидуальному «я»: Незападу не присущ универсальный метанарратив» [Чугров, 2016, с. 185].

Что же касается «нового конфуцианства», то концепция Ду Вэймина, как показало исследование в соавторстве с историком восточных философий Л. Б. Кареловой, «несет в себе ценности и смыслы, отвечающие потребностям формирования нового глобального проекта» [Карелова, 2012, с. 189].

В целом, в Восточной и Юго-Восточной Азии групповые интересы воспринимаются как приоритетная ценность, стабильность, гармония и «презюмция доверия» и котируются выше, нежели формализм демократических процедур, который может угрожать общим интересам группы. Дух доверия важнее, чем буква контракта. В Азии важно вписаться в контекст, а на Западе важнее переломить контекст. Концепты Ду Вэймина и Хякудая Сакамото, призывая к гармонизации обнаруживают родство и заслуживают тщательного изучения.

Литература

1. Дэн Сяопин. *Строительство социализма с китайской спецификой. Статьи и выступления*. М.: Общество дружбы и сотрудничества с зарубежными странами, 2002. (Серия «Вожди народов»). 527 с.
2. *Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности = Global System on the Brink: Pathways toward a New Normal* / пер. с англ. / под ред. А. Дынкина, М. Барроуза; авт. кол. ИМЭМО РАН и Атлантического совета (США). М.: Магистр. 196 с.
3. Карелова Л. Б. Ту Вэймин и «новое конфуцианство» / Л. Б. Карелова, С. В. Чугров // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 1. С. 188–189.
4. Карелова Л. Б. *Истоки японской трудовой этики*. М.: Вост. лит., 2007. 231 с.
5. Ли Куан Ю. *Сингапурская история: 1965–2000. Из третьего мира — в первый* / науч. ред. А. В. Воскресенский и др. / пер. с англ. А. В. Боня. 2-е изд. М.: МГИМО–Университет, 2010. 657 с.
6. Махатхир Мохамад. *Доктор своей страны. Мемуары четвертого премьер-министра Малайзии*. Том 1-й / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, центр АСЕАН. М.: МГИМО–Университет, 2015. 491 с.

7. Торкунов А. В. *По дороге в будущее* / ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект-Пресс. 2010. 476 с. (Серия «Признанные»).
8. Чугров С. В. Специфика политической культуры и политического устройства Японии // *Сравнительная политология* / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 679–700.
9. Чугров С. В. Существует ли незападная политология? (“Политическая теория” Т. Иноуги) // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 4. С. 182–191. DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.04.14>
10. Inoguchi T. Multiple Modes of Wellbeing in Asia // *Global Handbook of Quality of Life* / ed. by W. Glatzer et al. Dordrecht: Springer, 2015. P. 597–607. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-94-017-9178-6_27
11. Sakamoto H. Globalization of Bioethics as an Intercultural Social Tuning Technology // *East Asian Culture Seminar “Globalization and East Asian Culture*. East-West Center, Honolulu, Hawaii, December 5–6. Tokyo: University Research Center, Nihon University, 2003. P 3–21.
12. Tu Weiming. *The Global Significance of Concrete Humanity. Essays on the Confucian Discourse in Cultural China*. New Delhi: Centre for Studies in Civilizations (CSC), 2010. 411 p.
13. Сакамото Х. Гуробару байоэссиксу-но косо (Концепция биоэтики) // *Сэй-мэй ринри* (Биоэтика) / ред. Х. Сакамото и др. Токио: Хокудзю сьуппан, 2005. С. 207–221 (на яп. языке).

SCENARIOS OF HARMONIZATION OF RELATIONS FOR SOUTH-EAST ASIA AND EAST ASIA

Chugrov S.V.

Abstract. *The author proceeds from the theoretical premise that until recently, the world was dominated by political realism, with its reliance on rational (initially, power) factors. Now, according to the author, the search for alternatives has started. The author’s hypothesis is that Asia is governed by the value-oriented norms, aimed at a combination of political realism and harmonization of relations on the basis of consensus.*

Russian researchers are involved into a study of economic and political aspects of relations with Asia, in general, and Southeast Asia, in particular, on high professional level. Concepts of sustainable development, promoted by Lee Kuan Yew and Mahathir Mohamad and targeted at the harmonization of national relations, are analyzed in detail in many research papers of the MGIMO ASEAN Centre. Concepts of Chinese and Japanese political analysts offering their recipes of harmonization of relations and stable development in the Asia-Pacific countries are known much worse. These recipes are in the focus of this analysis, most notably the concept of «dialogical civilization» by a Chi-

nese scholar Tu Weiming (Du Weiming) and «global bioethics» by a Japanese scholar Hyakudai Sakamoto.

From research papers of these scientists and their followers one can draw several important conclusions. Firstly, in the Asian world view, any human action is directly included into Nature as its part; the boundaries between the natural and the artificial are subtle; there is no arbitrary dichotomy of mind and body. Second, ethics and social justice are interpreted in Southeast Asia and East Asia contextually, because there are no absolute God and no categorical imperative. Any ethical and moral code of behavior is correlated with time and place, so there is practically no soil for the «universality» of ideas and «fundamental human rights.» Third, the nations of East and Southeast Asia do not aspire to any whatsoever permanence and eternity; all the phenomena of our «fluid world» are changeable; there remain no constant things. This outlook is in the center of cosmocentrism, which is not inherent in the universal metanarrative.

In East Asia and Southeast Asia, group interests are perceived as a priority value, stability, harmony and «presumption of credibility» are ranked higher than the formalism of democratic procedures, which may threaten the interests of the group. The spirit of trust is more important than the letter of the contract. In Asia, it is important to fit into the context, and in the West it is more important to reverse the important context. Concepts by Tu Weiming and Hyakudai Sakamoto, calling for harmonization, demonstrate kinship and deserve careful consideration.

Keywords: *Southeast Asia; Asian way of thinking; harmonization; human rights; Tu Weiming; Sakamoto.*

References

1. Chugrov S.V. (2015). Spetsifika politicheskoy kul'tury i politicheskogo ustrojstva Japonii [The Specifics of Political Culture and Political Structure of Japan] // *Sravnitel'naja politologija* [Comparative Political Science] / ed. by O.V. Gaman-Golutvina. Moscow: MGIMO-University P. 679–700.
2. Chugrov S.V. (2016). Sushchestvuyet li nezapadnaya politologiya? («Politicheskaya teoriya» by T. Inoguchi) // *Polis. Political Studies*. № 4. doi: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.04.14>
3. Deng Xiaoping. (2002). *Stroitel'stvo sotsializma s kitayskoj spetsifikoj. Stat'i i vystuplenija* [The Building of Socialism with Chinese Specifics. Articles and speeches]. Moscow: Society of Friendship and Cooperation with Foreign Countries. («Great Leaders» series). 527 p.
4. *Global'naja sistema na perelome: puti k novoj normal'nosti* [Global System on the Brink: Pathways Toward a New Normal] / transl. from English / ed. by A. Dynkin and M. Burrows; IMEMO and the Atlantic Council (USA). Moscow: Masters. 196 p.

5. Inoguchi T. (2015). Multiple Modes of Wellbeing in Asia // *Global Handbook of Quality of Life* / ed. by W. Glatzer et al. Dordrecht: Springer, P. 597–607. doi: http://dx.doi.org/10.1007/978-94-017-9178-6_27
6. Karelova L. B. (2007). *U istokov yaponskoj trudovojetiki* [At the Origins of the Japanese Labor Ethics]. Moscow: Vostochnaja Literatura. 231 p.
7. Karelova L. B. (2012). Tu Weiming i «novoje konfutsianstvo» [Tu Weiming and the «New Confucianism»] / L. B. Karelova and S. V. Chugrov // *Polis. Political Studies*. No. 188–189.
8. Lee Kuan Yew., (2010). Singapurskaja istorija: 1965–2000. Iz tret'ego mira v pervyj [Singapore Story: 1965–2000. From Third World to First] / ed. by A. V. Voskresenski et al. / trans. from English by A. V. Bonja. 2nd edition. Moscow: MGIMO-University. 657 p.
9. Mahathir M. (2015). *Doktor svojej strany. Memuary четвртого премиер-министра Малезии* [Doctor of his Country. Memoirs of the Fourth Prime Minister of Malaysia]. Vol. 1 / Moscow State Institute of International Relations (University) MFA of Russia, the ASEAN Center. Moscow: MGIMO-University. 491 p.
10. Sakamoto H. (2003). Globalization of Bioethics as an Intercultural Social Tuning Technology // *East Asian Culture Seminar «Globalization» and East Asian Culture*. East-West Center, Honolulu, Hawaii, December 5–6. Tokyo: University Research Center, Nihon University, 2003. P 3–21.
11. Sakamoto H. (2005). Gurobaru baiessiksu-no koso [Concept of Bioethics] // *Сэймэй ринри* [Bioethics] / ed. by H. Sakamoto et al. Tokyo: Hokuju shuppan. P. 207–221. (In Japanese).
12. Torkunov A. V. (2010). *Po doroge v budushhcheje* [On the Way to the Future] / ed. by A. V. Mal'gin and A. L. Chechevishnikov. Moscow: Aspekt-Press. 476 p.
13. Tu Weiming. (2010). *The Global Significance of Concrete Humanity. Essays on the Confucian Discourse in Cultural China*. New Delhi: Centre for Studies in Civilizations (CSC). 411 p.

Информация об авторе

Чугров Сергей Владиславович

профессор МГИМО МИД России, главный редактор журнала «Политические исследования», доктор социологических наук, профессор

Email: sergeychugrov@gmail.com

Sergey V. Chugrov

Prof., Dr. (sociology), Moscow State Institute of International Relations (University), MFA, Moscow, Russia (MGIMO-University); chief editor, *Polis. Political Studies* journal

Email: sergeychugrov@gmail.com

**Международные конфликты:
политика государств
и международных
организаций**

модератор

А. И. Никитин

ЯДЕРНЫЕ ГОСУДАРСТВА — НОВАЯ ОБЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Ю. Я. КИРШИН

Аннотация: XX век — особенный век. Век борьбы: разнонаправленных процессов; диаметрально противоположных мнений; осмысления и переосмысления событий. XX век — век всемирной милитаризации. Политики, военные стратеги мировых демократий, тоталитарного и авторитарного социализма «вырастили», создали ядерные государства — новую историческую общность, угрозу выживанию человечества.

Из XX века необходимо извлечь уроки: от чего-то надо обязательно отказаться; что-то сохранить. Извлекая уроки, надо исходить из того, что в XXI веке будут продолжаться войны, человечество продолжит жить в военном образе жизни. Главный урок из XX века (две мировых войны, появление ядерных государств) — обеспечить выживание человечества.

В новом веке продолжат существовать ядерные государства, которые могут «усилиться» за счет возможного создания ОМУ на новых физических, химических, биологических и природных основах, а также за счет войн в кибернетическом пространстве (кибервойн). Не исключено появление новых ядерных государств, которые расширят новую историческую общность. В то же время XXI век — это век начала сознательной, организованной борьбы человечества за установления вечного мира, за ликвидацию войн как образа жизни человечества, за формирование мирового образа жизни; начала перехода от предотвращения, прекращения конкретных войн к ликвидации войн как социального явления.

Ключевые слова: ядерные государства, исследования мира, конфликты, ядерная безопасность

В 40–50-е годы XX века были созданы ядерные государства. Ядерные государства — государства нового типа, новая общность в мироустройстве. Они являются носителем оружия массового уничтожения. Это феномен цивилизации с новой системой принципов, ценностей, с новым ядерным образом жизни. Это новая форма самоорганизации

человечества, которая может увеличиваться. Со временем они приобретут исторический характер и прекратят свое существование на определенном этапе своего развития.

В настоящее время в мировом сообществе существует девять ядерных государств: США, Россия как правопреемница СССР, Соединенное Королевство, Франция, Китай, Индия, Пакистан, КНДР и Израиль, который никогда не подтверждал и не отвергал наличия у себя ядерного оружия. Они имеют свои политические, социальные, экономические, военные и духовные системы, которые отличаются от аналогичных систем демократических, авторитарных и тоталитарных государств. Ядерные государства отличаются от традиционных государств по целям, способам ведения войны, итогам и последствиям.

Статус ядерных государств — результат экономической, политической и военной мощи. Такие государства обладают глобальным экономическим потенциалом, являются ключевыми игроками в мировой экономике. Им присуща высокоразвитая оборонная промышленность. В военно-промышленном комплексе сосредоточены миллионы людей, мощные интеллектуальные силы, научно-технический потенциал, оборонные центры и предприятия. Ядерные государства занимают лидирующее положение в мировом сообществе. Они организаторы, игроки глобальных процессов, авторы нового мирового порядка. Они во многом управляют человечеством: пять государств являются членами СБ ООН; они играют ведущую роль в военно-политических блоках НАТО и ОДКБ; в «Семерке», «Двадцатке»; в Евросоюзе, ШОС.

В ядерных государствах существуют особые отношения между властями и народом. Власти проводят ядерную политику в глубокой тайне от народа. Миллионам людей в ядерных государствах, включая демократические, недоступна информация о ядерной войне: о подготовке к ней, о возможных итогах ядерной войны. Ядерная кнопка вне гражданского контроля. К сожалению, появление в человечестве новой исторической общности (ядерных государств) не вызвало ответной реакции со стороны человечества — всемирного движения за ликвидацию ОМУ. Молчание народа — новая черта несовершенства человечества, его мироустройства. Продолжается распространение оружия массового уничтожения, расширяется ядерный клуб государств. Ракетно-ядерные программы обсуждаются в Австралии, Индонезии, Вьетнаме, Таиланде. Интерес к ракетно-ядерным технологиям проявляют Венесуэла, Мексика, Перу.

Несмотря на общность ядерных государств, каждое из них имеет свои цели, национальные интересы. Свою структуру ядерного потен-

циала. Космополитизм осуждает западного исследователя В. Гегериха, который писал, что «ядерная оружейная инфраструктура стала не просто первой глобальной инфраструктурой, а в сущности собирателем человечества»¹.

Ядерные государства — как угроза гибели человечества

Ядерные государства являются не только новой общностью, но и угрозой гибели человечества, а также угрозой друг для друга. Доктрины всех ядерных государств предусматривают возможность применения ядерного оружия. Все ядерные государства используют наличие ядерного оружия в своих эгоистических интересах в своих отношениях с другими государствами. Ядерная составляющая имеется в деятельности исполнительной, законодательной и судебной властей; она отражена в отношениях властей с народом, в устройстве государств, во внешней политике.

Угрозу выживания всего человечества составляют: наличие на Земном шаре накопленного оружия массового уничтожения, наличие ядерных государств, возможность мировой ядерной войны, локальных ядерных войн, использование ОМУ против неядерных государств.

США и РФ обладают самым мощным ядерным потенциалом, поэтому являются «лидерами» в качестве источника военных угроз для человечества. В настоящее время между США и РФ развернулась гонка вооружений, включая ядерных. США и Россия — суперядерные державы — открыто заявили о том, что будут бороться за военно-техническое превосходство. Соперничество в сфере ядерных вооружений может привести к тому, что лидер в этой гонке может явиться инициатором ядерной авантюры. США при всех президентах стремились добиться военно-технического превосходства над Советским Союзом и Россией.

Борьба за лидерство в ядерной гонке представляет главную угрозу для всего человечества. Поэтому взаимное стратегическое ядерное сдерживание между США и Россией нуждается в глубоком совершенствовании. Американо-российская концепция ядерного сдерживания все же полностью не гарантирует мировому сообществу военную безопасность, гонка ядерных вооружений продолжается. Между США и Россией существуют серьезные разногласия по сокращению ядерных арсеналов и созданию системы ПРО. В сложившейся обстановке США и России целесообразно заключить специальное антиядерное соглашение, направленное на немедленное прекращение гонки ядерных вооружений и отказ от борьбы за военно-техническое превосходство.

¹ Цит по: Ядерная безопасность: социогуманитарные структуры. М., 1998. С. 59.

Угрозу выживанию человечества представляют ядерные государства, стремящиеся разместить ядерное оружие на территории безъядерных государств на длительные сроки. Решения на применение ядерного оружия в разных государствах определяются по разному. Недопустимо применение ядерного оружия против неядерных государств.

Отношения ядерных государств будут «пересекаться», поэтому возможны ядерные союзы. Китай и Индия могут достигнуть мощи США и России. Возможен многополярный ядерный мир. Пакистан и КНДР могут распространить свои ядерные технологии по всему миру.

В годы холодной войны руководство Советского Союза считало, что если возникнет мировая ядерная война, США будут вести несправедливую войну, а ядерная война со стороны Советского Союза, напротив, будет справедливой и закончится его победой и гибелью империализма. На победу в ядерной войне рассчитывал и Мао Цзэдун.

РФ и США, участвуя в гонке ядерных вооружений, сами создают угрозы для себя и для всего человечества. Одновременно они создают военную безопасность для себя и для человечества. Сложную проблему предотвращения мировой ядерной войны нельзя решить отдельно государству. Эта историческая задача под силу лишь человечеству. Ядерные государства будут существовать пока не будет всеобщего и полного ядерного разоружения. Вернуться в прежнее традиционное состояние (демократия, авторитарные и тоталитарные государства) они могут путем самоликвидации всех ядерных государств. Инициаторами самоликвидации должны стать США и РФ.

Самоликвидация может внести огромный вклад в ликвидацию ядерных государств, в ядерное и во всемирное разоружение. Но ликвидирующий потенциал ядерных государств не соответствует этой конечной цели. Он не позволит полностью ликвидировать угрозу ядерных войн. Ядерные государства по-прежнему будут особой общностью человечества. Ликвидировать эту общность без человечества нельзя. Ликвидировать ядерные государства может только всемирное антиядерное движение всего населения планеты. К сожалению, антиядерное движение есть только в отдельных государствах, в отдельных религиозных конфессиях, в отдельных этносах. Антивоенное движение не ориентировано на борьбу против ядерных государств. Народы мирового сообщества не осознали угрозу своему выживанию со стороны ядерных государств.

Диалог экспертов США — России о настоящем и будущем

В сообществе ядерных государств основными ключевыми игроками в XXI веке являются США и Россия, что обусловлено тем, что они обладают самыми мощными ядерными потенциалами, но между ними существуют

острые противоречия, которые в условиях гонки вооружений являются опасной угрозой для всего человечества. Отношения между США и РФ развиваются в узкой сфере международной политики, экономики, культуры. Чтобы нейтрализовать, ослабить острые ядерные противоречия, необходимо развивать отношения между США и Россией в других сферах жизнедеятельности, включить их в систему глобального; необходимо добиться максимума согласия, сотрудничества по многим проблемам.

Объектами глубокого взаимного, совместного анализа экспертами США и России могут стать:

- устройство государств;
- национальные интересы;
- освоение космоса;
- демографические процессы;
- ресурсы Земли и Космоса;
- войны и революции: мирные революции;
- мироустройство;
- будущее ядерных государств;
- Европейский Союз;
- Новые функции Организации Объединенных Наций;
- отношение к окружающей среде;
- отношения к научно-техническому прогрессу;
- помощь народам при природных и техногенных катастрофах;
- отношения к санкциям.

По результатам совместного глубокого анализа по каждому объекту не создана модель с содержанием: согласие сторон, стороны не согласны, стороны в чем-то согласны, в чем-то не согласны. Согласие сторон будет означать установление союзнических отношений между США и РФ по данному объекту анализа. Союзнические отношения по всем объектам необходимо свести в отдельный документ. Уровень союзнических отношений должен носить общечеловеческий характер, включающий политику, стратегию, экономику, духовную сферу.

Что касается отличия во взглядах сторон, то их также необходимо свести в отдельный документ, в котором определить возможные пути достижения компромиссов.

Наконец, необходимо подготовить итоговый документ — программу по дальнейшему расширению и углублению союзнических и партнерских отношений между Россией и США.

Союзнические отношения РФ и США явятся результатом конвергенции. По союзническим отношениям будет подписан отдельный документ.

Анализ объектов экспертами РФ и США позволит узнать, как партнеры воспринимают друг друга; укрепить доверие между США и РФ; демократизировать Россию, выйти США из кризиса мировых демократий; создать обстановку для компромиссов; решать проблемы в интересах всего человечества; добиться широкого консенсуса по глобальным проблемам; выработать концепцию нового планетарного мироустройства; составить модель развития мироустройства; создать условия для развития человечества.

Между США и Россией должны быть установлены принципиально новые отношения — отношения мирного сосуществования.

Понятие «мирное сосуществование» родилось в Советском Союзе, как мирное временное противостояние социализма и капитализма, как отношение между социальными системами прежде всего в политике. Оно имело классовый характер, отрицало моральные ценности, демократические принципы. Коммунистам нужна была мирная передышка перед мировой социалистической революцией.

Мирное сосуществование явление общечеловеческое, а не только политическое, классовое, оно охватывает многие формы жизнедеятельности; взаимодействие с окружающей средой; оказание помощи при природных и техногенных катастрофах, освоение космоса. Это отношения не только между правительствами государств, а прежде всего отношения между народами.

США и РФ будут руководствоваться не амбициями, а многими общими интересами, общими ценностями. Россия и США внесут огромный вклад, чтобы человечество использовало ядерную энергию только в мирных целях.

Возможное содержание нового мирного сосуществования между РФ и США:

- ненасилие, миролюбие;
- самоликвидация ядерных государств;
- недопущение распространения ОМУ, появления новых ядерных государств;
- мироустройство без ядерных государств;
- отказ от борьбы за военно-техническое превосходство;
- совершенствование стратегии взаимного сдерживания при одновременной ликвидации ядерного оружия;
- «мягкая» ядерная политика в отношении других ядерных государств;
- приоритет союзнических отношений;
- расширение конвергенций и заимствования;

- укрепление действующих правовых режимов и введение в действие новых норм;
- формирование новых демократий;
- политическая система санкций.

UCLEAR-WEAPON STATES — NEW GENERAL NATURE OF MANKIND

Yuri Y. Kirshin

Abstract: *the XXth century is a special age. Age of struggle: different processes; diametrically opposite thinking and rethinking events. The XXth century is the century of world militarization. Politicians, military strategists of world's democracies, totalitarian and authoritarian socialism "raised", created nuclear-weapon states — a new historical community, the threat to the survival of mankind.*

From the XXth century we need to learn lessons. Learning must proceed from the fact that in the twenty-first century will be wars, humanity will continue to live in the military lifestyle. The main lesson of the twentieth century (two world wars, the emergence of nuclear States) should ensure the survival of humanity.

In the new century will continue to exist a nuclear state that can "grow" due to the possible creation of a WMD on new physical, chemical, biological and natural bases, as well as by wars in cyberspace (cyber warfare). It is possible the emergence of new nuclear States that will expand a new historical community. At the same time, the XXIst century is the century of the beginning of a conscious, organized struggle for the establishment of eternal peace, for the eradication of war as the way of life of mankind, for the formation of the global way of life; the beginning of the transition from prevention of a particular war to elimination war as a social phenomenon.

Key words: *nuclear states, peace research, conflicts, nuclear security.*

Информация об авторе Киршин Юрий Яковлевич

генерал-майор в отставке, член президиума Российской Академии военных наук

Yuri Y. Kirshin

the retired major General, the member of the Presidium of the Russian Academy of military Sciences

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ ТРЕК: ПРОВАЛ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ АДМИНИСТРАЦИИ Б. ОБАМЫ

А. В. КРЫЛОВ

Аннотация: В предлагаемой читателям статье акцентируется внимание на попытках американской дипломатии в период с 29 июля 2013 г. по 24 апреля 2014 г. добиться прорыва на палестино-израильском треке и вплотную подойти к подписанию между конфликтующими сторонами при посредничестве США соглашения о Постоянном Статусе в рамках прежних договоренностей, достигнутых на трехстороннем саммите в 2000 году в Кемп-Дэвиде. Исследование основано на анализе «Плана Керри», подготовленного Госдепартаментом США, на основе которого предполагалось решить ключевые вопросы палестино-израильского противостояния. Подробности «Плана Керри» никогда не раскрывались, однако его содержание было реконструировано автором на основе анализа материалов переговоров, которые велись под эгидой США в прошлом и в рамках обозначенного выше хронологического отрезка.

В статье проводится параллель между переговорным процессом, который был инициирован администрацией президента Б. Клинтона в 2000–2001 гг. и переговорами, направлявшимися Госсекретарем Дж. Керри и его командой дипломатов. Предложенный Дж. Керри план, как и инициатива Б. Клинтона были сконцентрированы на решении только вопроса о будущих границах посредством размена территориями, но никак не затрагивали других принципиальных вопросов Постоянного Статуса (беженцы, израильские поселения, статус Иерусалима). Согласно американским предложениям, Израиль отступит с части территории Западного берега, где будет создано палестинское государство в границах 1967 г. с небольшими поправками. Израиль сохранит свой суверенитет на территории крупных поселенческих блоков, а взамен палестинцы должны были бы согласиться на денежную компенсацию, или компенсацию в виде израильских пустынных территорий, не пригодных для жизни. Очевидно, что такой подход, полностью дезавуировавший существующую международно-правовую базу

ближневосточного урегулирования, как и прежде обрекал переговоры на заведомый провал.

Проведенное в соответствии с изложенными выше критериями исследование позволило доказать, что урегулирование конфликта под эгидой США на сепаратной основе по «кемп-дэвидской» схеме, удачно апробированной американской дипломатией при решении спорных вопросов между Египтом и Израилем в конце 1970-х гг., не работает на палестинском треке. В период, когда переговорный процесс направлялся администрацией президента Б. Обамы, был допущен серьезный крен в сторону израильских политических приоритетов. А в рамках реализации этих приоритетов делается все возможное, чтобы исключить возможность создания палестинского государства, что объективно блокирует любые инициативы по продвижению процесса ближневосточного урегулирования.

Статья рассчитана на специалистов-востоковедов и сотрудников внешнеполитических учреждений, занимающихся проблемами БВУ и конфликтологией. Эта работа, думается, привлечет внимание многочисленной читательской аудитории, интересующейся историей и современным положением на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Ближний Восток, США, палестино-израильский конфликт, палестинская проблема, ближневосточное урегулирование

Введение. Затяжной кризис в Сирии, а также угрозы и вызовы, исходящие от исламистов радикалов, временно отвлекли внимание мирового сообщества от палестинского вопроса и проблем, связанных с его урегулированием. Однако застарелый палестино-израильский конфликт продолжается, и проблемы, ставшие результатом арабо-израильских войн (границы, беженцы, израильские поселения, статус Иерусалима), по-прежнему остаются нерешенными. Очевидно, что тематика, связанная со значением урегулирования негативных последствий арабо-израильской войны 1967 г. не утратила своей научной и политической актуальности. В связи с усилением роли Российской Федерации в решении наиболее сложных и насущных проблем ближневосточного региона, который сейчас находится в зоне крайне опасной турбулентности, представляется важным ответить на следующий вопрос: почему политика американской дипломатии на палестино-израильском направлении завершилась полным провалом? Именно в результате краха посреднических усилий США процесс мирного урегулирования между двумя сторонами конфликта оказался в глубоком тупике.

Теоретические основания исследования. Основная задача исследования заключается в том, чтобы дать развернутое представление

о «Плане Керри» по урегулированию палестино-израильских противоречий и раскрыть причины, по которым американские инициативы не могут принести желаемых положительных результатов в мирный процесс на Ближнем Востоке.

Объект исследования — переговоры между израильской и палестинской сторонами, которые велись при посредничестве США в период с 29 июля 2013 г. по 24 апреля 2014 г.

Предмет исследования — специфика подходов всех участников переговорного процесса к проблемам палестино-израильского противостояния.

Основная цель статьи — доказать несостоятельность инициатив и подходов американской дипломатии по урегулированию кардинальных проблем Постоянного Статуса.

Отметим, что серьезных научных исследований ближневосточной политики администрации Б. Обамы на палестино-израильском треке российскими специалистами по политическим наукам не проводилось. На Западе затрагиваемая тематика находилась в центре внимания аналитиков и экспертов американского Фонда за мир на Ближнем Востоке (The Foundation for Middle East Peace) [12, 19]. Достаточно много статей аналитического характера по палестино-израильским переговорам под эгидой Госсекретаря Дж Керри было опубликовано в западных, израильских и арабских печатных и электронных СМИ. Однако работа над этими материалами в значительной степени была затруднена необходимостью мониторинга и осмысления огромного потока несистематизированной и противоречивой текстовой информации.

Исходя из установки на получение объективных результатов, поставленные в статье задачи решались в первую очередь на основе критического анализа источников и других использованных материалов (контент-анализ), а также методологических принципов верифицируемости и системности. Широко использовались также приемы научной обработки данных и историко-социологический анализ событий, процессов и тенденций эволюции обстановки в районе палестино-израильского противостояния.

Исследование: основная часть. На палестино-израильском треке до июля 2013 г. администрация Барака Обамы не выдвигала сколь-нибудь внятных инициатив, приемлемых для всех сторон, заинтересованных в ближневосточном урегулировании. Придя в Белый Дом, Б. Обама намеревался, прежде всего, решительно противостоять иранской ядерной программе. В августе 2009 г. госдепартамент США предложил своим основным партнерам по НАТО рассмотреть возможность реализации

«сделки», подразумевающей ужесточение западных санкций, способных подорвать экономику Ирана, в обмен на замораживание строительства в еврейских поселениях [Крылов, 2009]. Это весьма необычное для практики ближневосточного урегулирования предложение вызвало отрицательную реакцию и в Израиле, и на территориях, контролируемых Палестинской национальной администрацией (ПНА). Премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху безапелляционно дал понять, что его правительство не будет препятствовать строительству в крупных поселенческих анклавах Ариэль, Модииин, Гуш Эцион и Маале Адумим (около 10 % всей территории Западного берега), а также еврейских кварталах в Восточном Иерусалиме.

Кроме того, признание американской стороной легитимности отдельных поселенческих анклавов на Западном берегу означало де-факто отказ от ранее поддержанных СБ ООН резолюций 242 и 338, требующих от Израиля вывода его войск с оккупированных в войне 1967 г. территорий, т.е. тех территорий, на которых должно быть создано палестинское государство. Ясно, что такая «инициатива» не была бы одобрена государствами-членами СБ ООН. Россия, Китай, Англия и Франция, как известно, решительно выступают против политики развития израильского поселенческого сектора на Западном берегу, включая Восточный Иерусалим. В противовес этому, США требуют, «чтобы Израиль заморозил всю поселенческую деятельность, однако это не должно быть предварительным условием для возобновления переговоров между израильтянами и палестинцами» [3].

Осторожные попытки тогдашнего Госсекретаря Х. Клинтон (2009–2013 гг.) убедить израильского премьера Б. Нетаньяху приостановить поселенческую активность на Западном берегу успеха не имели. Не имела успеха и попытка Госдепартамента США, Египта и Иордании возобновить палестино-израильские переговоры в Вашингтоне (сентябрь 2010 г.) на условии, что Израиль будет соблюдать десятимесячный мораторий на строительство в поселениях. Вторая каденция Б. Нетаньяху (2009–2013 гг.) была самой результативной за всю историю освоения израильтянами палестинских территорий. В этот период было построено 28 тысяч новых единиц жилья, в которых разместились около 103 тысяч израильских поселенцев [14, р. 3]. Примечательно, что 40 % новых единиц жилья были возведены в удаленных от «зеленой линии» поселениях, а остальные — в основном в Восточном Иерусалиме и прилегающих к городу районах Западного берега [18, р. 1]. «Челночная дипломатия» Дж. Митчелла, исполнявшего с 2009 по 2011 г. обязанности спецпосланника президента США на Ближнем Востоке, также не имела сколь-нибудь значимых результатов.

После победы на вторых президентских выборах администрация Б. Обамы решительно пересмотрела отношение к переговорному процессу между Израилем и палестинцами, а также роли США в этом процессе. Существенно была перетасована, расширена и усилена команда советников американского президента по Ближнему Востоку. В нее вошли Ричард Хаас, главный советник бывшего госсекретаря К. Пауэлла; М. Индик, бывший посол США в Израиле; Фрэнк Ловенстейн, кадровый дипломат и главный советник Дж. Керри по вопросам внешней политики; Денис Росс, спецпосланник президента Б. Клинтона по Ближнему Востоку; Давид Маковски и Михаэл Эйзенштат, эксперты по Ближнему Востоку из Вашингтонского института ближневосточных исследований; Рахм Эммануэль, один из лидеров еврейского лобби, мэр Чикаго; Аарон Миллер, бывший заместитель Д. Росса на посту спецпосланника президента Б. Клинтона по Ближнему Востоку, советник Б. Клинтона по вопросам внешней политики; Даниэль Кецер, бывший посол США в Египте и Израиле; Бен Фишман, дипломат, работавший в посольствах США в Иране, странах Персидского залива и Израиле, считается одним из конструкторов американской политики в Ливии в период подготовки акций по устранению М. Каддафи; Уолтер Слокомбе, один из разработчиков плана вторжения США и союзнической коалиции в Ирак в 2003 г.; Даниэль Леви эксперт по Ближнему Востоку ряда американских исследовательских центров, бывший советник премьер-министра Израиля Э. Барака по палестинской проблеме; Вэнди Чэмберлен, директор Института Ближнего Востока (Вашингтон), бывший посол в Пакистане, основатель и директор Института мира и развития Ближнего Востока (Нью-Йорк); Стивен Шпигель, директор Центра ближневосточных исследований при Калифорнийском университете.

При знакомстве с командой советников, с которой предстояло работать Госсекретарю Дж. Керри сразу бросается в глаза, что, во-первых, она состояла почти полностью из представителей еврейского лобби во властных структурах США, а во-вторых, большинство членов этой команды участвовали в подготовке и проведении палестино-израильских переговоров, которые велись под эгидой президента Б. Клинтона в 2000–2001 гг. в Вашингтоне, Кемп-Дэвиде и Табе.

В кратковременный период пребывания у власти правоцентристского правительства Партии труда во главе с Э. Бараком (06.07.1999 — 07.03.2001) израильская сторона готова была пойти на серьезные территориальные уступки палестинцам. С 11 по 24 июля 2000 г. в Кемп-Дэвиде при посредничестве президента США Б. Клинтона состоялись

переговоры между Я. Арафатом и Э. Бараком, в ходе которых впервые на официальном уровне обсуждались, помимо поселений, проблемы беженцев и статуса Иерусалима, ранее стоявшие в ряду «табуированных» тем палестино-израильского урегулирования. Однако прийти к какому-либо компромиссу, как известно, конфликтующим сторонам в Кемп-Дэвиде не удалось. В итоге была лишь достигнута договоренность о продолжении двусторонних контактов при посредничестве США. Безуспешно завершились переговоры в Вашингтоне (19–24 декабря 2000 г.) и Табе (21–27 января 2001 г.).

Из-за неблагоприятного политического фона, сложившегося накануне переговоров в Табе было ясно, что они не будут иметь положительных результатов. Чтобы сорвать переговоры, лидер израильской оппозиции А. Шарон совершил провокационное восхождение в сопровождении тысячи полицейских на Харам аш-Шариф, которое, как говорилось выше, спровоцировало массовые выступления протеста палестинцев, ставшие отправной точкой «интифады аль-Акса». Резкое обострение палестино-израильского противостояния, как и ожидалось, привело фактически к кризису доверия и срыву переговорного мирного процесса. Победа А. Шарона на досрочных парламентских выборах в феврале 2001 г. лишь доказала, что израильское общество настроено против каких-либо территориальных уступок и воспринимает возможность вывода поселений с оккупированных территорий в качестве недопустимого политического просчета, наносящего серьезный удар по всей системе безопасности Израиля.

Спустя 12 лет после отсутствия каких-либо серьезных подвижек на палестино-израильском треке США, как видно, вновь попытались реанимировать план обмена территориями, который был основным предметом переговоров, проводившихся при посредничестве Б. Клинтона. Ни у кого не было сомнений в том, что план, который будет подготовлен для Дж. Керри командой советников того же Б. Клинтона, будет попросту обновленным вариантом так называемых обменов свопами².

По вопросу о свопах палестинцы и израильтяне придерживаются диаметрально противоположных взглядов. Стратегическая цель палестинской дипломатии заключается в том, чтобы свести к минимуму или вообще не допустить кардинальных изменений границ, которые существовали до 4 июня 1967 г. При этом предполагается, что все поселения и все поселенцы должны быть эвакуированы за пределы «зе-

² Свop (англ. swap) — обменная операция. В практике палестино-израильских переговоров термин «своп» означает «обмен территориями».

ленной линии»³. Израильская дипломатия настаивает на том, что в связи с неурегулированностью вопроса о статусе Иудеи и Самарии, т.е. Западного берега, евреи имеют такое же право, как и палестинцы селиться в этом районе. В этой связи все поселенцы и поселения, созданные в соответствии с законодательством Израиля, исключая «нелегальные поселения», основанные без проведения надлежащих юридических процедур, должны после подписания соглашения о Постоянном статусе находиться под суверенитетом и юрисдикцией Израиля.

На переговорах в Кемп-Дэвиде израильская делегация впервые выдвинула план обмена территориями. Согласно этому плану, 111 поселений с общим числом поселенцев 374 327 чел. должны были бы остаться под суверенитетом Израиля, 34 поселения и 18 977 поселенцев должны были бы покинуть Западный берег. По израильскому плану 733 кв. км Западного берега⁴ отходило к Израилю, 114 кв. км — под контроль ПНА. Еще 507 кв. км Израиль рассчитывал взять у палестинцев в долгосрочную аренду [12, р. 6]. Палестинская делегация на этих переговорах отказалась обсуждать вопрос о свогах.

На переговорах в Табе впервые обе стороны представили карты с обозначением границ двух государств. Израиль признал границы, существовавшие на 4 июня 1967 г. в качестве основы для переговоров. Предложение Израиля подразумевало следующее: 6% территории Западного берега и 69 населенных пунктов с числом поселенцев 435 626 чел. остаются под суверенитетом Израиля, а 71 поселение и 65 048 поселенцев подлежат эвакуации. Еще 2% Западного берега Израиль предлагал взять у палестинцев в аренду. В обмен предлагалось отдать под контроль ПНА 6% израильской территории в абсолютно непригодном для проживания районе Холот Халуца в пустыне Неgev, а также построить коридор, соединяющий Западный берег с сектором Газа под израильским суверенитетом [12, р. 6].

Палестинская сторона была готова оставить на Западном берегу 35 еврейских поселений с числом поселенцев 305 473 чел., а также передать 86.19 кв. км Западного берега в обмен 96.29 кв. км территории Израиля.

На саммите в Аннаполисе 16 сентября 2008 г. премьер-министр Израиля Э. Ольмерт и глава ПНА М. Аббас вновь обменялись картами.

³ «Зеленая линия» — границы, существовавшие до июня 1967 года. На картах, составленных по соглашению между Израилем и Египтом (24 февраля 1949 г.), Иорданией (3 апреля 1949 г.), Ливаном (23 марта 1949 г.) и Сирией (20 июля 1949 г.), линия прекращения огня после окончания первого арабо-израильского конфликта 1948–1949 гг. была окрашена зеленым цветом.

⁴ Вся территория Западного берега составляет 5,6 тыс. кв. км.

Израиль предлагал взять под свой суверенитет 7,9% палестинской территории в обмен на 5% своей территории. Палестинская сторона соглашалась произвести по схеме 1 : 1 равноценный обмен 1.5% территории Западного берега на 1.5% территории Израиля [12, р. 7] (ниже прилагаются карты).

План, подготовленный командой советников Дж. Керри, скорее всего, тоже был некоей квинтэссенцией арабской мирной инициативы 2002 г. и согласованных при посредничестве США территориальных обменов. Арабская мирная инициатива, как известно, предполагала признание арабскими странами Израиля, в случае если тот выведет свои войска с оккупированных арабских территорий и согласится на создание государства Палестина. Судя по результатам переговоров, которые вице-президент США Джо Байден и госсекретарь Дж. Керри провели в апреле 2013 г. с главами государств ССАГПЗ, последние были готовы поддержать американскую инициативу и признать Израиль и будущее палестинское государство в рамках границ, существовавших до 4 июня 1967 г. с поправкой на возможность осуществления взаимосогласованных и незначительных земельных разменов между Израилем и палестинцами [11].

Заявление американских политиков вызвало шоковую реакцию в Израиле, который заведомо отвергал любые предварительные условия для возобновления переговоров, как и саму идею территориальных разменов [15]. Дж. Керри пришлось еще четыре раза летать в Израиль в течение одного месяца для того, чтобы «дожать» Б. Нетаньяху. Под давлением США, а также ведущих стран Евросоюза, Израиль дал согласие сесть за стол переговоров, на условии того, что предварительные условия будут соответствовать ранее достигнутым договоренностям между палестинской и израильской сторонами. В качестве гарантии своего участия в переговорах Израиль соглашался освободить из своих тюрем 104 палестинцев, 14 из которых — арабы, имеющие израильское гражданство. Это условие было зафиксировано еще в Шарм аш-Шейхском Меморандуме от 4 сентября 1999 г., но не было в полной мере выполнено израильской стороной. Палестинцы обязались на время переговоров прекратить любые действия по вхождению в качестве полноправных членом в 15 организациях, аффилированных с ООН.

Каждая сторона была представлена двумя переговорщиками. От Израиля в них участвовали тогдашний министр юстиции Ц. Ливни и советник премьер-министра по палестинскому вопросу Б. Молхо, от США — М. Индик и Ф. Ловенстейн и от ПНА — один из лидеров ФАТХ Саэб Орейкат и министр экономики Мухаммед Штайех. Прямые переговоры

между Израилем и палестинцами начались 29 июля 2013 г. в Вашингтоне и должны были продлиться 9 месяцев. Крайний срок ограничивался конкретной датой — 29 апреля 2014 года. Однако, поскольку никаких продвижений в течение данного срока не было, обсуждался вопрос о возможности их продления вплоть до 2015 года. Администрация Б. Обамы рассчитывала добиться дипломатического прорыва в начале 2014 г. Предполагалось, что в январе 2014 г. Дж. Керри представит план, в котором будет предложено решение всех основных проблем ближневосточного урегулирования, на основе границ 1967 года и обмена территориями. В план будет включен график его претворения в жизнь. Он также затронет проблемы регионального мира, Арабскую мирную инициативу и будет содержать программу развития палестинской экономики. Однако Дж. Керри так и не рискнул обнародовать свой план.

До начала переговоров Израиль выпустил в качестве жеста доброй воли первую партию палестинских заключенных, состоявшую из 26 человек. Несмотря на это переговоры «забуксовали» сразу после первой трехсторонней встречи. Иначе не могло и быть. ХАМАС, который поддерживают 55 % палестинцев, в то время как ФАТХ — только 38 %, официально заявил перед началом встречи в Вашингтоне, что «М. Аббас не имеет никакого права вести переговоры от имени палестинского народа» [7]. Новое правительство Б. Нетаньяху, сформированное по результатам внеочередных январских выборов 2013 г., сразу утвердило 84 проекта дополнительного строительства в поселениях, подчеркнув тем самым, что оно не намерено ни замораживать, ни тем более сворачивать поселенческую активность на палестинских территориях. Кроме того, палестинские переговорщики с самого начала были убеждены, что американская сторона при обсуждении спорных вопросов более предрасположена к пониманию израильских доводов, нежели палестинских.

Первые четыре раунда свелись в основном к взаимным упрекам после того, как палестинская делегация сделала заявление, что в итоговой резолюции должно быть положение о том, что «палестинское государство должно иметь территорию, полностью освобожденную от израильских военных и гражданских лиц» [2].

26 сентября, выступая на заседании Совбеза ООН, М. Аббас приветствовал возобновление переговоров, однако большую часть своей речи посвятил критике израильской политике расширения поселений. Со своей стороны, Израиль, чтобы содействовать созданию благоприятного климата на переговорах, согласился выпустить из тюрем еще 26 палестинцев. Однако, выступая на заседании правительства, Б. Нетаньяху категорически отверг право палестинских беженцев на воз-

вращение и подчеркнул, что Иерусалим всегда будет объединенным городом под израильским суверенитетом.

6 ноября в ходе очередного раунда переговоров израильская делегация сделала однозначное заявление: «палестинского государства в пределах границ 1967 года не будет, и заградительный забор⁵ станет границей между палестинцами и Израилем» [10]. В ответ на это С. Орейкат и М. Штайех обвинили Израиль в срыве переговоров и «эскалации строительства в поселениях» [10]. Переговоры по формуле двугосударственного решения палестино-израильского конфликта теряли всякий смысл, поскольку израильские политики и законодатели фактически приступили к осуществлению процедуры присоединения к границам Израиля Иорданкой долины.

Заявлению израильской переговорной команды предшествовало выступление Б. Нетаньяху на заседании правительственного кабинета, на котором премьер-министр неожиданно вспомнил о 96-й годовщине принятия Декларации Бальфура⁶ и увязал это событие с необходимостью расширения границ государства Израиль за счет территории Иорданской долины, которая является неотъемлемой частью оккупируемого израильянами Западного берега. «Принцип, который обеспечивает мир, а также защитит государство Израиль, в случае, если мирное соглашение будет нарушено, это — принцип безопасности. Договорен-

⁵ Начиная с 2004 г. Израиль ведет на Западном берегу строительство «заградительного забора», который пролегает между поселениями и арабскими населенными пунктами. Согласно постоянно меняющейся карте маршрута разделительной стены ее протяженность в итоге должна составлять 712 км и почти вдвое превышать протяженность «зеленой линии». После завершения строительства стены около 285 тыс. палестинцев (в том числе в Восточном Иерусалиме) окажутся зажатыми между стеной и «зеленой линией». Примерно 125 тыс. палестинцев будут окружены стеной с трех сторон, а 26 тыс. — с четырех. К концу 2013 г. строительство 62 % стены уже было завершено. Бетонные стены барьера уже сейчас отсекают 9,4 % территории от Западного берега, включая Восточный Иерусалим (The Humanitarian Impact of the Barrier: Four Years After the Advisory Opinion of the International Court of Justice on the Barrier. East Jerusalem: The UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (ООНА). July 2008. — Р. 6.).

⁶ Декларация Бальфура была утверждена на конференции союзнических держав в Сан-Ремо 24 апреля 1920 г. и спустя два года включена в текст мандата на управление Палестиной, выданного Лигой Наций Великобритании. Одновременно с получением мандата британский Верховный комиссариат по управлению Палестиной своим указом осуществил раздел страны по естественному руслу реки Иордан, и на ее восточном берегу было запрещено селиться евреям. Следовательно, вся территория исторической Палестины, расположенная к западу от Иордана, была открыта для еврейской иммиграции.

ности в области безопасности принципиальны для нас, и мы настаиваем на них. Эти договоренности будут содержать многие составляющие, но во главу угла мы ставим то, что граница безопасности Израиля пройдет по реке Иордан», — этим высказыванием Б. Нетаньяху подтвердил, что Иорданская долина является суверенной территорией Государства Израиль. Вслед за заявлением израильского премьера депутаты от «Ликуда» во главе с Мири Рэгов начали раскручивать процедуру принятия в Кнессете закона об аннексии Иорданской долины [13].

Иорданская долина и северо-западное побережье Мертвого моря занимают особое место в военно-стратегических расчетах. На современных израильских картах эта территория включается в состав границ Государства Израиль. Вся территория, прилегающая к иорданской границе (1813,5 кв. км, или 32,9% всей территории Западного берега), является сейчас «закрытой зоной». Создание по естественному руслу Иордана сплошной полосы, все подступы к которой охраняются военными, позволяют Израилю контролировать распределение водных ресурсов реки Иордан и полностью регулировать процесс передвижения палестинцев и товаров в Иорданию и обратно на территорию Западного берега. Перекрытие всех подступов к Иорданской долине обеспечивает также тотальный военный контроль почти над всей территорией Западного берега. Отторжение Иорданской долины от Западного берега исключает саму возможность создания полноценного палестинского государства.

В начале 2014 г. Израиль выпустил из тюрем еще одну партию палестинских заключенных (26 человек), однако правительство Б. Нетаньяху тотчас же одобрило план строительства 1400 единиц жилья в еврейских поселениях. Это решение критически было воспринято даже главой израильской делегации на переговорах Ц. Ливни, не говоря о палестинской стороне, которая заявила, что «Израиль делает все возможное, чтобы сорвать переговоры и ввести режим апартеида на палестинских территориях» [9].

На очередном раунде переговоров, состоявшихся 31 января 2014 г., М. Индик впервые поднял вопрос о свопах, пропорции которых совпадали с теми, что предлагали израильтяне в Табе в 2001 г. Он заявил, что в рамках будущего соглашения о мире США готовы признать расширение границ Израиля за счет присоединения 6% территории Западного берега, на которой сейчас проживают 80% поселенцев. При этом допускалось присутствие израильских войск и сил безопасности на границах Западного берега с Иорданией. Израиль настаивал на расширении своего суверенитета на 10% палестинской территории, в то время как палестинские переговорщики соглашались на размен

только 3 % и на передачу контроля над границей с Иорданией военным из США и других стран НАТО. Израильская делегация также требовала от палестинцев признания Израиля в качестве «еврейского государства». Но палестинцы возражали, считая, что сам факт признания ООП Израиля состоялся дважды в 1988 и 1993 гг. Они также указывали на то, что при подписании мирных договоров и договоров о взаимном признании между Израилем и Иорданией и Египтом от последних никто не требовал определения Израиля как «еврейского государства».

28 марта Израиль отказался освободить очередную группу палестинских заключенных и провел тендеры на строительство 708 единиц жилья в Восточном Иерусалиме, что палестинцы квалифицировали как нарушение обязательных условий для продолжения переговоров. М. Аббас отказался от моратория на проведение соответствующих процедур по аккредитации территорий, контролируемых ПНА, в 15-и международных организациях. Переговоры вновь оказались на грани срыва.

Две недели Дж. Керри пытался убедить лидеров Израиля и ПНА «спасти мирный процесс». США даже выразили готовность выпустить на свободу израильского агента Джонатана Полларда, арестованного ещё в 1987 г. за передачу секретных документов Израилю и приговорённого к пожизненному заключению в американской тюрьме. Американская сторона обещала передать 4 млрд долл. для развития палестинской экономики [Fuglestad D., Heyn H. M., 4, p. 8]. Однако все усилия Дж. Керри были тщетны. 23 апреля 2014 года, палестинские группировки ФАТХ и ХАМАС договорились сформировать правительство национального единства и провести новые выборы в Законодательный совет Палестины. Официальные лица ПНА заявили, что «палестинское единство будет только способствовать мирному процессу» [6]. Реакция Израиля была незамедлительной и однозначной — «никаких переговоров с террористической организацией» [17]. Были введены также жесткие экономические санкции против палестинцев, проживающих на Западном берегу, в том числе запрещено любое строительство в палестинском секторе в зоне «С»⁷.

⁷ Зона «С» или зона полного контроля Израиля на палестинской территории составляет 59% всей площади Западного берега. Именно здесь расположены почти все еврейские поселения. К настоящему времени Израиль фактически завершил процедуру экспроприации земли у палестинцев на всей территории зоны «С» (3,4 тыс. кв. км.), где расположены около 63% пригодных для ведения сельского хозяйства земель Западного берега. С 2000 г. по настоящее время численность арабского населения сократилась на 11%, и сейчас в зоне «С» насчитывается 150 тысяч палестинцев (около 5% палестинского населения Западного берега). Из них 18,5 тысяч — бедуины, которые живут в этом районе не на постоянной

М. Индик возложил вину за провал переговоров на Израиль и лично Б. Нетаньяху, который, по его мнению, «не сделал ничего для того чтобы хотя бы на фут продвинуть вперед мирный процесс» [20]. Однако Госдепартамент США в официальном заявлении настаивал, что «обе стороны сделали все то, что в итоге можно назвать полной несостоятельностью» [8]. Дж. Керри вынужден был признать, что его миссия завершилась безрезультатно: «К сожалению, подходящий момент снова упущен, мы снова оказались там, где были с самого начала» [19].

Прекращение переговорного процесса сразу было использовано Израилем для развязывания очередной самой масштабной и дорогостоящей военной операции «Нерушимая скала» в секторе Газа, которая продолжалась 50 дней (с 7 июля по 26 августа). За время операции погибли 2141 палестинцев, более 10 тысяч человек были ранены. Потери израильтян составили 69 человек, в их числе 64 военнослужащих, более 800 человек были ранены. В условиях отсутствия сдерживающих факторов после провала переговоров Израиль получал также большие преимущества для раскручивания темпов строительства в поселениях на Западном берегу.

Результаты исследования. Проведенный выше анализ доказывает, что урегулирование конфликта под эгидой США на сепаратной основе не работает на палестинском треке. Очевидно, что в ходе переговорного процесса при посредничестве Дж. Керри был допущен серьезный сдвиг в сторону израильских политических интересов. Закономерным итогом провала американских инициатив, основанных на идее размена территориями, стала еще более серьезная дестабилизация обстановки в районе палестино-израильского противостояния.

Анализ результатов. Отметим, что тройственные переговоры при посредничестве США (29.07.2013. — 24.04.2014.) изначально были обречены на неудачу. Пока у власти находится блок «Ликуд», Израиль ни при каких обстоятельствах не будет предпринимать конструктивных шагов для решения конфликта с палестинцами в рамках формулы «два государства для двух народов». В противном случае премьер-министру

основе. 60% арабоязычного населения в зоне «С» не имеют постоянного доступа к источникам питьевой воды, и практически все палестинцы не имеют возможности получить разрешение от израильских властей на проведение строительных работ. Именно в этой зоне Израиль наиболее активно применяет практику разрушения палестинских домов, школ и сельскохозяйственной инфраструктуры. До запрета, введенного после провала переговоров под эгидой США в апреле 2014 г., территория легализованного строительства для палестинцев в зоне «С» составляла лишь 0,59% от всей ее территории.

Б. Нетаньяху пришлось бы пойти на пересмотр партийной программы возглавляемого им правящего блока. А в этой программе четко указано: «Израиль имеет право на существование в рамках нынешних границ, и не может быть никаких переговоров об отступлении или передачи территории. Создание палестинского государства в рамках существующих израильских границ не представляется возможным. Нужно прекратить любые переговоры о создании палестинского государства. Израиль аннексирует большую часть Иудеи и Самарии (Западный берег). Арабское самоуправление будет допущено только в некоторых районах» [5].

В соответствии с вышеприведенными положениями Восточный Иерусалим, Голанские высоты и поселения на Западном берегу уже включены в состав ныне существующих границ Израиля. Такая позиция исключает возможность двугосударственного решения палестино-израильского конфликта.

В ближайшей перспективе израильское правительство, скорее всего, будет навязывать палестинцам план создания на части, не превышающей 50–60% территории Западного берега, «демилитаризованного палестинского государства». Идея «демилитаризованного государства», окруженного со всех сторон Израилем и не имеющего какой-либо экономической и политической самостоятельности, была сразу отвергнута всеми палестинскими политическими партиями и организациями. Фактически эта идея — не что иное, как клон осуществленного Израилем в 2005 г. плана «одностороннего размежевания», поскольку ее реализация фактически означает установление режима полного контроля над территорией и населением Западного берега, т. е. такого режима, который уже существует в секторе Газа.

Заключение. На протяжении двух последних десятилетий американская дипломатия исполняла роль основного посредника в урегулировании палестино-израильского конфликта. В итоге процесс ближневосточного урегулирования зашел в глубочайший тупик. Окончательный провал усилий администрации Б. Обамы на палестино-израильском треке подготовил благодатную почву для ускорения темпов осуществляемой Израилем практики коллективных наказаний палестинцев, введения режима блокад оккупированных территорий, конфискации палестинских земель, сноса палестинских домов, перемещения гражданского населения, ограничения других гражданских свобод, расширения израильских поселений и возведения разделительной стены. Очевидно, что тактика проведения сепаратных переговоров между палестинской и израильской сторонами полностью

исчерпала себя. Учитывая трудности, которые препятствуют достижению позитивных результатов в урегулировании застарелого конфликта, сейчас необходимо вновь поднять вопрос о созыве международной конференции по Ближнему Востоку. В этой связи весьма важно чтобы в её работе, помимо США, приняли заинтересованное участие другие участники «квартета» — Россия, ООН, Евросоюз, — а также Турция, Египет, Иордания, Сирия, Ливан, Китай, Индия и другие государства. Очевидно, что только совместно скоординированными международными усилиями можно избежать новых военных конфликтов в районе палестино-израильского противостояния, а также воспрепятствовать реализации односторонних израильских планов, которые нацелены на развитие поселений и поселенческой инфраструктуры на оккупированных территориях и исключают вопрос о создании полноценного палестинского государства.

Литература

1. Крылов А. В. Израильские поселения в обмен на резолюцию по Ирану: сайт Интернет-портала МГИМО МИД России. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 28.08.2009. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document119593.phtml>
2. Abbas: Not a single Israeli' in future Palestinian state (2013 August 30). *The Jerusalem Post*. Retrieved from <http://www.jpost.com/Middle-East/Abbas-wants-not-a-single-Israeli-in-future-Palestinian-state-321470>
3. Clinton rejects PA settlements condition. (2009, January 11). *The Jerusalem Post*. Retrieved from <http://www.jpost.com/Israel/Clinton-rejects-PA-settlements-condition>
4. *Fuglestad D., Heyn H. M.* The History in the Context of the 2013 John Kerry Peace Efforts. Jerusalem: Konrad-Adenauer-stiftung, 2013. — P. 8.
5. Full Political Platform of World Likud; Web Resource of World Likud. Retrieved 28 August, 2009 from http://www.worldlikud.org.il/?page_id=36
6. Hamas and Fatah unveil Palestinian reconciliation deal. (2014, April 24). *BBC News*. Retrieved from <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-27128902>
7. Hamas rejects Kerry's announcement: Abbas has no authority to negotiate (2013, August 20). *Yediot Ahronot*. Retrieved from <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4407236,00.html>
8. Harf Marie. Deputy Spokesperson of the State Department // Daily Press Briefing, Washington, DC, 2014, May 5.
9. Israel announces plans for building 1,400 settlement homes. 2014, January 1. *Reuters*. Retrieved from <http://www.reuters.com/article/us-palestinians-israel-settlements-idUSBREA090KW20140110>

10. Israel says Separation Wall will be border. (2013 November 6). *Al-Jazeera*. Retrieved from <http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2013/11/israel-says-separation-wall-will-be-border-201311514132609960.html>
11. Kerry Calls Arab League Plan to Revive Talks With Israel a «Big Step». (2013, April 30). *The New York Times*. Retrieved from http://www.nytimes.com/2013/05/01/world/middleeast/kerry-welcomes-arab-plan-for-israeli-palestinian-talks.html?_r=0
12. Land Swaps — a Guide. Report on Israeli Settlement. Washington: Foundation for Middle East Peace. Vol. 23. No. 4, July-August 2013. — P. 6.
13. Likud pushing bill to annex Jordan Valley. (2013 December 26). *The Jerusalem Post*. Retrieved from <http://www.jpost.com/Diplomacy-and-Politics/Likud-pushing-bill-to-annex-Jordan-Valley-336285>
14. Monthly Report of the Palestinian Monitoring Group. Ramallah: Palestinian Liberation Organization, Negotiations Affairs Department, January 2012. — P. 3.
15. Netanyahu cool to Arab land-swap initiative. (2013, May 1). *The Washington Post*. Retrieved from https://www.washingtonpost.com/world/middle_east/netanyahu-cool-to-arab-land-swap-initiative/2013/05/01/b695449c-b282-11e2-9fb1-62de9581c946_story.html
16. Netanyahu rejects Palestinian right of return to Israel. (2013 October 10). *The Jerusalem Post*. Retrieved from <http://www.jpost.com/Diplomacy-and-Politics/Netanyahu-rejects-Palestinian-right-of-return-to-Israel-329895>
17. Sanctions and suspended talks — Israel responds to Palestinian reconciliation. (2014, April, 24). *Yediot Ahronot*. Retrieved from <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4513046,00.html>
18. Settlements & the Netanyahu Government: A Deliberate Policy of Undermining the Two-State Solution. Tel-Aviv: Peace Now Report, January 2013. — P. 1.
19. The Report on Israeli Settlement in the Occupied Territories. Washington: the Foundation for Middle East Peace, March–April 2014. — P. 1.
20. US denies dismantling peace negotiators team. (2014, June 5). *Yediot Ahronot*. Retrieved from <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4516768,00.html>

PALESTINIAN-ISRAELI TRACK: OBAMA'S MIDDLE EAST POLICY FAILURE

Alexander V. Krylov

Abstract: *This article focuses on the attempts of the US diplomacy to achieve a breakthrough on the Palestinian-Israeli track during the period of time from 29 July 2013 to 24 April 2014 and under the auspices of the United States reach Final Status agreement within the framework of previous Accords of the trilateral 2000 Camp David Summit. The study is based on an analysis of «Kerry's Plan» prepared by the US State Department and supposed to help*

solve the key problems of the Palestinian-Israeli conflict. The US State secretary John Kerry has never revealed the details of this plan, but its content has been reconstructed by the author of this article through the analysis of the documents of the Palestinian-Israeli negotiation's process conducted under the guidance of the United States in the past and within the chronological period indicated above.

The article draws a parallel between the Middle East peace process initiated by the administration of Bill Clinton in 2000–2001 and the direct Palestinian-Israeli negotiations began on 29 July 2013 following an attempt by the US Secretary of State John Kerry and his diplomatic team to restart the peace process. «Kerry's plan» — as well as Bill Clinton's initiative — focused mainly on the solution of the problem of the future borders between Israel and proposed Palestinian state through the procedure of «territorial exchange» or «territorial swap», but did not affect other core Final Status issues (refugees, the Israeli settlements and the status of Jerusalem). According to the American proposals, Israel shall retreat from some parts of the West Bank where the Palestinian state within the 1967 borders with minor corrections would be created. Israel would retain its sovereignty over the large settlement blocs, and in return the Palestinians would have to agree to some financial compensation or compensation in the form of receiving Israel's desert area in Negev, which is not suitable for human life. Obviously, such approach completely disavowed the existing international legal basis for the Middle East settlement and doomed the negotiations to a notorious failure as before.

Conducted in accordance with the criteria mentioned above, the research proves that the settlement of the conflict under the auspices of the USA within the frames of the «Camp David» scheme, which successfully was tasted by the American diplomacy in solving controversial problems between Egypt and Israel in the late 1970s, does not work on the Palestinian-Israeli track. During the negotiations process headed by Barack Obama's presidential administration a serious bias towards the Israeli political priorities had been made. And in the framework of the implementation of these priorities everything possible is being done to eliminate the possibility of an independent Palestinian state construction, which is objectively blocking any initiative for a comprehensive peace agreement in the Middle East.

This article is aimed at the expert community, diplomats, specialists in the Middle Eastern problems and conflictology, as well as a broader reading audience including students, professors of universities and educational institutions related to the Foreign Policy Studies.

Keywords: *Middle East, USA, Palestinian-Israeli conflict, Palestinian question, Middle East settlement*

References

1. Krylov A.V. Izraïlskie poseleniya v obmen na rezolutsiu po Iranu: Internet-portal MGIMO MID Rossii. Krylov A.V. Israeli Settlements for a Resolution on Iran: Web Recourse of Moscow State Institute for International Relations at MFA of the Russian Federation. Retrieved 28 August, 2009 from <http://www.mgimo.ru/news/experts/document119593.phtml>
2. Abbas: Not a single Israeli' in future Palestinian state (2013 August 30). *The Jerusalem Post*. Retrieved from <http://www.jpost.com/Middle-East/Abbas-wants-not-a-single-Israeli-in-future-Palestinian-state-321470>
3. Clinton rejects PA settlements condition. (2009, January 11). *The Jerusalem Post*. Retrieved from <http://www.jpost.com/Israel/Clinton-rejects-PA-settlements-condition>
4. *Fuglestad D., Heyn H. M.* The History in the Context of the 2013 John Kerry Peace Efforts. Jerusalem: Konrad-Adenauer-stiftung, 2013. — P. 8.
5. Full Political Platform of World Likud; Web Resource of World Likud. Retrieved 28 August, 2009 from http://www.worldlikud.org.il/?page_id=36
6. Hamas and Fatah unveil Palestinian reconciliation deal. (2014, April 24). *BBC News*. Retrieved from <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-27128902>
7. Hamas rejects Kerry's announcement: Abbas has no authority to negotiate (2013, August 20). *Yediot Ahronot*. Retrieved from <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4407236,00.html>
8. Harf Marie. Deputy Spokesperson of the State Department // Daily Press Briefing, Washington, DC, 2014, May 5.
9. Israel announces plans for building 1,400 settlement homes. 2014, January 1. *Reuters*. Retrieved from <http://www.reuters.com/article/us-palestinians-israel-settlements-idUSBREA090KW20140110>
10. Israel says Separation Wall will be border. (2013 November 6). *Al-Jazeera*. Retrieved from <http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2013/11/israel-says-separation-wall-will-be-border-201311514132609960.html>
11. Kerry Calls Arab League Plan to Revive Talks With Israel a «Big Step». (2013, April 30). *The New York Times*. Retrieved from http://www.nytimes.com/2013/05/01/world/middleeast/kerry-welcomes-arab-plan-for-israeli-palestinian-talks.html?_r=0
12. Land Swaps — a Guide. Report on Israeli Settlement. Washington: Foundation for Middle East Peace. Vol. 23. No. 4, July-August 2013. — P. 6.
13. Likud pushing bill to annex Jordan Valley. (2013 December 26). *The Jerusalem Post*. Retrieved from <http://www.jpost.com/Diplomacy-and-Politics/Likud-pushing-bill-to-annex-Jordan-Valley-336285>
14. Monthly Report of the Palestinian Monitoring Group. Ramallah: Palestinian Liberation Organization, Negotiations Affairs Department, January 2012. — P. 3.

15. Netanyahu cool to Arab land-swap initiative. (2013, May 1). *The Washington Post*. Retrieved from https://www.washingtonpost.com/world/middle_east/netanyahu-cool-to-arab-land-swap-initiative/2013/05/01/b695449c-b282-11e2-9fb1-62de9581c946_story.html
16. Netanyahu rejects Palestinian right of return to Israel. (2013 October 10). *The Jerusalem Post*. Retrieved from <http://www.jpost.com/Diplomacy-and-Politics/Netanyahu-rejects-Palestinian-right-of-return-to-Israel-329895>
17. Sanctions and suspended talks — Israel responds to Palestinian reconciliation. (2014, April, 24). *Yediot Ahronot*. Retrieved from <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4513046,00.html>
18. Settlements & the Netanyahu Government: A Deliberate Policy of Undermining the Two-State Solution. Tel-Aviv: Peace Now Report, January 2013. — P. 1.
19. The Report on Israeli Settlement in the Occupied Territories. Washington: the Foundation for Middle East Peace, March–April 2014. — P. 1.
20. US denies dismantling peace negotiators team. (2014, June 5). *Yediot Ahronot*. Retrieved from <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4516768,00.html>

Информация об авторе

Крылов Александр Владимирович

доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения, ведущий научный сотрудник Центра ближневосточных исследований Института международных исследований МГИМО МИД России. Российская Федерация. E-mail: avkrylov2004@mail.ru

Alexander V. Krylov

Doctor of History, Professor of the Oriental Studies Department at Moscow State Institute of International Relations of the MFA of the Russian Federation, Senior Researcher of the Middle East Studies Center of the Institute of International Studies at MGIMO, E-mail: avkrylov2004@mail.ru

ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ И ОХРАННЫЕ КОМПАНИИ (ЧВОК): ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОСТИ

М. А. НЕБОЛЬСИНА

Аннотация. Проблема использования частных военных и охранных компаний (ЧВОК) на современном этапе ставит ряд вопросов относительно роли этих компаний в мирополитических процессах. Не обладая ясным с точки зрения международного права статусом, ЧВОК, тем не менее, играют весьма важную роль во многих современных конфликтах. Основная проблема заключается в разработке особой формулы регулирования деятельности ЧВОК на международном уровне, учитывая неоднородную природу такого явления. Именно комплексный характер феномена ЧВОК приводит к разному восприятию одних и тех же видов деятельности компаний, действующих в различных условиях. В одних случаях, ЧВОК являются проводниками государственных интересов и, продолжая политику иными средствами, становятся инструментом в руках ряда стран или международных организаций. В иных случаях ЧВОК действуют более независимо от государств, во многом заменяя собой силовые и социальные институты в некоторых «слабых» странах. Учитывая сочетание «акторной» и «инструментальной» природы такого явления, как ЧВОК, не ясным остается вопрос влияния данных субъектов на мировые процессы. Будучи инструментом, ЧВОК снимают с государств определенное бремя ответственности за нарушения законодательства в области прав человека и международного гуманитарного права. При этом в тех странах, где местные институты и ведомства не способны обеспечить безопасность собственными силами, ЧВОК играют важную роль, выполняя некоторые функции исполнительной власти. В то же время ЧВОК препятствуют развитию и становлению местных институтов власти в странах со слабой государственностью. В данной статье автор сделала попытку рассмотреть истоки двойной природы феномена ЧВОК и проследить развитие данного явления в исторической перспективе.

Ключевые слова: частные военные и охранные компании (ЧВОК), безопасность, государственные и негосударственные акторы, инстру-

менты мировой политики, государственные интересы, аутсорсинг и приватизация государственных функций в сфере безопасности.

Введение. За последние 25–30 лет частные военные и охранные компании (ЧВОК) стали неотъемлемой частью многих военных операций, ряда миротворческих миссий и постконфликтного восстановления в различных регионах мира. Они активно привлекаются в гражданских целях в посткризисных ситуациях. Можно говорить о том, что ЧВОК сегодня — это определенный социально-политический феномен, задача изучения которого в теоретическом плане состоит в осмыслении, с одной стороны, политической роли данного явления как нового типа негосударственных акторов международных отношений в сопоставлении и взаимодействии с традиционными акторами, а с другой — в определении его места в системе международной безопасности в качестве инструмента реализации политики некоторых государств.

Различные аспекты проблематики ЧВОК широко освещены в научной литературе зарубежных авторов. Среди них важными представляются работы Р. Абрахамсена (*Abrahamsen R., Williams Michael C. Security Beyond the State: Private Security in International Politics. Cambridge, 2011, 272 p.*), Д. Авант (*Avant D. The Market for Force: The Consequences of Privatizing Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2005, 324 pp.*), П. Веркуль (*Verkuil Paul R. Outsourcing Sovereignty: Why Privatization of Government Functions Threatens Democracy and What We Can Do about It. Cambridge, 2007, 248 p.*), П. Зингер (*Singer P. W. Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry. N.Y., Cornell University Press, 2007, 360 p.*; *Singer P. W. Can't Win With 'Em, Can't Go To War Without 'Em: Private Military Contractors and Counterinsurgency // Foreign Policy in Brookings, Policy Paper, 2007, №4*), К. Кинзи (*Kinsey C. Private Security Companies: Agents of Democracy or Simply Mercenaries? // Jäger T. and Kümmel G. (eds), Private Military and Security Companies: Chances, Problems, Pitfalls and Prospects. Vs Verlag, February 2007, 87–104 P.*), Д. Кокейн (*Cockayne J. Private Military and Security Companies Agree to Increased International Oversight // International Peace Institute Global Observatory, 4 March 2013*; *Cockayne J., Mears E. S. Beyond Market Forces: Regulating the Global Security Industry // International Peace Institute, July 27, 2009.*), Э. Крахманн (*Krahmann E. States, Citizens and the Privatization of Security. Cambridge, 2010, 305 p.*), К. Крэйц (*Creutz K. Transnational Privatised Security and the International Protection of Human Rights. Helsinki, Erik Castrén Institute of International Law and Human Rights, 2006, 189 p.*), Е. Кусумано (*Cusumano Eug. Bureaucratic Interests and the Outsourcing of Security: The Privatization of Diplomatic Protection in the US and the UK // materials of the ISA Annual Convention, 2012.*), Р. Мендел (*Mandel R. Armies Without States: the Privatization of Security. London, Lynne Rienner*

Publishers, 2002, 169 p.), С. Перси (*Percy S. Regulating the Private Security Industry. London, Routledge, 2006, 76 p.*), Дж. Спир (*Spear J. Market Forces The Political Economy of Private Military Companies. Fafo Report, January 2006.*), К. Холмквист (*Holmqvist C. Private Security Companies the Case for Regulation // Stockholm International Peace Research Institute, January 2009, SIPRI Policy Paper No. 9.*).

Среди российских авторов наиболее значимыми представляются научные труды Волеводза А. Г. (*Волеводз А. Г. О международных инициативах в сфере правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 1. С. 12–16; Волеводз А. Г. Проблемы, принципы и перспективы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий // Вестник МГИМО–Университета. 2010. № 3 (12). С. 78–88; Волеводз А. Г. О проектах правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 2. С. 4–10*), Никитина А. И. (*Никитин А. И., Небольсина М. А. Афганистан, Ирак: разработка новой Конвенции ООН. Ч. 1 // Государственная служба. 2009. № 6. С. 88–94; Никитин А. И. Конфликты, терроризм, миротворчество. М.: Навона, 2009. 232 с.; Никитин А. И. Миротворческие операции: концепции и практика. Московский общественный научный фонд, Центр политических и международных исследований. Научные доклады. № 117. М., 2000. 188 с.; Никитин А. И. Вооружённые конфликты и миротворчество. В кн.: Современные международные отношения. Учебник / под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина, М.: Аспект Пресс, 2012. С. 480–497*), Сырхаева А. А. (*Сырхаев А. А. Приватизация войны в США // История государства и права. 2012. № 16. С. 46–48*), которые посвящены исследованиям политики держав, а также региональных и международных организаций в отношении ЧВОК.

Другую группу российских учёных представляют исследователи политэкономических, организационных, исторических, этических и иных вопросов, связанных с деятельностью ЧВОК. В этой группе особо выделяются следующие: Кашников Б. Н. (*Кашников Б. Н. Частные военные компании как морально-политическая проблема современности // Российский научный журнал. 2010. № 6(19). С. 62–73; Кашников Б. Н. Частные военные компании и теория справедливых войн // Российский научный журнал. 2011. № 20. С. 83–94*), Коновалов И. П. (*Коновалов И. П. Солдаты удачи и воины корпораций. История современного нёмничества. Пушкино.: Центр стратегической конъюнктуры, 2015. 216 с.; Коновалов И. П., Валецкий О. В. Эволюция частных военных компаний. Пушкино.: Центр*

стратегической конъюнктуры, 2013. 138 с.; Коновалов И. П. Частный военный бизнес: кризис надвигается. «Золотой век» ЧВК прошел, будут ли перспективы у россиян — еще вопрос // Военно-промышленный курьер. 2012. № 16 (433)), Неелов В. М. (Неелов В. М. Частные военные компании и война на Юго-Востоке Украины // Центр стратегической конъюнктуры. 27.03.2015; Неелов В. Частные военные компании в России: опыт и перспективы использования. СПб., 2013), Новикова Д. О. (Новикова Д. О. Проблемы использования частных военно-охранных компаний при проведении военных операций США // Вестник МГИМО—Университета. 2010. № 3 (12). С. 89–96), Михайленко А. Н. (Михайленко А. Н. Регулирование деятельности частных военных и охранных компаний в зонах вооруженных конфликтов: учебное пособие. М.: Изд-во РАГС, 2010. 156 с.; Михайленко А. Н. Частные военные и охранные компании в России: быть или не быть? // Обозреватель—Observer. 2013. № 5. С. 90–99; Михайленко А. Н. Проблемы и перспективы развития системы регулирования частных военных и охранных компаний // Вопросы политологии. — 2016. № 3. С. 263–284), Сафранчук И. А. (Сафранчук И. А. Генезис частных военных компаний: частная сила во второй половине 20-го века // Мир и политика. 2012. № 2(65). С. 77–83; Сафранчук И. А. Феномен «частной силы»: последствия для государственных и негосударственных акторов // «Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты. 284 с.), Старцун В. Н. (Старцун В. Н. Научная школа военного права и создание нормативной правовой основы деятельности по оказанию частных услуг военного назначения: точки сопряжения // ЭНИ «Военное право». 2015. Вып. 1. С. 62–75), Троицкий С. В. (Троицкий С. В. Международно-правовое регулирование деятельности частных военных и охранных компаний // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2011. № 20. Т. 1. С. 33–36), Хажметов К. А. (Хажметов К. А. Акторная характеристика частных военных и охранных компаний // Этносоциум и международная культура. 2016. № 4(94). С. 71–78; Хажметов К. А. Исследование понятия «частная военная и охранная компания» // Этносоциум и международная культура. 2015. № 4(82). С. 134–140; Хажметов К. А. Классификация частных военных охранных компаний // Обозреватель — Observer. 2014. № 5. С. 83–92).

Теоретические основания исследования. Настоящее исследование основывается, прежде всего, на теории неореализма, которая объясняет многие политические процессы расширением арсенала средств реализации государственных интересов. Усилия государств, как и прежде, направлены на реализацию собственных интересов с помощью силовых действий и непосредственно на ведение вооружённых действий [5. Коп-

питерс, 2002, 407 с.]. То есть опирающиеся на силу дипломатия и стратегия как средства защиты и продвижения своих интересов сегодня пополняются новым инструментом: ЧВОК [3. Цыганков, 2011, с. 22]. Если успешная реализация национальных интересов определяется «масштабом практических политических действий», то допустимы любые действия, если они выгодны государству [6. Пугачев, 2002, с. 455]. С точки зрения теории неореализма использование ЧВОК, с одной стороны, позволяет некоторым государствам не подвергать риску солдат регулярной армии, а с другой — избегать прямой ответственности за действия персонала не из личного состава, а также создавать иллюзию отсутствия вооруженных сил на территории иностранных государств, заменяя их, до определенной степени, контрактниками ЧВОК, наращивая вооружения, и, тем самым, продолжая сохранять баланс сил [4. Небольсина, 2016, с. 71]. В данном случае ЧВОК являются важным инструментом национальной безопасности и «социальным партнёром государства» [8. Семенова, 2012].

Стремление государств укреплять, поддерживать, развивать существующие и создавать новые механизмы в сфере безопасности, в том числе, используя ЧВОК, актуализирует теоретические исследования феномена частной силы с точки зрения теории политического неореализма.

Однако, учитывая то, что распределение дивидендов от соотношения сил между участниками международных процессов происходит в пользу мощных в военном отношении государств, можно предположить, что ЧВОК, работающие в Ираке, Сирии, Афганистане, ряде стран Африки, Латинской Америки и т.п., не способствуют реализации национальных интересов этих стран [4. Небольсина, 2016, с. 71]. То есть, с точки зрения неореализма, в мире доминирует тот, у кого оказывается больше ресурсов, мощи и влияния, выдвигая на первый план «право сильного».

В настоящей работе феномен ЧВОК рассматривается также через призму неолиберальной теории, которая не только исследует ЧВОК как новых участников мировых процессов, но и занимается изучением возникающих в связи с данными акторами новых механизмов, влияющих на международную систему. ЧВОК, проецирующие силу, ресурсы, ценности одних государств на другие, трактуются как форма растущей взаимозависимости в мировой политической системе, и как следствие — как феномен трансформации системы международных отношений и международной безопасности [4. Небольсина, 2016, с. 14].

Исследование: основная часть. Сегодня 75% мирового рынка частных военных и охранных услуг приходится всего на две страны: США (около 50%) и Великобританию (примерно 25%). Эти государства

являются основными заказчиками услуг ЧВОК. У каждой из этих стран есть определенная специфика в отношении контрактов с ЧВОК. Например, у США, ориентированных на военные операции за рубежом, широко представлены нормы в целях регулирования ЧВОК за пределами территории своего государства. Напротив, Великобритания большое внимание уделяет регулированию ЧВОК на внутреннем рынке. Опыт Великобритании показывает, что контракты британских ЧВОК связаны в основном с заказчиками из мира бизнеса и, во вторую очередь, с представителями государства.

Если обратиться к истории, то можно проследить связь ЧВОК с предшествующей им формой взаимоотношений власти с военной силой: наемничеством. Но если наемничество запрещено Международной Конвенцией ООН от 1989 года, то политический и правовой статус ЧВОК пока не прояснен. На сегодняшний день ЧВОК представляют собой юридические лица, зарегистрированные в соответствии с корпоративным законодательством в зависимости от страны происхождения. Учитывая то, что это не совсем рядовой бизнес, т.к. он имеет дело с ношением и использованием оружия, транспортным сопровождением военных и гражданских лиц, осуществлением разведдеятельности, разминированием, обработкой информации, полученной дронами, и т.д., важно понять роль и место таких компаний в мире и придать им статус.

Основателем первой в мире ЧВОК *Watchguard International* считается создатель Британской специальной воздушной службы Великобритании Дэвид Стирлинг. Созданию компании предшествовали события на Ближнем Востоке. В 1962 году в Йемене произошел государственный переворот, в результате которого была свергнута законная монархия. Хотя СССР и США признали новую власть, Великобритания заняла иную позицию и предполагала восстановить незаконно свергнутое правительство.

Великобритания отказалась от официального противостояния позициям СССР и США и решила не задействовать вооруженные силы. Первоначально рассматривалась возможность привлечения наемников к секретной операции по возвращению к власти свергнутого монарха, однако Лондону пришлось отказаться от этого плана. В результате Дэвид Стирлинг предложил задействовать бывших офицеров специальных военно-воздушных сил Великобритании. Перед офицерами была поставлена задача в кратчайшие сроки подготовить сторонников монархии, обучив их военному делу, необходимым навыкам владения оружием, основам коммуникации и пр. В результате спецоперации в Йемене законная власть была восстановлена, а мир увидел первую ЧВОК, которая официально была зарегистрирована в 1967 году.

Вышеописанные события 60-х гг. XX века на Ближнем Востоке ознаменовали собой новый этап политического противостояния, которое позволило мировым державам использовать негосударственный инструмент для достижения своих целей, не привлекая официальные вооруженные силы и не нарушая принцип невмешательства во внутренние дела других стран. Новые возможности реализации собственных интересов, открывшиеся перед государствами, проложили дорогу таким важным направлениям в сфере безопасности, как подготовка, тренировка, инструктирование, обучение, а также консультирование вооруженных сил. Кроме того, это позволило усовершенствовать арсенал военно-силовой государственной политики, а также стало перспективным направлением развития частного военно-охранного бизнеса.

В конце 80-х годов XX века появляется ряд компаний, которые имеют наемническую направленность: *Executive Outcomes (EO)*, *Sandline International*. Они известны благодаря участию в подавлении оппозиции, свержении правительств в ряде стран Африки и т.д. Тогда же возникает американская ЧВОК *MPRI*, которая по контракту с Пентагоном осуществляет контроль над сербской границей и проводит обучение боснийских и хорватских войск в середине 1990-х годов. Чуть позднее, в 2008 году, эта же компания инструктировала и обучала вооруженные силы Грузии [1. Колесниченко, 2009].

На протяжении 90-х годов тенденция к развитию рынка ЧВОК не только сохранялась, но и усиливалась, что было связано с различными гуманитарными и миротворческими миссиями ООН и НАТО. Кроме того, большой спрос на услуги ЧВОК вызвала операция США в Ираке «Буря в пустыне».

В результате событий 11 сентября 2001 года, когда была объявлена «глобальная война с терроризмом» (Global War on Terror — GWOT), произошло многократное увеличение рынка ЧВОК. Данная кампания привела к невиданному росту количества и масштабов операций ЧВОК в глобальном масштабе. Мировой оборот ЧВОК вырос с 55,6 млрд долларов в 1990 году до 200 млрд долларов в 2010 году, и эти показатели продолжают неуклонный рост [10. Howe Herbert, 2001, p. 188; 12. O'Brien, 2000]. Еще недавно прогнозировалось, что к 2016 году объемы рынка ЧВОК по разным оценкам составят 224–244 млрд долларов [14. World security services, 2013; 2. Корнилов, 2013], однако уже в 2014 году эта цифра составила 218,4 млрд долларов [13. Tzifakis, 2012]. Это означает, что рынок ЧВОК сегодня растет опережающими темпами и превосходит прогнозы экспертов.

Если обратиться к природе явления ЧВОК, то выясняется, что она неоднородна. Нельзя однозначно причислить ЧВОК к новым негосударственным акторам, равно как и нельзя сказать, что они таковыми

не являются. Феномен ЧВОК сочетает в себе как признаки «акторности», так и признаки «инструментальности». В одних случаях ЧВОК являются самостоятельными структурами, а в других — инструментом государственной политики. Именно сочетание «акторности» и «инструментальности» делает данный феномен уникальным.

Ярким примером акторности можно назвать деятельность небезызвестной ЧВОК *Executive Outcomes*. Компания была зарегистрирована в Лондоне, но работала в Южной Африке, осуществляя координацию контрактных подразделений бывших служащих южноафриканских сил обороны [4. Небольсина, 2016, с. 46]. В 1995 году правительство Сьерра-Леоне наняло 300 солдат компании *EO* для подавления восстания. В результате под давлением правительства Южной Африки в 1998 году компания была расформирована, но перед этим *EO* была нанята британской *Sandline International* для содействия силам обороны Папуа Новой Гвинеи в подавлении восстания в Бугенвиле [4. Небольсина, 2016, с. 46]. Очевидно, что подобная самостоятельность, или акторность *EO* не могли устроить государство, что и послужило причиной закрытия компании.

Постоянная политическая и социальная нестабильность во многих странах Африки препятствует возникновению и укреплению здесь институтов власти. Зачастую полицейские и военные функции выполняют ЧВОК, заполняя собой «вакуум безопасности». На примере Африки можно рассмотреть сразу две ипостаси такого феномена, как ЧВОК: акторную и инструментальную. С одной стороны, большое количество ЧВОК на территории Африки работают по контракту с представителями бизнеса и местной власти, действуя в собственных интересах. В данном случае в характере деятельности таких компаний ярко прослеживается акторная направленность. С другой стороны, во многих странах Африки происходят миротворческие и гуманитарные операции ООН, а также НАТО и Африканского Союза, которые привлекают ЧВОК к сотрудничеству. В этом случае ЧВОК снова превращаются в инструмент политики международных организаций, или государств, если такие компании привлекают для содействия в рамках партнёрских программ государств-членов, например, по разминированию и утилизации взрывчатых веществ в опасных районах [11. Langewische, 2014]⁸.

Анализ результатов. Учитывая неоднородный характер такого явления, как ЧВОК, можно ли говорить о том, что они, частично приватизируя государственное право на легитимное насилие, представляют

⁸ Например, одна из крупнейших частных военных ТНК G4S занимается утилизацией взрывчатых веществ в рамках партнёрской программы в Южном Судане.

угрозу суверенитету государства? С одной стороны, да, если речь идет о тех ЧВОК, которые, работая, например, в странах Африки не по контракту с США, Великобританией, ООН или НАТО, а сотрудничая с местным не всегда сильным и стабильным правительством, или с представителями бизнеса, замещают собой местные вооруженные силы и силы полиции. Так возникает феномен «делегированной субъектности». Иными словами, «там, где монополия на силу подорвана (в результате неэффективности местного правительства, гражданских выступлений и пр.)» [7. Саваськов/ Сафранчук, 2012, с. 533], ЧВОК замещают собой государственные институты, подрывая, тем самым, субъектность и без того слабых государств [4. Небольсина, 2016, с. 32].

С другой стороны, спрос на услуги частных компаний в сфере безопасности порождают сами государства и международное сообщество, способствуя росту рынка ЧВОК. То есть здесь снова проявляется инструментальный характер ЧВОК, которые существуют во многом потому и благодаря тому, что сильные государства (США и Великобритания), будучи монополистами мирового рынка ЧВОК, нуждаются в их услугах. Таким образом, ЧВОК остаются подконтрольными хотя бы этим двум государствам, а вместе с ними ООН и НАТО, и не подрывают государственный суверенитет.

Являясь «пульсирующим» феноменом, который во многом зависит от внешней политики США и Великобритании, очень интересно проследить за тем, как будет развиваться рынок ЧВОК в ближайшие годы. Сигналы, которые поступили от Великобритании, где произошел Brexit, и от США, где на выборах президента победу одержал Д. Трамп, говорят о том, что общество, по крайней мере, этих двух государств, не довольно глобализацией. Тенденция на глокализацию наметилась весьма очевидно. Поскольку речь идет, прежде всего, об экономической составляющей данных процессов, то интересно будет наблюдать за тем, что же произойдет с контрактами ЧВОК. Вероятно, их количество и объемы будут сокращаться.

Заключение. Нельзя, однако, утверждать, что феномен ЧВОК перестанет существовать в обозримом будущем. Вопрос регулирования и придания статуса остается на повестке дня. В мире сегодня существуют два международных разноформатных документа, которые призваны придать статус и отрегулировать деятельность ЧВОК. Конвенция ООН о ЧВОК, которая находится в стадии рассмотрения ее МИДами разных стран, а также комплекс документов «Швейцарской инициативы», включающий Международный кодекс поведения ЧВОК. Учитывая двойную природу данного феномена, целесообразно было бы совместить обязательные, конвенциональные принципы, предлагаемые меж-

дународно-правовым документом ООН, с добровольными принципами и Кодексом поведения «Швейцарской инициативы».

Одна из важных проблем аутсорсинга государствами услуг в сфере безопасности третьим лицам, в данном случае — ЧВОК, состоит в том, что до сих пор нет определения того, что является делегируемыми, а что — неделегируемыми государственными функциями в сфере безопасности. В связи с этим, на сегодняшнем этапе важно хотя бы прописать, что **ОМУ и средства доставки ОМУ ни при каких обстоятельствах не могут быть переданы ЧВОК для сопровождения, перевозки, охраны и пр.** Хотя данная мера и не снимает с повестки дня проблему делегируемых и неделегируемых функций в сфере безопасности, но она поможет защитить общество и государство от попадания смертельного оружия в руки террористов, а также от различного рода турбулентных ситуаций при смене режимов в тех или иных странах мира.

Литература/ References

1. Колесниченко О. Вне закона. Британский МИД отпускает частные военные компании в саморегуляцию. 9–15 сентября 2009 // Военно-промышленный курьер. №35 (301). 9–15 сентября 2009. [Kolesnichenko O. Vne zakona. Britanskiy MID otpuskaet chastnye voennye kompanii v samoreguljacijaju. 9–15 sentjabrja 2009 // Voенno-promyshlennyj kur'er. №35 (301). 9–15 sentjabrja 2009]. URL.: http://www.vpk-news.ru/sites/default/files/pdf/issue_301.pdf (дата обращения: 26.05.2016)
2. Корнилов Н. Частный военный и охранный бизнес набирает обороты — ООН // Центр стратегической конъюнктуры. 12.11.2013. [Kornilov N. Chastnyj voennyj i ohrannyj biznes nabiraet oboroty — OON // Centr strategicheskoy kon#junkтуры. 12.11.2013]. URL.: <http://conjuncture.ru/un-12-11-2013/> (дата обращения: 18.05.2015)
3. «Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации», учебное пособие / под ред. П. А. Цыганкова. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2011, 336 с. [«Mezhdunarodnye otnoshenija: teorii, konflikty, dvizhenija, organizacii», uchebное posobie / pod red. P. A. Cygankova. M.: Al'fa-M: INFRA-M, 2011, 336 s.]
4. Небольсина М. А. Регулирование деятельности частных военных и охранных компаний: сравнительный анализ политики международных организаций и мировых держав: дисс. на соискание учёной степени кандидата политических наук: 23.00.04, 19.12.2016. М.: 2016. 248 с. [Nebol'sina M. A. Regulirovanie dejatel'nosti chastnyh voennyh i ohrannyh kompanij: sravnitel'nyj analiz politiki mezhdunarodnyh organizacij i mirovyh derzhav: diss. na soiskanie uchёnoy stepeni kandidata politicheskikh nauk: 23.00.04, 19.12.2016. M.: 2016. 248 s.]

5. Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры / под ред. Б.Коппитерса, Н.Фоушина, Р.Апресяна. Москва.: Гардарика, 2002. 407 с. [Nrvstvennye ogranichenija vojny: problemy i primery / pod red. V.Koppitersa, N.Foushina, R.Apresjana. Moskva.: Gardarika, 2002. 407 s.]
6. Пугачев В., Соловьев А. Введение в политологию. Учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2002. 477 с. [Pugachev V., Solov'ev A. Vvedenie v politologiju. Uchebnik dlja studentov vuzov. M.: Aspekt Press, 2002. 455 s.]
7. Саваськов П.В., Сафранчук И.А. Новые аспекты военной безопасности: Пиратство и частные военные (силовые) компании / П.В. Саваськов, И.А. Сафранчук // Современные международные отношения. Учебник МГИМО (У) МИД РФ / под ред. академика РАН Торкунова А.В., Мальгина А.В. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2012. 688 с. [Savas'kov P.V., Safranchuk I.A. Noveye aspekty voennoj bezopasnosti: Piratstvo i chastnye voennye (silovye) kompanii / P.V. Savas'kov, I.A. Safranchuk // Sovremennye mezhdunarodnye otnoshenija. Uchebnik MGIMO (U) MID RF / pod red. akademika RAN Torkunova A.V., Mal'gina A.V. M.: ASPEKT PRESS, 2012. 688 s.]
8. Семёнова Л.А. Негосударственная система безопасности как новый элемент социально-профессиональной структуры постсоветской России // Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса: «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие». 23–25.10.2012. [Semjonova L. A. Negosudarstvennaja sistema bezopasnosti kak novyj jelement social'no-professional'noj struktury postsovetskoj Rossii // Materialy IV Ocherednogo Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa: «Sociologija i obshhestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie». 23–25.10.2012] URL.: http://www.isras.ru/files/File/publ/SemenovaLA_IV_Kongress.pdf — С. 3216–3222 (дата обращения: 10.02.2016)
9. Griffin J. Private contract security services to see steady global demand. February, 1, 2013. URL.: <http://www.freedoniagroup.com/inthenews/606643/world-security-services.htm> (дата обращения: 01.02.2017)
10. Howe Herbert M. Ambiguous Order: Military Forces in African States. L., Lynne Rienner Publishers, 2001, 316 p.
11. Langewische W. The Chaos Company, April 2014. URL.: <http://www.vanityfair.com/news/business/2014/04/g4s-global-security-company> (дата обращения: 05.05.2016)
12. O'Brien Kevin A. PMCs, Myths and Mercenaries: The Debate on Private Military Companies // Royal United Service Institute Journal, Feb 2000.
13. Tzifakis N. The rise of private military and security companies. 2012. URL.: <http://slideplayer.com/slide/3506622/> (дата обращения: 18.05.2015)
14. World security services. 2013. URL.: <http://www.freedoniagroup.com/industry-study/2978/world-security-services.htm> (дата обращения: 01.02.2017)

**PRIVATE MILITARY AND SECURITY COMPANIES:
A MODERN PHENOMENON**

Maria Nebolsina

Abstract. *The problem of use of private military and security companies (PMSC's) today raises a number of questions on these companies' role in world politics. Having an unclear status under International Law, PMSC's are still playing an important role in many modern conflicts. The main issue that these companies pose is a necessity to develop a special global formula for PMSC's' regulation with regard to a complex nature of the phenomenon. The dual nature of PMSC's is the one causing different perception of one and the same scope of activities in various contexts. Some cases prove PMSC's to be instruments and agents of state interests, conducting states' or international organizations' politics. Other cases demonstrate a high level of independence of PMSC's and their ability to substitute for law enforcement and social institutions in a number of «weak» states. Considering a mixture of «actorship» and «instrumental role» of the phenomenon the impact of PMSC's on the world politics in the future remains unclear. As an instrument PMSC's shift responsibility for breaches of Human Rights Law and International Humanitarian Law from states. Meanwhile in the countries where local institutions fail to ensure security PMSC's play a great role and account for a certain law enforcement functions. At the same time PMSC's impede the emergence and development of local government institutions in the countries with «weak» stateness. The author made an attempt to study the origins of the dual nature of PMSC's and to trace the development of the phenomenon in a historical perspective.*

Key words: *private military and security companies (PMSC's), security, state and non-state actors, instruments of world politics, state interests, outsourcing and privatization of state functions in security sphere.*

Информация об авторе

Небольсина Мария Александровна

к. полит. н., н.с. Центра евроатлантической безопасности ИМИ
МГИМО МИД России.

E-mail: nebolsinama@gmail.com

Maria Nebolsina

PhD (political science), researcher for Euro-Atlantic Security center of International Studies Institute, Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМПАНИИ И «ПРИВАТИЗАЦИЯ ВОЙНЫ»

В. М. НЕЁЛОВ

Аннотация: В настоящее время исследователи отмечают возрастание роли негосударственных акторов в войнах современности. Одним из инструментов, которые используют западные государства в вооруженных конфликтах разного типа и интенсивности, являются частные военные компании. Широкое их вовлечение в происходящие процессы и рост рынка услуг частных военных компаний (ЧВК) позволил исследователям говорить о возникновении такого феномена как «приватизация военной сферы» или «приватизация войны». Начиная с 2012 года, вопрос о целесообразности принятия закона о регулировании деятельности частных военных компаний обсуждается и на уровне высшего политического руководства РФ. В 2014 году в связи с началом вооруженного конфликта на юго-востоке Украины началось публичное обсуждение и разработка очередного законопроекта о ЧВК. Вместе с тем в ходе подобных обсуждений игнорируется рассмотрение принципиальных вопросов теоретического и правового характера, без которых невозможно не только ведение полноценной научной дискуссии, но и рассмотрение данной темы законодателями с целью возможного принятия закона о частных военных компаниях. Отсутствие действенных механизмов международно-правового регулирования деятельности ЧВК создаёт большое количество проблем и угроз, которые в перспективе могут способствовать дальнейшей дестабилизации системы международных отношений. Вместе с тем преимущества от использования ЧВК в зарубежных операциях делают их незаменимым инструментом государства в решении ряда задач, а, следовательно, в обозримой перспективе тенденция привлечения коммерческих структур в военную сферу сохранится. В настоящей статье автор сделал попытку рассмотреть ряд проблем, важных для понимания сути, а также концептуальной и юридической основ использования частных военных компаний.

Ключевые слова: частные военные компании (ЧВК), международная военная безопасность, государственные и негосударственные акторы

ведения боевых действий, характер и способы ведения войны, приватизация военной сферы.

Введение. На протяжении столетий право вести войну (лат. — *ius ad bellum*) воспринималось как неотъемлемое для любого государства, однако уже к середине XX века сформировался принцип неприменения силы и угрозы силой. Данный процесс происходил одновременно с утверждением идеи об исключительной монополии государства на применение силы. При этом во второй половине XX века происходят серьёзные изменения: на фоне роста числа военных конфликтов, меняется сам характер войны и способы её ведения, что сопровождается очередным этапом революции в военном деле. Всё это заставляет военно-политическое руководство разных стран мира искать нестандартные способы реагирования на новые угрозы и вызовы. Один из таких способов — привлечение частного бизнеса в ранее закрытую для него военную сферу. В результате в начале XXI века частные военные компании становятся важнейшим инструментом для решения проблем, связанных с участием в вооружённых конфликтах.

Зарубежные научные публикации, посвящённые проблемам, связанным с ЧВК и с так называемой «приватизацией войны», активно выходят в 1990-е — 2000-е годы. Именно на этот период приходится публикационная активность западных авторов, разрабатывающих указанную тему. Наиболее авторитетным исследователем, работы которого стали по-своему хрестоматийными в этой сфере, является П. Сингер (*Singer P. W. Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry. N.Y.: Cornell University Press, 2007, 360 p.; Singer P. W. Can't Win With 'Em, Can't Go To War Without 'Em: Private Military Contractors and Counterinsurgency // Foreign Policy in Brookings, Policy Paper, 2007, №4*). Многие учёные в своих работах опираются на сделанные в работах американского исследователя выводы и его классификацию частных военных компаний. Помимо Сингера важными представляются работы таких авторов как Д. Авант (*Avant D. The Market for Force: The Consequences of Privatizing Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2005, 324 p.*), Б. Грант (*Grant B. U. S. Military Expertise For Sale: Private Military Consultants As a Tool Of Foreign Policy // U. S. Army War College. 1998. 33 p.*), У. Джорас и А. Шустер (*Private Security Companies and Local Populations: An Exploratory Study of Afghanistan and Angola // Swiss Peace Institute. 2008*), К. Кроффорд (*Crofford C. D. Private Security Contractors on the Battlefield // Strategic Studies Institute. 2006. 15 March.*), Л. Кэмерон (*Cameron L. Private Military Companies: Their Status Under International Humanitarian Law and its Impact on Their Regulation // International Review of the Red Cross. 2006. T. 88. № 863. P. 573–598.*), К. Мосгаард (*Moes-*

gaard C. *Private Military in Counter-Insurgency Strategy* // *Danish Institute for International Studies*. 2011. March.), Д. Скэйхилл (*Scahill J. Blackwater. The Rise of The Most Powerful Mercenary Army*. New York: Nation Books, 2008, 560 p.), Р. Уэсселер (*Jesseler R. Krieg als Dienstleistung. Private Militärfirmen zerstören die Demokratie*. Berlin: Ch. Links Verlag, 2006, 256 S.), К. Холмквист (*Holmqvist C. Private Security Companies the Case for Regulation* // *Stockholm International Peace Research Institute, January 2009, SIPRI Policy Paper No. 9.*).

В 2000-е годы в России в больших количествах появляются публикации, посвящённые возникновению, деятельности и использованию частных военных компаний. При этом большое внимание российские авторы уделяют правовым аспектам деятельности ЧВК. Наиболее активно занимаются изучением этих вопросов Волеводз А.Г. (*Волеводз А.Г. Проблемы, принципы и перспективы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий* // *Вестник МГИМО–Университета*. 2010. № 3 (12). С. 78–88; Волеводз А.Г. *О международных инициативах в сфере правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний* // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2009. № 1. С. 12–16), Гаврилов В.В. (*Гаврилов В.В. К вопросу о правовом статусе сотрудников частных военизированных компаний в современном международном гуманитарном праве* // *Евразийский юридический журнал*. 2008. № 3. С. 54–59), Кашников Б.Н. (*Кашников Б.Н. Частные военные компании и теория справедливых войн* // *Российский научный журнал*. 2011. №20), Михайленко А.Н. (*Михайленко А.Н. Регулирование деятельности частных военных и охранных компаний в зонах вооруженных конфликтов* // М.: Изд-во РАГС, 2010).

Проблемы использования ЧВК в военных операциях также интересуют российских авторов. В последние годы в таких периодических изданиях, как «Независимое военное обозрение», «Военно-промышленный курьер», «Зарубежное военное обозрение» и др., выходит всё больше публикаций таких специалистов в области стратегических исследований, как, например, Канчуков С. (*Канчуков С. Широкое поле деятельности для ЧВК* // *Военно-промышленный курьер*. 2012. 22 августа), Храмчихин А.А. (*Храмчихин А. Почему востребованы универсальные солдаты* // *Независимое военное обозрение*. 2010. 22 января). Кроме того, вопросы классификации ЧВК, исторические, международно-политические и другие аспекты деятельности ЧВК подробно освещаются в работах следующих авторов: Валецкий О.В. (*Валецкий О.В. Новая стратегия США и НАТО в войнах в Югославии, Ираке, Афганистане и её влияние на развитие зарубежных систем вооружения и боеприпасов*. М.: Арктика 4Д, 2008. 360 с.; Валецкий О.В., Неёлов В.М. *Особенности партизанских*

и противопартизанских действий в ходе Иракской войны (2003–2011). М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2015. 120 с.), Коновалов И. П. (Коновалов И. П. Солдаты удачи и воины корпораций. История современного наёмничества. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2015. 216 с.; Коновалов И. П., Валецкий О. В. Эволюция частных военных компаний. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. 138 с.), Новикова Д. О. (Новикова Д. О. Проблемы использования частных военно-охранных компаний при проведении военных операций США // Вестник МГИМО–Университета. 2010. № 3 (12). С. 89–96), Сафранчук И. А. (Сафранчук И. А. Частные силовые компании: классификация и генезис // Вестник Академии военных наук. 2014. № 4 (49). С. 9–14), Уваров Н. М. (Уваров Н. М. Частный бизнес на службе военных ведомств. По опыту основных зарубежных стран. М.: Едиториал УРСС, 2009. 48 с.).

Теоретические основания исследования. Проблема изменения облика современной войны, одним из отличительных признаков которой является возрастающая роль негосударственных участников ведения боевых действий, рассматривается в работах современных зарубежных и российских специалистов в области стратегических исследований. Процесс развития рынка частных военных услуг и возникновение самого феномена «приватизации войны» происходили одновременно с реформированием системы комплектования вооружённых сил передовых в военном отношении западных государств, что напрямую связано с наблюдавшимися тенденциями в социально-экономической, политической, демографической и других сферах, а также с развитием технологий.

Концепция технологического детерминизма использовалась в статье для обоснования ряда выводов, касающихся перспектив использования частных военной компаний. Научно-технический прогресс, сложность и высокая стоимость современной военной техники предъявляют к солдату гораздо более высокие требования, чем раньше, что является одной из причин, оказавших влияние не только на изменение способов комплектования вооружённых сил, но и на повышение спроса на услуги ЧВК в разных сферах: от обучения военного персонала до обслуживания технически сложных систем (например, БПЛА). Вместе с тем объяснить происходящие процессы одним лишь развитием технологий нельзя, а потому в настоящей статье они рассматриваются в комплексе со взаимосвязанными социально-экономическими, военно-политическими, международно-политическими и другими факторами. Подобный подход развивается коллективом авторов Санкт-Петербургского государственного университета, и именно на их работах основывается данное исследование [2. Власов, 2013].

В ходе проведения исследования необходимо было определиться с терминологическим аппаратом и классификацией деятельности частных военных компаний. Поскольку единого мнения на этот счёт ни в отечественных, ни в зарубежных исследованиях не существует, нами были проанализированы существующие подходы и определения понятий, касающихся ЧВК. Строго говоря, терминов, которые обозначают то, что в настоящей работе называется частными военными компаниями, можно встретить немало: это и собственно Частные военные компании, Частные военные и охранные компании, Частные военизированные компании, Частные военные подрядчики, Частные военные предприятия, Приватизированные военные фирмы, Частные военные подрядчики, Военные подрядчики, Частные силовые компании. В основном, эти термины являются калькой с английского языка.

В научной литературе существуют разные подходы к определению того, что представляют собой частные военные компании. В зависимости от документа или работы может использоваться как термин «частная военная компания», так и «частная военная и охранный компания». В одном из последних изданий, посвящённых военно-политической проблематике — словаре «Война и мир в терминах и определениях» под редакцией Д. О. Rogozina — интересующее нас определение даётся именно для термина «частные военные компании» [3. Война и мир в терминах, 2011].

Главной выявленной закономерностью при использовании терминологии, можно считать то, что в работах, посвящённых правовым вопросам рассматриваемой темы, употребляется в основном понятие «частные военные и охранные компании», а затрагивающих политические, исторические или экономические вопросы работах, авторы подбирают разнообразные термины. Термин «частная военная компания» в этом смысле можно считать нейтральным. Кроме того, как показывает анализ отечественных публикаций, посвящённых интересующей нас проблеме, среди российских исследователей, не занимающихся исключительно правовыми вопросами деятельности и статуса ЧВК, в большей степени закрепился именно термин «частные военные компании». Его мы и употребляем в нашей работе.

Исследование: основная часть. Отношение к такому явлению, как использование государством ЧВК, довольно неоднозначно. Оно варьируется от утверждений о том, что происходящие изменения в военной сфере будут способствовать сохранению тенденции расширения использования государствами ЧВК, и нет смысла опасаться или препятствовать объективным процессам, до опасений, связанных с тем, что ЧВК и их сотрудники, по существу, представляют собой наёмников, а новое наёмничество приведёт лишь к хаосу в сфере применения военной силы и к дестабилизации суще-

ствующей системы международных отношений. Такая полярная реакция связана во многом с тем, что даже среди экспертов нет чёткого понимания, чем частные военные компании отличаются от наёмников в традиционном понимании этого слова. Всё это является следствием влияния ряда факторов, о которых и идёт речь в настоящей работе.

Монополия государства на применение военной силы в исторической ретроспективе — явление относительно недолговременное. Негосударственные участники (акторы) ведения боевых действий играли серьёзную роль в войнах разных исторических периодов, однако, начиная примерно с античного периода Древней Греции и Рима, тактика ведения иррегулярных военных действий (равно как и целенаправленное использование их негосударственных участников) становилась всё менее востребованной [1. Арзуманян, 2015, с.12–20]. При этом наёмники в большей или меньшей степени продолжали играть важную роль и во времена противостояния Рима с Карфагеном, и во времена заката Римской Империи, и в эпоху Средневековья. Это объясняется, главным образом, двумя важнейшими преимуществами наёмных воинов: профессионализм закалённых в битвах бойцов и возможность набрать их в необходимых количествах в нужный момент. Никуда не исчезли наёмники и после 1648 года, когда был заключён Вестфальский мир, по существу, предусматривавший монопольное право государства на применение военной силы, ни после Французской революции, когда наёмничество впервые было запрещено в конкретной стране.

Определённые изменения произошли в XIX веке, когда в ходе формирования национальных государств произошёл отказ от услуг наёмников и переход к использованию в войнах национальных армий. Очевидно, что наёмники не исчезали и в период монополии государства на военную силу, однако на протяжении почти двух веков их деятельность была малозаметной, а с оформлением международно-правового регулирования, разработкой соответствующих законов и конвенций стала преступной в юридическом отношении. При этом некоторые государства продолжали изыскивать способы использования наёмной силы для военных нужд. Наиболее характерным в этом отношении является пример Франции, создавшей в 1831 году Иностраннный легион: опыт, который следует признать эффективным.

В исследованиях некоторых авторов рассматриваются этапы становления и развития ЧВК и рынка услуг частного военного бизнеса. Так, например, И. А. Сафранчук выделяет 3 этапа, прослеживая генезис современного феномена частной силы до середины XX века [7. Сафранчук, 2014, с. 9–14]. Вместе с тем активная экспансия коммерческих структур в военную сфе-

ру, которая привела к формированию зависимости государств от услуг частных подрядчиков, произошла на рубеже 80-х — 90-х годов XX века. Международные процессы, а также внутренние преобразования в странах Запада способствовали формированию и развитию рынка ЧВК в указанный период. Кризис Ялтинско-Потсдамской системы, окончание Холодной войны, очередной виток либеральных преобразований в западных государствах, трансформации в социальной, политической и других сферах сопровождались серьёзными изменениями в сфере военной политики многих стран мира. Сокращение военных бюджетов и армий в условиях растущих угроз и изменения их природы стали одними из многих факторов, сделавших возможным превращение ЧВК из инструмента для проведения специальных операций в неотъемлемую часть военной стратегии ряда стран. Именно в этот период термин «приватизация войны» появился в публикациях специалистов по международным отношениям, международному праву и стратегическим исследованиям, а наименования многих ЧВК стали своеобразными символами происходящих изменений.

На сегодняшний день уровни регулирования деятельности и статуса ЧВК можно разделить на: глобальный международный; региональный; национальный; внутренний уровень самих компаний. Однако степень развития законодательства на каждом из этих уровней нельзя признать соответствующей той роли, которую играют ЧВК в современных вооружённых конфликтах. Так, в отличие от законодательства, посвящённого вопросам наёмничества, на международном уровне в вопросах деятельности ЧВК по-прежнему не существует чётких норм, которые бы обязывали государства тем или иным образом регулировать деятельность этих структур. На площадках ООН идёт активное обсуждение и изучение проблем, возникающих в связи с функционированием ЧВК, однако это до сих пор не дало существенных законодательных результатов.

Наиболее известным международным документом, который, однако, не носит обязательный характер [4. Волеводз, 2010, с. 78–88], является так называемый «Документ Монтрё». Он явился следствием «инициативы, совместно выдвинутой правительством Швейцарии и Международным комитетом Красного Креста» [5. Документ Монтрё, с. 3]. Интересно, что документ не только не является юридически обязательным, но и в принципе не создаёт каких-либо новых международно-правовых норм, так как «имеет своей целью напомнить о некоторых существующих международно-правовых обязательствах государств», а положения документа «заимствованы из различных международных соглашений, <...>, а также из обычного международного права» [5. Документ Монтрё, с. 7]. Таким образом, Документ только поднимает и ак-

туализирует проблему, не пытаясь её решить. Важно отметить тот факт, что непосредственное участие в его разработке принимали эксперты из 17 стран. Анализ списка этих государств позволяет понять, что главными интересантами появления документа являлись страны, в которых деятельность ЧВК наиболее развита и является серьёзным бизнесом (США, Великобритания), а также государства, на территории которых эти компании — собственные или иностранные — активно действуют ЧВК (Афганистан, Ирак, Сьерра-Леоне). Несмотря на этот факт, а также на то, что документ подписали лишь те же разрабатывавшие его государства, можно считать создание этого документа важным шагом на пути к законодательному определению и закреплению статуса ЧВК.

На региональном уровне правовыми вопросами функционирования ЧВК занимается Совет Европы. Парламентская ассамблея в 2009 году высказала опасения по поводу «размывания» монополии государства на применение силы [11. Private military and security firms, 2009]. Однако и она дальше рекомендаций общего характера пока не пошла.

Сами ЧВК имеют внутренние документы, регулирующие их деятельность. Они основываются на Международном кодексе поведения частных охранных компаний, разработанном в 2010 году [10. International Code of Conduct, 2010]. Этот документ не является уникальным, так как, по существу, лишь повторяет рекомендации, изложенные в документе Монтрё. Однако значение этого документа не стоит преуменьшать — он важен для создания первичной правовой базы и добровольного развития культуры у самих ЧВК, что в перспективе позволит выработать более эффективные способы регулирования их деятельности.

Сотрудником ЧВК может являться как гражданин государства, в котором зарегистрирована данная организация, так и гражданин государства, на территории которого осуществляется деятельность конкретной ЧВК, если этот гражданин заключил с компанией соответствующий договор. Кроме того, к сотрудникам ЧВК относятся граждане иных стран, также заключившие договор с компанией-нанимателем.

Ни на международном, ни на региональном уровне на сегодняшний день не создано действенных правовых механизмов для определения статуса ЧВК и их сотрудников. Отсутствие действенных механизмов на всех уровнях порождает неурегулированность статуса сотрудников ЧВК как комбатантов или некомбатантов. Это в свою очередь порождает ряд проблем, которые наиболее ярко проявились в ходе войн в Афганистане и Ираке.

Далеко не каждому понятно отличие сотрудников ЧВК от наёмников. Это вызывает в обществе двоякую реакцию: с одной стороны, погибший на войне сотрудник ЧВК — это не то же, что отдавший свою жизнь за

страну солдат национальной армии, с другой — наёмничество в представлении многих является сугубо негативным явлением. Упомянутый выше правовой вакуум вызывает определённую реакцию политиков, военных деятелей и общественного мнения.

Систематизация ЧВК в зависимости от рода деятельности иллюстрирует широту спектра выполняемых ими функций и отличия статуса сотрудников ЧВК как участников ведения боевых действий. Первоисточником используемой многими российскими исследователями [6. Крашенинникова, 2008] и уже ставшей классической классификации является работа американского исследователя П. Сингера [12. Singer, 2007]. Приведённая ниже, она является переводом автора настоящей статьи. Итак, по Сингеру, ЧВК делятся на: 1. Военные компании-поставщики/компании-провайдеры (англ. — *military provider companies*); 2. Военные консалтинговые компании (англ. — *military consulting companies*); 3. Военные обеспечивающие компании (англ. — *military support companies*).

Военные компании-поставщики/компании-провайдеры — в качестве главной задачи обеспечивают поставку профессиональных военных специалистов для решения военных (в том числе, боевых) задач. Это может быть, как охрана объектов и лиц, так и непосредственное участие в конфликтах. Подобными специалистами могут являться военные лётчики, отставные сотрудники спецслужб, офицеры или бывшие рядовые военные. Наиболее известными предприятиями этой сферы деятельности в разное время являлись: «Экзекутив Ауткамс» (ЮАР); «Сэндлайн Интернейшенел» (Великобритания); «ДинКорп» (США) и другие. Компании этого типа наиболее трудно отличить от наёмников в традиционном понимании этого слова (8. Уваров, с.10)]. Они зачастую балансируют на грани международного и внутреннего законодательства. Исключение составляют охранные предприятия, вопросов по статусу которых значительно меньше.

Консалтинговые компании, как следует из определения, специализируются на военном консультировании, что подразумевает под собой помощь в разработке планов на стратегическом и оперативном уровнях (в том числе, планирование конкретных операций), разработку доктрин, концепций, проведение специальной подготовки бойцов и специалистов. По существу, частные консалтинговые военные компании мало отличаются от гражданских. Главное отличие — специфика деятельности. Они лишь предоставляют информацию — окончательное решение, следовательно, и основная ответственность всегда остаётся за заказчиком [9. Grant, p. 27–28]. В этом их отличие от компаний-поставщиков военных специалистов. Зачастую консалтинговые военные компании используются в качестве военных советников, но непосредственно в боевых

действиях не участвуют. После удачно проведённой в августе 1995 года операции по захвату Сербской Краины хорватскими войсками американская компания «МПРИ» стала самой известной среди консалтинговых.

Обеспечивающие компании вызывают у специалистов меньше всего вопросов по их статусу. При этом их доля среди всех ЧВК значительно выше, чем компаний-поставщиков и консалтинговых фирм. Эти предприятия занимаются комплексным тыловым и техническим обеспечением, предоставлением транспортных (транспортный аутсорсинг) и некоторых других услуг. Одной из наиболее успешных компаний этого типа можно считать «Кэллог Браун энд Рут».

В зависимости от категории, к которой относятся ЧВК, они могут оказывать следующие услуги: 1. Охрана и обеспечение безопасности объектов, конвоирование; 2. Охрана важных персон; 3. Набор и подготовка личного состава, обучение; 4. Услуги переводчиков; 5. Гуманитарное разминирование; 6. Тыловое снабжение задействованных в военной операции войск; 7. Защита от пиратов. Кроме того, ЧВК могут обеспечивать противопожарную защиту, предоставлять услуги в части разведки и аналитической информации, обслуживании особо сложной техники и выполнять некоторые другие функции.

Анализ результатов. Можно констатировать, что уже в начале XXI века ЧВК, которые зародились как инструмент, использовавшийся государствами, главным образом, для проведения специальных операций, стали неотъемлемой частью современных вооружённых конфликтов. ЧВК оказывают широкий спектр услуг, связанных с работой в условиях вооружённых конфликтов, а их заказчиками выступают как сильные, так и слабые государства, международные организации, а также бизнес.

На сегодняшний день сохраняется тенденция расширения рынка частных военных услуг и рост зависимости государств от привлекаемых ими коммерческих структур. При этом до сих пор не только не удалось сформировать эффективных международно-правовых инструментов для регулирования данной сферы, но и даже однозначно определить статус сотрудников ЧВК, осуществляющих ту или иную деятельность в условиях вооружённых конфликтов.

Вместе с тем нестабильность системы международных отношений, увеличивающееся количество угроз и конфликтов в целом, вынуждает западные страны постепенно отказываться от политики сокращения оборонных бюджетов и перейти к поэтапному увеличению численности вооружённых сил. На сегодняшний день это происходит параллельно с сохранением процессов, которые были названы «приватизацией войны». Привлекательность частных структур для решения конкретных

задач «по запросу» вновь сменяется необходимостью поддерживать боеспособность вооружённых сил. Этому, в частности, способствует ситуация на Ближнем Востоке, а также продолжающийся конфликт между Западом и Российской Федерацией.

Заключение. Достоверно спрогнозировать дальнейшее соотношение функций, выполняемых государствами и их вооружёнными силами и потребностей в привлечении ими коммерческих структур, не представляется возможным. Можно, однако, предположить, что государства в той или иной степени продолжат прибегать к услугам ЧВК, но по мере восстановления потенциала вооружённых сил, потерянного за десятилетия сокращений западными странами бюджетов и численности собственных армий, их спектр будет постепенно снижаться. Это может способствовать упорядочиванию рынка ЧВК, а также развитию международно-правовых механизмов регулирования деятельности ЧВК, что, в итоге, пойдёт на пользу всем участникам процесса. Кроме того, указанные изменения касаются, главным образом, западных стран, которые являются лишь одним из источников доходов ЧВК, следовательно, в случае реализации данного сценария рынок частных военных услуг сохранится, поскольку заказчиками для ЧВК выступают не только государства, но и крупный бизнес. Следует также отметить, что продолжающийся переход современных армий к использованию высокотехнологичных систем вооружений обуславливает сохраняющуюся зависимость от гражданских специалистов, выполняющих задачи по обслуживанию новейших образцов техники и обучению военного персонала. Учитывая особенности выстроенной системы, можно утверждать, что кардинальных изменений в этой области не произойдет.

Литература/ References

1. Арзуманян Р.В. Стратегия иррегулярной войны: теория и практика применения. М.: АНО ЦСОиП, 2015, 334 с. [Arzumanjan R.V. Strategija irreguljarnoj vojny: teorija i praktika primenenija. M.: ANO CSOip, 2015, 334 s.]
2. Власов Н.А., Малыгина А.А., Павлов А.Ю. Мысль и меч: эволюция оборонной политики стран Западной Европы и развитие военных технологий во второй половине XX — начале XXI вв. М.: Издательство МБА, 2013, 248 с. [Vlasov N.A., Malygina A.A., Pavlov A.Ju. Mysl' i mech: jevoljucija oboronnoj politiki stran Zapadnoj Evropy i razvitie voennyh tehnologij vo vtoroj polovine XX — nachale XXI vv. M.: Izdatel'stvo MBA, 2013, 248 s.]
3. Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь / Под ред. Д. О. Рогозина. М.: Вече, 2011, 640 с. [Vojna i mir v terminah i opredelenijah. Voенно-politicheskij slovar' / Pod red. D.O. Rogozina. M.: Veche, 2011, 640 s.]

4. Волеводз А. Г. Проблемы, принципы и перспективы регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 3 (12). С. 78–88. [Volevodz A. G. Problemy, principy i perspektivy regulirovanija dejatel'nosti chastnyh voennyh i ohrannyh predpriyatij // Vestnik MGIMO Universiteta. 2010. № 3 (12). S. 78–88.]
5. Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта. 2008. [Dokument Montrjo o sootvetstvujushhijh mezhdunarodno-pravovyh objzatel'stvah i peredovyh prakticheskijh metodah gosudarstv, kasajushhihsja funkcionirovanija chastnyh voennyh i ohrannyh kompanij v period vooruzhennogo konflikta. 2008.] URL.: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/ihl-montreau.htm> (дата обращения: 10.02. 2017)
6. Крашенинникова В. Ю. Война на аутсорсинге // Россия в глобальной политике. 2008. №1 [Krashenninnikova V.Ju. Vojna na autsorsinge // Rossija v global'noj politike. 2008. №1]
7. Сафранчук И. А. Частные силовые компании: классификация и генезис // Вестник Академии военных наук. 2014. №4 (49). С. 9–14 [Safranchuk I. A. Chastnye silovye kompanii: klassifikacija i genezis // Vestnik Akademii voennyh nauk. 2014. №4 (49). S. 9–14]
8. Уваров Н. М. Частный бизнес на службе военных ведомств. По опыту основных зарубежных стран. М.: Едиториал УРСС, 2009. 48 с. [Uvarov N. M. Chastnyj biznes na sluzhbe voennyh vedomstv. Po opytu osnovnyh zarubezhnyh stran. M.: Editorial URSS, 2009. 48 s.]
9. Grant B. U. S. Military Expertise For Sale: Private Military Consultants As a Tool Of Foreign Policy // U. S. Army War College. 1998. 33 p. <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a344357.pdf> (дата обращения: 02.02. 2017)
10. International Code of Conduct for Private Security Service Providers. URL.: https://www.icoca.ch/sites/all/themes/icoca/assets/icoc_english3.pdf (дата обращения: 03.02.2017)
11. Private military and security firms and the erosion of the state monopoly on the use of force: Recommendation 1858 (2009) URL.: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17711&lang=en> (дата обращения: 05.02.2017)
12. Singer P.W. Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry. N.Y.: Cornell University Press, 2007, 360 p.

PRIVATE MILITARY COMPANIES AND «PRIVATIZATION OF WAR»

Neelov V.

Abstract. *Currently the increasing role of non-state actors in modern warfare has been being noted by the researchers. The private military companies*

are one of the tools used by the western states in the armed conflicts of different types and intensity. The extensive involvement of the private military companies (PMC's) in the ongoing processes and the growth of private military service market allowed the researchers to talk about the emergence of such a phenomenon as «privatization of warfare» or «privatization of war». Since 2012 the question of appropriateness of adopting a law regulating the activities of private military companies has been also being discussed by the senior military and political leaders of the Russian Federation. In 2014 in connection with the outbreak of the armed conflict in the southeast Ukraine started a public discussion and development of the next draft law on PMC's. At the same time during such discussions is ignored consideration of theoretical and legal issues, without which it is impossible not only conducting of full scientific discussion, but also consideration of this topic by the legislators aiming the possible adoption of a law on private military companies. The absence of the effective mechanisms for international legal regulation of PMC's activities creates a large number of problems and threats, which in the long term could further destabilize the international relations system. However, the advantages of the use PMC's in overseas operations make them an indispensable tool of the state in solving a number of problems, and, consequently, in the foreseeable future the tendency of engagement the commercial structures to the military sphere will continue. In this article the author made an attempt to look into a number of problems that are important for understanding the essence, as well as the conceptual and legal basis for the use of private military companies.

Key words: *private military companies (PMC's), state and non-state actors in modern warfare, international security, character of war and methods of warfare, privatization of war.*

Информация об авторе

Неёлов Владимир Михайлович

аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: wneelov@gmail.com

Vladimir M. Neelov

postgraduate student, Saint-Petersburg State University, School of international relations

E-mail: wneelov@gmail.com

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ КОНФЛИКТОВ И ТЕОРИИ «СПРАВЕДЛИВЫХ» ВОЙН

А. И. НИКИТИН

Аннотация: *Статья анализирует различные методологические подходы, как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе к классификации и типологизации, а также определению понятий «вооруженный конфликт» и «война». Рассматриваются попытки дать определение войн с применением количественных характеристик жертв и потерь. Выявляются основные группы теорий и концепций так называемых «справедливых» войн. Различаются традиционные раковки «международных (межгосударственных) конфликтов» и конфликтов немеждународных, среди которых выделяются гражданские войны, внутренняя социальная дестабилизация, конфликты с участие негосударственных акторов (оппозиционных движений, сепаратистских сил и пр.). Разграничиваются идеологически мотивированные и религиозные конфликты и войны. Рассматриваются основные международно-правовые характеристики конфликтов и войн, закрепленные в Женевских конвенциях и протоколах к ним. Делаются выводы о недопустимости ряда типов обоснования «справедливости» вооруженного насилия, которые противоречат международному праву, даже если такое насилие совершается «от имени» международного сообщества в формате операций ООН по силовому установлению мира.*

Ключевые слова: *Конфликт, вооруженный конфликт, война, вооруженное насилие, интересы социальные, справедливые войны, вмешательство.*

Введение. Вопросы изучения, определения и типологизации (классификации) конфликтов и войн рассматриваются в научном сообществе разных стран на протяжении многих столетий. Однако последнее столетие внесло существенные изменения в понимание конфликтов и войн. Если в строгом правовом смысле разделить конфликты на *международные* и *немеждународные* (к последним относятся конфликты, произошедшие внутри государств и наций, а также такие, в которых лишь одна из сторон является государством, либо все стороны есть негосударственные акто-

ры), то можно констатировать тенденцию ко все большему преобладанию немеждународных конфликтов. В то же время, по мере глобализации социальных процессов, все больше конфликтов межэтнического, социального, экономического характера, в том числе внутри государств, получают международное измерение: они влияют на стабильность/нестабильность международной среды, вызывают реакцию со стороны других субъектов международных отношений, а также являются объектом вмешательства со стороны держав и международных организаций.

Теоретические основания исследования. Настоящее исследование основывается на трактовке конфликтов и войн в русле теории политического реализма с элементами структурного функционализма. Методологически конфликты и войны возводятся к структурному противостоянию интересов социальных субъектов, в то время как социальные интересы трактуются как нацеленность социального субъекта (государства, политической сил, социальной группы) на предмет или действия. способные удовлетворить социальные потребности данного субъекта. При этом автор исходит из функциональности конфликтов и войн как специфических движущих сил политического процесса, которые являются не «отклонениями» от нормального протекания политического процесса, а вполне рядовой формой реализации политики.

Война в самом общем плане трактуется как критическая стадия реализации противоречий между политическими субъектами (прежде всего государствами и союзами государств) в форме насильственной вооруженной борьбы⁹.

М. Хардт и А. Негри отмечают, что «традиционно под войной понимался вооруженный конфликт между суверенными политическими акторами, то есть, для современного периода, национальными государствами (nation-states)» [Hardt, Negri, 2005, p. 3].

Однако на состоявшемся в 2010 году Гаагском конгрессе всемирной Ассоциации Международного права возобладала точка зрения (хотя она разделяется не всеми), что в современных условиях грамотнее всякое употребление понятия «война» в отношении современных ситуаций заменить более широким понятием «вооруженный конфликт», которое является более универсальным.

Исследование: основная часть. Рассмотрение конфликтов и войн как специфических движущих сил мирового политического процесса

⁹ Панорамный обзор определений войны содержится в работе: Никитин А. И. Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование. М.: Аспект-Пресс, 2017. 387 с.

важно с точки зрения международного права, поскольку позволяет применить к ситуации основные положения международного гуманитарного права (МГП), в котором к понятию «вооруженный конфликт» привязано много уже кодифицированных в праве положений: в частности, об освобождении сторон вооруженной борьбы от некоторых обязательств в области прав человека и возникновении обязательств в отношении прав военнопленных, о возникновении обязанности государств обеспечить убежище для беженцев и жертв вооруженных конфликтов, о возможности провозглашения нейтральности государств, не желающих вступать в конфликт, об особых правах и обязанностях ООН, возникающих в случае вооруженного конфликта. Как известно, многие положения «законов и обычаев войны» изложены и закреплены в Женевских конвенциях, Протоколах к ним и связанных с ними международных соглашениях.

Творчески подошли к вопросу систематизации конфликтов О. Рамсботам, Т. Вудхауз и Х. Майол в труде «Современное разрешение конфликтов»¹⁰: они предлагают отказаться от «горизонтальной» современной аналитической типологии и найти исторические корни разных «поколений» (или «парадигм») конфликтов. Некоторые из современных конфликтов являются проекцией противоречий из периода распада колоний и деколонизации, другие — из итогов первой, а иные — второй мировых войн. Ясно видна группа конфликтов, порожденная в результате распада Советского Союза. А есть конфликты, восходящие к периоду «арабской весны».

При этом авторы предлагают переосмыслить, «во что трансформировались» сегодня многочисленные конфликты времен деколонизации, поскольку эпоха деколонизации прошла и нужны новые понимания и определения. Объединяя типологии Холсти и Зингера, О. Рамсботам и его коллеги предлагают выделить в категории немеждународных конфликтов две группы: конфликты вокруг революций / идеологий (включая религию) и конфликты вокруг идентичности / сепаратизма. Это частично соответствует принятому в рамках проекта Уппсальского университета (Швеция) делению на конфликты вокруг «политического управления (правительства)» и вокруг «территориальных проблем».

В работе «Разрешение международных конфликтов после „холодной войны“» П. Штерн и Д. Дракман отмечают, что поистине «революционным» стало изменение в понимании и определении понятия «международный конфликт», которое распространилось в период вслед за

¹⁰ Ramsbotham O., Woodhouse T, Miall H. Contemporary Conflict Resolution. Cambridge: Polity, 2011. 507 p.

окончанием «холодной войны». Повсеместным стало признание, что международным конфликтом будет угроза миру и безопасности, которая создается вне и без вооруженной борьбы двух сторон, но в случае нарушения внутри какого-либо государства универсальных норм в области прав человека, самоопределения народов, демократического управления. В результате многие конфликты внутри государств стали трактоваться как международные или, по крайней мере, «интернационализированные», то есть требующие внешнего международного вмешательства [International Conflict Resolution After the Cold War, 2000, p. 2]. В результате сложились три новые, ранее малоиспользуемые стратегии разрешения международных конфликтов. Первую из них можно назвать «трансформацией конфликта». Такой трансформации можно достичь путем переосмысления и иного определения сторонами собственных интересов, либо нахождением общей почвы для компромиссного решения. Например, после распада Советского Союза и эрозии коммунистической идеологии (переосмысление собственных интересов) оказалось, что многие прежние геополитические конфликты утратили значимость либо и вовсе превратились в области сотрудничества. Вторая стратегия — «структурное предотвращение». Она предполагает создание организационных структур или институционализированных систем соглашений (например, Хельсинские соглашения), которые позволяют создать ненасильственные механизмы взаимодействия, новые каналы коммуникации, диалога сторон и уйти от конфронтации. При этом структурное предотвращение конфликтов — более глубокое понятие, чем простое функциональное предотвращение кризисного всплеска в эволюции конфликта — структурное предотвращение кардинально меняет взаимоотношения сторон и снимает конфликт. Наконец, третья стратегия — это стратегия «нормативных перемен». Она представляет собой развитие формальных принципов и неформальных практик, которые создают новый контекст для управления конфликтом. Возникают нормы, требующие от государств избегать насильственного конфликта (например, Парижская хартия ОБСЕ, Стокгольмский арсенал мер доверия). Хотя определенные нормы отношений государств действовали и в период «холодной войны», именно после ее окончания возникли нормы, которые требуют от международного сообщества обеспечить мирное регулирование или предотвращение конфликтов не только между государствами, но и *внутри* других государств [International Conflict Resolution After the Cold War, 2000, p. 7].

Интересна попытка исследовательского проекта из шведского Университета Уппсала дать количественный критерий вооруженного

конфликта: «Вооруженный конфликт есть несовместимость интересов сторон в отношении территории или характера правления, при которой обе или одна из сторон является правительством или государством, и в результате которой присходит гибель от применения вооруженных сил по крайней мере 25 или более человек» [Chelimo, 2011].

Следует особо отметить четыре международных проекта по системному изучению вооруженных конфликтов. Первый из них — Программа сбора данных о конфликтах Уппсальского университета (Швеция). Данные о конфликтах регулярно публикуются в ежегодных обзорах «Состояние вооруженных конфликтов» (State of Armed Conflicts). Данный проект взаимосвязан со столь же регулярно выходящим Ежегодником Стокгольмского института по исследованию проблем мира (СИПРИ)¹¹. Данный Ежегодник, содержащий подробное и системное описание развития событий в течение каждого года практически во всех происходящих на разных континентах вооруженных конфликтах, переводится на русский язык и с комментариями издается Институтом мировой экономики и международных отношений Российской Академии наук (ИМЭМО РАН). Второй крупный проект — это проект «Причины войн» Гамбургского университета (ФРГ), который много лет ведет сбор данных о локальных войнах и конфликтах, произошедших с 1945 года. Третий же проект — его вел Мичиганский университет в Анн-Арборе (США) — систематизировал информацию о войнах на планете с 1816 года. Проект носит название «Параметры войны» (Correlates of War). После 2002 года этот проект был перенесен в Университет Пенсильвании (США). Наконец, четвертый проект имеет центр в Брюсселе (Бельгия) — это проект Международной группы по изучению кризисов (International Crisis Group — ICG). Группа из нескольких десятков ученых и сотрудников собирает и систематизирует информацию о международных кризисах, конфликтах и войнах на всех континентах, имеет собственных представителей и наблюдателей во многих конфликтных регионах, издает систематические обзоры конфликтов на английском, русском и других языках.

В России следует отметить базу исследований о войнах и электронный сайт Военно-исторического общества. Также с 2015 года к электронным источникам информации о войнах и конфликтах добавился созданный Центром политических и международных исследований сайт

¹¹ “State of Armed Conflicts” by Uppsala Conflict Data Program; SIPRI Yearbook. Armaments, Disarmament and International Security, published annually by Oxford University Press.

«Российская цивилизация в пространстве, времени и мировом контексте», который содержит обширный раздел «Войны и конфликты», системно представляющий документы и аналитическую информацию по современным войнам и конфликтам как на пост-советском пространстве, так и в мире в целом¹².

В истории человечества было немало попыток оправдать войну и применение организованного насилия. Различные теории справедливых войн выдвигались в контексте разных методологических традиций и разных идеологических систем. Классическими примерами являются памфлеты идеологов Великой французской революции (якобинский террор и др.), европейских революций 1848–1849 гг., а также трактовки Американской революции — войны за независимость Северо-американских Соединенных Штатов в работах Т. Джефферсона, А. Гамильтона и др.

В двадцатом столетии тремя наиболее заметными и практически примененными группами теорий справедливых войн стали, во-первых, большевистские (и как их ответвление — троцкистские) обоснования справедливости революционных войн (их можно найти как в ранней советской, так и маоистской идеологиях); во-вторых — нацистские теории «войн за жизненное пространство»; в-третьих, теории справедливых антиколониальных войн, получившие развитие в период массовой деколонизации 1950–1960-х годов.

Определенная группа обоснований «справедливого насилия» связана с теориями революций и «революционного насилия», даже «революционного террора». Революции представляют собой радикальное сущностное изменение общественно-политического и социально-экономического устройства общества. Революционные силы обычно отстаивают тезис о своих «особых» правах на насилие, мотивированных «исторической прогрессивностью» новой политической силы или класса, который не может установить новый, более «счастливый» строй без насильственной ломки старого и принудительного оттеснения (ликвидации) сторонников прежнего режима.

Существует также обширная группа концепций религиозной исключительности, «справедливых» войн «за веру». Разные религии обосновывают оправданность «крестовых» походов» (христианство), «джихада» (ислам), призванных утвердить «истинную» веру и потеснить, наказать «неверных» — представителей других религий или сект.

¹² Российская цивилизация в пространстве, времени и мировом контексте. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ros-mir.ru> (дата обращения 09.03.2016).

Принципы справедливой войны можно в систематизированном виде найти у четырех теоретиков. Джеймс Тернер Джонсон относит к таким принципам следующие [Toner, 2010, p. 82]:

- Соответствие средств целям;
- Нацеленность на мир в конечном счете;
- Справедливая причина;
- Верные намерения;
- Верное властное или правовое основание насилия.

Энтони Хартл включает в принципы справедливой войны «исчерпанность мирных ресурсов» для разрешения конфликта и также подчеркивает «пропорциональность» применяемых средств провозглашенным целям войны. Томас Хурка добавляет принцип «обоснованной надежды на победу и успех», которые могут означать историческое превосходство целей, ради которых данной стороной ведется война. Брайан Оренд, вводя в несколько иных формулировках те же принципы справедливых причин и исчерпанности попыток мирного разрешения, добавляет, что помимо «правильной (правовой) обоснованности» насилия необходимо публичное объявление войны и публичное понимание и поддержка общественностью ее целей.

По мере глобализации и становления в XX столетии понятия «мировое сообщество», институционализации сначала Лиги наций, затем Организации Объединенных Наций и многочисленных региональных межгосударственных объединений появилась новая группа концептуальных обоснований «справедливого» силового вмешательства в дела отдельных государств со стороны (и от имени) мирового сообщества. Не всякая миротворческая деятельность человечества носит силовой принудительный характер — основная часть миротворческой деятельности представляет собой применение мирных форм (посредничества и др.) Однако осуществляемые от имени международного сообщества (а иногда от имени коалиций государств) операции принудительного (силового) характера в отношении отдельных государств и режимов получили теоретическое обоснование, во многом схожее с теориями «справедливого насилия». В них также подчеркивается особый исключительный характер (и права) международного сообщества как субъекта насилия, справедливая причина и верные намерения, легитимный характер (в соответствии со сложившимся международным правом) институционализированных правовых оснований насилия (в частности, резолюций СБ ООН).

Анализ результатов. Суммируя различные подходы, можно сказать, что *справедливыми* разные авторы и политики называют войны, происходящие по решению или политической воле «правильной» власти

(инстанции, организации), по «справедливой причине» (то есть ради установления справедливости), когда применение вооруженного насилия происходит с «благородными» или «правильными» намерениями, а также случаи, когда применением военных средств можно предотвратить еще большее зло.

Сформировав Устав ООН как свод правил международного общения, международное сообщество установило, что справедливым будет признаваться применение вооруженного насилия в целях *самообороны* (статья 51 Устава ООН), а также в целях индивидуального или коллективного отражения агрессии (глава VII Устава ООН).

В соответствии с определением ООН «агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН»¹³.

Соответственно, справедливым (обоснованным) применением вооруженного насилия в современном мировом сообществе считается его применение для отражения агрессии и пресечения агрессии (в том числе коллективного). Отражение агрессии есть система ответных мер и действий государства (коалиции государств), направленных на срыв стратегических действий и планов агрессора, защиту населения, сохранение собственного военного потенциала и нанесение агрессору ответного удара. Пресечение агрессии есть применение военной силы против агрессора в сочетании с политико-дипломатическими и другими средствами для предотвращения его вооруженного нападения или прекращения развязанных им военных действий. Пресечение агрессии может коллективно осуществляться мировым сообществом в отношении государства-нарушителя или агрессивного негосударственного актора (политической силы).

Заключение. Несмотря на попытки подвести под определение «справедливых» разнотипные акты социального насилия, следует признать, что в современных условиях именно и только вооруженное насилие, осуществляемое от имени мирового сообщества в соответствии с положениями Главы VII Устава ООН (*операции по силовому установлению мира* или так называемые *политические миссии ООН*) по мандату (резолюциям) СБ ООН могут быть признаны относительно справедливой войной. Однако не могут быть отнесены к справедливым

¹³ UN Resolution № 3314, 14 December 1974. URL: [\(http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/3314\(%D0%A5%D0%A5%D0%A5\)\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/3314(%D0%A5%D0%A5%D0%A5)) (Accessed 09.03.2016).

войнам случаи проведения коалиционных операций или применения вооруженного насилия отдельной страной, если на данное применение вооруженного насилия отсутствует прямой мандат (политическое решение) Совета Безопасности ООН или такое применение по функциям и масштабам выходит за рамки имеющегося мандата СБ ООН.

Литература/ References

1. Никитин А. И. Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование. М.: Аспект-Пресс, 2017. 387 с
2. [Nikitin A. I. Mezhdunarodnye konflikty: vmeshatel'stvo, mirotvorchestvo, uregulirovanie. M.: Aspekt-Press, 2017. 387 s.]
3. UN Resolution № 3314, 14 December 1974. URL: [\(http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/3314\(%D0%A5%D0%A5%D0%A5%D0%A5\)\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/3314(%D0%A5%D0%A5%D0%A5%D0%A5)) (Accessed 09.03.2016).
4. Российская цивилизация в пространстве, времени и мировом контексте. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ros-mir.ru> (дата обращения 09.03.2016). [Rossijskaja civilizacija v prostranstve, vremeni i mirovom kontekste. URL: <http://www.ros-mir.ru> (Accessed 09.03.2016).]
5. Toner C. The Logical Structure of Just War Theory // The Journal of Ethics, 2010, №14 (2). P. 82.
6. Chelimo, G. Defining Armed Conflict in International Humanitarian Law. Electronic Journal, 2011, № 3(04). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inquiriesjournal.com/articles/508/defining-armed-conflict-in-international-humanitarian-law> (Accessed 12 Jul. 2016).
7. International Conflict Resolution After the Cold War / Edited by P. C. Stern and D. Druckman. Washington, DC: National Research Council, 2000. P. 2.
8. Hardt M, Negri A. Vultitude: War and Democracy in the Age of Empire. NY: Penguin, 2005. P. 3.
9. Nikitin, A.I., Loukas, M.A. Peace support in the new independent states: Different from the rest? // Peace Operations: Trends, Progress, and Prospects. Ed. by D. Daniel, P. Taft, S. Wiharta. Georgetown University Press, 2008. 288 p.
10. Ramsbotham O., Woodhouse T, Miall H. Contemporary Conflict Resolution. Cambridge: Polity, 2011. 507 p.

TYPOLOGY OF CONFLICTS AND THEORIES OF "JUST" WAR

Alexander Nikitin

Abstract: Article analyses various methodological approaches, both in Russian and international scientific literature, towards classification and typology, as well as definition of notions of "armed conflict" and "war". Attempts to define wars with specification of quantitative characteristics of victims and losses are

included. Main groups of theories and concepts of so called "just" or "fair" wars are specified. Author distincts traditional interpretations of "international (interstate) conflicts" from non-international conflicts. Among the latter civil wars, internal social destabilization, conflicts involving non-state actors (opposition movements, separatist forces, etc.) are districted. Ideologically motivated wars and religious conflicts and wars are included into typology. Main characteristics of conflicts and wars specified in Geneva Conventions and Protocols are considered. It is concluded that it would be inappropriate to apply description of "fair" or "just" character of armed violence in cases when international law is violated, even if such violence is applied on behalf of the international community in the format of the UN mandated peace enforcement.

Key words: Conflict, armed conflict, war, armed violence, social interests, just wars, intervention.

Информация об авторе

Никитин Александр Иванович

доктор полит. наук, профессор, директор Центра Евро-атлантической безопасности ИМИ МГИМО МИД России. E-mail: an@inno.mgimo.ru

Alexander Nikitin

PhD (political science), Professor, Director of the Center for Euro-Atlantic Security of the International Studies Institute, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

E-mail: an@inno.mgimo.ru

ПРИДНЕСТРОВСКИЙ КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

С. В. РАСТОЛЬЦЕВ

***Аннотация.** В работе анализируются актуальные тенденции развития переговорного процесса в приднестровском конфликте в контексте развертывания Украинского кризиса. Оценивается влияние конфронтации на Украине на ситуацию в Приднестровье в период 2014–2016 гг. Украинский кризис привел к крупному вооруженному конфликту в Европе и оказал значительное влияние на региональную и общеевропейскую безопасность. Среди них ситуация в Приднестровье, пожалуй, наиболее ощутимо испытала воздействие конфронтации на Украине. В свою очередь, неурегулированный Приднестровский конфликт повлиял на ситуацию на Украине в период после «Майдана», особенно с началом боевых действий на юго-востоке страны.*

Отмечается, что после обострения ситуации на Украине Приднестровье вступило в период системного кризиса, наиболее масштабного с момента возникновения непризнанной республики. В нем следует выделить три основных составляющих: военно-политическую, экономическую и переговорную. Следствием Украинского кризиса в военно-политической сфере стали эскалация военной напряженности и сближение позиций Украины и Молдавии в вопросе о приднестровском урегулировании, что привело к фактической блокаде российской военной группировки в Приднестровье, а также к сближению Киева и Кишинева с НАТО и США в сфере безопасности. В экономической сфере усилился процесс переориентации приднестровской экономики на развитие торговых связей с ЕС в контексте распространения на территорию Приднестровья положений углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли с ЕС, к которой Молдавия присоединилась в 2014 г. В области переговоров после начала кризиса на Украине процесс урегулирования приднестровского конфликта практически был практически остановлен и некоторые положительные сдвиги наметились лишь в 2016 г.

Делается вывод, что несмотря на системный кризис, непризнанная республика сохранила свою жизнеспособность и самостоятельность: вооруженный конфликт в Приднестровье не возобновился, экономические трудности отчасти удалось преодолеть благодаря сближению с ЕС, а переговорный процесс был возобновлен после двухлетнего перерыва. В то же время Украинский кризис привел к смене баланса в процессе урегулирования, что выражается в постепенном сокращении российского присутствия в Приднестровье и повышении влияния ЕС в регионе.

Ключевые слова: приднестровский конфликт, Украинский кризис, затяжные конфликты, постсоветское пространство

Введение. Украинский кризис привел к крупному вооруженному конфликту в Европе и оказал значительное влияние на региональную и общеевропейскую безопасность. За минувшие два года в тени событий на Украине остались другие нестабильные регионы постсоветского пространства, в том числе переживающие так называемые затяжные (или замороженные) конфликты, которые остаются неурегулированными на протяжении уже более двух десятилетий. Среди них ситуация в Приднестровье, пожалуй, наиболее ощутимо испытала воздействие конфронтации на Украине. В свою очередь, приднестровский конфликт повлиял на ситуацию на Украине в период после «Майдана», особенно с началом боевых действий на юго-востоке страны.

У приднестровского и украинского кризисов много общего, что дало возможность проводить ряд аналогий между ними, в частности, между Приднестровской Молдавской Республикой (ПМР) в Молдавии, с одной стороны, и Донецкой/Луганской народными республиками (ДНР/ЛНР) на Украине — с другой как сепаратистскими режимами, борющимися за самостоятельность от центра¹⁴. По мере того как затягивался конфликт на юго-востоке Украины, некоторые наблюдатели стали рассматривать

¹⁴ См., например: Кириллов Д., Дергачев В. Донбасс идет по пути Приднестровья // Газета.Ру. 2016. 21 февр. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2016/02/20_a_8085743.shtml (дата обращения: 20.02.2017); Москаль: После выборов в Донбассе Украина получит второе Приднестровье // Росбалт.RU. 2014. 2 нояб. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/ukraina/2014/11/02/1333927.html> (дата обращения: 20.02.2017); Дорош С. Что похожего между «ДНР/ЛНР», Приднестровьем и Абхазией? // ВВС Украина. 2015. 29 апр. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2015/04/150429_ru_s_dnr_lnr_transnistria_abkhazia_comparison (дата обращения: 20.02.2017); В ДНР рассказали о превращении во второе Приднестровье // Полит.ру. 2015. 18 сент. [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/news/2015/09/18/dnr/> (дата обращения: 20.02.2017).

его в качестве нового кандидата на статус замороженного¹⁵. Также показательно, что в рамках представления о схожести двух конфликтов и их взаимовлиянии возникли мнения об угрозах «приднестровизации» Украины¹⁶, прежде всего юго-востока страны, и наоборот — «украинизации» Приднестровья [Данилов, 2015, с. 21]. Под этими терминами понимаются противоположные тенденции: в то время как «приднестровизация» предполагает затягивание или замораживание конфликта и сохранение неопределенного статус-кво, то «украинизация» в данном случае, напротив, используется для обозначения смены власти, эскалации конфликта и попытки решения проблемы военным путем. В результате оба конфликта в концептуальном плане начали сближаться и рассматриваться как два замороженных трудноразрешимых конфликта.

В действительности между ними есть как схожие черты, так и различия. С одной стороны, выделяется несколько основных особенностей, сближающих два конфликтных региона. Во-первых, географически Приднестровье и Украина непосредственные соседи, имеющие общую границу. Во-вторых, в Приднестровье и в Донбассе большинство жителей составляет русскоязычное население и влияние России здесь велико (настолько, что жители этих регионов стремятся войти в состав Российской Федерации)¹⁷. В-третьих, они ведут борьбу за независимость, что привело к вооруженному конфликту с центральной властью и последующему провозглашению суверенитета. Наконец, в-четвертых, эти регионы оказались сегодня в зоне «геополитического разлома», где проходит линия противостояния между Россией и Западом [Данилов, 2015, с. 22].

¹⁵ См., например: Помощник генсека ООН не исключил «замораживания» конфликта на Украине // Взгляд. 2015. 29 сент. [Электронный ресурс]. URL: <http://vz.ru/news/2015/9/29/769411.html> (дата обращения: 20.02.2017); Погрёбинский: в Донбассе будет замораживание конфликта // РИА Новости Украина. 2015. 5 окт. [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.com.ua/politics/20151005/374740512.html> (дата обращения: 20.02.2017).

¹⁶ См., например: Самодуров В. Два риска «приднестровского сценария» для Донбасса // Взгляд. 2016. 17 февр. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/opinions/2016/2/17/794830.html> (дата обращения: 20.02.2017); Еще один шаг к победе // Эксперт. 2015. 16 февр. [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/expert/2015/08/esche-odin-shag-k-pobede/> (дата обращения: 20.02.2017).

¹⁷ См.: СМИ: Приднестровье хочет войти в состав России вслед за Крымом // Взгляд. 2014. 18 марта [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/news/2014/3/18/677635.html> (дата обращения: 20.02.2017); В ДНР не исключают проведения референдума о присоединении к РФ в будущем // РИА Новости. 2016. 25 мая [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20160525/1439329118.html#ixzz4E2ulqbPO> (дата обращения: 20.02.2017).

С другой стороны, следует принять во внимание весомые различия. Во-первых, временной фактор: если приднестровский конфликт начал развиваться еще на рубеже 1980-х и 1990-х годов (и длительный период неурегулированности дает возможность называть его по-настоящему затяжным/замороженным), то украинский конфликт возник только в 2014 г., что делает его «новым» кризисом. Во-вторых, длительность, масштабы и итоги непосредственно военной конфронтации: если вооруженная фаза приднестровского конфликта длилась всего несколько месяцев и унесла несколько сотен жертв, а закончилась устойчивым перемирием и введением миротворческого контингента, то в украинском конфликте боевые столкновения продолжаются до сих пор (активная борьба велась почти год), а официальные соглашения о прекращении огня (Минские договоренности), которые пришлось формулировать дважды, периодически нарушаются, причем дискуссия о миротворческой миссии пока остается бесплодной. Наконец, в-третьих, разница в причинах конфликта: в то время как основным катализатором приднестровского конфликта стала угроза поглощения другим государством — Румынией («румынизация») и утраты особой наднациональной приднестровской идентичности, носящей полиэтнический характер [Штански, 2014, с. 37–38], то главным фактором украинского конфликта следует признать поляризацию украинского общества и социокультурные противоречия, осложненные конфронтацией России и Запада [Украинский вызов для России: рабочая тетрадь, 2015, с. 16–36].

Приднестровский конфликт существовал задолго до украинского, многие тенденции там развивались годами, вследствие чего он приобрел характер действительно затяжного кризиса. Оставаясь относительно устойчивым на протяжении длительного времени, этот кризис не приводил к резким изменениям на региональном уровне. В свою очередь, ситуация на Украине обострилась сравнительно недавно, при этом существенно повлияв на безопасность соседних стран. В частности, она ускорила развитие процессов в Приднестровье и обострила противоречия вокруг него, а статус-кво, существовавший долгое время в приднестровском урегулировании, изменился. Украинский кризис оказался своеобразным испытанием на прочность для переговорного процесса по Приднестровью. Показательно, что если 2014 г. в целом стал периодом конфронтации вокруг приднестровского конфликта, то 2015 г. (особенно вторую его половину) и текущий 2016 г. можно охарактеризовать как время поиска компромиссов в изменившихся условиях. В результате примерно за два года в приднестровском конфликте завершился очередной отдельный цикл, на этот раз связанный с влиянием украинского кризиса, в результате чего установился новый баланс.

На фоне драматических событий на Украине Приднестровье само вступило в период системного кризиса, наиболее масштабного с момента возникновения непризнанной республики. В нем можно выделить три основные составляющие: военно-политическую, экономическую и переговорную (сюда также следует включить вопрос о признании приднестровской независимости).

Военно-политический кризис

До начала украинского кризиса военно-политическая обстановка в Приднестровье оставалась относительно спокойной (хотя имели место отдельные инциденты)¹⁸. Ситуация стала быстро накаляться после смены власти на Украине в феврале 2014 г. Новое руководство Украины стало воспринимать пророссийски настроенное Приднестровье, где развернута Ограниченная группа российских войск численностью примерно 1000 человек¹⁹, в качестве угрозы для региональной безопасности. Всего через месяц ситуация резко обострилась в связи с проведением референдума о статусе Крыма, который привел к его потере для украинской стороны и присоединению к России. Приднестровье стало рассматриваться на Украине как возможный следующий объект «российской агрессии» и даже впоследствии как «второй фронт» в рамках российского проекта общего пояса безопасности — так называемой Новороссии, согласно которому якобы планировалось отторгнуть у Украины южные области, создав здесь коридор «русского мира» от Донбасса до Приднестровья²⁰. В первую очередь в опасности оказывалась соседняя с Приднестровьем Одесская область, куда, по сообщениям некоторых украинских СМИ, готовилось вторжение «пророссийских боевиков»²¹.

¹⁸ См.: Евгений Шевчук: Создается система экономического удушения Приднестровья // ИА REGNUM. 2013. 30 окт. [Электронный ресурс]. URL: www.regnum.ru/news/polit/1726429.html (дата обращения: 20.02.2017).

¹⁹ Молдавия ограничила российских солдатам доступ в Приднестровье // РБК. 2015. 25 мая [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/politics/25/05/2015/556294369a7947b585ef0913> (дата обращения: 20.02.2017).

²⁰ См.: Украина опасается военного вторжения РФ со стороны Приднестровья // Росбалт.RU. 27.03.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/ukraina/2014/03/27/1249394.html> (дата обращения: 20.02.2017); История повторяется: Кремлевские планы — от Приднестровья к Новороссии // Информ. агентство 112.ua. 2014. 30 сент. [Электронный ресурс]. URL: <http://112.ua/statji/istoriya-povtoryaetsya-kremlevskie-plany-ot-pridnestrovya-k-novorossii-122424.html> (дата обращения: 20.02.2017).

²¹ См.: Президент ПМР: Приднестровье не «нападет на Одессу» и не «возьмет штурмом Николаев» // ИА REGNUM. 2014. 21 марта [Электронный ресурс]. URL: <http://regnum.ru/news/1781364.html> (дата обращения: 20.02.2017).

В дальнейшем возник целый поток заявлений об угрозах безопасности, которые создает Приднестровье на западной украинской границе. Тревожные настроения украинской стороны стали находить реальное подтверждение в сообщениях о наращивании военной активности, пограничных инцидентах и обвинениях в запуске российских беспилотных аппаратов²². В Приднестровье это вызвало ответную реакцию — в Тирасполе заявили, что украинские националистические отряды готовят провокации с целью дестабилизации региона²³. В конце июля 2014 г. Украина начала возводить противотанковый ров на приднестровском участке украино-молдавской границы²⁴, а Тирасполь вскоре сообщил, что готовится вооруженное нападение, которое может спровоцировать конфликт между Приднестровьем и Украиной²⁵. Следует отметить, что в 2015 г. взаимные обвинения в провокациях продолжились²⁶ и стороны до сих пор видят друг в друге потенциальную военную угрозу²⁷.

²² См.: Приднестровье на пороге войны // Украина.ру. 26.08.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://ukraina.ru/analytics/20140826/1010287489.html> (дата обращения: 20.02.2017); СНБО зафиксировала полеты беспилотников со стороны Приднестровья // Изд. дом «Медиа-ДК». 2014. 1 авг. [Электронный ресурс]. URL: <http://nv.ua/ukraine/SNBO-zafiksirovala-polety-bespilotnikov-so-storony-Pridnestrovya-5941.html> (дата обращения: 20.02.2017).

²³ См.: Гамова С. В Тирасполе ждут нападения с юга Украины // Независимая газета. 07.08.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/cis/2014-08-07/1_tiraspol.html (дата обращения: 20.02.2017).

²⁴ См.: Украина роет 450-километровый ров на границе с Приднестровьем // LB.ua. 2014. 26 июля. [Электронный ресурс]. URL: http://lb.ua/news/2014/07/26/274232_ukraina_roet_450kilometriy_rov.html (дата обращения: 20.02.2017).

²⁵ См.: Заявление пресс-службы КГБ ПМР // Ком. гос. безопасности Приднестров. Молд. Республики. 2014. 5 авг. [Электронный ресурс]. URL: <http://kgb-pmr.com/news/316> (дата обращения: 20.02.2017); Вооруженные силы ПМР подняли по тревоге // ИА «Тирас». 2014. 7 авг. [Электронный ресурс]. URL: <http://tiras.ru/voennoe/41210-vooruzhennye-sily-pmr-podnyali-po-trevoge.html> (дата обращения: 20.02.2017).

²⁶ Власти Приднестровья и Украины обвинили в стрельбе на границе друг друга // Коммерсантъ. 2015. 1 апр. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2699052> дата обращения: (20.02.2017).

²⁷ См.: Киев: Приднестровье угрожает Украине // ИА REGNUM. 2015. 30 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/1929029.html> (дата обращения: 20.02.2017); Дмитрий Rogozin: угроза для Приднестровья исходит со стороны Украины, а не Румынии // Новости Приднестровья. 06/07/16 [Электронный ресурс]. URL: <http://novostipmr.com/ru/news/16-07-06/dmitriy-rogozin-ugroza-dlya-pridnestrovya-ishodit-so-storony> (дата обращения: 20.02.2017); Разведка оценила уровень угрозы для Украины со стороны Приднестровья // ЧАО «Сегодня Мультимедиа». 2016. 24 авг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.segodnya.ua/politics/opinions/razvedka-ocenila-uroven-ugrozy-dlya-ukrainy-so-storony-pridnestrovya-745635.html> (дата обращения: 20.02.2017).

С точки зрения военной стабильности главным предметом озабоченности стали оружейные склады бывшей 14-й армии СССР в приграничном селе Колбасна в ПМР (где хранится около 20 тыс. т боеприпасов), которые продолжает охранять российская группа войск. Нападение на склады и захват такого количества вооружений могут представлять большую угрозу для региональной безопасности, что стало источником растущего беспокойства украинской стороны [Харитонов, 2015, с. 230–231].

В этих условиях Украина, а затем и Республика Молдова (РМ) договорились между собой о проведении согласованной стратегии, направленной на изоляцию российского военного контингента в Приднестровье. В результате в марте-апреле Украина стала препятствовать доставке грузов для российских миротворцев в зону безопасности через свою территорию²⁸. Кроме того, уже с середины марта украинская погранслужба перестала пропускать через границу Украины и Приднестровья всех мужчин с российским паспортами²⁹ (общее число граждан России в ПМР составляет от 160 до 200 тыс. человек — более 30 % всего населения)³⁰. На фоне дальнейшего ухудшения российско-украинских отношений в июне 2014 г. Киев принял решение отменить соглашение о транзите российских военнослужащих в Приднестровье³¹, несмотря на то, что такая мера с точки зрения России не способствовала урегулированию и ставила под сомнение выполнение Украиной своих обязательств как стороны-гаранта в разрешении приднестровского конфликта [Истомин, 2015].

Поддерживая действия Украины, Республика Молдова ужесточила режим въезда на свою территорию для граждан России, в том числе военнослужащих. Это особенно осложнило снабжение Ограниченной группы российских войск в Приднестровье³². Кишинев также стал на-

²⁸ См.: Украина заблокировала грузы для российских миротворцев в Приднестровье // ИА REGNUM. 2014. 17 марта [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1779541.html> (дата обращения: 20.02.2017).

²⁹ Миротворцы РФ объявили, что Украина закрыла россиянам въезд и выезд из Приднестровья // ТАСС. 2014. 15 марта [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1048697> (дата обращения: 20.02.2017).

³⁰ Приднестровский рикшет // Росбалт.RU. 2015. 21 янв. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/world/2015/01/21/1359426.html> (дата обращения: 20.02.2017).

³¹ См.: Порошенко подписал закон о разрыве договора с Россией о транзите военных в Молдавию // ТАСС. 2015. 8 июня [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2027960> (дата обращения: 20.02.2017).

³² См.: Гарнизон Приднестровья на подножном корму // Новая газ. 2015. 13 июня [Электронный ресурс]. URL: <http://www.novayagazeta.ru/columns/68800.html> (дата обращения: 20.02.2017).

стойчивее требовать преобразовать миротворческую миссию в Приднестровье и заменить российских военнослужащих международными гражданскими наблюдателями³³, что нашло активную поддержку у нового руководства Украины³⁴.

РМ активизировала военно-политическое сотрудничество со странами НАТО, чтобы в том числе продемонстрировать свое неприятие российского присутствия в регионе. В марте 2014 г. прошли совместные молдавско-румынско-американские учения, часть которых проводилась в непосредственной близости от зоны ответственности российского миротворческого контингента³⁵. Были объявлены планы по созданию молдавско-румынского батальона для повышения оперативной совместимости вооруженных сил РМ и НАТО³⁶. Кроме того, в июле 2014 г. США приняли «Акт о предотвращении агрессии со стороны России 2014», где Молдавия наряду с Украиной и Грузией приобретала возможность получения статуса «важного союзника вне Североатлантического альянса»³⁷.

Таким образом, следствием украинского кризиса в военно-политической сфере стали эскалация военной напряженности и сближение позиций Украины и Молдавии в вопросе о приднестровском урегулировании, что привело к фактической блокаде российской военной группировки в Приднестровье³⁸, а также к сближению Киева и Кишинева с НАТО и США в сфере безопасности.

³³ См.: Премьер: Кишинев настаивает на замене миротворцев РФ в Приднестровье международной миссией // ТАСС. 2015. 1 окт. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2306611> (дата обращения: 20.02.2017).

³⁴ См.: Украина за вывод российских войск из Приднестровья — посол в Молдове // Укринформ. 2015. 8 дек. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ukrinform.ru/rubic-world/1926953-ukraina-za-vyivod-rossijskih-voysk-iz-pridnestrovya-posol-v-moldove.html> (дата обращения: 20.02.2017).

³⁵ См.: Военных Молдавии и США обвинили в нарушении режима зоны безопасности на Днестре // Взгляд. 2015. 10 апр. [Электронный ресурс]. URL: <http://vz.ru/news/2015/4/10/739295.html> (дата обращения: 20.02.2017).

³⁶ См.: Мухин В. Москва готовится к активной обороне в Приднестровье // Независимая газ. 2015. 25 мая [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/armies/2015-05-25/1_pridnestrovie.html (дата обращения: 20.02.2017).

³⁷ См.: S. 2277 — Russian Aggression Prevention Act of 2014 / Library of Congress [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate-bill/2277/text> (дата обращения: 20.02.2017).

³⁸ См.: Полунин А. Приднестровье: ловушка захлопнулась // АНО «ИнПресс». 2015. 25 мая [Электронный ресурс]. URL: <http://svpressa.ru/war21/article/122941/> (дата обращения: 20.02.2017).

Экономический кризис

Экономика всегда оставалась полем поиска компромиссов для непризнанной республики, которая старалась проводить гибкую экономическую политику, балансируя между Республикой Молдова, Россией и Евросоюзом. Однако украинский кризис привел к тому, что пространство выбора для Приднестровья стало постепенно сужаться. При этом в экономике более чем где-либо проявилось противоречие между декларативными и реальными целями Приднестровья.

Основным катализатором изменения экономической политики Приднестровья стал не кризис на Украине, а процесс европеизации Молдавии (подписание соглашений об ассоциации и свободной торговле с ЕС), ставший приоритетом для руководства в Кишиневе еще в начале 2000-х годов и развивавшийся как долгосрочный тренд, который украинские события ускорили. Новый этап сближения Республики Молдова и Европейского союза в экономической сфере (посредством унификации их торгового законодательства) начался в 2010 г., а уже летом 2014 г. ознаменовался подписанием Соглашения об ассоциации, предполагающего также вхождение Молдавии в углубленную и всеобъемлющую зону свободной торговли (УВЗСТ) с ЕС³⁹. Брюссель рассматривает Приднестровье как часть единой Молдавии, поэтому льготный доступ в виде автономных торговых преференций был распространен и на непризнанную республику. Торговля Приднестровья с ЕС стала быстро расти. В итоге в 2008 г. экспорт ПМР в ЕС превысил поставки в Россию [Штански, Паламарчук, Камбур, 2014, с. 8, 26], а к 2014 г. преодолел рубеж в 50% [Астахова, 2015, с. 92] (в то время как экспорт из ПМР в Россию составил только 13%)⁴⁰. С вступлением в силу торгового режима УВЗСТ менялся общий режим торговли между Молдавией и ЕС, поэтому Брюссель ограничил действие торговых льгот декабрем 2015 г., в том числе для Приднестровья. У Тирасполя осталось только два выхода: либо присоединиться к единому правовому режиму ЕС, либо терять большие средства из-за применения намного более высоких тарифов ЕС к Приднестровью как к экспортеру товаров неспецифического происхождения по истечении льготного периода [РСМД, 2015].

³⁹ См.: Грузия и Молдавия подписали соглашение об ассоциации с ЕС // МИА «Россия сегодня». 2014. 27 июня [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20140627/1013800599.html> (дата обращения: 20.02.2017).

⁴⁰ См.: Спикер ВС ПМР: Торговля Приднестровья переориентируется с рынка Украины на Молдавию // ИА REGNUM. 2014. 8 июня [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1822890.html#ixzz3ZpNiL3if> (дата обращения: 20.02.2017).

Многие успешные предприятия Приднестровья, ориентированные на экспорт продукции в ЕС, в конце 2015 г. оказались на грани банкротства и закрытия [Астахова, 2015, с. 90].

В итоге приднестровские власти были вынуждены пойти на переговоры, и незадолго до наступления 2016 г. было объявлено, что положения УВЗСТ будут действовать «на всей территории Молдавии» включая Приднестровье. При этом заявления приднестровского МИД о том, что удалось предотвратить «попытки втиснуть Приднестровье в правовое и экономическое пространство Молдавии» и «навязывание нам соглашения, заключенного Молдавией и ЕС», оказались не вполне соответствующими действительности. ПМР обязалась внедрить нормы ЕС и усилить взаимодействие с Республикой Молдова в сфере технических регламентов, фитосанитарного и ветеринарного контроля, сертификации продукции, а также в таможенной и банковской сферах⁴¹. Кроме того, в конце 2015 г. Кишинев и Киев как нынешние союзники по евроинтеграции договорились совместно ужесточить правила импорта грузов в Приднестровье по железной дороге, согласно которым все следующие в ПМР товары с 1 января 2016 г. должны первоначально проходить оформление в Республике Молдова. Эти меры привели к дополнительным издержкам для приднестровской стороны в размере 4,5 млн долл.⁴²

В то же время Приднестровье продолжает оставаться зависимым от финансовой помощи России, которая идет в основном на социальные нужды, а также на бюджетную сферу и госаппарат. Москва начала активно поддерживать Тирасполь с середины 2000-х годов, когда стала поставлять практически бесплатный газ «Газпрома» на приднестровские предприятия, принадлежавшие российскому капиталу, записывая долги на Кишинев, а также предоставляла льготные субсидии и осуществляла масштабные социальные программы [Девятков, 2016]. Тем не менее зависимость Приднестровья от России постепенно сокращается, а торговля с ЕС растет, что стимулировало ПМР сделать выбор в пользу установления зоны свободной торговли с ЕС. Экономический кризис в России негативно отразился на состоянии финансов Приднестровья. В условиях обесценивания рубля торговля с Россией стала невыгодна, и многие предприятия ее сократили, хотя доля приднестровского

⁴¹ См.: Приднестровье присоединяется к зоне свободной торговли Молдавии с ЕС // ИА REGNUM. 2015. 24 дек. [Электронный ресурс]. URL: <http://regnum.ru/news/polit/2043506.html> (дата обращения: 20.02.2017).

⁴² См.: Молдавия и Украина ужесточили правила импорта грузов в Приднестровье по железной дороге // Взгляд. 2015. 18 дек. [Электронный ресурс]. URL: <http://vz.ru/news/2015/12/18/784743.html> (дата обращения: 20.02.2017).

экспорта в Россию и так была невелика, постоянно уменьшаясь. По данным за 2015 и 2016 гг. (первые три месяца) она еще больше упала — до 8,6% и 6,1% соответственно⁴³. С другой стороны, доля российского капитала в экономике непризнанной республики тоже стала сокращаться. Так, в январе 2015 г. российская компания «Металлоинвест» передала свои акции Молдавского металлургического завода (признанного ранее одним из лучших мини-металлургических предприятий в Европе [Астахова, 2015, с. 90]) правительству республики, отказавшись от некогда прибыльного бизнеса в Приднестровье⁴⁴. Кроме того, снизились денежные переводы из России, номинированные в иностранной валюте, а они составляют значительную долю в экономике ПМР. В 2015 и 2016 гг. власти Приднестровья обратились к России с просьбой о выделении финансовой помощи в размере 100 и 60 млн долл. соответственно для выплаты пенсий и зарплат. Однако, испытывая экономические трудности, Москва в 2015 г. впервые отказалась выделять запрошенные деньги⁴⁵, а в 2016 г. выделила лишь часть⁴⁶. Это дало некоторым экспертам повод предположить, что непризнанная республика теряет стратегическое значение для России⁴⁷.

Таким образом, с одной стороны, в последние годы Тирасполь экономически все больше оказывается вовлечен в процесс евроинтеграции. С другой стороны, власти Приднестровья до сих пор продолжают декларировать, что их национальной идеей остается «евразийская интеграция», поскольку продолжают зависеть от финансовой поддержки Москвы. Впрочем, они признают противоречивость ситуации. Как заявил в марте 2016 г. спикер приднестровского парламента В. Красносельский, «Приднестровье и Россия — это одно целое. Но главный

⁴³ См.: «Евразийская интеграция»: Экспорт ПМР в Румынию — в 3 раза больше, чем в РФ // ИА REGNUM. 2016. 20 апр. [Электронный ресурс]. URL: <http://regnum.ru/news/2122296.html> (дата обращения: 20.02.2017).

⁴⁴ См.: Фудзимори С. Приднестровье — первая жертва российского кризиса // ИноСМИ.ру. 2015. 18 февр. [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/foreast/20150218/226333236.html> (дата обращения: 20.02.2017).

⁴⁵ См.: Гамова С. Россия сняла Приднестровье с довольствия // Независимая газ. 2015. 26 янв. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/cis/2015-01-26/1_pridnestrovie.html (дата обращения: 20.02.2017).

⁴⁶ См.: В Приднестровье поступила финансовая помощь из России, которая позволит увеличить пенсии // ТАСС. 2016. 1 марта [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/obschestvo/2709527> (дата обращения: 20.02.2017).

⁴⁷ См.: Тищенко М. По сусекам: Как Россия финансирует Приднестровье в кризис // Slon.ru. 2016. 20 апр. [Электронный ресурс]. URL: <https://slon.ru/posts/66931> (дата обращения: 20.02.2017).

парадокс в том, что, несмотря на наши многовековые связи, экономики дрейфуют в разные стороны»⁴⁸. Украинский кризис стимулировал этот разрыв, который начался намного раньше. Можно предположить, что эти тенденции продолжают развиваться в обозримом будущем, все больше вовлекая Приднестровье в орбиту экономического влияния ЕС и отдаляя его от России и Евразийского экономического союза.

Урегулирование торговых отношений с Евросоюзом помогло Приднестровью избежать экономического коллапса в изменившихся условиях. Тем не менее переориентация Приднестровья на торговлю с ЕС сама по себе вряд ли поможет преодолеть широкомасштабный кризис в экономике. В целом экономическая ситуация в Приднестровье в последние годы существенно ухудшилась. С развитием событий на Украине растущее давление на приднестровскую экономику стали оказывать такие внешние факторы, как политика изоляции со стороны Украины и РМ, падение курсов валют важных торговых партнеров Приднестровья (России, Украины и РМ) и нестабильность мировых рынков⁴⁹. Как отмечается в докладе независимого аналитического центра «Expert-Grup», только в 2015 г. приднестровская экономика сжалась почти на 20%, и признаков ее восстановления в 2016 г. не наблюдается. Наиболее тревожными показателями являются спад внутреннего спроса, сокращение экспорта, снижение объема денежных переводов в Приднестровье, низкая конкурентоспособность и отток инвестиций, которые усугубляются на фоне внушительного дефицита бюджета и политических разногласий накануне грядущих президентских выборов⁵⁰. Согласно прогнозам в совокупности эти проблемы могли вызвать падение экономики непризнанной республики в 2016 г. еще на 6%⁵¹. Учитывая комплексный характер проблем, накопившихся в народном хозяйстве Приднестровья, можно констатировать, что она переживает структурный кризис, который провоцирует социальное напряжение

⁴⁸ «ПМП для России не обуза»: в Тирасполе ждут «экономической удочки» // ИА REGNUM. 2016. 18 марта [Электронный ресурс]. URL: <http://regnum.ru/news/2100829.html> (дата обращения: 20.02.2017).

⁴⁹ На пороге социального взрыва: Парламент ПМП поставил «неуд» правительству // ИА REGNUM. 2016. 30 июня. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2151720.html> (дата обращения: 20.02.2017).

⁵⁰ См.: Эксперты: Экономический кризис в Приднестровье усугубляется // NOI.MD. 2016. 22 июня [Электронный ресурс]. URL: http://www.noi.md/ru/news_id/86528 (дата обращения: 20.02.2017).

⁵¹ См.: Expert-Grup прогнозирует экономический спад в Приднестровье на 6% // NOI.MD. 2016. 27 июля. [Электронный ресурс]. URL: http://www.noi.md/ru/news_id/88493 (дата обращения: 20.02.2017).

и конфронтацию политических сил. Перестройка экономики Приднестровья требует глубоких и системных преобразований. Учитывая европейский вектор экономического развития Приднестровья, сложившийся в первой половине 2010-х годов, эти реформы, по всей видимости, будут идти в русле общих процессов европеизации Молдавии.

Кризис переговорного процесса

С момента возобновления после более чем пятилетнего перерыва официальных переговоров по приднестровском конфликту в формате «5+2» с осени 2011 г. до осени 2013 г. удалось сделать немного. Несмотря на то что определенный прогресс был отмечен в работе по социально-экономическому и гуманитарному направлениям, в этот период стороны фактически решили отложить наиболее сложную «корзину» в области политики и безопасности и вернуться к ней после решения проблем в первых двух сферах⁵².

После начала украинского кризиса весь переговорный процесс по приднестровскому конфликту застыл. Но уже весной 2014 г. у Приднестровья появился шанс на смену статуса, что могло бы полностью изменить ход переговоров. Быстрый процесс присоединения Крыма к Российской Федерации, который завершился за несколько недель в марте 2014 г., вернул к жизни вопрос о вхождении Приднестровья в состав России. Эта тема поднималась в непризнанной республике еще в 2006 г., когда в ходе всенародного референдума 97,2 % избирателей выразили желание стать частью России. В тот момент Москва отреагировала достаточно сдержанно. Госдума ограничилась заявлением, что России нужно выстраивать свою политику с учетом итогов волеизъявления приднестровского народа⁵³.

Новые надежды в Приднестровье возникли после появления законопроекта думской фракции партии «Справедливая Россия» об упрощении порядка присоединения к России новых территорий. Он разрешал принимать в состав Российской Федерации регионы из состава иностранных государств на основании референдума или обращения их властей без согласия этих стран, если у них отсутствует «эффективная легитимная власть». 18 марта 2014 г. спикер парламента ПМР

⁵² См.: «Третья корзина» в повестке молдо-приднестровских переговоров есть, но она закрыта // РИА «Новый Регион». 2012. 17 июля [Электронный ресурс]. URL: <http://newdaynews.ru/pmr/395363.html> (дата обращения: 20.02.2017).

⁵³ См.: Заявление «Об итогах референдума в Приднестровье 17 сентября 2006 года» / Государственная дума [Электронный ресурс]. URL: http://www.duma.gov.ru/international/statements/statement-42/index.php?sphrase_id=131928 (дата обращения: 20.02.2017).

М. Бурла обратился к председателю Госдумы С. Нарышкину с просьбой рассмотреть вопрос о присоединении Приднестровской Молдавской Республики к Российской Федерации⁵⁴. Однако и на этот раз ответных действий со стороны Москвы в отношении Тирасполя не последовало.

На фоне нарастающих противоречий между сторонами конфликта переговорный процесс с июня 2014 г. оказался полностью остановлен [Астахова, 2015, с. 90]. В этих условиях, согласно заявлениям приднестровской стороны, Республика Молдова начала блокировать работу Объединенной контрольной комиссии и выезды военных наблюдателей⁵⁵. При этом стало происходить сближение Украины и Молдавии по большинству вопросов урегулирования с тем, чтобы усилить нажим на приднестровское руководство [Селиванова, 2016, с. 56]. Испытывая давление со стороны как Киева, так и Кишинева, президент ПМР Е. Шевчук летом 2015 г. раскритиковал «недружественную и наступательную политику молдавских и украинских партнеров», которая «не дает поводов для оптимизма». Он заявил, что хотя «Приднестровье готово к переговорам по приднестровскому урегулированию, но не видит перспектив для их возобновления»⁵⁶.

В условиях очередного ухудшения отношений между сторонами конфликта и стагнации переговорного процесса роль конструктивного посредника, призванного вернуть к жизни приднестровское урегулирование, взяла на себя Россия. Дипломатические усилия активизировались весной 2016 г., когда была достигнута договоренность о визите в Москву заместителя премьер-министра, министра иностранных дел и европейской интеграции РМ А. Галбура. В преддверии встречи МИД России заявил, что обеспокоен спадом в переговорах и поэтому необходим «взвешенный и ответственный анализ ситуации»⁵⁷. Кроме того, перед переговорами в Москве делегация посредников и наблюдате-

⁵⁴ См.: Приднестровье вслед за Крымом хочет войти в состав России // Росбалт.RU. 2014. 18 марта [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2014/03/18/1245241.html> (дата обращения: 20.02.2017).

⁵⁵ См.: Молдавская сторона злостно блокирует нормальную работу ОКК? // Информ. агентство «Приднестровье сегодня». 2014. 6 дек. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pridnestrovie-segodnya.ru/content/moldavskaya-storona-zlostno-blokiruet-normalnyu-rabotu-okk> (дата обращения: 20.02.2017).

⁵⁶ Гамова С. Приднестровье пригласили в зону свободной торговли с ЕС // Независимая газ. 2015. 10 июля [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/cis/2015-07-10/1_pridnestrovie.html (дата обращения: 20.02.2017).

⁵⁷ МИД РФ: Россия обеспокоена состоянием переговоров по Приднестровью // ТАСС. 2016. 2 апр. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/politika/3171479> (дата обращения: 20.02.2017).

лей (Россия, Украина, ОБСЕ, США и ЕС) посетила Кишинев и Тирасполь⁵⁸. По итогам переговоров между министерствами иностранных дел РМ и России 4 апреля 2016 г. глава российского МИД С. Лавров отметил, что Россия поддерживает работу по приднестровскому урегулированию в формате «5+2», который необходимо восстановить, чтобы найти решение по окончательному статусу Приднестровья «в рамках единой, неделимой и нейтральной Молдовы»⁵⁹. Таким образом, несмотря на украинский кризис, Москва дала понять Приднестровью, что не собирается менять официальную позицию, согласно которой она видит будущее непризнанной республики только в составе общего молдавского государства. Прежней осталась и позиция России о возможном переформатировании миротворческой операции, в которой участвует российский контингент. МИД России, как и прежде, считает, что можно будет обсуждать его только после того, как стороны конфликта выйдут на реальные политические договоренности⁶⁰.

События на Украине ужесточили позицию Москвы по поводу вывода российских боеприпасов из Приднестровья (остановленного еще в 2003 г.), который можно выполнить только через украинскую территорию, что, с точки зрения МИД России, при нынешней нестабильной ситуации осуществить невозможно⁶¹. Благодаря усилиям Москвы в конце мая 2016 г. удалось договориться о возобновлении официальных переговоров «5+2» после почти двухлетнего перерыва. В результате встречи между Тирасполем и Кишиневом был подписан протокол о совместных действиях по выходу конфликта. Стороны сформулировали задачи по преодолению проблем в области образования, транспорта, телекоммуникации, охраны правопорядка и экологии⁶². Таким образом

⁵⁸ См.: МИД РФ: наблюдатели должны побудить Кишинев и Тирасполь возобновить переговоры // ТАСС. 2016. 7 апр. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/politika/3183682> (дата обращения: 20.02.2017).

⁵⁹ Лавров: РФ выступает за сохранение Приднестровья в составе Молдавии // МИА «Россия сегодня». 2016. 4 апр. [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20160404/1402096910.html> (дата обращения: 20.02.2017).

⁶⁰ См.: В МИД РФ назвали условие для миротворческой миссии в Приднестровье // МИА «Россия сегодня». 2016. 7 апр. [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20160407/1404142285.html> (дата обращения: 20.02.2017).

⁶¹ См.: МИД объяснил, почему РФ не может вывезти вооружения из Приднестровья // МИА «Россия сегодня». 2016. 7 апр. [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20160407/1404151561.html> (дата обращения: 20.02.2017).

⁶² См.: Молдавия и Приднестровье начали выполнять договоренности, достигнутые на встрече в Берлине // ТАСС. 2016. 10 июня. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3356810> (дата обращения: 20.02.2017).

после двухлетнего перерыва официальный переговорный процесс по приднестровскому конфликту удалось возобновить.

Заключение. Украинский кризис оказался серьезной проверкой для жизнеспособности Приднестровья и официального переговорного процесса. В целом можно сделать вывод, что за прошедшие два с половиной года приднестровская государственность и формат переговоров смогли пройти это испытание и не претерпели существенных изменений. Вооруженный конфликт в Приднестровье не возобновился из-за драматических событий на Украине, и военно-политическая обстановка в регионе стабилизировалась после напряжения 2014 г. Экономические трудности удалось отчасти преодолеть с присоединением к зоне свободной торговли с Евросоюзом, на который уже давно переориентировалось Приднестровье, хотя структурные проблемы экономики остаются нерешенными. Переговорный процесс оказался прерван из-за кризиса в отношениях России и Запада, однако диалог постепенно возобновляется.

Вместе с тем события на Украине ускорили развитие тенденций, идущих в сторону постепенного сокращения российского присутствия в ПМР и реинтеграции Приднестровья с Молдавией в рамках единого государства в контексте общих процессов европеизации региона, таких как унификация экономических стандартов Молдавии согласно требованиям ЕС. Кризис на Украине привел к сближению позиций Кишинева и Киева, которые стали планомерно и слаженно работать на вытеснение России из Приднестровья и его вхождение в зону влияния евроатлантических структур. Важным следствием событий последних лет, таким образом, стала смена баланса в приднестровском урегулировании, который России, в условиях нынешних экономических ограничений становится поддерживать все сложнее.

Статус-кво, который был в интересах России и существовал долгое время, по всей видимости, изменился. В этих обстоятельствах, для поддержания равновесия Москве необходимо активизировать дипломатические усилия в переговорном процессе по Приднестровью, и сегодня она старается действовать именно в этом направлении. Хотя международное сотрудничество в условиях сохраняющихся противоречий между Россией и Западом по урегулированию конфликтов на постсоветском пространстве пока трудно восстанавливать, российской стороне следует действовать с учетом изменившегося статус-кво в приднестровском урегулировании. Новая политика в решении проблемы Приднестровья требует активизировать диалог с евроатлантическими институтами, прежде всего с Евросоюзом, принимая в расчет растущее влияние ЕС в регионе.

Литература/ References

1. Астахова С. В. Приднестровье: политическая и экономическая ситуация в регионе // Россия и новые государства Евразии. 2015. № 3. С. 86–93. [Astakhova S.V. Pridnestrov'e: politicheskaya i ekonomicheskaya situatsiya v regione // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2015. № 3. S. 86–93].
2. Данилов Д. Приднестровское урегулирование: внешний контекст // Соврем. Европа. 2015. № 2. С. 20–33. [Danilov D. Pridnestrovskoe uregulirovanie: vneshnii kontekst // Sovrem. Evropa. 2015. № 2. S. 20–33].
3. Девятков А. Приднестровье: отдать нельзя поддерживать // IntersectionProject: Россия/Европа/Мир. 2016. 20 мая [Электронный ресурс]. [Devyatkov A. Pridnestrov'e: otdat' nel'zya podderzhat' // IntersectionProject: Rossiya/Evropa/Mir. 2016. 20 maya]. URL: <http://intersectionproject.eu/ru/article/russia-europe/pridnestrove-otdat-nelzya-podderzhat> (дата обращения: 20.02.2017).
4. Истомин И. Украинское обострение приднестровского конфликта // Рос. совет по междунар. делам (РСМД). 2015. 30 июля [Электронный ресурс]. [Istomin I. Ukrainское obostrenie pridnestrovskogo konflikta // Ros. sovet po mezhdunar. delam (RSMD). 2015. 30 iyulya]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6418 (дата обращения: 20.02.2017).
5. Россия и ЕС — поиск путей сотрудничества в общем соседстве: пример Республики Молдова и Приднестровья // Рос. совет по междунар. делам (РСМД). 2015. 3 марта [Электронный ресурс]. [Rossiya i ES — poisk putei sotrudnichestva v obshchem sosedstve: primer Respubliki Moldova i Pridnestrov'ya // Ros. sovet po mezhdunar. delam (RSMD). 2015. 3 marta]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5373&active_id_11=66#_RG63 (дата обращения: 20.02.2017).
6. Селиванова И. Проблемы урегулирования приднестровского конфликта // Россия и новые государства Европы. 2016. № 1 (30). С. 47–68. [Selivanova I. Problemy uregulirovaniya pridnestrovskogo konflikta // Rossiya i novye gosudarstva Evropy. 2016. № 1 (30). S. 47–68].
7. Украинский вызов для России: рабочая тетрадь № 24/2015 / [Гл. ред. И. С. Иванов]; Рос. совет по междунар. делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2015. С. 16–36 [Электронный ресурс]. [Ukrainskii vyzov dlya Rossii: rabochaya tetrad' № 24/2015 / [Gl. red. I. S. Ivanov]; Ros. sovet po mezhdunar. delam (RSMD). M.: Spetskniga, 2015. S. 16–36]. URL: <http://russiancouncil.ru/common/upload/WP-Ukraine-Russia-24-rus.pdf> (дата обращения: 20.02.2017).
8. Харитонов Н. И. Новые вызовы безопасности в Приднестровье в контексте кризиса на Украине 2014 года // Гос. управление: Электрон. вестн. 2015. Вып. № 48, февр. С. 230–231 [Электронный ресурс]. [Kharitonova N. I. Novye vyzovy bezopasnosti v Pridnestrov'e v kontekste krizisa na Ukraine 2014 goda // Gos. upravlenie: Elektron. vestn. 2015. Vyp. № 48, fevr. S. 230–231]. URL: <http://e->

journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2015/vipusk__48._fevral_2015_g._/pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/kharitonova.pdf (дата обращения: 20.02.2017).

9. Штански Н. Особенности урегулирования «конфликтов идентичности»: казус Приднестровья // Междунар. процессы. 2014. Т. 12, № 1–2 (36–37). С. 37–38. [Shtanski N. Osobennosti uregulirovaniya «konfliktov identichnosti»: kazus Pridnestrov'ya // Mezhdunar. protsessy. 2014. T. 12, № 1–2 (36–37). S. 37–38].
10. Штански Н. В., Паламарчук Д. Н., Камбур Д. Н. Блокада Приднестровья: выживание вместо развития. Весь путь меж двух огней. Тирасполь: МИД ПМР, 2014. 56 с. [Shtanski N.V., Palamarchuk D.N., Kambur D.N. Blokada Pridnestrov'ya: vyzhivanie vmesto razvitiya. Ves' put' mezh dvukh ognei. Tiraspol': MID PMR, 2014. 56 s.].

TRANSNISTRIAN CONFLICT IN THE CONTEXT OF THE UKRAINIAN CRISIS

Sergey V. Rastoltsev

Abstract. *The paper analyzes the current trends in the development of the negotiation process in the Transnistrian conflict in the context of the Ukrainian crisis development. The influence of the confrontation in Ukraine to the situation in Transnistria during the 2014–16 is evaluated. The Ukrainian crisis has led to large-scale armed conflict in Europe and has had a significant impact on regional and European security. Among them, the situation in Transnistria, perhaps most significantly was influenced by the impact of the confrontation in Ukraine. In turn, the unsettled Transnistrian conflict affected the situation in Ukraine in the “post-Maidan” period, especially with the beginning of military operation in the southeast of the country.*

It is noted that after the aggravation of the situation in Ukraine, Transnistria has entered a period of systemic crisis, most large-scale since the beginning of the unrecognized republic. It should be divided into three main components: the military-political, economic and negotiating. The consequence of Ukrainian crisis in the military-political sphere became the escalation of military tensions and rapprochement of Ukraine and Moldova on the issue of the Transnistrian settlement process, which led to the actual blockade of the Russian military group in Transnistria, as well as the convergence of Kiev and Chisinau with NATO and the US in the security sphere. In the economic sphere, the process of reorientation of the Transnistrian economy on the development of trade relations with the EU was intensified in the context of the adoption of the EU Deep and Comprehensive Free Trade Area rules on the territory of Transnistria, to which Moldova joined in 2014. In the field of negotiations after the crisis began in Ukraine the process of settling the

Transnistrian conflict was almost stopped and some positive developments appeared in 2016 only.

It is concluded that in spite of the systemic crisis, the unrecognized republic has maintained its vitality and autonomy: the armed conflict in Transnistria has not been resumed, the economic difficulties have partly been overcome thanks to the convergence with the EU and the negotiation process have been renewed after a two-year break. At the same time, the Ukrainian crisis has led to a change in the balance in the settlement process, that results in a gradual reduction of the Russian presence in Transnistria and increase the EU's influence in the region.

Keywords: *Transnistrian conflict, Ukrainian crisis, post-Soviet space, protracted conflicts*

Информация об авторе

Растольцев Сергей Владимирович

младший научный сотрудник

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Россия

E-mail: sergej-ras@yandex.ru

Sergey V. Rastoltsev

Junior Scientific Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of the Russian Academy of Sciences (RAS), Russia

E-mail: sergej-ras@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Н. А. САМОЙЛОВСКАЯ

***Аннотация:** региональные кризисы, проходящие на сегодняшний день в Причерноморье, напрямую влияют на состояние европейской безопасности. Сложившаяся ситуация в Причерноморье указывает на повышение уровня соперничества великих держав, уменьшение эффективности классических институтов безопасности, что провоцирует глубокий кризис в Европе. Этот кризис усугубляется нежеланием политических элит стран идти на компромиссы, предлагаемые авторитетными экспертными сообществами. В статье предпринимается попытка проанализировать региональные противоречия России и США и возможные пути их деэскалации или разрешения.*

***Ключевые слова:** Россия, США, ЕС, НАТО, Причерноморье, европейская безопасность*

Причерноморье, в первую очередь, географический регион, состоящий из стран, имеющих выход к Черному морю, в 1990-х гг. стал приобретать внутреннюю региональную динамику вследствие распада СССР и роспуска ОВД, в сферу влияния которых входили все страны Причерноморья, за исключением Турции, являвшейся членом НАТО с 1952 г. На разных этапах региональная динамика характеризовалась разным уровнем интенсивности: от поступательного развития экономических инициатив в 1990-х гг. до соперничества концепций регионального влияния в сфере безопасности 2000-х гг.

Наполнение региона новыми интеграционными проектами, усиление влияния институтов евро-атлантической безопасности на региональные процессы к концу 2000-х гг. стали причиной наложения ключевых интересов России и США. Накопленный конфликтный потенциал продемонстрировал неспособность существующих институтов европейской безопасности к разрешению разногласий, что привело к глубокому кризису в Европе. В статье автор предлагает ознакомиться

с оценкой последствий регионального соперничества России и США для европейской безопасности и анализом упущенных возможностей сотрудничества.

Особенности внутрорегиональной динамики в Причерноморье

В начале 1990-х гг. динамика региональных процессов в Причерноморье характеризовалась поступательным развитием экономических инициатив Турции в рамках Договора о черноморском экономическом сотрудничестве, способствовавшего интенсификации сотрудничества причерноморских стран и формированию международно-политического Черноморского региона, а также развитием отдельных экономических инициатив ЕС в рамках программ ТАСИС и ТРАСЕКА.

Российская Федерация, сконцентрированная на тот момент на решении внутренних вопросов безопасности, поддерживала региональное сотрудничество в рамках Договора о черноморском экономическом сотрудничестве, но основное внимание уделяла переговорам с Украиной о присоединении к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерного государства, а также переговорам по Черноморскому флоту.

К концу 1990-х гг. особый интерес к Черному морю и Украине, в частности, стали проявлять США. В 1997 г. были проведены первые ежегодные совместные учения Украины и США с участием других партнеров по НАТО «Си Бриз» (Sea Breeze)⁶³, а также свою работу начала программа национальной безопасности Украины, инициированная Гарвардским институтом государственного управления им. Джона Ф. Кеннеди⁶⁴. В этом же году было организовано региональное экономико-политическое объединение ГУАМ⁶⁵, получившее поддержку США, к политическим задачам которого Россия относилась с осторожностью, пытаясь сохранить региональное взаимодействие в рамках СНГ, ставшим основным приоритетом региональной политики России.

Интерес США в присутствии в Причерноморье в экспертных кругах объясняется различными причинами: как экономическими, так и военно-политическими. Если в первом случае отмечается экономический потенциал региона, включая возможности диверсификации транспортных

⁶³ Command website for Commander, U.S. Naval Forces Europe-Commander, U.S. Naval Forces Africa/Commander, U.S. 6th Fleet. [электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.c6f.navy.mil/forces-efforts/sea-breeze-2016>

⁶⁴ С 2001 г. — программа безопасности в Черном море. Подробнее см. [электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.harvard-bssp.org/bssp_rus/about

⁶⁵ С 1999 г. по 2005 г. в организацию входил Узбекистан, и до его выхода организация именовалась ГУУАМ.

маршрутов доставки энергоресурсов в Европу, то во втором — это связь региона с основным театром действий на Большом Ближнем Востоке.

Влияние интересов великих держав на региональную динамику в Причерноморье

В середине 2000-х гг. региональная динамика переходит в активную фазу, что связано с наложением интересов великих держав и усилением внешнего влияния на региональные процессы в сфере безопасности. В первую очередь, это вопрос расширения НАТО. Региональные инициативы Турции в сфере безопасности «Черноморская военно-морская группа оперативного взаимодействия «Блэксифор»» и ежегодная операция «Черноморская гармония», поддержанные всеми причерноморскими странами, включая Россию, не смогли конкурировать с возможностями, предлагаемыми НАТО причерноморским странам. И если для Турции расширение НАТО несло дополнительные возможности укрепления регионального влияния, то Россия этот процесс воспринимала однозначно в качестве военной опасности⁶⁶.

Для США альянс играет ключевую роль в обеспечении международной безопасности. В то же время, в соответствии со Стратегией национальной безопасности США 2015 г. достижение «сильного и устойчивого лидерства США включает укрепление непревзойденной системы альянсов, в основе которой лежит прочное партнерство с Европой⁶⁷. Для ЕС НАТО — один из международных институтов наравне с ООН и финансовыми институтами, эффективность работы которых обеспечивает безопасность ЕС⁶⁸.

Вступление двух причерноморских стран Болгарии и Румынии в НАТО в 2004 г., в 2007 г. — в ЕС, а также интенсификация диалога НАТО с двумя другими причерноморскими странами — Грузией и Украиной — позволили НАТО и ЕС усилить евро-атлантические институты в Причерноморье, в рамках которых участие России в ключевых вопросах безопасности минимизировалось и ограничивалось по желанию партнеров, как, например, это происходило во время работы Совета Россия — НАТО.

⁶⁶ Военная доктрина Российской Федерации // Опубликовано: 30 декабря 2014 г. в «Российской газете» — Федеральный выпуск №6570 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html>

⁶⁷ Стратегия национальной безопасности США 2015 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (дата обращения 02.09.2016).

⁶⁸ European security strategy 2003. [электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cfr.org/eu/european-security-strategy-2003/p22319> (дата обращения 27.08.2016).

Кризисы институтов европейской безопасности и российско-американские отношения

События на Кавказе 2008 г. показали неспособность этого механизма к разрешению противоречий, более того, продемонстрировали отсутствие доверия и повысили военно-политическую напряженность между НАТО и Россией. По мнению Н. К. Арбатовой, «Россия и США оказались на волоске от прямой военной конфронтации в Черном море» [1, с. 57]. В результате на фоне кризиса классических институтов европейской безопасности, разрешению конфликта способствовала многосторонняя дипломатия, напоминающая возвращение эпохи «концерта великих держав» [3].

До Кавказского кризиса 2008 г. Россия предпринимала попытки перейти от декларативного взаимодействия к реальным гарантиям. Так, проект Договора о европейской безопасности предполагал постепенную трансформацию европейской безопасности на равноправной основе в условиях юридической ответственности. Такое соглашение имело важное для ЕС ценностное измерение, включало потенциал по укреплению мер доверия, но становилось в противоречие с политикой расширения НАТО, поэтому не получило поддержки среди партнеров по НАТО, за исключением отдельных стран. По мнению Д. А. Данилова, несмотря на все существующие разногласия, такой подход к безопасности открывал позитивную повестку на долгосрочную перспективу [2, с. 77].

И если после Кавказского кризиса 2008 г. надежда на диалог в этом направлении еще сохранялась, то проявившиеся фундаментальные различия в восприятии событий на Украине 2014–2016 гг. и угроз безопасности в целом для ЕС, России и США поставили под большой вопрос не только диалог в сфере безопасности, но и саму перспективу сотрудничества. Была приостановлена работа Совета Россия-НАТО, значительно усилено присутствие НАТО в регионе от Балтийского до Черного морей в результате принятия Плана действий по обеспечению боеготовности НАТО на саммите в Уэльсе [6], частота захода военно-морских судов США в акваторию Черного моря с 2014 по 2016 гг. увеличилась в несколько раз⁶⁹.

Все это проходило на фоне ослабления коммуникации в военной сфере между Россией, с одной стороны, и США, ЕС, НАТО, с другой, что, по подсчетам экспертов Европейского сообщества лидеров только за

⁶⁹ Command website for Commander, U.S. Naval Forces Europe-Commander, U.S. Naval Forces Africa/Commander, U.S. 6th Fleet. [электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.c6f.navy.mil/tags/black-sea>

год — с марта 2014 г. по март 2015 г. — привело к более чем шестидесяти военным инцидентам между странами НАТО, их партнерами и Россией [5]. Такое развитие событий указывает по большей степени на нежелание идти на компромиссы и сознательное обострение ситуации всех участников кризиса.

Проблема ПРО США в Европе в региональном контексте

В январе 2017 г. эксперты Всемирного экономического форума в Давосе в ежегодном докладе о глобальных рисках обратили внимание на то, что «соперничество мировых держав и раздробленность усилий в сфере безопасности делают международную систему очень хрупкой, смещая потенциал общего процветания и выживания в зону риска»⁷⁰.

В этом контексте идея неделимой безопасности в Европе является вполне достойной целью, но имеет перспективу только при наличии обоюдной политической воли США и России к достижению компромиссов. С момента выхода США в 2002 г. из Договора между СССР и США об ограничении систем ПРО 1972 г. Россия и США больше десяти лет вели переговоры о сотрудничестве по ПРО США в Европе. Одного года хватило администрации Б. Обамы, чтобы принятый в 2009 г. «Европейский поэтапный адаптивный подход» (ЕПАП) к ПРО США был поддержан и закреплен в стратегической концепции НАТО, принятой по итогам работы Лиссабонского саммита 2010 г.

В рамках ЕПАП развертывание объектов ПРО США в Европе уже реализовано на территории двух причерноморских государств — членов НАТО — Турции и Румынии. Размещение элементов ПРО США/НАТО в странах с выходом к Черному морю — Турции, Румынии — и Балтийскому морю — Польше — выявляет основной акцент ЕПАП на морскую составляющую. Это увеличивает стратегическую чувствительность России к усилению влияния НАТО в акватории Черного и Балтийского морей.

Попытка направить взаимодействие по вопросу ПРО в конструктивное русло была предпринята в рамках Евроатлантической инициативы в области безопасности (EASI). По итогам работы широкого круга международных экспертов и политических деятелей EASI в 2012 г. был подготовлен доклад, содержащий базовую концепцию возможной совместной системы обороны России и НАТО. Важным достоинством концепции являлось сохранение существующих морских зон ответственности, учитывающих риски для национальной безопасности России: «корабли с системой «Иджис», оснащенные ракетами-перехватчиками

⁷⁰ The global risks report 2017 // World economic forum, 11 January 2017. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/GRR17_Report_web.pdf

СМ-3, будут находиться в Средиземном море, системы С-300 будут размещены на земле и российских кораблях в Черном, Балтийском, Баренцевом и Белых морях»⁷¹.

В качестве основы для долгосрочного сотрудничества предлагалось использовать уже существующий опыт обмена данными и информацией о пусках: «до 2008 г. Совет Россия — НАТО провел несколько виртуальных учений по противоракетной обороне с целью проверки техник обмена данными»⁷². Но события на Украине в 2014–2016 гг. и ухудшение российско-американских отношений спровоцировали полную приостановку сотрудничества по линии Совета Россия — НАТО. Сложившаяся ситуация в отношениях между Россией и НАТО стала приобретать дестабилизирующий характер и свела к нулю все предыдущие успехи от практического сотрудничества.

Возобновление работы Совета Россия — НАТО стало необходимым шагом в направлении разрешения накопившихся проблем в цивилизованной форме диалога. Безусловно, после Украинских событий, говорить о возможностях сотрудничества по проблеме ПРО в рамках Совета Россия-НАТО не имеет смысла для ближайшей перспективы. Но все же нельзя забывать, что дальнесрочное стратегическое сотрудничество по ПРО является оптимальным гарантом европейской безопасности.

Опыт беспрецедентного российско-американского сотрудничества в космической области в 1990-х годах показал, что переход из плоскости соперничества в плоскость сотрудничества возможен даже в чувствительной сфере военных технологий. Более того, по мнению С. Эйзенхауэр, «партнерство в рамках программы МКС продемонстрировало заметную устойчивость к переменам настроений в двусторонних и международных отношениях»[4, с. 16]. Такое сотрудничество стало образцовой моделью, которую, к сожалению, не удалось сохранить и перенести на другие области российско-американского взаимодействия.

Заключение

На сегодняшний день российско-американское соперничество в Причерноморье увеличивает дистанцию недоверия, провоцирует военно-политические инциденты в Европе, создавая зоны повышенных рисков для европейской безопасности. Возобновление российско-американского диалога в рамках Совета Россия — НАТО и его наполнение

⁷¹ Противоракетная оборона: к новой парадигме. 03 февраля 2012 г. // Доклад рабочей группы EASI. С. 8. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://carnegie.ru/2012/02/03/противоракетная-оборона-к-новой-парадигме/ср79>

⁷² Там же. С. 6.

практическими программами по укреплению мер доверия поможет уменьшить количество случайных военно-политических инцидентов, но не исключить их. В контексте сложившейся ситуации недоверия появление желания предпринимать совместные практические усилия по укреплению механизмов антикризисного управления в Европе, которое может выражаться в долгосрочной перспективе возвращением к идее неделимой безопасности, выглядит маловероятным, но не невозможным. Стимулом к такому сотрудничеству может стать возвращение к совместным космическим проектам на взаимовыгодной основе. Это создаст более основательный фундамент для обсуждения совместной ПРО в Европе не столько на политическом, сколько на научно-техническом уровне, как это проходило в рамках совместного проекта по созданию МКС. Только достижение сотрудничества, наполненного реальными работающими взаимовыгодными проектами, будет удерживать от самых негативных политических реакций и способствовать постепенному выходу из глубокого кризиса в Европе.

Литература/ References

1. Арбатова Н. Замороженные конфликты в контексте европейской безопасности // Индекс безопасности. 2010. № 3 (94). С. 57.
2. [Arbatova N. Zamorozhennye konflikty v kontekste evropejskoj bezopasnosti // Indeks bezopasnosti. 2010. № 3 (94). S. 57.]
3. Данилов Д. Договор о европейской безопасности в контексте треугольника ЕС-США-НАТО // Индекс безопасности. 2010. № 3 (94). С. 77.
4. [Danilov D. Dogovor o evropejskoj bezopasnosti v kontekste treugol'nika ES-SShA-NATO // Indeks bezopasnosti. 2010. № 3 (94). S. 77.]
5. Никитин А. И. Новая система отношений великих держав XXI века: «концерт» или конфронтация? // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 44–59.
6. [Nikitin A. I. Novaja sistema otnoshenij velikih derzhav XXI veka: "koncert" ili konfrontacija? // Polis. Politicheskie issledovanija. 2016. № 1. S. 44–59.]
7. Эйзенхауэр С. Партнеры в Космосе: американо-российское сотрудничество после «холодной войны». М.: Наука, 2006. С. 16.
8. [Eisenhower S. Partnery v Kosmose: amerikano-rossijskoe sotrudnichestvo posle «holodnoj vojny». М.: Nauka, 2006. S. 16.]
9. Kulesa L., Frear T., Raynova D. Managing hazardous incidents in the Euro-Atlantic Area: a New Plan of Action // European Leadership Network Policy Brief, November 2016. P. 7. [электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.europeanleadershipnetwork.org/medialibrary/2016/11/02/ab4a4c1d/ELN%20Managing%20Hazardous%20Incidents%20November%202016.pdf>

10. Lute D. From Wales to Warsaw: NATO's Readiness Action Plan // The Ambassadors REVIEW, Spring 2015. [электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.americanambassadors.org/publications/ambassadors-review/spring-2015/from-wales-to-warsaw-nato-s-readiness-action-plan>

**To the European security issue:
Russian-American disagreements in the Black Sea Region**

Samoylovskaya Natalya Aleksandrovna

Abstract: *regional crises in the Black Sea Region directly affect the security of Europe. Contemporary situation in the Black Sea Region demonstrates the increasing level of competition within Great powers, the reducing effectiveness of European security institutions. All these trends have led to the deep crisis in Europe. This crisis is reinforced by the reluctance of political elites to compromise offered by reputable expert communities. In the article the author analyzes regional disagreements between Russia and USA and possible ways to their de-escalation or resolution.*

Key words: *Russia, USA, EU, NATO, Black Sea Region, European security.*

Информация об авторе

Самойловская Наталья Александровна

младший научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности ИМИ МГИМО МИД России

E-mail: natalya.samoylovskaya@gmail.com

Natalya A. Samoylovskaya

Junior Research Fellow, Center for Euro-Atlantic Security, MGIMO-University

E-mail: natalya.samoylovskaya@gmail.com

СИСТЕМА ИНФОРМАЦИОННОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США КАК ЛИДЕРА НАТО В КОНТЕКСТЕ ВОЙНЫ В БОСНИИ (1992–1995 гг.) И КОНФЛИКТА В КОСОВО И МЕТОХИИ (1999 г.)

М. П. ТЕЛЕНЬГА

***Аннотация:** Кризис, поразивший Югославию в 1990-е гг., позволил Соединённым Штатам продемонстрировать своё лидерство в рамках нового миропорядка. НАТО, возглавляемый США, в условиях «гуманитарной интервенции» действовал за пределами «меры ответственности», осуществлял управление международными миротворческими силами. В связи с этим изменился сам статус НАТО.*

Информационное сопровождение действий США сначала в войне в Боснии и Герцеговине, а затем в косовском конфликте опиралось на ранее отработанный механизм. До начала участия американских войск в обоих конфликтах США заручились поддержкой своих действий мировой общественности. Для этого была проведена большая информационная кампания по формированию отрицательного имиджа президента СРЮ С. Милошевича и сербов в целом. Упор делался на освещение якобы имевшихся националистических проявлений со стороны сербского населения, от которых страдали другие народы Югославии.

Однако у механизма информационного сопровождения действий США на территории Югославии в 1990-е гг. есть ряд отличительных особенностей. Как и предыдущие конфликты, балканские конфликты освещались как в прессе, так на телевидении. Методы освещения были схоже с уже апробированными ранее методами: объективная правда, полуправда, дезинформация. Однако американские журналисты зачастую не присутствовали не только на территории конфликта, но и Югославии в целом и вели свои репортажи из соседних стран. Этот факт повышал количество дезинформации, которая предоставлялась общественности. Во время войны в Боснии и Герцеговины сербы находились в условиях информационной блокады, точка зрения этой стороны конфликта не поступала на международное обозрение. Кро-

ме того, известные факты фальсификации информации: сообщение о существовании концлагеря в Трнополи, геноциде албанцев сербским населением, трагедия в с. Рачак.

Доработанный во время указанных конфликтов механизм информационного сопровождения предполагал работу с населением Югославии. Особое внимание уделялось сербам.

Поражение сербов в войне в Боснии и Герцеговине и конфликте в Косово, а также революция в Сербии 2000 года доказали верность элементов нового выработанного механизма и его универсальный характер. В дальнейшем он был применён в войне в Ираке, Ливии, «цветных революциях» в бывших странах Советского Союза, перевороте в Египте.

Ключевые слова: *США, система информационного сопровождения внешней политики США, внешняя политика, информация, Косово и Метохия, Югославия, Босния и Герцеговина.*

Введение. В современной системе международных отношений Соединённые Штаты Америки являются непревзойдённым по мощи государством во всех видах структурной силы: военной, политической, экономической, финансовой, технологической, информационной. Однако в связи падением авторитета государства, а также ростом антиамериканских настроений по всему миру, связанными с действиями американского правительства на международной арене, США проводят агрессивную политику доминирования в мировой политике.

Основной целью данной политики является стремление США создать гомогенную социальную среду, в рамках которой американские ценности будут распространяться на все уровни жизнедеятельности: от личностного до глобального. Важную роль в этой стратегии играет система информационной составляющей «мягкой силы» американского государства.

Одним из главных примеров информационной сопровождения внешней политики США стали события в Югославии 1990-х гг. После распада социалистического блока СССР давление внешнеполитических факторов на СФРЮ возросло⁷³. В то же время националистическое сепаратистское движение в республиках Югославии привлекало внимание Запада.

Теоретические основания исследования. В данной статье мы прибегаем к использованию понятия «система информационного сопровождения внешней политики».

⁷³ См.: Манькин, А. С. Формирование новой системы международных отношений и югославский кризис / А. С. Манькин, Е. А. Степанова // На рубеже веков / МГУ им. Ломоносова, Белградский ун-т. 1997. № 1. С. 55–63.

Система информационного сопровождения — устойчивая в своей внутренней организации совокупность взаимосвязанных информационных явлений и процессов, которые аккумулируются американским истеблишментом и неправительственными организациями на основе совокупности идей и стратегического планирования.

Информационное сопровождение внешней политики государства представляет собой механизм и процесс воспроизводства стратегически спланированной концепции внешней политики, её внедрение в общественное сознание и использование в политической борьбе. Оно нацелено на осуществление внешнеполитических задач путём донесения цели внешней политики государства до каждого человека. Исходя из этого, главной целью информационного сопровождения выступает формирование в общественном сознании установок, которые гарантируют поддержку действий и решений руководства государства, донесение до общественного сознания представлений о внешней политике государства, адекватных интересам правящих групп, формирование определённого поведения получателей информации, распространение ценностей и идей внутри и за пределами субъекта-носителя этих ценностей.

Администрация государства регулирует процесс информационного сопровождения внешней политики, причём на ней лежит ответственность за прямо или косвенно осуществляемые механизмы, связанные с выработкой и принятием решений, управлением государством и распределением власти.

Реализация внешней политики происходит как внутри государства, так и во внешней среде, — уровне системы международных отношений.

Информационное сопровождение внешней политики США имеет двойную природу: оно формировалось и в форме идей и концепций, и в качестве программы конкретных действий и схем по её реализации. Системный подход позволяет рассматривать информационное сопровождение внешней политики США как закольцованное явление, связанное с его элементами.

Методология исследования представляет собой комплекс методологических и теоретических подходов, принципов и методов общенаучного и исторического познания. Исследование осуществлялось в рамках системного подхода, который позволил рассмотреть информационное сопровождение внешней политики США как пример достаточно устойчивой системы, основанной на наличии чётких её элементов.

Историко-системный метод является основным для данной работы, поскольку создаёт условия для изучения информационного сопровождения внешней политики США в системе гомогенной среды, которая

выстраивается международными отношениями, а также в системе внутренних связей государственной политики США. Особую роль в проведении сравнительной характеристики играют элементы системы, среды, как внешней, так и внутренней, а также взаимосвязь между ними.

Принцип историзма предполагает рассмотрение всех исторических процессов и событий в рамках конкретной исторической эпохи, к которой они принадлежат. Исторические события анализируются в конкретном проявлении в определённый исторический период. Обращение к данному принципу обусловлено продолжительностью развития системы информационного сопровождения внешней политики США, которая существует в течение десятилетий. Это определяет необходимость изучения динамики эволюции информационного сопровождения внешней политики государства.

Метод индукции в данном исследовании способствовал изучению частных фактов и выведению на их основе общих свойств и характеристик информационного сопровождения внешнеполитических акций США. Более того, этот метод позволил диссертанту дать определение понятия «информационное сопровождение».

Историко-генетический метод лежит в основе рассмотрения эволюции исторических явлений и позволяет анализировать причины их изменений. Для данного исследования метод оказался полезен в рамках выяснения причин информационного сопровождения внешнеполитических акций.

Метод исторической реконструкции позволяет воссоздать исторические события, связанные с системой информационного сопровождения внешнеполитических акций США, на основании исторических источников. Диссертант использовал этот метод во всех главах исследования для лучшего понимания процесса эволюции системы.

Сравнительно-исторический метод даёт возможность сопоставить формы и содержание системы информационного сопровождения внешнеполитических акций США на разных этапах её развития: на этапе существования биполярного мироустройства и на этапе однополярности.

Метод контент- и ивент-анализа предполагает анализ происхождения и содержания исторических источников. Анализ происхождения способствовал выявлению диссертантом конкретных обстоятельств создания того или иного документа. Анализ содержания позволил автору осуществить интерпретацию исторических фактов о реализации тех или иных программ информационного сопровождения различных внешнеполитических акций США.

До начала кризиса биполярной системы конца 1980 — начала 1990-х гг. американская администрация не проявляла большого интереса в отношении конфликтов на территории Югославии. После установления нового мирового порядка, прихода к власти в США демократической администрации Б. Клинтона, США разрешение кризиса на Балканах.

В 1992 году США и ЕС поспешно приняли Декларацию от 10 марта 1992 года «О признании югославских республик»[1], в которой подчёркивалось позитивное стремление признать независимость республик Югославии, в которые в 1991–1992 гг. прошли референдумы.

В целом местом возникновения новой балканской войны в начале 1990-х гг., согласно прогнозу, изложенному в докладе ЦРУ [2], который был частично опубликован в ноябре 1990 г., называлось именно Косово, которое считалось главным очагом гражданской войны в СФРЮ [3]. Возможность войны предполагалась в течение ближайших 18 месяцев и оценивалась американскими экспертами как весьма реальная⁷⁴. Не случайно на территории бывшей Югославии в декабре 1992 г. миротворческий контингент ООН впервые появился именно в граничащей с Косово Македонии.

Было очевидно, что даже не НАТО, а Соединённые Штаты Америки как наиболее активный и мощный член Альянса стали в политическом и военно-силовом отношении главным актором событий, развивавшихся на территории Балканского полуострова в 1990-е гг. С высоты сегодняшнего дня становится ясно, что Вашингтон привлёк в качестве третьей стороны конфликта европейские государства [4]. Эксперты отмечают, что внутренние конфликты в Югославии уже с первой половины 1992 г. стали обсуждаться в Брюсселе с позиций военного вмешательства по инициативе США [5].

Предвестницей конфликта в Сербии стала гражданская война 1992–1995 гг. на территории Боснии и Герцеговины. В ходе неё США впервые применили тактику «гуманитарной интервенции», которая в последующем стала очень популярной для ведения внешней политики Соединённых Штатов. Парадокс этого варианта доминирования на международной арене проявляется в том, что мировое сообщество делало вывод об угрозе жизни граждан какого-либо государства со стороны «безответственного правительства». В случае с Югославией Сербию упрекали в применении тяжёлого вооружения во внутреннем конфликте, и бомбовые удары на территории Боснии и Герцеговины вос-

⁷⁴ См.: Woehrel S. Kosovo: The Next Post-Yugoslav Crisis?: Congressional Research Service (CRS) Report. — Washington, D.C., 1992. Nov. 16.

принимались как единственно возможный сценарий урегулирования ситуации. Информационным сопровождением боснийского плана США стали медийные определения сербов главными виновниками насилия на территории Югославии. Американский истеблишмент сделал ставку на мусульман и хорватов, которых американские СМИ изображали жертвами сербского террора. Приведём количественное соотношение заголовков⁷⁵ статей, которые касались событий в Боснии и Герцеговине 1992–1995 гг. в «The New York Times Sunday Edition» (табл. 2). Отметим, что почти западные печатные СМИ старались представить мнение pro и contra для создания видимого плюрализма и объективности. Однако количественно соотношение таково, что материалы в поддержку сербских действий в Боснии и Герцеговине перекрываются и нивелируются репортажами о зверствах, которые якобы чинят боснийские сербы.

Самой яркой фальсификацией, повлиявшей на мировую общественность и якобы доказывающей зверства сербов по отношению к иным народам Югославии, стал репортаж британской телекомпании Independent Television Network (ITN) от 6 августа 1992 г. о сербском лагере смерти в боснийском Трнополи [6]. В 2009 г. канадскими исследователями из агентства Global Research, занимающегося исследованиями мировых социальных процессов, был проведён анализ на наличие вышеупомянутого лагеря смерти и право законности объявления «гуманитарной интервенции» на основании существования лагеря [7]. Лагеря смерти на территории Трнополи не оказалось, что показывается в отчёте видеоагентства [8].

Другим известным фактом информационного сопровождения «гуманитарной интервенции» является резня в боснийском городе Сребреница. В июле 1995 г. Армией Республики Сербской (далее — АРС) под командованием Ратко Младича была проведена расправа над мирными мусульманскими беженцами [9]. По данным Международного суда ООН погибло от 7 до 8 тысяч мусульманских мужчин и мальчиков. Это дало возможность американским военным убедить своих европейских коллег в необходимости бомбардировки боснийских сербов. Международный трибунал по бывшей Югославии вменяет данный инцидент в качестве обвинения Ратко Младичу. Однако сербская и российская стороны до

⁷⁵ Для контент-анализа мы выбрали заголовки, потому что они имеют большее воздействие на сознание читателей. Во-первых, как правило, получатель информации читает не все статьи и не до конца, а заголовки, особенно вынесенные на первую полосу, читаются всегда. Во-вторых, лаконичные мысли и идеи, напечатанные крупным шрифтом, оседают в сознании намного прочнее и в будущем служат основой для формирования мнения читателя.

Таблица 1

Соотношение заголовков газет

Критерии соотношения	Количество/процент заголовков
«Против боснийских сербов и Сербии»	58/88 %
«В поддержку боснийских сербов и Сербии»	6/9 %
Нейтральное отношение к боснийским сербам и Сербии	2/3 %
Всего выпусков газеты	19

сих пор отрицают факт резни. По словам военного корреспондента М. Дрецуна (Milovan Drecun) в интервью автору диссертации, записанном в апреле 2014 года в Косово, задокументировано, что, продвигаясь к Сребренице, АРС прошла через 43 мусульманских села, и ни один мусульманин не пострадал [10]. Вызывает особый интерес и неоднозначное отношение в среде учёных доклад Генерального секретаря ООН от 15 ноября 1999 г., в котором говорится: «...Некоторые из оставшихся в живых членов делегации из Сребреницы заявили, что президент Изетбегович также сказала им, что, как он узнал, вмешательство НАТО в Боснии и Герцеговине возможно, но только в том случае, если сербы ворвутся в Сребреницу и убьют по крайней мере 5000 её жителей...» [11]. Образ Сребреницы с 1995 г. и до настоящего момента олицетворяет собой символ зла и зверства⁷⁶. Обработка общественного мнения при помощи СМИ⁷⁷ послужила оправданием последующих более агрессивных политических мер в отношении сербов [12]. Мало того, Дейтонские соглашения, положившие конец боснийской гражданской войне, расширили сферу влияния США и НАТО и развязали Соединённым Штатам руки — теперь они могли вмешиваться в любой конфликт [13].

⁷⁶ См. Remembering Srebrenica URL: <http://www.srebrenica.org.uk> (дата обращения: 12.06.2016).

⁷⁷ В свет выходит ряд публикаций, описывающих «зверства» сербов по отношению к мусульманам, которые сформировали непримиримое восприятие образа сербского солдата в конфликте: Hedges C. Conflict in the Balkans: the Overview. Serbs Close in on 2nd Bosnian "Safe Area" // New York Times. 1995. 17th July; Hedges C. Serbs Forces Fights Dutch U.N. Troops in Eastern Bosnia // New York Times. 1995. 11th July; Kinzer S. Conflict in the Balkans: the Refugees. Muslims Tell of Atrocities in Bosnian Town // New York Times. 1995. 11 July; Zimonjic V. A Mother's Agony: "It was my son Azmir. I saw them shoot him" // The Independent. 1995. 14 July.

Проанализируем, чего достигли США после принятия Дейтонских соглашений. Во-первых, целью американского военного присутствия в Боснии и Герцеговине являлось полное и безоговорочное прекращении гражданской войны. Для этого США были готовы использовать любые действенные методы и средств. Данная значимая цель отвечала жизненно важным политическим интересам американского государства — стремлению к гегемонии. Последней надеждой на мир, по мнению американцев, являлось применение военной силы подразделениями НАТО в Боснии. Иные мирные методы оказывались невозможными и нереалистичными. Действительно, только военные операции НАТО под фактическим руководством США приводят к прекращению огня и началу переговорного процесса. Во-вторых, американцы стремились сохранить целостность боснийского государства. Они чётко осознавали опасность раздела многонационального государства по этническому принципу, понимая, что он может привести к непредсказуемым последствиям не только в балканском регионе, но и во всей Восточной Европе и странах СНГ. Мирные переговоры в Дейтоне, их итоги, последующая мирная операция на краткий период остановила агонию распада в Боснии и Герцеговине. В этой части позиция США более весома, чем их европейских союзников, допускающих возможность дезинтеграции боснийского государства. В-третьих, длительное «вхождение» в курс балканских дел американской администрации не позволило предотвратить ошибку европейских союзников: слишком поспешное признание независимости Хорватии и Словении, а вскоре Боснии и Герцеговины. Непростая ситуация правовых, исторических, политических аспектов суверенности новых независимых балканских государств привела к непредвиденным последствиям. В-третьих, негласно поощряя исламский фундаментализм, США не были заинтересованы в создании исламского государства на Балканах. Они не пошли на полный разгром боснийских сербов, осознавая, что они являются «естественным» препятствием для мусульманского экстремизма. В-четвёртых, воплощая идеи Дейтонских соглашений, американцы активно участвовали в их реализации. Неоспорим факт многомиллионной экономической помощи и сохранение лидерства в военной составляющей мирных операций.

Вместе с тем следующие агрессивные политические меры США не заставили долго ждать. «Новым» конфликтом на Балканском полуострове стал Косовский. Соединенные Штаты долгие годы поддерживали умеренную часть албанской оппозиции в Косово во главе с лидером Демократической лиги Косово И. Руговой, неофициально избранным в 1992 г. первым «президентом» самопровозглашенной «Республики Косово». 14 мая 1998 г.

американским посланником на Балканах Р. Холбруку была организована первая встреча И. Руговы с С. Милошевичем. На ней было принято решение продолжить переговоры в ходе дальнейших контактов [14]. 22 мая 1998 г. состоялись переговоры между И. Руговой и С. Милошевичем. Следующая встреча была отложена из-за ввоза И. Руговы в Вашингтон. Его встреча с Б. Клинтонем, которая, по замыслу американских дипломатов, должна была поднять авторитет И. Руговы среди косовских албанцев, привела к обратному результату. За ним укрепилась репутация «марионетки США» [15]. Этому способствовало и совпадение визита И. Руговы в США с временной отменой Контактной группой (19 мая) и Европейским союзом (26 мая) решения о запрете инвестиций в экономику СРЮ. Это было своеобразное поощрение Сербии за начавшийся диалог с косовскими албанцами. Официально администрация Б. Клинтона продолжает считать «д-ра Ругову, избранного более чем 85 % албанского населения Косово, законным представителем косовских албанцев» [16], но внешнеполитические круги США укрепляются в мысли о том, что «лидирующие позиции г-на Руговы серьезно, если не окончательно, ослаблены» [17].

Решением президента США определены объекты воздействия: на политическом уровне — это широкие слои населения стран НАТО и мировая общественность, на стратегическом — правительство, народ и вооруженные силы Югославии. Данные мероприятия запланировано провести в два этапа.

На первом этапе (до начала агрессии) было организовано информационное воздействие на политическом уровне. Его основными объектами стали широкая общественность стран НАТО, других государств Европы, включая Россию, население Ближнего и Среднего Востока, Азии. Главными целями на этом этапе стало обеспечение международной поддержки курса США и их союзников; а также активизация работы по убеждению мирового сообщества, что в Югославии нарушаются права косовских албанцев. Оправданием этому стала необходимость применения военной силы.

На втором этапе (с началом агрессии) основной акцент был сделан на ведение информационного противоборства на стратегическом уровне. Основными объектами воздействия на территории СРЮ были определены правительство, личный состав вооруженных сил и население. Конечная цель всех мероприятий по информационному воздействию на этом этапе — безоговорочная капитуляция СРЮ на условиях США и НАТО.

План информационного сопровождения операции в Косово и Метохии был согласован со всеми странами-участницами НАТО. В США основные задачи выполняли Госдепартамент США, Информационное агентство США, радиостанции «Голос Америки», «Свобода», «Свободная

Европа», ЦРУ США и специалисты-психологи из Пентагона. Представительства (офисы) Информационного агентства США в странах Запада бесплатно рассылали в адрес тысяч радиостанций многих стран мира свои передачи в записи, издавали различные информационные бюллетени [18]. Большое значение в деятельности Информационного агентства США уделялось распространению американских материалов в зарубежной прессе. Следует подчеркнуть, что распространение продукции самого Информационного агентства США внутри США было строго запрещено.

Основной составляющей информационного сопровождения внешнеполитических и военных действий США на территории Балкан являлось массированное воздействие крупнейших СМИ стран Запада на население и личный состав вооруженных сил СРЮ, государств Североатлантического блока, а также мировую общественность. Для обеспечения позитивного мирового общественного мнения о действиях НАТО страны блока во главе с США вели мощное и активное информационное воздействие, направленное на формирование образа врага, против которого не только можно, но и необходимо применить оружие.

Таким образом, информационное сопровождение операции НАТО в Косово и Метохии мощно воздействовало на информационные системы СРЮ. Целью такого воздействия было не только уничтожение источников информации, но подрыв системы управления, который привёл к изоляции не только военных сил, но и населения.

У Косово и Метохии есть своя Сребреница — трагедия в деревне Рачак. Согласно версии албанской Армии Освобождения Косово (АОК), представители югославских силовых ведомств устроили в селе массовую расправу над гражданским населением, убив 45 мирных жителей. Инцидент в Рачаке, поданный в этом свете, послужил поводом для НАТО впервые поднять вопрос о применении силы в отношении Югославии. По воспоминаниям сербского военного корреспондента М. Дрецуна, 8–10 января 1999 г. в окрестностях Рачака произошло несколько нападений боевиков АОК на югославских полицейских [20], в результате чего погибло 4 полицейских. 14 января 1999 г. полиция окружила село, так как подозревала, что в нём скрываются убийцы.

По утверждению Министерства внутренних дел СРЮ, при попытке полицейских подразделений войти в село по ним был открыт огонь из стрелкового оружия и миномётов, а сепаратисты АОК укрывались в окопах и импровизированных бункерах. После прорыва обороны сепаратисты отступили в горы к югу от села. По сообщениям югославской полиции, в бою были убиты несколько десятков сепаратистов, большая

часть которых была одета в униформу АОК. При этом трофеями югославов стали несколько пулемётов, две снайперские винтовки, несколько десятков автоматов, ручные гранаты, радиостанция.

Западные СМИ сообщали: «Жители деревни рассказали журналистам западных информагентств, что сербская полиция, обыскивая село, арестовала 26 мужчин, один из которых был найден мёртвым на следующий день»⁷⁸. В «Washington Press» появилась статья, в которой один из жителей Рачака, Муса Якупи, якобы рассказывал репортеру газеты, как полиция избивала задержанных мужчин, а затем заставила группу жителей бежать вверх по холму, в результате чего крестьяне попали под перекрёстный огонь со стороны полиции и сепаратистов АОК [19].

Утром 16 января 1999 г. журналисты различных СМИ на горе Бебуш осмотрели несколько тел погибших, ещё несколько тел были обнаружены ими в самом селе, которое к тому моменту вновь контролировали албанские сепаратисты. Всего сообщалось о 23 телах на горе и 16 телах в селе⁷⁹. По описаниям журналистов, многие были убиты выстрелом в голову с близкого расстояния, одно из тел было обезглавлено.

Для установления истины и проведения экспертизы была создана экспертная группа. Как утверждает известный российский исследователь-балканист Е. Ю. Гуськова, по мнению экспертов, большинство убитых были албанскими военными, затем переодетыми в гражданскую одежду. На пальцах были найдены следы пороха, а пулевые отверстия были найдены на телах, но не на одежде. Однако их доклад не был опубликован [20]. Инцидент в деревне Рачак стал одной из ключевых причин бомбардировок Сербии.

Таким образом, в ходе информационного сопровождения на этапе подготовки агрессии НАТО США удалось создать необходимые международные условия для своих силовых акций и их поддержки в международных организациях.

С началом бомбардировок военные действия описывались как политическая борьба вовлечённых в конфликт сторон, не влекущая за собой необратимых последствий. О «гуманитарной катастрофе» первоначально ничего не упоминалось. В начале 1999 г. журнал The Economist на постоянной основе публиковал информацию, посвященную расстановке политических сил в регионе. В ней шла речь о западных посредниках, с помощью которых между собой должны были догово-

⁷⁸ См. Рачак: истине или лже. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ukRdQSxbmNk> (дата обращения: 11.12.2015).

⁷⁹ Там же.

риться различные группы албанцев. Основным вопросом переговоров являлась степень автономности края Косово и Метохии [21]. Албанские сепаратисты представлялись самостоятельной политической силой, стремящейся спровоцировать правительство СРЮ на действия, чреватые гибелью гражданского населения в крае и «сделать интервенцию НАТО неизбежной» [22]. Это могло приблизить сепаратистов к реализации политических целей. Отмечалось, что ни югославская армия, ни наблюдатели ОБСЕ не могли предотвратить новых поставок вооружений Освободительной армии Косово [23].

В публикациях также отмечалось желание правительства сохранить контроль над страной, играя на противоречиях соперников. Ставка делалась на существование противоречий между континентальными европейскими странами, которые не были склонны наносить бомбовые удары по Югославии и не рассматривали их как возможный и приемлемый — выход из кризиса, с одной стороны, и военным руководством НАТО склонным именно к такому варианту развития событий — с другой [24].

Наличие «внешних» интересов в регионе в журнале было завуалировано. В январе 1999 года в материалах журнала возможность достижения соглашения между конфликтующими сторонами ставилась в зависимость не только от ситуации на Балканах, но и в Вашингтоне: «...США дистанцировались от Милошевича, и нет уверенности в том, что достижение соглашения, которое даёт Милошевичу возможность вновь воспрянуть духом, желательно» [25]. Этот факт говорил о начале официального разрывания информационной кампании и подготовки военного решения. Открыто эта линия проявилась только во время бомбардировок Югославии: все публикации в журнале размещались под общим заголовком «Война с Милошевичем», а не миротворческая или иная операция.

Президент США Б. Клинтон в своем обращении к стране заявил: «В 1989 году сербский лидер Слободан Милошевич... лишил жителей Косово конституционной автономии, тем самым отказав им в праве говорить на родном языке, иметь свои школы, свой жизненный уклад. В течение многих лет население Косово прибегало к мирным средствам борьбы за возвращение своих законных прав. Когда же президент Милошевич направил войска и полицейские формирования, чтобы сокрушить их, борьба приобрела ожесточенный характер.

Как президент США я обязан решать подобные проблемы, не дожидаясь, пока они нанесут непоправимый ущерб нашим национальным интересам. Америка должна поддерживать своих союзников, когда они становятся на защиту мирного населения, на защиту мира, свободы и стабильности в Европе. Именно это мы и делаем в Косово» [26].

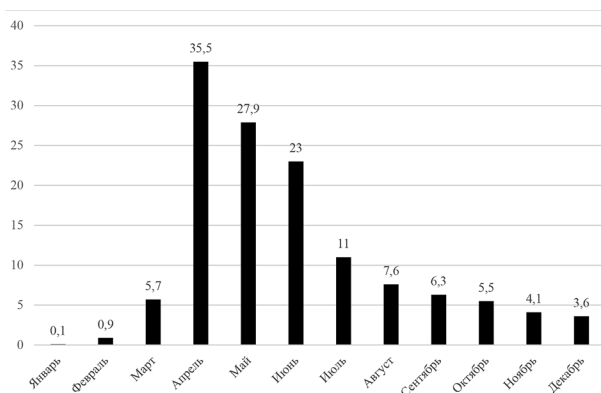

Рис. 1. Динамика уровня публикаций и новостных сюжетов, посвящённых конфликту в Косово и Метохии 1999 г.

Впечатляющая картина, если бы она только соответствовала действительности. Ни слова о территориальной целостности Югославии, ни слова о геноциде косовских сербов со стороны вооруженных банд косовских албанцев, ни слова о спровоцированной Западом так называемой «гуманитарной катастрофе».

После начала военной кампании НАТО во главе с США против Сербии тема конфликта в Косово стала главной для многих американских СМИ (рис. 1⁸⁰). Данная ситуация справедлива как для печатных, так и для телевизионных средств массовой информации.

Информационное сопровождение бомбардировок НАТО с самого начала было очень активным. Министр обороны США У. Коэн (William Cohen) за первый день бомбардировок выступил сразу в восьми телепрограммах, в пяти утренних выпусках новостей основных телеканалов и трех наиболее популярных вечерних информационно-аналитических передачах⁸¹. У. Коэну помогли также помощник президента США по национальной безопасности С. Бергер (Samuel Berger) и госсекретарь М. Олбрайт.

⁸⁰ Для анализа использованы публикации таких печатных изданий как "Newsweek" — 9 статей, "The Daily Telegraph" — 5 статей, "TIME" — 2 статьи, "The New York Times Sunday Edition" — 6 статей, "The National Interest" — 4 статьи, "The Nation" — 2 статьи, а также новостные сюжеты таких телеканалов, как CNN — 11 сюжетов, FOX News — 7 сюжетов, NBC News — 5 сюжетов. В общей сложности был проанализирован 51 новостной материал, который был опубликован или выпущен в течение 1999 г.

⁸¹ См.: Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. — М.: Издательство «КДУ», 2011. — С. 165.

Таблица 2⁸²

Характеристика сторон конфликта в Косово и Метохии 1999 г. в СМИ США

Албанская сторона		Сербская сторона	
Характеристика	Количество упоминаний	Характеристика	Количество упоминаний
Граница	16	Силы	58
Беженец	15	Солдаты	18
Войска	15	Войска	17
Лидеры	10	Машина войны	12
Мирный житель	8	Сопrotивление	10
Косовский мужчина	7	Телевидение	10
Деревни	5	Официальные лица	7
Магазин	5	Президент	7
Женщина	5	Милиция	5
Обычаи	3	Наступление	5
Телевидение	2	Жестокость	3
Художники	2	Национализм	3
Суверенитет	1	Националист	

К гражданам США с антисербским выступлением обратился Б. Клинтон. Своим соотечественникам он в доступной для американцев форме разъяснил причины применения военной силы в отношении суверенного государства.

В этот же период прошла серия передач на телевизионном канале CNN, в ходе которых военные эксперты и аналитики буквально заполнили основную часть времени новостных и аналитических выпусков активной информационной поддержкой действий НАТО в Сербии. Ведущим корреспондентом CNN была К. Аманпор (Christiane Amanpour) — жена официального представителя Госдепартамента США Дж. Рубина (James Rubin). Отметим, что использование корреспондента-женщины

⁸² Для анализа использованы публикации таких печатных изданий как "Newsweek" — 19 статей, "The Daily Telegraph" — 26 статей, "TIME" — 12 статьи, "The New York Times Sunday Edition" — 16 статей, "The National Interest" — 5 статей, "The Nation" — 3 статьи, "Washington Post" — 41 статей, а также новостные сюжеты таких телеканалов как CNN — 56 сюжетов, FOX News — 38 сюжетов, NBC News — 57 сюжетов. В общем сложности было проанализировано 273 новостных статьи и сюжета, которые были опубликованы или выпущены в течение 1999 г.

для освещения сюжетов о «зверствах» сербов в Косово и Метохии, страданиях косоварских женщин и детей имело сильное психологическое воздействие на американскую аудиторию.

Только в течение первых двух недель операции в Косово и Метохии СМИ США подготовили более 300 сюжетов и статей, которые были размещены в Интернете. В среднем каждая статья содержала около десяти упоминаний о «беженцах», «этнических чистках», «массовых убийствах». В то же время упоминание о жертвах среди мирного населения СРЮ встречалось в среднем 0,3 раза. Анализ содержания текстов 261 сообщения позволяет сделать вывод о том, что проводимое информационное сопровождение конфликта в Косово и Метохии было хорошо отработано: в повествовании о сербской стороне конфликта основное внимание уделяется единицам боевой техники и неодушевлённым предметам, тогда как албанская сторона описывается с личностных составляющих военного конфликта (табл. 2)⁸³.

Таблица 4⁸⁴

Темы и количество публикаций, посвященных военным действиям в Косово 1999 г.

Темы публикаций	Количество статей
Геноцид албанского населения в Косово	9
Критика политики С. Милошевича	6
Страдания и лишения албанских беженцев	5
Анализ хода военной кампании в Косово — её тактика и стратегии	5
Дискуссии о целесообразности военной кампании в Косово: международная реакция	3
Межэтнический конфликт в Косово	2
Разрушения в Сербии	1

⁸³ См.: The Kosovo News and Propaganda War. Vienna, 2001.

⁸⁴ Для анализа и составления таблицы было отобрано и обработано 28 статей из различных источников: "Newsweek" — 9 статей, "The Daily Telegraph" — 5 статей, "TIME" — 2 статьи, "The New York Times Sunday Edition" — 6 статей, "The National Interest" — 4 статьи, "The Nation" — 2 статьи (См.: Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. — М.: Издательство «КДУ», 2011).

Большинство публикаций в печатных СМИ, как видно из табл. 4, посвящено страданиям косовских албанцев и геноциду албанского народа. Ни в одной статье не подвергается сомнению факт наличия геноцида. Подавляющее большинство газетных материалов содержит в себе негативную или резко отрицательную оценку действий сербского руководства. Конфликт рассматривается и оценивается односторонне. Используя опыт освещения вьетнамской войны, американские журналисты большую часть предоставляемой информации не верифицируют и не подтверждают реальными фактами.

Одним из безотказных приемов информационного сопровождения конфликта в Косово и Метохии стало использование так называемых объективных цифр и документальных данных. Так, один из аналитиков CNN заявил о будто бы имевшем место факте использования 700 албанских детей для создания банка крови, предназначенного для сербских солдат [27]. Такая дезинформация, естественно, произвела сильное впечатление на общественное мнение Запада.

Несмотря на сильнейшее информационное сопровождение своих действий со стороны США и НАТО и неблагоприятный информационный фон, руководство СРЮ в целом достаточно успешно противостояло этому информационному потоку. В ходе конфликта не было зафиксировано случаев частичной или полной потери контроля над ситуацией со стороны югославских институтов власти из-за нарушения информационной инфраструктуры. Большой вклад в это внёс М. Дрецун (Milovan Drecun), сербский военный корреспондент, который на протяжении всего конфликта находился в расположении сербской армии и готовил новостные сюжеты⁸⁵.

С началом бомбардировок Косово и Метохия оказались закрытой зоной для большинства СМИ. Суть всех⁸⁶ поступавших оттуда репортажей состояла в том, чтобы усилить антиправительственную пропаганду посредством рассказов беженцев об их нечеловеческих страданиях, повсеместных грубых нарушениях прав гражданского населения.

По воспоминаниям военного корреспондента М. Дрецун, в связи с цензурой со стороны сербов и НАТО в сочетании с запретами Косово, новости с мест событий в Югославии превращались в набор мифов, слухов и небылиц, откровенной лжи [28]. Большинство корреспондентов западных СМИ находилось в ближайших к Сербии странах: в Ма-

⁸⁵ См. Drecun M. Rat za Kosovo. Belgrad, 2013; Drecun M. Drugi Kosovski Boj. Belgrad, 2013; Drecun M. Bitka za Metokhijj. Belgrad, 2012.

⁸⁶ См.: The Kosovo News and Propaganda War. Vienna, 2001.

кедони, Боснии и Герцеговине, Словении. Они приезжали в Косово и Метохию или Белград на несколько часов для снятия репортажа и возвращались в места пребывания [29].

Один из немногих оставшихся в Приштине журналистов, освещавших конфликт, Пол Ватсон (Paul Watson) "Los Angeles Times", писал об одном из представителей НАТО Джейми Ши (Jamie Shea): «Даже в Косово я не могу избавиться от голоса мистера Ши по спутниковому телевидению. Он преследует меня странным образом, отрицая то, что я считаю правдой, настаивает на истинности того, что я считаю фальшивкой» [30].

Натовские бомбардировки Югославии обросли мифами. Г. Матич (Goran Matić), министр информации СРЮ, в интервью, взятом автором данного исследования в апреле 2014 года, во время пребывания в Косово, утверждал, что многие западные журналисты превратились в «своеобразных марионеток», их материалы стали не более чем средством выражения мнений и оценок военных [31].

Во время информационного сопровождения военной операции НАТО и США в Косово и Метохии американским истеблишментом было сделано немало ошибок, которые привели к временным неудачам. Так, настоящий провал тактики произошёл при интерпретации руководителями НАТО факта авиационного удара по колонне беженцев в Косово и Метохии 14 апреля 1999 г. Заголовок в «Тайм» (TIME) от 15 апреля 1999 г. гласил: «Наши бомбы — его вина!». «Что бы ни случилось», — пишет «The Daily Telegraph» — «Слободан Милошевич полностью ответственен за обстоятельства, приведшие к гибели беженцев» [32]. И очень часто действительно виновные непостижимым образом превращались в «жертв пропаганды, удачно проводимой Милошевичем» [33].

Ряд ведущих мировых радиостанций, важную роль среди которых играл «Голос Америки», значительно увеличили интенсивность радиовещания в УКВ-диапазоне на страны Балканского региона на албанском, сербохорватском и македонском языках. При этом радиостанции использовали американские передатчики, которые в срочном порядке были установлены на границах с Сербией.

С целью подрыва информационного потенциала СРЮ НАТО нанёс ракетно-бомбовые удары по телевизионным и радиостанциям, студиям и ретрансляторам, редакциям СМИ, большинство которых было уничтожено, что фактически означало ликвидацию системы телерадиовещания СРЮ⁸⁷. При этом уничтожение местной информационной

⁸⁷ Здание Радио и Телевидения Сербии не восстановлено до сих пор (автор был в Белграде в 2014 году).

сети сопровождалось ультимативным предложением к югославским властям о прекращении бомбардировок данных объектов в случае предоставления шести часов вещания через местные СМИ представителям США и НАТО.

Силами ВВС США над территорией Югославии было разбросано более 22 млн листовок с призывами к сербам выступить против президента С. Милошевича и способствовать скорейшему завершению операции объединенных сил НАТО. Примерно до 60 % агитационного материала разбрасывалось над позициями югославской армии, а остальной предназначался местному населению городов, прежде всего, столицы, — Белграда и Нови-Сада.

Впервые мощная информационная поддержка крупной военной операции НАТО была развернута в сети Интернет. В ней было размещено более 300 тыс. сайтов, посвященных или в разной степени затрагивающих югословскую проблему и военную операцию Альянса в Югославии. Подавляющее большинство сайтов было создано непосредственно или при содействии американских специалистов по компьютерным технологиям, что, безусловно, повысило эффективность информационного сопровождения операции. В ходе военных действий в нероссийской части сети Интернет большую часть информационного пространства занимали публикации западных журналистов и политологов, поддерживающих стратегию и деятельность НАТО, а также официальные пресс-релизы США [34].

При этом на Западе всячески подчеркивается, что ООН и ОБСЕ не способны влиять на кризисные ситуации современности. США считают необходимым поддерживать достигнутое военное превосходство НАТО и американское присутствие в Европе [35].

Все эти системные действия подготовленного механизма информационного сопровождения операции НАТО позволяют сделать вывод об успешности воздействия его методов реформирования.

Заключение. После распада СССР и демонтажа социалистической системы США столкнулись с задачей формирования новой внешнеполитической парадигмы. Дж. Бушем-старшим была провозглашена так называемая концепция «Нового мирового порядка». По заявлениям президента основаниями этой концепции служили принципы многосторонности и отстаивания норм международного права. Гарантом нового мирового порядка как «лидера свободного мира» США позиционировали себя. Кроме того, Соединённые Штаты Америки в рамках концепции вводили своего рода стандарт поведения мировых государств и правительств. Соблюдение правил и норм, составляющих стандарт

поведения, гарантировало государственный суверенитет, нарушение влекло за собой наказание. Институциональным механизмом осуществления этих действий должна была стать ООН. Определённые успехи во внешней политике закрепили за США статус мировой державы.

Концепция «Нового мирового порядка» была пересмотрена во времена президентства Б. Клинтона. Новая концепция также имела глобалистскую направленность. Главным её принципом стало «расширение демократии». Администрация Клинтона уделяла особое внимание трансатлантической политике. Стратегическим направлением концепции считалась Центральная и Восточная Европа.

Кризис, поразивший Югославию в 1990-е гг., позволил Соединённым Штатам продемонстрировать своё лидерство в рамках нового миропорядка. НАТО, возглавляемый США, в условиях «гуманитарной интервенции» действовал за пределами «меры ответственности», осуществлял управление международными миротворческими силами. В связи с этим изменился сам статус НАТО.

Информационное сопровождение действий США сначала в войне в Боснии и Герцеговине, а затем в косовском конфликте опиралось на ранее отработанный механизм. До начала участия американских войск в обоих конфликтах США заручились поддержкой своих действий мировой общественности. Для этого была проведена большая информационная кампания по формированию отрицательного имиджа президента СРЮ С. Милошевича и сербов в целом. Упор делался на освещение якобы имевшихся националистических проявлений со стороны сербского населения, от которых страдали другие народы Югославии.

Однако у механизма информационного сопровождения действий США на территории Югославии в 1990-е гг. есть ряд отличительных особенностей. Как и предыдущие конфликты, балканские конфликты освещались как в прессе, так на телевидении. Методы освещения были схожи с уже апробированными ранее методами: объективная правда, полуправда, дезинформация. Однако американские журналисты зачастую не присутствовали не только на территории конфликта, но и Югославии в целом и вели свои репортажи из соседних стран. Этот факт повышал количество дезинформации, которая предоставлялась общественности. Во время войны в Боснии и Герцеговины сербы находились в условиях информационной блокады, точка зрения этой стороны конфликта не поступала на международное обозрение. Кроме того, известные факты фальсификации информации: сообщение о существовании концлагеря в Трнополи, геноциде албанцев сербским населением, трагедия в с. Рачак.

Доработанный во время указанных конфликтов механизм информационного сопровождения предполагал работу с населением Югославии. Особое внимание уделялось сербам.

Поражение сербов в войне в Боснии и Герцеговине и конфликте в Косово, а также революция в Сербии 2000 года доказали верность элементов нового выработанного механизма и его универсальный характер. В дальнейшем он был применён в войне в Ираке, Ливии, «цветных революциях» в бывших странах Советского Союза, перевороте в Египте.

Литература

1. Caplan R. Europe and Recognition of New States in Yugoslavia. — Cambridge University Press. 2005. — P. 188–189.
2. CIA official site URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-fact-book/geos/print/country/countrypdf_kv.pdf (дата обращения: 12.06.2016).
3. Юлдашев Т. А. Информационно-психологические операции в региональных конфликтах в 1990-е гг. XX в.: дис. ... канд. ист. наук. — Краснодар, 2004. — С. 55.
4. Schitz C. Die NATO-Intervention in Jugoslawien. Hintergrund, Nebenwirkungen und Folgen. Wien, 2003. S. 14.
5. Штоль В. В. Армии «нового мирового порядка». М.: ОГИ, 2010.
6. Bosnia and Herzegovina death camps for muslims OMARSKA/TRNOPOLJE 6.8.92 URL: https://www.youtube.com/watch?v=NF-JfhMZJ_Y (дата обращения: 16.08.2016)
7. <http://www.globalresearch.ca/the-bosnian-serb-death-camp-fabrication-pretext-for-r2p-humanitarian-intervention-1992-in-yugoslavia/5463541>
8. Serbian Concentration Camp fabrication URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4xss0Ep1MJM> (дата обращения: 11.12.2015).
9. Remembering Srebrenica URL: <http://www.srebrenica.org.uk/what-happened/srebrenica-genocide/happened-srebrenica/> (Дата обращения: 12/05/2015)
10. Из интервью военного корреспондента М. Дрецуна автору. Материал находится в личном архиве автора. Д. 1, т. 4, п. 1, з. 2 от 16.04.2014.
11. The Fall of Srebrenica: report of Secretary General pursuant to General Assembly resolution 53/35. A/54/549. NY: UN, 1999. P. 57–58.
12. Pukanic I. US Role in the Storm: Thrilled ith Operation Flash, President Clinton Give the Go Ahead to Operation Storm // Nacional. Zagreb. 2005. 24 May.
13. США в новом мире: пределы могущества. М., 1998. С. 442.
14. Dinmore G. U. S. Envoy Arranges Kosovo Peace Talks: Yugoslav President, Albanian Leader to Meet for the First Time in Belgrade // Washington Post. 1998. May. 14.

15. Erlanger S. Clinton Meets Delegation from Kosovo // *New York Times*. 1998. May. 30.
16. Statement of Hon. Robert S. Gelbard, Special Representative of the President and the Secretary of State for Implementation of the Dayton Peace Accords // *The Crisis in Kosovo*. P. 17. Statement of Hon. Morton I. Abramovitz, International Crisis Group; and former Assistant Secretary of State for Intelligence and Research // *The Crisis in Kosovo*. P. 65.
17. Юлдашев Т.А. Информационно-психологические операции в региональных конфликтах в 1990-е гг. XX в.: дис. ... канд. ист. наук. — Краснодар, 2004. — С. 221.
18. Из интервью военного корреспондента М. Дрецуна автору. Материал находится в личном архиве автора. Д. 1, т. 2, п. 4, з. 6 от 12.04.2014.
19. Дрецун М. Други Косовски бој. — Београд, 2013. — С. 13.
20. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). — М.: Русское право/Русский Национальный Фонд, 2001. — С. 669.
21. *The Economist*. 1999. January. 16. P. 32.
22. *The Economist*. — 1999. January 23. P. 27–28.
23. *The Economist*. 1999. January. 16 P. 32; *Ibid*. February 13. 1999. P. 32–33.
24. Юлдашев Т.А. Информационно-психологические операции в региональных конфликтах в 1990-е гг. XX в.: дис. ... канд. ист. наук. — Краснодар, 2004. — С. 76.
25. *The Economist*. 1999. January. 16. P. 32.
26. Юлдашев Т.А. Информационно-психологические операции в региональных конфликтах в 1990-е гг. XX в.: дис. ... канд. ист. наук. — Краснодар, 2004. — С. 157.
27. Danilovic B. S. *Masmedijske lahi I globalizam (zlohin protiv Jugoslavije)*. Kosovska Mitrovisa, 2003. S. 103.
28. Drecun M. *Rat za Kosovo*. Belgrad, 2013. S. 56.
29. Из интервью военного корреспондента М. Дрецуна автору. Материал находится в личном архиве автора. Д. 1, т. 4, п. 1, з. 4 от 11.04.2014.
30. Drecun M. *Rat za Kosovo*. Belgrad, 2013. S. 111.
31. Из интервью министра информации Югославии Г. Матича автору. Материал находится в личном архиве автора. Д. 2, т. 3, п. 3, з. 2 от 17.04.2014.
32. Из интервью генерала сербской армии, защищавшего Косово и Метохию, В. Галяка (Vasilj Galjak) автору диссертации. Материал находится в личном архиве автора. Д. 3, т. 1, п. 3, з. 1 от 05.04.2014.
33. *The Kosovo News and Propaganda War*. Vienna, 2001: P. 376.
34. Вилков К. Балканский кризис в отражении источников сети Интернет // *Россия и НАТО после Балканского кризиса*. Н.Новгород, 1999. С. 31.
35. Hamre J. Remarks. Op. Cit.; Cohen W. Defense Authorization Bill singing ceremony. Remarks as delivered by the secretary of defense: William. S. Cohen. The Pentagon, Washington, DC. October 5, 1999. URL: <http://www.defenselink.mil/speeches/1999/sl9991005-secdef.html> (дата обращения: 11.12.2015).

The information maintenance system of US foreign affairs as NATO leader in context of war in Bosnia (1992–1995) and conflict in Kosovo and Metokhia (1999)

Marina P. Telenga

Abstract: *The crisis in Yugoslavia in 1990s gave an opportunity to USA to demonstrate their leadership in new world order. NATO, led by USA, was acting outside the “accountability measures” in terms of “humanitarian intervention”, managed international peacekeeping forces. In this regard, NATO changed its status.*

The information maintenance for US actions, first in war in Bosnia and Herzegovina, and then in the Kosovo conflict was based on the previously established mechanism. Prior to the involvement of US troops in both the US conflicts enlisted the support of the actions of the world community. To this end, a large information campaign on the formation of a negative image of the FRY president Slobodan Milosevic and the Serbs as a whole was held. Emphasis was placed on coverage of alleged nationalist manifestations on the part of the Serbian population suffered by other peoples of Yugoslavia.

However, the mechanism of information maintenance of US actions in Yugoslavia in the 1990s has a number of distinctive features. As with previous conflicts, the Balkan conflicts were covered in the press, because on television lighting methods were similar to the previously tested methods: objective truth, half-truths, and misinformation. But American journalists didn't often present not only in the conflict, and their reports were from neighbouring countries. This fact increases the amount of misinformation that was provided to the public. During the war in Bosnia and Herzegovina, Serbs were in an information blockade, the point of view of the sides of the conflict did not act on the international review. In addition, well-known facts of falsification of information: the message of the existence of concentration camp in Trnopolje, the genocide of Albanians by the Serbian population, the tragedy of Racak.

The modified informational maintenance mechanism intended to work with the people of Yugoslavia. Special attention was given to the Serbs.

The defeat of the Serbs in the war in Bosnia and Herzegovina and the conflict in Kosovo, as well as the revolution in Serbia in 2000 proved the loyalty of new elements to develop a mechanism and its universal character. Later it was applied to the war in Iraq, Libya, the “colour revolutions” in the former Soviet Union republics, the revolution in Egypt.

Keywords: *USA, evolution, system of information maintenance of US foreign affairs, foreign affairs, “soft power”, information, information maintenance, system.*

References

1. Caplan R. Europe and Recognition of New States in Yugoslavia. Cambridge University Press. 2005. P. 188–189.
2. CIA official site URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-fact-book/geos/print/country/countrypdf_kv.pdf (дата обращения: 12.06.2016).
3. Yuldashev T. A. Informatsionno-psikhologicheskie operatsii v regionalnykh konfliktakh v 1990-e gg. XX v.: dis. ... kand. ist. Nauk, Krasnodar, 2004. S. 55.
4. Schitz C. Die NATO-Intervention in Jugoslawien. Hintergründe, Nebenwirkungen und Folgen. Wien, 2003. S. 14.
5. Stol V.V. Armii “novogo mirovogo poryadka”. M.: OGI, 2010.
6. Bosnia and Herzegovina death camps for muslims OMARSKA/TRNOPOLJE 6.8.92 URL: https://www.youtube.com/watch?v=NF-JfhMZJ_Y (дата обращения: 16.08.2016)
7. <http://www.globalresearch.ca/the-bosnian-serb-death-camp-fabrication-pretext-for-r2p-humanitarian-intervention-1992-in-yugoslavia/5463541>
8. Serbian Concentration Camp fabrication URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4xss0Ep1MJM> (дата обращения: 11.12.2015).
9. Remembering Srebrenica URL: <http://www.srebrenica.org.uk/what-happened/srebrenica-genocide/happened-srebrenica/> (Дата обращения: 12/05/2015)
10. From interview of war correspondent M. Drecun to author of research D. 1, t. 4, p. 1, z. 2 / 16.04.2014.
11. The Fall of Srebrenica: report of Secretary General pursuant to General Assembly resolution 53/35. A/54/549. NY: UN, 1999. P. 57–58.
12. Pukanic I. US Role in the Storm: Thrilled ith Operation Flash, President Clinton Give the Go Ahead to Operation Storm // Nacional. Zagreb. 2005. 24 May.
13. США в новом мире: пределы могущества. М., 1998. С. 442.
14. Dinmore G. U.S. Envoy Arranges Kosovo Peace Talks: Yugoslav President, Albanian Leader to Meet for the First Time in Belgrade // Washington Post. 1998. May. 14.
15. Erlanger S. Clinton Meets Delegation from Kosovo // New York Times. 1998. May. 30.
16. Statement of Hon. Robert S. Gelbard, Special Representative of the President and the Secretary of State for Implementation of the Dayton Peace Accords // The Crisis in Kosovo. P. 17. Statement of Hon. Morton I. Abramovitz, International Crisis Group; and former Assistant Secretary of State for Intelligence and Research // // The Crisis in Kosovo. P. 65.
17. Yuldashev T. A. Informatsionno-psikhologicheskie operatsii v regionalnykh konfliktakh v 1990-e gg. XX v.: dis. ... kand. ist. Nauk, Krasnodar, 2004. S. 221.
18. From interview of war correspondent M. Drecun to author of research. D. 1, t. 2, p. 4, z. 6 / 12.04.2014.

19. Drecun M. Drugi Kosovki boj. Beograd, 2013. S. 13.
20. Guskova E.Yu. Istoriya Jugoslavskogo krizisa (1990–2000). — M.: Russkoe pravo/ Russkiy Natsionalny Fond, 2001. S. 669.
21. The Economist. 1999. January. 16. P. 32.
22. The Economist. — 1999. January 23. P. 27–28.
23. The Economist. 1999. January. 16 P. 32; Ibid. February 13. 1999. P. 32–33.
24. Yuldashev T. A. Informatsionno-psikhologicheskie operatsii v regionalnykh konfliktakh v 1990-e gg. XX v.: dis. ... kand. ist. Nauk, Krasnodar, 2004. S. 76.
25. The Economist. 1999. January. 16. P. 32.
26. Yuldashev T. A. Informatsionno-psikhologicheskie operatsii v regionalnykh konfliktakh v 1990-e gg. XX v.: dis. ... kand. ist. Nauk, Krasnodar, 2004. S. 157.
27. Danilovic B. S. Masmedijske lahi I globalizam (zlohin protiv Jugoslavije). Kosovska Mitrovica, 2003. S. 103.
28. Drecun M. Rat za Kosovo. Belgrad, 2013. S. 56.
29. Из интервью военного корреспондента М. Дрецуна автору диссертации. Материал находится в личном архиве автора. Д. 1, т. 4, п. 1, з. 4 от 11.04.2014.
30. Drecun M. Rat za Kosovo. Belgrad, 2013. S. 111.
31. From interview of information minister of Yugoslavia to author of research. D. 2, t. 3, p. 3, z. 2 / 17.04.2014.
32. From interview war colonel Vasilj Galjak to author of research. D. 3, t. 1, p. 3, z. 1 / 05.04.2014.
33. The Kosovo News and Propaganda War. Vienna, 2001: P. 376.
34. Vilkov K. Balkansky krizis b otrazhenii istochnikov seti Internet // Rossiya I NATO posle Balkanskogo krizisa. N. Novgorod, 1999. S. 31.
35. Hamre J. Remarks. Op. Cit.; Cohen W. Defense Authorization Bill singing ceremony. Remarks as delivered by the secretary of defense: William. S. Cohen. The Pentagon, Washington, DC. October 5, 1999. URL: <http://www.defenselink.mil/speeches/1999/sl9991005-secdef.html> (дата обращения: 11.12.2015).

Информация об авторе

Теленьга Марина Павловна

Преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и дипломатии факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета

email: marina.telenga@gmail.com

Marina P. Telenga

Teacher of board of foreign region studies and diplomacy, Faculty of history, sociology and international relations, Kuban State University

Email: marina.telenga@gmail.com

Круглый стол
«Трансрегионализм Евразии»

Модератор

А.Д. Воскресенский

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМА

М. Л. ГОРБУНОВА, И. Д. КОМАРОВ

Аннотация. Политические и экономические макрорегионы Евразии переживают новый этап развития, проявляющийся в интенсификации взаимодействия между субъектами международных отношений на разных уровнях. Процессы глобализации затронули внутренние регионы Евразии, находящиеся прежде в изоляции из-за слабо развитой транспортной инфраструктуры, а их экономические системы получили новые импульсы роста. Дополнительным фактором является необходимость решать вопросы безопасности на континенте совокупными усилиями внешних и внутренних акторов. Цель исследования — дать оценку политико-экономическим аспектам трансрегионального взаимодействия в Евразии. По мнению авторов, наилучшая комплексная взаимосвязь между этими двумя формами общественных отношений проявляется в рамках интеграционных объединений. В настоящее время Евразия переживает бум новых интеграционных и квазиинтеграционных инициатив, среди которых — продвигаемые Китаем проекты «Новый шелковый путь» (НПШ) и Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), реализуемое США мегарегиональное торговое соглашение Транстихоокеанское партнёрство (ТТП), Евразийский экономический союз (ЕАЭС) под эгидой России, важную роль на континент продолжает играть Евросоюз. На основе оценки показателей макроэкономической динамики и внешней торговли интеграционных объединений и их прототипов исследование выявило хорошие перспективы наименее координированных в политическом отношении — НШП и ВРЭП.

Ключевые слова: трансрегионализм, интеграция, Европейский союз, Новый Шелковый путь, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство, Транстихоокеанское партнёрство, Евразийский экономический союз

Введение. На современном этапе глобального развития общественные процессы, протекающие на евразийском пространстве, при-

обретают все более консолидированный характер. Военно-политическая и экономическая неустойчивость Афганистана, нестабильность на Ближнем Востоке затрагивают не только близлежащие страны, но и другие, относительно благополучные части континента: в решение проблем терроризма, радикальной исламизации, усиления массовой миграции и непрекращающейся наркоторговли вовлечены ЕС, Россия, Китай, Индия, Саудовская Аравия и другие крупные акторы-инсайдеры континента вкупе с активным присутствием США, исполняющих в регионе функции единственной глобальной сверхдержавы, стремящейся обеспечить безопасность.

Экономическое взаимодействие в рамках евразийского континента из-за слабости развития внутренней инфраструктуры происходило в рамках отдельных макрорегионов или за счет наиболее вовлеченных в глобализацию морских держав, среди которых — лидеры Западной Европы, Япония, Южная Корея и другие «азиатские тигры», Китай, в меньшей степени — Российская Федерация, Индия, Индонезия, арабские страны-экспортеры нефти. Глобальная стагнация, начавшаяся с финансовым кризисом 2008 г. и породившая эпоху «новой нормальности» (общемирового понижения темпов экономического роста), заставила бизнес обратить внимание на незанятые, прежде считавшиеся бесперспективными и слишком рискованными для ведения бизнеса развивающиеся и наименее развитые страны, преимуществом которых является эффект «низкой базы», обеспечивающей высокие темпы роста. Практически сразу встал вопрос о преодолении дефицита общественного капитала в рассматриваемой группе стран, формирующего негативные экстерналии (или непроизводительные расходы бизнеса) и тормозящего привлечение инвестиций, о необходимости создания рабочих мест и формирования потребительского потенциала. Важным вопросом стало снятие межстрановых барьеров на пути товаров и факторов производства, что активизировало заключение двусторонних и многосторонних соглашений о либерализации торгово-инвестиционных отношений.

Теоретические основания исследования. В общем смысле, процессы трансформации отношений между странами и макрорегионами Евразии являются предметом изучения мирового комплексного регионоведения. По мнению А. Д. Воскресенского, тенденции последнего времени позволяют утверждать, что:

- в настоящее время складывается принципиально новое качество влияния региональных процессов на глобальный уровень международных отношений;

- в последние десятилетия происходит трансформация глобальной системы международных отношений, в которой существенное, если не определяющее влияние играют процессы перераспределения регионального влияния и региональной мощи, новые конфигурации макрорегиональных союзов и блоков, которые, в конечном счете, определяют конфигурацию нового регионального порядка второй четверти XXI в. и характер системы глобального управления;
- региональные процессы (региональное понимание мировых процессов) могут выдаваться за глобальные или альтернативные глобальным, оказывать влияние или переформатировать глобальные [Воскресенский, 2012].

Экономисты воспринимают регионализацию как одновременное проявление глобализации и фрагментации мирового хозяйства. Главной формой реализации регионализма в международных экономических отношениях в настоящее время являются региональные интеграционные объединения (РИО), быстро распространяющиеся в большинстве макрорегионов мира. В аналитический контекст возвращается идея развивающего регионализма, политики экономической кооперации, координации и интеграции между развивающимися экономиками (*underdeveloped economies*), направленная на ускорение темпов развития как участвующих стран, так и географического региона в целом и основанная на предположении, что стран-соседи, обладая общей региональной идентичностью, помогая друг другу, смогут достигнуть более высоких темпов развития, чем действуя по отдельности [Sloan, 1971]. Представляется, что наиболее ярким примером реализации идеи развивающего регионализма является инициатива КНР «Один пояс — Одни путь», официальная концепция которого включает среди главных составных частей:

- совершенствование политического согласования участвующих стран (воспринимаемое экспертами как продвижение региональной экономической интеграции);
- ускорение строительства единой транспортной сети, которая включала бы в себя сквозную транспортную магистраль от Тихого океана до Балтийского моря и трасс, соединяющих восточную, западную и южную Азию;
- увеличение объемов торгового и инвестиционного сотрудничества, снижение и ликвидация торговых барьеров, сокращение издержек, упрощение бюрократических процедур [Госкомитет КНР по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции, 2015].

Основой реализуемых региональных интеграционных объединений (РИО) является либерализация торгово-инвестиционных процессов, определяемая геополитическими и геоэкономическими интересами. Вследствие чего формируются новые конфигурации в существующей системе международных отношений, имеющие трансрегиональный характер.

Трансрегиональные Транстихоокеанское и Трансатлантическое торговое и инвестиционные партнерства (ТПП и ТТИП), порождены не стремлением к интеграции, а кризисом многосторонних торговых переговоров в рамках ВТО. Мегарегиональные торговые соглашения — ТТП и ТТИП — ориентированы на фрагментарную либерализацию и будут вносить вклад в сглаживание глобальных противоречий и дисбалансов между развитыми и развивающимися странами.

Авторы предполагают изучать динамику процессов трансрегионализма на пространстве Евразии на основе изучения существующих и формирующихся интеграционных объединений, торговых соглашений и иных гибридных инициатив, сходных с начальными проявлениями интеграции. Для оценки перспектив развития интеграционных и квазиинтеграционных инициатив авторы используют подход, использованный в работе Л. З. Зевина [Зевин, 2016], опирающийся, с одной стороны, на оценку динамических показателей блокирующейся группы стран, а с другой — на измерение уровня консолидированности или экономической «плотности» территории (*connectivity*).

Исследования системы международных отношений в Евразии, по мнению авторов, переходят на качественно новый уровень и требуют отказа от прежних традиций политического и экономического анализа. Прежде всего, в доктрине должно утвердиться понятие «Евразия» в том смысле, который сейчас применяется к категории «Большая» Евразия. Поскольку как философско-политическое учение «евразийство» появилось в начале XX в. и фокусировалось на особом пути России, как «подлинно континентальной» державы. Таким образом, до недавнего времени, в теории и практике межстранового взаимодействия идеи евразийского развития имели отношение к республикам бывшего СССР и странам Восточной Европы, входящим в непосредственный периметр влияния России. Например, в работе А. П. Цыганкова в статье «Осваивая евразийское пространство: российская геополитическая мысль после распада СССР» именно в данном территориальном контексте проведен сравнительный анализ восприятия Евразии ведущими отечественными школами геополитической мысли [Tsugankov, 2003].

Однако, начиная со второго десятилетия XXI века континент стал «сжиматься» в политическом, экономическом и гуманитарном смысле,

и евразийский контекст стал более широким, приобретя трансрегиональный контекст. Так, по мнению К. Калдера — автора работы «Новый континентализм: энергетика и геополитика Евразии в XXI веке» (*The New Continentalism: Energy and Twenty-First Century Eurasian Geopolitics*) [Calder, 2012], к этому привели изменения динамики развития ведущих стран континента, которые сначала обеспечили им внутренний экономический рост, а затем — открыли путь к усилению региональной политико-экономической взаимозависимости, приведя в итоге к изменению конфигурации системы международных отношений на всем евразийском континенте. Генезис евразийского континентализма нового типа он увязывает, во-первых, с необходимостью обеспечить безопасную транспортировку энергоносителей из арабских стран, России и стран Центральной Азии в динамично развивающиеся страны Восточной и Южной Азии; во-вторых, с ресурсной взаимодополняемостью указанных макрорегионов; в-третьих, с необходимостью формирования общей транспортной сети, инвестиции в строительство которой требуют политических гарантий, снижающих риски и транзакционные издержки.

Подтверждением такого сценария развития событий является история проекта «Новый шелковый путь», изначально предложенного США в рамках стратегии обеспечения безопасности и стабильности в регионе после вывода американских войск из Афганистана. В американском понимании либерализация межстрановой торговли и возведение более 40 инфраструктурных объектов должны были обеспечить устойчивую экономическую базу развития Афганистана и связать его и другие государства Центральной Азии (бывшие республики СССР) с Индией и ее соседями. Помимо экономических преимуществ данная инициатива позволила бы снизить влияние России и Китая на Центральную Азию [Fallon, 2014; Kim, Indeo, 2013]. «Китайское» видение «Нового шелкового пути» подразумевает сочетание двух инициатив: «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП), связывающего восточное побережье Китая с Европой скоростной железной дорогой и подразумевающего также строительство грузовых терминалов и аэропортов, и «Морского шелкового пути XXI в.» (МШП). Из-за своей двойственности определяющая для внешнеэкономической стратегии КНР инициатива получила название «Один пояс — один путь» (*One Belt, One Road*).

Наиболее полным воплощением евразийского трансрегионализма в настоящее время являются интеграционные и квазиинтеграционные объединения: продвигаемый Китаем проект «Один пояс, один путь» (ОПОП) или Новый Шелковый путь (НШП), реализуемое при активном участии Китая, стран АСЕАН и их ключевых партнёров Всеобъемлющее

региональное экономическое партнерство (ВРЭП), Транстихоокеанское партнерство (ТТП) во главе США, Евразийский экономический союз (ЕАЭС) под эгидой России, так как все они сформированы странами, входящими в разные макрорегионы ООН¹. В целях повышения репрезентативности исследования к данным группам стран добавлены Европейский Союз и Шанхайская организация сотрудничества (несмотря на то, что данная организация имела изначальную военно-политическую ориентированность, КНР лоббирует создание на ее основе зоны свободной торговли для сопряжения ЭПШП и ЕАЭС), также подпадающие под указанный критерий трансрегиональности.

Исследование: основная часть. Цель исследования — изучение особенностей современного состояния и развития ЕС, ВРЭП, ТТП, ЕАЭС, НШП и экономической повестки ШОС на основе существующих и новых моделей и подходов к анализу интеграции.

Методология исследования. В ходе исследования был применен комплексный анализ, включающий такие характерные для политической науки методы, как системный и сравнительный. Сравнительный анализ реализован в отношении статистических показателей, характеризующих существующие и формирующиеся интеграционные объединения, торговые соглашения и гибридные инициативы, сходные с начальными проявлениями интеграции. Авторы расширяют подход Л. З. Зевина [Зевин, 2016], распространяя его на анализ интеграционных объединений, торговых соглашений и гибридных инициатив и дополняя набор показателей оценки такими макроэкономическими показателями, как удельный вес в мировом ВВП, уровень ВВП на душу населения, среднегодовые темпы роста, уровень открытости объединений и индекс Херфиндаля-Хиршмана, позволяющий выявить отсутствие или наличие явного лидера в рассматриваемых группах стран.

Материалы исследования. В рамках исследования рассматриваются экономические показатели следующих интеграционных объединений, инициатив и мегарегиональных торговых отношений, касающихся Евразии:

- Европейский Союз (ЕС);
- Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП);
- Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС);

¹ Список макрогеографических (континентальных) регионов, географических субрегионов, а также отдельных экономических и других группировок ООН. Composition of macro geographical (continental) regions, geographical sub-regions, and selected economic and other groupings. Available at: <http://unstats.un.org/unsd/methods/m49/m49regin.htm>

- Транстихоокеанское партнерство;
- Инициатива «Один пояс — Один путь».

В работе использованы статистические данные:

1. Банка данных группы Всемирного банка (World Data Bank);
2. Базы данных ООН по мировой торговле (UN Comtrade Database).

Европейский союз (the European Union — the EU). В историческом плане наиболее долгую историю насчитывает интеграция в Европе, которая начала формироваться сразу после Второй мировой войны. В настоящее время членами ЕС являются 28 государств (см. рис. 1²), последней в союз в 2013 г. вступила Хорватия. Европейский Союз — наиболее развитое интеграционное объединение, достигшее в настоящее время уровня экономического союза в соответствии с классификацией Б. Балассы. Необходимо отметить, что экономический союз на базе европейской интеграции не является полным, так как только 19 стран имеют единую валюту и таким образом опережают по степени объединения остальные страны.

Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (Regional Comprehensive Economic Partnership — RCEP). Данное соглашение опирается на самое старое интеграционное объединение в Азии — Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (*Association of South East Asian Nations, ASEAN — АСЕАН*), декларация о создании которой была подписана в 1967 г. Успех АСЕАН привел к тому, что уже со второй половины 1980-х годов члены организации стали обсуждать проекты распространения интеграционных тенденций на Индокитай, северную часть Восточной Азии и страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), расположенные за пределами Азии, прежде всего Австралию и Новую Зеландию. В рамках дальнейшей экспансии АСЕАН сложилось два тренда: 1) продвижение интеграции только в рамках Восточной Азии; 2) вовлечение в интеграцию неазиатских тихоокеанских государств — США, Австралии и Новой Зеландии [Байков, 2011]. В определенном смысле итогом первого направления является и ВРЭП (рис. 2), поскольку Австралия и Новая Зеландия из-за своего экономико-географического положения тесно интегрированы с Юго-Восточной Азией.

Транстихоокеанское партнёрство (рис. 3) отражает вторую тенденцию, особенностью которой, по мнению А. А. Байкова, является расположение драйверов интеграции вне АСЕАН, а по сути неформальное, а позднее и формальное, лидерство США, при активной роли Японии и Австралии

² Все карты реализованы авторами на основе использования интернет-ресурса Mapchart.net <https://mapchart.net/>

Круглый стол «Трансрегионализм Евразии»

Рис. 1. Страны-участницы Европейского союза

Рис. 2. Страны-участницы ВРЭП

[Байков, 2011]. По мнению авторов, такое развитие стало результатом пересмотра Вашингтоном его экономической, в первую очередь, торговой политики, обусловленной стремлением оказывать влияние и, в определенной степени, контролировать потенциал роста и развития лидеров АТР.

Активное развитие торговли в рамках АСЕАН, с одной стороны, и продвижение серии соглашений о свободной торговле со всеми крупными партнерами ассоциации в АТР (Китаем, Японией, Южной Кореей, Индией, Австралией и Новой Зеландией), известной как формат АСЕАН+6 — с другой, и привели к переговорам по созданию ВРЭП. ВРЭП продвигается КНР как альтернатива американскому проекту. Для успеха инициативы Пекину необходимо убедить страны региона в отсутствии опасности и враждебности своего политического режима и отсутствии стремления навязывать собственные ценности в ущерб сложившимся на территориях суверенных государств норм и традиций. Несмотря на изначально заложенную конфронтацию между блоками, участие некоторых государств — Австралии, Брунея, Малайзии, Новой Зеландии, Сингапура — в двух региональных торгово-экономических проектах (ТПП и ВРЭП), по мнению авторов, говорит о возможном потенциале снижения уровня напряженности и противоречия между этими двумя проектами, что может способствовать сближению этих проектов снизив противоборствующую роль США и КНР.

Рис. 3. Страны-участницы ТПП

По мнению российских экспертов П. А. Кадочникова и О. В. Пономаревой, формирование ВРЭП скажется на развитии международной торговли и многосторонней торговой системы, так как среди участников переговоров ВРЭП много крупных развивающихся экономик, которые не являются сторонниками продвижения либерализации на многостороннем уровне в сложившемся формате ВТО, но, тем не менее, они участвуют в переговорах по группе обязательств ВТО+, что может послужить развитию данной организации [Кадочников, Пономарева, 2014].

Транстихоокеанское партнерство (Trans Pacific Partnership — TPP). Данное соглашение связано с деятельностью форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, неформальным лидером которого являлись США, поддерживаемые своими союзниками и ключевыми экономическими игроками региона — Японией и Австралией. В объединении принимают участие также Россия и Китай.

В феврале 2016 г. Часть участников АТЭС — США, Япония, Канада, Мексика, Австралия, Новая Зеландия, Сингапур, Бруней, Чили, Перу, Малайзия и Вьетнам подписали Соглашение о формировании Транстихоокеанского партнерства. Данное соглашение охватывает беспрецедентное количество вопросов торговой повестки. ТТП регулирует не только сферу международной торговли товарами и услугами (доступ на рынки), перемещение капиталов и рабочей силы, но и внутренние правила в странах-участницах в таких областях как трудовое право, экология, интеллектуальная собственность и ряде других. ТТП содержит повышенные обязательства по транспарентности применяемых правил торговли (заблаговременное опубликование и обсуждение с бизнесом, доступ к информации, более четкие разъяснения и др.) [Кадочников, Стапран, 2016]. Для международных компаний создание ТТП, — это сигнал, прежде всего, о формировании больших привлекательных рынков с низкими барьерами для движения товаров, услуг и инвестиций. Следствием этого будет переключение компаний с других рынков на контрагентов из стран ТТП [Кадочников, Стапран, 2016].

Несмотря на то, что ТТП охватывает только страны АТР с выходом к морю, перспективы распространения ТТП на АСЕАН существенны: страны-члены объединения не могут позволить себе экономического разрыва с Японией и США из-за того, что зависят от них технологически и отчасти финансово. Уже в период создания и функционирования АТЭС, желая избежать противостояния с США и одновременно воспользоваться преимуществами от дальнейшего торгово-экономического и технологического сотрудничества с ними, малые и средние страны АТР предпочли дать согласие на вхождение в 1989 г. в проект. В то время

как США официально согласились развивать интеграцию в АТР на чисто экономической основе, как того требовали страны АСЕАН [Байков, 2011].

Таким образом, по мнению авторов, дальнейшие перспективы ТТП неочевидны, в первую очередь, из-за смены политического лидерства в США. Другим фактором неопределенности является прямая конкуренция между ТТП и ВРЭП за определяющее влияние на малые и средние страны региона. По мнению авторов, существует возможность трансформации ТТП в политический блок или эта повестка станет неотъемлемой частью рассматриваемого торгово-экономического партнерства, что может привести к изменению расстановки сил в регионе и усилит позиции США в рамках торгово-экономического противостояния с Китаем. Страны, входящие в ТТП, представляют собой стратегическую опору США в Восточной и Юго-Восточной Азии и Океании. Таким образом может быть сформирована модель взаимодействия, когда ресурсы и доступ на рынок лидера в обмен на политическую лояльность в макрорегионе.

Евразийский экономический союз (Eurasian Economic Union — EEC). Россия как евразийская держава на протяжении длительного периода времени выступала определяющей силой в историческом развитии как малой, так и большой Евразии. С разной степенью интенсивности беря на себя ответственность за объединение государств постсоветского пространства, Россия непосредственно соединяет Европу и Азию, кроме того, страна является движущей силой интеграции на постсоветском пространстве. Исторически первой инициативой региональной интеграции является Содружество независимых государств (СНГ), соглашение, о создании которого было подписано в 1991 г. Для России как движущей силы интеграции было характерно обращение к европейской модели, поэтому СНГ имело формат экономического союза, который *de facto* довольно успешно функционировал в формате зоны свободной торговли.

Переход к следующему этапу — созданию Таможенного союза озаглавлен подписанием в январе 1995 г. Соглашения о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, к которому позднее присоединились Казахстан, Киргизия, в 1999 году — Таджикистан³. Далее в целях перевода сотрудничества упомянутых стран на качественно новый уровень 10 октября 2000 г. в городе Астане президентами Беларуси, Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана

³ История создания Таможенного союза. Совет Федерации Федерального Собрания РФ. Комитет по делам СНГ. Режим доступа: <http://sngcom.ru/key-issues/customs-union/history.html>

Рис. 4. Страны-участницы ЕАЭС

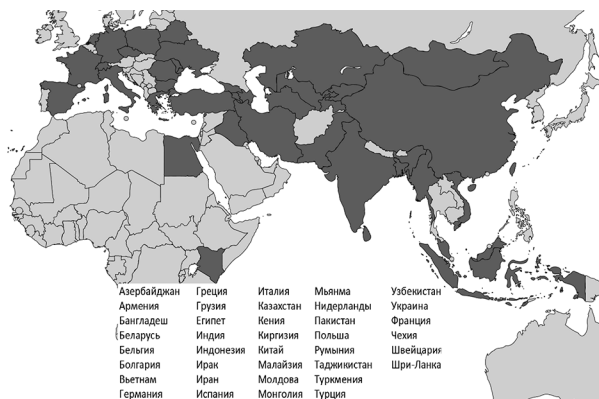

Рис. 5. Страны-участницы инициативы «Новый Шелковый путь (Один пояс, один путь)» (с учетом реализации экономических коридоров «Китай — Пакистан» и «Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма»)

был подписан Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Договор заключили страны СНГ, которые в политико-правовом и экономическом измерении оказались наиболее подготовленными к тесному интеграционному взаимодействию⁴. В 2014 г. было подписано новое соглашение — о создании Евразийского экономического союза, прекратившее действие соглашения о ЕврАзЭС. Первыми участниками договора стали — Беларусь, Казахстан и РФ, далее к ним присоединились Армения и Кыргызская Республика (рис. 4).

⁴ Там же

Новый Шелковый путь (New Silk Road; One Belt, One Road — NSR, OBOR). Как отмечалось ранее, изначально идея Нового Шелкового пути продвигалась США, в то время как «китайская» история Нового Шелкового пути (рис. 5) начинается с выступлений председателя КНР Си Цзиньпина в рамках визитов в Казахстан в сентябре 2013 г. и в Индонезию в октябре 2013 г., в ходе которых было заявлено создание проектов Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), связывающего восточное побережье Китая с Европой скоростной железной дорогой и подразумевающего кроме этого строительство грузовых терминалов и аэропортов, и Морского шелкового пути XXI в. (МШП).

Так как из-за эффекта «низкой базы» внутриазиатский и сопредельные рынки выглядят для китайских инвесторов многообещающими, относительно не занятыми западным бизнесом, перед ними открывается возможность освоить их за счет государственного финансирования [Ремыга, Падалко, 2015]. По мнению авторов, низкий уровень покупательной способности местного населения может явиться проблемой для китайцев, привыкших работать на развитых рынках с обеспеченным населением.

Другие внешние преимущества Китая от реализации проекта в целом соответствуют элементам китайской экономической дипломатии, традиционно направленным на:

- укрепление ресурсной базы, необходимой для дальнейшего подъема китайской экономики, за счет природных богатств России и географически близкого центрально-азиатского региона;
- обеспечение условий (путем создания зон свободной торговли) для беспрепятственного продвижения китайских товаров на рынки стран, через которые проходит Новый Шёлковый путь;
- формирование более коротких и безопасных маршрутов доставки экспортных и импортных грузов, прежде всего углеводородов;
- повышение региональной безопасности, необходимой для динамичного и стабильного социально-экономического роста, с учетом исходящих из соседних стран угроз (радикализация ислама, терроризм, высокий уровень социальной напряженности, др.);
- улучшение имиджа Китая в соседних государствах путем популяризации китайских морально-этических ценностей, продвижения образовательных проектов, финансирования различных культурных мероприятий [Лексютина, 2015; Чеклина, 2015; Holslag, 2015].

По мнению авторов, необходимым фактором успеха является сопряжение сухопутной части Нового Шелкового пути — Экономического пояса — с ЕАЭС, которое, скорее всего, будет реализовано в рамках

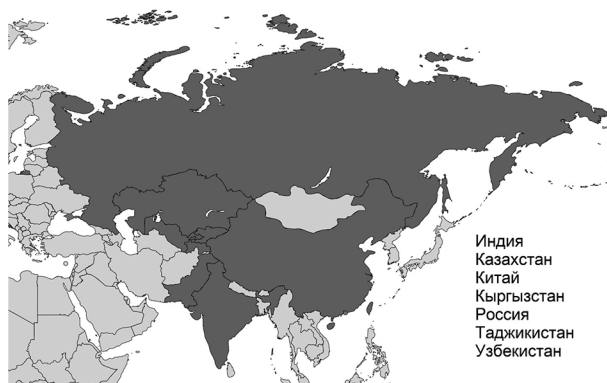

Рис. 6. Страны-участницы ШОС

зоны свободной торговли стран-участниц ШОС (рис. 5) или в рамках сопряжения с ВРЭП, идея которого была выдвинута Президентом РФ В.В. Путиным в рамках Петербургского экономического форума, состоявшегося в июне 2016 г. Авторы предполагают проанализировать потенциал зоны свободной торговли (трансрегионального торгового соглашения) на базе ШОС, так как из различных возможностей сопряжения НШП и ЕАЭС, в отношении окончательного варианта которого существует неопределённость, именно трансформация ШОС в экономическое объединение выглядит наиболее убедительной и соответствующей интересам участников.

Результаты исследования. Оценка экономических параметров интеграционных объединений, торговых соглашений и гибридных инициатив, функционирующих и формирующихся в Евразии представлен в таблицах 1–5.

Проведем анализ экономического потенциала интеграции. Как видно из таблиц все интеграционные объединения с участием КНР нарастили свою долю в мировой экономике (см. таблица 1), за счет опережающих темпов роста (таблица 2), при этом показательно опережающее увеличение доли ВРЭП в мировом экспорте, что говорит о том, что объединение развивается не только за счет своего лидера. Показательно, что по масштабам экономики, оцененной на основе ВВП, рассчитанного по ППС, Европейский союз опережает только ЕАЭС, в то время как его роль в мировом экспорте по-прежнему велика, здесь необходимо принять во внимание, что данный показатель включает в себя торговлю внутри союза.

Таблица 1

Доля интеграционных и квазиинтеграционных инициатив Евразии в мировой экономике и мировом экспорте, 2000–2015 гг.,%

Группа стран	Доля в мировом ВВП по ППС				Доля в мировом экспорте			
	2000	2005	2010	2015	2000	2005	2010	2015
ЕС	22,94	21,09	18,92	16,90	37,85	39,27	34,63	33,57
ВРЭП	26,71	29,14	33,09	36,88	16,86	19,07	20,09	30,47
ТПП	35,37	32,96	28,59	26,74	32,36	25,91	24,58	24,27
ЕАЭС	2,48	3,12	3,89	3,74	1,70	2,48	2,88	2,27
НШП ^{*,**}	40,33	42,81	47,83	50,57	37,25	42,86	44,64	45,87
ШОС	15,26	18,98	24,61	28,80	5,67	9,68	13,37	15,93

* здесь и далее список стран НШП включает Бангладеш, Мьянму и Пакистан

** из-за отсутствия у некоторых стран данных за 2015 г., показатели заменены данными более ранних периодов

Источник: расчеты авторов по World Development Indicators

Показательны также стагнация участников и сокращение удельного веса блоков ТПП и ЕАЭС в мировой экономике и международной торговле.

С точки зрения перспектив функционирования интеграционных блоков в условиях «новой нормальности» (см. табл. 2), сочетание эффекта «низкой базы» и устойчивых темпов роста характеризует только группу стран-участниц ШОС. ЕАЭС уступает в динамике, но является перспективным сточки зрения подушевого дохода. ТПП начал демонстрировать признаки стагнации, но не обладает эффектом «низкой базы», НШП в целом находится в сходном положении, но средний ВВП на душу населения — ниже, чем у ТПП, а значит потенциал роста — выше, хотя и сопоставим с общемировым. Показатели ЕС свидетельствуют, скорее, о неблагоприятных перспективах.

Стоит учесть, что эффект «низкой базы» сам по себе не является долгосрочным фактором развития, и, соответственно, правительствам, рассчитывающим на получение условий быстрого экономического роста, уже на текущем этапе необходимо думать о стратегии преодоления «ловушки» средних доходов.

Анализ торговли в рамках рассматриваемых групп показывает, что уровень открытости (соотношение экспорта к ВВП) (табл. 3) свидетельствует о значительных масштабах и открытости ЕС, в то время как ВРЭП,

Таблица 2

Перспективы функционирования интеграционных и квазиинтеграционных инициатив Евразии в условиях «новой нормальности», 2000–2015 гг., %

Группа стран	Средние темпы роста экономик, %				Средний ВВП на душу населения по ППС, долл. США			
	2000	2005	2010	2015	2000	2005	2010	2015
ЕС	3,88	2,09	2,15	2,22	18 241	29 074	33 654	32 005
ВРЭП	6,22	5,58	6,50	4,42	15 341	19 184	23 189	27 166
ТПП	4,84	4,17	5,39	2,55	23 322	28 574	33 441	38 408
ЕАЭС	7,39	7,83	4,25	0,01	4958	8634	13 103	15 962
НШП*: **	5,29	6,39	4,75	2,95	9739	12 593	16 566	19 530
ШОС	6,73	7,24	6,10	4,14	3410	5565	8462	10 987
Мир в целом	4,34	3,82	4,37	2,63	10 278	11 640	13 159	14 673

Источник: расчеты авторов по World Development Indicators

Таблица 3

Общие экспортные квоты интеграционных и квазиинтеграционных инициатив, 2000–2015 гг.

Группа стран	2000	2005	2010	2015
ЕС	33,74	35,16	38,57	43,77
ВРЭП	16,60	23,87	21,64	28,95
ТПП	14,85	15,88	18,30	18,77
ЕАЭС	45,79	37,24	31,27	30,54
НШП*: **	31,57	34,52	33,01	32,29
ШОС	21,94	30,82	26,21	22,90

Источник: расчеты авторов по World Development Indicators

ЕАЭС и НШП обладают сходным уровнем открытости в 30 %, показатели ШОС неустойчивы и отражают, скорее всего, опережающий рост ВВП

Таблица 4

Индекс Херфиндаля-Хиршмана интеграционных и квазиинтеграционных инициатив, 2000–2015 гг.

Группа стран	2000	2005	2010	2015
ЕС	1395	1285	1190	1239
ВРЭП	1879	2028	2425	2749
ТПП	4092	4091	3883	3842
ЕАЭС	7128	7059	7346	7234
НШП**:**	989	1162	1475	1794
ШОС	3540	3715	4002	4210

Источник: расчеты авторов по World Development Indicators

Примечание: для рынков уровень монополизации достигается при Индексе Херфиндаля-Хиршмана, равном 1800

по отношению к внешней торговле. Общий низкий уровень открытости ШОС отражает тот факт, что экспортная квота обратно пропорциональна размерам страны и уровню ее экономического развития, а членами являются одновременно одни из самых крупных экономик Евразии — Китай, Индия и Россия, и такие развивающиеся закрытые в торговом отношении страны как Пакистан, Таджикистан, Узбекистан. Низкий уровень открытости стран ТПП свидетельствует о том, что объединение использует стратегию экспорта капитала в том числе, по мнению авторов, в целях сокращения инвестиционных возможностей КНР в наиболее перспективной в глобальном отношении части АТР.

Данные таблицы 4 показывают результаты расчета индекса Херфиндаля-Хиршмана, используемый для оценки степени монополизации отрасли, рассчитываемый как сумма квадратов долей продаж каждой фирмы в отрасли. Для интеграционных блоков и квазиинтеграционных инициатив авторы адаптировали показатель, рассмотрев вместо показателя продаж ВВП стран-участниц. Результаты анализа показывают, что только ЕС и НШП (который вплотную приблизился к пороговому значению в 2015 г.) не соответствуют критериям монополизации. Таким образом, в остальных случаях речь идет о процессах интеграции и либерализации, имеющих четко выраженного лидера. Во всех интеграционных объединениях с участием КНР степень монополизации нарастает, что может свидетельствовать, с одной стороны, о нарастании

Таблица 5

Уровень экономической консолидации и доля в мировом экспорте с поправкой на консолидацию, 2000–2015 гг.

Группа стран	Уровень экономической консолидации				Доля в мировом экспорте с поправкой на консолидацию			
	2000	2005	2010	2015	2000	2005	2010	2015
ЕС	68,23	68,02	65,39	63,15	12,02	12,56	11,99	12,37
ВРЭП	36,63	39,08	41,01	38,23	10,68	11,62	11,85	18,82
ТПП	57,59	52,72	45,13	48,13	13,72	12,25	13,49	12,59
ЕАЭС	11,36	9,32	9,29	9,82	1,51	2,25	2,61	2,05
НШП1,2	47,96	48,14	47,42	44,10	19,38	22,23	23,47	25,64
ШОС	4,79	6,11	7,54	6,84	5,40	9,09	12,36	14,84

Источник: расчеты авторов по UNComtradeDataBase

противоречий и сопротивления лидеру в рамках, продвигаемых КНР инициатив, с другой — о возможностях лидера делиться ресурсами развития и влиянием с остальными участниками.

Анализ результатов таблицы 5 показывает, что ни одна из рассмотренных групп стран не обладает устойчивостью показателя экономической консолидации, рассчитываемого на основе внутриблоковой торговли. При этом ЕС демонстрирует снижение уровня консолидации объединения; ВРЭП, НШП и ШОС — рост и снижение (это может быть связано с тем, что во все эти группы входит КНР), ТПП и ЕАЭС — снижение и рост (объединять эти страны может сходный — так называемый односторонний характер интеграции, отчасти подтверждаемый расчетами индекса Херфиндаля-Хиршмана). Пороговый уровень экономической консолидации, позволяющий по мнению Л.З. Зевина [Зевин, 2016] использовать возможности объединения для ускоренного развития участвующих стран достигнут в большинстве рассмотренных групп стран, за исключением ЕАЭС и ШОС.

Доля групп в мировом экспорте за вычетом внутриблоковой торговли показывает заинтересованность стран в глобальной унификации правил и либерализации мировой торговли, которая реализуется в рамках ВТО. Экономические интересы в успехе повестки ВТО выражены в наибольшей степени у участников НШП, ВРЭП и ШОС, показательна в этом смысле низкая доля развитых стран, представленных в ЕС и ТПП, во вне-

блоковой торговле, что предопределяет отсутствие перспектив в преодолении стагнации переговорного процесса в рамках этого института.

Анализ результатов исследования. Новые и старые инициативы Запада — ЕС, Трансатлантическое и Транстихоокеанское партнерства — оставляют не занятой половину Евразии, что дает возможность другим важнейшим акторам континентальной системы международных отношений — РФ и КНР — реализовывать собственные стратегии развития. Новые явления трансрегионального характера в геополитической экономике Евразии, представленные, по мнению авторов, интеграционными объединениями, торговых соглашений и иных гибридными инициативами, ориентированными либерализацию торговли и инвестиций, несмотря на определенный консерватизм теоретических моделей, не развиваются односторонне. В результате исследования можно сделать следующие выводы:

1. Перспективы интеграционных объединений, в формировании которых геополитические аспекты более формализованы, представлены в нашем случае ЕС и ЕАЭС — наименее благоприятны. Экономическая роль ЕС сокращается, в то время как ЕАЭС требуется новый импульс развития за счет усиления взаимодействиями с внешними акторами, поскольку, с одной стороны, объединение обладает эффектом низкой базы, с другой — недостаточным уровнем консолидации, что свидетельствует о том, что ключевые торговые партнеры стран-участниц союза, которые могли бы дать толчок новому качеству развития ЕАЭС, находятся за его пределами. Поскольку именно в случае ЕАЭС роль лидера является определяющей, Российской Федерации следует выбрать экономических союзников среди соседних развитых или развивающихся стран.
2. Китай делает выбор в пользу азиатской модели интеграции, менее бюрократизированной и опирающейся на рыночные, а не политические соображения. Неслучайно Китай настаивает на том, что «Новый шелковый путь» является инициативой, а не интеграционным проектом, а во Всеобъемлющем региональном экономическом партнёрстве, реализуемом на базе формата АСЕАН+6, просматриваются черты кокуса. Решая внутренние проблемы национального хозяйства за счет «движения вовне», КНР предлагает наименее развитым странам континента инвестиционные ресурсы для строительства инфраструктурных объектов, транслируя достижения собственной промышленной политики. Глобальная стагнация, затронувшая в первую очередь развитые страны, привела к тому, что в настоящее время практически не осталось альтернативных китайским финансовым ресурсам развития. Таким образом, для стран Евразии с низким уровнем доходов

на душу населения взаимодействие с КНР в сфере финансирования и строительства объектов инфраструктуры является единственной возможностью, сгладив негативные внешние экстерналии, создать условия для нормального инвестиционного процесса. Инициативы с участием КНР отличают хорошие перспективы развивающегося регионализма, поскольку уровень экономической консолидации обеих инициатив КНР — значителен, и, несмотря на отсутствие эффекта «низкой базы», общая динамика развития стран, входящих во ВРЭП и НШП, превышает общемировые показатели.

3. Ситуация вокруг Транстихоокеанского партнерства в большей степени напоминает положение ЕС с разницей в том, что доля объединения в мировом производстве и экспорте падает более низкими темпами. Уровень консолидации стран-участниц партнёрства высок, а доля в мировом экспорте невелика, что, скорее всего, свидетельствует о большей устойчивости экономического взаимодействия, сформированных прямыми инвестициями в поддержание глобальных производственных цепочек.
4. Формирование зоны свободной торговли на базе ШОС как элемента сопряжения ЕАЭС и НШП представляется в настоящее время мало-перспективным, из-за низкой экономической консолидированности проекта, несмотря на участие в нем всех лидеров развивающегося мира — КНР, России и Индии. Как и в случае ЕАЭС требуется импульс извне, способный извлечь выгоду из эффекта «низкой базы». Очевидно, что в данном случае потенциала КНР и РФ недостаточно. В текущих условиях, проверив соответствующую гипотезу, стоит говорить о целесообразности сопряжении ЕАЭС с ВРЭП. При этом, учесть использование возможностей ЭПШП для строительства инфраструктуры на пространстве ЕАЭС в интересах развития Центральной Азии.

Заключение. По мнению авторов, современные трансрегиональные процессы, происходящие на пространстве Евразии, обеспечивают качественно новый уровень реализации геополитических и геоэкономических интересов вовлеченных в них стран. КНР, Россия и США практически одновременно приступили к реализации своих новых геополитических проектов на континенте. Россия, опираясь на Евразийский союз, стремится укрепить свои позиции в Центральной Евразии. США, реализуя экономический проект Транстихоокеанского партнёрства и военно-политическую программу по «возвращению в Азию», сосредотачиваются на внешних регионах евразийского континента, чтобы изменить расстановку сил в АТР. Китай движется одновременно в двух направлениях: в стратегическом — связанном с инициативой «Один пояс, один путь»,

целью которой является развитие торгово-инвестиционных и валютно-финансовых отношений со странами, находящимися на периферии глобальных процессов из-за невыгодного географического положения или проблем с безопасностью; в тактическом — реализуемом в рамках достижения соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве в противовес Транстихоокеанскому партнерству.

Региональные интеграционные объединения и их прототипы способствуют выравниванию уровня развития участвующих стран за счет ресурсов лидера и углубления межстранового разделения труда. Это, в свою очередь, способствует лучшей политической координации и решению вопросов обеспечения безопасности, что является существенной проблемой функционирования системы международных отношений в Евразии.

Новые региональные интеграционные объединения, возникающие в Евразии, конкурируют с ЕС не только в экономическом, но и в концептуальном плане, предлагая более эффективные и соответствующие времени варианты межстрановых объединений. Так, США в рамках ТТП пытаются продвинуть не столько либерализацию, сколько новые принципы регулирования международной торговли и зарубежных инвестиций, дополняя и конкурируя с нормами ВТО. Более сложная по своей природе китайская инициатива имеет цели не только в области торгового и валютно-финансового сотрудничества, но и в области индустриализации и содействия развитию за счет возведения объектов инфраструктуры в странах Евразии с недостаточным уровнем развития общественных благ. ВРЭП и ЕАЭС имеют больше черт традиционной, европейской модели интеграции.

Литература

1. Байков А. А. Модели интеграционной экспансии в зарубежной Европе и Восточной Азии / А. А. Байков // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 4. С. 57–74.
2. Воскресенский А. Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях / А. Д. Воскресенский // Сравнительная политика. 2012. Т. 3. № 2 (8). С. 30–58.
3. Госкомитет по делам развития и реформ КНР, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века // Россия и АТР. 2015. № 3. С. 255–270.
4. Зевин Л. З. Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве / Л. З. Зевин // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60 № 8. С. 26–33.

5. Кадочников П. А., Пономарева О. В. Формирование Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства: перспективы и последствия / П. А. Кадочников, О. В. Пономарева // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 10. С. 3–9.
6. Кадочников П. А., Стапран Н. В. Транстихоокеанское пространство: основные обязательства участников и последствия для международной торговли / П. А. Кадочников, Н. В. Стапран // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. Т. 2016. № 2. С. 21–31.
7. Лексютина Я. В. Экономическая дипломатия Китая в XXI веке / Я. В. Лексютина // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 2. С. 24–37.
8. Ремыга В. Н., Падалко В. И. (2015) Новая глобальная стратегия Китая — Экономический пояс Шелкового пути / В. Н. Ремыга, В. И. Падалко. — М.: Русский биографический институт; Институт экономических стратегий. С. 61–71.
9. Чекина Т. Н. Перспективы сотрудничества стран Шанхайской организации сотрудничества в рамках проекта «Экономический пояс на Великом Шелковом пути» / Т. В. Чекина // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. Т. 2015. № 2. С. 30–40.
10. Calder K. The New Continentalism: Energy and Twenty-First Century Eurasian Geopolitics / K. Calder. — New Haven, CT: Yale University Press, 2012. — 416 p.
11. Fallon T. The New Silk Road: Xi Jinping's Grand Strategy for Eurasia / T. Fallon // American Foreign Policy Interests. 2015. Volume 37, Issue 3. P. 140–147.
12. Holslag J. China's Coming War with Asia / J. Holslag. — Hoboken, N.J.: Wiley, 2015. — 176 p.
13. Kim Y., Indeo F. The new great game in Central Asia post 2014: The US "New Silk Road" strategy and Sino-Russian rivalry / Y. Kim, F. Indeo // Communist and Post-Communist Studies. 2013. 46(2). — P. 275–286.
14. Sloan J. The Strategy of Developmental Regionalism: Benefits, Distribution, Obstacles, and Capabilities / J. Sloan // Journal of Common Market Studies. 1971. Volume 10, Issue 2. P. 138–162.
15. Tsygankov A. P. Mastering Space in Eurasia: Russia's Geopolitical Thinking After the Soviet Break-up / A. P. Tsygankov // Communist and Post-Communist Studies. 2003. 36(1). P. 101–127.

GEOPOLITICAL ECONOMY OF EURASIAN TRANSREGIONALISM

Maria L. Gorbunova, Igor D. Komarov

Abstract. *Political and economic macro-regions of Eurasia are facing a new stage of development represented by an intensification of cooperation between the subjects of international relations at various levels. The processes of globalization have affected inland regions of Eurasia primarily isolated due to underdeveloped transport infrastructure, and their economies have got*

new growth impulses. Furthermore, the need to address security issues on the continent requested joint efforts of internal and external actors and served as another consolidated factor. The purpose of research paper is to assess the political and economic aspects of transregional cooperation in Eurasia using the framework of integration associations. Eurasia witnesses a boom of new integration and quasi-integration initiatives such as the New Silk Road initiative and Regional Comprehensive Economic Partnership promoted by China, the US-led megaregional trade agreement entitled Trans-Pacific Partnership, the Eurasian Economic Union moved on by Russia, although an important role on the continent still belongs to the European Union. A comparison of the macroeconomic and foreign trade indicators of above-mentioned integration and quasi-integration initiatives revealed better operational prospects for the New Silk Road initiative and Regional Comprehensive Economic Partnership, which are less coordinated politically.

Keywords: *transregionalism, integration, European Union, New Silk Road, Regional Comprehensive Economic Partnership, Trans-Pacific Partnership, Eurasian Economic Union*

References

1. Bajkov A. A. (2011) Modeli integracionnoj jekspansii v zarubezhnoj Evrope i Vostochnoj Azii [Models of Integrational Expansion in Western Europe and East Asia], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 25: Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika* [Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics]. # 4: 57–74.
2. Voskresenskij A. D. (2012) Konceptii regionalizacii, regional'nyh podsystem, regional'nyh kompleksov i regional'nyh transformacij v sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenijah [Concept of Regionalization, Regional subsystems, Regional Systems and Regional Transformations in Contemporary International Relations], *Sravnitel'naja politika* [Comparative Politics]. Vol. 3. (2 (8)): 30–58.
3. Goskomitet po delam razvitiija i reform KNR, Ministerstvo inostrannyh del i Ministerstvo kommercii [The State Committee for National Development and Reform Commission, Ministry of Foreign Affairs and the Ministry of Commerce] (2015) Prekrasnye perspektivy i prakticheskie dejstvija po sovместnomu sozdaniju Jekonomicheskogo pojasa Shjolkovogo puti i Morskogo Shjolkovogo puti XXI veka [Excellent Perspectives and Practical Actions on the Joint Creation of the Silk Road Economic Belt and the 21st Maritime Silk Road], *Rossija i ATR* [Russia and the Asia-Pacific region]. Number 3. pp. 255–270.
4. Zevin L. Z. (2016) Megaregiony v globalizirujushhemsja hozjajstve [Mega-regions in a Globalized Economy], *Mirovaja jekonomiki i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations]. Vol. 60 (8): 26–33.

5. Kadochnikov P.A., Ponomareva O.V. (2014) Formirovanie Vseobemljushhego regional'nogo jekonomicheskogo partnjorstva: perspektivy i posledstviya [Formation of the Regional Comprehensive Economic Partnership: Prospects and Implications], *Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik [Russian Foreign Trade Bulletin]*. # 10: 3–9.
6. Kadochnikov P.A., Stapan N.V. (2016) Transtihookeanskoe prostranstvo: osnovnye objazatel'stva uchastnikov i posledstviya dlja mezhdunarodnoj torgovli [Trans-Pacific Area: the Basic Obligations of the Participants and the Consequences for International Trade], *Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik [Russian Foreign Trade Bulletin]*. # 2: 21–31.
7. Leksjutina Ja.V. (2015) Jekonomicheskaja diplomatija Kitaja v XXI veke [China's Economic Diplomacy in the XXI Century]. *Problemy Dal'nego Vostoka [Problems of the Far East]*. # 2. pp. 24–37.
8. Remyga V.N., Padalko V.I. (2015) Novaja global'naja strategija Kitaja — Jekonomicheskij pojas Shelkovogo puti [The Silk Road Economic Belt as a New Global Strategy of China]. M.: Russkij biograficheskij institut; Institut jekonomicheskikh strategij [Russian Biographical Institute; Institute for Economic Strategies]. pp. 61–71.
9. Cheklina T. N. (2015) Perspektivy sotrudnichestva stran Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva v ramkah proekta «Jekonomicheskij pojas na Velikom shjolkovom puti» [The Prospects of Cooperation of the Shanghai Cooperation Organization in the Framework of the Great Silk Road Economic Belt]. *Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik [Russian Foreign Trade Bulletin]*. # 2. pp. 30–40.
10. Calder K. *The New Continentalism: Energy and Twenty-First Century Eurasian Geopolitics*. New Haven, CT: Yale University Press, 2012. — 416 p.
11. Fallon T. (2015) *The New Silk Road: Xi Jinping's Grand Strategy for Eurasia // American Foreign Policy Interests*, Volume 37, Issue 3. P. 140–147.
12. Holslag J. (2015) *China's Coming War with Asia*. Hoboken, N.J.: Wiley. 176 p.
13. Kim Y., Indeo F. (2013) *The new great game in Central Asia post 2014: The US "New Silk Road" strategy and Sino-Russian rivalry // Communist and Post-Communist Studies*. 46(2). — P. 275–286. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2013.03.005
14. Sloan J. (1971) *The Strategy of Developmental Regionalism: Benefits, Distribution, Obstacles, and Capabilities*, *Journal of Common Market Studies*, Volume 10, Issue 2, pp. 138–162.
15. Tsygankov A. P. (2003) *Mastering Space in Eurasia: Russia's Geopolitical Thinking After the Soviet Break-up*, *Communist and Post-Communist Studies* 36(1):101–127.

Информация об авторах
Горбунова Мария Лавровна

заведующая кафедрой мировой экономики и региональных рынков Института экономики и предпринимательства Национального

исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор экономических наук; Российская Федерация

E-mail: gorbunova@iee.unn.ru

Комаров Игорь Дмитриевич

инженер-лаборант Центра экспертизы и комплексного анализа Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; Российская Федерация

E-mail: komarov@imomi.unn.ru

Maria Gorbunova

Head of the Department of International Economics and Regional Markets, the Institute of Economics and Entrepreneurship, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Russian Federation

E-mail: gorbunova@iee.unn.ru

Igor Komarov

Engineer of the Center of Expertise and Comprehensive Analysis of the Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Russian Federation

E-mail: komarov@imomi.unn.ru

ТРАНСРЕГИОНАЛЬНОЕ «СЕЧЕНИЕ» МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А. Б. КАРИМОВА

Аннотация. Трансрегионализм — одно из наименее изученных явлений международных отношений. В то же время в его сфере оказались практически все основные регионы планеты, что позволяет анализировать трансрегионализм как генерацию интеграционных моделей и региональных практик. Предлагая данный подход, автор рассматривает феномен как организационную реакцию на ожидаемые изменения внешней среды.

Ключевые слова: трансрегионализм, кооперативное поведение, деглобализация.

Наблюдения первого десятилетия XXI в. позволяют зафиксировать непредвиденные теоретиками глобализации изменения мировой ситуации. В настоящее время наибольшее беспокойство у западных аналитиков вызывают темпы роста развивающихся стран, экономическое лидерство Китая, быстрый рост среднего класса в растущих экономиках и его стремительное сокращение в странах Европы и США. Авторитетные прогнозисты все чаще отмечают, что факторы успеха развивающихся экономик вырастают на *неинформационной платформе*, вынуждают «определять внерыночные силы», серьезно «оценивать внерыночные условия» появления инноваций, распознавать в мельчайших изменениях будущие «подрывные стратегии роста», уметь создавать и внедрять *модульные интеграционные схемы* [Кристенсен, 2017, с. 47–69]. В рамках глобального международного обмена, «революции множества, мобильности и ментальности» (Н. Мойзес), *невеберовских моделей* организации труда, исследований и менеджмента развитые экономики все больше ощущают себя проигрывающей стороной. «Инвестиции из развивающихся стран выросли с 12 миллиардов долларов в 1991 году до 210 миллиардов в 2010-м»; «прогресс в бедных странах резко контрастирует с положением дел в Европе и США, где средний класс после десятилетий роста и благополучия сдает экономические позиции и в результате финансового кризиса стремительно сокращается»; «транснациональные корпорации из бедных стран вытеснили или перекупили некоторые из крупнейших

мировых компаний» — такими фактами в числе прочих оперирует бывший министр торговли Венесуэлы и редактор Foreign Policy Н. Мойзес, доказывая, что глобализация создала условия для перераспределения власти таким образом, что крупные игроки уже «неспособны отразить нападение» [Мойзес, 2016, с. 25–104].

Экспертное сообщество отмечает, борьбу за глобальный рынок ведут интегрированные объединения. Группы компаний и банков Южной Азии доказали свою конкурентоспособность в Европе и АТР. «Традиционные ТНК западных стран перестали быть безальтернативными финансово-экономическими игроками на латиноамериканском пространстве» [Яковлев, 2013], чему немало поспособствовали все более крепнущие позиции т.н. «транслатинас». На «перелом трендов» и необходимость поиска «новой нормальности» указывают ведущие отечественные аналитики [Дынкин, 2016, с. 343].

Синтез ключевых положений мирополитических исследований позволяет с большой долей вероятности сделать вывод о появлении особой угрозы установленному мировому порядку: размывании границы между развитыми и развивающимися экономиками мира.

Собственно, это и изменило отношение к модели максимальной открытости национальных и региональных рынков по обе стороны глобального водораздела, обусловив появление нового типа социально-экономической интеграции — модульных систем трансрегионального характера.

Таким образом, динамика опережения роста развивающихся экономик повлияла на пересмотр либеральных требований с позиций все более явной угрозы западному доминированию, заставила признать существование «темной» стороны глобализации. В условиях созревания непредвиденного измерения экономического неравенства начался поиск инструментов балансирования и управления глобальными потоками, обозначив тенденцию *деглобализации*, включающую новые формы ведения бизнеса в трансрегиональных форматах.

Трансрегионализм — один из новейших механизмов международной кооперации. Тенденцию его развития демонстрируют большинство интеграционных группировок: АСЕАН, направляющая интеграционную повестку АТЭС, Регионального форума АСЕАН по безопасности и Азиатско-Европейского саммита⁵, Северное измерение⁶, модели Ев-

⁵ Колдунова Е. В. Встречаемся в АСЕМ! Теория и практика трансрегиональных отношений: памятка для России // Международная жизнь. 2010. №10. С. 21–27.

⁶ Журавлёв Я. А. Партнерство «Северное измерение»: Исторические предпосылки и перспективы реализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. Вып. № 4. 2013. С. 53–65.

ро-Средиземноморского сотрудничества⁷, БРИКС⁸. Трансрегиональным подходом отмечены китайская концепция «Один путь — Один пояс», опорными конструкциями которого должны стать шесть глобальных экономических коридоров, форумы для диалога ЕС с Южным конусом и др. западных интеграционных проектов позволяет зафиксировать атмосферу скрытого и от того особо острого конфликта, индикатором которого являются рекомбинации привлекаемых участников. Эта контринтеграционная игра заметна во всех внешних проекциях трансрегионального видения постсоветского пространства. В этой оптике трансрегиональные модели выглядят как дорожные карты обеспечения стратегической безопасности.

Дискурсивный подход к трансрегионализму выделяет его в самостоятельный процесс, развивающийся в международной среде⁹. Однако теоретическое осмысление феномена пока сильно отстает от практики трансрегиональных взаимодействий. Как представляется, определенные результаты для формирования научного представления может дать восприятие феномена как категории интеграционной практики последних лет.

Борьба интерпретаций вокруг неэкономических результатов интеграции затрудняет получение теоретических результатов. Однако сравнение интеграционных моделей, функционирующих в различных регионах мира, дает возможность выявить, что трансрегиональная версия не укладывается в классические представления как об интеграции, так и о регионализации.

Агрегирование четырех подходов (Дж. Най, А. Этциони, К. Дойч и Э. Хаас) позволяет видеть: несмотря на господство идеи большого масштаба (глобализации), разные по структуре интеграционные процессы в Азии, Европе, Евразии, Северной и Латинской Америках обусловили появление нескольких центров влияния, сочетающих инклюзивные и эксклюзивные методики управления интеграционными процессами. Так, для АСЕАН более характерны неформальные (сетевые) узлы, позволяющие ускользать от «принудительных мер воздействия», свойственных лидерской модели интеграции [Etzioni, 1965, p. 329]. Тогда как ЕС и НАФТА представляют собой эксклюзивную (формальную) мо-

⁷ Трофимова О. Е. Эволюция средиземноморской политики Евросоюза: путь от сотрудничества к интеграции. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 35–42.

⁸ Хейфец Б. А. Россия и БРИКС. Новые возможности для взаимных инвестиций: Монография. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°». 2014.

⁹ Кузнецов Д. А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // Сравнительная политика, 2016. №2 (23). С. 14–25.

дель континентальной интеграции. Тем не менее, реализованные модели интеграции — это самоподдерживающиеся региональные системы, способные эволюционировать во внешней среде или изменять ее. Западные интеграционные проекты позволяют зафиксировать атмосферу скрытого и от того особо острого конфликта, индикатором которого являются рекомбинации привлекаемых участников. Эта контринтеграционная игра заметна во всех внешних проекциях трансрегионального видения постсоветского пространства (Восточное партнерство, ТРАСЕКА и др.). В этой оптике трансрегиональные модели выглядят как дорожные карты обеспечения стратегической безопасности.

Европейский опыт показывает: интеграция может осуществляться в форме институциональной регионализации; направлена внутрь; имеет матричный характер; обусловлена многочисленными бюрократическими процедурами. В этой версии интеграция предстает как сложная форма территориальных изменений в зоне ответственности региональных институтов. Поэтому следует признать точность использования термина «регион», производного от латинского глагола «regere», что в переводе на русский язык означает «править». Эта деталь — стержневая в конструкции региона, рассматриваемом как «управляемая территория без суверенитета» [Каримова, 2006, с. 50]. Обращение к трансрегиональной специфике показывает, что причиной появления модульно организованных конструкций является появление новой архитектуры конкуренции, когда ее участники получают свою прибыль за счет «использования таких ресурсов, которые непосредственно им не принадлежат» [Кристенсен, 2017, с. 81].

Профессор Гетеборгского университета Б. Хеттне и профессор Института мировой экономики Академии наук Венгрии А. Инотай описывают трансрегионализм как «собрание институтов и организаций, выполняющих связующие функции между регионами» [Hettne, Inotai, 1994, p. 310]. Данное определение объясняет специфику «европейской политики соседства ... в 16 соседних или территориально близких к ЕС государствах Европы (6 бывших республик СССР — Армения, Азербайджан, Белоруссия, Грузия, Молдова, Украина) и Южного Средиземноморья (Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Ливия, Марокко, Сирия, Тунис, а также Палестинская автономия)» [Прохоренко, 2015, с. 7], модель которой учитывает географический критерий, исторический опыт трансграничных контактов и стратегию безопасности, добиваясь кооперативного поведения на институциональном и индивидуальном уровнях. Но дефиниция Б. Хеттне и А. Инотай не отражает специфики феномена трансрегионализма, предусматривающей построение осевых коммуникаций как

систем контролируемого расширения торговли, перемещения людей, проведения политических консультаций и т. п.

Наблюдения показывают: в трансрегиональные проекты приглашаются те локальные общества, пространственный ресурс которых нельзя исключить из логистики замысла. В то же время «феномен рассеивания мирового влияния» вызвал потребность в изменении целей и методик организации региональной интеграции за счет точного определения «соответствующих национальных интересов» [Пенья, 2016].

Новая, существенная для понимания трансрегионализма информация содержится в Соглашении о Транстихоокеанском стратегическом экономическом сотрудничестве и планируемом Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве. Обе конструкции соответствуют принципам организации макрорегиональных торговых блоков. Однако в документах декларируется особый стиль организации и управления бизнесом в целях развития; они отличаются нацеленностью на введение новых стандартов доступа на рынки товаров и услуг и норм регулирования рынка труда, трансграничных мер по привлечению инвестиций, обмена информацией по вопросам экологии, здравоохранения и технологического сотрудничества, выходящих за рамки ВТО. При этом создающиеся торговые объединения заочно конкурируют с другими интеграционными группировками за счет сочетаний многостороннего, регионального и двустороннего видов сотрудничества. В целом обе модели партнерства в рамках трансокеанских коридоров способны серьезно изменить архитектуру европейской и восточноазиатской интеграций за счет перебалансировки акцентов. «Истинная цель этих соглашений — установить *режим управляемой торговли*, то есть такой, который будет служить особым интересам, уже долгое время определяющим торговую политику *Запада* (курсив мой — А.К.)» [Стиглиц, 2016, с. 305–306]. Тем не менее, избранный президент США Д. Трамп во время избирательной кампании обязался вывести страну из Транстихоокеанского соглашения. Объяснение его действиям следует искать в теории инноваций гарвардского профессора К. Кристенсена, которая помогает понять причины отступления развитых экономик: они «держатся на плаву в волнах поддерживающих технологий (технологий, в которых нуждаются потребители) и в то же время отстают перед более простыми «подрывными» технологиями» [Кристенсен, 2004, с. 19].

Как представляется, наличие двух видов инноваций в бизнесе — основной постулат упомянутой теории инноваций — имеет бинарный характер. Иными словами, инновации влияют не только на экономические процессы, но и перестраивают социально-политические аспекты

развития, расширяют спектр действия внутренней и внешней политики. Поддерживающие технологии, включая *прорывные*, каковым является и трансрегиональные партнерства, долгое время обеспечивали лидерство больших компаний, которые в свою очередь создавали преимущество развитых экономик. Ситуация изменилась, когда участники развивающихся рынков, опираясь на «государственное вмешательство» [Кристенсен, 2017, с. 38], стали хорошо ориентироваться в новой архитектуре конкуренции.

Логика американского исследователя позволяет с большой вероятностью допустить, что создание новых барьеров в обход ВТО не убеждает развитые экономики от подрывных технологий, внедрение которых привело к исчезновению или ослаблению отраслевых гигантов, сокращению показателей в мировой торговле, глобальной миграции и др. неприятным свидетельствам эрозии установленного порядка.

Другим обстоятельством отказа от Транстихоокеанского стратегического экономического сотрудничества могло послужить зафиксированное в документе право корпораций требовать от государства возмещения ущерба и потери даже потенциальной прибыли, что является форматом несимметричной конкуренции, при котором ущерб наносится национальной безопасности и суверенитету.

Ряд аналитиков объясняют отказ от прорыва по трансрегиональному коридору сменой влияния лоббистских кланов.

Глубина процесса неуправляемости глобальными потоками заставляет вспомнить высказанное еще в середине 60-х гг. прошлого века предостережение одного из самых внимательных американских исследователей интеграции А. Этциони: не подгонять интеграцию, двигаясь слишком быстро «в сферу полномочий или перераспределения власти» [Haas, 1992, p. 227–228].

Таким образом, трансрегионализм определяется как политический процесс, в ходе которого формируются ключевые компетенции (*competere*, лат. — добываю) обслуживания интересов инициировавшей его стороны. При этом бизнес-структуры стремятся исключить государство из списка выгодополучателей и регуляторов. Однако в условиях наблюдаемой чрезвычайной подвижности рынков падение или сокращение ведущей отрасли может сокрушить весь интеграционный проект. На это указывал первый теоретик регионов В. П. Семенов-Тянь-Шанский, подчеркивая, «экономические районы всегда были и будут наименее прочными» [Семенов-Тянь-Шанский, 1928, с. 25].

В то же время трансрегиональные коридоры не тождественны экономическим районам, хотя какие-то совпадения существуют. Именно

поэтому наш анализ, используя инструменты организационной теории, концепции порядка в синергетике, теории интеграции, регулятивных идей информационной теории, сосредоточен на выявлении особенностей трансрегиональных модулей.

По сравнению с действующими моделями региональной интеграции трансрегиональная конструкция более компактна, т.к. предполагает управление коммуникациями в режиме «вход-выход» потоков.

Структурная линия, условно проведенная по «поверхности» американских и китайского проектов, выстраивается в макрокоридоры трансрегионального значения и коммуникации глобального охвата. Резюме многочисленных публикаций свидетельствует, что основной проблемой реализации трансрегиональных проектов является адаптация прямолинейного (коридоры) и динамического (интересы территориальных групп) элементов трансрегионального рельефа отношений.

Следовательно, одним из аспектов проектирования системы управления трансрегиональными коридорами является нахождение оптимальной модели процесса формирования решений. Другими словами, одновременно с системой правового регулирования торговых отношений существует необходимость построить «систему суждений, знаний и прогнозов» [Drucker, 1959, p. 174], чему способствует диалоговый формат контактов. Выбор диалоговой (интерактивной) формы переговорного процесса указывает, прежде всего, на стремление построить целеположенные отношения, попутно раскрывая характеры его участников.

Теоретически диалог можно рассматривать как механизм, вырабатывающий мотивы для принятия организационного решения или операциональную модель процесса настройки проектируемого объекта на исполнение новых функций. Термин «операциональный» здесь используется в том же смысле, в каком его применял американский методолог системного анализа С. Янг: «...изучаемое явление описывается посредством идентифицируемой, наблюдаемой и измеряемой сущности» [Янг, 1974, с. 12]. На практике диалог выступает как герменевтическое средство создания промежуточной среды, где синтезируются ключевые понятия и определяются проблемные места.

«Дерево» диалога отражает ситуацию понимания, содержит всю важную информацию и сюжетные подробности, необходимые для конструирования *систем людей*, способных взаимодействовать в границах устанавливаемого партнерства, интерпретируемого как осевое пространство трансрегионального комплекса. В его организации скрыты три структурные цели — общее видение будущих перспектив, убежде-

ния, ценности. Ценнейшим элементом трансрегионального диалога является своеобразие местного исторического процесса и геополитическая традиция.

Наряду с этим в модели трансрегиональной интеграции встроены *системы знания*, «заимствованного из прошлого опыта» (У.Р. Эшби), позволяющие фильтровать четыре потока трансграничных передвижений — людей, информации, финансов и предметов — с целью получения новых знаний о происходящих процессах.

Наконец третьим компонентом трансрегиональных отношений являются *культурные системы*, относительная закрытость которых должна преодолеваться в диалоговых механизмах. Заданной целью трансрегионализма является создание норм кооперативного поведения сложной системы, что указывает на формирование тренда синергетической интеграции.

Концепция порядка в синергетике позволяет описать трансрегиональную модель как организованную сложность, управляемую механизмом экстерриториальной власти, призванной обеспечить:

- ориентированность всех, принявших на себя партнерские обязательства участников, на завоевание внешних рынков;
- нацеленность на маргинализацию традиционных международных организаций;
- стремление вытеснить государство из торгово-финансовых отношений за счет внедрения норм международного менеджмента.

Синергетический инструментарий позволяет видеть, что возникающая трансрегиональная сложность пытается влиять на отдельные сектора международных отношений через:

- наборы формальных и неформальных институтов, пронизывающих, соединяющих, трансформирующих и деформирующих разные интегрированные объекты;
- инклюзивные и эксклюзивные методы, меняющие поведение государств и негосударственных субъектов в мирополитической среде;
- формальный (нормы) и неформальный (деревья диалогов) уровни интеграции;
- сквозные и пересекающиеся связи (стратегические торговые и инвестиционные партнерства);
- клубы «хороших» и «плохих» государств.

Наряду с этим трансрегиональное «сечение» международных отношений обрело собственную специфику:

- неформальный диалог за «закрытыми дверями»;
- формализация альтернативной практики;

- изобретение особенных норм партнерства;
- вовлечение служащих государственного и негосударственного секторов в международные процессы;
- варьирование инклюзивных и эксклюзивных методик интеграции.

Литература

1. Дынкин А. А. В поисках новой нормальности // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: Научное издание / Под ред. О. В. Гаман-Галутвиной. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. С. 342–353.
2. Каримова А. Региональное пространство в политической организации мира. М.: ИВ РАН. 2006.
3. Кристенсен К. М. Дилемма инноватора / Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 239 с.
4. Кристенсен К. Что дальше? Теория инновации как инструмент предсказания отраслевых изменений / Клейтон Кристенсен, Скотт Энтони, Эрик Рот ; Пер. с англ. 4-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2017. 400 с.
5. Мойзес Н. Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства. Почему управлять сегодня нужно иначе / пер. с англ., М.: Издательство АСТ, 2016. 512 с.
6. Пенья Ф. Латинская Америка: Интеграция 2.0. 21 марта 2016 // [Электронный ресурс] URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7413#top-content (дата обращения: 18.11 2016).
7. Прохоренко И. Л. Глобальная роль Евросоюза: что и как объясняет организационная теория // Вестник Пермского университета. Серия Политология, 2015. №2. С. 5–17.
8. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна. Пособия для высшей школы. Москва-Ленинград: Госиздат, 1928.
9. Стиглиц Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения [пер. с англ. Ф. А. Исраиловой. М.: Эксмо, 2016. 489 с.].
10. Яковлев П. «Транслатинас»: новые игроки глобальной экономики. [Электронный ресурс] URL: http://www.perspektivy.info/table/translatinas_novyje_igroki_globalnoj_ekonomiki_2013-03-19.htm (дата обращения: 13.01. 2017).
11. Янг С. Системное управление организацией. Пер. с англ. под ред. С. П. Никанорова, С. А. Батасова. М., «Советское радио», 1972. 456 с.
12. Drucker P. E. «Managing the Educated», in *Management's Mission in a New Society*. Dan H. Fenn, ed., N.Y., McGraw-Hill, 1959.
13. Etzioni A. *Political unification: a comparative study of leaders and forces*. New York: Rinehart, 1965.

14. Haas M. *Philosophical Underpinnings of Social Science Paradigms*. London: Prager Publishing, 1992.
15. Hettne B., Inotai A. *The new regionalism: implications for global development and international security*. Helsinki: The United Nations University, 1994.

TRANS-REGIONAL «CROSS SECTION» OF INTERNATIONAL RELATIONS

A. B. Carimova

Abstract. *Transregionalism is one of the least studied phenomena of international relations. At the same it influences almost all major regions of the world that allows us to analyze transregionalism as generation of integrational models and regional practices. Offering this approach, the author considers the phenomenon as an organizational response to the expected changes in the external environment.*

Keywords: *transregionalism, cooperative behavior, de-globalization.*

References

1. Dynkin A. A. (2016) V poiskakh novoi normal'nosti // *Politicheskaja nauka pered vyzovami global'nogo i regional'nogo razvitiia*: Nauchnoe izdanie / Pod red. O. V. Gaman-Galutvinoi. Moscow : Izdatel'stvo «Aspekt Press, pp. 342–353.
2. Karimova A. (2006) *Regional'noe prostranstvo v politicheskoi organizatsii mira*. Moscow: IV RAN. 208 pp.
3. Christensen C. M. (2004) *Dilemma innovatora* / Per. s angl. Moscow : Al'pina Biznes Buks, 239 pp.
4. Christensen C. (2017) *Chto dal'she? Teorii innovatsii kak instrument predskazaniia otraslevykh izmenenii* / Kleiton Kristensen, Skott Entoni, Erik Rot ; Per. s angl. 4-e izd. Moscow : Al'pina Pablisher. 400 pp.
5. Moises N. (2016) *Konets vlasti. Ot zalov zasedanii do polei srazhenii, ot tserkvi do gosudarstva. Pochemu upravliat' segodnia nuzhno inache* / per. s angl., Moscow : izdatel'stvo AST. 512 pp.
6. Pen'ia F. *Latinskaia Amerika: Integratsiia 2.0*. 21 marta 2016 // URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7413#top-content (date of the application: 18.11.2016).
7. Prokhorenko I. L. *Global'naia rol' Evrosoiuza: chto i kak ob'iasniaet organizatsionnaia teoriia* // *Vestnik Permskogo universiteta. Serii Politologija*, 2015. №2. S. 5–17.
8. Semenov-Tian-Shanskii V. P. (1928) *Raion i strana. Posobiia dlja vysshei shkoly*. Moscow-Leningrad: Gosizdat.
9. Stiglitz J. (2016) *Velikoe razdelenie. Neravenstvo v obschestve, ili Chto delat' ostavshimsia 99% naseleniia* [per. s angl. F. A. Israilovoi. Moscow : Eksmo. 489 pp.].

10. Iakovlev P. «Translatinas»: novye igroki global'noi ekonomiki. URL: http://www.perspektivy.info/table/translatinas_novyje_igroki_globalnoj_ekonomiki_2013-03-19.htm (date of the application: 13.01. 2017).
11. Young S. (1972) Sistemnoe upravlenie organizatsiei. Per. s angl. pod red. S. P. Nikanorova, S. A. Batasova. M., «Sovetskoe radio». 456 pp.
12. Drucker P. E. (1959) «Managing the Educated», in Management's Mission in a New Society. Dan H. Fenn, ed., N.Y., McGraw-Hill.
13. Etzioni A. (1965) Political unification: a comparative study of leaders and forces. New York: Rinehart.
14. Haas M. (1992) Philosophical Underpinnings of Social Science Paradigms. London: Prager Publishing.
15. Hettne B, Inotai A. (1994) The new regionalism: implications for global development and international security. Helsinki: The United Nations University.

Информация об авторе

Каримова Алла Бекмухамедовна

доктор политических наук, профессор.

Место работы:

РГГУ — ГСП-3

Должность — профессор кафедры политическая социология.

НИ ИМЭМО РАН

Должность — главный научный сотрудник.

E-mail — albecar@yandex.ru.

Alla B. Carimova

doctor of political sciences, professor.

RSUH — GSP-3

Position — Professor of political sociology.

NR IMEMO

Position — Chief scientific officer

E-mail — albecar@yandex.ru.

ИНДИЯ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ДЕРЖАВА И ЕЕ УЧАСТИЕ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ АЗИИ¹⁰

С. И. ЛУНЕВ

Аннотация. *Мировое сообщество пока не признает статус Индии как великой державы. В статье содержится попытка доказать, что азиатский гигант уже превратился в глобальный центр влияния, хотя в реальной политике это проявляется пока слабо, и страна продолжает в целом курс балансирования, что было характерно и для биполярного периода.*

В целях признания нового статуса и укрепления положения регионального лидера Индия проводит активный курс в Большой Восточной Азии. В Южной Азии ее доминированию могут помешать только экзогенные факторы, но продолжают нарастать проблемы во взаимоотношениях с соседними государствами, которые не помогает разрешить региональная организация — Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии.

Почти четверть века Индия стремится укрепить сотрудничество с восточноазиатскими странами, и основным инструментом становится участие в региональных организациях. Приоритетом страны является не экономическая сфера (азиатский гигант слабо заинтересован в экономических интеграционных процессах), а политическая область. При этом большинство стран региона весьма благожелательно настроены к Индии, рассматривая ее как определенный баланс влиянию Китая. Достаточно привлекательна южноазиатская страна и с культурно-цивилизационной точки зрения.

Пока азиатский гигант не может рассматриваться как основной актор в Восточной Азии, но его влияние постепенно растет, а его потенциал позволяет прогнозировать, что данный процесс будет продолжаться.

Южная Азия служит рубежом между Большим Ближним Востоком и Большой Восточной Азией, и можно предположить, что возможный раз-

¹⁰ Данная статья выполнена в рамках проекта РФНФ № 15–03–00338.

лом Азии на два мега-региона пройдет прямо по ней. Это ставит Индию в трудное положение в случае нарастания мусульманского радикализма. Подобная ситуация будет подталкивать республику к всемерному расширению сотрудничества с Восточной Азией (а также с Западом и с Россией).

Ключевые слова: *Индия, великая держава, региональная держава, балансирование, Южная Азия, Большая Восточная Азия*

Введение

Крах биполярного мира в конце второго тысячелетия, изменение общего мироустройства, появление новых глобальных тенденций в сфере социально-экономического, политического и культурного развития поставили все современное общество в положение переходности. Особую роль в новой мировой системе стали играть крупнейшие полупериферийные страны, среди которых особо следует выделить Индию. Наряду с Китаем, азиатская держава превращается, по-видимому, в особую подсистему международных отношений, и оба азиатских гиганта в не очень отдаленном будущем могут стать соперниками США в борьбе за лидерство (в этом смысле история повторяется — соперники появляются на периферии, но сможет ли кто-либо из них стать лидером, зависит от взаимодействия самых различных факторов).

Большой интерес представляет участие Индии в процессах регионализации, под которой понимаются два совершенно различных явления — возрождение региональных держав и формирование региональных интеграционных группировок. Параллельное существование двух процессов — явление достаточно противоречивое, но в постбиполярном мире они перестали полностью противостоять друг другу, как это было в биполярном мире. Глобализация и регионализация являются взаимосвязанными и в то же время противоречащими друг другу тенденциями, поскольку все страны являются как объектами, так и субъектами глобализации и регионализации [см. Бузан и Уивер, 2003; Нел, Наберс и Ханиф, 2012, с. 279–287; *Regional Powers*, 2011]. Действия в рамках регионализации в большей мере отвечают интересам индивидуальных стран, не только экономическим, но и политическим, социальным, культурным и т.п. При этом существует достаточно фактов, чтобы рассматривать регионализацию не как промежуточный этап на пути глобализации, а как конечную цель, т. е. она может стать препятствием на пути дальнейшего развития глобализации. Промежуточным вариантом, а поэтому весьма вероятным, является стяжение «старых» регионов в макрорегиональные комплексы. Эти положения проверялись на конкретной стране — Индии, что тем более важно, что азиатский гигант превращается в один из центров глобального влияния.

Новизна поставленной задачи состоит в том, что работ, показывающих новый статус Индии, раскрывающих сопряженность регионализации и глобализации и систему участия Индии в азиатских региональных организациях, в науке крайне мало. Как правило, исследователи стремятся концентрировать свое внимание на том или ином отдельном параметре. В отечественной науке по существу вообще отсутствует комплексное рассмотрение Южной Азии как геополитического и экономического региона. Принципиальным представляется включение, наряду с экономическими, политическими и военно-политическими, социо-культурных (цивилизационных) параметров, что, в целом, дает возможность целостного представления о современных процессах, не сводимых к той или иной форме редукционизма.

Теоретической базой работы являются теории неореализма, неоклассического реализма, неолиберализма и либерального институционализма, а также постмодернизма (в части исследований проблем глобального управления), что позволяет проводить комплексный анализ существующих между государственными и негосударственными акторами взаимосвязей на различных уровнях и по отдельным направлениям сотрудничества (в области экономики, укрепления региональной безопасности, борьбы с международным терроризмом и др.).

Системный подход позволит дать целостный анализ взаимосвязей между гетерогенными элементами структуры международных отношений и постоянно принимать во внимание тот факт, что всякий предмет является системой по отношению к входящим в него элементам, с одной стороны, и он же одновременно выступает как часть более широкой системы. Будет предпринята попытка построить достаточно гомоморфную эмпирико-феноменологическую модель, которая, естественно, не может полностью соответствовать прообразу, но авторы постараются четко представить предельные характеристики изучаемого объекта и ясно показать функционирование совокупности взаимодействующих элементов на выбранном уровне.

Исследование: основная часть

1. Индия как великая держава.

За последние четверть века в мировой системе наблюдались быстрые и радикальные изменения, аналогов которых, по-видимому, не было на протяжении всего нового и новейшего времени. Сдвиги произошли по всем основным макропараметрам, в том числе и в отношении роли и значения основных мировых центров. Первоначально чрезвычайно возросла роль США, и мировая система приобрела формально монополярный характер, имея во главе одного лидера — Соединенные

Штаты. При этом почти сразу произошло и сокращение относительной мощи лидера по всем показателям — экономическим (доля в мировом ВВП), военным (распространение атомного оружия и ракетной техникой), политическим (процессы регионализации ограничивают США). Если Россия практически сразу перестала быть ключевым центром силы, то Япония и Западная Европа постепенно стали превращаться в «политических карликов» (оставаясь экономическими гигантами). При этом и экономические позиции двух традиционных центров оказались значительно подорванными (экономические кризисные явления в Японии появились еще на рубеже 1980–1990-х годов, а в Европе — в новом столетии). Очевидно, самым серьезным образом укрепился Китай, которого постепенно стали воспринимать как основного кандидата (пока еще гипотетического, и в достаточно далеком будущем) на статус второй сверхдержавы. Совершенно новым явлением стало превращение Индии в великую державу.

Мировой статус определяется по четырем параметрам: экономическим, политическим, военно-политическим и культурно-идеологическим. По ВВП по паритету покупательной способности Индия вышла на третье место в мире в 2011 г. (4,5 трлн долл.), а в 2015 г. объем ее экономики составил почти 8 трлн (у Японии — 4,8 трлн долларов)¹¹. Следует отметить, что по существу все западные эксперты предсказывают Индии одни из самых высоких темпов роста в мире.

Во внешнеполитической сфере Индия занимает очень прочные позиции в мировой системе. Авторитет страны на мировой арене продолжает серьезно расти, свидетельством чего являются ее включение в «Двадцатку», переговоры о предоставлении стране места постоянного члена СБ ООН и о возможности ее включения в «Восьмерку» и т.д. Большой интерес представляет анализ внутривнутриполитического развития страны. Становление демократических институтов в Индии, в отличие от Европы, не было итогом длительной эволюции и произошло до появления необходимой социально-экономической базы. И все же политические макроструктуры оказались в состоянии сохранить эти институты и способствовать нужным изменениям в экономике и социокультурной сфере. По сравнению практически со всеми странами не-Запада Индия наиболее соответствует большинству западных политических параметров. Этому способствовали две основные группы

¹¹ Официальный сайт ЦРУ США. CIA World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2001rank.html#al> (accessed 04.01.2017).

факторов: определенная близость к западной цивилизации в подходе к фундаментальным проблемам и методы колониального управления. При этом существенные отличия сохраняются.

С военной точки зрения, Индия является одной из крупнейших военных держав мира (более 1,3 млн военнослужащих на действующей службе, 3-е место в мире)¹². Военный бюджет в 2013 г. составил 47,4 млрд долларов по рыночному обменному курсу (9-е место в мире по расходам), хотя следует, конечно, учитывать, что расходы по покупательной способности были гораздо выше — 134 млрд долларов (3-е место) [Ежегодник, 2015, с. 191]. В 2015 г. военный бюджет превысил 51 млрд долларов (5-е место в мире по расходам, хотя следует, конечно, учитывать, что расходы оценивались по официальному обменному курсу, а по покупательной способности они будут существенно выше)¹³. Правда, их доля в ВВП страны сократилась за десятилетие — с 2,8% до 2,3%¹⁴.

Индия стала ядерной державой еще в мае 1974 г. В настоящий момент страна имеет 100–120 ядерных боезарядов¹⁵. Активно развивается и ракетная программа. В новом столетии Индия стала абсолютным лидером по пакету заказов на импорт продукции военного назначения.

Что касается культурно-цивилизационной сферы, то близость индийской политической системы к западной позволяет американским президентам во время их визитов в Индию называть страну «самой большой демократией в мире». На Западе полагают, что распространение политико-экономических и этико-духовных ценностей азиатского гиганта в странах не-Запада будет способствовать укреплению процесса демократизации. Индийская модель развития достаточно близка для политиков и экспертов развитых стран, которые в целом приветствовали бы победу Индии в «соревновании» с Китаем и другими центрами незападного мира.

¹² The Military Balance 2014. International Institute for Strategic Studies. London: Routledge, 2014, p. 241–246.

¹³ Military expenditure by country, in constant (2014) US\$ m. / The SIPRI Military Expenditure Database. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/Milex-constant-USD.pdf> (accessed 04.01.2017).

¹⁴ Military expenditure by country as a share of GDP, 2002–2015 / The SIPRI Military Expenditure Database. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/Milex-GDP-share.pdf> (accessed 04.01.2017).

¹⁵ SIPRI Year Book. 2016. Armaments, Disarmament and International Security. Summary. P. 22. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/YB16-Summary-ENG.pdf> (accessed 04.01.2017).

Более того, при обосновании претензий Индии на лидерство нельзя не отметить и расовый фактор (противостояние «белых», с одной стороны, и «желтых», «черных» и «коричневых», с другой). Гегемония «белых» цивилизаций и культур не могла не вызвать у других сильного стремления к реваншу, а именно сейчас начинают появляться и первые возможности. Важную роль здесь играет и то обстоятельство, что общая история и единство задач, проистекающее из исторического развития и неравноправного положения в международном разделении труда, безусловно, цементируют узы стран Юга. Все это приводит к тому, что эти государства с психологической точки зрения скорее склонны к сотрудничеству с Индией (Китаем и Японией), чем с Западом. Современная модель участия в мирохозяйственном разделении труда препятствует пока образованию подобной коалиции, но по мере экономического роста лидеров Юга подобные препятствия будут постепенно сниматься.

Таким образом, вместе с США и Китаем Индия является наиболее вероятным кандидатом на статус глобального центра влияния, и скорее всего, будущее мира будет определяться развитием отношений в треугольнике США — Китай — Индия. Россия, Европейский Союз и Япония имеют возможность стать частью новой геометрической фигуры, но это во многом будет зависеть от их политической воли и динамики экономического развития.

Вместе с тем в своем подавляющем большинстве исследователи воздерживаются от того, чтобы признавать Индию «великой державой», предпочитая называть ее «великой державой второго эшелона» [Уолфорд, 2009, с. 53], «поднимающейся державой («rising power»)» [Пант, 2009, с. 279] или «региональной» [Вомак, 2009, с. 10]. Очень часто исследователи отрицают право Индии считаться великой державой на основании слабых показателей в социальной сфере. Действительно, перед страной стоят очень острые социальные проблемы (кастовая, проблема бедности и социальных разрывов), но вряд ли правомерно полагать, что они имеют отношение к определению статуса великих держав. Все исследователи международных отношений XVIII века причисляют к ним Англию и Францию, хотя в этих странах в тот период неравенство и бедность были еще более ярко выражены. Если брать современность, то 5 стран с наивысшим индексом человеческого развития (Норвегия, Австралия, Швейцария, Дания и Нидерланды)¹⁶ максимально могут быть причислены к категории «средних держав».

¹⁶ Human Development Report 2015. Work for Human Development. UNDP. Washington: Communications Development Incorporated, 2015. P. 208.

Однако основным тезисом практически всех сторонников западной политической мысли является отсутствие у Индии стратегической культуры [См. Малик, 2011]¹⁷. Вместе с тем классическим определением данного термина считается тезис Дж. Снайдера, что это — совокупность идей и образцов стандартного осознанного поведения носителей национальной стратегической культуры [Снайдер, 1990, с. 8]. Если согласиться с К. Бузом [Буз, 2005, с. 25–28] и Э.Н. Ожигановым [Ожиганов, 2012, с. 91–92], то стратегическая культура способствует формированию стратегической модели в таких сферах, как применение силовых методов, реакция на внешние угрозы, гражданско-военные отношения и выработка стратегической доктрины.

В этом плане Индия как раз демонстрирует достаточно высокую стратегическую культуру. Еще Дж. Неру удалось сформировать институт национального согласия, которое — не только свод правил политического общения, но и неотъемлемая часть национальной традиции и культуры. В области внешней политики общенациональный консенсус вокруг «курса Неру» стал складываться к середине 1950-х годов. Внешняя политика стала постепенно предметом «надпартийного» согласия. В последующем в стране было не так много дискуссий по макрозадачам внешней политики, что свидетельствовало о достаточном осознании правительством национальных интересов и внешнеполитических целей. Различные социальные и политические силы в стране имеют очень сходные позиции по соотношению политико-дипломатических и военно-силовых методов во внешней политике. Отсутствие официальных концепций по национальной безопасности, внешней политике и обороне отнюдь не мешает достаточно единому осознанию внешних угроз и методов их отражения. Гражданско-военные отношения выстроены по схеме, полностью совпадающей с западной моделью.

Что касается стратегической доктрины, то для Индии в целом характерна исключительная преемственность, что проявляется и в сфере безопасности и в области внешней политики. Распад биполярной системы, вызвавший радикальные изменения в сфере международных отношений, оказал базовое воздействие на страну, но привел не к кардинальным изменениям во внешнеполитическом курсе страны, а к определенной переориентации парастратегии Индии, но она касалась, в первую очередь, механизмов и способов достижения макроцелей, а не самих стратегических задач.

¹⁷ См. также Can India Become a Great Power? India's Lack of a Strategic Culture Hobbles its Ambition to be a Force in the World // The Economist. 30.03. 2013.

Так, разрушение биполярного устройства мира способствовало потере Индией возможности играть на промежуточном положении между Западом и Востоком и использовать противоречия между двумя системами, что в прошлом приносило ей существенную выгоду. Дели осознал, что усиления позиций в зоне Юга недостаточно для вхождения в «высшую мировую лигу» (а превращение в великую державу является главной стратегической задачей страны с момента обретения независимости), и в результате значительно ослабло стремление Индии укреплять свой авторитет среди развивающихся стран. Индийская дипломатия стала намного более «точечной», и одной из черт новой политики стала, в частности, резкая активизация деятельности в Восточной Азии.

В этом плане претензии старых великих держав — Великобритании, Франции, да и всего Европейского Союза — на причисление к глобальным центрам влияния выглядят гораздо скромнее. Единственной стратегией ЕС и Великобритании является неуклонное следование в фарватере внешней политики США, что вообще ведет постепенно к лишению их статуса важных акторов во внешней политике, а Франция имеет потенциал для действий исключительно в Европе и близлежащих районах.

Критика Индии справедлива в том плане, что в Индии пока плохо осознают, что великая держава обязана занимать достаточно четкую позицию по базовым проблемам. До сих пор заметно воздействие политики неприсоединения, краеугольного камня внешнеполитического курса страны в биполярную эпоху. Так, Индия постоянно балансирует между США и Китаем, опираясь на опыт 1960-х годов, когда Индия одновременно была крупнейшим получателем экономической помощи в Азии и от США, и от СССР, и учитывая опыт 1970-х годов, когда крен в сторону одной из сверхдержав негативно сказался на международных позициях Индии.

Подобное же характерно и для позиции Индии в отношении России и США. Ряд исследователей полагает, что в этом плане политика изменилась после возвращения БДП к власти [Пант, Супер, 2015, с. 747–764], но конкретная политика этого не подтверждает. Так, любопытной деталью визита Б. Обаме в Индию в 2015 г. является то, что в ходе посещения им военного парада 26 января — в День Республики кульминацией стал пролет над гостями российских военных самолетов МиГ-29К¹⁸ с авианосца «Викрамадитья», бывшего «Адмирала Горшкова», американцы очень настойчиво требовали отменить полет самолетов, но ин-

¹⁸ Peri D. Agni Missing as Obama Witnesses Republic Day Parade // The Hindu (New Delhi), 26.01.2015.

дийская сторона не пошла ни на какие уступки). Характерно и то, что почетным гостем на подобном параде В. В. Путин был в 2007 г. Точно так же Дели реагировал и на события на Украине. Во время последних российско-индийских саммитов упоминания об украинском кризисе вообще не попали в официальные документы. Одновременно, когда Б. Обама во время своего пребывания в Индии подвергал бесконечным нападкам Россию, официальные индийские представители никак не комментировали украинские события, а неофициальные — подвергли резкой критике попытки американцев втянуть Индию в развернутую истеричную антироссийскую кампанию¹⁹.

По всей видимости, попытки занимать нейтралистскую позицию в отношении проблем, возникающих между главными для Индии акторами — США, КНР и РФ, будут характерными для Дели еще продолжительное время. Жесткая, иногда сверхжесткая позиция занимает исключительно в случае реальной угрозы базовым национальным интересам. Интересно, что и Китай, который значительно опередил Индию по многим базовым параметрам, до второго десятилетия нового века проводил крайне осторожный внешнеполитический курс.

Политика балансирования продолжает проводиться и в конкретных регионах, в том числе на Большом Ближнем Востоке. По мнению некоторых исследователей Индия балансирует в мега-регионе между Ираном и Саудовской Аравией, США и Ираном, Израилем и арабскими странами [Джоши, 2015, с. 253].

Реально великой державой Индия станет только тогда, когда сможет продемонстрировать четкое видение глобальных проблем, предложить самостоятельно их решение и начнет явно отстаивать свои национальные принципы на международной арене. Но подобное происходит с великими державами, как правило, через определенный промежуток времени после обретения данного статуса.

2. Значение Южной Азии и СААРК для Индии

В соответствии со своим новым статусом, который еще не полностью признан мировым сообществом, Дели проводит активный политический курс, прежде всего, в Азии. Одним из главных инструментов стало членство в различных региональных организациях.

Южная Азия особо значима для Индии, в том числе и по причине того, что великая держава должна контролировать свой регион. Для Южной Азии свойственна асимметрия: на долю Индии приходится

¹⁹ Modi Listening, Obama Assails Putin on Ukraine // The Indian Express (New Delhi), 26.01.2015.

75–85 % территории, населения и валового национального продукта. Сходная ситуация существует и в военном отношении. Естественное доминирование одной страны в регионе предопределяет особенности региональной обстановки.

У государств Южной Азии существует ряд единых культурно-цивилизационных ценностей. Нельзя сбрасывать и психологический фактор. В прошлом страны Южной Азии были колониями или полуколониями Великобритании. Общая история и единство задач, проистекающее из исторического развития и неравноправного положения в международном разделении труда, безусловно, цементируют их узы. Вместе с тем в Южной Азии активно действуют и центробежные факторы. Доминирование Индии в регионе вызывает у ее соседей недоверие к Республике, порождает ощущение собственной беспомощности. Это приводит к активизации их попыток укрепить свое положение на региональной и международной арене путем опоры на великие державы, к стремлению выносить нерешенные вопросы в отношениях с Индией на суд международной общечеловечности.

Правящие круги Индии рассматривают проблему обеспечения безопасности страны в рамках всего южноазиатского региона. Отсюда неизменно стремление защитить и упрочить доминирующие позиции Индии в Южной Азии. Страна категорически выступает против привлечения внешних сил, особенно государств глобального уровня, к решению региональных проблем. В Индии считают, что стремление искать решение спорных вопросов двусторонних отношений на путях вынесения их на рассмотрение международных форумов и вовлечения внешних сил лишь препятствует мирному политическому регулированию, укреплению региональной безопасности. Соседи Индии, напротив, обычно не видят угрозы безопасности извне.

Таким образом, в Южной Азии присутствуют все основные негативные факторы, препятствующие развитию интеграционных процессов: наличие региональной державы; отсутствие общего врага и недостаточная взаимодополняемость экономик. Южная Азия является модельным регионом, где конфликтная взаимозависимость значительно перевешивает комплиментарную.

На функционирование системы межгосударственных отношений в Южной Азии определяющее воздействие оказывают несовпадающие национальные интересы государств региона, культурно-идеологические и экзогенные факторы. Происходит столкновение различных типов национальных интересов Индии и ее соседей, что предопределяет базовые, глубинные причины их расхождений. Козкзистенциальные интересы

Индии, направленные на обеспечение Республике значительной роли в международной среде, существенно противоречили экзистенциальным интересам ее соседей, а также задачам по обеспечению безопасности и достижению полного суверенитета. Функциональные интересы стран Южной Азии по обеспечению нормального внутреннего функционирования до сих пор еще не нашли адекватного выражения во внешней политике, в том числе и из-за того, что негативная взаимозависимость существовала и в экономической сфере. Были различны как уровень социально-экономического развития стран региона, так и их методы. Расчленение субконтинента в 1947 году и связанные с этим события обстоятельства разрушили экономические связи. Уже через четверть века в каждой стране были окончательно созданы собственные экономические структуры, ориентированные главным образом на внутренний рынок. Они не взаимодействовали, а существовали почти в полном отрыве друг от друга.

Следует отметить и такие проблемы взаимоотношений в Южной Азии, как религиозная гетерогенность (а трех странах преобладает мусульманское население, в двух — индуистское и в двух — буддийское) при наличии религиозных меньшинств и росте фундаментализма практически во всех странах; психологическое восприятие Индии центром, откуда управляли в прошлом периферийными областями; разные национальные ценности, традиционные и современные; политические системы; экономические стратегии и уровни социально-экономического развития. Все это нашло конкретное проявление в осложнениях двусторонних отношений Индии с ее соседями (территориальная и пограничная, религиозно-этническая и иммиграционная проблемы, распределение водных ресурсов, милитаризация и осуществление ядерных программ).

Практически все негативные факторы сконцентрировались в индийско-пакистанских отношениях. Наличие разных национальных интересов, политических систем и политических культур, религиозная гетерогенность дополняются геостратегическим фактором. Пакистан находится на стыке с мусульманским регионом, откуда он способен получать дополнительные экономические и военные возможности усиления своих позиций против Индии.

По вопросу о месте Индии в регионе существует наибольшая близость позиций различных слоев и классов индийского общества, хотя по некоторым аспектам и проблемам есть определенные расхождения. Есть различия во внешнеполитических платформах Бхаратия Джаната парти, Индийского Конгресса и левоцентристских объединений (действующих под разными «вывесками»), однако они касаются не столько макроцелей, сколько способов их достижения. Речь идет о соотноше-

нии силовых и «либерально-компромиссных» начал во внешнеполитической стратегии. Внутривосточные перемены в Индии меняют тактическую линию, акценты в ее политике, но это воздействие имеет временный и не базовый характер.

Для преодоления недоверия между государствами и народами региона, укрепления региональной безопасности важную роль могла бы сыграть Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК). Официально она была создана в декабре 1985 г. в Дакке. Было решено, что организация будет заниматься исключительно вопросами экономического, технического и культурного сотрудничества. Была достигнута также договоренность, что все официальные обсуждения двусторонних и спорных вопросов на совместных форумах запрещаются, решения будут считаться принятыми лишь при условии согласия всех сторон. Индия приняла активное участие в процессе создания СААРК, поскольку отсутствие региональной организации ставило под сомнение для Индии даже легитимность статуса региональной державы, и ей, в некоторой степени, удалось приостановить негативные центробежные тенденции, возникшие в Южной Азии.

Многие южноазиатские страны крайне заинтересованы в развитии экономических связей с Индией. Азиатский гигант является стратегическим внешнеторговым партнером Бутана (в 2013 г. на Индию пришлось 83,8% экспорта Бутана и 72,3% импорта) и Непала (соответствующие цифры в 2015 г. были равны 61,3% и 61,5%)²⁰. На 9-м форуме СААРК в 1997 г. началось обсуждение возможности создания к 2005 г. зоны свободной торговли в Южной Азии, что позволило бы резко увеличить торговый оборот и взаимные инвестиции. Однако процесс явно затянулся. Если Индия уже в 2008 г. объявила о нулевых пошлинах для товаров наименее развитых стран региона, то позиция Пакистана продолжала препятствовать развитию внутривосточного экономического сотрудничества. Правда, в конце 2011 г. Пакистан согласился пойти к концу 2012 г. на полную отмену списка товаров, разрешенных к импорту из Индии, но это не было осуществлено к настоящему времени. Торможение происходит и по вине других стран. Шри Ланка, Непал, Бутан и Бангладеш объявили, что тарифы будут отменены ими только к 2020 году²¹. В целом, при существовании определенных позитивных тенденций развития экономического сотрудничества в регионе, оно не

²⁰ Официальный сайт ЦРУ США. CIA World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/np.html> (accessed 04.01.2017).

²¹ Sitharaman Bats for Early Implementation of SAFTA // The Business Standard (Delhi), 30 September 2015.

является приоритетным для Индии. Азиатский гигант в целом (если не брать во внимание отдельные слои населения и штаты) мало заинтересован в укреплении экономической подсистемы отношений со своими соседями, но, понимая ее важность для других стран, стремится к укреплению экономических взаимосвязей в политических целях.

Индия, в общем, не очень высоко оценивает деятельность СААРК и часто задается вопросом о целесообразности ее дальнейшего функционирования. Вместе с тем для политической элиты в целом СААРК является крайне важным институтом, поскольку отсутствие региональной организации будет ставить под сомнение легитимность статуса региональной и глобальной державы для Индии.

Несмотря на решение не затрагивать в СААРК политических проблем, они постоянно поднимались на форумах Ассоциации. В общеполитических декларациях регулярно давалась оценка глобальных международных проблем. О некоторой политизации деятельности СААРК свидетельствовали не только совместные выступления ее участников по коренным проблемам современности, но и ряд документов, таких, как, например, Региональной конвенции СААРК о пресечении терроризма 1987 г.

Весомым вкладом СААРК в дело обеспечения мира стало создание механизма для проведения неформальных встреч и дискуссий лидеров региона (некоторые эксперты полагают, что это имеет самое большое значение [Роуз, 1988, с. 390]). Действительно, количество встреч руководителей стран на двусторонней основе на некоторых форумах существенно превышало общее количество переговоров на высшем уровне, проведенных в Южной Азии в период между форумами. Часто эти встречи придавали сильный импульс налаживанию добрососедских отношений. Однако в последнее время даже встал вопрос о сохранении ассоциации. Резкое похолодание между Индией и Пакистаном осенью привело к отмене саммита, который должен был пройти в ноябре в Исламабаде.

3. Участие Индии в организациях Восточной Азии

Поскольку у Индии не сложилась комплиментарная взаимозависимость с соседними государствами Южной Азии, для нее особо важным стало развитие политических и экономических связей со странами Восточной Азии. Была провозглашена программа «Смотреть на восток», что подразумевало активизацию державы в Восточной Азии (на первом этапе в Юго-Восточной Азии, а с третьей фазы реализации инициативы — и в Северо-Восточной). Помимо развития политического и экономического сотрудничества с государствами Восточной Азии,

в новом веке Индия активизировала наращивание военно-морского потенциала в этом районе земного шара²². Военно-морская стратегия Индии 2007 г., рассчитанная на 15 лет, и Морская доктрина 2009 г. предусматривают резкое укрепление позиций Индии в Индийском океане. Существенно возросло количество совместных военно-морских маневров Индии (с США, Россией, Великобританией, Францией, Австралией и т.д.), постоянно закупались и строились новые военные суда. Пока, правда, республика не может рассчитывать на доминирование в Индийском океане, но подобная цель уже поставлена. Более того, в Индии весьма позитивно восприняли появившуюся в конце первого десятилетия века концепцию «Индо-Тихоокеанского региона», которую уже включили в официальный дискурс Австралия и Индонезия [Колдунова, 2014, с. 97–106].

В 1993 г. был официально учрежден секторальный диалог АСЕАН с Индией, а в 1995 г. республике был предоставлен статус полномасштабного партнера. В ноябре 2002 г. состоялся первый саммит АСЕАН + Индия. Индия была одной из 16 стран, участвовавших в первом восточноазиатском саммите, проведенном в Малайзии в декабре 2005 г.

Стал функционировать форум «Меконг — Ганг», объединивший Индию и пять стран АСЕАН — Камбоджу, Лаос, Мьянму, Таиланд и Вьетнам. В 1997 г. была образована организация БИМСТЕК, объединяющая Индию, Бангладеш, Шри Ланку, Непал, Бутан, Мьянму и Таиланд «Инициатива Бенгальского залива для многосекторного технического и экономического сотрудничества» в целях осуществления совместных экономических проектов. Однако их деятельность пока не принесла ожидаемых результатов, и Индия даже отменяла некоторые саммиты. Так, не состоялся саммит в Дели в 1997 г. после того, как Бангладеш проинформировала о невозможности участия. Хотя предполагалось, что на заседании возможно принятие решения о создании специальной зоны свободной торговли. При этом очевидно, что Дели стремиться переформатировать деятельность организации. Именно в этих целях премьер-министр Индии Нарендра Моди в 2016 г. пригласил лидеров стран объединения принять участие в расширенной сессии саммита БРИКС в Гоа в сентябре этого года, а в конце года даже прозвучали предложения о возможной замене данной ассоциацией формата СААРК.

²² Премьер-министр Индии Манмохан Сингх считал, что «повышение международного статуса Индии усиливает ее стратегическое значение в регионе от Персидского залива до Малаккского пролива» (Freedom to Use the Seas: India's Maritime Military Strategy. New Delhi: Integrated Headquarters, Ministry of Defence (Navy), 2007, p. 4).

Индия может стать третьим после США и Китая (и вторым региональным) актором в Большой Восточной Азии. Отношения Индии со странами Юго-Восточной Азии во многом сходны с взаимосвязями Китая с государствами Южной Азии: для более мелких стран региона соседний гигант (Индия для Южной Азии, а КНР для Юго-Восточной Азии) является как перспективным экономическим партнером, так и угрозой безопасности (прежде всего, в плане попадания в зависимость). В результате страны Юго-Восточной Азии крайне благожелательно относятся к укреплению взаимосвязей с Индией, проводя политику балансирования и опираясь на другие региональные (Индия, Япония) и внерегиональные державы (в первую очередь, США), и активно поддерживают деятельность Индии в региональных структурах.

Вместе с тем из-за относительной ограниченности влияния республики ее позиции в Большой Восточной Азии еще достаточно слабы. Поддержка общерегиональных интеграционных процессов не является серьезным приоритетом индийской экономической политики. Во-первых, экономические отношения Индии с южноазиатским и восточноазиатским регионами развиты недостаточно. У Индии до мирового кризиса происходил особенно быстрый рост экспорта в страны Юго-Восточной Азии (более 30% в год) и существенное увеличение импорта из Северо-Восточной Азии (ежегодно на 25–40%). Правда, в последние годы нарастали негативные явления в торговле, что было связано с экономическими сложностями в странах и общим мировым кризисом. Если в 2009–2010 фин. г. 27,8% внешней торговли Индии приходилось на Восточную Азию, то в 2014–15 фин. г. эта цифра снизилась до 18,4%²³. В целом страна остается не самым приоритетным партнером для стран региона. Более того, экономические отношения Индии с Японией, например, носят в большей степени политический характер, чем имеют какую-либо реальную экономическую подоплеку. Во-вторых, индийская экономика ориентирована преимущественно на внутренний рынок и на экспорт приходится незначительная доля индийского ВВП. Отсутствует также некий общий для всего азиатского региона внешний враг, который стимулировал бы региональные страны к интеграции, и в политическом плане Индия рассматривается, скорее, как своеобразный баланс против Китая.

Южная Азия служит рубежом между Большим Ближним Востоком и Большой Восточной Азией. Можно предположить, что возможен

²³ Government of India. Ministry of Commerce & Industry. Department of Commerce. Export Import Data Bank. URL: <http://dgft.delhi.nic.in/> (accessed 10.11.2016).

разлом прямо по региону. Это поставит Индию в трудное положение в случае нарастания мусульманского радикализма.

В политическом плане Ближний Восток не занимает высокого места в приоритетах внешней политики Индии. Дели сделал акцент на развитии взаимосвязей со странами Персидского залива, причем, прежде всего, по экономическим причинам. Данный субрегион вышел на первое место для Индии по объему торговли (цифра почти в 3 раза больше, чем приходится на всю Европу), являясь главным поставщиком углеводородов, (на нефть и газ приходится примерно треть импорта Индии)²⁴. В зоне Персидского залива, помимо этого, проживают миллионы индийских граждан, чьи денежные переводы на родину позволили стране занять первое место по данному показателю.

Однако по прежнему во многих странах исламского мира Индию воспринимают как «врага ислама». Не случайно республика не стала членом ни одной организации Большого Ближнего Востока. Так, провалились попытки Индии вступить в Организацию исламского сотрудничества, даже в качестве наблюдателя (как Россия), хотя страна занимает третье место в мире по численности мусульман.

В целом участие Индии в азиатских региональных организациях не принесли серьезных дивидендов. Однако перспективы азиатского гиганта в Большой Восточной Азии (в отличие от Большого Ближнего Востока) очень неплохие, учитывая, что все больше стран региона начинают позитивно воспринимать Индию, что в определенной степени связано и с деятельностью в региональных интеграционных процессах.

Заключение

Индия уже превратилась в великую державу по объективным параметрам (политическому, военно-политическому, экономическому и культурно-цивилизационному), по которым она в целом существенно опережает старые центры глобального влияния — Великобританию и Францию. Воздействие азиатского гиганта на мировую систему также представляется значительно более серьезным (во многом это, правда, связано с тем, что влияние европейских держав на глобальном уровне стремится к нулю). При этом Индия остается и региональной державой, если под этим термином понимать не ограниченность действий исключительно в близлежащем пространстве (как это часто понимают западные политологи и политики²⁵), а доминирующее положение в своем

²⁴ Ibidem.

²⁵ Напомним о заявлении Б. Обамы о России как о региональной державе (Wilson S. Obama Dismisses Russia as 'Regional Power' Acting out of Weakness // The Washington Post, 25.03.2014).

регионе и способность навязывать свою волю группе сопредельных более слабых государств относительно мирными средствами.

При этом Индия еще не осознала свои возможности и по-прежнему ориентируется на проведение политики лавирования и в глобальной политике, и в региональных конфликтах. Дели демонстрирует четко выраженную позицию только в составе организаций, как, например, в ассоциации крупнейших стран не-Запада и региональных держав — БРИКС, которая объединяет различные страны на базе неприятия возможности установления однополярного мира и недовольства своим положением в мировой экономической системе, в которой Запад захватил господствующее положение, неадекватное своей мощи.

В целях укрепления своего международного статуса Индия особое значение придает участию в региональных организациях Большой Восточной Азии. Если СААРК за 30 лет своего существования так и не оправдал надежд страны, то политика «Смотреть на Восток», провозглашенная вскоре после распада биполярной системы, дает реальные плоды. Индия может стать вторым после Китая региональным игроком в мега-регионе. При этом участие в экономических интеграционных процессах не является особо значимым для Индии. Главные цели азиатского гиганта — политические: подтверждение статуса великой державы и укрепление позиций регионального лидера.

Уже в 1980-е годы многие индийские эксперты стали включать в понятие регион не только Южную Азию, но и весь бассейн Индийского океана, и было заметно усиление позиций Индии в южной и юго-западной части Индийского океана, где ее растущая военная и военно-морская мощь не угрожала жизненно важным интересам великих держав. В постбиполярный период страна резко усилила внимание и к восточной части Индийского океана. Весьма вероятно, что для Индии в будущем понятие «регион» будет расширено, и в него, кроме Южной Азии, войдет большая часть Индийского океана.

Литература

1. Ежегодник СИПРИ. 2014. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО, 2015. 764 с.
2. Ожиганов Э. Н. Стратегическая культура: понятие и направления исследований // Вестник РУДН, серия Политология. 2012. № 2. С. 91–102.
3. Booth K. Strategic Culture: Validity and Validation // The Oxford Journal on Good Governance. 2005. Vol. 2, № 1. P. 25–29.
4. Buzan B. and Weaver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 570 p.

5. Koldunova E.V. Indo-Pacific Region: Perspectives from Russia // Indo-Pacific Region: Political and Strategic Prospects / Ed. by R.K. Bhatia, V. Sakhuja. New Delhi: Vij Books India Pvt Ltd, 2014. P. 97–106.
6. Malik M. China and India: Great Power Rivals. Boulder CO: FirstForumPress, 2011. 468 p.
7. Nel P. Introduction: Regional Powers and Global Redistribution / Nel P., Nabers D. and Hanif M. // Global Society. 2012. Vol. 26, № 3. P. 279–287.
8. Pant H.V. India in the Indian Ocean: Growing Mismatch between Ambitions and Capabilities // Pacific Affairs. 2009. Vol. 82, № 2. P. 279–297.
9. Pant H.V. India's 'non-alignment' conundrum: a twentieth-century policy in a changing world / Pant H.V., Super J.M. // International Affairs. 2015. Vol. 91, №4. P. 747–764.
10. Regional Powers and Regional Orders / Ed. by Godehardt N. and Nabers D. Abington: Routledge. 2011. 272 p.
11. Rose L.E. A Regional System in South Asia: Problems and Prospects // Asian Security Issues. Regional and Global / Ed. by Scalapino R. Berkeley, 1988.
12. Snyder J.L. The Concept of Strategic Culture: Caveat Emptor // Strategic Power: USA/USSR / Ed. by Jacobsen C. G. London: Macmillan, 1990. P. 3–9.
13. Wohlforth W.C. International Relations Theory and the Consequences of Unipolarity // World Politics (Cambridge University Press). Vol. 61. 2009. № 1. P. 28–57.
14. Womack B. China between Region and World // The China Journal (The University of Chicago Press). 2009. Vol. 61, № 1. P. 1–20.

INDIA AS A GLOBAL STATE AND ITS PARTICIPATION IN THE REGIONAL ORGANIZATIONS OF ASIA

Sergey I. Lounev

Abstract. *The world community has not still recognized the status of India as a great power. The article contains an attempt to prove that the Asian giant has already become a global center of influence, although it is not demonstrated clearly enough in concrete politics of India, and the country continues the course of balancing on the whole, that was characteristic for a bipolar period as well.*

India is pursuing an active course in the Big East Asia in order to have a recognition of the new status and to strengthen the position of a regional leader. Indian dominance in South Asia is threatened only by exogenous factors, but the problems in relations with neighboring countries continue to grow, and the South Asian Association for Regional Cooperation doesn't help to resolve them.

India seeks to strengthen cooperation with East Asian countries during almost a quarter of a century and its main instrument is the participation in regional organizations. The economy is not in the priority list of the country (the Asian giant is weakly interested in regional economic integration processes) in contrast to the political sphere. The majority of the countries of the region is very well-disposed to India, considering it as a balance to China's influence. The South Asian country is quite attractive from a cultural and civilizational perspective as well.

The Asian giant cannot be yet considered as a major actor in East Asia, but its influence is gradually growing, and its potential allows to predict that this process will continue.

South Asia serves as a boundary between the Big Middle East and the Big East Asia, and it can be assumed that the possible break of Asia in two mega-region will pass directly through it. This puts India in a difficult position in the case of the growth of Muslim radicalism. That situation will push the Republic to the comprehensive expansion of cooperation with East Asia (and also with the West and with Russia).

Key words: *India, great power, regional power, balancing, South Asia, Big East Asia*

References

1. Booth, K. (2005). Strategic Culture: Validity and Validation. *The Oxford Journal on Good Governance*, 2 (1), 25–29.
2. Buzan, B. and Weaver, O. (2003). *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. A. A. Dyinkin, A. G. Arbatov, V. G. Baranovskiy and others (Eds). (2015). *Ezhegodnik SIPRI. 2014. Vooruzheniya, razoruzhenie i mezhdunarodnaya bezopasnost [SIPRI Yearbook 2014. Armaments, Disarmament and International Security]*. Moscow: IMEMO RAN. (In Russian).
4. N. Godehardt and D. Nabers (Eds). (2011). *Regional Powers and Regional Orders*. Abington: Routledge.
5. Koldunova, E.V. (2014). Indo-Pacific Region: Perspectives from Russia. In R.K. Bhatia, V. Sakhujia (Eds), *Indo-Pacific Region: Political and Strategic Prospects* (pp. 97–106). New Delhi: Vij Books India Pvt Ltd.
6. Malik, M. (2011). *China and India: Great Power Rivals*. Boulder CO: FirstForumPress.
7. Nel, P., Nabers, D. and Hanif, M. (2012). Introduction: Regional Powers and Global Redistribution. *Global Society*, 26 (3), 279–287.
8. Pant, H.V. (2009). India in the Indian Ocean: Growing Mismatch between Ambitions and Capabilities. *Pacific Affairs*, 82 (2), 279–297.
9. Pant, H.V., Super, J.M. (2015). India's 'non-alignment' conundrum: a twentieth-century policy in a changing world. *International Affairs*, 91 (4), 747–764.

10. Ozhiganov, E.N. (2012). Strategicheskaya kultura: ponyatie i napravleniya issledovaniy [Strategic Culture: Definitions and Directions of Research]. *Vestnik RUDN, seriya Politologiya [The Herald of RUDN, series Political Studies]*, 14 (2), 91–102. (In Russian).
11. Rose, L. E. (1988). A Regional System in South Asia: Problems and Prospects, In R. Scalapino (Eds), *Asian Security Issues. Regional and Global*. Berkeley: Institute of East Asian Studies.
12. Snyder, J. L. (1990). The Concept of Strategic Culture: Caveat Emptor. In C. G. Jacobsen (Eds), *Strategic Power: USA/USSR* (pp. 3–9). London: Macmillan.
13. Wohlforth, W.C. (2009). International Relations Theory and the Consequences of Unipolarity. *World Politics* (Cambridge University Press), 61 (1), 28–57.
14. Womack, B. (2009). China between Region and World. *The China Journal* (The University of Chicago Press), 61 (1), 1–20.

Информация об авторе

Лунев Сергей Иванович

д.и.н.,

профессор МГИМО МИД России

E-mail: silounev@gmail.com

Sergey I. Lounev

Dr. of Sciences (History),

Professor of Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow,

E-mail: silounev@gmail.com

REALIZATION OF FEDERATIVE PRINCIPLE OF POLITICAL AND TERRITORIAL STRUCTURE ON SUPRANATIONAL LEVEL

И. Ю. ОКЫНЬЕВ

Abstract. *Current studies of the principles of political and territorial structure most often consider the way those principles manifest themselves on the level of a state, while this is only one of the forms of realization of principles of political and territorial structure. To draw a comprehensive scheme of their reflection on different levels of the world political map, let us first define the main features of those principles within a state structure, and then translate them into other levels.*

Keywords. *Federalism; multilevel governance; supranational; transregionalism.*

Two types of political and territorial structure are usually distinguished: unitary and federative. Let us look at two most typical approaches to their definitions at a state level, i.e. approaches to defining unitary and federative states. Both are based on the principle of the regions' status²⁶. The first approach²⁷ is that a unitary state²⁸ is a state, in which all sub-national enti-

²⁶ All statuses of regions can be reduced to two: administrative-territorial units and autonomy. An administrative-territorial unit is a region without any political rights; and autonomy is, in contrast, one with those rights.

²⁷ Because of the recommended size of this report we are unable to provide the extended list of references to a great number of available publications on Political Studies. In this paper are mentioned only the best-recognized profound works from which we have borrowed definitions of the main classifiable groups. These definitions are rather conventional and basically do not differ from the ones suggested in other published works.

²⁸ "The state structure characterized by centralized governance of administrative-territorial divisions and by the absence of isolated (independent) state units". [Politology: a course book (in Rus.) / Melville A.Y. [et al.]; Moscow: Moscow State Institute of International Relations (University) under RF MFA, TK Velby, Prospect, 2005. — p. 594]. "This is a unified state which consists of administrative-territorial divisions that do not possess political independence." [Politology: a course book (in Rus.) / ed. Achkasov V.A., Goutorov V.A. — Moscow: Urait-Izdat, 2005 — p. 682].

ties are administrative-territorial units; while a federative state²⁹ consists of autonomies. This approach can be easily refuted by the fact that there are many unitary states that consist of autonomies: Azerbaijan (Nakhichevan Autonomous Republic), Greece (Mount Athos), Georgia (Abkhazia, Abkhaz Autonomous Republic), Indonesia (Aceh, Yogyakarta), China (5 autonomous regions: Guangxi Zhuang, Inner Mongolia, Ningxia Hui, Xinjiang Uyghur, Tibet), Laos (Say-somboun), Moldova (Găgăuzia), Nicaragua (RAAN — Región Autónoma del Atlántico Norte, RAAS — Región Autónoma del Atlántico Sur), New Zealand (Tokelau), Portugal (Azores, Madeira), São Tomé and Príncipe (Príncipe), St. Kitts and Nevis (Nevis), Tajikistan (Gorno-Badakhshan Autonomous Region), Trinidad and Tobago (Tobago), Uzbekistan (Karakalpakstan), Philippines (Muslim Mindanao), Finland (Åland Islands). As you see, there are too many examples to see them as exceptions.

The second approach is that a federative state is a state, all sub-national entities of which are autonomies; and a unitary state can consist either of administrative-territorial units or of administrative-territorial units and one or more autonomies. This approach solves the problem but has two groups of states whose status is contradictory.

First, there are unitary states that consist of autonomies only. This is a new type of unitary states that emerged in the 1990's. This type includes such countries as Italy, Spain, Papua New Guinea, Sri Lanka and South Africa.

Second, there are federations that consist also of administrative-territorial units, for example: District of Columbia in the United States, Brazilian Federal District in Brazil, six Union Territories in India, etc.

Therefore, as we see, these approaches to defining forms of political and territorial structure by regions' statuses do not provide enough grounds for precise definitions. This paper presents a new approach to defining the forms of political and territorial structure. It differs from the above-mentioned established approaches in two aspects.

"This is a unified state consisting not of states or state units, but mainly of administrative-territorial divisions (while its composition may include also particular autonomous state units)" [Chirkin V.E. Constitutional Law in Other Countries: a course book (in Rus.) — 3rd edition. — Moscow: Yourist, 2003. — p. 173].

²⁹ "A form of state structure which federal units (republics, states, provinces, etc.) have certain political and legal independence. Alongside there appear federal — common — bodies of government, citizenship, currency, etc." [Politology: a course book (in Rus.) / Melville A.Y. [et al.]; Moscow: Moscow State Institute of International Relations (University) under RF MFA, TK Velby, Prospect, 2005. — p. 596].

"This is a united state consisting of several state units, each possessing its own competence and its own system of legislative, executive and juridical bodies." [Achkasov, p. 683].

First, available approaches offer as a definition of this or that characteristic its basic feature or set of features, while this reference is not quite justified, since similar features could be owned by different phenomena. For example, one of the features of a federation is that all its subjects have a status of autonomy. However this premise is not sufficient for concluding that all states consisting exclusively of autonomies are federations. The autonomous status of all subjects is a feature of both a federation, and of other groups of states (for example, regional states). However, the critical attribute is of a different nature. In our approach offered hereby each classifiable group is defined by a unique attribute, i.e. by which it differs from all other groups.

Second, our research has been conducted not in the field of the theory of politics, but in the field of comparative political studies (Political Geography), and a new approach was applied. Instead of creating a new paradigm representing this or that classifiable group and then attributing particular cases to it, we integrated and studied data on all group-specific cases that exist or existed on the political map of the world, to be able to derive meaningful attributes of this or that classifiable group.

Our approach is based on the principle of co-relation of levels of the political world map. The key criterion in this approach is the direction of the axis of power formation.

As we know, any state can be divided into regions (sub-national entities) and consists of several levels (vertically).

Table 1
CLASSIFICATION OF FORMS OF POLITICAL AND TERRITORIAL STRUCTURE BY THE REGIONS' STATUS

	ATU	Autonomies
Unitary forms of PTS		
Symmetrical unitary state	+	-
Asymmetrical unitary state	+	+
Regional unitary state	-	+
Federative forms of PTS		
Symmetrical federative state	-	+
Asymmetrical federative state	+	+

Therefore, power in a state is on different levels: there is central and regional authority.

The relationships between the vertical levels of state (between central and regional authority) are determined by the form of political and territorial structure.

In a unitary state a central authority determines administrative and territorial division, that is composition and status of regions (sub-national entities). In addition, any region can have a different status: both the status of an administrative-territorial unit and of an autonomy. It is also possible that a central authority gives political rights (status of an autonomy) to all the sub-national entities.

A federative state is opposed to the unitary one. Regions (regional authority) within a federative state form the state (central authority) by delegating part of its authority to the center.

Classification by the regions' status can be fulfilled for unitary and federative states.

By the regions' status all unitary states can be divided into: symmetrical, asymmetrical and regional (regionalistic)³⁰. Those unitary states that consist of regions that are all administrative-territorial units are symmetrical unitary states (for example, France, Japan); those consisting of not only administrative-territorial units but also of autonomies are asymmetrical unitary states (Ukraine, China); those that have only autonomies are regional unitary states (Italy, Spain).

Federative states can be subdivided in the same way into symmetrical and asymmetrical federative states. Those federative states that consist only of autonomies are called symmetrical (for example, Russia, Serbia and Montenegro); those that consist of autonomies (that form a federation) and administrative-territorial units are called asymmetrical (for example, the United States and India). There are no federative states that consist only of administrative-territorial sub-national units because these units cannot form a state (on a principle of federation).

Basic forms of political and territorial structure are shown in Table 1.

We have looked at different forms of the political and territorial structures of states. However, our approach based on the principle of co-relations between levels of the political world map offers yet another benefit: it allows to explain and systematize forms of political and territorial structure realized at all levels of the political world map.

³⁰ The term 'regional' (sometimes 'regionalistic') is new in our sphere of research, therefore it is not yet well spread.

Indeed, similar patterns can be found not only when analyzing a state, but also on other levels of the political map. A state, as we know, consists of first level sub-national entities (they are usually simply called 'regions'), which consist of second level sub-national entities, and they consist of third level sub-national entities, etc.

On regional levels the same principles are realized as on the state level.

If the first level sub-national entity is divided into second level entities and it determines their rights, then this form of political and territorial structure is called sub-national unitarism. Thus sub-national unitarism is a form of political and territorial structure, in which an upper level entity determines composition and status of those under it.

A unitary entity can be symmetrical or asymmetrical like unitary states. If there are autonomies among second level sub-national entities, then the first level sub-national entity (which consists of that autonomy) is of an asymmetrical type of unitary political and territorial form. For example, in Serbia the first level sub-national entity consists of the autonomies of Kosovo and Bojvodina; China consists of 9 asymmetrical entities of the first level. Most regions of the world and all regions in Russia are of the symmetrical type of unitary form of political and territorial structure.

If the first level entity is formed by the second level entities, then this form of political and territorial structure is called sub-national federalism. Regional federalism is a form of political and territorial structure, in which all entities of a lower level form the entity above them.

Among modern regional federations are: with some doubt — the Federation of the Netherlands Antilles in the Netherlands, and without any doubt — the Muslim-Croatian Federation of Bosnia and Herzegovina in Bosnia and Herzegovina. A project of federalizing Republic of Dagestan in Russia is currently being discussed.

We have looked at the first level sub-national entities as examples of regional forms of political and territorial structure. However, the same forms of political and territorial structure can be found on lower levels of the political map. Therefore, there is regional unitarism of the second (third, etc.) level and, theoretically, there could be sub-national federalism of the second (third, etc.) level. There are no examples of second-level (and lower) sub-national federalism on the modern political map of the world, and, therefore, all modern second level (and lower) entities are unitary formations. They can be symmetrical or asymmetrical. The examples of asymmetrical second- and third-level entities can be found in the political and territorial structure of China.

We have been discussing levels of the political map under the state. Over the state there are two levels: supranational entities and a global political

Table 2

REALIZATION OF PRINCIPLES OF POLITICAL AND TERRITORIAL STRUCTURE ON DIFFERENT LEVELS OF THE POLITICAL WORLD MAP

Principle of PTS Level of political map		Unitarism	Federalism
		n+1	Supranational entity
n	State	Unitary state	Federative state
n-1	Sub-national entity	Sub-national unitarism	Sub-national federalism
-2	2nd level sub-national entity	2nd level sub-national unitarism	2nd level sub-national federalism
n-3	3rd level sub-national entity, etc.	3rd level sub-national unitarism, etc.	3rd level sub-national federalism, etc.

entity³¹. The latter has never really existed and most likely will not be researched for a while. However, as under a state, there are the same two ways of forming a global entity: unitary (this includes all the plans for of global conquest of Alexander the Great, Roman Emperors, Napoleon Bonaparte, Adolf Hitler, Joseph Stalin, etc) and federative (when this kind of entity is formed by uniting several states and supranational entities). It seems that if this kind of entity ever appears, it would follow the federative path. However, in this research we are not going to look at this level.

Supranational entities are formed in the same two ways: unitary and federative. It would be logical to call supranational unitarism — imperialism³², and supranational federalism — globalism. Thus Imperialism (supranational unitarism) is a form of political and territorial structure, in which a supranational entity determines the composition and status of the states inside it.

This form of political and territorial structure includes all of the numerous examples of empires and unions from the history. This entity usually has a central authority (metropoly), which determines the composition and status of its colonies. In the modern world only Japan is formally an empire, but in fact there are no imperialistic supranational entities on the modern political map of the world. Thus Globalism (supranational federalism) is

³¹ This should not be confused with international organizations.

³² This should not be confused with the top and final stage of capitalism.

another form of political and territorial structure, in which states form entities of a higher level.

This form of political and territorial structure includes the European Union and could include some projects of supranational entities, i.e. the Russia-Belarus Union, Pan-Arabism, etc. A global supranational entity is formed by sovereign states, which unite and thus form it and its bodies of supranational authority. The states, however, do not lose their sovereignty.

In conclusion, we can draw a general table of political and territorial structure forms Table 2).

As we can see all forms of political and territorial structure on all levels of the political map can be divided according to two principles of political and territorial structure: federalism and unitarism.

An important peculiarity of the scheme of forms of political and territorial structure is the rule that only federative forms can be above federative forms and only unitary forms — below unitary ones. Therefore, a federation cannot be in a unitary entity of a higher level and no federative subnational entity can be found in unitary entities.

Apart from the question of classification of political and territorial structure forms there is a problem of confederalism. In modern science confederalism³³ is understood as:

1. Decentralized federation, that is a unified state, in which the regions that form central authority keep most of the authority to themselves (the region even often controls armed forces and currency). The examples of confederations in this sense are: Canadian Confederation, Confederation of North American States, Swiss Confederation, Senegambia, Republic of the Seven United Netherlands (future Netherlands), Bolivian-Peru Confederation, Confederate States of America, etc. Among modern states only Serbia and Montenegro can be treated as confederations. There are projects of confederation of the Caucasus, Sudan and other states and regions.
2. Supranational entity (union of states) which unites sovereign states and forms several common bodies of consolidation and control. In this sense confederations include the European Union, Russia-Belarus Union and several projects in the field of Pan-Arabism.

Using the word 'confederalism' in either of these senses is not a mistake, however, polyseme often complicates understanding, and confederations of different definitions are often confused (while these two groups are ab-

³³ "A permanent union of state units that preserve their independence (sovereignty), possess their own bodies of power, unite to coordinate their activities in certain matters of domestic and international policy, and set designated joint bodies." [Melville, p. 596]. "A form of political structure which is a union of sovereign states." [Achkasov, p. 670].

solutely different: the first one consists of unified states, the second — of unions of sovereign states), and then the classification of political and territorial structure forms fails. Since scientific terms should be monosemantic, the word 'confederalism' should have only one meaning, and the other meaning should be given a different term.

It seems more logical to choose the first definition (i.e. decentralized federation), since, first of all, the Latin translation of 'confederation' means 'super-federation', and, second, this word is present in the official names of such states as Swiss Confederation, Canadian Confederation.

To define a political and territorial structure form of supranational entities we have chosen the term 'globalism' (global form). Therefore, the European Union is a global formation and not a confederative state. Thus, we have come to the conclusion that:

Confederalism — a kind of federative form of political and territorial state structure which is characterized by a larger decentralization of authority.

Thus, we have differentiated between the concepts of a form of political and territorial structure and a principle of political and territorial structure. This principle is a universal model of a political and territorial structure, whereas a form is a realization of this model on a specific level of a political map.

Federalization appears to be one of the most effective methods for conflict settlement in Cotemporary History. It is possible to make out several mechanisms of this method. The first one is a strong tendency to separation (shown by sub-national entities striving for autonomy) which can be implemented both in the context of the decentralization of a unitary state and in the context of its total federalization. It is the second policy that is being pursued, for example, by present-day Italy and Spain, since they try to prevent probable conflicts in the Basque Provinces, Catalonia, Galicia, Andalusia, and Piedmont, Lombardy, Sardinia and Sicily respectively.

The same mechanism serves as a basis for the international plan of conflict settlement in Sudan, according to which restless Azalea and Darfur are supposed to be granted autonomy under the total federalization of the country. The same scheme was proposed for conflicts settlement in the former Soviet republics, namely Georgia, Moldova, and Azerbaijan.

The second mechanism is the federalization of a state which is about to collapse, that practically very often results in the emergence of numerous conflicts. The examples of such type of federalization put into practice are the Comoro Islands and recent plans for integrity preserving in Iraq, Ethiopia and Bosnia and Herzegovina.

The third mechanism supposes the integration of several conflicting territories into a united federal state. It was that very mechanism that the world

community chose as a solution for Cyprus situation. It would be wrong to say that the experience of federalization has always had a positive consequence, however the majority of such failures as, say, in Sudan, Ethiopia or Myanmar were caused not by the inability of federative mechanisms, but by the lack of functioning system of federative relations in these states.

Logically, quite a natural question emerges: whether the strengthening of potential of federalization (as the instrument of conflict settlement) is possible.

It seems that the strengthening of the peacemaking potential of federalism can develop in two directions.

Before stating the first one, we should answer the following question: whether, in fact, the process of federalization can have its limits, and if it can, which characteristic determines the tendency of a state to take a federal form.

The answer to the first question is definitely positive. It is quite obvious, that the federal form of government is not a universal form of political and territorial structure, which can replace the unitary form of state around the world, moreover in some states the introduction of a more sophisticated (than the unitary one) federative model of interaction between the centre and the sub-national entities can only lead to decentralization and destruction of the authorities, which in the end can result in the upraise of new conflicts. So the federalism should serve a way out of some established social and political conditions and should not be implemented everywhere.

Till now federalism has mainly been "prescribed" to some states only in two cases: when a state had got multinational population (providing that the regions of compact settlement and relative originality of peoples formed parts of these states) and when a state was formed by means of uniting historically independent territories

Nowadays we face the process of breaking the limits of allowable federalization. The key characteristic, which limits the tendency of a state to take a federal form, appears to be neither the historical disconnection of its parts nor its multinational population, but its regional asymmetry in its wide sense.

In other words, those states which have got the considerable proportion of regional asymmetry can tend to a federal form of state.

The regional asymmetry can be of several types (a federal state is usually a combination of some of them) and the most typical ones are as follows:

- Geographical — the regional asymmetry of a state is determined by its geographical situation, for example being an island state (hence there are island federations of the Comoro islands, Micronesia and the Marshall islands).

- Historical — some regions of a state historically developed in different ways, say, either were independent before integration or formed parts of different states (like the USA, Brazil and Germany)
- Ethnic — the ethnic composition of regions is different (Russia, India, Pakistan, former Yugoslavia);
- Linguistic — the linguistic composition of regions is different (Belgium, Switzerland, Canada);
- Confessional — the confessional composition of regions is different (Iraq);
- Economic — the economic structure of regions is different (former Czechoslovakia);
- Social — cultural, political, class discrepancy (such kind of asymmetry is typical for Ukraine, for example, which demonstrates considerable differences of its Right-bank, Central, South and Eastern regions concerning not only their ethnic composition but also political preferences and geopolitical considerations of their population).

So the regional asymmetry as a key characteristic, limiting the tendency of a state to take a federal form (which should be aimed at overcoming this asymmetry) considerably extends the number of states potentially favorable to federalism, and correspondingly strengthen its peacemaking potential.

A change for "light" forms of federalism, which implies the inconsiderable decentralization of the states, having non-critical regional asymmetry can be very effective in conflict preventing. Such scenario is quite possible for the UK, France, the Baltic countries, Ukraine, and China and is being implemented or at least planned in, say, Spain, Italy, Myanmar, Nigeria and Tanzania.

The strengthening of potential of federalization as an instrument for present-day conflict settlement can be realized in some other way, namely by the use of complicated schemes of federalization, being put into effect at all levels of the political map.

Until now the federalism has been regarded mostly as a characteristic peculiar to state only, however if a federal state is a state where its sub-national entities form the central authority by passing some part of their powers to it, that is, the lower level of the political map determines the upper one, it would be quite logical to suppose that the federalism can develop at some other levels of the political map.

Thus, the formation of a federal region, formed by the 2nd level sub-national entities is quite possible (there have been some federalization projects of this type concerning Dagestan as a part of Russia and Muslim-Croatian Federation as a part of Bosnia and Herzegovina). At the same time the

formation of a supranational entity, formed by its constituent states and based on the major principles of federalism is possible as well (the structure of European Union and the union of Russia and Byelorussia illustrate this scheme to some extent).

In this case federalism serves a universal principle of political and territorial structure, where the lower level of the political map determines the upper one.

The use of complicated mechanisms of federalization due to passing some federalism principles to some other levels of the political map (except federal) can considerably strengthen the peace making potential of federalism.

The "sub-national entity-federation" model could be used in the countries with considerable regional asymmetry, where the distinction between ethnic communities can hardly be drawn, like Bosnia and Herzegovina, India, Congo, The Philippines, and Thailand, etc.

The most universal set of instruments for conflict settlement will probably give chance to use all possible types of supranational formations.

The creation of communities of different centralization levels contributes to the alleviation of conflict situations (it is caused by the creation of permanently functioning coordinative councils, the liberation of visa regime, and the intensification of diffusion of various cultures etc.).

Thus the European Union has substantially lowered the tension in the relationship of European countries. Under the circumstances of the certain crisis of international organizations, that very supranational entity can become a major peacemaking force all over the world.

The creation of some supranational entity providing that equal rights are guaranteed for all its members, can serve the first step on the way of conflict settlement between Abkhazia, Southern Ossetia and Georgia, the Trans-Dniester Region, and Moldova, the northern and southern Cyprus, Taiwan and China.

One more mechanism for present-day conflict settlement is the creation of interregional communities, namely supranational entities, formed by regions of different states.

Such communities without breaking the principles of inviolability and state sovereignty could provide coordination and development of similar regions. The international community could be easily formed by Kurdish autonomy of Turkey, Iran, Iraq and Syria.

Such a formation observing the legal regulations, determined by the mother countries would promote a more intensive integration of "isolated" Kurdish territories, the creation of the united legislative ground, the development of regional economies, and pacification of Kurds nationalist moods.

One more variant of such a community is the creation of the union of Russian speaking regions, which would include the following territories: Estonia, Latvia, Lithuania, Byelorussia. Eastern and western Ukraine, the Trans-Dniester Region, North Kazakhstan and Eurasian regional union, which would consolidate the countries and regions (including Abkhazia and South Ossetia) which follow Russian geopolitical course.

Such a union would promote the settlement of conflicts and realization of people's interests without breaking the integrity and sovereignty of independent states.

As for the Transnistria, Abkhazia and South Ossetia (the sharpest conflict on the post-Soviet territories) the creation of two crossing (if marked on the political map) unions would promote the diplomatic adjustment of problems:

a) supranational formation of self-governing territories and the former mother country;

b) interregional union of this territory and Russia.

Such a situation would probably provide a temporary balance of forces and interests in conflict zones and would promote the alleviation of the political situation, economic and social integration in the region.

Summing up the above-mentioned, it is necessary to emphasize that a complicated system of international relations and the high level of democracy make political scientists and diplomats elaborate no less sophisticated and more and more asymmetric many-stage schemes of political and territorial structure, which surely should be based on the philosophy of federalism.

It is quite obvious that the federalization is not a panacea for all the conflicts (thus it is powerless in Arab-Israel conflict as well as in that global opposition between the western world and Islamic fundamentalism), however it is one of the most effective methods of conflict settlement, moreover its potential can be strengthened by the extension of application of the federalism and use of complicated schemes of federalization, implemented at all levels of the political map.

References

1. Anderson G. Federalism — An Introduction. — Oxford Press, Oxford, 2007.
2. Griffiths A. Handbook of Federal Countries. — Montreal: McGill University Press, 2005.
3. Okunev I., Domanov A. Space Imagination and Mixed Identity in Russian Towns Bordering on Finland // Human Geographies. — 2014. — Vol. 8, Iss. 2. — Pp. 101–110.

4. Бусыгина И. М. Политическая регионалистика. — М.: МГИМО–Университет, 2006
5. Кинг П. Классифицирование федераций // Полис. — 2000. — № 5. — С. 6–18.
6. Туровский Р. Ф. Политическая регионалистика. — М.: ГУ ВШЭ, 2006.
7. Чиркин В. Е. Современный федерализм: сравнительный анализ. — М., 1995.
8. Элазар Д. Сравнительный федерализм // Полис. — 1995. — № 5. — С. 106–115.

Information about the author

Окунев Игорь Юрьевич

Доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России,
Эл.почта: iokunev@mgimo.ru

Igor Okunev

Associate Professor, PhD (political science), MGIMO-University, Russia,
iokunev@mgimo.ru

**Ценности,
интеграция
и конфликт**

модератор
М. И. Рыхтик

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ СМЫСЛОВ В УСЛОВИЯХ БРЕКСИТА И МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

О. А. ЛИСИЙ

***Аннотация.** По мнению автора статьи, национальная элита каждого из государств-членов ЕС запускает и продвигает те аспекты европейской интеграции, которые наилучшим образом соотносятся с исторически оформившимся местом государства в международных отношениях в целом и на европейской арене в частности, а также текущей политической обстановкой, формируя тем самым европейскую идентичность. В исследовании на основе метода критического анализа дискурса, проанализированы высказывания британских и польских политических элит европейского уровня 2013–2014 и 2015–2016 годов, соответственно до обострения миграционного и кризиса и Брексита и после того, как началось обсуждение развития ЕС в контексте этих событий. Анализ дискурса британских политиков наглядно демонстрирует, что ведущим мотивом к интеграции с ЕС для Великобритании служили коммерческие интересы — возможность доступа к Общему рынку. Вместе с тем, очевидно, что Великобритания не готова пока расставаться ни с сформировавшимся на протяжении долгого времени сознанием своей «особости», ни с желанием быть во главе политических процессов, в том числе глобальных, что связано с переживанием ее имперского прошлого. Брексит стал своеобразным заявлением о намерении пересмотреть отведенное ей место ординарного участника региональной интеграции в пользу роли глобального лидера. В основе национальных предпочтений в поддержку европейской интеграции в Польше лежали идеаторные интересы, которые постепенно сменяются на геополитические. Польша исторически стремилась стать полноправным членом европейского сообщества. До миграционного кризиса, а скорее до прихода к власти партии Право и Справедливость, Польша предпринимала попытки дискурсивного встраивания в число*

главных политических игроков единой Европы, при этом в качестве конституирующего инота использовалась угроза возвращения к коммунизму и/или империализму, воплощением которых является Россия. Для усиления собственно политического веса в глазах лидеров ЕС Польша активно включала в свое дискурсивное пространство страны Восточного партнерства, особо выделяя Украину, как объекты передачи опыта демократизации, которую она, по ее мнению, переняла у лидеров ЕС и готова была использовать. Смена власти в стране, произошедшая в период разворачивания миграционного кризиса в Европе, который в некотором роде подорвал политический вес лидеров ЕС, позволила Польше утвердиться на позиции регионального лидера, а Брексит стал тем прецедентом, который занявшая более жесткую позицию по отстаиванию национальных интересов Польша, будет использовать для напоминания о необходимости прислушиваться к ее мнению, в частности в отношении мигрантов.

Ключевые слова: Великобритания, Польша, Европейский Союз, Брексит, миграционный кризис в Европе, европейская идентичность.

Введение. Несмотря на более чем шестидесятилетнюю историю европейской интеграции, именно национальное государство, а не над-национальное объединение в лице ЕС продолжает восприниматься в Европе как естественное политическое образование. Соответственно, формируемая в рамках каждого из государств-членов ЕС национальная идентичность не только сохраняет свое влияние, но нередко вступает в конфликт с европейской идентичностью, надстраиваемой европейскими и национальными политическими элитами над национальной идентичностью.

Миграционный кризис в Европе, а также Брексит дали очередной мощный толчок к разобщению единой Европы и заставили европейцев укорениться в мыслях о том, что пока не стало слишком поздно нужно формулировать и транслировать более жесткую позицию относительно своих интересов в ЕС. Н. В. Еремина говорит даже о том, что «миграционный кризис стал двигателем внутренней национальной революции, которая сейчас охватывает Евросоюз» и что «миграционный кризис можно рассматривать как углубляющуюся линию раскола в Евросоюзе, постепенно прокладывающую один из путей к его распаду» [Еремина, 2016].

Теоретические основания исследования. Формирование европейской идентичности может происходить как сверху-вниз, т.е. идентичность формируется национальными и европейским политическими элитами, так и на уровне индивидуального сознания гражданина —

считает ли себя каждый отдельный представитель государства-члена ЕС европейцем или нет.

Поскольку политические элиты находятся у власти, то они исторически рассматривались как главные проводники европейской интеграции, и они действительно формируют содержание текущих интеграционных процессов. Однако К. Келлер обращает внимание на то, что, анализируя влияние элит на будущее интеграции, необходимо учитывать структурные и электоральные факторы, которые способствуют или препятствуют воздействию элит на развитие интеграции [Keller, 2013, с. 56]. Например, М. Стинберген и др. в числе таких факторов называют степень поддержки элит партийными сторонниками, предвыборную обстановку, особенности партийной системы и характеристики сторонников [Steenbergen, Edwards, de Vries, 2007, с. 29]. К. Карруба, Д. Сандерс и Г. Тока пишут о влиянии общественного мнения, выражающегося в частности в результатах голосования или протестных акциях, на формирование мнения элит [Carrubba, 2001; Sanders, Toka, 2013, с. 23–24].

В нашей статье мы придерживаемся подхода «сверху-вниз» и будем говорить о формировании европейской идентичности национальными политическими элитами. Элита — это создатели коллективной идентичности, в которой отражается идея принадлежности к общей судьбе, следовательно, такой образ национальной или региональной идентичности противоречит убеждению, что идентичность складывается из индивидуальностей отдельно взятых личностей. Вместе с тем всякая коллективная идентичность индивидуальна в том смысле, что она формируется на основе уникального опыта и в исторических условиях, присущих именно этой нации или региону. Поэтому когда мы говорим о национальной или региональной идентичности, мы должны учитывать весь ход истории и место государства или региона в этой истории.

Если оценивать побуждения, формирующие национальные предпочтения в поддержку европейской интеграции, то можно выделить три основных группы мотивов — коммерческие интересы, геополитические интересы и идеаторные интересы, которые, в свою очередь, лежат в основе либерального, реалистского или конструктивистского подходов к интерпретации интеграции [Eilstrup-Sangiovanni, Verdier, 2005, с. 101]. Среди исследователей европейской интеграции не вызывает существенных разногласий тот факт, что для объединения послевоенной Европы большое значение имела советская угроза и страх возобновления войны на европейском континенте. Распад Советского Союза, т.е. исчезновение одной из сильных внешних причин западной европейской политической и экономической интеграции и последую-

щее включение в пространство Европейского Союза ряда государств, ранее находившихся под советским контролем, сильно изменили мотивы для поддержания и углубления европейского единства.

Хайнрик Бест и др. справедливо отмечали, что несмотря на отрицательное голосование по проекту европейской конституции в некоторых странах-участницах ЕС, то, что «европейская интеграция по-прежнему расширяется и углубляется, свидетельствует о том, что она движима силами в значительной степени независимыми от прямых внешних угроз и давления, и что этот импульс поддерживается внутренней логикой» [Best, Lengyel, Verzichelli, 2012, с.2]. В целом этот тезис подтверждает базовые положения теории (нео)функционализма, на протяжении долгого времени остававшейся ведущей теорией европейской интеграции.

Основатели неофункционализма Э. Хаас и Л. Линдберг рассматривали интеграцию не как результат, конечное состояние, а как процесс, «посредством которого политические акторы нескольких различных национальных общностей склоняются к переносу лояльности, ожиданий и политической активности в новый центр, институты которого владеют или требуют подчинения от предсуществующих национальных государств» [Haas, 1958, с.16; Lindberg, 1963, с.6]. По мнению указанных авторов, это происходит потому, что национальные элиты осознают, что ряд существенных для государства проблем не может быть эффективно решен на национальном уровне. Изначально интеграция в одном секторе начинается потому, что она приводит к росту производительности и благосостояния. Далее начинает действовать «экспансивная логика интеграции секторов» [Haas, 1958, с.383], поскольку интеграция в одном секторе создает техническое давление, вынуждающее государства начинать интеграцию и в других секторах, тесно связанных с первым. Позднее это явление получило название эффекта «перетекания».

Таким образом получается, что если интеграционные процессы обладают собственной внутренней логикой, то национальным элитам, как замечает Х. Бест и др., «возможно за исключением инициирования процесса», остается «субсидиарная роль — следовать predetermined истории курсу» [Best, Lengyel, Verzichelli, 2012, с.2]. Поэтому немецкие исследователи предлагают рассматривать процесс европейской интеграции как результат сознательных и часто противоречивых решений, принимаемых национальными элитами, которые хоть и ограничены давлением населения, но не являются predetermined.

Переноса приведенный тезис на отношения по поводу формирования европейской идентичности, мы полагаем, что национальная элита

каждого из государств-членов ЕС запускает и продвигает те аспекты европейской интеграции, которые наилучшим образом соотносятся с исторически оформившимся местом государства в международных отношениях в целом и на европейской арене в частности, а также текущей политической обстановкой в стране. Формируя национальную идентичность, элита запускает коллективное действие на ее основе, которое в свою очередь укрепляет национальную идентичность. Соответственно, чем успешнее уникальный национальный опыт развития той или иной страны-участницы ЕС будет дискурсивно «встроен» в опыт развития единой Европы, который оформляется при помощи дискурсивных практик европейской элиты, тем больший вклад в формирование европейской идентичности граждан своей страны будут вносить национальные политические элиты.

Исследование: основная часть. Несмотря на то, что Великобритания присоединилась к ЕС в первую волну расширения, в 1973 году, ее репутация как «неудобного партнера» в глазах прочих стран-участниц постоянно закреплялась, поскольку это государство всегда оставалось в стороне, иногда даже в оппозиции по отношению к наиболее важным инициативам проекта европейской интеграции. Поворотным пунктом в британско-европейских отношениях стали положительные итоги референдума о выходе Великобритании из ЕС, прошедшего 23 июня 2016 года. Польша, напротив, стала членом Европейского Союза относительно недавно, в 2004 году, но до недавнего времени — европейского миграционного кризиса, прихода к власти партии Право и Справедливость и победы на президентских выборах Анжея Дуды, находилась в числе государств, которых можно было отнести к сторонникам ЕС, поскольку вступление Польши в ЕС, которое стало возможным после падения коммунистического режима, воспринималось в стране, как «возвращение в Европу».

Взяв для анализа только два государства ЕС — Великобританию и Польшу — мы посчитали, что политический вес Великобритании и ее продолжительное участие в европейском интеграционном проекте, большой размер Польши, который выделяет ее на фоне других государств новой Европы, принципиально разные условия развития этих двух государств в контексте общей европейской истории представляют собой достаточно большие различия, чтобы не оказывать влияния на нашу работу с гипотезой о том, что формирование европейской идентичности обусловлено встраиванием уникального национально-опыта развития той или иной страны-участницы ЕС в опыт развития единой Европы.

Методология исследования. Используя метод критического анализа дискурса, мы анализируем высказывания британских и польских политических элит европейского уровня 2013–14 и 2015–16 годов, соответственно до обострения миграционного и кризиса и Брексита и после того, как началось обсуждение развития ЕС в контексте этих событий, выявляя взаимодействие европейской и национальной идентичности в Великобритании и Польше.

Процедура исследования. Обобщая дискурс национальных политиков Великобритании европейского уровня до миграционного кризиса и Брексита [см. также Лисий, 2014], отметим следующие его особенности:

1) Дискурс депутатов всех британских партий, представленных в Европейском парламенте, объединяет определение в качестве главной цели пребывания Великобритании в Европейском Союзе возможности участия страны в Общем рынке. Другое дело, что для каждой из четырех крупнейших партий характерна своя степень интенсивности критики тех препятствий, которые встают на пути дальнейшего развития Общего рынка, а значит достижения главной цели европейской интеграции, какой ее видят по ту сторону Ла-Манша. Спектр критических настроений варьируется от призывов к выходу Великобритании из «клуба вчерашнего дня, направляющего свои усилия на ослабление Европы, в то время когда мир меняется» [Farage, 2014], которое озвучивает Партия независимости Соединенного Королевства, предлагая в качестве альтернативы «помогать беднейшим странам мира посредством торговли, а не посредством политического курса, который хоть и направлен на оказание помощи, но подавляет способности этих стран к развитию собственной экономики» [Farage, 2014], до приведения конкретных примеров того, как «Британия, оставаясь в ЕС, отстаивает свои интересы и принимает необходимые меры к тому, чтобы европейское законодательство не оказывало на нее негативного влияния», чем занимается Либерально-демократическая партия [Bearder, 2015].

Для Великобритании Общий рынок представляет собой не более, чем возможности для стимулирования конкуренции и увеличения экономического роста «в гонке за процветание» [Ashworth, 2013] с быстро развивающимися экономиками Китая, стран Юго-Восточной Азии, Мексики, России, Бразилии. Свое участие в нем она оценивает в контексте соотношения экономической выгоды к тем затратам, которые она должна претерпеть взамен.

2) Британское видение Европейского Союза как свободной экономической ассоциации, присоединяясь к которой государства снимают

ограничения для достижения финансового благополучия своих граждан, а не федеративного союза, в котором государства устанавливают общие правила, накладывая ограничения, позволяют нам говорить о развитии европейского дискурса этой страны в русле либерального индивидуализма. В соответствии с неореалистской традицией и в разрез с идеями неофункционализма британский либеральный индивидуализм отдает предпочтение возможности свободного взаимодействия страны в глобальной сфере, стараясь уклоняться от обременения себя обязательствами в рамках регионального сотрудничества. Эти идеи артикулируются в британском дискурсе через установление цепей эквивалентности по двум направлениям. Артикуляции первого рода призваны особо выделить преимущества торговых отношений со странами Британского Содружества наций и США, т.е. теми государствами, с которыми у Великобритании имеются богатые и продолжительные исторические связи: «Мы находимся на пороге заключения крупнейшего торгового соглашения в мировой истории — с нашим близким союзником Америкой. И оно влечет за собой рабочие места и возможность экспорта для британских компаний. Отличные новости!» [Foster, 2013], «Сейчас с более высокими показателями ВВП, чем ЕС, Содружество — это наше будущее, а не прошлое» [Campbell Bannerman, 2014], «Судьба Британии связана с быстро развивающимся Содружеством, а не с выходящим (dwindling) ЕС» [Hannan, 2015].

Артикуляции второго рода направлены на применение логики дифференциации по отношению к государствам-членам Европейского Союза. Это происходит как через демонстрацию различий интересов Великобритании и стран, входящих в ЕС, так и посредством указания на сходство интересов развитых европейских стран, в частности, Норвегии, Швейцарии, Исландии, которые не являясь частью Европейского Союза, хоть и не могут влиять на законодательство блока, которому однако вынуждены подчиняться, однако по разным причинам не желают становиться его частью, ничуть не жалея об этом: «Британия — единственное государство ЕС, которое продает больше не-членам [ЕС], чем членам. Соответственно, по нам особенно сильно бьет Общий внешний тариф, который отделяет нас от наших отдаленных торговых партнеров. Снова и снова мы не можем получить выгоду от свободной торговли, потому что общая европейская позиция должна принимать во внимание французских кинематографистов, итальянские текстильные компании, австрийских фермеров, и что получаете вы. Норвегия и Швейцария, входящие в Европейскую ассоциацию свободной торговли, недавно подписали соглашение о свободной торговле с Китаем. Британия не

может. При условии, что Китай вырос на 7,7% в 2013 году, в то время как в ЕС произошел спад на 0,3%. Я бы сказал, что это большой ущерб» [Hannan, 2014].

3) В дискурсе проявляется сложное переплетение частично исключаящих друг друга нарративов, которые с одной стороны, артикулируют выгоды от вовлечения в европейские интеграционные структуры, а с другой стороны, включают в дискурсивное поле преимущества старых связей и успешных, привлекательных для Великобритании, шагов, предпринимаемых в рамках альтернативных моделей политического развития. И все это вместе должно однако связываться в единый дискурс британской идентичности, что достигается при помощи маневров, возможных в связи с изначально сильной позицией Великобритании на мировой арене. Великобритания является ключевым мировым финансовым центром: Лондон — единственный серьезный европейский соперник Франкфурта, что составляет наиболее важную часть наследия Британской империи. Она также входит в число постоянных членов Совета Безопасности ООН, являясь ядерной державой, и Большую Восьмерку — достижения времен У. Черчилля и М. Тэтчер, ключевых фигур британской политической истории XX века.

Именно сильная позиция Великобритании на международной арене и, как следствие, понимание и использование ее как возможности добиться уступок на европейском уровне, сделала возможным для британского консервативного дискурса продвинуться дальше от используемых ею форм включения/исключения (Великобритания участвует только в части проектов углубляющих европейскую интеграцию, например, в европейском экономическом пространстве и таможенном союзе, и не желает включаться в такие проекты, как шенгенская и еврозона) до обращения к теме реформирования ЕС и репатриации полномочий: «Существуют экономические преимущества для того, чтобы оставаться частью Общего рынка. Он позволяет британскому бизнесу свободно торговать по всей территории Европейского Союза и создает рабочие места и благосостояние британских акционерных компаний с ограниченной ответственностью. В то же самое время эта экономическая свобода идет рука об руку с политической программой, за присоединение к которой британцы никогда не голосовали. В частности, я хочу, чтобы Соединенное Королевство отказалось от социального и трудового законодательства и вернуло контроль в сфере юстиции и внутренних дел. Уверен, что у читателей могут быть и другие предложения того, какие еще полномочия должны быть репатрированы» [Fox, 2013].

Выделяя основные элементы дискурса польских национальных политиков до миграционного кризиса, отметим следующее:

1) Довольно часто можно наблюдать дискурсивное встраивание Польши в число главных политических игроков, причем фокус внимания смещен с очевидных объективных выгод от экономической помощи ЕС на возможности политического характера, которые перед ней открываются. При этом Польша намеренно подчеркивает свои отличия от других государств Центральной и Восточной Европы: «Как это ни парадоксально, другие страны Центральной Европы денег из ЕС — в пересчете на душу населения — получают столько же, сколько выделяется нам, или даже больше. Несмотря на это, членство в ЕС не вызывает там такого энтузиазма. Как объяснить эту разницу? В Польше с 1989 года мы формировали позитивное отношение к ЕС. Среда Солидарности сумела убедить посткоммунистические партии, что только интеграция с западными структурами открывает возможности для Польши» [Buzek, 2014].

2) Поскольку важным конституирующим иным для Польши до настоящего времени остается ее коммунистическое прошлое, которое переплетает ее историю с историей Советского Союза, то Россия, ставшая после его распада правоперемницей СССР в материально-объективном смысле в соответствии с нормами международного права, унаследовала и статус главного Другого Польши как необходимого элемента дискурсивной структуры, без которого последняя не смогла бы определить себя, то есть свою идентичность. В связи с этим, для описания или характеристики России европейские депутаты от Польши вне зависимости от политической принадлежности свободно прибегают к терминологии, связанной с (нео)империализмом и даже царизмом, особенно востребованной в ведущей артикуляционной практике по данному направлению — дискурсе безопасности: «У Владимира Путина и его ближайшего окружения два приоритета. С одной стороны, речь идет о сохранении доминирования на пространстве бывшего Советского Союза, или даже его воссоздании в новой форме. Примат Москвы должен при этом признаваться не вследствие достижений российской экономики, культуры и науки, но в силу соединения коррупции (в отношении к пост-коммунистическим элитам) и запугивания (в отношении остальной части общества). В случае отказа обоих методов, как в случае с Грузией и Украиной, в игру вступает применение неприкрытой агрессии и терроризма в массовом масштабе. С другой стороны, начиная военные действия на Украине, Путин надеется на укрепление своей внутривнутриполитической позиции и подавление потенциального сопротивления российского гражданского общества» [Saryusz-Wolski, 2015].

3) Украина в дискурсе, формируемом Польшей, предстает, во-первых, препятствием на пути распространения неоимперской политики России, а во-вторых, мостом между Европейским Союзом и теми политическими силами внутри России, которые могли бы способствовать нормализации политической обстановки в этой стране в сторону ее улучшения с точки зрения перспектив продолжения сотрудничества с этим влиятельным соседом. Здесь мы можем наблюдать установление прямой корреляции между успешной политикой по оказанию помощи Украине и ее интеграции с ЕС и повышением уровня безопасности для европейского региона сразу по двум направлениям. Помимо Украины способными следовать польскому пути признаются и другие постсоветские страны, особенно Грузия и Молдавия. Польша, в данном случае, предстает лидером региона, который может стать учителем для стран постсоветского пространства и посредником между ними и странами Западной Европы. При этом всячески подчеркивается свободный выбор этих стран вступить на путь европейской интеграции как противовес силовому принуждению российской «империалистической» политики: «Каждая европейская страна имеет право вступить в ЕС, если она удовлетворяет так называемым копенгагенским критериям. Следует, однако, учитывать геополитические вопросы, связанные с безопасностью в Восточной Европе и непосредственно безопасностью Польши. Поэтому необходимо особенно поддерживать перспективу членства в ЕС части стран Восточного партнерства, особенно Грузии, Украины и Молдовы» [Poręba, 2014].

В контексте миграционного кризиса и референдума о выходе Великобритании из ЕС, безусловно, одно из центральных мест в дискурсе национальных политиков как Польши, так и Великобритании заняли вопросы миграции и выражение отношения к мигрантам. Среди ключевых элементов дискурса Великобритании отметим следующие:

1) Размывание различий между «внутренними», т.е. гражданами государств-членов Европейского Союза, в отношении которых должен действовать режим свободы передвижения в пространстве ЕС, и «внешними», т.е. приехавшими в ЕС, мигрантами. Если на политику Европейского Союза в отношении «внешних» мигрантов национальные государства еще могут как-то воздействовать, то требование ограничения миграции из стран ЕС, которого добивался Д. Кэмерон в преддверие референдума, создает неразрешимое противоречие между критериями категоризации иммигрантов, которыми пользуется Европейский Союз и теми, которые использует Великобритания, поскольку они противоречат одному из базовых принципов, без которых ЕС становится невозможным.

Вместе с тем, в условиях обострения ксенофобии в отношении мигрантов, и в частности поляков — наиболее многочисленного иммигрантского меньшинства, проживающего на ее территории — выражающейся в требованиях покинуть страну, которые после референдума о выходе Великобритании из ЕС были направлены анонимными активистами полякам в виде листовок, сообщались лично в уличных столкновениях и даже появились в виде надписей на здании Польского культурного центра в Лондоне, а также случаев причинения вреда здоровью и убийства, дискурсивно указанное размывание проявляется имплицитно по двум направлениям. Во-первых, в попытках элиминации дискурса о поляках. Например, после того, как президент Европейской Комиссии Ж.-К. Юнкер косвенным образом связал убийство польского рабочего в Эссексе с желанием Великобритании покинуть ЕС, со стороны британских политиков последовала волна критики: «Он сослался на этот ужасный инцидент, но он также мог бы сослаться на множество других ужасных вещей, совершающихся по всей Европе» [Polish ex-MP, 2016]. Во-вторых, в указании на проблемы Польши, побуждающие ее к миграции, которые не отличаются от проблем экономических «внешних» мигрантов: «Иммиграция плоха для Польши, потому что происходит быстрая депопуляция городов... и плоха для Великобритании, где существуют сообщества, в которых местные службы перегружены обращениями» [Perrig, 2016].

2) Дискурсивное поощрение тех государств ЕС, которые готовы налаживать более тесные связи с традиционными партнерами Великобритании, в первую очередь, США, при этом всячески подчеркивается, что эти отношения строятся на принципиально иных условиях, чем вызывающие большие проблемы условия Европейского Союза и основаны в первую очередь на получение экономических выгод в глобальном масштабе: «Польша быстро превращается в надежную для новой администрации США страну в ЕС и, конечно, наиболее ценного на континенте партнера для Соединенного Королевства... Польская администрация знает очень хорошо, что «европейский проект» в текущем состоянии скоро потерпит неудачу и нужно создавать новые союзы, в то же время старая дружба должна сохраняться с обновленными обещаниями» [Kawczynski, 2016].

3) Выражение негативного отношения к необходимости социального обеспечения мигрантов и предложения об ужесточении законодательства в этой сфере. Например, в разгар миграционного кризиса консерваторы утверждали, что снижая привлекательность системы социального обеспечения для жителей единой Европы, а значит со-

кращая финансирование этой системы и устанавливая ограничения на выплату пособий мигрантам, можно оказать влияние на перераспределение миграционных потоков, сохранив при этом благосостояние британской нации.

В числе особенностей польского дискурса в условиях миграционного кризиса и Брексита назовем:

1) Утверждение Польши в качестве регионального лидера. Миграционный кризис и Brexit совпали по времени с приходом к власти партии Право и Справедливость, представители которой отошли от более ранних устремлений Польши к более тесному сотрудничеству с Европейским Союзом и дружбы с Германией. Дискурсивно такая переориентация на доминирование в регионе проявляется как в регулярной артикуляции своей принадлежности к странам Вишеградской группы, странам Центральной и Восточной Европы, часто проявляющаяся даже в попытках выступать от их имени, заявляя об особых интересах этих стран в контексте общего развития европейской интеграции, так и выходящее за границы Европейского Союза выражение своего мнения относительно политики стран Восточного партнерства.

2) Поскольку негативный дискурс о польских мигрантах периодически возобновляется, в том числе в контексте референдума о выходе Великобритании из ЕС, дискурс польских политиков уходит от экономических аспектов миграции, переключаясь на требование уважения мнения всех стран при принятии решения о регулировании миграции в ЕС, а также на выражение неприятия культурных, в частности религиозных различий между поляками и мигрантами. Для усиления своей позиции нередко польские политики апеллируют к Брекситу как событию, произошедшему в ответ на нежелание ЕС прислушиваться к мнению государств-членов, и указывают на необходимость принятия мер по недопущению повторения этой ситуации, безусловно, обозначая этим намерение отстаивать свои интересы: «Такова воля британского общества, выраженная демократическим путем и очевидно, что эта воля должна быть исполнена... Сейчас Европейский Союз имеет перед собой очень важное задание, что сделать, чтобы больше таких ситуаций не было, чтобы другие государства не желали покидать ЕС» [Duda, 2016].

Результаты исследования. В ходе проведенного исследования мы установили различия как в дискурсе о Европейском Союзе национальных политиков Великобритании и Польши, так и в дискурсе каждой из стран до обострения миграционного кризиса в Европе и референдума о выходе Великобритании из ЕС, так и в условиях появления этих двух факторов.

Анализ результатов. Анализ дискурса британских политиков наглядно демонстрирует, что ведущим мотивом к интеграции с ЕС для Великобритании служили коммерческие интересы — возможность доступа к Общему рынку, ради чего она поступилась частью своего суверенитета. Вместе с тем очевидно, что Великобритания не готова пока расставаться ни с сформировавшимся на протяжении долгого времени в силу оторванности от континентальной Европы сознанием своей «особости», ни с желанием быть во главе политических процессов, в том числе глобальных, что связано с переживанием ее имперского прошлого, вместо того, чтобы превратиться в ординарного члена политического проекта, переживающего не самые лучшие времена. Именно поэтому до Брексита она отмечала выгоды положения европейских стран-нечленов ЕС, особо выделяла свои отношения со странами Британского Содружества наций и США, доказывая тем самым отсутствие необходимости более тесного, в том числе политического, сотрудничества в рамках Европейского Союза для достижения процветания и благополучия его членов, а также предлагала реформировать ЕС, тем самым заявляя о желании стать лидером этого процесса.

Европейский миграционный кризис обострил и без того существовавшие в Великобритании проблемы исторически сложившейся, опять же в силу ее колониального прошлого, политики мультикультурализма, проводимой в отношении мигрантов. Поскольку одна из первых больших волн иммиграции нахлынула в Великобританию после Второй мировой войны, в 1940–50-е годы, именно из бывших британских колоний, то их не нужно было интегрировать в британское общество, вместе с тем их охотно принимали, поскольку страна нуждалась в рабочей силе для послевоенного восстановления. В настоящее время в британском дискурсе различия между «внутренними» и «внешними» мигрантами размыты, потому что большинство мигрантов из государств-членов ЕС едет в Великобританию по экономическим соображениям, однако, как минимум «внутренних» мигрантов в силу условий участия в Европейском Союзе Великобритании нужно воспринимать как равных своим гражданам, что идет в разрез с ранее указанными интенциями этого государства в отношении лидерства, «особости», к которым добавляется нежелание предоставлять мигрантам социальные гарантии, которых многие из них, по мнению Великобритании, не заслужили.

В основе национальных предпочтений в поддержку европейской интеграции в Польше лежали идеаторные интересы, которые постепенно сменяются на геополитические. Вступление Польши в ЕС, которое стало возможным после падения коммунистического режима, воспри-

нималось в стране, как «возвращение в Европу». Этот термин имел большое символическое значение, выражая не просто историческое стремление Польши стать полноправным членом европейского сообщества государств, но выступая в качестве призыва к преодолению тех экономических и политических условий, в которых она оказалась и которые рассматривались в качестве препятствия как для быстрой реинтеграции с Европой, так и для успеха модернизационного процесса на национальном уровне. До миграционного кризиса, а скорее, до прихода к власти партии Право и Справедливость Польша предпринимала попытки дискурсивного встраивания в число главных политических игроков единой Европы, при этом в качестве конституирующего ино-го использовалась угроза возвращения к коммунизму и/или империализму, воплощением которых является Россия, поэтому определенную роль играл дискурс о трансформации и солидарности, которым приписывается ключевое значение в поддержании и усилении состояния безопасности от этой угрозы. При этом для усиления собственно политического веса в глазах лидеров ЕС Польша активно включала в свое дискурсивное пространство страны Восточного партнерства, особо выделяя Украину, как объекты передачи опыта демократизации, которую она, по ее мнению, переняла и готова была использовать.

Смена власти в стране, произошедшая в период разворачивания миграционного кризиса в Европе, который в некотором роде подорвал политический вес лидеров ЕС, позволила Польше утвердиться на позиции регионального лидера, а Брексит стал тем прецедентом, который занявшая более жесткую позицию по отстаиванию национальных интересов Польша, использует для напоминания о необходимости прислушиваться к ее мнению, в частности в отношении мигрантов.

Заключение. Поскольку формирование идентичности происходит постоянно, то как Великобритания, так и Польша находятся в процессе постоянного определения и переопределения своего понимания европейской идентичности. Каждая из этих стран в рассматриваемый период времени пыталась отстаивать свое право на такое выражение своего мнения относительно европейской повестки дня, которое соотносилось бы с особенностями их национальной идентичности и уникального исторического опыта. Подводя промежуточные итоги их достижений на текущий момент, стоит отметить, что для Великобритании, не сумевшей убедить ЕС принять ее видение дальнейшего развития единой Европы, Брексит стал своеобразным заявлением о намерении пересмотреть отведенное ей место ординарного участника региональной интеграции в пользу роли глобального лидера. При этом важно по-

нимать, что Великобритания проголосовала за выход из Европейского Союза, но не перестала быть европейской страной, а значит формирование ее европейской идентичности будет продолжаться, просто изменится ряд оснований. В отличие от Великобритании, Польша в условиях миграционного кризиса и не без помощи дискуссий о Брексите, а затем и самого референдума сумела усилить свою позицию в Европейском Союзе и, вероятнее всего, в недалеком будущем можно ожидать от нее заявлений, с которыми ЕС придется считаться.

Литература

1. Еремина Н. Миграционный кризис после Brexit: есть ли свет в конце туннеля? URL: <http://eurasia.expert/migratsionnyy-krizis-posle-brexita/>
2. Лисий О. А. Дискурсивное формирование европейской идентичности в Великобритании (на материале Фейсбук-аккаунтов членов Европейского парламента) // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2014. № 4. С. 177–92.
3. Andrzej Duda o Brexicie: trzeba zadać sobie pytanie, czy Unia nie narzuca zbyt wiele 24.06.2016. URL: <http://wiadomosci.wp.pl/kat,1342,title,Andrzej-Duda-o-Brexicie-trzeba-zadac-sobie-pytanie-czy-Unia-nie-narzuca-zbyt-wiele,wid,18394589,wiadomosc.html?ticaid=1187d6>
4. Ashworth Richard. 29 January 2013. URL: <https://www.facebook.com/richard.ashworthmep/posts/138104396352429>
5. Bearder Catherine. 4 March 2015. URL: <https://www.facebook.com/catherinebeardermep/posts/525955340876016>
6. Best H., Lengyel G., Verzichelli L. Introduction: European integration as an elite project / The Europe of Elites. A Study into the Europeanness of Europe's Political and Economic Elites. Edited by H. Best, G. Lengyel, L. Verzichelli. — Oxford, New York: Oxford University Press Inc. 2012. P. 1–13.
7. Buzek Jerzy. 30 April 2014. URL: <https://www.facebook.com/JerzyBuzek/posts/10152221610636655>
8. Campbell Bannerman David. 10 March 2014. URL: <https://www.facebook.com/david.c.bannerman/posts/10151933628731338>
9. Carrubba C. The Electorate Connection in European Union Politics // Journal of Politics. 2001. Vol. 63. P. 141–58.
10. Eilstrup-Sangiovanni M., Verdier D. European Integration as a Solution to War // European Journal of International Relations. 2005. Vol. 11(1). P. 99–135.
11. Farage Nigel. 23 December 2014. URL: <https://www.facebook.com/nigelfarageofficial/posts/780104692037136>
12. Foster Jacqueline. 19 June 2013. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=10152924347845597&id=368940170596

13. Fox Ashley. 23 January 2013. URL: <https://www.facebook.com/notes/ashley-fox/finally-a-referendum-on-europe/335406319901149>
14. Haas E.B. *The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces 1950–57.* — Stanford, CA: Stanford University Press. 1958.
15. Hannan Daniel. 23 January 2015. URL: <https://www.facebook.com/danielhannan/posts/10152520604547331>
16. Hannan Daniel. 3 October 2014. URL: <https://www.facebook.com/danielhannan/posts/10152287427827331>
17. Kawczynski D. Poland will be a key ally for the UK both during and after Brexit. 9 December 2016. URL: <http://brexitcentral.com/daniel-kawczynski-mp-poland-will-key-ally-uk-brexit>
18. Keller C. S. Elite Attitudes, Mass Nationalism and European Intergration: A Multi-level Approach // *Studia UBB Sociologia*. 2013. LVIII. 1. P. 55–68.
19. Lindberg L.N. *The Political Dynamics of European Economic Integration.* — Stanford, CA: Stanford University Press. 1963.
20. Perring R. Polish MP says UK ‘overwhelmed’ by migrants which cause BRAIN DRAIN in his homeland. 2 August 2016. URL: <http://www.express.co.uk/news/politics/695805/Daniel-Kawczynski-Poland-immigration-Conservative-MP-Brexit-EU-referendum>
21. Polish ex-MP: Juncker right to raise Essex ‘hate crime’ murder. 15 September 2016. URL: <http://news.sky.com/story/polish-ex-mp-juncker-right-to-raise-essex-hate-crime-murder-10578278>
22. Poręba Tomasz. 13 April 2014. URL: <https://www.facebook.com/tomasz.poreba.35/posts/617621501656937>
23. Sanders D., Toka G. Is Anyone Listening? Mass and Elite Opinion Curing in the EU // *Electoral Studie*. 2013. Vol. 32 (1). P. 13–26.
24. Saryusz-Wolski Jacek. 11 February 2015. URL: <https://www.facebook.com/Jacek.Saryusz.Wolski/posts/881320998554872>
25. Steenbergen M., Edwards E., de Vries C. Who’s Cueing Whom? Mass–Elite Linkages and the Future of European Integration // *European Union Politics*. 2007. Vol. 8 (1). P. 13–35.

EUROPEAN IDENTITY: THE FORMATION OF NEW MEANINGS DURING BREXIT AND MIGRATION CRISIS IN THE EUROPEAN UNION

Lisiy Olesya

Abstract: *The national elite of each of the EU member states launches and promotes those aspects of European integration that best correspond to the historically developed place of the state, both in international relations system, and on the European stage [in particular], as well as to the current political situation. All this forms the European identity. In the study based*

on the method of critical discourse analysis, we analyzed the statements by British and Polish political elite of the European level made in 2013–2014 and 2015–2016 respectively, before the escalation of migration crisis in Europe and Brexit and after the EU started working under these conditions. The analysis of British politicians' discourse demonstrates that the UK leading motive for EU integration was shaped by commercial interest, i.e. access to the Common Market. However, it is clear that the UK is not yet ready to part with either the sense of its «specialness» evolved over a long period of time or a desire to lead the political processes, including global processes, resulting from the experience of its imperial past. Brexit became a kind of statement of intent to change the place of an ordinary member of regional integration allotted to her to that of a global leader. The basis of Polish national preferences in favor of European integration formed by ideational interests, which are gradually been replaced by geopolitical ones. Poland has historically sought to become an influential member of the EU. Before the migration crisis, but rather before the coming to power of Law and Justice, Poland attempted to integrate herself discursively into the group of the main political players in the EU; at the same time, a threat of returning to communism and / or imperialism was exploited as a constituting other. To enhance its political weight, Poland has actively engaged the Eastern Partnership countries particularly the Ukraine, into its discursive space, as objects of democratization experience transmission, which it, in its opinion, took over the leading EU member states and was ready to practice. The power shift in the country, which took place during the period of deployment of the migration crisis in Europe, in some way undermining the political weight of the EU leaders, allowed Poland to foothold at the position of a regional leader, and Brexit became the precedent that Poland is going to use in order to remind about the necessity to listen to her opinion, in particular with regard to migrants.

Key words: Great Britain, Poland, the European Union, Brexit, migration crisis in Europe, European identity

References:

1. Eremina N. Migracionnyy krizis posle Brexit: jest li svet v konce tunnelia? URL: <http://eurasia.expert/migratsionnyy-krizis-posle-brexit/>
2. Lisiy O. A. Diskursivnoe formirovanie evropejskoy identichnosti v Velikobritanii (na materiale Facebook-accantov chlenov Evropeyskogo parlamenta) // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Politologiya». 2014. № 4. С. 177–92.
3. Andrzej Duda o Brexicie: trzeba zadać sobie pytanie, czy Unia nie narzuca zbyt wiele 24.06.2016. URL: <http://wiadomosci.wp.pl/kat,1342,title,Andrzej-Duda-o-Brexicie-trzeba-zadac-sobie-pytanie-czy-Unia-nie-narzuca-zbyt-wiele,wid,18394589,wiadomosc.html?ticaid=1187d6>

4. Ashworth Richard. 29 January 2013. URL: <https://www.facebook.com/richard.ashworthmep/posts/138104396352429>
5. Bearder Catherine. 4 March 2015. URL: <https://www.facebook.com/catherinebeardermep/posts/525955340876016>
6. Best H., Lengyel G., Verzhichelli L. Introduction: European integration as an elite project / The Europe of Elites. A Study into the Europeanness of Europe's Political and Economic Elites. Edited by H. Best, G. Lengyel, L. Verzhichelli. — Oxford, New York: Oxford University Press Inc. 2012. P. 1–13.
7. Buzek Jerzy. 30 April 2014. URL: <https://www.facebook.com/JerzyBuzek/posts/10152221610636655>
8. Campbell Bannerman David. 10 March 2014. URL: <https://www.facebook.com/david.c.bannerman/posts/10151933628731338>
9. Carrubba C. The Electorate Connection in European Union Politics // Journal of Politics. 2001. Vol. 63. P. 141–58.
10. Eilstrup-Sangiovanni M., Verdier D. European Integration as a Solution to War // European Journal of International Relations. 2005. Vol. 11(1). P. 99–135.
11. Farage Nigel. 23 December 2014. URL: <https://www.facebook.com/nigelfarageofficial/posts/780104692037136>
12. Foster Jacqueline. 19 June 2013. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=10152924347845597&id=368940170596
13. Fox Ashley. 23 January 2013. URL: <https://www.facebook.com/notes/ashley-fox/finally-a-referendum-on-europe/335406319901149>
14. Haas E.B. The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces 1950–57. — Stanford, CA: Stanford University Press. 1958.
15. Hannan Daniel. 23 January 2015. URL: <https://www.facebook.com/danielhannan/posts/10152520604547331>
16. Hannan Daniel. 3 October 2014. URL: <https://www.facebook.com/danielhannan/posts/10152287427827331>
17. Kawczynski D. Poland will be a key ally for the UK both during and after Brexit. 9 December 2016. URL: <http://brexitcentral.com/daniel-kawczynski-mp-poland-will-key-ally-uk-brexit>
18. Keller C. S. Elite Attitudes, Mass Nationalism and European Intergration: A Multi-level Approach // Studia UBB Sociologia. 2013. LVIII. 1. P. 55–68.
19. Lindberg L. N. The Political Dynamics of European Economic Integration. — Stanford, CA: Stanford University Press. 1963.
20. Perring R. Polish MP says UK 'overwhelmed' by migrants which cause BRAIN DRAIN in his homeland. 2 August 2016. URL: <http://www.express.co.uk/news/politics/695805/Daniel-Kawczynski-Poland-immigration-Conservative-MP-Brexit-EU-referendum>
21. Polish ex-MP: Juncker right to raise Essex 'hate crime' murder. 15 September

2016. URL: <http://news.sky.com/story/polish-ex-mp-juncker-right-to-raise-es-sex-hate-crime-murder-10578278>
22. Poręba Tomasz. 13 April 2014. URL: <https://www.facebook.com/tomasz.poreba.35/posts/617621501656937>
23. Sanders D., Toka G. Is Anyone Listening? Mass and Elite Opinion Curing in the EU // Electoral Studie. 2013. Vol. 32 (1). P. 13–26.
24. Saryusz-Wolski Jacek. 11 February 2015. URL: <https://www.facebook.com/Jacek.Saryusz.Wolski/posts/881320998554872>
25. Steenbergen M., Edwards E., de Vries C. Who's Cueing Whom? Mass–Elite Linkages and the Future of European Integration // European Union Politics. 2007. Vol. 8 (1). P 13–35.

Информация об авторе

Лисий Олеся Александровна

Ст. преподаватель

Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет

Россия

E-mail: olesya_lis@mail.ru

Olesya Lisiy

Senior lecturer at St. Petersburg State Pediatric Medical University

Russia

E-mail: olesya_lis@mail.ru

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В БРИКС ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ¹

А. А. СЕРГУНИН

Аннотация. В статье рассматривается феномен БРИКС в свете различных теорий международных отношений (ТМО). В частности, анализируется теория изменения соотношения сил, развиваемая в рамках неореалистической парадигмы ТМО. Высказывается предложение дополнить существующую в рамках этой теории классификацию государств на «ревизионистские» и «статус-кво» категорией «реформистские» государства. Изучаются также особенности использования концепция мирного сосуществования, которая постепенно возвращается в теоретический арсенал стран БРИКС. Уделяется также внимание концепции «мягкой силы», которая особенно популярна среди теоретиков-неолибералов и которая имеет свою специфику в национальных ТМО стран БРИКС, отличающую её от оригинальной теории американского политолога Дж. Ная. Наконец, в статье рассматриваются различные статусные теории, уделяющие внимание не только рациональным и материальным факторам формирования внешней политики стран БРИКС, но и таким мотивам политики, как самооценка, статус, репутация, честь, достоинство, слава, симпатии и антипатии, а также другим эмоционально-психологическими категориям. В статье делается вывод, что каждая из упомянутых выше теорий, имея рациональное зерно, в то же время имеет свои недостатки и не может претендовать на статус универсальной. Политическое поведение стран БРИКС пока не имеет однозначного объяснения с точки зрения какой-то одной теоретической концепции, но может соответствовать той или иной теории в зависимости от предмета и ракурса исследования. Вместе эти теории создают основу для комплексного и адекватного изучения БРИКС.

Ключевые слова. БРИКС, теория международных отношений, модель международного сотрудничества

¹ Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного Санкт-Петербургским государственным университетом (шифр ИАС 17.37.226.2016)

Введение

Учитывая растущую геоэкономическую и геополитическую значимость БРИКС, этот институт всё больше привлекает к себе внимание со стороны различных теорий международных отношений (ТМО). Теоретическая рефлексия помогает избежать известной ограниченности чисто эмпирического подхода в понимании того, как объяснить природу, механизмы и перспективы эволюции БРИКС. Что возникает на наших глазах: очередной институт межгосударственного взаимодействия, вполне вписывающийся в ряд уже существующих, или это принципиально иная модель отношений, которая способна серьезно поменять тенденции мировой политики? Что движет политикой государств, входящих в БРИКС? Способен ли БРИКС стать альтернативой доминированию западных держав, которое оформлено в систему международных институтов и союзов? Обеспечит ли этот институт принципиально новые условия для развития международного сотрудничества в противовес силовому давлению или это не более чем временное межгосударственное объединение? Современные ТМО предлагают несколько подходов к объяснению феномена БРИКС, критическому анализу которых и посвящена данная статья.

Теория изменения соотношения сил

Среди западных экспертов наибольшей популярностью пользуется *теория изменения соотношения сил* (power transition theory), впервые предложенная А. Органски [Organski, 1958]. ТИСС, развиваемая в рамках парадигмы неореализма, исходит из допущения о том, что соотношение сил в мировой политике происходит постоянно. Эта теория считает возникновение конфликтов и войн результатом роста влияния государств, конкурирующих с доминирующими державами. В этом плане все государства делятся на сторонников «статус-кво» и «ревизионистов». Мощные и влиятельные государства, такие как США, пользуются преимуществами установленного мирового порядка и попадают в категорию «статус-кво», а государства, недовольные своим местом и ролью в международных отношениях, становятся «ревизионистами». Именно они склонны к радикальному изменению существующего международного порядка на иных условиях. И здесь в фокусе внимания оказываются, прежде всего, Россия и КНР.

Согласно ТИСС, современная «путинская» Россия является типичным «ревизионистским» государством. Эксперты американского Консервативного Фонда наследия усматривают в этой связи несколько проблем, которые создает Россия для США и их союзников. По их мнению, режим Путина порождает вызов демократическим ценностям, что проявляется

в сочетании неуважения к политическим, гражданским и экономическим правам граждан и слабой экономики. Восстановление военной мощи, политического и дипломатического влияния создает стратегический вызов Западу и его союзникам. В частности, растет угроза дружественным США государствам: Украине, Грузии, Польше, странам Балтии, Финляндии, Швеции. Наконец, проблему создает сотрудничество России со странами-«изгоями», включая Сирию, Иран, Северную Корею. [Carafano, 2015, с. 1] Аналогичные оценки даются политике КНР [Cheng, 2016].

Если «ревизионисты» рассматриваются как источник дестабилизации мирового порядка, и в этом смысле их роль ассоциируется с негативными последствиями, то действия доминирующих (статус-кво) государств рассматриваются как позитивные, поскольку они выполняют охранительные системные функции. Поэтому такие случаи, как военная интервенция НАТО в Косово и фактический раздел Югославии, проект ЕвроПРО, расширение НАТО на восток, спонсирование «цветных революций» на постсоветском пространстве, военная помощь Тайваню со стороны США, демонстративное введение Вашингтоном принципа свободного мореплавания в Южно-Китайском море — не считаются угрозами для России или КНР [Carafano, 2015, с. 3].

Среди представителей ТИСС источники «ревизионистского» поведения оцениваются по-разному. Более умеренные считают таковыми неудачи в построении демократии внутри России и КНР, которые не дают им полноценно интегрироваться в международную экономику и глобальные институты управления [Granholm, Malminen, Persson, 2014, с. 10, 26–29]. Более радикальная точка зрения сводится к принципиальной неспособности этих стран к интеграции с Западом, например в силу исторически сложившихся тенденций развития России и Китая [Carafano, 2015, с. 3].

Неслучайно, что и политика государств, входящих в БРИКС, оценивается по-разному. Часть экспертов склонна видеть БРИКС в качестве инструмента, позволяющего некоторым его участникам закрепить статус великих держав и противостоять западным институтам на региональном и глобальном уровне. Большинство все же по-разному оценивают роль КНР и России: если Китай находится на подъеме, то Россия — на стадии упадка из-за экономических проблем. В качестве ответных мер предлагаются различные варианты «политики сдерживания».

Однако не все представители ТИСС видят в России и Китае «ревизионистов». Согласно этой точке зрения, даже политика Путина в отношении Украины рассматривается как политика «статус-кво», направленная на сохранение российского влияния на постсоветском пространстве

в противовес расширению НАТО [Charap, Shapiro, 2014; Charap, Shapiro, 2014, с. 265–271; Kuhn, 2015]. Аналогичная ситуация складывается и на глобальном уровне, где КНР и Россия скептически относятся к идее реформы ООН. Правда, некоторые другие участники БРИКС (Бразилия и Индия), наоборот, заинтересованы в реформе, надеясь повысить свой статус в Совете Безопасности.

Сторонники тезиса о «статус-кво» считают, что проблема заключается в том, что страны БРИКС не удалось включить в качестве равных партнеров в систему международной безопасности, которая формируется после окончания холодной войны. Так, в ряде случаев Запад пересек «красные линии», которые были обозначены Россией на постсоветском пространстве. Ясным сигналом такого рода стал, например, короткий военный конфликт России с Грузией в августе 2008 г. Другой случай — украинский кризис, длящийся поныне. Когда после свержения режима В. Януковича новые киевские власти явно высказались за вступление в ЕС и НАТО, Москва вернула Крым в состав России и оказала помощь повстанцам в Донбассе.

За этой политикой стоят не только геополитические, но и геоэкономические интересы России, связанные с ее проектом интеграции на постсоветском пространстве, который конкурирует с планами евроинтеграции через программу «Восточное партнерство» [Collins, 2015, с. 3; Sergunin, 2013, с. 24–25]. Сторонникам этой точки зрения перспектива видится в налаживании сотрудничества с Россией, а не в конфронтации с ней. Аналогичный подход предлагается и в отношении Китая.

Несмотря на ряд достоинств, ТИСС имеет немало недостатков:

Эта теория более применима к периоду «холодной войны», когда две супердержавы были заинтересованы в поддержании «статус-кво» из-за угрозы взаимного уничтожения в случае войны. Современная система находится лишь в стадии формирования новой структуры и условий стабильности. В этих обстоятельствах ТИСС мало что может объяснить в поведении государств, входящих в БРИКС.

ТИСС не учитывает существование третьего типа государств — «реформистского», которые не во всем согласны с мировым устройством, но предпочитают не менять радикально «правила игры», а приспособить их к изменившимся условиям. Страны БРИКС ближе как раз к этому типу политического поведения, что видно хотя бы по их совместным усилиям по созданию альтернативных финансовых институтов, которые бы способствовали недопущению нового мирового финансово-экономического кризиса [Russia Says BRICS Development Bank Ready to Launch, 2014]. В целом страны БРИКС показывают стремление построить более эффективные модели миропорядка, по сравнению с западными

ми, причем, делают это на неконфронтационной основе. Таким образом, дополнение ТИСС новым («реформистским») типом государств сделало бы её более отвечающей современным реалиям.

Концепция мирного сосуществования

Одной из отличительных черт политики России, Индии и Китая долгое время была и остается опора на принципы мирного сосуществования. Эту концепцию в разных версиях разрабатывали представители неолиберализма, глобализма, неореализма. В России она появилась еще в первые годы существования советского государства, попавшего во враждебное капиталистическое окружение. Мирное сосуществование не отменяло конфронтации, но, попав в изоляцию, советское руководство во главе с В. И. Лениным предпочло перевести непримиримый конфликт с Западом из военной в иные формы соперничества. В ленинской интерпретации избегание вооруженной борьбы вовсе не означало мира с враждебным по определению лагерем капитализма. Наоборот, он рассматривал мирное сосуществование как перевод войны в иные формы соперничества, прежде всего, по линии экономического соревнования, которое должно было обеспечить преимущество социалистической модели общественного развития [Ленин, 1970, с. 78].

В СССР эта концепция оставалась востребованной после второй мировой войны вплоть до «перестройки» М. Горбачева, когда ей была придана новая конфигурация. Однако с окончанием «холодной войны» интерес к этой теме угас на фоне несбывшихся надежд российских элит войти на равных в международные институты, а термин исчез из доктринальных документов.

Китай, который никогда не отказывался от концепции мирного сосуществования, после операции НАТО в Косово в 1999 г. поставил ее в ряд основополагающих принципов, которыми необходимо руководствоваться в международной политике: уважение суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела, равенство, ведущая роль ООН как универсальной международной организации [Строительство нового мирового порядка, 1999]. Китай противопоставил принцип мирного сосуществования американскому «неоинтервенционизму». В Индии идея мирного сосуществования претерпела некоторые изменения, приобретая форму концепции *Vasudhaiva Kutumbakam* («весь мир как одна семья»), где нет места гегемонии [De Coning, Mandrup, Odgaard, 2014, с. 115–124].

Доктринальные документы Бразилии в сфере внешней политики формально не упоминают мирное сосуществование с 1960-х гг., однако политическая практика государства ей вполне соответствовала. Это —

установление двустороннего сотрудничества независимо от политического и экономического режима государства-партнера, уважение суверенитета, развитие многостороннего сотрудничества [De Coning, Mandrup, Odgaard, 2014, с. 49–74].

В Южно-Африканской Республике принцип мирного сосуществования в виде концепции *Ubuntu*, был официально зафиксирован в «Белой книге» по внешней политике 2011 г., где он определяется как «уважение ко всем государствам, народам и культурам», а национальная безопасность включает безопасность личности как приоритетную цель [цит. по: De Coning, Mandrup, Odgaard, 2014, с. 150–151].

Внимание стран БРИКС к концепции мирного сосуществования можно объяснить объективными обстоятельствами. С определенного момента эти государства перестала устраивать прежняя система отношений с Западом, которая оказалась нежизнеспособной. Так, Россия столкнулась с провалом идеи «всеобъемлющей безопасности» (М. Горбачев), с ролью «младшего партнера» Запада (Б. Ельцин), а затем с неэффективностью стратегического партнерства с США (первые два президентства В. Путина и период администрации Д. Медведева). Запад не считался с региональными и глобальными интересами стран БРИКС, довольно жестко критиковал их за «авторитаризм», «дефицит демократии» и «неуважение» прав человека. Подобная политика Запада подтолкнула не только страны БРИКС, но и другие государства, не желающие принимать диктат «золотого миллиарда», к осознанию того факта, что они предпочитают другие модели общественного развития. Единственным принципом, на котором можно и нужно строить отношения между государствами разного типа, является концепция мирного сосуществования.

Конечно, в современных условиях концепция мирного сосуществования имеет иное содержание, чем в годы «холодной войны», поскольку не стало непримиримого соперничества социально-политических систем. Страны БРИКС не стремятся нанести поражение мировой капиталистической системе, как это было со странами социалистического лагеря в прошлом. Они хотят всего лишь интеграции в мировое хозяйство и системы глобального управления на равноправной основе. В геополитическом плане Россия утратила статус супердержавы и не может претендовать на прежний уровень соперничества, а другие страны БРИКС и вовсе избегают глобальной конфронтации с США.

Современную трактовку идеи мирного сосуществования, характерную для стран БРИКС, можно свести к следующим положениям:

- страны с различными экономическими и социально-политическими системами могут мирно сосуществовать;

- доминирование одной или нескольких стран в мировой политике неприемлемо;
- предпочтение должно отдаваться инструментам «мягкой силы», а военная сила должна быть лишь крайним средством;
- готовность к сотрудничеству с международными политическими и экономическими структурами, созданными Западом, даже несмотря на сохраняющиеся противоречия с ними.

Концепция мирного сосуществования пока не вошла в постоянный политический лексикон стран БРИКС (за исключением КНР). Отчасти это объясняется аллергией на марксистско-ленинскую терминологию. Но в той или иной форме эта концепция присутствует в их внешнеполитическом арсенале.

Концепция «мягкой силы»

Неолиберальная концепция «мягкой силы» востребована в странах БРИКС, с одной стороны, для того, чтобы преодолеть негативный образ, который возник на Западе в ходе международных конфликтов (Россия с Грузией и Украиной, КНР с соседями в Южно-Китайском море, Индия с Пакистаном). С другой стороны, она помогает сделать более эффективными методы геополитической и геоэкономической экспансии.

В странах БРИКС «мягкая сила» трактуется по-разному, не всегда совпадая с тем содержанием, которое вкладывал её автор — Дж. Най. Если он подчеркивал, что в основе «мягкой силы» лежит привлекательность тех или иных государств для других участников международных отношений, то в реальной политике России и Китая чаще доминирует сугубо прагматический интерес, не учитывающий предпочтения партнеров. По мнению Дж. Найа, это вызывает не просто неприятие, но и враждебность в отношении инициатив по линии «мягкой силы» [Nye, 2013].

Власти России и Китая рассматривают «мягкую силу» лишь как вспомогательный инструмент в политике по защите национальных интересов, в то время как многие эксперты справедливо усматривают в этой концепции более широкое прочтение безопасности. Оно состоит во включении в понятие безопасности невоенной составляющей, а также в большей мере опирается на сотрудничество в отношениях с партнерами [Гронская, Макарычев, 2010; Цыганков, 2013; Sergunin, Karabeshkin, 2015; Tsygankov, 2013].

Следует отметить ряд особенностей стран БРИКС по интерпретации концепции «мягкой силы». Прежде всего, этот термин используется как зонтичный, объединяя такие близкие по употреблению термины как «публичная дипломатия», «народная дипломатия», «гуманитарное измерение политики», «НГО-дипломатия». Среди инструментов «мягкой силы» предпочтения отдаются финансовым рычагам (особенно в случае

КНР), культурным связям и этническим диаспорам, системам образования и церкви. Страны БРИКС создали специализированные учреждения для реализации «мягкой силы» (Институты Конфуция, Россотрудничество, фонд «Русский мир»).

При этом политика «мягкой силы» в большой степени контролируется и направляется государством, что в известной мере лишает ее гибкости. По мнению Дж. Наю [Nye, 2013], Россия и КНР делают ошибку, недооценивают важность гражданской инициативы, в то время как в США источником «мягкой силы» выступает не государство, а университеты, кинематограф, поп-культура. Государству следует не ограничивать институты гражданского общества, а усиливать эффект от их работы.

В целом страны БРИКС идут достаточно самостоятельным путем в использовании «мягкой силы», не стараясь копировать западный опыт и отойдя от трактовки концепции по Дж. Наю. В их практике пока преобладает подход инструменталистский, прагматический и ориентированный на важные государственные политические цели. Правда, как в доктринальных документах этих государств, так и в академической среде не выработано четкого терминологического аппарата, что в конечном счете негативно сказывается на концептуальной проработке и эффективности этого инструмента. В то же время, страны БРИКС обладают достаточно мощным потенциалом «мягкой силы», который способен значительно усилить их позиции в традиционных сферах влияния, особенно если удастся достичь привлекательности этой политики по Дж. Наю.

Статусные теории

Теории статуса оказываются особенно полезными для тех случаев, когда политика стран БРИКС оценивается партнерами как «эмоциональная», «иррациональная» и «непредсказуемая». Когда она не вписывается в теории, построенные по принципу рационализма, к которым относятся ТИСС и концепции мирного сосуществования и «мягкой силы». Статусные теории обращаются к мотивам политики, связанным с самооценкой, репутацией, честью и достоинством, славой, симпатиями и другими эмоционально-психологическими категориями, которые вносят элемент хаоса в политическое поведение лидеров и общественных групп. Первые работы, в которых связывался конфликт и недооценка статуса государства, появились в конце 1960-х гг. [Midlarsky, 1969; Wallace, 1973]

Возврат к теме статуса наблюдается с 2000-х гг., когда к ней обратились представители разных теоретических парадигм. Такие школы, как неореализм и неолиберализм, в основном, фокусировались на интересах выживания и экономической целесообразности, считая статус производной от военной и экономической мощи. Для постпозитивист-

ских школ статус также не был важной аналитической категорией, хотя именно они обратили серьезное внимание на психологические аспекты политического поведения. Например, социальный конструктивизм считает, что идентичность и норма являются движущим силам политики, а не соображения статуса или престижа [Onuf, 2013].

Применительно к БРИКС тема статуса впервые была поднята в связи с дискуссией о том, что главная цель современной России состоит в том, чтобы усилить свое значение в мировой политике, вернув прежние позиции великой державы [Carafano, 2015; Kanet, 2010; Larson, Shevchenko, 2010; Neumann, 2005; Neumann 2007]. Поводом стал поворот в политике России, которая более решительно стала защищать свои интересы при президенте В. В. Путине. Российский президент воспринял крушение СССР как «величайшую геополитическую катастрофу XX века». Статус России потерял определенность, поскольку наличие ядерного потенциала и место постоянного члена Совета безопасности ООН удерживали ее среди наиболее влиятельных стран, но по остальным показателям она скатилась на уровень периферийного государства. В связи с этим некоторые западные эксперты оценивали состояние российских элит как «статусная паника» [Forsberg, Heller, Wolf, 2014; Hansen, Sergunin, 2014, с. 94; Smith, 2014].

Интерес к статусным теориям подогрели и дискуссии о природе конфликта России в отношении Грузии (2008 г.) и Украины (2014 г.). Часть исследователей, последователей идей конструктивизма и постструктурализма, усматривает здесь проявление страха России окончательно утратить статус великой державы. Причем, эта мотивация способна стать даже более важной, чем собственно вопрос о безопасности или экономического процветания [Sergunin, 2014]. Еще дальше идут авторы, утверждающие, что статус-ориентированная внешняя политика России имеет глубокие исторические корни, поскольку на протяжении столетий Москва стремилась доказать свой высокий статус в Европе [Neumann, 2005].

С Китаем, который прежде не имел статуса великой державы, складывается несколько иная ситуация. Быстрый экономический рост после окончания «холодной войны» перестал соответствовать прежнему характеру политических и экономических отношений с Западом. Поначалу Китай стремился добиться статуса великой державы путем адаптации капиталистических норм, но так и не был принят на равных в западное сообщество. Тогда Пекин занял более состязательную позицию, но не входящую в прямое противостояние с соперниками, и довольно успешно добивается изменения собственного, оригинального имиджа в глазах Запада в позитивную сторону, как государства, которое не ищет гегемонии, но требует уважения, соответствующего новому статусу.

Индия и Бразилия также стремятся к статусу великих держав, опираясь на большие по размерам территории и численность населения, достигнутый экономический и военный потенциал, завоеванный международный авторитет. Их поведение на международной арене носит скорее символический характер и направлено на повышение уважения со стороны других государств, чем жёсткое самоутверждение [Larson, Shevchenko, 2010, с. 70]. О таком символизме говорят слова президента Бразилии по поводу принятия Олимпийских Игр-2016: выбор Бразилии в качестве хозяина игр вывел ее из круга стран второго класса — в страны первого класса. Южно-Африканская Республика не имеет амбиций великой державы, но на региональном уровне также стремится играть ведущую роль.

В политическом плане государства, стремящиеся повысить свой международный статус, могут пытаться примкнуть к лидирующей группе государств (стратегия мобильности), вступить в соревнование с лидерами (стратегия соревнования) или пытаться достичь преимуществ в какой-либо области (стратегия креативности). Выбор конкретной стратегии или их комбинации зависит от степени открытости международной иерархии и степени близости ценностей социально-экономического и культурного развития.

Например, со времени после окончания «холодной войны» государства БРИКС пошли на либерально-демократические реформы, чтобы войти в экономические и политические институты Запада, такие как МВФ, ВТО, Совет Европы, G-7. В то же время закрытость таких организаций как ЕС или НАТО, побуждает Китай и Россию перейти к стратегии соревнования. [Larson, Shevchenko, 2010, с. 72–73]. На пути креативной стратегии Россия пытается опираться на неоконсервативные идеи коллективизма, духовности и православия в противовес индивидуализму, материализму и либеральной морали Запада [Laruelle, 2008; Sergunin, 2014]. Креативность создается и на уровне высокой дипломатии харизматическими лидерами. Например, за счёт этих качеств президент В. В. Путин сумел добиться признания своего плана по уничтожению сирийского химического оружия. Концепция «нового шелкового пути» другого харизматического лидера Си Цзинь Пина была воспринята как глобальный проект взаимовыгодной экономической интеграции Евразии.

Несмотря на всю свою привлекательность, теории статуса пока оставляют без ответа ряд важных вопросов: каковы индикаторы статуса? когда статус становится важнее материальных интересов? какие инструменты использует государство для изменения статуса? до какой степени внутривнутриполитические институты могут влиять на рост или снижение чувства «неуважения» в обществе?

* * *

Таким образом, различные теории дают свои оригинальные объяснения политическому поведению стран БРИКС. Если говорить об относительной ценности или доказательности каждой из них, то более продуктивным представляется принцип комплиментарности, согласно которому каждая теория оказывается продуктивной в зависимости от поставленной цели исследования. Вместе они создают основу для изучения такого сложного политического явления, как БРИКС, на основе междисциплинарности.

Литература

1. Гронская Н. Э., Макарычев А. С. Идея империи и «мягкая сила»: мировой опыт и российские перспективы // Вопросы управления. 2010. № 10. С. 22–27.
2. Ленин В. И. Собрание актива московской организации РКП(б). : декабря 1920 г. Доклад о концессиях. ПСС, 5-е издание. М.: Политиздат. 1970. С. 55–78.
3. Строительство нового мирового порядка // Российская газета. 4 сентября 1999. <http://www.rg.ru/prilog/es/0904/1.htm>
4. Цыганков А. Всесильно, потому что верно? // Россия в глобальной политике. 2013. Декабрь. <http://www.globalaffairs.ru/number/Vsesilno-iboverno-16251>.
5. Carafano J. (ed). U. S. Comprehensive Strategy Toward Russia. Washington, DC: The Heritage Foundation. 2015. <http://thf-reports.s3.amazonaws.com2015/SR173.pdf>
6. Cheng D. China: Ready to Assume a Leadership Role? March 10, 2016. <http://www.heritage.org/research/commentary/2016/3/china-ready-to-assume-a-leadership-role>
7. Charap S., Shapiro J. A New European Security Order: The Ukraine Crisis and the Missing Post-Cold War Bargain. Paris: FRS. 2014.
8. Charap, S., Shapiro J. How to Avoid a New Cold War // Current History. 2014. Vol. 113. № 765. P. 265–271.
9. Collins J. Daunting Challenges and Glimmers of Hope in Ukraine. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace. 2015. <http://carnegieendowment.org/2015/11/20/dauntingchallengesandglimmersofhopeinukraine/im6s>.
10. De Coning C., Mandrup T., Odgaard L. (eds.) The BRICS and Coexistence: An Alternative Vision of World Order. Abingdon: Routledge Taylor & Francis Group. 2014.
11. Forsberg T., Heller R., Wolf R. Introduction. Communist and Post-Communist Studies. 2014. № 47. P. 261–268.
12. Granholm N., Malminen J., Persson G. (eds). A Rude Awakening. Ramifications of Russian Aggression Towards Ukraine. Stockholm: FOI. 2014.

13. Hansen F., Sergunin A. Russia, BRICS, and peaceful coexistence: between idealism to instrumentalism // De Coning C., Thomas M., Odgaard L. (eds.). *The BRICS and Coexistence: An Alternative Vision of World Order*. Abingdon: Routledge Taylor & Francis Group. 2014. P. 75–99.
14. Kanet R. (ed.). *Russia: Re-emerging Great Power*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2007.
15. Kanet R. *Russian Foreign Policy in the 21st Century*. London/New York: Palgrave Macmillan. 2010.
16. Kuhn U. Understanding Russia. *Russian Analytical Digest*. 2015. № 162. 10 February. P. 5–8.
17. Larson D., Shevchenko A. Status Seekers. Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy // *International Security*. 2010. Vol. 34. № 4. P. 63–95.
18. Laruelle M. *Russian Eurasianism, an Ideology of Empire*. Baltimore: John Hopkins University Press. 2008.
19. Midlarsky M. *Status Inconsistency and the Onset of International Warfare*. PhD Dissertation. Evanston: Northwestern University. 1969.
20. Neumann I. Russia as a Great Power // *Journal of International Relations Development*. 2007. Vol. 11. № 2. P. 128–151.
21. Neumann I. Russia as a Great Power // Hendskog, J., Konnander, V., Nygren, B., Oldberg, I. and C. Pursiainen (eds.). *Russia as a Great Power. Dimensions of Security Under Putin*. Abingdon: Routledge. 2005. P. 13–28.
22. Nye J. What China and Russia Don't Get About Soft Power. 2013. 29 April. http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/04/29/what_china_and_russia_don_t_get_about_soft_power.
23. Onuf N. *Making Sense, Making Worlds. Constructivism in Social Theory and International Relations*. Abingdon: Routledge. 2013.
24. Organski, A.F.K. *World Politics*. New York: Alfred and Knopf. 1958.
25. Russia Says BRICS Development Bank Ready to Launch. *The Moscow Times*. 2014. 9 July. <http://www.themoscowtimes.com/business/article/russia-saysbrics-development-bank-ready-to-launch/503183.html>.
26. Sergunin A. Bridging a (mis)perceptual gap: the EU's Eastern Partnership and Russian policies in the Trans-Caucasus // *Bilge Strateji*. 2013. Vol. 5. № 8. P. 17–37.
27. Sergunin A. Has Putin the Pragmatist Turned into Putin the Ideologue? // *Vlaams Marxistisch Tijdschrift*. 2014. Vol. 48. № 2. P. 68–69.
28. Sergunin A., Karabeshkin L. Understanding Russia's Soft Power Strategy // *Politics*. 2015. Vol. 35. № 3–4. P. 347–363.
29. Smith H. Russia as a great power: Status inconsistency and the two Chechen wars // *Communist and Post-Communist Studies*. 2014. № 47. P. 355–363.
30. Tsygankov A. Moscow's Soft Power Strategy // *Current History*. 2013. Vol. 112. № 756. P. 259–264.

31. Wallace M. Alliance Polarization, Cross-Cutting and International War, 1815–1964: a Measurement Procedure and Some Preliminary Evidence // Journal of Conflict Resolution, 1973. Vol. 17. № 4. P. 575–604.

INTEGRATION PROCESSES IN BRICS THROUGH THE PRISM OF INTERNATIONAL RELATIONS THEORY

Alexander Sergunin

Abstract. *The article deals with the phenomenon of BRICS in the light of various International Relations theories (IRT) — power transit theory, peaceful coexistence concept, soft power theory, and status theories. Particularly, the power transition theory, which is being developed in the framework of the neo-realist paradigm, is analyzed. It is suggested to augment the existing categorization of states within this theory — “revisionist” and “status-quo” — by a new category — a “reformist” one. The specificity of the use of the coexistence concept, which is gradually returning to the BRICS countries’ theoretical arsenal, is studied. A special attention to the soft power concept is given; the concept is especially popular among the neoliberal theorists and it has its specifics in the national IRTs of the BRICS countries which are distinct from the original version authored by the American political scientist Joseph Nye. Finally, various status theories are examined, which pay attention not only to rational and material factors shaping the BRICS countries’ foreign policies but also to policy motivations, such as self-esteem, status, reputation, honor, proud, glory, sympathies and antipathies as well as to other emotional-psychological categories. The article concludes that each of the theories, having its own merits, at the same time has its drawbacks and cannot have an ambition to be a universal one. BRICS’ political behavior has not yet an unambiguous interpretation from a particular point of view, but it may be explained by one theory or another, depending on the research focus. In sum, these theories provide the basis for a complex and adequate study of the BRICS.*

Keywords: BRICS, international relations theory, model of international cooperation

Информация об авторе

Сергунин Александр Анатольевич

д.полит.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, E-mail: sergunin60@mail.ru

Alexander Sergunin

Ph.D. (political science), Prof., St. Petersburg State University, Russia, E-mail: sergunin60@mail.ru

Отдельные доклады

КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ УГРОЗЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И АФГАНИСТАНЕ

А. А. Казанцев, С. М. Медведева

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, которые связаны с ростом угрозы терроризма на центральноазиатско-афганском направлении. Автор выделяет и анализирует следующие ключевые факторы. 1. Угрозу возврата центральноазиатских боевиков из «горячих точек» современного мира, прежде всего, с Ближнего Востока. 2. Серьезный рост нестабильности в Афганистане, создающий угрозу вторжения боевиков в страны постсоветской Центральной Азии. 3. Критически опасное сочетание ряда внутренних и внешних угроз, к числу которых можно отнести: «хрупкость» ряда государств, большие объемы наркоторговли по северному маршруту транспортировки наркотиков из Афганистана в Россию, высокая коррупция, тенденция к «демодернизации», наличие серьезных межгосударственных конфликтов как между странами Центральной Азии, так и между вовлеченными в регион великими державами. 4. Серьезный потенциал развития религиозного экстремизма, который сложился в Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане, а также в ряде регионов Казахстана и Кыргызстана.

Ключевые слова: Центральная Азия, Афганистан, наркоторговля, внутренние и внешние угрозы, религиозный экстремизм

В настоящее время наблюдается серьезный рост угрозы терроризма на центральноазиатско-афганском направлении. В связи с этим важной задачей как в чисто академическом плане (с точки зрения анализа эволюции новых вызовов и угроз безопасности), так и в плане прикладном (с точки зрения борьбы с международным терроризмом) является изучение ключевых факторов, оказывающих влияние на развитие данной угрозы. Данная статья основана на анализе имеющихся открытых источников, а также — на серии экспертных интервью, проведенных авторами.

1. Угроза возврата центральноазиатских боевиков с Ближнего Востока

В октябре 2015 года В.В. Путин на заседании Совета глав государств — участников СНГ заявил, что «на стороне ИГИЛ уже воюют от пяти до семи тысяч выходцев из России и других стран СНГ»². На тот момент официально объявленная ФСБ России оценка числа российских боевиков, воюющих на стороне ИГ в Сирии и Ираке, составляла 2400 человек³. Следовательно, еще порядка 2600–4500 боевиков приходится на другие страны постсоветского пространства. При этом из оценок международных экспертов хорошо известно, что основная масса этих боевиков происходит из центральноазиатских стран[13].

Однако центральноазиатские (как и кавказские боевики) воюют на Ближнем Востоке не только за ИГ. В Сирии и Ираке представлено довольно больше число этнических группировок с участием выходцев из Центральной Азии («Джамаат Имам Бухари», «Джейш-аль-Мухаджирин», «Джамаат Сайфулла Шишани», «Таухид валь-Джихад» и т.д.).

По данным за декабрь 2015 г. базирующейся в США «Суфан групп»⁴ количество боевиков, выехавших из стран Центральной Азии в Сирию и Ирак, составляет:

Таблица 1

Число боевиков из стран Центральной Азии в Сирии и Ираке

Страна	Число боевиков
Узбекистан	500
Кыргызстан	500
Таджикистан	386
Туркменистан	360
Казахстан	300
Всего	2046

² Заседание Совета глав государств СНГ. Владимир Путин принял участие в заседании Совета глав государств — участников Содружества Независимых Государств, 16 октября 2015 года, URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50515>

³ Официальная оценка ФСБ на тот момент — см. ТАСС, 18.09.2015, URL: <http://tass.ru/politika/2272750>.

⁴ The Soufan group. Foreign fighters. An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq. December 2015, URL: http://soufangroup.com/wp-content/uploads/2015/12/TSG_ForeignFightersUpdate_FINAL.pdf

Важно осознать, что на каждого боевика, воюющего в Сирии и Ираке, приходится сотни сочувствующих в разного рода «спящих ячейках» террористической сети на местах. Эти люди, как и возвращающиеся боевики, получившие боевой опыт, могут быть использованы для проведения терактов, организации беспорядков или даже партизанских действий. Как указал известный киргизский эксперт и богослов Кадыр Маликов (это потом подтвердили таджикские структуры), только ИГ выделила порядка 70 млн долларов на подрывную работу в Центральной Азии⁵. Однако российские эксперты фиксируют активизацию притока средств во все страны постсоветского пространства (в контексте противостояния операции России в Сирии) по совершенно разным каналам, связанным с распространением религиозного экстремизма, а отнюдь не только по каналам ИГ.

2. Ситуация в Афганистане и угроза странам Центральной Азии.

Выходцы из Центральной Азии участвуют в боевых действиях не только на Ближнем Востоке, но и в ряде других стран и регионов мира (Афганистан, Пакистан, Ливия, и т.п.). При этом за последние пару лет произошло перебазирование большого количества международных боевиков-террористов в Северный Афганистан из Северо-Западного Пакистана [8].

В последние годы за счет усилий целого ряда международных игроков (прежде всего, Саудовской Аравии и Катара) сложилось определенное взаимодействие между тяжелой ситуацией в Афганистане и на Ближнем Востоке. В Йемене, Ираке и Сирии имеет место противостояние блока во главе с Саудовской Аравией (его условно называют «суннитским», и он недавно был официально оформлен как «альянс исламских государств против терроризма»⁶) блоку во главе с Ираном (его условно называют «шиитским», и он официально не оформлен). Ряд источников полагает, что упомянутое выше перебазирование боевиков из Пакистана в Афганистан произошло на саудовские деньги с целью подготовки боевиков либо для действий против Ирана (Иран актив-

⁵ В Таджикистане заявили, что ИГ выделило \$70 млн на создание своих ячеек в Афганистане, URL: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2015/10/06/1448092.html>; ИГИЛ выделяет на Центральную Азию 70 миллионов долларов. Какова доля Казахстана? URL: <http://www.youtube.com/watch?v=uxZSifWe8Do>. В последней сноске дается текст выступления известного специалиста по Центральной Азии и Афганистану А. Князева, который утверждает, что основная часть этих денег пришла из Катара, а, для сравнения, по его оценке, весь бюджет иностранных влияний в «революцию тюльпанов» в Киргизии мог составлять всего порядка 5 млн долларов США.

⁶ <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/12/17/saudi-arabias-islamic-military-alliance-against-terrorism-makes-no-sense/>

но нанимал афганских хазарейцев-шиитов с целью использования их как боевиков на Ближнем Востоке), либо против шиитов на месте (ИГ и Аль-Каеда активно организуют теракты против шиитов в Пакистане и Афганистане), либо для последующей переброски боевиков на Ближний Восток. Этот перенос войны с Ближнего Востока на Афганистан представляет серьезную угрозу бывшим советским республикам Центральной Азии.

Особую тревогу с точки зрения ряда опрошенных экспертов представляет то, что в контексте российской военной операции в Сирии государства Саудовского блока оказались дополнительно заинтересованы в дестабилизации России и постсоветского пространства. В частности, с этим связан приход в последнее время в Афганистан с Ближнего Востока «больших денег», например, по данным «Аль-Джазиры», боевики ИГ получают в 10 раз больше, чем боевики Талибана⁷. «Аль-Джазира» также привела ходячие в Афганистане слухи о том, что проникновение ИГ в Афганистан произошло при участии пакистанской межведомственной разведки (ISI)⁸ (эти слухи хорошо известны и российским специалистам, интервьюирующим афганцев). По мнению многих афганских и российских экспертов финансирование соответствующей операции ISI шло с Ближнего Востока. То есть, согласно этому мнению, имеет место однотипная операция, сходная с той, что происходила в период формирования Аль-Каеды во время Советской войны в Афганистане, а затем в период формирования Талибана в 90-е гг. В ходе всех этих операций звено ISI, связанное с Саудовской Аравией, Катаром и рядом других нефтедобывающих монархий, выступало «менеджером» и распорядителем предоставленных соответствующими монархиями финансовых средств.

Особо активное проникновение ИГ в Афганистан наблюдается на востоке. Там эта «зараза» распространяется через моджахедов-«интернационалистов» арабского и пакистанского происхождения, живущих со времен Советской войны в Афганистане, на местных пуштунов. На севере страны носителями соответствующей угрозы являются, преимущественно, подкупленные этнические группировки, в частности, узбекские и туркменские, а также часть международных террористов, вернувшихся из Пакистана⁹. Для постсоветских стран особенно опас-

⁷ <http://www.aljazeera.com/programmes/specialseries/2015/11/islamic-state-isil-taliban-afghanistan-151101074041755.html>

⁸ Ibid.

⁹ См., например, точку зрения начальника ГРУ РФ. URL: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2015/10/15/1451559.html>

на присяга ИГ со стороны представителей части Исламского движения Узбекистана (ИДУ)¹⁰, а также со стороны «Имарата Кавказ» (последний имеет связанные с ним ячейки в Центральной Азии и связанных с ним боевиков в Афганистане и Пакистане). Исторически — это две самые опасные террористические организации постсоветского пространства.

ИГ активно расширяет свое влияние, пользуясь внутренним расколом в Талибанах, сложившемся после смерти муллы Омара. Этому активно способствует обилие у организации финансовых средств. По данным В. Герасимова, главы Генштаба РФ, в Афганистане находится 2–3 тыс. связанных с ИГ боевиков¹¹. Это создает, в перспективе, угрозу вторжений через бывшую советско-афганскую границу, ныне границу новых независимых государств Центральной Азии. Особенно это становится актуальным в связи с потенциальным разгромом «центра» ИГ в Сирии и Ираке совместными действиями России и США и в связи с сложившейся тенденцией к переносу активности ИГ в другие страны мира: Ливию, Нигерию, Афганистан, и т.п. В частности, Центральная Азия и Афганистан отнесены в рамках ИГ к «вилаяту Хорасан».

Кроме боевиков ИГ в Афганистане пребывает, по оценкам афганских сил безопасности, переданным Совету Безопасности ООН, около 6500 иностранных боевиков (основная их масса относительно недавно пришла из Пакистана)¹². В основном, это — мелкие группировки, связанные с «Аль-Каидой». Тревожная для постсоветских стран тенденция заключается в том, что Талибан и ИГ воюют между собой, в основном, на востоке Афганистана, в том числе, в связи с борьбой за контроль над наркотическими доходами. В то же время на севере страны, в том числе, благодаря усилиям ближневосточных «спонсоров», сложилась тенденция к взаимодействию ИГ, Талибана и ряда мелких группировок, связанных с «Аль-Каидой». Более того, это взаимодействие часто проходит под черным знаменем ИГ. В частности, при взятии Кундуза, где участвовали представители всех перечисленных выше групп, первоначально ряд групп захватчиков поднимал черное знамя ИГ.

¹⁰ <http://palm.newsru.com/world/07aug2015/uzbekistan.html>

¹¹ Боевики «Исламского государства» нацелены на Центральную Азию и Россию. Об этом предупреждают российские военные и спецслужбы, URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2827486>

¹² Письмо Председателя Комитета Совета Безопасности, учрежденного резолюциями 1267 (1999) и 1989 (2011) по организации «Аль-Каида» и связанным с ней лицам и организациям, От 19 Мая 2015 года на имя Председателя Совета Безопасности. S/2015/358. С. 9 URL; http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2015/358&referer=/english/&Lang=R

Активное просачивание ИГ произошло на границу Туркменистана. Там черное знамя подняли местные племена туркмен, прежде всего, потомки бывших басмачей, бежавших из Центральной Азии в 1920–1930 гг., под ударами советских войск. Эти племена всегда были очень антисоветски и антисекулярно настроены, и даже в период Второй мировой войны немецкой военной разведкой (Абвером) планировалось вторжение их в СССР под знаменем «джихада». Поэтому приход денег с Ближнего Востока (по некоторым оценкам, из Катара, для того, чтобы помешать прокладке газопровода ТАПИ и не создавать конкуренцию сжиженному катарскому газу) подхлестнул давнюю неприязнь афганских туркмен к их секулярным соседям на севере, которых они считают наследниками советской власти. Эти обстоятельства, по мнению многих наблюдателей, стали причиной резкой и для многих достаточно неожиданной дестабилизации прежде благополучной туркмено-афганской границы.

Ситуация в остальных частях Афганистана остается достаточно сложной. Уменьшающееся военное присутствие американцев воодушевляет талибов, а силы законного правительства, в целом, демонстрируют неспособность самостоятельно проводить серьезные военные операции. К тому же имеет место массовое дезертирство из рядов правительственных сил. В последние годы до 29% беженцев, приходящих в Европу, идет из Афганистана, по данному показателю эта страна занимает второе место после Сирии (среди этих беженцев достаточно много офицеров и чиновников, связанных с кабульским правительством). Правда, в настоящее время развернулась операция по возвращению беженцев домой, условий для чего, фактически, не создано, что также представляет определенную угрозу. В целом, сейчас оппозиционные правительству партизанские силы (прежде всего, афганские талибы) располагают до 50 тыс. человек, объединенных более чем в 4 тыс. отрядов и групп различной направленности¹³.

Даже в случае падения кабульского режима вторжение «чистых» талибов в Центральную Азию маловероятно, в том числе и потому, что Талибан распался на большое количество враждующих группировок. Однако это не означает, что такое вторжение не смогут организовать силы ИГ и ряда более мелких групп, связанных с Аль-Каедой, при попустительстве талибов (как упоминалось выше, такое сотрудничество уже имело место при взятии Кундуза). Такое вторжение уже исторически

¹³ Боевики «Исламского государства» нацелены на Центральную Азию и Россию. Об этом предупреждают российские военные и спецслужбы, URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2827486>

имело место, в частности, во время «Баткенской войны» в Кыргызстане (вход в эту страну отряда ИДУ). Повторение такого рода событий имеет большую вероятность. В частности, это может произойти не только из-за идеологических причин или «подогрева» событий со стороны ближневосточных спонсоров, но и из-за борьбы боевиков за контроль над каналами сбыта наркотиков по Северному маршруту в Россию через Таджикистан, Кыргызстан и Казахстан.

3. Сочетание внутренних и внешних угроз для центрально-азиатских стран

Угрозы безопасности региону Центральной Азии со стороны радикального исламизма на афганском и ближневосточном направлении *усиливаются целым рядом негативных внутренних факторов, заставляющих отнести большинство стран региона к «хрупким» государствам (fragile states)*. «Хрупкость» государств создает потенциал их крушения и образования «несостоявшихся государств» (failed states), не контролирующую собственную территорию. Именно такие государства являлись идеальной питательной средой для укоренения радикальных террористических группировок, типа ИГ. В связи с этим ниже приведены экспертные оценки ситуации в странах Центральной Азии в «The Fragile States Index» 2015.

Таблица 2

Страны Центральной Азии в «The Fragile States Index», 2015¹⁴

Страна	Место в мире*	Баллы**	Категория
Узбекистан	51/178	85.4	High Warning (Серьезное предупреждение об угрозах)
Таджикистан	57 /178	83.4	High Warning (Серьезное предупреждение об угрозах)
Кыргызстан	62/178	82.2	High Warning (Серьезное предупреждение об угрозах)
Туркменистан	78/178	77.5	Warning (Предупреждение об угрозах)
Казахстан	110/178	68.3	Low Warning (Предупреждение о не очень серьезных угрозах)

* из 178 стран (более низкое место означает рост угрозы)

** (большее число баллов означает рост угрозы)

¹⁴ <http://fsi.fundforpeace.org/rankings-2015>

Приведенные оценки показывают, во-первых, что серьезная угроза разрушения государственности в Центральной Азии существует (High Warning), хотя она пока и не материализовалась, как это уже произошло во многих странах Африки и Азии. Во-вторых, они свидетельствуют о серьезной дифференциации стран региона.

Поскольку приведенный индекс основан на экспертных оценках и носит субъективный характер, то интерес представляет, во-первых, его динамика, во-вторых, его сопоставление с российским индексом «Политического атласа МГИМО», построенном на объективных статистических данных. В приведенной ниже таблице в этой связи приведены оценки «хрупкости» государств Центральной Азии из западного «The Fragile States Index» (положение относительно других стран) и российского «Политического атласа МГИМО» (тот же показатель). Чем ниже в рейтинге «The Fragile States Index» стоит страна, тем хуже, так как она приближается к состоянию «несостоявшегося государства» (т.е. этот индекс перевернутый). Индекс за 2012–2014 гг. показывает примерно сходные оценки с 2015 г. Он оценивает как достаточно опасное положение в Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане, в то время, как положение в Туркменистане и, особенно, в Казахстане представляется достаточно благополучным. Российский индекс, напротив, суммирует негативные баллы, а, значит, чем ниже итоговое место среди всех 192 стран, вошедших в выборку, тем

Таблица 3

Сопоставление положения центральноазиатских государств в «The Fragile States Index» и в Индексе государственности «Политического атласа МГИМО»

Страна	The Fragile States Index ¹⁵			Индекс государственности «Политического атласа МГИМО» ¹⁶
	2012	2013	2014	
Казахстан	107/177	109/178	111/178	111/192
Кыргызстан	41/177	48/178	58/178	191/192
Таджикистан	46/177	51/178	55/178	172/192
Туркменистан	81/177	81/178	74/178	87/192
Узбекистан	39/177	44/178	48/178	94/192

¹⁵ <http://ffp.statesindex.org/rankings-2014>

¹⁶ http://mgimo.ru/files2/y04_2011/186294/politatlas.pdf

ситуация с государственностью хуже. С его точки зрения наибольшие риски просматриваются в Кыргызстане (он вообще занимает предпоследнее место в мире по силе государственности), а также в Таджикистане.

Среди факторов, способствующих росту угрозы безопасности стран региона, можно обозначить *большие объемы наркоторговли по северному маршруту транспортировки наркотиков из Афганистана в Россию*. Последняя является основным в мире потребителем афганского героина. При этом экспертам по безопасности хорошо известно, что доходы от наркоторговли часто используются для финансирования терроризма и религиозного экстремизма¹⁷. Наличие этой «связки» известно, например, по «Баткенской войне» 1999 г., так как вторжение ИДУ в Кыргызстан было связано, по экспертным оценкам, с прокладкой маршрутов для торговли героином.

Еще одним важным фактором, способствующим росту угрозы со стороны радикального исламизма, является *очень высокая коррупция в регионе*. Согласно рейтингу восприятия коррупции международной неправительственной организации Transparency International, все страны региона расположены в самом конце списка, зачастую уступая даже государствам Африки южнее Сахары. Особенно негативно выглядит восприятие международными экспертами Туркменистана и Узбекистана, описываемых как одни из самых коррумпированных государств мира (делят 170 место из 174).

Таблица 4

Центральноазиатские государства в Индексе восприятия коррупции¹⁸

Страна	The Corruption Perceptions Index		
	2012	2013	2014
Казахстан	133/174	140/177	126/175
Кыргызстан	154/174	150/177	136/175
Таджикистан	157/174	154/177	152/175
Туркменистан	170/174	168/177	169/175
Узбекистан	170/174	168/177	166/175

¹⁷ US Drug Enforcement Administration DEA Congressional Testimony — “Narco-Terrorism: International Drug Trafficking and Terrorism — a Dangerous Mix”, URL: <http://www.justice.gov/dea/pubs/cngrtest/ct052003.html>, Accessed August 9, 2012.

¹⁸ <https://www.transparency.org/research/cpi/overview>

Коррупция, во-первых, тесно связана с организованной преступностью, особенно, с наркоторговлей, из которой могут финансироваться, как мы отмечали, террористические группировки. Во-вторых, она резко снижает эффективность деятельности государственных институтов, в том числе, и в борьбе с угрозой со стороны радикального ислама. В-третьих, высокая коррупция и связанное с ней социальное неравенство являются одним из главных пропагандистских аргументов против существующих светских режимов, используемых радикальными исламистами, в том числе, и ИГ, в регионе.

Третьим по значимости фактором является *бедность*. Страны региона (особенно, части Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана, расположенные в Ферганской долине) характеризуются очень высокой степенью аграрного перенаселения при дефиците воды и плодородной земли. Это ведет к безработице и скоплению большого количества маргинализованной молодежи, которая очень легко поддается «обработке» со стороны радикальных исламистов. Проблема еще больше усиливается в связи с деградацией созданных в советское время систем социального обеспечения, образования и медицины. Трудовая миграция в Россию (дававшая до недавнего времени до 50% ВВП Таджикистана, 33% ВВП Кыргызстана и примерно 15% ВВП Узбекистана) была одним из важных «клапанов», предотвращавших социальный взрыв. Однако девальвация рубля в 2014–2015 гг., а также сокращение спроса на рабочую силу в РФ привели к резкому «иссыканию» этого источника доходов населения. Это, в свою очередь, привело к серьезному обострению ситуации, особенно, в Таджикистане.

Рост бедности наблюдается на фоне тенденции к социально-экономической «демодернизации». Например, в Таджикистане к 2010 г. из-за гражданской войны и экономических трудностей доля городских жителей сократилась до 26% от общей численности населения¹⁹, что сопоставимо с самыми отсталыми странами мира. Проявлениями «демодернизации» можно также считать отъезд высококвалифицированных специалистов и интеллигенции (как русскоязычной, так и национальной), распад созданной в советское время технической и социальной инфраструктуры даже в таких относительно богатых природными ресурсами странах, как Туркменистан.

Четвертым кризисным фактором, угрожающим государственности стран региона, является проблема наличия так называемых персонализированных режимов султанистского типа [12], существующих на фоне

¹⁹ https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/wfbExt/region_cas.html

«клановых систем», определяющих внутриэлитные сетевые конфигурации [10]. Соответствующие системы в литературе иногда описывают и как разновидность «гибридных режимов», исторически сложившихся на постсоветском пространстве [7] (один из вариантов определения таких систем — суверенные демократии» [6]). Правда, в этом последнем случае есть риск смешения центральноазиатских и европейских политических систем постсоветского пространства «в одну кучу», и специфика Центральной Азии может пропадать.

Ко всему вышеперечисленному можно добавить *наличие серьезных межгосударственных конфликтов* из-за воды между вышележащими (Таджикистан, Кыргызстан) и нижележащими (Узбекистан, в меньшей степени Туркменистан и Казахстан) по течению рек странами [3]. Эти конфликты серьезно затрудняют сотрудничество стран региона, в том числе, и в борьбе с угрозами безопасности.

Одновременно влиятельные в регионе великие державы (Россия, США, Китай, ЕС, исламские страны) вовлечены в борьбу за влияние в регионе [4]. *Конфликты между их интересами могут в худшем случае усиливать угрозы безопасности, а в лучшем случае — нейтрализуют усилия великих держав по помощи странам региона в преодолении различных вызовов.*

Эта ситуация многовекторности [1] представляет собой особый вызов для внешней политики России в регионе дополнительно к угрозам безопасности, которые в нем возникают [11]. России в этой ситуации приходится не только обеспечивать безопасность соседнего с ней региона в рамках деятельности ОДКБ, но и «вкладываться» в политику сохранения своей «мягкой силы» в соответствующей части мира [2]. А это, в свою очередь, связано как с экономической ролью российских мегаполисов, являющихся точками притяжения для центральноазиатской трудовой миграции [9], так и с процессами формирования национальной идентичности россиян [5] (инклюзивной или эксклюзивной по отношению к представителям Центральной Азии).

4. Роль религиозного фактора: национальные и региональные особенности стран Центральной Азии

Как отметил известный киргизский богослов Кадыр Маликова, в Центральной Азии наблюдается массовое «разочарование в светских институтах власти и в традиционном духовенстве. Традиционное духовенство не может адекватно отвечать на современные политические вопросы, оно ограничено исключительно исполнением обрядов. На вопросы, связанные с политикой, джихадом, они не могут отвечать, в этих областях они некомпетентны. Вдобавок к этому всему можно упомянуть

высокий уровень коррупции, в особенности, в правоохранительных органах, несправедливость суда, общую слабость государства, существующие социальные проблемы... Это все накладывает определенный отпечаток. В этом отношении в Центральной Азии складываются все условия для радикализации»²⁰.

Мировоззренческий кризис, характерный отнюдь не только для Центральной Азии, но и для всех стран постсоветского пространства (да и не только его) проявляется в том, что отнюдь не всегда в ИГ и другие террористические структуры уходят самые обездоленные (хотя есть и такие примеры, особенно, среди гастарбайтеров). Есть много примеров людей, даже имевших собственный бизнес. Эти бизнесмены увозили свои средства в Сирию и Ирак и отдавали их там на нужды радикальных группировок²¹.

После получения независимости государства региона в лице правящих элит активно поддерживают политически приемлемые для них формы мусульманской религии, пытаются таким образом создать национальные формы ислама, легитимирующие существующие политические системы светских государств.

Наиболее тревожная ситуация в плане потенциала распространения нестабильности и влияния радикального ислама сложилась в настоящее время в Таджикистане. Здесь среди специфических негативных факторов следует отметить соседство с Афганистаном, особенно сложную социально-экономическую ситуацию, а также до сих пор сказывающиеся разрушительные последствия гражданской войны первой половины 1990-х гг.

Одновременно наблюдается ускорение радикализации в обществе, в частности, затронувшее и правоохранительные органы. Наиболее вопиющим в этом плане фактом в 2015 г. было дезертирство и уход в «Исламское государство» в Сирии и Ираке полковника ОМОН Гулмурада Халимова. Осенью 2015 г. имел место военный мятеж, который возглавил заместитель министра обороны генерал-майор Абдухалим Назарзода. Этот мятеж официальные власти также связали с влиянием радикального ислама. Достаточно слабым представляется территориальный контроль центрального правительства над рядом регионов Таджикистана, в частности, Горным Бадахшаном. Охрана таджико-афганской границы после ухода российских пограничников также доста-

²⁰ Кадыр Маликов об исламской угрозе в ЦА. URL: <http://www.islamsng.com/authors/Malikov/9334> 01.07.2015

²¹ Там же.

точно слаба, что опасно с учетом ускоренной дестабилизации обстановки в приграничных регионах Афганистана.

Определенную опасность в плане распространения радикального ислама представляют и «перегибы» правительства в борьбе с исламизмом. К ним можно отнести массовое закрытие мечетей, введение жесткого «дресс-кода», противоречащего исламским традициям, и запрет умеренной Партии Исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). Перечисленные меры могут привести к усилению радикального исламистского подполья.

Кыргызстан также подвергается серьезным угрозам. К числу специфических для данной страны рисков можно отнести геополитический раскол страны на север и юг. Государственные структуры этой страны, как показала, в частности, упоминавшаяся выше «Баткенская война», отличаются традиционной слабостью, которая еще больше усилилась после имевших место двух революций (2005 и 2010 г.). Наибольшие риски радикального исламизма имеются на юге страны, особенно среди многочисленной узбекской диаспоры. Ситуация здесь, к тому же, усложняется острым межэтническим конфликтом между киргизами и узбеками, который привел к погромам в 2010 г.

Ситуация в Туркменистане традиционно считалась одной из самых стабильных в регионе (это демонстрируют и приведенные выше рейтинги государственности). Тем не менее, в 2014–2015 гг. имеет место серьезное ухудшение ситуации, связанное с тяжелой ситуацией на туркменско-афганской границе, куда проникло «Исламское государство». В этой ситуации официальный нейтральный статус Туркменистана начинает демонстрировать свои негативные стороны. У страны нет сильной армии для защиты границы, а обращение за военной помощью, в частности, к России, противоречит концепции нейтралитета. Ситуация внутри страны тоже неблагополучна. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что согласно приведенным выше в тексте данным по числу боевиков в Сирии и Ираке по относительному показателю (число боевиков-террористов на 1 млн жителей) Туркменистан занимает 1 место на постсоветском пространстве.

Ситуация в Узбекистане в плане противостояния государства и экстремистских направлений ислама характеризуется существенными противоречиями. С одной стороны, Узбекистан является местом происхождения сильнейших в регионе экстремистских группировок, таких как ИДУ. В 1999 г. в Ташкенте имели место массовые теракты, организованные ИДУ (тогда эта организация была связана с Аль-Каедой). В мае 2005 г. в Андижане (Ферганская долина) произошло восстание, организованное ради-

кальной исламистской организацией «Акрамия» (*Акримийлар*). С другой стороны, мощные силовые структуры и общая репрессивная политика государства привели к тому, что деятельность религиозных экстремистов в стране находится под определенным контролем.

В настоящее время на фоне обостряющегося социально-экономического кризиса также наблюдается определенный рост исламистской пропаганды и террористической активности в стране. Узбекистан занимает на постсоветском пространстве второе место после России по числу боевиков, уехавших воевать в Сирию и Ирак.

Сложность проблемы роста религиозного экстремизма в Узбекистане связана, в том числе, и с клановой политикой. В Узбекистане существует традиционное «разделение труда» между региональными кланами, которое характеризуется пословицей: «Самаркандец правит, ташкентец считает деньги, ферганец молится». Эта пословица подчеркивает особую роль ислама именно в Ферганской долине, а также факт того, что ключевые духовные лица в Узбекистане традиционно — из Ферганской долины. В ходе постсоветской эволюции политической системы страны к власти твердо пришли самаркандский (к нему относятся первый, Каримов, и второй, Мирзиёев, президенты) и ташкентский (он контролирует экономику) кланы. Поэтому ферганский клан, по мнению многих экспертов, традиционно использовал угрозу исламского экстремизма как способ повышения собственного влияния. Понимание этих внутриклановых «раскладов» очень важно в свете того, что до сих пор не решенная проблема «наследования власти» может вызвать резкое обострение межклановой борьбы.

Казахстан является наиболее благополучной страной региона с точки зрения проблемы распространения религиозного радикализма. Это объясняется следующими специфическими факторами: стабильным состоянием экономики (порядка двух третей ВВП стран Центральной Азии производится в Казахстане), достаточно высокой степенью модернизации общества в советский период, наличием большой прослойки русскоязычного населения, а также историческими традициями распространения ислама среди казахов.

Критически важной с точки зрения распространения радикального ислама является ситуация в двух регионах. В Южном Казахстане, относящемуся к «оседлой зоне», влияние исламских институтов в жизни общества традиционно было сильно. Процессы возрождения ислама в этом регионе стали сопровождаться и появлением «нетрадиционных» его форм, в частности, салафизма. Еще более сложная ситуация в последние годы складывается в Западном Казахстане. Интенсивное про-

мышленное освоение нефтегазовых запасов региона привело к тому, что он стал местом концентрации социально маргинализированных групп, особенно мигрантов (среди них особенно заметны оралманы — этнические казахи, возвращающихся в Казахстан, зачастую, из довольно отсталых стран). О сложной ситуации в регионе свидетельствуют рабочие волнения в Жанаозене в 2011 г. (они, правда, не имели исламской компоненты). В этой сложной среде есть потенциал для роста влияния радикальных исламистских группировок.

Таким образом, подводя итог проведенному выше анализу, можно отметить следующие ключевые факторы, сказывающиеся на росте террористической угрозы на центральноазиатско-афганском направлении. 1. В настоящий момент сложилась серьезная угроза возврата центральноазиатских боевиков из «горячих точек» современного мира, прежде всего, с Ближнего Востока. 2. В настоящее время ситуация в Афганистане характеризуется тенденцией к серьезному росту нестабильности. Это создает серьезную угрозу странам постсоветской Центральной Азии. 3. Ситуация в Центральной Азии характеризуется сочетанием целого ряда внутренних и внешних угроз, к числу которых можно отнести: хрупкость ряда государств, большие объемы наркоторговли по северному маршруту транспортировки наркотиков из Афганистана в Россию, высокая коррупция, тенденция к «демодернизации», наличие серьезных межгосударственных конфликтов как между странами Центральной Азии, так и между вовлеченными в регион великими державами. 4. Потенциал развития религиозного экстремизма различен в разных странах Центральной Азии. Наибольшие опасения у экспертов представляет ситуация в Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане, в Казахстане и Кыргызстане проблемы в этом плане есть в ряде регионов.

Литература / References

1. Алексеева Т.А., Казанцев А.А. Внешнеполитический процесс: сравнительный анализ. Москва, Проспект, 2012.
2. Власов А.В., Голубцов П.В., Казанцев А.А., Караваев А.В. Механизмы формирования позитивного образа России в странах постсоветского пространства. Москва, Евразийская сеть политических исследований, Информационно-аналитический центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве (МГУ), 2007.
3. Гусев Л.Ю. Водно-энергетические проблемы Центральной Азии и возможные пути их разрешения // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 6 (33). С. 34–41.

4. Гусев Л.Ю. Россия-Центральная Азия: перспективы отношений // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2005. № 12 (191). С. 64–68.
5. Казанцев А.А. Грамматика русской идеи, или как создавать новые идеологии в России // Полис. Политические исследования. 2010. № 3. С. 100–113.
6. Казанцев А.А. Суверенная демократия: противоречия концепции // Политический журнал. 2007. № 7–8. С. 84–90.
7. Казанцев А.А. Тирания, диктатура: когнитивная схема и историческая судьба политических понятий// Полис. Политические исследования. 2001. № 5. С. 116–122.
8. Казанцев А.А. Центральная Азия: Светская государственность перед вызовом радикального ислама. Валдайская записка №2 (42), январь 2016, <http://valdaiclub.com/publications/valdai-papers/central-asia-secular-statehood-challenged-by-radical-islam/>
9. Сергеев В.М., Кузьмин А.С., Алексеенкова Е.С., Казанцев А.А. Москва и Санкт-Петербург как центры притяжения социальных сетей // Полис. Политические исследования. 2007. № 2. С. 31–43.
10. Collins K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2006.
11. Kazantsev A. Russian policy in Central Asia and the Caspian Sea region // Europe-Asia Studies. 2008. Т. 60. № 6. P. 1073–1088.
12. Sultanistic Regimes / Ed. by H.E. Chehabi, J.J. Linz. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1998.
13. Syria Calling:Radicalization in Central Asia//Europe and Central Asia Briefing №72 Bishkek/Brussels, 20 January 2015

KEY FACTORS OF GROWTH OF THE THREAT OF INTERNATIONAL TERRORISM IN CENTRAL ASIA AND AFGHANISTAN

Andrey Kazantsev, Svetlana Medvedeva

Abstract. *The article is devoted to analysis of the factors connected to growing terrorist threat to Russia from Central Asian and Afghan direction. The author of the paper defines and analyzes the following key factors. 1. Threat of return of Central Asian terrorist fighters from the Middle East and other conflict zones of the world. 2. Serious growth of instability in Afghanistan that creates the threat of incursions of terrorists into the countries of Central Asia. 3. Critical connection of some external and internal threats to Central Asian security, which includes: state fragility, drug transportation from Afghanistan to Russia through the Northern Route, high corruption, demodernization of socio-economic sphere, serious interstate conflicts between Central Asian states themselves as well as between the key world powers involved into Central Asian*

affairs. 4. Serious potential of development of religious extremism in Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan, as well as in some regions of Kazakhstan and Kyrgyzstan.

Keywords: *Central Asia, Afghanistan, drug trafficking, internal and external threats, religious extremism*

Информация об авторах

Казанцев Андрей Анатольевич

д. полит. наук, директор Аналитического центра Института международных исследований МГИМО МИД России.

E-mail: andrk@mail.ru

Медведева Светлана Михайловна

канд. полит. наук, доцент кафедры философии МГИМО МИД России.

E-mail: svetamedvedeva@mail.ru

Andrey Kazantsev

Doctor of Sci. (Political Science),

Director of Analytical Center of the Institute of International Studies, MGIMO — University

E-mail: andrka@mail.ru

Svetlana Medvedeva

PhD (Political Science), associate professor, Chair on Philosophy, MGIMO-University.

E-mail: svetamedvedeva@mail.ru

ИМИДЖ ЯПОНИИ В РОССИИ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

С. В. ЧУГРОВ

Аннотация. В статье рассматривается образ Японии в России, сотканный из множества мифов и стереотипов. Авторский анализ основан на большом массиве опросов общественного мнения, и это первая такого рода работа в отечественной научной литературе. Автор исходит из гипотезы, что нынешние усилия Москвы и Токио по разблокированию тупиковой ситуации, связанной с проблемой территориальных претензий Японии, осложняются рядом барьеров социально-психологического характера, в том числе взаимного недоверия и взаимных противоречивых образов. Опросы общественного мнения показывают доминирующие векторы в российско-японских отношениях, которые, по мнению автора, сильно коррелируют с трансформацией взаимных образов. По-видимому, эти стереотипы и мифы демонстрируют динамику, зеркально связанную с независимой переменной — событиями, происходящими в двусторонних отношениях.

Автор анализирует также основные элементы восприятия образа Японии в России, ключевые пары «симпатии / антипатии», а затем приступает к рассмотрению его качественных ингредиентов. Чтобы исследовать интенсивность восприятия по шкале «симпатии / антипатии», автор использует лонгитюдные социологические исследования и ежегодные опросы, проводимые ведущими российскими (и — для сравнения) японскими социологическими службами.

В центре исследования представлений россиян о Японии — проблема «северных территорий», однако 78 % возражают против передачи даже самой малой части островов. Наши СМИ порой вступают с японскими партнерами в исторический (как, впрочем, правовой или этнографический) спор. Это непродуктивно. Бесспорный аргумент России — политический: Курилы вошли в состав СССР по итогам Второй мировой войны, поскольку СССР войну выиграл, а Япония проиграла.

Автор приходит к выводу, что прогресс России и Японии к взаимопониманию тормозится недоверием и конфликтующими негативными образами, которые создаются исключительно усилиями масс-медиа. Нерешенная территориальная проблема подобна запутанному узлу, который уже нельзя разрубить, а надо методично и терпеливо развязывать. Главный вывод заключается в том, что приблизиться к конструктивному компромиссу можно, если СМИ будут проводить целенаправленную кампанию по созданию более позитивных взаимных образов. Когда Россия и Япония преодолеют недоверие, легче будет договориться и по территориальному вопросу.

Ключевые слова: Россия; Япония; имиджи; территориальная проблема.

Введение. Состоявшийся в декабре 2016 г. визит Президента России В. В. Путина в Японию японцы ожидали несколько лет и возлагали надежды на прорыв в отношениях. Мирного договора подписать не удалось, но лидеры России и Японии нашли новую модальность дальнейшего долгосрочного взаимодействия, основанную на совместном хозяйствовании на территориях, на которые претендует Токио. В прозвучавшем на итоговой пресс-конференции призыве Абэ «построить доверие между народами Японии и России» ключевое слово — «доверие».

В нашем сознании Япония занимает неоднозначное место. С одной стороны, всплывает притягательный образ страны, населенной людьми с утонченным вкусом, устроенной необычайно уютно и будто отделенной стеклянной стенкой, наподобие «аквариума с экзотическими водоплавающими». С другой стороны, в российских интернет-изданиях встречаем суждения, будто Япония — непонятная, чужая и даже «жутковатая» страна. Не совсем верно ни то, ни другое. Япония для нас теряет экзотичность: все знают, кто такие гейши, суши-бары стали обыденной частью жизни в городах России, а секции каратэ и дзюдо есть почти в каждой российской школе. Страна восходящего солнца встала в ряд с другими, более «понятными» странами.

Теоретические основания исследования. Японские исследователи часто относят обе нации к странам, которые чуть ли не полярно «противоположены по массе критериев, затрагивающих менталитет, ценности, политику и экономику» [Нихон то Росиа 2015: 9–10]. Однако последовательный анализ корреляции между отношениями между Японией и Россией и зависимыми переменными (стереотипами и мифами массового сознания), проведенный российскими и японскими экспертами, показал наличие совпадений (пересечений, параллелей) в более исторического развития пути, специфике восприятия окру-

жающего мира и социокультурных генотипах обеих стран. Например, у России с Японией немало общего в силу особенности взаимоотношений между личностью и государством: в обеих странах на протяжении веков существует прочная традиция государственные интересы ставить выше индивидуальных. Сходны и концепции ряда российских мыслителей о государстве как едином организме с конфуцианскими представлениями об идеальном государстве как живого организма, или едином теле. У России и Японии много общего, но мы порой плохо понимаем друг друга.

Исследование: основная часть. Анализируя стратегию «поворота к Азии», надо хотя бы попытаться понять логику японских соседей. Замалчивание убивает понимание. Вместо непредвзятых фактов в наших СМИ порой можно встретить небылицы, ляпы и недоброжелательные выпады. Так, в 2016 г. в «Военная тайна» РЕН-TV мы узнали, будто японские учителя объясняют школьникам, что «русские виноваты» в бомбардировках Хиросимы и Нагасаки²².

Отделить правду от вымыслов сложно. Если под российской самобытностью в Японии трафаретно подразумевается особый тип культуры, которому присущи риск и азартность, отсутствие дисциплины и пунктуальности, то японцам нашими согражданами приписываются такие качества, как предельная педантичность, излишняя осмотрительность, нежелание брать на себя индивидуальную ответственность, склонность к бесконечному координированию решений.

Наши представления о Японии (как, впрочем, и суждения японцев о нашей стране) слишком часто опираются на причудливое сплетение застывших мифов и клишированных образов, которые не дают упрочиться взаимному доверию.

В сознании многих наших сограждан бытует миф, будто война с Японией так и не закончилась, поскольку, мол, мирного договора нет. Да, такого документа, увы, нет. Но утверждение о том, что мы продолжаем оставаться в состоянии войны — типичное сложное стереотипное суждение, которое можно было услышать в комментариях к визиту В. Путина известных аналитиков по основным каналам (например, НТВ). В 2016 г., 19 октября, мы отметили юбилей — 60 лет со дня подписания в Москве Совместной декларации 1956 г., которая прекратила состояние войны между СССР и Японией. Но миф упрямо продолжает воспроизводиться.

²² РЕН ТВ. Военная тайна. Выпуск от 9 апреля 2016 г. URL: <http://www.ren.tv/video/epizod/84490>

Отсюда другой миф: принято считать, что отношения заблокированы проблемой «северных территорий» (как японцы называют южную часть Курил). Многие у нас считают, что на Японских островах не особо нам симпатизируют, потому что мы не идем навстречу их претензиям — вернуть «исконные земли». Выглядит правдоподобно. Но вернее, думаю, обратное — урегулирование тормозится тем, что многие японцы, прежде всего элита, относятся к России с крайним недоверием. Когда мы преодолеем подозрения, будет куда легче договориться и по территориальному вопросу.

Методология исследования. Наша аргументация и выводы опираются на долгосрочные лонгитюдные социологические исследования — Аналитический доклад Института социологии РАН «Двадцать лет российских реформ», и опросов ВЦИОМ²³, ФОМ и Левада-Центра, которые сравнивались с результатами ежегодных опросов общественного мнения, проводимых Информационным бюро при Канцелярии кабинета министров Японии по внешнеполитической теме (Найкакуфу дайджин камбо сэйфу кохосицу. Гайко-ни кан суру ёрон тёса), последний из которых опубликован в Японии весной 2016 г. Вопросы и параметры в российских и японских исследованиях отличаются, но некоторые общие выводы о схожести процессов стереотипизации массового сознания сделать вполне можно.

Материалы исследования. Обращает на себя внимание тот факт, что российское общественное мнение меняется крайне быстро, буквально на глазах. Посмотрим на данные социологов: зачинщиками Второй мировой войны, помимо Германии, которую неизменно считают повинной свыше 80% опрошенных, наши люди называют также Вашингтон и Токио. Но если частота упоминаний США выросла с 2% в 2003 г. до 4% в 2014 г., то доля Японии убавилась с 12% до 2% [Общественное мнение, 2015, с. 218]. Это наводит на мысли о трансформации облика Страны восходящего солнца в российском общественном мнении.

С 2013 г. сознание наших соотечественников испытывает на себе давление санкций, введенных некоторыми странами, в том числе и Японией. Справедливости ради следует отметить, что японские санкции можно было назвать символическими и «безмятежными» по сравнению с мерами США и ЕС.

Опросы общественного мнения, проведенные в России в мае 2016 г., показали, что Япония заслужила доверие 9,9% респондентов. Когда упо-

²³ Автор выражает благодарность лично директору ВЦИОМ В. В. Федорову за оперативно присланные материалы опросов по Японии.

минаем великие державы, Япония чуть опережает Германию и другие страны Европы. С 1990 по 2015 г. доля считающих, что угроза военного нападения на Россию исходит от Токио, уменьшилась с 6 % до нуля [Чугров (Образ России) 2016, с. 40]²⁴. Что же касается восприятия Японии в целом, то в 2016 г. «очень хорошо» и «в основном хорошо» к Стране восходящего солнца относятся соответственно 9 % и 55 % наших соотечественников, а «в основном плохо» и «очень плохо» — только 12 % и 3 %.

Согласно опросу 2016 г., Страна восходящего солнца представляется нам символом умных технологий (86 %) и богатых традиций (84 %). К числу наиболее частых ответов отнесем также красивую природу (69 %), достижения поп-культуры — аниме, моду (67 %), высокий уровень жизни (66 %). Реже упоминаются негативные ассоциации («закрытая страна» — 41 %, «трудная для понимания» — 40 %), а наши позитивные представления связаны с изысканной кухней (79 %), архитектурой (78 %) и образом жизни японцев (77 %). В опросе, который проводился в Иркутской области, видим ответы: «саке», «гейша», «сакура», «кимONO», «самурай», «Тоёта» и почему-то «Самсунг». Молодые люди, говорят социологи, уверены, будто знают о Японии достаточно, и не считают нужным читать книги (может, из-за нежелания разрушать уютный образ традиционной Японии). Фильмы кажутся им, как правило, длинными, трудными, причем исключение составляют совместные продюсерские проекты или ленты, снятые по западному — голливудскому — стандарту («Форсаж 3», «Звонок», «Мемуары гейши», «Последний самурай»).

За последние годы в фокусе внимания общества оказались новые сюжеты, в числе которых катастрофа на АЭС «Фукусима-1» в 2011 г., которая заставила нас «задуматься о пределах возможностей контроля человеческого разума над технологиями», отмечает профессор университета Сока Мицуру Эгути [Эгути, 2013, с. 256–263]. Авария на «Фукусиме»: есть ли угроза для России. Для четверти россиян авария — «это, скорее всего, результат вмешательства человека в природу, изменения климата, земного ландшафта», а 66 % видят в ее последствиях угрозу окружающей среде в России. Япония в наших умах становится «более близким соседом».

Иная картина предстает в японском массовом сознании. Возвращение Крыма и события на Украине японцы — по аналогии с Курилами

²⁴ В целях экономии места здесь и далее вся статистика ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центра с детальным описанием источников приводится по Приложениям издания: Чугров С. В. Образ России в Японии и образ Японии в России: Рабочая тетрадь 33/2016 / [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2016.

ми — восприняли болезненно. Шокирующее впечатление производят итоги анкетирования, проведенного в Японии в 2014 г.: Россия оказалась на первом месте среди стран, которые «больше всего не нравятся» жителям Японских островов²⁵. Имидж России — это лубочная, порой устрашающая, смесь из самовара, матрешек, Калашникова, водки, артистизма, целующихся советских вождей, Парка Горького, балета Большого театра...

Важную роль сыграл имидж «Путина-2» (японцы так говорят, имея в виду второй президентский срок В. Путина). Типично мнение русистов Кадзухико Того и Кэнсаку Кумабэ: «В основе правления Путина есть нечто труднообъяснимое общепринятыми принципами западноевропейской демократии. Это проявилось, как нам кажется, в его намерении через политические институты вертикальной модели правления сконцентрировать у себя всю власть и, будучи представителем России, действуя в качестве лидера по имени „Путин“, используя притягательность идеалов, привлекающих на свою сторону народ, собрать все воедино и потянуть за собой» [Того, 2016, с. 230].

Японцам симпатично и понимание В. Путиным нюансов культуры их страны. Вступая в должность второй раз, в интервью главному редактору газеты «Асахи» В. Путин употребил термин «хадзимэ» («Начинайте!»), которым начинается каждая схватка в японских единоборствах. В сегодняшней ситуации этот призыв стал своеобразным обязательством найти выход из тупиковой ситуации.

В фокусе суждений россиян о Японии и японцев о России — территориальный вопрос, о котором они располагать немногими сведениями, но относятся довольно эмоционально. Опрос, проведенный в мае 2016 г., подтвердил очевидное нежелание граждан России уступить какие-либо земли Японии. Если в 1992 г. 71 % респондентов был против передачи островов, то в 2016 г. противников стало 78 %. Есть и другой сценарий — «отложенного суверенитета», за который выступает японский истеблишмент: России предлагают признать, что южная часть Курил «как бы японская», но на деле оставить там на долгое время административное управление России. Однако недавний опрос обнаружил, что 69 % наших соотечественников против такого сценария²⁶.

²⁵ Такахаси К., Арамаки Х. Дзикэйрэцу тэса «Нихон-но исики» хэнсэн [«Японские ценностные ориентации» в изменениях серийных опросов на протяжении 40 лет] (Бюллетень Эн-Эйч-Кэй). Токио: ННК хосо кэнкюдзэ, 2014. Июль. С. 225–226.

²⁶ Спор России и Японии вокруг Курильских островов // Левада-Центр. Пресс-выпуск 5 августа 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2016/08/05/spor-rossii-i-yaponii-vokrugkurilskih-ostrovov> (дата обращения 03.01.2017)

Любопытно мнение россиян о том, вырастет или упадет уровень их доверия президенту страны, если он решит отдать «спорные острова». Оказалось, что у 32% доверие «значительно снизится», у 23% — «несколько снизится» и еще у 23% «останется на прежнем уровне». Предложение признать четыре острова совместной собственностью России и Японии привлекает лишь 8% опрошенных, а решимость не отдавать «ни пяди» — 56%. Отмечу парадоксальность сознания: соблазнительно, казалось бы, сценарий «подписать мирный договор и получить кредиты и технологии», которые смогли бы преобразить наш Дальний Восток. Но сторонников этой идеи не так много — 21%, а поборников любой ценой сохранить острова за Россией — 56%. Логика проста: «Договор нужен, кредиты нужны, но... без уступок». Японцы, увы, не могут осмыслить такую логику и твердят об «исконных землях».

А исконные они — чьи: российские или японские?

Об этом свидетельствуют первые карты и письменные документы «скаска», говоря словами летописцев. Курильские острова нанес на карту голландец М. де Фриз в 1643 г. (впрочем, Голландия ни разу не высказывала территориальных притязаний). В России Курилы впервые упомянуты в 1646 г. в «скасках» о походах Ивана Москвитина. Участники плаваний 1738–1739 и 1742 гг. капитана Мартына Шпанберга нанесли на карту острова Шикотан и Хабомаи, поставили кресты и доски с надписью «Земля российского владения». Наши соотечественники обучали ремеслам местных жителей — айнов, которые с этнической точки зрения вовсе и не были японцами: «Когда войдя в выпрашивание и разведывание тамошняго мохнатого народа (т.е. бородатых айнов. — *Авт.*) состояния, а, наконец, от бытия вашего с ними от японцов, что они ни у кого в подданстве себя не объявят, то потому тех мохнатых курильцов, а буде и другаго рода люди найдутца, склонять ласкою и доброхотством...» [цит. по: Чугров (Образ России), 2016, с. 13].

О том же говорят и японские документы. К примеру, в книге «Общий обзор трех стран с приложением карт» Сихэй Хаяси (1738–1793 гг.) писал о русских на Курилах: «Я слышал рассказы айнов, что на вопрос „Из какой вы страны?“ эти люди отвечали „Из Оросия“ (между прочим, слово „Оросия“ — это измененное слово „Русия“, а Русия — это название места столичного замка Московии, что-то вроде Эдо в Японии...)» [там же].

Можно вспомнить многое — и попытки контактов конце XVIII в., экспедицию А. Э. Лаксмана, вернувшую на родину несколько потерпевших кораблекрушение у берегов Камчатки японцев во главе с купцом Дайкокуя Кодаю, дипломатическую миссию, предпринятую в 1803–1804 гг. Н. П. Резановым, направленным Александром I на кораблях «Юнона»

и «Авось» в Японию, и первый документ, регламентировавший статус Курил, — Симодский трактат 7 февраля (26 января) 1855 г. (Именно 7 февраля японские националисты отмечают «День северных территорий».) Документ был перечеркнут налетом японцев на Порт-Артур в начале 1904 г. Но тут надо остановиться...

Результаты исследования. Суть проблематики в том, что вступать с японскими партнерами в исторический спор — дело неблагодарное и зряшное: у сторон есть свои аргументы, которые они обсуждают бесконечно. Один из основных выводов этого исследования таков: «... Главный российский аргумент в споре — политический: острова вошли в состав Советского Союза по итогам Второй мировой войны, поскольку СССР войну выиграл, а Япония проиграла» [там же: с. 14].

На дополнительные выводы наводит победа Д. Трампа на президентских выборах в США. После его избрания и инаугурации в отношениях России с Японией сформировались новые шансы, зависящие от того, будет ли новый президент Соединенных Штатов верно следовать обещаниям, сделанным в ходе избирательной кампании и после выборов. Выделим три: 1) обещание проводить жесткий курс в отношении Китая; 2) пожелание, чтобы Япония платила за американский «зонтик»; 3) намерение вести конструктивный диалог с российским президентом. Могут возникнуть новые сценарии того, как трансформировать миропорядок. Россия, понятно, не хотела бы превращаться в «младшую сестренку» КНР, «развивающейся сверхдержавы». Мы, несомненно, останемся близкими, друзьями. Но наш политический вес, возможно, вырастет, если формула баланса станет более взвешенной: «Как следствие, в северо-западной части Тихого океана могут появиться новые, более сбалансированные варианты геополитической конфигурации, в которых российско-японские отношения получают неожиданные импульсы к развитию. Насколько эффективно сработают новые схемы? Насколько изменится взгляд на территориальные проблемы? Во многом это будет зависеть от многофакторной системы переменных, в том числе и от взаимных образов» [там же, с. 18].

У каждого — своя правда. Россияне из школьных учебников узнают о коварном налете на Порт-Артур, а еще о провокациях на Халкин-голе и озере Хасан накануне второй мировой войны... Японцы не забывают обид, нанесенных Советским Союзом: началом боевых действий — в нарушение, как обычно подчеркивают японцы, — против Квантунской императорской армии в августе 1945 г. в Маньчжурии, мытарства более 600 тыс. захваченных солдат и офицеров в сибирском плену, из которых около 60 тыс. нашли покой на чужбине...

В поисках истины главное — непредвзятость. По мнению автора, максимально подробную аргументацию, можно найти в новых исследованиях, которые появились за последние пару лет. Например, в мае 2015 г. в Токио на Третьем Российско-Японском форуме «Точки соприкосновения: бизнес, инвестиции, спорт» состоялась презентация книги «Российско-японские отношения в формате параллельной истории», объемом почти в тысячу страниц. Научными редакторами исследования выступили ректор МГИМО академик А. В. Торкунов и ректор Университета префектуры Кумамото Мамото Йокибэ [Российско-японские отношения 2015]. Тут чрезвычайно важно отметить, что все 37 российских и японских ученых, изучавших белые пятна в истории отношений, обнаружили, что точек соприкосновения в их оценках намного больше, чем точек расхождения.

Анализ результатов. Наши рассуждения можно дополнить тремя принципиальными соображениями по поводу укрепления доверия и взаимопонимания.

Во-первых, следует перейти на новую, истинно партнерскую, схему делового сотрудничества (об этом и договорились В. Путин и С. Абэ).

Во-вторых, надо прекратить взаимные упреки и обвинения, действовать принципиально, но благорасположенно. Если суверенитет незыблем, то зачем его демонстративно подтверждать? Насколько это на руку обеим сторонам? Может быть, не принося в жертву суверенитет, необходимо проявлять чуть больше такта в отношении соседа? В-третьих, надо более реалистично глядеть не только друг на друга, но и на себя самих. И у Японии, и у России несколько нарушены пропорции самовосприятия: Япония, будучи финансово-экономическим гигантом, но карликом в политическом отношении, слишком, пожалуй, преувеличивает свое влияние на мировые дела; Россия же, зачарованная своим несомненным военным могуществом, порой недооценивает свой незначительный вес в мировой экономике по сравнению с другими ведущими игроками международной политики.

Конечно, ни один, ни два визита не устранят всех сложностей. Застарелая проблема подобна запутанному узлу, который уже нельзя разрубить, но надо терпеливо и упорно распутывать с тем, чтобы приблизиться к компромиссу.

Литература

1. Общественное мнение — 2014. Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/old/sites/default/files/om14.pdf> (дата обращения: 24.12.2016).

2. Российско-японские отношения в формате параллельной истории. Коллективная монография / под общей ред. академика А. В. Торкунова и проф. М. Иокибэ. МГИМО- Университет, 2015. 988 с.
3. Чугров С. В. Существует ли незападная политология? ("Политическая теория" Т. Иногути) // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 182–191. DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.04.14>
4. Чугров С. В. Образ России в Японии и образ Японии в России: Рабочая тетрадь 33/2016 / [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2016. 56 с. Также [Электронный ресурс]. URL: russiancouncil.ru/paper33 (дата обращения: 14.01.2017).
5. Эгути М. Научно-технический прогресс и поиск направлений развития японского общества после стихийного бедствия 2011 года в Восточной Японии // Философия и наука в культурах Востока и Запада. Ин-т философии РАН. М.: Восточная литература, 2013. С. 256–263.
6. Нихон то Росиа. Магяку ка, сои ка? [Япония и Россия. Полные противоположности или просто различия?] / под ред. Т. Иногути. Токио: Хара сёбо, 2015. 245 с. (На яп. языке)
7. Того К. Абэ–Путин-но синсэйки (Новый век Абэ–Путина) / К. Того, К. Кумабэ // Росиа то Нихон. Дзики исики-но рэкиси-о хико суру (Россия и Япония. Сравнительная история самоидентификаций). Токио: Токио дайгаку сьуппанкай, 2016. 287 с. (На яп. языке)

JAPAN'S IMAGE IN RUSSIA AS AN IMPORTANT FACTOR OF BILATERAL RELATIONS

Sergey V. Chugrov

Abstract. *The article deals with the image of Japan in the Russian mass consciousness, which is actually a mixture of myths and stereotypes. The methodology draws heavily on multiple public opinion polls and surveys. This is the first study of such kind in Russia. The analysis is based on the author's hypothesis that the current efforts of Moscow and Tokyo to unblock the territorial impasse are complicated by some barriers of socio-psychological character, including mutual distrust and contradictory mutual images. The methodology of the paper draws heavily on public opinion surveys that reveal predominant vectors in Russo-Japanese relations, which, in the author's view, strongly correlate with the evolution of mutual images. The author comes to a conclusion that these patterns uncover interrelated 'mirror' dynamics connected with the independent variable, i.e. the developments in bilateral relations.*

The author also analyses the basic elements of mutual perception, i.e. the key pairs of like/dislike opinions, and then proceeds to its quality ingredients.

To investigate the intensity of like/dislike sentiments the author makes use of longitudinal annual opinion polls conducted by leading Russian sociological agencies.

The author makes a conclusion that the progress of Russo-Japanese advance toward better comprehension is hampered by distrust and mutual conflicting images that are almost exclusively the product of media activities.

Since 2013, the public consciousness of Russians has been under pressure of sanctions introduced by a number of countries, including Japan. However, the Japanese sanctions are far more symbolic and actually «delicate». In the center of the Russians' judgments about Japan is the problem of the «northern territories.» The public opinion polls certify that 78 % of respondents oppose the secession of even the smallest part of Russian territory. Russian media often discuss with Japanese partners historical (as well as, legal or ethnographic) background of the problem. In the author's view, these disputes are mostly counterproductive. Russia's indisputable argument is purely political: Kuril Islands became part of the Soviet Union in the wake the World War II: the USSR won the war and Japan lost it.

Unsolved problem is like a node that one cannot cut, but systematically and patiently should try to untie. The author concludes that the parties can get closer to a compromise, if the media carry out a campaign to create mutual images that are more positive. The central conclusion is the following: when Russia and Japan overcome mistrust, it will be much easier to agree on the territorial issue.

Keywords: *Russia; Japan; images; territorial problem.*

References

1. Chugrov S.V. (2016). *Obraz Rossii v Japonii i obraz Japonii v Rossii: Rabochaja tetrad 33/2016* [The Image of Russia in Japan and the image of Japan in Russia: Workbook 33/2016] / [chief editor I. S. Ivanov]; Russian International Affairs Council (RIAC). M.: Spetskniga. 56 p. See also [Electronic resource]. URL: russiancouncil.ru/paper33 (reference date: 14.01.2017).
2. Chugrov S.V. (2016a). *Sushhestvujet li nezapadnaja politologija?* [Is There a Non-Western Political Science? «Political Theory» by T. Inoguchi] // *Polis. Political studies*. № 4. S. 182–191. doi: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.04.14>. // *Polis. Political studies*. № 4. P. 182–191. doi: [htt2p://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.04.14](http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.04.14)
3. Eguchi M. (2013). *Nauchno-tehnicheskij progress i poisk napravlenij razvitiya japonskogo obshchestva posle stikhiynogo bedstvija 2011 goda v Vostochnoj Japonii* [Scientific and Technical Progress and the Search Trends of Japanese Society after the Disaster of 2011 in East Japan // *Filosofija i nauka v kul'turakh Vostoka i Zapada* [Philosophy and Science in the Cultures of East and West]. Institute of Philosophy, RAS. Moscow: Vostochnaya literatura. P. 256–263.

4. *Nihon to Rosia. Magyaku ka, soi ka?* [Japan and Russia. Complete Opposites, or Just Different?] (2015). / ed. by T. Inoguchi. Tokyo, Hara shobo. 245 p. (In Japanese)
5. *Obshchestvennoe mnenie — 2014 Ezhegodnik*. M.: Levada-Center, 2015. [Electronic resource]. URL: <http://www.levada.ru/old/sites/default/files/om14.pdf> (reference date: 24.12.2016).
6. *Rossijsko-japonskie otnoshenija v formate parallel'noj istorii* [Russian-Japanese Relations in the Format of Parallel History]. (2015) / ed. by A.V. Torkunov and T. Iokibe. MGIMO — University, 998 p.
7. Togo K. (2016). Abe-Putin-no shinseiki [New Century of Abe-Putin] / K. Togo, K. Kumabe. In: *Rosia to Nihon. Jiki ishiki-no rekishi hiko suru* [Russia and Japan. Comparative History of Identity]. Tokyo: Tokyo Daigaku shuppankai. 287 p. (In Japanese)

Информация об авторе

Чугров Сергей Владиславович

профессор кафедры Международной журналистики МГИМО МИД России, главный редактор журнала «Полис. Политические исследования», доктор социологических наук, профессор.

Email: sergeychugrov@gmail.com

Sergey V. Chugrov

Prof., Dr. (sociology), Moscow State Institute of International Relations, MFA, Moscow, Russia (MGIMO-University); chief editor, *Polis. Political Studies* journal.

Email: sergeychugrov@gmail.com

БОРЬБА С ГЛОБАЛЬНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ XXI ВЕКА: ИЛЛЮЗИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

А. Н. КАМЕНСКИХ

Аннотация. За последнее десятилетие интерес к глобальному терроризму, истокам и возможным решениям его устранения кардинально возрос, появились такие термины как «государство-изгой» и «государство-спонсор терроризма». Эффективность борьбы с международным терроризмом может обеспечить координация действий максимального количества стран-участниц, однако некоторые из них высказывают нежелание принимать совместное участие в борьбе с глобальным терроризмом. Степень разработанности темы невысока, она достаточно мало изучена в отечественной и зарубежной научной литературе, однако существуют попытки определения общих закономерностей и анализа конкретной узкой проблематики. Интерес к борьбе с глобальным терроризмом, ярко проявившийся на рубеже XX и XXI веков, связан с проблемой иллюзии и реальности. Данная проблема относится к «опасной игре» некоторых стран с террористическими группировками, которая влечет за собой торможение, «возведение стены или барьера» для реальной борьбы с глобальным терроризмом. Начало активных действий Соединенных Штатов Америки и союзников против террористических группировок привело к парадоксальному увеличению актов терроризма. Разрушение государственных структур в Сирии, Ираке, Ливии — истоки террористических действий. Стремление изменить в свою пользу стратегический баланс повлекло за собой слом международно-правового режима, поставку оружия террористическим группировкам. Спонсирование терроризма ставит эффективность противодействия ему под вопрос, вследствие чего граница иллюзии и реальности борьбы постепенно стирается, превращая мировую обстановку в вечное соревнование за лидерство в ущерб глобальной безопасности. Исследование опирается на междисциплинарный, аксиологический, историко-политологический подходы, методы диалектики и синергетики. Иллюзии борьбы с глобальным терроризмом в XXI веке поспособствовало появление проблемы кибертерроризма, обусловившее становление электронного

мира как второй реальности, где борьба за глобальную информационную безопасность приобретает четкие перспективы, а борьба против глобального и регионального терроризма превращается в нечто отсталое. Борьба с глобальным терроризмом становится иллюзией на фоне его реальной поддержки. Решением данной проблемы является возвращение к договоренностям, обозначенным в уставе Организации Объединенных Наций. Страны-участницы должны постоянно стремиться к созданию более оптимальных подходов для налаживания сотрудничества в решении проблем глобального терроризма, а также рассматривать, изучать и приводить свои исследования в реальные действия в области безопасности. Мировая глобализация борьбы против терроризма должна поддерживаться всеми государствами, иначе сдавая позиции, правительственные структуры будут проигрывать.

Ключевые слова: глобальный терроризм, глобализация, государства-меркантилисты, государства-спонсоры терроризма, террористическая группировка, кибертерроризм.

Введение. Сегодня сильная взаимозависимость судеб народов и их дальнейшее процветание являются результатом продолжающегося возрастания экономической глобализации мирового сообщества. Следствием возрастающей силы негосударственных субъектов, наносящих огромный ущерб посредством актов терроризма, является столкновение государств с такой проблемой, как необходимость в постоянной региональной и национальной безопасности. За последнее десятилетие интерес к глобальному терроризму, истокам и возможным решениям его устранения кардинально возрос, появились и новые, взаимосвязанные с ним, трудности. На данный момент еще одной насущной становится такая проблема, как заманивание террористами молодежи через социальные сети. Оказываясь не в безопасном положении, там, где на неокрепший ум и воззрения может повлиять в открытом доступе террористическая группировка, молодежь становится орудием в руках террористов. Стал остро вопрос об уровне террористической опасности, которая говорит о неспособности оценить угрозы, более того, с ним связана другая проблема, которую можно обозначить как нежелание некоторых стран-партнеров решать реальные международные проблемы. Довольно известный факт, что эффективность борьбы с международным терроризмом может обеспечить лишь координация действий максимального количества стран-участников. Однако, чтобы добиться такого результата в реальности потребуются немалые усилия и большой промежуток времени. В настоящее время просьбы государственных представительных лиц Российской Федерации отбросить «геополитические

игры» и объединить силы в борьбе с международным терроризмом были приняты некоторыми европейскими странами с отстраненностью [5]. Таким примером может послужить нерешительность политических кругов в Прибалтике, обусловленная существующими возможностями переноса интереса с виртуальной российской угрозы на достаточно реальную и важную проблему эффективной борьбы с глобальным терроризмом, а также признание В. В. Путиным неудачи договоренностей с лидером США: «Не сработали и наши личные договоренности с президентом США. В Вашингтоне нашлись силы, которые сделали все, чтобы эти договоренности не были реализованы на практике» [8]. Россия многократно высказывала свою твердую позицию о решении согласования с США списка террористических организаций, действующих в Сирии, для применения совместной борьбы против них. Данные действия продуктивно бы способствовали снижению шансов российско-американских военных инцидентов в сирийском небе и дали бы возможность военным силам стран эффективнее координировать свои действия, о чем не раз убеждал Лавров в своих публичных заявлениях. Однако в переговорах с Вашингтоном о создании подобного списка не было достигнуто ожидаемого результата.

На данный момент степень разработанности темы невысока, она еще достаточно мало изучена как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе, однако можно с уверенностью сказать, что существовали попытки как определения основных, общих закономерностей, так и анализ конкретной узкой проблематики многими представителями мировой политики и исследователями, занимающимися проблемами мировой безопасности. К авторам таких исследований можно отнести Dianne E. Rennack, Meghan L. O'Sullivan, William M. LeoGrande, Petra Minnerop, Paul J. Bolt, Su Changhe, Sharyl Cross, D. Wills, В. Бартенева, К. С. Мелкумян, М. М. Алексеєву. Это лишь некоторые из авторов, чьи исследования показали автору наиболее относящимися к проблематике темы исследования.

Теоретические основания исследования. Отмеченный интерес к борьбе с глобальным терроризмом, ярко проявившийся на рубеже XX и XXI веков, во многом связан с одной из главных проблем, с которой сталкивается сегодня мировое сообщество — проблема иллюзии и реальности. Данная проблема тесно связана с «опасной игрой» некоторых стран с террористическими группировками, которая влечет за собой торможение, «возведение стены или барьера» для реальной борьбы с глобальным терроризмом. Ее появление можно отнести к XX веку, когда состоялся переход терроризма на уровень государственной власти.

«Государства — спонсоры терроризма» — список государств, которые, согласно официальной позиции государственного департамента США, оказывают поддержку актам международного терроризма, определенные Государственным секретарем, в соответствии с тремя законами: раздел 6 (J) «Закона о контроле над экспортом», раздел 40 «Закона о контроле над экспортом вооружений», а также раздел 620A «Закона об иностранной помощи» 1961 года. В результате назначения в список государств — спонсоров терроризма к ним применяются следующие санкции: ограничение на иностранную помощь от США; запрет на экспорт оборонной промышленности и торговых товаров; определенные механизмы контроля над экспортом товаров двойного назначения; различные финансовые и другие ограничения [11].

Еще одно важное препятствие, создающее проблему иллюзии и реальности — взаимные претензии и недоверие стран, нежелание работать в направлении совместной борьбы с террористическими группировками. Владимир Владимирович Путин отмечает: «Груз взаимного недоверия сужает наши возможности для того, чтобы эффективно отвечать на стоящие перед мировым сообществом реальные вызовы и угрозы» [7]. Здесь играют роль не только достоверные источники информации, которыми пользуются службы некоторых государств, но и искаженные представления о политике других стран, сформированные под влиянием развернутой на Западе информационной кампании. Штамуются мифические угрозы, таким примером служат утверждения об исходящей от Российской Федерации военной опасности, которые усиливают разрозненность интересов, нежелание принимать участие в совместных действиях против террористических группировок и исходящую от некоторых государств неприятельскую политику. Обозначившиеся тенденции свидетельствуют о том, что вопрос консервации единства политических элит Западной Европы на основе, например, антироссийской политики, в достаточно немалой степени волнует Таллин, Ригу и Вильнюс, чем угроза реальных террористических атак. Исходя из «Отчета об угрозах национальной безопасности», опубликованном 30 марта 2016 года, в котором литовские специальные службы отмечают, что борьба с терроризмом и миграционный кризис «будут иметь негативные последствия для Литвы, так как из-за них сократится внимание к ситуации в сфере безопасности в Восточной Европе и возрастет готовность к сотрудничеству с Россией» [4], видим, что присутствие сознательного игнорирования — не случайность. К каким последствиям может привести ложная информация, необдуманые действия, снабжение и вооружение, вызванные желанием получить выгоду, достигнуть политических целей? Ответ очевиден, все

это оборачивается неизбежным проигрышем. Силы и боевая подготовка террористических групп, так высоко ценные для воплощения идей государств-меркантилистов, работают против «заказчиков».

Однополюсность мира, особенности развития США — причина малочисленных действий на международной арене, ранее и по сей день воспринимавшиеся как террористические — действия Ирака против Кувейта, США против Гренады и Ирака, Израиля против Ливана, СССР и США против Афганистана, решение нанесения ракетно-бомбовых ударов по Белграду, Ливии. Распад Советского Союза повлек за собой неоднозначные последствия, Соединенные Штаты Америки стали единственной сверхдержавой в мировой политике [9]. Вмешательства США в проблему Югославии, позднее Косово, бомбардировки и ракетные удары, преследовались экономическими и политическими целями [1]. Что послужило истоками данной проблемы? Организация ООН была создана после окончания Второй мировой войны. В то время существовал определенный расклад политических сил в мире. После распада советского союза США перестали согласовывать кардинальные вопросы, вследствие чего возникла проблема перетасовки политических сил. Осуществление попыток использования полномочий Совета Безопасности ООН, как отмечает Л.С. Воронков, «в своих интересах» представляет их действия и существование опасным для мирового порядка [3]. В середине 90-х годов произошли удары по Белграду, представлявшие собой по сути агрессию, потому как гуманитарная составляющая предшествовала этим решениям. Более того, совершение этих действий означало обход устава ООН. Их игнорирование, неприменение никаких санкций со стороны ООН дает повод для новых вопросов. Возвращаясь к истории, отметим, что позднее произошли трагические события 11 сентября 2001 года в Афганистане. После чего Соединенные Штаты Америки начали войну с терроризмом, в рамках которой были проведены вторжения или военные кампании в таких странах Ближнего Востока и Азии, как Афганистан, Сирия, Ирак и Ливия.

Источник: Война с терроризмом: от Клинтона до Обамы // РИА Новости: российское агентство международной информации. 2016. 18 нояб. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 21.11.2016. URL: <https://ria.ru/infografika/20161118/1481647284.html> (дата обращения: 25.12.2016).

Начало активной борьбы с террористическими группировками привело к парадоксальному увеличению актов терроризма. Вторжение США и союзников повлияло на увеличение насильственных событий в Ираке, которое было вызвано вторжением для свержения власти Саддама Хусейна. ООН также не санкционировало действия в Ираке. В этом случае были нарушены и действующие принципы международного права. При-

Рис.1. Количество терактов в странах, где коалиция во главе с США объявила войну терроризму.

нятие резолюции по Ливии — установление бесполетных зон, следующий этап истории борьбы с глобальным терроризмом, не принесший, как мы наблюдаем, кардинальных результатов. Нанесение ракетно-бомбовых ударов по территориям — еще одно нарушение устава ООН — продолжается по настоящее время. Если рассматривать истоки террористических действий в Сирии и Ираке, то терроризма в этих странах не было до разрушения государственных структур, с такой ситуацией столкнулась и Ливия. Утверждение, что действия в Алеппо — причина умножения числа террористов в Сирии, неверно. Разрушение государственности в стране влечет за собой заполнения этого вакуума террористическими группировками. Глава Российской Федерации отметил: «Необходимо поставить в международную повестку и вопрос о восстановлении прочной государственности, экономики и социальной сферы стран Ближнего Востока. Колоссальный масштаб разрушений требует сегодня выработки долгосрочной и комплексной программы, если хотите, своего рода план Маршалла, для возрождения, этого истерзанного войнами и конфликтами региона» [8]. Соответственно, как только началась война в Сирии, а она началась задолго до участия России в этих событиях, произошло появление террористических группировок, что повлекло за собой снабжение их оружием, воспитание, побуждение к действиям против Асада. Исходя из того, что данные подразделения на данный момент времени самые эффективные, некоторые государства посчитали, что их можно направить, не задумываясь о последствиях, в перспективе достижения собственных интересов. На сегодняшний день запустить политический процесс, остановить кровопролитие в Сирии не удастся. Необходимость газа и нефти, сельскохозяйственного сырья и древесины, каучука и алмазов, урана и продуктов из-за рубежа, а также военных плацдармов для контроля мировой обстановки — важные компоненты развития стран капитала. Именно обеспечение господства глобальному капиталу составляет «материнство» терроризма.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что стремление изменить в свою пользу стратегический баланс повлекло за собой слом международно-правового режима, создание оружия, его поставку террористическим группировкам, порождающим беспощадностью миграцию, бег мирных граждан, вследствие чего в состоянии хаоса находятся целые регионы. Некоторые страны начинают перелицовывать международный порядок на себя, в связи с чем противоречия, связанные с перераспределением политической мощи, нарастают. Лидерство в мире должно выражаться в решении реальных проблем, а не в признании тех стран, которые игнорируют мировые угрозы, ставя под опасность не только свое государство, но и мировое сообщество.

Исследование: основная часть. Терроризм в наши дни более всего исходит из стран Ближнего, Среднего Востока и Африки. Более всего в них преобладает нищенствующее население. С наибольшей вероятностью, народы этих стран самостоятельно справились бы со своими внутренними проблемами, однако ранее этому препятствовало господство колонизаторов, теперь же они стали объектом агрессивной политики США и некоторых европейских государств. Данному утверждению свидетельствуют данные из базы Мэрилендского университета, где в первой пятёрке стран по общему количеству терактов выделяется: Ирак, Пакистан, Афганистан, Индия, Филиппины.

Рабочая гипотеза настоящего исследования состоит в том, что спонсирование терроризма на глобальном уровне ставит эффективность борьбы с ним под вопрос, вследствие чего граница иллюзии и реальности постепенно стирается, превращая мировую обстановку в вечное соревнование за лидерство в ущерб глобальной безопасности.

Методология. Исследование опирается на теоретические и методологические подходы, а также на концепцию «государств-изгоев» В. И. Бартенева. Методологической основой исследования является междисциплинарный подход, отражающий неоднозначность и многосторонность феномена спонсирования терроризма. В связи с этим автор использует аксиологический подход, потому как без него не представляется возможным осуществить целенаправленное исследование. Более того, ценностный подход обусловил необходимость историко-политологического подхода. Ретроспективный анализ позволил автору выявить и исследовать причины спонсирования терроризма, изучение и анализ которых осуществляется в тесной взаимосвязи с конкретно историческими условиями, со спецификой того или иного этапа общественного развития. В то же время решение этих вопросов «диктовало» необходимость методов диалектики и синергетики.

Процедура исследования. Одними из явных примеров иллюзии борьбы с глобальным терроризмом в XXI веке являются действия органа внутренней разведки и, одновременно, федеральной правоохранительной структуры Соединенных Штатов — ФБР. ФБР «поощряло, подталкивало и иногда даже финансировало» содействие проведения американскими мусульманами террористических актов в США после 2001 года. Доказательства данных действий со стороны ФБР — показания 215 человек, среди которых служащие лица правоохранительных органов, юристы и адвокаты. Один из подобных примеров — рассказ Human Rights Watch о деле четырех американцев из Ньюбурга, в котором им было предъявлено обвинение в планировании атак против синогог и американской военной базы.

В концепции «государств-изгоев» выделяются государства, которые в какой-либо степени поддерживают терроризм: Судан, Ирак, Северная Корея, Ливия, Сирия, Афганистан [2]. «Хезболла» поддерживается Ираном, Абу Нидала — Ираком. Одно из необъяснимых и наводящих на вопросы причислений к списку стран — спонсоров — включение Кубы в список стран, составленным Бюро по борьбе с терроризмом и противодействия насильственному экстремизму Департамента Соединенных Штатов Америки (Bureau of Counterterrorism and Countering Violent Extremism), поддерживающих терроризм, тогда как она отстранилась от баскской и колумбийской группировок, дистанцировалась от помощи скрывающихся на ее территории боевиков и действительно содействовала мирным переговорам между правительством Колумбии и FARC. Более того, Вашингтону не удалось найти доказательств тому, что Куба поставляет оружие или тренирует террористов. Также нельзя не отметить то, что данное государство вступило в региональное отделение Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF, Financial Action Task Force on Money Laundering), пообещав внести поправки в государственное финансовое законодательство согласно с рекомендациями организации. Как отмечает К.С. Мелкумян: «...ФАТФ наиболее комплексно подошла к проблеме противодействия финансированию терроризма, применяя в своей деятельности одновременно и последовательно механизмы противодействия отмыванию денег наряду со специальными антитеррористическими инструментами» [6]. Однако вопреки всем этим достижениям и отсутствию компрометирующих данных Куба вновь была внесена в список. Помимо Кубы, в список внесены три других государства в настоящее время в списке: Иран, находящийся с 19 января 1984 г. Судан — с 12 августа 1993 года. Сирия добавлена с момента создания списка по 29 декабря 1979 года [10].

Некоторые страны были удалены — Ирак, Ливия, Северная Корея и Южный Йемен. Какими критериями пользуются Соединенные Штаты для выявления государств, спонсирующих терроризм? Для того, чтобы это определить государственному секретарю следует установить, что правительство некой страны многократно способствовало актам глобального терроризма. Если данное установление было проведено и подтверждено, а государство было причислено к какой-либо категории, оно считается спонсором терроризма до тех пор, пока назначение не будет отменено согласно нормативным критериям. В работе В. Бартенева «Концепция «государств-изгоев» во внешней политике США» отмечается высокая роль термина «государство-изгой», связанного с созданием данного списка Соединенными Штатами Америки. Автор отождествляет понятия «государство-изгой» и «государство — спонсор терроризма»: «Связь понятия «государство-изгой» с объективной реальностью можно обнаружить, лишь убедив себя в том, что государства, которые одновременно являются авторитарными режимами, нарушают права человека, спонсируют терроризм и стремятся завладеть ОМУ, формально отличаются от остальных субъектов международной системы» [2].

Возвращаясь к теме этики и меркантилизма спонсорства глобального терроризма, хотелось бы отметить, что использование террористических группировок различными государствами — дешевый способ ведения войны. Проведение такой политики вызывает немалый риск. Такие террористы опасны, их силы и ресурсы мощнее в разы, что и вызывает непредвиденные результаты таких «опасных игр» для этих стран и мировой безопасности.

Существование такой проблемы, как нанесение кибератак в политических целях, известно и широко обсуждается. Это достаточно молодой вопрос. Тем не менее он важен также, как террористические атаки в реальном мире. Что является объединяющей целеустановкой и насколько прозрачной становится грань реальной угрозы и ее иллюзии? Бумажные носители устаревают, в большинстве случаев как государственные структуры, так и юридические, частные лица используют электронные носители информации. Электронный мир становится второй реальностью, где борьба за глобальную информационную безопасность приобретает четкие перспективы на развитие, выделяются средства на разработку более усовершенствованных технологий защиты информации, в то время как борьба против глобального и регионального терроризма превращается в нечто отсталое и обращается в иллюзию. Известно, что только объединением усилий всего мирового сообщества возможно достичь наиболее безопасного состояния, что, как было выяснено, недоверие должно быть

устранено. Тогда естественным становится решение о том, что государства не должны использовать киберпространство для атаки на инфраструктуры других государств. Только такой путь, когда страны будут договариваться и формировать определенные правила, к тому же именно такие правила, которые будут однообразно пониматься, станут признаваться на правительственном, государственном уровне, и будут доступны для проверки, сделает возможным преодоление данной проблемы. Здесь появляется вопрос о свободе интернета. Насколько она важна как для частных, юридических, государственных лиц известно, однако также не секрет, что безопасность требует ее ограничения. Многие страны, среди которых находятся и те, кто неоднократно выступал за свободу интернета, предпринимают и на практике реализуют действия по ограничению доступа, который связан с интересами множества граждан. Чего коснется данное преобразование? Это могут быть и преступления, которые готовятся в киберпространстве, либо там совершаются. К таким должны относиться и покушения на банковские системы, и незаконные переводы денег. Подобные ограничения уже осуществляются на региональных уровнях, следовательно, применение соответствующих правил возможно и на национальном уровне, то есть в отношениях между государствами.

Результаты исследования. Борьба с глобальным терроризмом становится иллюзией на фоне его реальной поддержки. Решением данной проблемы является возвращение к договоренностям, обозначенным в уставе ООН. Данная организация является одной из самых универсальных в мире, вследствие чего отказ от нее может стать для мира верной дорогой к хаосу. Несомненно, ситуация в мире поменялась, ООН и Совет безопасности нуждаются в реформах и реконструкциях. Необходимость преобразований обусловлена желанием сохранить эффективность данного инструмента на основе широкого консенсуса. Для успешного проведения данных реформа необходимо согласия с ними подавляющего большинства участников международного общения.

Анализ результатов. В настоящем исследовании мы обратились к анализу спонсирования терроризма как многопланового явления, ставшего неотъемлемой частью современной мировой политики. Почему же нужно обязательно вернуться к единообразному пониманию принципов и норм международного права, выработанного на основе ООН, было выведено на основе примеров исторического опыта. Контурсы мирового будущего должны широко обсуждаться. Решение любых вызовов и угроз следует проводить сообща, то есть на базе правил ООН. Прежде всего имеет ценность Совет Безопасности ООН — «единственный международный орган, имеющий право принимать решения о вмешательстве

в дела суверенных государств или вводить против них коллективные санкции в тех случаях, когда развитие в них расценивается... как угроза международному миру и безопасности» [3]. Национальные государства должны постоянно стремиться к созданию более глобального терроризма, распространения оружия, несостоявшихся государств, а также рассматривать, изучать и приводить свои исследования в реальные действия во множествах дополнительных проблем в области безопасности. Терроризм следует тщательным образом исследовать на двух основных уровнях — на национальном, применительно к каждой стране в отдельности, и на международном уровне с учётом остроты классово-борьбы на международной арене, а также с учётом межнациональных, религиозных и международных отношений в каждый исторический период.

Заключение. Главным направлением борьбы является необходимость противостояния государствам-меркантилистам посредством объединения остальных стран, дабы вывести борьбу из абстрактного к конкретному. Израиль никогда не игнорирует и не оставляет террористическое гнездо в состоянии покоя и свободы, всегда борется до конца, благодаря чему существует. Мировая глобализация в борьбе против терроризма должна поддерживаться всеми государствами, иначе сдавая позиции, правительственные структуры всегда будут проигрывать.

Литература

1. Алексеева М. М. Политика «двойных стандартов» и принцип неотвратимости наказания за совершение актов терроризма // *Пространство и Время*. — М: Пространство и Время, 2014. — №3.- С. 54–61.
2. Бартенев В. И. Концепция «государств-изгоев» во внешней политике США / В. И. Бартенев // *Международные процессы*. — М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2009. — № 1. — С. 84–92.
3. Воронков Л. С. Влияние концепции однополярного мира на системы европейской и международной безопасности // *Международная жизнь*. — М: *Международная жизнь*, ноябрь, 2016. — №11.- С. 147–149.
4. Баторшина И. А. О мотивах и приоритетах внешней политики прибалтийских республик // *Российский институт стратегических исследований*: сайт. 2016. 1 апр. [Электронный ресурс]. URL: <https://riss.ru/analitics/28883/#easy-footnote-11> (дата обращения: 20.12.2016).
5. Лавров: в РФ ждут, что Европа объединит усилия в борьбе с терроризмом // *РИА Новости: российское агентство международной информации*. 2016. 23 марта [Электронный ресурс]. Дата обновления: 23.03.2016. URL: <https://ria.ru/politics/20160323/1395295561.html#ixzz44HaHRDsd> (дата обращения: 25.12.2016).

6. Мелкумян К.С. ФАТФ в противодействии финансированию терроризма: специфика подхода // Вестник МГИМО Университета: официальное интернет-издание. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/ekonomika/fatf-v-protivodeystvii-finansirovaniyu-terrorizma-specifika-podhoda> (дата обращения: 18.12.2016).
7. Путин на «Валдае»: о Сирии, Украине и предвыборной мифологии в США// РИА Новости: российское агентство международной информации. 2016. 27 окт. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 2.11.2016. URL: <https://ria.ru/politics/20161027/1480172209.html> (дата обращения: 10.12.2016).
8. Россия по-прежнему предлагает всем партнерам объединиться в борьбе с террором // Единая Россия: официальный сайт партии. 2016. 27 окт. [Электронный ресурс]. URL: <http://er.ru/news/147825/> (дата обращения: 25.12.2016).
9. Paul J. Bolt The United States, Russia, and China: Confronting Global Terrorism And Security Challenges in the 21st Century / P.J. Bolt, S. Changhe, S. Cross // Westport, Conn. : Praeger Security International. — 2008. — P. 9
10. Country Reports on Terrorism // Bureau of counterterrorism and countering violent extremism. — U.S. Department of State. Diplomacy in action. 2015 [Electronic resource]. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/258249.pdf> (дата обращения: 25.12.2016).
11. State Sponsors of Terrorism// Bureau of counterterrorism and countering violent extremism. — U.S. Department of State. Diplomacy in action [Electronic resource]. URL: <https://www.state.gov/j/ct/list/c14151.htm> (дата обращения: 23.12.2016).

THE FIGHT AGAINST GLOBAL TERRORISM OF THE XXI CENTURY: ILLUSION OR REALITY?

Anna N.Kamenskikh

Abstract: *Today, interest in global terrorism, the origins and possible solutions to eliminate it radically increased. Such terms as "rogue state" and "state sponsor of terrorism" came into sight. The effectiveness of the fight against international terrorism can be ensured by coordination of the maximum number of participating countries, but some of them express reluctance to take part in a joint struggle against global terrorism. The degree of elaboration of the theme is not high, but there are attempts to identify common patterns and there is analyze specific narrow issues. Interest in the fight against global terrorism connects with the problem of illusion and reality. This problem is related to the "dangerous game" of some countries with terrorist groups, which entails braking, the construction of the wall or barrier for the real fight against global terror-*

ism. The beginning of active actions of United States of America and its allies against terrorist groups has led to a paradoxical increase in acts of terrorism. The destruction of the state structures in Syria, Iraq, and Libya is the origins of terrorist acts. The desire to change in their favor the strategic balance resulted in the demolition of the international legal regime, the supply of weapons to terrorist groups. Sponsoring of terrorism puts the effectiveness of countering it into question, so that the boundary of the illusion and the reality of the struggle gradually erased, turning the world situation to the eternal competition for leadership at the expense of global security. The research is based on an interdisciplinary, axiological, historical and political science approaches, methods of dialectics and synergy. Illusion of the fight against global terrorism in the XXI century has contributed to the emergence of the problem of cyber-terrorism. It has led to the establishment of the electronic world as the second reality, where the struggle for global information security gets a clear perspective, and the fight against global and regional terrorism turns into something that is behind the times. The fight against global terrorism becomes an illusion on the background of real support of terrorism. The solution is the return to the arrangements outlined in the United Nations Charter. Member states should constantly strive to create more optimal approaches for cooperation in solving problems of global terrorism, and to turn their research into real actions. World globalization of the fight against terrorism should be supported by all states.

Keywords: *global terrorism, globalization, states-mercantilists, state sponsors of terrorism, terrorist group, cyberterrorism.*

References

1. Alekseeva, M.M. (2014). Politika «dvojnyh standartov» i princip neotvratimosti nakazaniya za sovershenie aktov terrorizma [The policy of “double standards” and the principle of inevitability of punishment for acts of terrorism]. *Prostranstvo i Vremya [Space and Time]*, 3, 54–61.
2. Bartenev, V. I. (2009). Konceptcija “gosudarstv-izgoev” vo vneshnej politike SShA [The concept of “rogue states” in US foreign policy]. *Mezhdunarodnye process [International Processes]*, 1, 84–92.
3. Bolt, P.J., Changhe, S., & Cross S. (2008). *The United States, Russia, and China: Confronting Global Terrorism And Security Challenges in the 21st Century* Westport, Conn.: Praeger.
4. Batorshina, I.A. (2016). O motivah i prioritetaх vneshnej politiki pribaltijskih respublik [The motives and priorities of foreign policy of the Baltic republics]. In *Rossijskij institut strategicheskikh issledovanij: sajt [Russian Institute of Strategic Studies: website]*. Retrieved 20 December, 2016 from <https://riss.ru/analitics/28883/#easy-footnote-11>.

5. Bureau of counterterrorism and countering violent extremism. (2015). *Country Reports on Terrorism 2015*. Retrieved 25 December, 2016 from U. S. Department of State: Diplomacy in action: <https://www.state.gov/documents/organization/258249.pdf>.
6. Lavrov: v RF zhdut, chto Evropa ob#edinit usilija v bor'be s terrorizmom [Lavrov: Russia expects that Europe will join forces in the fight against terrorism]. (2016, March 23). *RIA Novosti: rossijskoe agentstvo mezhdunarodnoj informacii* [RIA News: Russian Agency of International Information]. Retrieved 25 December, 2016 from <https://ria.ru/politics/20160323/1395295561.html#ixzz44HaHRDsd>.
7. Melkumjan, K.S. (2014). FATF v protivodejstvii finansirovaniju terrorizma: specifi-ka podhoda [FATF to counter financing of terrorism: specific approaches]. In *Vestnik MGIMO Universiteta: oficial'noe internet-izdanie* [Herald of the MGIMO University: the official online edition]. Retrieved 18 December, 2016 from <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/ekonomika/fatf-v-protivodejstvii-finansirovaniyu-terrorizma-specifika-podhoda>.
8. Putin na "Valdae": o Sirii, Ukraine i predvybornoj mifologii v SShA [Putin "Valdai": on Syria, Ukraine and the United States election mythology]. (2016, October 27). *RIA Novosti: rossijskoe agentstvo mezhdunarodnoj informacii* [RIA News: Russian Agency of International Information]. Retrieved 10 December, 2016 from <https://ria.ru/politics/20161027/1480172209.html>.
9. Rossija po-prezhnemu predlagaet vsem partneram ob#edinit'sja v bor'be s terrorom [Russia still offers all partners to unite in the fight against terror]. (2016, October 27). *Edinaja Rossija: oficial'nyj sajt partii* [United Russia: the official website of the party]. Retrieved 25 December, 2016 from <http://er.ru/news/147825/>.
10. State Sponsors of Terrorism. (2015). *U. S. Department of State: Diplomacy in action*. Retrieved 23 December, 2016 from <https://www.state.gov/j/ct/list/c14151.htm>.
11. Voronkov, L.S. (2016). Vlijanie koncepcii odnopoljarnogo mira na sistemy evropejskoj i mezhdunarodnoj bezopasnosti [The impact of the concept of a unipolar world system on the European and international security]. *Mezhdunarodnaja zhizn'* [International Life], 11, 147–149.

Информация об авторе

Каменских Анна Николаевна

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», Российская Федерация

E-mail: annakamenskikh@mail.ru

Anna N. Kamenskikh;

Saint-Petersburg State University, the Russian Federation

E-mail: annakamenskikh@mail.ru

НАСЛЕДИЕ ПРЕЗИДЕНТА Б. ОБАМЫ В ОБЛАСТИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ США

Н. А. ЦВЕТКОВА

Аннотация: статья анализирует итоги реформ и инноваций в публичной дипломатии США в 2009–2016 гг. Администрация Барака Обамы осуществила фундаментальный поворот от концепции мягкой силы к стратегической коммуникации; создала цифровую дипломатию для мобилизации либеральной оппозиции в мире; вернула пропаганду в информационное противостояние с Россией и политику отрыва Русского Мира от влияния Москвы; и развернула кампанию против пропаганды террористов в социальных сетях. Эти трансформации являются радикальными, но и противоречивыми, отражая разрыв между идеализмом президента Б. Обамы и вызовами, которые потребовали развития жестких инструментов влияния.

Ключевые слова: публичная дипломатия США, стратегическая коммуникация, пропаганда, мягкая сила, Русский Мир, Россия, ИГИЛ (запрещенная в России организация), цифровая дипломатия, социальные сети, месседж.

Введение. Администрация Барака Обамы оставила существенный и противоречивый след в развитии такого инструмента внешней политики США как публичная дипломатия. Американская публичная дипломатия включает в себя такие механизмы воздействия на зарубежные общества как информационные программы, образовательные обмены, проекты в области культуры и спорта, а также цифровую дипломатию. Публичная дипломатия не только активно использовалась демократической администрацией на всех направлениях внешнеполитической деятельности, но была основательно видоизменена.

Элементы политических технологий, пропаганды, политической коммуникации, масштабное использование социальных сетей навсегда изменили традиционный и малоповоротливый механизм публичной дипломатии. Влияние личности президента и его экспертов, новых вызовов на международной арене, новых информационных технологий оказались настолько сильным, что термин «публичная дипломатия»

стал заменяться таким термином как «стратегическая коммуникация» в официальных документах США, что подразумевает приоритет пропаганды, краткосрочных информационных кампаний, ответную информационную реакцию на наступательную пропаганду со стороны противников над такими традиционными программами публичной дипломатии как обмены, выставки, формирование лояльной элиты и пр.

Цель данной статьи — выявить новые черты, методы и концепции публичной дипломатии США, которые привнесла администрация Б. Обамы с 2009 по 2016 гг.

Основная часть исследования состоит из четырех эмпирических разделов, которые отражают главные нововведения и направления администрации Б. Обамы, навсегда изменившие публичную дипломатию США. В первой части мы анализируем фундаментальный поворот от концепции мягкой силы к стратегической коммуникации. Во второй части статьи мы подведем итоги создания нового внешнеполитического инструмента — цифровой дипломатии. В третьей части статьи мы остановимся на новом витке информационного противостояния с Россией и стратегии отрыва Русского Мира от влияния Москвы. Наконец, в четвертой части, мы оценим проекты американской стратегической коммуникации в противостоянии с пропагандой ИГИЛ в социальных сетях. Результаты и анализ полученных эмпирических данных приводятся в последующих разделах статьи.

Теоретические основания исследования

Перед тем, как перейти к анализу данных вопросов, необходимо отметить, что поскольку сегодня два термина — «публичная дипломатия» и «стратегическая коммуникация» — часто взаимозаменяемы в американских документах, необходимо прояснить их значение. Публичная дипломатия определяется как инструмент внешней политики и национальной безопасности США посредством оказания влияния и установления партнерских отношений с зарубежной публикой при помощи программ обменов, обучения, спорта, культуры и информации. Стратегическая коммуникация, термин, который впервые был введен в практику представителями Министерства обороны США, определяется как продвижение национальных интересов США при помощи информации, понимания запросов зарубежной аудитории и коммуникации. Стратегическая коммуникация предполагает акцент на информационных инструментах вовлечения зарубежной публики в американскую повестку дня и пропаганда играет значительную роль.

Научная и экспертная литература еще не подвела итоги наследия администрации Б. Обамы в области публичной дипломатии или стра-

тегической коммуникации. Однако нельзя не упомянуть работы исследователей, которые затрагивали проекты публичной дипломатии Б. Обамы в различные периоды. Цифровая дипломатия или использование социальных сетей для продвижения позитивного имиджа США, поддержки оппозиционных движений, а также вопросы мягкой или умной силы неоднократно затрагивались исследователями [Великая, 2016; Лебедева, 2015; Цветкова, 2015; Cull, 2013]. Однако обобщающих работ о том, какие трансформации были осуществлены президентом в данной области, как изменились концептуальные основы, методы и региональные направления публичной дипломатии, какие удачи и неудачи сопутствовали администрации Б. Обамы, еще нет в науке о международных отношениях.

Исследование: основная часть

Основная часть состоит из следующих разделов: методология исследования и материалы исследования, за которыми следуют четыре эмпирических раздела исследования, отражающих основные направления деятельности администрации Б. Обамы в области публичной дипломатии/стратегической коммуникации.

Методология исследования

Документальный анализ, дискурсивный анализ, системный анализ, а также элементы контент-анализа и статистических методов использовались при проведении данного исследования. Документальный анализ способствовал критическому исследованию официальных документов американского правительства. Дискурсивный анализ использовался для интерпретации понимания публичной дипломатии политиками и экспертами администрации Б. Обамы. Системный анализ позволил рассмотреть трансформации публичной дипломатии с точки зрения контекста внешней политики США и международных отношений в период администрации Б. Обамы. Элементы контент-анализа и статистических методов использовались при анализе деятельности правительства США в социальных сетях.

Материалы исследования

Источниками для анализа публичной дипломатии послужили документы правительства США: законодательные акты Конгресса США, протоколы слушаний в сенате и палате представителей, аудиозаписи слушаний, стратегические документы Белого дома и Госдепартамента, отчеты ведомств, связанных с реализацией программ публичной дипломатии, а также твиты, хештеги и прочая информация, которая направляется с официальных профилей правительства США в социальные сети.

Поворот в публичной дипломатии Б. Обамы: от мягкой силы к стратегической коммуникации и пропаганде

Администрация Б. Обамы оставила нам новый концептуальный поворот в публичной дипломатии. Вместо ставшей популярной концепции мягкой силы, президент ввел концепцию стратегической коммуникации, что подразумевает развитие пропаганды. Использование таких элементов коммуникации как краткосрочные информационные кампании, политическая реклама, осуществление пропаганды посредством социальных сетей стали частью публичной дипломатии с 2013 г. До этого, публичная дипломатия США опиралась на концепции «мягкой» и «умной силы». Правительство США стремилось расширить число сторонников американских ценностей и вовлечь международную аудиторию в политическую повестку Вашингтона. Госсекретарь Х. Клинтон была сторонником идей Дж. Наея. Ее мемуары подтверждают интерес к мягкой силе как инструменту вовлечения зарубежной публики. Она пишет: «За пределами традиционной работы по подписанию договоров и посещению дипломатических конференций, среди прочего, вовлекать [зарубежных. — Н.Ц.] активистов посредством цифровой дипломатии <...> и интегрировать маргинальные группы в политическую деятельность. Эти задачи привели меня к мысли о применении концепции умной силы, которая «бродила» по Вашингтону в течение нескольких лет. Джозеф Най из Гарварда и другие использовали данный термин, но все мы по-разному понимали его значение. Для меня, умная сила означала выбор подходящих методов инструментов — дипломатических, экономических, военных, политических и культурных — для отдельно взятой ситуации» [Clinton 2014, с. 33].

Госдепартамент активно использовал идеи Дж. Наея на многих направлениях внешнеполитической деятельности. Политика вовлечения либеральных и оппозиционных групп сопровождала намерение президента Обамы к установлению новых партнерских отношений с Кубой, Ираном и Россией. Политика мягкой силы находила свое воплощение в укреплении союзнических отношений США со странами Европы и Азиатско-тихоокеанского региона [Metzgar, Lu, с. 2012].

Однако новая и масштабная информационная деятельность России, Ирана, Китая, заставила администрацию Б. Обамы изменить концептуальные основы публичной дипломатии США. Среди американского экспертного сообщества стали доминировать идеи, что в период войн, когда соперники США активно используют пропаганду, нет смысла заниматься долгосрочными вопросами вовлечения и применять теорию Дж. Наея. Ряд экспертов предложили метод диалоговой пропаганды или

стратегической коммуникации [Hayden, 2012; Zaharna, 2014]. Эффективность коммуникации достигается, если правительство США изучает мнения, идущие со стороны зарубежного общества. Подобная работа представляет собой процесс так называемого «вслушивания» (*listening*). Далее следует реакция в виде информационных кампаний с целью коррекции имиджа в зарубежном обществе и диалог с теми, кто высказывает как отрицательные, так и положительные суждения. В отличие от позиции Джозефа Ная, который отрицал пропаганду из-за ее низкой эффективности по формированию доверия к США, многие эксперты рассуждают о пропаганде как о положительном и своевременном инструменте внешней политики [Zaharna, 2014].

Идеи экспертов в области стратегической коммуникации быстро проникли в деятельность администрации Б. Обамы. В Госдепартаменте, Пентагоне, Белом доме, Агентстве международного развития, ЦРУ и в других ведомствах правительства США были созданы отделы с названием «стратегическая коммуникация». Центр стратегических антитеррористических коммуникаций занял место основного подразделения публичной дипломатии, которая стала приобретать устойчивые черты пропаганды. Дискурс «стратегической коммуникации» утвердился в программных документах по публичной дипломатии США. Мгновенное реагирование на негативный поток информации и развертывание кампаний контрпропаганды в зонах региональных конфликтов стали заменять политику долгосрочного вовлечения целевых групп в публичной дипломатии США. Свидетельством смены подходов выступает новая стратегия публичной дипломатии 2015 г., которая не апеллирует к концепции «мягкой силы» или политике распространения американских ценностей.

Кульминацией использования пропаганды/стратегической коммуникации в публичной дипломатии стало изменение закона о внешнеполитической информационной деятельности США. Закон 1994 г. провозглашал свободу в подаче информации от внешней политики США такими каналами как «Голос Америки», «Радио Марти», «Радио Свободная Европа» и др. В апреле 2014 г. Конгресс США предложил изменить закон о 1994 г. сторону расширения пропаганды интересов правительства США [Цветкова, 2015]. Республиканцы, которые проталкивали данную реформу, уверяли Б. Обаму, что огромный механизм публичной дипломатии США не эффективен в эпоху острых информационных войн, а подходы Дж. Ная уже мало пригодны в ситуации, когда пропаганда оказывается наиболее эффективным инструментом воздействия на зарубежное население. Напряженная ситуация в мире и обострение информационного противостояния внутри самих США в период пре-

зидентской избирательной кампании 2016 г. убедили президента в необходимости подчинения всех информационных каналов США единой стратегии внешней политики США. Барак Обама согласился на предложение конгрессменов по изменению закона 1994 г., а республиканцы внесли в законопроект положение о том, что будущий президент будет назначать главу Управления международным вещанием, которому подчинены вся информационная деятельность США в зарубежных странах. Раньше эта должность была выборной и контролировалась двухпартийным советом, что позволяло «разнообразить» информационный поток. Предполагая победу Х. Клинтон, Б. Обама, подписывая данный закон, как казалось, только укреплял политику стратегической коммуникации США²⁷. Однако избрание Д. Трампа поставило демократическую администрацию в затруднительное положение, поскольку новое правило управления всеми международными информационными ресурсами США дает легальное право президенту Д. Трампу назначать главой Управления «своего человека», подконтрольного президенту.

Цифровая дипломатия: методы поддержки либеральной оппозиции в зарубежных странах

Еще десять лет назад никто и не предполагал, что социальные сети будут занимать ведущее место среди методов публичной дипломатии. Начало было положено в 2009–2010 гг., когда госсекретарь Х. Клинтон и ее молодые советники по инновациям стали развивать цифровую грамотность либеральных элементов в различных странах мира. Самым показательным стала работа американских экспертов в Каирском университете в 2010 г. перед самым началом революции на площади Тахрир. Тогда молодые представители американских университетов, работая по контракту с Госдепартаментом, рассказывали египетской молодежи о принципах использования социальных сетей для развития социальных и политических движений. Передача технологий либеральной оппозиции стала основным императивом публичной дипломатии США после того, когда Китай запретил деятельность компании *Google* зимой 2010 г. Именно тогда Госсекретарь Х. Клинтон произнесла свою историческую речь о том, что США будут осуществлять прямой диалог с молодыми активными гражданами зарубежных стран. Эта речь может сравниться с заявлением Рональда Рейгана о крестовом походе против коммунизма в 1982 г., который сопровождался масштабными информационными кампаниями против СССР. Программная речь Хилари Клинтон

²⁷ National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2017. Public Law 114–328. <https://www.congress.gov/>

тон изменила представления о традиционной публичной дипломатии, в которой правительства участвующих стран могли контролировать процессы культурного обмена. Тезис Х. Клинтон о прямом диалоге с оппозиционерами, либералами и демократами, минуя зарубежные правительства, стал новым методом в осуществлении влияния на зарубежное общественное мнение посредством виртуального пространства. Передача технологий, мобилизация сторонников и цифровой активизм пришли в публичную дипломатию, резко повысив ее эффективность.

В период 2010–2012 гг. деятельность американского внешнеполитического ведомства на этом направлении получила беспрецедентное развитие. США стали опираться на социальные сети как средство краткосрочной мобилизации зарубежной активной молодежи [Стихин, 2014; Цветкова, 2011]. Использование сети Интернет стало основным лейтмотивом социально-политических протестов в Северной Африке, на Ближнем Востоке и на постсоветском пространстве. Мобилизация активной арабской молодежи, обучение ее методам координации демонстраций посредством социальных сетей, создание многочисленных виртуальных неправительственных организаций, которые пропагандировали ценности либерализма на арабском и английском языках, поддержка массовых выступлений американским политическим истеблишментом через глобальные интернет-сервисы — все эти новые методы стали результатом использования новой цифровой дипломатии США.

Официальные цифровые профили США не призывали к революции. Однако они цитировали высказывания лидеров оппозиционных движений и передавали своим подписчикам информацию о происходящих событиях. Подобная деятельность администрации Обамы содействовала тому, что многие граждане узнали о существовании виртуального мобилизационного центра для демонстрантов в сети. Наверно, кульминацией в обеспечении либеральной оппозиции новыми технологическими продуктами стало создание особого профиля для сирийской оппозиции. Оппозиционеры, отрезанные от Интернета, могли набрать на мобильном телефоне определенный номер и информация попадала в социальную сеть в виде твита.

Самым эффективным проектом ушедшей администрации Б. Обамы и его госсекретаря Клинтон, который окончательно подвел политический фундамент в стратегической коммуникации — это взаимодействие представителей компаний Google, Facebook, Twitter и др. с зарубежными активистами, политиками, журналистами и оппозиционерами. Проект под названием TechCamp/Civil Society 2.0 представляет собой семинары, на которых представители зарубежных неправительственных органи-

заций из первых рук узнают о способах использования анцензурного оборудования, использования Интернета, когда доступ к сети отключен, проведения информационных кампаний и т.д. Это проект стал основным плодом работы госсекретаря Х. Клинтон, которая всегда живо интересовалась этими проектами. В ее переписке, опубликованной организацией Викиликс, есть не мало писем от его помощников с подробным описанием хода развития программы в разных странах. Например, сохранилось описание семинаров в Киеве 2012 г., который собрал более ста лидеров гражданского общества Белоруссии и Украины. В этом описании указаны следующие навыки, которые приобрели политические активисты в ходе семинара: «использование Facebook для проведения информационных кампаний и получения новых сторонников, привлечение пользователей социальными сетями для осуществления новых политических и социальных проектов, создание видео-роликов для привлечения новых сторонников, создание сайтов для неправительственных организаций и продвижение проектов социальных реформ».²⁸

В итоге, публичная дипломатия в виде социальных сетей получила самый эффективный инструмент для изменения политической ситуации в зарубежных странах. Но и администрация Б. Обамы и сам президент вряд ли могли предсказать последствия активного использования социальных медиа различными акторами в мировой политике.

Русский Мир в стратегической коммуникации Б. Обамы: возвращение русскоговорящих в приоритетную целевую аудиторию пропаганды США

После окончания «холодной войны», когда исчезла острая необходимость для США оказывать информационное влияние на граждан СССР, и, особенно, после террористических атак 2001 г., когда все ресурсы публичной дипломатии США были инвестированы в арабское население, такая целевая аудитория как русскоговорящие, живущие во многих странах мира, исчезла из американской публичной дипломатии. Постепенно сокращалось число программ международного вещания на русском языке, а такие радиостанции как «Голос Свободной Европы» или «Голос Америки» потеряли свою популярность среди русскоязычного населения стран Восточной Европы и бывшего СССР.

Неожиданно для США, Россия, наравне с Ираном и Китаем, вышла в лидеры по обеспечению мирового сообщества информацией.

²⁸ Techcamp in Kyiv: Building a Bridge between Civil Society and Technology. A Letter from Mills, Cheryl and Ross, Alec to Clinton, Hilary. Doc No C05792554. https://wikileaks.org/clinton-emails/Clinton_Email_November_Release/C05792554.pdf (accessed January 08, 2017).

К 2013 г., 90% всей информации в мире, которая предназначена для тех, кто понимает русский язык в США, Европе, в странах бывшего и СССР, а также в странах Ближнего Востока, контролируется Россией. Особенно, влияние Москвы на русскоязычное население стало заметным на фоне провальной работы таких форпостов американской информационной деятельности США как каналы «Свободная Европа»/«Свобода» и «Голос Америки». Из-за провалов в менеджменте, сокращения финансирования и отсутствия внятных стратегий работы с русскоязычным населением, эти каналы потеряли значительную аудиторию в странах бывшего социалистического лагеря в Европе и СССР и она перешла под влияние российских каналов.

Такое положение не устраивало ни Вашингтон, ни страны НАТО. Элита США и стран Европы, а в особенности, стран Восточной Европы, осознали значение русского языка в информационном противостоянии с Россией. Оказалось, что внимание русскоязычной аудитории к международному вещанию Москвы влияет на политическое развитие многих государств. Начиная с 2015 г. США вступили в информационную борьбу за влияние Русский Мир. Данная политика рассчитана до 2018 г.

Для влияния на Русский Мир Барак Обама вдохнул новую жизнь в такие призраки «холодной войны» как «Голос Америки» и «Свободная Европа/Свобода». Они создали дополнительные 35 программ на русском языке для жителей постсоветского пространства в 2015 г. Американские каналы вещания в Молдове, Киргизии, Грузии, Армении, Азербайджане и на Украине получили дополнительные деньги и часы вещания. Семнадцать языков бывшего СССР вернулись в международное вещание США. Добавились аварский, чеченский, белорусский, черкесский, язык крымских татар, казахский и др.

Популярность каналов американского вещания возросла в России к 2016 г. Увеличилось число посещений страницы канала «Голос Америки» на платформе Facebook из России в 1,000 раз, а сайт канала посещает 350,000 россиян в неделю. В самой России американские каналы международного вещания, не имеющие выходов на российские телевидение и радио, полностью сконцентрировались на трансляции передач внутри сети Интернет. Основная надежда возлагается на цифровой канал под названием «Настоящее время», который представляет американскую интерпретацию российских новостей. Передачи данного канала смотрят около 2 млн российских граждан еженедельно, а основная аудитория это молодежь от 15 и до 24 лет. В 2016 г. видео-сюжеты канала на платформе Facebook были просмотрены 60 миллионов раз, что является рекордным числом для американских каналов.

Поддержка диссидентов, активистов гражданского общества, журналистов и блоггеров в России является еще одним направлением в публичной дипломатии США. Если в 2001–2012 г. США открыто поддерживали российские неправительственные организации, то после закрытия деятельности Агентства международного развития, стратегия взаимодействия между российскими активистами и США видоизменилась, но не исчезла из повестки публичной дипломатии США. В странах Восточной Европы или бывшего СССР создаются так называемые «региональные хабы» (regional hubs), на базе которых США работают с активистами, журналистами и с неправительственными организациями в России. На слушаниях к Конгрессе США, Виктория Нуланд, глава отдела по странам Восточной Европы Госдепартамента, заявила, что пара-журналисты и журналисты-блоггеры являются основными целевыми аудиториями новой публичной дипломатии США²⁹.

Пропаганда США против ИГИЛ в социальных сетях: отсутствие эффективного месседжа

Американский подход к построению диалога между пропагандистами и целевой аудиторией был взят на вооружение террористами ИГИЛ. Они, в отличие от пропагандистов «Аль-Каиды» и других групп, не предпринимали односторонние «вбросы» информации, а устанавливали диалог с пользователями социальных сетей и убеждали их в своей идеологии. 2013 год стал для ИГИЛ «годом Твиттера»: в этой социальной сети было создано 60 тыс. учетных записей террористов и их последователей. Администрация Обамы столкнулась с новым типом пропаганды, которая рекрутировала новых членов организации в странах Запада в реальном времени. Мобилизация новых членов происходила во много раз быстрее, чем информационные контратаки или физическое уничтожение военных баз и лидеров организации. Например, теракты во Франции и США 2015 г. были осуществлены активными пользователями и читателями информации, исходящей из виртуальных аккаунтов ИГИЛ. Такие лозунги ИГИЛ, как «комфортабельная жизнь в Халифате», «бесплатная медицинская помощь», «бесплатные магазины с товарами из западных стран» оказались востребованными для малоимущих и уязвимых граждан США и Европы. Группировка ИГИЛ создала армию видеооператоров, продюсеров и редакторов, которые владели различными языками и современными методами создания масштабного ин-

²⁹ Russian Violations of Borders, Treaties, and Human Rights. Hearings before Committee on Foreign Relations. U.S. Senate June 076 2016. <https://www.foreign.senate.gov/hearings/russias-foreign-policy-violations-of-borders-treaties-and-norms-060716> (accessed January 09, 2017).

формационного потока. Именно американцы и европейцы, работавшие на ИГИЛ, создавали информационные ленты и определенные темы для дискуссий (хештеги), которые призывали молодежь присоединиться к созданию Халифата. В 2013–2015 гг. пропагандисты ИГИЛ опережали США по созданию призывов, сообщений и хэштегов в социальных сетях и содействовали приезду около 3,000 граждан стран Запада в Халифат.

Такая ситуация создала кризис в администрации Б. Обамы. Вашингтону не удалось быстро выработать стратегию контрпропаганды, найти финансовые ресурсы и экспертов, которые бы могли выстроить опережающие информационные потоки против пропаганды. Проведение кампании против ИГИЛ было сначала возложено на Центр контртеррористических коммуникаций, Однако незначительное финансирование Центра (\$5–6 млн в год) и маленький штат сотрудников сразу же предопределили неэффективность информационной деятельности США против ИГИЛ в Интернете. Самым известным проектом Центра стала пропагандистская кампания, известная в социальных сетях как @ThinkAgainTurnAway («Подумай еще раз, поверни назад»). Информация, опубликованная в рамках данного профиля, призывала арабскую и западную молодежь не поддерживать Халифат. Однако число подписчиков и читателей новостей ИГИЛ значительно превышало число подписчиков аккаунтов, содержащих антитеррористические лозунги Госдепартамента.

Провал американской информационной кампании заставил специалистов изменить подход к транслированию содержания роликов: вместо серьезного тона США решили высмеивать высказывания и действия ИГИЛ. Центр выпустил серию из 300 короткометражных видео на арабском и английском языках, наполненных острой иронией и сарказмом, под общим названием «Добро пожаловать на землю ИГИЛ» (Welcome to ISIS Land). Одно из основных видео проекта получило название «Бегите, а не просто идите на землю ИГИЛ» (Run, not walk to ISIS Land). Ролик был опубликован на канале YouTube и получил солидный успех: его просмотрело около 1 млн человек. В нем были цинично продемонстрированы сцены взрыва мечети, убийства мусульман и прочие кадры жестокого обращения с людьми и ресурсами. Однако реакция террористов не заставила себя долго ждать. Они ответили на послание США подобной пародией — «Бегите, а не просто идите в террористическое государство США» (Run Do Not Walk to U. S. Terrorist State), которую также просмотрело около 1 млн человек. Снова пропаганда США была уравновешена пропагандой ИГИЛ. За всю историю существования публичной дипломатии США впервые столкнулись с эффективными действиями своих противников и не смогли подобрать яркого лозунга для привлечения

внимания потенциальных последователей идеологии терроризма. Эффективность работы Центра оставалась на низком уровне, и в конце 2015 г. президент Обама прекратил его работу [Цветкова, 2017].

В самом начале 2016 г. новый помощник госсекретаря по публичной дипломатии Ричард Стенгел, который возглавлял журнал Time, предложил администрации Б. Обамы другой подход в создании и распространении информации против ИГИЛ в социальных сетях. Стенгел предложил Обаме задействовать популярных блоггеров разных стран, а также массу неправительственных организаций, которые будут высказываться против ИГИЛ и увлекать уязвимую молодежь на сторону добра. Стенгел был сторонником стратегии привлечения специалистов и руководства таких компаний, как Google, Facebook и Twitter для проведения операции по уничтожению посланий террористов. Администрация Б. Обамы согласилась с новыми предложениями.

В январе 2016 г. Б. Обама подписал указ о создании новой организации — Центра глобального взаимодействия при Госдепартаменте, — который занимается только координацией работы активных и лояльных пользователей социальными сетями. Эти пользователи проводят информационные атаки против террористов. Центр занимается поиском и рекрутированные лояльных блоггеров среди молодежи в странах Европы, Ближнего Востока, Северной Африки и Юго-Восточной Азии. Для этого были инициированы сотни программ, саммитов и «круглых столов» для взаимодействия с блоггерами в разных частях света. Более \$10 млн было потрачено в 2016 г. на подобное обучение.

В Белый дом были также приглашены специалисты Google, Facebook и Twitter. Эксперты этих кампаний заявили, что возможность победить пропаганду ИГИЛ в сети Интернет при помощи информационных потоков является крайне сомнительной. Только ликвидация учетных записей террористов и физическое уничтожение пропагандистов ИГИЛ могут снизить масштабы пропаганды в социальных сетях. Такая компания, как Twitter, только за период с января по конец 2016 г. уничтожила более 125,000 профайлов, имеющих отношение к ИГИЛ.

К концу 2016 г. стал намечаться некоторый перелом в информационном противостоянии между США и ИГИЛ. На слушаниях в Конгрессе США Р. Стенгел заявил о падении числа твитов ИГИЛ на 50% и о возращении информации США против информации ИГИЛ как 6:1. Однако лозунги, посты и твиты США не выглядят убедительными. Большинство из них посвящено статистическим данным о масштабах уничтожения игиловцев в Сирии или Ираке, а не попыткам убедить пользователей не следовать идеологии терроризма. Отсутствие ярких и привлека-

тельных месседжей, которые бы вернули веру в США и их ценности, является основной проблемой информационной политики Вашингтона.

Результаты исследования

В ходе исследования были получены следующие результаты:

Во-первых, администрация Барака Обамы активно использовала теорию мягкой силы в своей публичной дипломатии до 2013 г. Затем идеи взаимодействия, сотрудничества и привлечения были заменены на концепции диалоговой пропаганды и стратегической коммуникации.

Во-вторых, цифровая дипломатия как средство мобилизации либеральной оппозиции в глобальном масштабе была предложена администрацией Барака Обамы. Цифровая дипломатия стала основным инструментом публичной дипломатии США, подвинув такие традиционные инструменты как обмены в области образования и культуры.

В-третьих, президент вернул в информационную политику США такую целевую аудиторию как Русский Мир, а пространство Евразии и Восточной Европы стали эпицентрами информационного противостояния между США и Россией.

В-четвертых, администрация Б. Обамы столкнулась с крайне эффективной пропагандой экстремистов в социальных сетях, которые использовали подходы цифровой дипломатии, разработанные американскими экспертами. Администрации США не удалось выработать эффективный контрмесседж против пропаганды джихада и только помощь экспертов таких компаний как Google, Facebook и Twitter в ликвидации профилей террористов способствует некоторому успеху информационной кампании США.

Анализ результатов исследования

Стратегическая коммуникация как новый концептуальный базис публичной дипломатии заменила концепцию мягкой силы. Во многом произошло это в силу ухода госсекретаря Х. Клинтон, которая выступала проводником идей Ная, в силу изменения международной ситуации и бурного развития глобального информационного пространства. Вашингтону стало сложнее продвигать свою повестку дня и ценности среди разнообразных информационных потоков, идущих со стороны России, Китая, Ирана и т.д. Стратегическая коммуникация/пропаганда позволяет эффективнее находить консенсус с целевой аудиторией, чем долгосрочные программы обменов, культурного взаимодействия и т.п.

Использование цифровых технологий для решения задач внешней политики является одной из самых заметных деяний Б. Обамы. Ни одна другая администрация не могла так широко использовать новинки техники и технологий в публичной дипломатии. Нельзя, например, утвер-

ждать, что появление телевидения и его использование в культурной дипломатии США в период «холодной войны» как-то кардинально изменило культурную дипломатию. Барак Обама кардинально изменил вектор публичной дипломатии: коммуникация движется от правительства США к зарубежному блоггеру, минуя правительства зарубежных стран. Однако мобилизация оппозиции при помощи цифровой дипломатии имеет и другую сторону — революции, хаос, гражданские войны и радикализация самой оппозиции. Наследие цифровой дипломатии Обамы осталось в законах о финансировании внешней политики США. Отдельная статья об защите Интернет-свободы требует от последующих администраций Белого дома выделять средства в размере 50 млн долл на прямой диалог с демократическими элементами в других странах [Цветкова, 2016].

Продолжая дискуссию о месте России в публичной дипломатии США, мы можем подчеркнуть, что несмотря на политику российского правительства в отношении политически ангажированных американских организаций в России, США нашли новые способы доступа и влияния на российских активистов и граждан. Администрация Обамы вернула в современную публичную дипломатию некоторые старые методы «холодной войны»: опора на диссидентов и поддержание либерального дискурса через пропаганду. И новому президенту сложно будет остановить инерцию этих программ и проектов, которые обеспечены финансированием, по крайней мере, до 2018 г.

Поводя итоги информационного противостояния между США и ИГИЛ, можно утверждать, что некоторому повышению эффективности пропаганды США способствовали американские компании, которые удаляют из своих сетей нежелательный контент. Однако это не тот метод, который способен обеспечить окончательную победу США в информационном противостоянии. Наличие других социальных сетей, на которые не распространяется контроль американских компаний, позволяет ИГИЛ беспрепятственно распространять свою пропаганду на целевые аудитории стран Европы, Африки, Ближнего Востока и Азии.

Заключение

Барак Обама войдет в историю как президент, который ввел пропаганду, элементы политической кампании, политического маркетинга и социальных сетей в публичную дипломатию, которая все чаще называется «стратегической коммуникацией». Месседж и реакция на информацию противников стали центральными в новой публичной дипломатии. Цифровая дипломатия, прямой диалог с зарубежной общественностью и создание пула лояльных блоггеров и диссидентов не скоро исчезнут из публичной дипломатии многих стран. США, Россия,

Франция, Германия, Иран, Турция, Китай и другие страны стали потребителями новшеств Б. Обамы и ввели многие методы стратегической коммуникации США в свою внешнюю политику.

В силу глубоких трансформаций, сделанных Б. Обамой, администрация Д. Трампа не сможет что-то быстро и радикально изменить. Такие проекты как борьба против пропаганды ИГИЛ в социальных сетях, консолидация аппарата пропаганды и международного вещания, поддержка информационных проектов в странах Восточной Европы и постсоветского пространства, направленная на мобилизацию русскоязычного населения будут продолжены, а активное использование социальных сетей новым президентом останется одним из эффективных инструментов стратегической коммуникации США.

Литература

1. Великая А. Публичная дипломатия как инструмент международного диалога // *Международная жизнь*. 2016. N 2. С. 154–164.
2. Лебедева О. В. Особенности института публичной дипломатии в России // *Международная жизнь*. 2015. N 6. С. 41–55.
3. Стихин А. Е. Глобальные интернет-сервисы в структуре инструментов американской внешней политики // *Международные процессы*. 2014. Т. 12. N 36–37. С. 105–116.
4. Цветкова Н. А. «Русский Мир» в публичной дипломатии США: направления на 2015–2018 гг. // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2016. N 8. С. 59–72.
5. Цветкова Н. А. Программы Web 2.0. В публичной дипломатии США // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2011. N 3. С. 109–122.
6. Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США // *Международные процессы*. 2015. N 3. С. 121–133.
7. Цветкова Н. А. США — ИГИЛ: информационное противостояние: кто побеждает в социальных сетях? // *Азия и Африка*. 2017 N 2 (в печ.).
8. Clinton H. *Hard choices*. New York: Simon & Schuster, 2014.
9. Cull N. J. The long road to public diplomacy 2.0: the internet in us public diplomacy // *International studies review*. 2013. Vol. 15(1). P. 123–139.
10. Hayden G. *The rhetoric of soft power: public diplomacy in global contexts*. New York: Lexington Books, 2012.
11. Metzgar E. T., Lu X. Tweeting the pivot? The United States and PD 2.0 in Northeast Asia // *Place branding and public diplomacy*. Vol. 11(3). P. 204–215.
12. National defense authorization Act for fiscal year 2017. Public Law 114–328. [Электронный ресурс] // U. S. Congress. URL: <https://www.congress.gov/> (дата обращения 09.01.2017).

13. Russian violations of borders, treaties, and human rights. Hearings before committee on foreign relations. U. S. Senate. June 07, 2016. [Электронный ресурс] // U. S. Senate. URL: <https://www.foreign.senate.gov/hearings/russias-foreign-policy-violations-of-borders-treaties-and-norms-060716> (дата обращения 09.01.2017).
14. Techcamp in Kyiv: building a bridge between civil society and technology. A letter from Mills, Cheryl and Ross, Alec to Clinton, Hilary. Doc. No c05792554. [Электронный ресурс] // WikiLeaks. URL: https://wikileaks.org/clinton-emails/clinton_email_november_release/c05792554.pdf (дата обращения 09.01.2017).
15. Zaharna R.S. Battles to bridges: US strategic communication and public diplomacy after 9/11. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014.

BARACK OBAMA'S LEGACY IN PUBLIC DIPLOMACY

Natalia Tsvetkova

Abstract: *The research paper discusses the legacy of the Obama administration in the field of public diplomacy. Following reforms are examined: a fundamental shift from the soft power concept to strategic communication in the strategy of the public diplomacy, digital diplomacy introduced by the Obama Administration, a new information confrontation unfolded between the United States and Russia for winning Russian World, notably Russian-speaking population in the countries of Eastern Europe and the post-Soviet space, and U.S. information campaigns against the ISIL propaganda in social media. The study concludes by discussing the legacy of the Obama Administration in terms of public diplomacy and international communication policies.*

Keywords: *U.S. public diplomacy, strategic communication, propaganda, soft power, Russian World, Russia, ISIL (terrorist organization banned in Russia), digital diplomacy, social networks, message.*

References

1. Clinton, H. (2014). *Hard choices*. New York: Simon & Schuster.
2. Cull, N. J. (2013) The long road to public diplomacy 2.0: the internet in us public diplomacy. *International studies review*, 15(1), 123–139.
3. Department of State. (2012). *Techcamp in Kyiv: building a bridge between civil society and technology*. A letter from Mills, Cheryl and Ross, Alec to Clinton, Hilary. Doc. No c05792554. Retrieved from: https://wikileaks.org/clinton-emails/clinton_email_november_release/c05792554.pdf.
4. Hayden, G. (2012). *The rhetoric of soft power: public diplomacy in global contexts*. New York: Lexington Books.
5. Lebedeva, O.V. (2015). Specifics of Russian Public Diplomacy. *International Affairs*, 6, 41–55.

6. Metzgar, E. T., Lu, X. (2012). Tweeting the pivot? The United States and PD 2.0 in Northeast Asia // *Place branding and public diplomacy*, 11(3), 204–215.
7. Stikhin, A. E. Global internet services as a US foreign policy tool. *International Trends*, 12 (36–37), 105–116.
8. Tsvetkova, N. (2011). U. S. Web Public Diplomacy. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 3, 109–122.
9. Tsvetkova, N. (2016). New Forms and Elements of US Public Diplomacy. *International Trends*, 13(3), 121–133.
10. Tsvetkova, N. (2016). *Russkiy Mir* In American Public Diplomacy: New Directions (2015–2018). *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 8, 59–72.
11. Tsvetkova, N. (2017). Information Warfare between the U.S. and the ISIL in Social Media: Who is winning?. *Aziya i Afrika segodnya*, 2 (in press).
12. U. S. Congress. (2017). *National defense authorization Act for fiscal year 2017*. Public Law 114–328. Retrieved from: <https://www.congress.gov/>.
13. U. S. Senate. (2016). *Russian violations of borders, treaties, and human rights*. Hearings before Committee on Foreign Relations. June 07, 2016. Retrieved from: <https://www.foreign.senate.gov/hearings/russias-foreign-policy-violations-of-borders-treaties-and-norms-060716>.
14. Velikaya, A. (2016). Public Diplomacy as an Instrument for International Dialogue. *International Affairs*, 2, 154–164.
15. Zaharna, R.S. (2014). *Battles to bridges: US strategic communication and public diplomacy after 9/11*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Информация об авторе:

Цветкова Наталья Александровна

профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Россия), доктор исторических наук (Санкт-Петербургский государственный университет 2015) и Ph.D. в области социальных наук и бихевиоризма (Университет Гронингена, Нидерланды, 2011). Адрес электронной почты: n.tsvetkova@spbu.ru

Natalia Tsvetkova

professor at American Studies Department, St. Petersburg State University, Russia. She is Doctor of Science in History (St. Petersburg State University 2015) and Ph.D. in Social and Behavioral Sciences (Groningen University, Netherlands 2011)

Email: n.tsvetkova@spbu.ru

ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ЭСТОНИИ

П. В. ОСКОЛКОВ

Аннотация. Правый популизм является одним из наиболее существенных явлений в развитии политической системы современного Европейского союза, и случай Эстонии, как страны, в 2004 году вошедшей в ЕС после периода посткоммунистической трансформации, представляет особый интерес. В то же время, тема достаточно слабо изучена в отечественной политической науке, будучи объектом интереса, преимущественно, восточноевропейских учёных.

Правый популизм в исследовании рассматривается как стратегия политической борьбы, содержащая две дихотомии — вертикальную (противопоставление «народа» и «элиты») и горизонтальную (противопоставление «своих» и «чужих»).

С использованием сравнительно-аналитического, дискурсивного, институционального и системного методов анализируется история правопопулистских структур в Эстонии, современное состояние, общественная рецепция, ценностные ориентации и программные пункты эстонских правых популистов. Особое внимание уделяется евроскептицизму в эстонском политическом дискурсе и факторам роста общественной поддержки праворадикальных лозунгов.

В результате исследования делается вывод о том, что после периода маргинализации правопопулистской активности она вновь набрала популярность в контексте европейского иммиграционного кризиса и общеевропейского правопопулистского подъёма. Наибольшими перспективами политического участия и возможностями влияния на принятие политических решений обладает Эстонская консервативная народная партия, которой удалось избежать маргинализации и привлечь электорат материнских организаций. Это партия олигархического типа, для которой характерен (относительно) жёсткий евроскептицизм, антииммиграционная и антироссийская риторика. В то же время, поддержка правых популистов в Эстонии ситуативно обусловлена и находится на уровне ниже среднего по Европейскому союзу.

Ключевые слова: популизм; евроскептицизм; Эстония; EKRE.

Введение. В современном Европейском союзе, как в любом динамично развивающемся объединении, существует возможность для развития политических явлений самого разного порядка. Среди них стабильно занимает свою нишу правый популизм, который, будучи одним из неизбежных следствий демократического развития, в то же время способен угрожать стабильности ЕС и его единству. Сейчас, после многочисленных электоральных успехов правопопулистских партий, мы видим, что влияние правого популизма на европейскую политику нельзя преуменьшать. Следовательно, необходимо совершенствовать теоретическую и эмпирическую базу исследований и заполнять существующие пробелы в изучении этого ключевого для понимания функционирования европейских политий явления.

Эстония представляет собой особый интерес для исследователя правого популизма, будучи одним из относительно новых членов ЕС и имея в анамнезе опыт нахождения в ином государственном образовании. При этом с точки зрения политической культуры Эстония находится на стыке восточноевропейского и североευропейского ареалов, что открывает дополнительные углы обзора. Помимо европейской культурной общности, страна входит также в условную группу стран Балтии, обладающих своими специфическими характеристиками.

Тема эстонского правого популизма в отечественной науке весьма слабо изучена, т.к. изучение политических процессов в балтийском регионе или монополизировано весьма специфическими научно-исследовательскими группами, зачастую ставящими политические цели выше научных (в качестве одного из примеров можно назвать фонд «Историческая память»), или сконцентрировано на внешнеполитических и внешнеэкономических аспектах (что характерно для чрезвычайно развитой и авторитетной школы балтийских исследований МГИМО). Из немногочисленных отечественных исследователей необходимо назвать Д. А. Ланко и Н. В. Еремину (оба представляют факультет международных отношений СПбГУ). В зарубежной литературе, что естественно, тема представляет особый интерес для эстонских учёных, среди которых необходимо выделить А. Казекампа (Тартуский университет), Э. Лийвика (Академия национальной безопасности Эстонии), В. Полещука (Центр прав человека, Таллин) и В. Пециниса (Тартуский университет).

Теоретические основания исследования. Популизм можно понимать как стратегию политической борьбы (характерной, соответственно, в первую очередь для политических партий), основанную на противопоставлении элиты остальному населению, привносящую в политику оценочный «моралистский» элемент (однозначная «чёрно-белая» пара-

дигма). Для него также характерна конспирологичность, подчёркнуто «опрошённая» риторика, предпочтение прямой демократии и харизматического лидерства [Vossen, 2010, p. 24]. Правый популизм отличается трёхсоставным ядром из непосредственно популизма, нативизма (как сочетания позитивного и негативного национализма) и авторитаризма [Mudde, 2010, pp. 1173–1175]. Также помимо неизбежной вертикальной дихотомии «элита vs. народ» правый популизм задействует горизонтальную дихотомию «свои» vs. «чужие», при этом «чужая» группа может выделяться и по этническому, и по религиозному, и по социальному признаку. От правоэкстремистских организаций правые популисты отличаются тем, что обычно не прибегают к политическому насилию, не имеют военизированных подразделений и стремятся действовать в рамках либеральной демократии, хотя и пытаются расширять границы допустимого; не ставится под сомнение необходимость действовать в сложившемся правовом поле [Grabow, Hartleb, 2013, pp. 18–19].

Исследование: основная часть. Наша гипотеза состоит в том, что правый популизм является одним из структурных компонентов эстонского политического поля и представлен ограниченным числом акторов, имеющих возможности влияния на процесс принятия политических решений. При этом современный правый популизм в Эстонии, согласно нашей гипотезе, сформировался лишь во втором десятилетии XXI века вследствие ряда изменений в общеевропейской политической конъюнктуре, и не опирается на постоянную широкую общественную поддержку.

Методология исследования. В рамках исследования был проанализирован большой массив как первоисточников, представленных партийными программами, интервью и мемуарной литературой, так и вторичной литературы, включающей в себя статьи и монографии, посвящённые теме исследования. Из общенаучных методов исследования, наряду с классическими приёмами индукции и дедукции, анализа и синтеза, в работе применяется логико-интуитивный метод. Из политологических методов используется метод сравнительного анализа, позволяющий сопоставить признаки и базовые идеологемы правого популизма и евроскептицизма в различных странах, положение различных акторов в рамках одной политики, дискурсивный метод, подразумевающий изучение языкового поведения и символической картины мира основных акторов, институциональный метод (применительно к политическим партиям), а также системный метод, который позволяет поместить отдельных акторов в более широкие национальный, субрегиональный, региональный и макрорегиональный контексты.

Процедура исследования. Предтечей современных эстонских правых популистов часто считается Эстонская партия национальной независимости (Eesti Rahvuslik Sõltumatus Partei), которая в 1988 г. стала первой партией, оппозиционной КП ЭССР, и в 1995 г. влилась в партию Pro Patria [Auers, Kasekamp, 2015, p. 144]. Именно усилиями этой партии был принят Закон о гражданстве 1993 г., исключающий автоматическое получение гражданства лицами, чьи предки не были гражданами ЭР до 1940 г. Также стоит упомянуть Эстонский центральный союз националистов (Eesti Rahvuslaste Keskliit, ERKL), созданный в 1994 г. под руководством бывшего диссидента Тийта Мадиссона. Однако партию можно относить к правопопулистскому лагерю лишь до парламентских выборов 1995 г.: набрав на них только 0,9% голосов, Мадиссон решил перейти к незаконным средствам борьбы и правому экстремизму, и в 1996 г. был арестован по подозрению в подготовке государственного переворота. После этого партию решили не регистрировать, и она распалась. Несмотря на ультранационалистическую риторику, Союзом националистов предпринимались попытки создания своеобразного экстремистского интернационала: отмечены регулярные контакты Мадиссона с представителями Русского национального единства, отколовшейся от него Русской национал-патриотической партии, ЛДПР и финскими ультраправыми [Poleshchuk, 2005, p. 57].

К 1995 г. праворадикальная и правопопулистская волна, порождённая чрезвычайными условиями после обретения независимости, сошла на нет, и осталась представлена мелкими маргинальными движениями, неспособными пройти в парламент; одной из причин можно назвать отсутствие ярких харизматических лидеров, на влиянии которых, как мы отмечали ранее, строится успех правопопулистской партии (см. также далее о Партии независимости Эстонии) [Poleshchuk, 2005, p. 57]. Когда перспектива вступления Эстонии в Европейский союз стала очевидной, на волне стихийного евроскептицизма в 1999 г. была образована Республиканская партия Кристьяна-Олари Лепинга, которая позиционировала себя как партия «новых правых». Однако она не принимала участия ни в одних парламентских выборах, а в 2012 г. влилась в Партию независимости Эстонии.

В настоящий момент, по данным большинства исследователей феномена в данном регионе, в Эстонии идеологии и стратегии правого популизма привержены две политические партии: Партия независимости Эстонии (Eesti Iseseisvuspartei, EIP) и Эстонская консервативная народная партия (Eesti Konservatiivne Rahvaerakond, EKRE). Если пер-

вая имеет достаточно долгий, хотя и неудачный, опыт политической борьбы (основана в 1999 г., принимала участие в парламентских выборах в 2003, 2007, 2011 и 2015 гг., ни разу не набрав более 0,2–0,5 % голосов), то вторая возникла лишь в 2012 году в результате слияния непарламентского Эстонского народного движения (Eesti Rahvuslik Liikumine, ERL) и побывавшего в парламенте Народного союза (Eestimaa Rahvaliid), основанного экс-президентом Арнольдом Рюйтелем. Народный союз потерпел сокрушительное поражение на выборах 2011 г. и распался. Из нынешних 8008 членов EKRE (по состоянию на июль 2016) большинство были членами Народного союза (включая Марта Хельме — см. далее), и юридически EKRE является правопреемником последнего, т.к. при объединении не было создано нового юридического лица, а лишь изменено наименование. В числе причин для принятия такого решения лидеры партии называют нежелание идти на конфликт с влиятельными политиками Народного союза, желавшими преемственности, а также нежелание потерять государственное финансирование, которое, хоть и в урезанном после выборов объёме, получал Rahvaliid [Kangur, 2016, p. 188]. Также «в наследство» от Народного союза EKRE получила существенную часть сельского электората. Однако можно считать, что партия является наследником обеих организаций, т.к. её лидер Мартин Хельме до 2012 г. был председателем как раз ERL, и от ERL к партии перешли избиратели из числа т.н. «разочарованной молодёжи».

В списке правых популистов исследователь Э. Лийвик называет также Эстонскую партию свободы — Фермерскую ассамблею (Eesti Vabaduspartei — Põllumeeste Kogu), однако в настоящее время она политически не функционирует, хотя и не будучи официально распущена [Liivik, 2015, p. 87].

В отличие от классической модели правопопулистской партии, EKRE — партия не авторитарная, а олигархическая: фракцию в Рийгикогу (парламенте) возглавляет харизматический лидер Мартин Хельме, саму партию — его отец Март Хельме; из-за схожести имён в российской прессе их зачастую путают либо объединяют в одну, достаточно демоническую, фигуру. Сам Хельме пишет, что «довольствуется ролью серого кардинала» [Kangur, 2016, p. 188]. Помимо семьи Хельме, на принятие решений в партии непосредственное влияние оказывает ряд политиков, находившихся на руководящих постах партий Eestimaa Rahvaliid и Eesti Rahvuslik Liikumine: заместитель председателя Мерри Аарт, Райво Пыльдару, Арно Сильд, и т.д. EKRE, таким образом, можно сравнить с бельгийской партией «Фламандский интерес», где влияние

на процесс принятия политических решений равномерно распределено между ключевыми фигурами, «отвечающими» за определённые тематические блоки³⁰.

В своей программе партия подчёркивает кризисное состояние эстонской экономической и политической системы, являющееся результатом «недемократической централизации управления и монополизации СМИ» [Liivik, 2015, p. 98], обвиняет Европейский союз в превращении Эстонии в своего «вассала». Сразу после основания EKRE заявила одним из программных пунктов невыполнение обязательств в рамках Европейского стабилизационного механизма [Kund, 2015]. Евросоюз видится партии неповоротливой бюрократической структурой, бесконечно далёкой от европейских граждан с их насущными проблемами [Petsinis, 2016]; во многом из-за подобных пунктов программы партия активно поддержала Brexit и даже устроила манифестацию в его поддержку. В программе EKRE мы читаем: «Членство в ЕС и наличие единой валюты не должно ограничивать суверенитет Эстонии и препятствовать её развитию»³¹.

В рамках традиционной дихотомии евроскептицизма, предложенной в классической работе П. Таггарта и А. Щербяка, EKRE нельзя однозначно расположить в лагере «жёстких евроскептиков», однако к данному флангу они значительно ближе, чем «мягкие», требующие лишь незначительных реформ в функционировании аппарата ЕС. Жёсткие евроскептики принципиально возражают против «излишне капиталистической /социалистической/неолиберальной/бюрократической» сущности ЕС и требуют пересмотра условий, на которых их страна вошла в Союз [Taggart, Szczerbiak, 2002, p. 7], — налицо параллели с риторикой EKRE; однако партия не является партией «одной идеи» (евроскептической) и не требует немедленного выхода из объединения.

Необходимо отметить, что в Эстонии, как и в двух других балтийских государствах, евроскептицизм имеет под собой основание, которого нет в других членах ЕС расширения-2004: «переход из одного союза в другой», смена «диктата Москвы» на «диктат Брюсселя» [Mikkel, Kasemäe, 2008, p. 296].

³⁰ См. Осколков П.В. «Сначала наш народ»: историко-политический обзор ультраправых партий Бельгии // Русская idea. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://politconservatism.ru/articles/snachala-nash-narod-istoriko-politicheskiy-obzor-ultrapravvykh-partiy-belgii> (дата обращения: 12.01.2017)

³¹ EKRE Programm // EKRE. 2015 [Electronic resource]. URL: <https://ekre.ee/wp-content/uploads/2015/07/EKRE-PROGRAMM-KONSERVATIIVNE-PROGRAMM.pdf> (date of access: 12.01.2017)

Кроме евроскептицизма и противодействия инокультурной иммиграции (известность получило скандальное высказывание Мартина Хельме «kui on must, näita ust» — букв. «покажи чёрному на дверь», которое тот сделал в мае 2013 г. в программе «Клуб свободной мысли» таллинского телевидения³²), в центре внимания партии находятся однополые браки (EKRE провела несколько митингов против т.н. «закона о сожительстве», ставящего однополый брак в практически равное положение с разнополым) и подписание пограничного договора с Российской Федерацией (несмотря на протесты партии и ряда других политиков, договор всё же был подписан в 2014 г.). В организации акций протеста немаловажную роль играет молодёжное крыло партии — Sinine Äratust («Синее пробуждение»), которое на регулярной основе устраивает факельные шествия с лозунгами «За Эстонию» (Eesti eest) и, что встречается реже, «За Эстонию эстонцев» (eestlaste Eesti eest).

Антироссийская риторика, находящаяся не на последнем месте в партийной идеологии, подчёркнуто не распространяется на этнические русские — жителей Эстонии [Petsiniis, 2016]; Россия рассматривается как страна с враждебным Эстонии политическим режимом, *но не* как страна, в целом враждебная Эстонии.

При всём этом, EKRE достаточно успешна по эстонским меркам — на выборах в Рийгикогу в 2015 г. она получила 8,1 % голосов и 7 мест. EIP же, в отличие от достаточно крупной EKRE, является маргинальной партией, явственно противостоящей доминирующему дискурсу [Liivik, 2015, p. 96]. В отличие от Консервативной народной партии, Партия независимости не стремится скрыть определённую симпатию к нацистской идеологии, что, впрочем, было бы затруднительно, т.к. многие нынешние члены партии и её координационного совета ранее принадлежали к движению эстонских НС-скинхедов³³. В EIP намного меньше членов (2061 по состоянию на июль 2016 г.), её программа характеризуется более радикальным евроскептицизмом — из неё следует, что Эстонии необходимо «вернуть независимость», выйдя из Европейского союза, а само вступление было антиконституционным актом³⁴. При этом под-

³² Teder M. Martin Helme soovitus immigratsioonipoliitikaks: kui on must, näita ust // Postimees. 2013 [Electronic resource]. URL: <http://www.postimees.ee/1252028/martin-helme-soovitus-immigratsioonipoliitikaks-kui-on-must-naeita-ust> (date of access: 12.01.2017)

³³ Rand E. Kapo: neonatsid loodavad Iseseisvusparteile // Delfi. 2009 [Electronic resource]. URL: <http://epl.delfi.ee/news/eesti/kapo-neonatsid-loodavad-iseseisvusparteile?id=51165560> (date of access: 28.07.2016)

³⁴ EIP programm jaanuar 2014 // Eesti Iseseisvuspartei. 2014 [Electronic resource]. URL: <http://iseseisvuspartei.ee/pohidokumendid/programm/> (date of access: 28.07.2016)

чёркивается, что Эстония должна стать «новоавтаркическим геополитическим пространством» [Leito, 2015, p. 183]. Д. Ауэрс и А. Казекамп отмечают, что Велло Лейто, на конспирологических и антиглобалистских тезисах которого основана партийная идеология, нельзя назвать харизматическим лидером [Auers, Kasekamp, 2013, p. 236]. В 2015 г. на посту председателя его сменил скандально известный писатель Свен Сильдник (Кивисильдник). На выборах в Рийгикогу в 2015 г. партия набрала 0,2 % голосов, не получив парламентского представительства.

Стоит упомянуть, что некоторые исследователи, в частности, Д. А. Ланко, трактуют понятие «популизм» шире, чем мы определили в начале статьи, и, руководствуясь наличием только одного признака, причисляют к правопопулистским партии, далёкие от популизма и ультраправой риторики (эстонскую партию Res Publica по признаку нарушения дискурсивного табу на отрицание «эстонского экономического чуда») [Ланко, 2009, с. 221].

Э. Лийвик отмечает существенный рост политической активности праворадикальных и правопопулистских сил в Эстонии после 2008 г., когда во власть «прорвались» их идеологические соратники в ряде стран Западной Европы [Liivik, 2015, p. 93]. Действительно, за всё время, прошедшее с момента восстановления независимости, из праворадикального лагеря только движение «Эстонский гражданин» под руководством полковника Юри Тоомепуу прошло в Рийгикогу в 1992 году, набрав 7 % голосов [Auers, Kasekamp, pp. 236–237] (распалось в 1995). На примере Эстонии видна ситуативная обусловленность поддержки ультраправых лозунгов: согласно опросу, проведённому Институтом исследования общественного мнения, в течение недели после террористических актов в Брюсселе 22 марта 2016 г. рейтинг партии EKRE сравнялся с показателями двух партий-лидеров — Центристской (26 %) и Партии реформ (20 %), составив 19 %³⁵. В июне рейтинг EKRE уже «откатился» назад к 13 %.

Латвия в таком узконаправленном аспекте как правый популизм демонстрирует совершенно иную динамику, чем Эстония. В частности, индекс DEREK (DEmand for Right-Wing EXtremism, его вычислением занимаются фонд «Политический капитал», Фонд Фридриха Эберта и фонд «Открытое общество»), в трёх балтийских странах различен: в 2008–2009 гг. он составил 6 в Эстонии (в 2015 г. 5), 20,8 в Латвии и 13,3 в Литве (в 2015 г. 7)³⁶ (в Латвии после 2009 г. соответствующие исследо-

³⁵ Pärli M. Kivirähk: Läänerindel muutuseta // Eesti Rahvusringhääling. 2016 [Electronic resource]. URL: <http://uudised.err.ee/v/eesti/2f9ebd82-c6dd-46e9-b993-a0b6a666681e/kivirahk-laanerindel-muutuseta> (date of access: 16.11.2016)

³⁶ Countries // DEREK Index [Electronic resource]. URL: <http://www.derexindex.eu/countries> (date of access: 23.07.2016)

вания не проводились). Средний показатель для ЕС в 2015 г. — 7, и мы видим, что Эстония демонстрирует даже меньший уровень спроса на правый популизм, чем среднестатистическая страна Евросоюза; однако, поскольку для 23% эстонских избирателей проблема иммиграции стоит на первом месте в списке причин для беспокойства³⁷ (центр для беженцев в уезде Ляэне-Вирумаа неоднократно подвергался вандализму), в этом аспекте эстонские правые популисты весьма активны: EKRE провела в Таллине митинги против принятия беженцев по брюссельским квотам, где дети стояли с плакатами «Дядя Таави, не отдавай наш хлеб иностранцам»³⁸.

Для латвийских правых популистов характерен антисемитизм, даже более выраженный, чем постоянно служащая поводом для возмущения пророссийских партий и движений русофобия: особенно на этом «фронте» отличается Латвийский национальный фронт Айварса Гарды. Евроскептицизм же для них не имеет такого значения, как в эстонском случае [Auers, Kasekamp, 2013, p. 241]. Также количество (ультра-)правых организаций в Латвии существенно больше: там по-прежнему партии для регистрации необходимо лишь 200 членов, в то время как в Эстонии с 1999 г. — как минимум 1000 [Liivik, 2015, p. 87], к тому же, для получения мест в Рийгикогу партии необходимо набрать как минимум 5% голосов. В результате в 2013 г. в Латвии было 73 зарегистрированных партии, а в Эстонии — 10 [Auers, Kasekamp, 2015, p. 145].

Называемая некоторыми исследователями праворадикальной коалиция «Национальный альянс» («Всё для Латвии» + ДННЛ) входит в правительство; при формировании нынешней (ноябрь 2016) правительственной коалиции в Эстонии председатель правящей Центристской партии Юри Ратас рассматривал возможность включения в коалицию EKRE³⁹, однако из-за позиции отдельных функционеров ЦП это стало невозможным.

³⁷ Pärli M. Eesti kodanikud peavad pagulasteemat probleemiks number üks // Eesti Rahvusringhääling [Electronic resource]. 2016. URL: <http://uudised.err.ee/v/e0703d37-ccc8-4837-9834-424db2d86b81> (date of access: 16.11.2016)

³⁸ Имеется в виду предыдущий премьер-министр Эстонии Таави Рыйвас. См.: Lakson P. Sajad inimesed kogunesid Toompeale immigratsiooni vastu meelt avaldama // Postimees. 2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.postimees.ee/3220945/fotod-ja-video-sajad-inimesed-kogunesid-toompeale-immigratsiooni-vastu-meelt-avaldama> (date of access: 16.11.2016)

³⁹ Привалова О. Ратас: присоединение EKRE и Свободной партии к коалиционным переговорам — вопрос пары дней // Delfi. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/ratas-prisoedinenie-ekre-i-svobodnoj-partii-k-koalicionnym-peregovoram-vopros-pary-dnej?id=76240965> (date of access: 12.01.2017)

Несмотря на разницу в положении, 23 августа 2013 г. ЕКРЕ, «Всё для Латвии» и непарламентский Союз литовских националистов (таутиники) подписали Декларацию Бауски, в которой призвали к новому национальному пробуждению балтийских стран и выступили против создания «Соединённых штатов Европы»⁴⁰. Также ЕКРЕ, латвийское «Национальное объединение» и праворадикальный Литовский национальный союз вместе с несколькими другими политическими партиями и движениями из Украины, Белоруссии и Грузии основала «Альянс балтийско-черноморских наций», декларация о чём была подписана в Киеве 5 декабря 2014 г. Организация была создана «для борьбы с имперской политикой России»⁴¹ — прежде всего, в информационном поле.

Результаты исследования. В середине 1990-х годы, после того как государственные институты ЭР были уже построены и стабилизировались, правопопулистская волна в Эстонии сошла на нет, правый популизм маргинализировался, как из-за отсутствия общественного запроса, так и из-за недостатка харизматических лидеров, необходимых для партийного строительства. Из существовавшей палитры в начале XXI века выделилось два актора, которые и определяют лицо эстонского правого популизма в настоящее время: Партия независимости Эстонии (EIP), хотя явственно присутствующая в политическом дискурсе, но маргинальная и не имеющая парламентских шансов, и Эстонская консервативная народная партия (ЕКРЕ), которая быстро набрала популярность на волне иммиграционного кризиса и вошла в Рийгикогу.

ЕКРЕ — олигархическая партия, к основным характеристикам которой относится жёсткий (с оговорками) евроскептицизм (имеющий под собой сугубо «балтийское» основание «перехода из одного союза в другой»), антииммиграционная риторика, противодействие однополым бракам, общая антироссийская настроенность (которая по возможности не переходит во внутриреспубликанскую «русофобию»).

При этом результаты опросов общественного мнения демонстрируют, что поддержка правопопулистских лозунгов ситуативно обусловлена, и в Эстонии её уровень ниже, чем в целом по ЕС. Исключение

⁴⁰ Национальные партии трех стран Балтии подпишут в латвийской Бауске совместную декларацию // Виру Проспект. 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://old.prospekt.ee/index.php?option=com_content&view=article&id=8498:2013-08-13-41-1&catid=61:2013-08-18-13-41-21 (дата обращения: 12.01.2017)

⁴¹ У Києві створили Альянс Балто-Чорноморських націй для боротьби з агресією Росії // Радіо Свобода. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.radiosvoboda.org/a/26727502.html> (дата обращения: 12.01.2017)

составляет иммиграционная проблема, которой граждане Эстонии весьма обеспокоены.

Анализ результатов. Проведённое исследование позволяет прийти к выводу, что правый популизм действительно занял свою нишу в эстонской политике. При этом действенный правый популизм представлен лишь одним немаргинализированным актором — Эстонской консервативной народной партией, которая представлена в парламенте и имеет возможность влиять на процесс принятия политических решений. При этом популярность партия EKRE получила лишь на пике европейского иммиграционного кризиса; к тому же, на тот момент правые популисты добились успеха в ряде других стран ЕС, что придало дополнительный импульс партийному строительству. Этим же обусловлена ситуативность поддержки правопопулистских лозунгов и, следовательно, достаточно неустойчивое положение правых популистов на политической сцене.

Необходимо отметить возможность расширения охвата понятия «эстонский правый популизм» на другие партии, т.к. партия «Союз Отечества и Res Publica» (IRL) не обладает главным признаком популизма — противопоставлением «элита vs. народ» и не удовлетворяет ряду других критериев правопопулистской партии (к примеру, она никогда не выступала за прямую демократию или — в той или иной степени — архаизацию общественного сознания); а Эстонская партия свободы — Фермерская ассамблея в настоящий момент не является актором политической борьбы, следовательно, должна быть в принципе исключена из подобных обзоров.

Если говорить о перспективах правого популизма в Эстонии, то, как уже было сказано, его популярность ситуативно обусловлена. Однако в настоящий момент лишь отсутствие достаточной политической воли помешало включению EKRE в правящую коалицию. Если в следующей каденции это случится, впрочем, можно ожидать, что позиции партии будут существенно смягчены, — проявляемая партийным руководством до настоящего времени идеологическая гибкость даёт основания для подобных ожиданий.

Заключение. Таким образом, эстонский правый популизм, зародившись одновременно с восстановлением независимости, находился в упадке с середины 90-х годов до нарастания правопопулистских тенденций в ЕС в целом в конце первой декады 2000-х. В настоящее время стратегия правого популизма олицетворяется в стране двумя действующими политическими силами, Партией независимости Эстонии и Эстонской консервативной народной партией (EKRE), причём реальные политические перспективы имеет только последняя. Будучи олигархиче-

ской и евроскептической (близкой к «жёсткому евроскептицизму», по классификации П. Таггарта и А. Щербяка) партией, EKRE в настоящий момент представлена в парламенте; существовали планы, впрочем, нереализованные, по включению её в нынешнюю (2017 г.) правящую коалицию. Партия также подтверждает тенденцию правопопулистских партий к использованию в дискурсе элементов архаики, выступая за возврат к доминированию национальных государств, этноцентризму (откуда вытекает антииммиграционная риторика), традиционной модели семьи и даже (что в условиях Эстонии достаточно оригинально) более существенной роли религии в жизни общества.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что, как и в большинстве стран Европы, в Эстонии правый популизм прочно занял предназначенную для него политическую нишу и, действуя через ограниченное число партийных структур, способен влиять на принятие политических решений в этой балтийской стране — что, собственно, и делает уже в настоящее время.

Литература

1. Ланко Д. Популизм и политическое участие: уличные беспорядки в странах Балтийского региона в 2007–2009 гг. // ПолитЭкс. 2009. Т. 5, № 2. С. 209–230.
2. Auers D. Comparing Radical-Right Populism in Estonia and Latvia / D. Auers, A. Kasekamp // *Right-Wing Populism in Europe: Politics and Discourse*. London, 2013. P. 235–248.
3. Auers D. The impact of radical right parties in the Baltic parties / D. Auers, A. Kasekamp // *Transforming the Transformation? The East European Radical Right in the Political Process*. London, 2015. P. 137–154.
4. Grabow K. Mapping Present-Day Right-Wing Populists / K. Grabow, F. Hartleb // *Exposing the Demagogues: Right-Wing and National Populists Parties in Europe*. Brussels, 2013. P. 13–44.
5. Kangur P. Mart Helme: õnnesärgis sündinud. Tallinn, 2016. 216 lk.
6. Kund O. EKRE — from club status to parliament rank // *Postimees*. 2015. 18 March [Electronic resource]. URL: <http://news.postimees.ee/3127159/ekre-from-club-status-to-parliament-rank> (date of access: 28.07.2016)
7. Leito V. Eesti ja geopoliitika. 2. osa. Tallinn, 2015. 200 lk.
8. Liivik E. Right-Wing Extremism and Its Possible Impact to the Internal Security of the Republic of Estonia // *Proceedings of Estonian Academy of Security Sciences*. 2015. № 14. P. 83–116.
9. Mikkel E. Emerging Party-Based Euroscepticism in Estonia / E. Mikkel, A. Kasekamp // *Opposing Europe? The Comparative Party Politics of Euroscepticism: Case Studies and Country Services*, vol. 1. Oxford, 2008. P. 295–313.

10. Mudde C. The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy // West European Politics. 2010. Vol. 33, № 6. P. 1167–1186.
11. Petsinis V. Contentious politics in the Baltics: the 'new' wave of right-wing populism in Estonia // Open Democracy. 2016. 28 April [Electronic resource]. URL: <https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/vassilis-petsinis/contentious-politics-in-baltics-new-wave-of-right-wing-populism> (date of access: 12.01.2017)
12. Poleshchuk V. Estonia // Racist Extremism in Central and Eastern Europe. London, 2005. P. 54–73.
13. Taggart P. The Party Politics of Euroscepticism in EU Member and Candidate States / P. Taggart, A. Szczerbiak // Opposing Europe Research Network Working Paper No 6. Sussex, 2002. 45 p.
14. Vossen K. Populism in the Netherlands after Fortuyn: Rita Verdonk and Geert Wilders Compared // Perspectives on European Politics and Society. 2010. Vol. 11, № 1. P. 22–38.

RIGHT-WING POPULISM IN CONTEMPORARY ESTONIA

Petr Oskolkov

Abstract. *Right-wing populism is one of the most significant phenomena in the contemporary European Union political system functioning; the case of Estonia being of especial interest as that of a country that entered the EU in 2004 after the period of post-communist transition. However, the subject was paid not enough attention in Russian political science, being predominantly in the focus of East European scientists.*

In the article, right-wing populism is considered to be a strategy of political struggle that means two dichotomies, i.e. a vertical (folk vs. elite) and a horizontal one (We vs. Others).

The history of right-wing populist structures in Estonia, their current position, public reactions, value orientations and programs of the Estonian right-wing populists are analyzed, whereby the comparative analysis, discursive, institutional and system methods are applied. Special attention is given to Euroscepticism in the Estonian political discourse and the factors of the rising popular support of right-wing appeals.

We came to the following conclusions: after a certain period of marginalization of right-wing populist activity, it has regained popularity thanks to the European immigration crisis and the right-wing populist wave in the whole EU. It is Estonian Conservative People's Party that has the biggest political participation capabilities and may influence the political decision-taking process. It was able to avoid marginalization and attract the electors of its parent organizations. This is an oligarchic-type party characterized by relatively hard Euroscepticism,

anti-immigration and anti-Russia rhetoric. However, we should note that right-wing populist support in Estonia is conditioned by current circumstances and is ranked below the EU average.

Key words: *populism; Euroscepticism; Estonia; EKRE.*

References

1. Auers D., & Kasekamp A. (2013). Comparing Radical-Right Populism in Estonia and Latvia. In R. Wodak, M. KhosraviNik, & B. Mral (Eds.), *Right-Wing Populism in Europe: Politics and Discourse* (pp. 235–248). London: Bloomsbury.
2. Auers D., & Kasekamp A. (2015). The impact of radical right parties in the Baltic parties. In M. Minckenberg (Ed.), *Transforming the Transformation? The East European Radical Right in the Political Process* (pp. 137–154). London: Routledge.
3. Grabow K., & Hartleb F. (2013). Mapping Present-Day Right-Wing Populists. In K. Grabow (Ed.), *Exposing the Demagogues: Right-Wing and National Populists Parties in Europe* (pp. 13–44). Brussels: Wilfried Martens Fonds.
4. Kangur P. (2016). *Mart Helme: õnnesärgis sündinud [Mart Helme: born lucky]*. Tallinn: Kunst.
5. Kund O. (2015). *EKRE — from club status to parliament rank*. Retrieved 28 July, 2016 from <http://news.postimees.ee/3127159/ekre-from-club-status-to-parliament-rank>.
6. Lanko D. (2009). Populizm i politicheskoe uchashtie: ulichnye besporjadki v stranah Baltijskogo regiona v 2007–2009 gg. [Populism and political participation: street riots in Baltic states in 2007–2009]. *PolitJeks*, 5 (2), 209–230.
7. Leito V. (2015). *Eesti ja geopolitika. 2. osa [Estonia and geopolitics. Vol. 2]*. Tallinn: Unikaalne Eestimaa.
8. Liivik E. (2015). Right-Wing Extremism and Its Possible Impact to the Internal Security of the Republic of Estonia. *Proceedings of Estonian Academy of Security Sciences*, 14, 83–116.
9. Mikkel E., & Kasekamp A. (2008). Emerging Party-Based Euroscepticism in Estonia. In P. Taggart & A. Szczerbiak (Eds.), *Opposing Europe? The Comparative Party Politics of Euroscepticism: Case Studies and Country Services, vol. 1* (pp. 295–313). Oxford: Oxford University Press.
10. Mudde C. (2010). The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy. *West European Politics*, 33, 1167–1186.
11. Petsinis V. (2016). *Contentious politics in the Baltics: the 'new' wave of right-wing populism in Estonia*. Retrieved 12 January 2017 from <https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/vassilis-petsinis/contentious-politics-in-baltics-new-wave-of-right-wing-populism>.
12. Poleshchuk V. (2005). Estonia. In C. Mudde (Ed.), *Racist Extremism in Central and Eastern Europe* (pp. 54–73). London: Routledge.

13. Taggart P., & Szczerbiak A. (2002). The Party Politics of Euroscepticism in EU Member and Candidate States. *Opposing Europe Research Network Working Paper*, 6, 1–45
14. Vossen K. (2011). Populism in the Netherlands after Fortuyn: Rita Verdonk and Geert Wilders Compared. *Perspectives on European Politics and Society*, 11 (1), 22–38.

Информация об авторе

Осколков Петр Викторович

аспирант кафедры интеграционных процессов; МГИМО МИД России; Россия; oskolkov.p.v@my.mgimo.ru

Petr Oskolkov

chair of Integration Processes, PhD student; MGIMO University; Russia; oskolkov.p.v@my.mgimo.ru

ЧТО МЫ ЗНАЕМ И НЕ ЗНАЕМ О РЕЖИМАХ И РЕЖИМНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ТРАНЗИТОВ

О. Г. ХАРИТОНОВА

***Аннотация.** Данная теоретическая статья посвящена обобщению состояния сравнительных исследований в области политических режимов, режимных изменений и перспектив демократизации после распада авторитаризма. Автор исследует типологии авторитарных политических режимов, особенности функционирования однопартийных, военных и персоналистских режимов и перспективы демократизации каждого типа авторитаризма. Главная методологическая проблема в исследовании политических режимов и использовании режимной переменной в сравнительных исследованиях заключается в концептуализации, классификации и операционализации политических режимов, в которых происходят или не происходят изменения. Каждый тип авторитарного режима имеет свою логику выживания и отличительную внутреннюю динамику, поэтому каждому более свойственны разные траектории режимных изменений. Политические режимы изменяются в результате гражданских войн и повстанческих действий, переворотов, революций, протестных действий и реформ. Эти события могут быть взаимосвязаны: реформы приводят к революциям и переворотам, перевороты стимулируют гражданские войны, а конфликты могут быть катализаторами демократического урегулирования. Методологические проблемы исследований режимных изменений включают растяжение концептов, концептуализацию успешных и неуспешных событий, а также выделение потенциально релевантных случаев для увеличения числа кейсов, так как исследуемые режимные изменения являются редкими событиями. Далее автор изучает политические изменения и место режимных изменений в теориях демократических транзитов и рассматривает преимущества и недостатки структурного и процедурного подходов к исследованию политических режимов и режимных изменений. Режимные изменения могут начинаться при разных сочетаниях структурных факторов, однако стремление раз-*

решить конфликты в институциональных рамках является следствием политической воли акторов конфликта. Акторы могут предотвратить восстания и революции, способствовать демократизации и препятствовать разжиганию конфликтов, однако политическая воля акторов, их стратегия и тактика пока может быть исследована только пост фактум, в качественных исследованиях или в казусно-ориентированных сравнениях.

Ключевые слова: *политический режим, режимное изменение, концептуализация, операционализация, структурный подход, процедурный подход*

Введение. Политические режимы изменяются в результате гражданских войн и повстанческих действий, переворотов, революций, протестных действий и реформ, а также вследствие действий внешних акторов. Они быть взаимосвязаны: реформы приводят к революциям и переворотам, перевороты стимулируют гражданские войны, а конфликты могут быть катализаторами демократического урегулирования.

Политологи, занимающиеся политическими режимами, изучают влияние этих событий на выживаемость авторитарных лидеров и прогнозируют вероятность распада режима через анализ рисков (переворотов, революций и пр.). Эти события могут быть взаимосвязаны. Так, реформ могут привести к революциям и переворотам, перевороты могут стимулировать гражданские войны и революции, а конфликты — могут стать катализаторами реформ или войн, провоцировать нестабильность и нарушать основы государственной состоятельности. Одни режимные изменения приводят к демократизации, другие — останавливают процесс транзита.

Согласно А. Пшеворскому, для смены режима необходимы либо раскол в элите, либо движение «снизу», причём они будут взаимно дополнять друг друга, так как раскол в элите будет стимулировать мобилизацию массовой оппозиции, а движение «снизу» обязательно вызовет раскол в элите. Поэтому «динамика распада режима представляет собой спираль из внутренних расколов и народной мобилизации» [Пшеворский, 2013, с. 426]. Распад режима представляет собой двуединство раскола в элите и массовой оппозиции. Если ранее раскол в элите часто проявлялся через попытки переворотов, то сейчас необходимо понять, какие новые стратегии свержения диктатора «сверху» придут на смену переворотам в ближайшем будущем.

Данная статья посвящена изучению состояния исследований политических режимов и режимных изменений в контексте демократических транзитов. Во-первых, будут рассмотрены различные типологии

политических режимов и методологические проблемы из изучения. Во-вторых, будут проанализированы режимные изменения и методологические трудности их концептуализации и операционализации. В-третьих, будут рассмотрены преимущества и недостатки структурного и процедурного подходов к анализу политических режимов и режимных изменений.

Политические режимы: состояние исследований

Несмотря на большой интерес к проблематике политических режимов и режимных изменений и огромное число исследований, ученые так не смогли прийти к единому мнению относительно их концептуализации. Главная методологическая проблема заключается в концептуализации, классификации и операционализации политических режимов, в которых происходят или не происходят изменения. Часто используется дихотомия (авторитаризм и демократия) и трихотомия, ранжирующая три типа политических режимов⁴². Если при использовании дихотомии главной проблемой будет определение границ между категориями, при использовании трихотомии — концептуализация промежуточной категории — гибридного режима. Так, ранг от минус пяти до плюс пяти по шкале Полити может означать множество разнообразных институциональных сочетаний переменных индекса (рекрутирование, соревновательность, участие), Гибридные режимы сочетают авторитарные и демократические институты и практики и представляют, по мнению Л. Морлино, «оптическую иллюзию», так как могут одновременно классифицироваться как «демократии с прилагательными» и «авторитаризмы с прилагательными». Гибридные режимы («соревновательный авторитаризм» Левицкого и Уэя, или «электоральный авторитаризм» Шедлера) представляют собой полудемократии разного типа, от приближающихся к электоральным демократиям по уровню плюрализма, конкурентности и соблюдению гражданских прав, систем с доминирующей партией, в которых правящая партия широко использует любые средства для превращения оппозиции во второстепенную силу, до персоналистских режимов, а также целый ряд промежуточных вариантов. Главное отличие подобных режимов от настоящих автократий — это готовность толерантно относиться к функционированию (но не победе) оппозиционных партий, существованию независимых СМИ и негосударственных организаций. Гибридный режим представляет

⁴² Например, свободный, частично свободный, несвободный (Дом Свободы), автократия, анократия и демократия (проекты Полити), авторитарный, гибридный и демократический.

собой наиболее концептуально размытую категорию, так как является результатом определенных сочетаний полуоткрытости, полусоревновательности, полурепрессии. Такое сочетание способствует организации протестов, восстаний и других форм гражданского насилия, в том числе вооруженных конфликтов. Вследствие этого институционального противоречия гибридные режимы наименее стабильны⁴³ и создают наибольшие риски для режимных изменений.

Диверсификация свойственна и авторитарным негибридным режимам. По классическому утверждению Б. Геддес «авторитарные режимы отличаются друг от друга не меньше, чем они отличаются от демократии» [Geddes, 1999, p. 121], Вслед за ней многие авторы используют выделяют отдельные типы авторитарных режимов, например однопартийные, военные и персоналистские. Эти режимы не упорядочиваются и не ранжируются, а представляют собой отдельные категориальные переменные. В военных режимах все решения принимаются армией — институтом, контролирующим доступ ко всем ключевым властным постам. Военные режимы обычно представляют собой коллективное руководство в форме военной хунты, в которую входит высшее руководство различных родов войск, причем каждый член хунты опирается на поддержку своих войск и обладает определенным потенциалом для свержения режима. Самую большую угрозу для лидера военного режима представляют другие военные группы, обладающие возможностями организовать контр-переворот против действующей власти. Придя к власти нелегальным и нелегитимным способом, «военные режимы несут в себе источник своего разрушения» [Geddes, 1999, P. 131].

Основными характеристиками однопартийных режимов у Б. Геддес являются несменяемость и получение партией более $\frac{2}{3}$ голосов, что обеспечивает нахождение у власти [Geddes]. Под это расширенное определение попадают не только режимы с одной партией, но и формально многопартийные режимы, в которых доминирует одна партия или одна коалиция. Несмотря на легальное существование других партий, партия власти всегда выигрывает выборы в течение продолжительного периода и контролирует всю политическую сферу. Другие политологи (А. Хадениус, Б. Магалони и др.) разделяют однопартийные режимы на чисто однопартийные режимы и режимы с доминирующей партией, при котором в парламенте могут быть представлены другие партии, но они часто становятся сторонниками правящей партии.

⁴³ в среднем существуют в 3,8 раз меньше демократий и в 1,7 раз меньше автократий [Gates et al. 2006, p. 900].

Попытки операционализации режима с доминирующей партией сводятся к определению количества лет пребывания партии у власти — минимум 20 лет.

Ряд политологов (С. Хантингтон, Б. Геддес, Э. Франц) вслед за Х. Линцем, выделявшим султанистские режимы как отдельный тип недемократического режима, также выделяют персоналистские режимы. Ряд других (А. Хадениус, Дж. Ганди, Б. Магалони) другие рассматривают персонализм как черту авторитарных политических режимов любого типа. Действительно, всем авторитарным режимам присуща персонификация власти: в половине военных или однопартийных режимов или их комбинаций проявились персоналистские черты и треть режимов стали полностью персонифицированными [Geddes, 2004].

Выделение отдельных типов авторитаризма оправдано, так как в разных авторитаризмах действуют свои правила и отличаются акторы (военная хунта, партия или лидер), принимающие основные решения и контролирующие доступ к ключевым постам. Правила регулируют поведение игроков и влияют на логику сохранения, распада или реформирования режима. Однопартийные режимы выживают благодаря единству правящей (партийной) элиты, кооптации оппозиции и мобилизации граждан в поддержку режима. Именно этим объясняется продолжительное существование и нежелание их лидеров предпринимать какие-либо шаги в сторону демократизации.

Сложно говорить о «чистых» типах недемократических режимов, так как военные хунты часто выживают при поддержке партии, в однопартийных режимах могут быть харизматичные лидеры, персонифицирующие власть. Для С. Хантингтона, все недемократические режимы представляют собой сочетания однопартийных, персоналистских и военных элементов, поэтому тип режима он определяет по преобладающему элементу. Б. Геддес говорит о разных логиках выживания, поэтому изучает отдельно чистые типы и их сочетания, причем сочетания всегда сохраняются лучше. Так, персоналистские режимы с элементами военного и однопартийного режимов «могут рассчитывать на вечность» (более 30 лет) [Geddes, 1999, P. 133].

Исследование А. Пшеворского и Дж. Ганди показывает, что недемократические режимы склонны к самовоспроизводству: после военных режимов возникают новые военные режимы, а на смену гражданским (в том числе однопартийным) диктатурам приходят новые гражданские диктатуры, а совсем не демократии [Gandhi, Przeworski, 2007]. Каждый тип авторитарного режима имеет свою логику выживания и отличительную внутреннюю динамику, поэтому каждому более свойственны

разные варианты смены лидера и режима. Однопартийные режимы редко трансформируются в демократии, только 19% режимов перешли к демократии, остальные либо распались в результате военных переворотов (39%), либо трансформировались в режимы с доминирующими партиями (33%). Режимы с доминирующими партиями демонстрируют лучшие показатели — 29% перешли к демократии [Magaloni, Kricheli, 2010, p. 130–131]. Так как доминирующая стратегия однопартийных режимов направлена на предотвращение протестов и требований перемен, только в случае давления «извне» или «снизу» лидеры однопартийных режимов готовы начать либерализацию, и далее демократизацию, причем только «однопартийные режимы под давлением» обладают потенциалом к переговорному транзиту. Это объясняется тем, что, с одной стороны, попытки удержания власти приводят к уступкам в процессах демократизации, а с другой стороны, переговоры могут обеспечить достойный уход и предотвратить насильственное свержение. Благодаря такой тактике сохранения инициативы в транзите многим бывшим партиям-гегемонам удается удержать свои позиции в новых демократиях.

В военных режимах демократические транзиты могут начинаться после внутренних разногласий и расколов и имеют больше шансов на успех, особенно при повторной демократизации. Военные режимы могут согласиться на передачу власти гражданскому правлению и на демократизацию в случае получения гарантий соблюдения их корпоративных интересов (единство и честь армии) и отсутствия преследования за преступления против человечности. Учитывая, что такие гарантии легче получить, если военный режим сам начинает переход к демократии, оптимальными моделями для транзита являются модели, инициируемые «сверху» (трансформация) и с двух сторон (трансмена).

При персоналистском режиме все решения всегда контролируются лидерами, и оппозиционные фракции или личности, в редких случаях появляющиеся в окружении лидера, практически не имеют шансов организовать ни переворот, ни успешный транзит. Большинство персоналистских режимов распадается после смерти лидера, поэтому для сохранения преемственности лидеры часто создают партии, сохраняют парламенты и вводят институт выборов, что может привести к трансформации персоналистских режимов в однопартийные или режимы с доминирующей партией. Анализ Геддес демонстрирует, что персоналистские режимы наименее склонны начинать демократические преобразования и осуществлять пактированный транзит. Распады личных диктатур, таким образом, чаще всего осуществляются только

насильственным способом в результате массовых протестов, революций, переворотов, гражданских войн и внешнего вмешательства, и не всегда на смену диктатуре приходит демократия.

Перейдем к рассмотрению режимных изменений и событий, ведущих к распаду авторитарных режимов и/или установлению демократии.

Режимные изменения и демократизация: состояние вопроса

Политические режимы распадаются в результате гражданских войн и повстанческих действий, переворотов, революций, протестных действий, реформ и ввборов, а также вследствие действий демократически избранных президентов и внешних акторов. Наиболее изученными типами режимных изменений являются демократические транзиты, перевороты и гражданские войны. Эти события происходили достаточно часто и затронули все регионы мира. В период с 1946 по 2010 гг. большинство (35 %) изменений авторитарных режимов произошло вследствие⁴⁴ военных переворотов. Другие варианты включали проигранные лидером выборы (13 %)⁴⁵, ненасильственные протестные действия «снизу» (17 %), организованный вооруженный конфликт⁴⁶ (8 %), действия внешних акторов (5 %), распад государства (2 %) и иные изменения, инициированные «сверху» (8 %).

В течение длительного времени перевороты были главным инструментом смещения диктатора, поэтому их приравнивали к регулярной смене власти в авторитарном режиме, который не предоставляет других возможностей для замены лидера. Однако в четырнадцати базах данных о переворотах используются разные подходы к концептуализации переворота: разные цели (только лидер или вся элита), участники (только армия или часть действующего правительства), разные стратегии, неодинаковый уровень насилия и разный результат [Powell, Thune, 2011, p. 250]. Они сделали вывод об отсутствии согласованного определения переворотов, позволяющего отличить перевороты от других способов смены власти. Пауэлл и Тайн определяют перевороты как «нелегальная попытка военных и других элит свергнуть действующего лидера» [Powell, Thune, 2011, p. 252]. Это определение содержит цель (лидер режима), состав участников (члены элиты, государствен-

⁴⁴ Подсчеты автора. Источник: B. Geddes, J.Wright, E. Frantz. *Autocratic Regimes*. Version 1.2.

⁴⁵ В эту категорию не входят случаи, когда военная хунта передавала власть гражданским и партия/группа лидера не участвовала в выборах (14 %).

⁴⁶ Организованный вооруженный конфликт в базе авторитарных режимов включает гражданские войны, революции и другие насильственные акты сопротивления авторитарному режиму.

ный аппарат, обычно армия) и способ (нелегальный), что позволяет отделить перевороты от других способов смен режима — революций, гражданских войн, протестных движений, внешних интервенций, автопереворотов и политических убийств.

Для операционализации гражданских войн используется классическое определение Сингера-Смола в проекте «Корреляты войны»⁴⁷: во-первых, приводит к 1000 боевых жертв в год (причем не менее 10% с каждой стороны), во-вторых, одной из сторон конфликта является центральное правительство, в-третьих, эффективное сопротивление с обеих сторон конфликта, в четвертых, конфликт происходит в рамках определенной политической единицы. Такая общепризнанная операционализация позволяет отделить гражданские войны от террористических актов, геноцида, столкновений между криминальными группировками, переворотов и межгосударственных войн. Однако исследователи не пришли к согласию относительно того, как классифицировать войны, в ходе которых изменились основные акторы: как одна долгосрочная война или несколько отдельных последовательных. Учитывая, что многие количественные исследования в качестве зависимой переменной рассматривают продолжительность гражданской войны, различия в классификации могут привести к разным выводам.

С каждым годом сокращается число попыток переворота, все меньше становится военных режимов, и все большее число диктатур распадается вследствие оппозиционных движений «снизу». Революции, социальные революции, бархатные революции и цветные революции представляют собой нелегальное свержение правящей элиты, получившее легитимацию благодаря широкой поддержке населения. Но они не являются революциями в классическом понимании, поэтому многие авторы говорят о «революциях с прилагательными» как подвидах революций.

Использование прилагательных не снимает классической проблемы «растяжения концепта», когда «объем понятия возрастает за счет размывания содержания» (Сартори), так как «прилагательные» не позволяют зафиксировать основные признаки концепта. Однако проблема заключается не в атрибутивных характеристиках, а в самом предмете (предикате), который не является «революцией». Томпсон вводит термин «демократические революции», которые он понимает как спонтанные мирные, городские и межклассовые народные выступления,

⁴⁷ Проект «Корреляты войны» основан в 1963 г. Д.Сингером и М.Смолом. <http://www.correlatesofwar.org>

свергающие диктаторов и приводящих к консолидации демократии [Thompson, 2004, p. 1]. Лейн называет «цветные революции» революционными переворотами, так как высокий уровень участия элиты и контр-элиты, высокий уровень массового участия (в качестве аудитории) ведут к обновлению элиты, но не к широким политическим и социально-экономическим изменениям [Lane, 2008, p. 529].

При исследовании режимных изменений каждый исследователь должен решить методологическую дилемму, связанную с операционализацией. При добавлении характеристик уточняется концепт, но одновременно уменьшается число исследуемых случаев. Например, если понимать под «цветными революциями» пост-электоральные движения оппозиции, направленные на восстановление провозглашённых режимом институциональных основ демократии, нарушенных в ходе выборов, тогда число успешных «цветных революций» сокращается до пяти⁴⁸, что не позволит провести количественное исследование причин цветных революций. Растяжение концепта позволяет увеличить число рассматриваемых казусов, что помогает решить проблему «слишком мало казусов, слишком много переменных». Однако при этом подходе некоторые переменные, значимые для событий определенного типа, будут незначимыми для всех исследуемых событий. Так, этнический состав населения и степень этнорелигиозной фрагментации, значимые для объяснения этнических войн, потеряют статистическую значимость при анализе гражданских войн в целом.

Режимные изменения являются редкими событиями, что составляет еще одну методологическую проблему. Так, несмотря на большое число переворотов, на 9129 наблюдений в базе переворотов М. Маршалла приходится всего 322 попытки переворотов. Для верификации и фальсификации, исследователям необходимо определиться с набором релевантных случаев. Махони и Герц считают, что для достижения лучших результатов (при изучении редких событий) необходимо использовать принцип возможности, и включить в исследование казусы, релевантные по значению хотя бы одной независимой переменной, и исключить казусы, которые имеют значение переменной, которое делает исследуемый результат невозможным. Такой метод позволит увеличить число наблюдений, отделить негативные наблюдения (в которых редкое событие теоретически могло бы произойти) от иррелевантных и возможно прийти к более достоверным результатам [Mahoney and

⁴⁸ Филиппины (1986), Сербия (2000), Грузия (2003), Украина (2004) и Кыргызстан (2005).

Goertz, p. 657]. Однако до сих пор в большинстве исследований казусы подбираются по переменной, связанной со свершившимся событием или попыткой события.

Исследователи режимных изменений сталкиваются с ещё одной методологической проблемой при классификации успешных или неуспешных событий. В парадигме демократизации режимное изменение будет успешным в случае, если оно приводит к смещению авторитарного режима и ведет к установлению демократии. Однако в цветных революциях было больше преимущества, чем изменений [Hale, 2006, p. 306], что не позволяет говорить о каком-либо демократизационном и, тем более, революционном, эффекте. На смену одной диктатуре может прийти другая, демократия может стать следствием совершенно иной последовательности событий, причем демократия может распасться после нескольких лет стабильного функционирования. Успех события не может определяться ни свержением авторитарного режима, ни установлением демократии, поэтому большинство исследователей операционализируют успешные и неуспешные события через достижение целей события (но не целей акторов, так как заявленные цели могут отличаться от реальных). Так, если целью переворота является смена действующего режима, успешным будет переворот, приведший к достижению именно этой цели. Успешным вслед за У. Томпсоном принято считать переворот, после которого новый режим удержал власть минимум неделю [Kebshul, p. 567], даже если на восьмой день они их свергают в ходе контрпереворота или интервенции. Большинство исследователей следуют семидневному критерию, однако в базе М. Маршалла этот период продлен до 1 месяца.

Исследователи должны определить, рассматривать ли им все успешные и неуспешные события, либо ограничиться только успешными. Так, причины, вызвавшие попытки переворота независимо от результата могут быть одинаковыми, поэтому неуспешные перевороты не менее важны для изучения динамики политических процессов. Однако большинство исследователей рассматривают только успешные перевороты, так как сложно изучать неуспешные перевороты в авторитарных режимах: если организаторам не удалось покинуть страну, их ждут репрессии, поэтому исследователям придется анализировать одностороннее видение переворота действующим режимом. То же самое относится к неуспешным восстаниям и революциям.

Еще один неизученный сегмент режимных изменений относится к заговорам. Раскрытые заговоры или предотвращенные перевороты не относятся к неуспешным переворотам, и их редко изучают, однако

причины заговора. В Базе Маршалла в период с 1946 г. по 2013 г. было 201 успешных переворотов, 322 неуспешных переворота, 142 раскрытых заговора и 33 случая обвинений в подготовке переворота. Заговоры в авторитарных режимах изучать еще сложнее, чем неуспешные перевороты. Во-первых, на основе официальной прессы сложно отличить реальный заговор от вымышленного, направленного на устранение нелояльных членов элиты. Во-вторых, в интересах авторитарного режима будет сокрытие даже реального заговора и неуспешной попытки переворота, так как любое свидетельство раскола режима может поставить под сомнение его легитимность.

Распады авторитарных режимов не означают автоматического перехода к демократии. Так, в период с 1990 по 2012 гг., только 30 % переворотов завершились демократическим транзитом, при этом в 50 % случаев авторитарный режим сохранился. [Kendall–Taylor, p. 42]. Для сравнения, 85 % случаев смещения диктатуры в результате массовых протестов приводят к демократии [Kendall–Taylor, p. 41], поэтому многие политологи говорят о долгосрочных перспективах демократизации «снизу».

По результату перевороты имеют много общего с восстаниями, причем перевороты могут перерасти в восстания, поэтому некоторые авторы включают в список переворотов и повстанческие действия «снизу». Пауэлл и Тайн обнаружили, что в период с 1950 по 2008 г. через несколько лет после успешных и неуспешных переворотов, уровень демократии (по индексу Полити) либо возвращался к такому же уровню, который был до переворота, или даже к лучшему и делают вывод, что перевороты, возможно, являются катализаторами демократизации или, по крайней мере, не ухудшают степень авторитаризма [Powell, Thyne, 2014]. Авторы показали, что влияние попыток переворота на демократизацию наиболее сильное и значимое в сильных автократиях (по индексу Полити) и в режимах, лидер которых продержался у власти минимум 8 лет [Powell, Thyne, 2014]. Политические режимы, неуязвимые для попыток переворотов, могут не опасаться революций, так как пока лидеры могут сохранить лояльность армии, их революционно настроенные оппоненты не имеют шансов на свержение лидера [Belkin, Schofer, 595].

Классики транзитологии Гильермо О’Доннелл и Филипп Шмиттер считали, что выбор революционного пути (*via revolucionaria*) уменьшает перспективы политической демократии. Мобилизация может выйти из-под контроля, что будет препятствовать переговорному, пактированному транзиту, поэтому результатом будут либо жесто-

кое подавление движения сторонниками жёсткой линии, либо насильственная победа революционно настроенных радикалов. По их мнению, было бы «желательно, чтобы политическая демократия достигалась без мобилизованного насилия и драматической непоследовательности. Передача власти группе своих сторонников, или отказ от власти после переговоров с умеренно настроенными оппонентами, обладают большим потенциалом для установления или консолидации демократии, чем «свержение» непримиримыми антагонистами» [O'Donnell, Schmitter, p. 11]. Оптимальная модель транзита (начиная с модели Д. Растоу) включала пакт-соглашение между отдельными акторами, определяющее (или переопределяющее) правила игры на основе взаимных гарантий соблюдения «жизненных интересов» сторон [O'Donnell, Schmitter, p. 37], наличие которого увеличивало вероятность перехода к демократии.

Теории ненасильственных протестных действий развивались отдельно от теорий переходов к демократии, так как авторы фокусировались на разных зависимых переменных. Теории демократического транзита рассматривали насильственные и ненасильственные формы переходов к демократии, теории ненасильственного протеста — способы свержения диктаторов. Теории транзита изучали способы разрешения конфликта через введение демократических процедур, теории ненасильственных протестных действий — анализировали способы разжигания конфликта. Только с 2003 года⁴⁹ сильное дисциплинированное движение сопротивления с технологиями ненасильственного протеста стало рассматриваться в качестве стратегии замены недемократических режимов демократическими. Если теоретики транзита выделяли две стратегии переходов к демократии (насильственную и ненасильственную), то теоретики ненасильственных протестов предлагали отказаться от данной дихотомии и анализировать ненасильственные действия как набор методов, отличающихся и от насильственной, и от институционализированной политики. Главными отличительными чертами таких движений являются проактивная направленность на смену режима и неинституционализированность (в том плане, что борьба ведётся за пределами существующих институтов) [Schock, 2013].

⁴⁹ Летом 2003 в журнале «Политическая наука и политика» были опубликованы материалы Симпозиума, посвященного ненасильственным протестным действиям, в котором приняли участие Т. Гурр, П. Акерман, С. Тэрроу, Дж. Дюваль, и др. См. Symposium: A Force More Powerful. // PS: Political Science and Politics. — 2003. — Vol. 33. — № 2. — P. 146–187.

Исследования режимных изменений

Среди глобальных и региональных сравнительных исследований таких режимных изменений как перевороты, гражданские войны, демократические транзиты преобладает структурный подход, в рамках которого рассматриваются различные предпосылки, факторы и условия, которые способствуют попыткам смены режима. Структуралисты выявляют причинно-следственные связи между социальными, экономическими и иными контекстуальными переменными и началом, продолжительностью, успехом или последствиями определенных событий. Такие связи понимаются как структурные предпосылки, обусловленные влиянием определенных структур, а не намерениями и действиями акторов. Статистическая значимость становится главным критерием для оценки влияния независимых переменных, в основном социально-экономических благодаря простой операционализации. Результатом количественных исследований обычно становится набор объективных социально-экономических условий, делающих вероятным какие-либо режимные изменения. Однако структурный подход исключает индивидуальные и коллективные мотивы акторов, которые могут использовать структурный потенциал и спланировали или осуществить смену режима.

Методологически использование структурного подхода представляется верным, так как исследователи могут проверить большое число гипотез, однако главными недостатками являются объяснение разных событий через одинаковые неполитические факторы и построение теорий на основе корреляций, которые не всегда верно указывают на наличие причинно-следственной связи и не указывают направление этой связи. Например, этническая фрагментация может стать причиной восстаний, переворотов, этнической войны и гражданского мира, сохранения авторитаризма и условием для общественной демократии. Некоторые структурные факторы будут не только и не столько условиями события, но его результатами. Так, вражда между этническими группами может не быть причиной войны, а результатом. Часто связь между переменными будет нелинейной параболической, например, связь между риском начала гражданской войны и политическим режимом: в группе риска будут промежуточные, гибридные режимы, находящиеся между стабильными демократиями и автократиями.

С целью преодоления проблем количественных исследований некоторые авторы используют новый сравнительный метод — качественный (конфигурационный) сравнительный анализ (QCA), позволяющий выделить сочетания необходимых и достаточных условий военных

переворотов. Метод, лучше всего подходящий для небольшого числа исследуемых случаев, предполагает превращение всех переменных в категориальные (с двумя или тремя категориями) для выявления сочетаний переменных, которые привели к результатам (например, к перевороту). Если одни и те же сочетания приводят к разному исходу, границы категорий пересматриваются для исключения противоречивых результатов, что усиливает субъективность данного метода. Пока результаты применения качественного сравнительного анализа выделяют уже известные конфигурации структурных факторов, выделенных ранее статистическими методами.

Представители процедурного (акторного, волюнтаристского) подхода объясняют режимные изменения через мотивы и возможности акторов и стратегию их поведения независимо от контекста. По их мнению, режимные изменения создаются не причинами, а виновниками и являются следствием рационального выбора и политической воли акторов. Волюнтаристы изучают проблемы коллективных действий, взаимообусловленность определенных решений акторов. В результате они фокусируются на изучении отдельных случаев что придает исследованиям описательный характер. Однако акторы могут быть иррациональными, не обладать всей информацией, могут нарушить predeterminedенную контекстом логику развития или потерпеть неудачу из-за тактических или стратегических ошибок, но именно контекст предоставляет разным акторам ресурсы и возможности для поведения своих действий.

Процедурный подход позволяет выделить фазы событий и провести анализ стратегии и тактики акторов и их действий на разных фазах. Причем фазы реализуются последовательно только в идеальных моделях. Так выделяемые в демократическом транзите фазы либерализации и демократизации могут проходить последовательно, одновременно или независимо. Демократизация приведет к более эффективным результатам, если она осуществляется после либерализации, однако есть немало примеров «зависших после либерализации транзитов», отката в авторитаризм после либерализации, или демократизации без либерализации.

Представители процедурного подхода объясняют режимные изменения через мотивы и возможности ключевых акторов и стратегию их проведения независимо от контекста. В результате они фокусируются на объяснении отдельных казусов, либо сравнении нескольких казусов региона, что придает их исследованиям описательный характер. Однако без определения контекста сложно оценить потенциал акторов

и проанализировать невозможность реализации намерений, причем поведение других акторов также становится важным контекстуальным фактором.

Итак, политические режимы и режимные изменения изучаются в рамках структурного и процедурного подходов, на сегодняшний день проведено огромное число количественных и качественных исследований, однако исследователи так и не пришли к согласию относительно оптимальных способов смен режима и перспектив демократизации после режимных изменений.

Выводы

В настоящий момент сложился определенный консенсус относительно концептуализации политических режимов и режимных изменений, однако согласие не достигнуто относительно операционализации, условий и факторов режимных изменений. Структуралисты выявляют причинно-следственные связи между социальными, экономическими, политическими и иными контекстуальными переменными и риском режимных изменений. Такие связи понимаются как структурные предпосылки режимных изменений, обусловленные влиянием определенных структур, а не намерениями, действиями и мотивами акторов. Многомерные статистические модели устанавливают значимые эмпирические закономерности и выявляют множество факторов, коррелирующих с режимными изменениями и последующей демократизацией. Главной проблемой является операционализация и измерение ключевых переменных и сложности объяснения причинно-следственных механизмов обнаруженных связей. Режимные изменения могут начинаться при разных сочетаниях структурных факторов, однако стремление разрешить конфликты в институциональных рамках является следствием политической воли акторов конфликта. Акторы могут предотвратить восстания и революции, способствовать демократизации и препятствовать разжиганию конфликтов, однако политическая воля акторов, их стратегия и тактика пока может быть исследована только пост фактум, в качественных исследованиях или в казусно-ориентированных сравнениях.

Литература

1. Пшеворский А. Политический институт и политический порядок / Демократия в российском зеркале / под ред. А.Пшеворского, А.Миграняна. М. МГИМО, 2013. С. 398–428.
2. Gandhi J., A. Przeworski. Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats // *Comparative Political Studies*. — 2007. — Vol. 40, № 11. — P. 1279–1301.

3. Geddes B. What do we know about democratization after twenty years? // *Annual Review of Political Science*. — 1999. — №2. — P. 115–144.
4. Hale H. Democracy or autocracy on the march? The colored revolutions as normal dynamics of patronal presidentialism // *Communist and Post-Communist Studies*. — 2006. — Vol. 39. — P. 305–329.
5. Kebshul H.G. Operation “Just Missed”: Lessons from Failed Coup attempts. // *Armed Forces and Society*. — 1994. — Vol. 20. № 4. — P. 565–579.
6. Kendall-Taylor A., E. Frantz. How Autocracies Fall // *The Washington Quarterly*. — 2014. — Vol. 37, №1. — P. 35–47.
7. Lane D. The Orange Revolution: ‘People’s Revolution’ or Revolutionary Coup? // *British Journal of Politics and International Relations*. — 2008. — Vol. 10, №4. — P. 525–549.
8. Magaloni B., R. Kricheli. Political Order and One-Party Rule // *Annual Review of Political Science* — 2010. — № 13. — P. 123–143.
9. Mahoney J, G. Goertz. The Possibility Principle: Choosing Negative Cases in Comparative Research // *American Political Science Review*. — 2004. — Vol. 98, №4. — P. 653–669.
10. O’Donnell G., Schmitter P. Transitions from authoritarian rule: Tentative conclusions about uncertain democracies. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1986.
11. Powell J.M., C.L. Thyne. Coup d’etat or Coup d’Autocracy? How Coups Impact Democratization, 1950–2008 // *Foreign Policy Analysis*. — 2016. — Vol. 12, №2. — P. 192–213.
12. Schock K. The practice and study of civil resistance // *Journal of Peace Research*. — 2013. — Vol. 50, №3. — P. 277–290.
13. Thompson W.R. Corporate Coup-Maker Grievances And Types Of Regime Targets // *Comparative Political Studies*. — 1980. — Vol. 12, №4. — P. 485–496.

WHAT WE KNOW AND WHAT WE DON’T KNOW ABOUT REGIMES, REGIME CHANGES AND DEMOCRATIC TRANSITIONS

Oxana Kharitonova

Abstract. *The conceptual article reviews the state of the recent comparative research on political regime and regime changes and the democratization prospects after authoritarian regime breakdown. The author studies typologies of nondemocratic political regimes, the peculiarities of functioning of one-party, military and personalist regimes and the democratization perspectives of every type of authoritarianism. The main methodological problems facing the researchers of political regimes who use the regime variable in comparative research are the conceptualization, classification and operationalization of political regimes in which political changes may*

or may not occur. Each type of authoritarianism and its own survival logic and distinct inner dynamics, that is why they have different regime-changing trajectories. Political regimes change as a result of civil wars and revolts, coup, revolutions, protests and reforms. These events can be interrelated: reforms can lead to revolutions and coups, coups can foster civil wars, conflicts can become catalysts of democratic conflict regulation. Methodological problems of studying regime change include concept stretching, conceptualization of successes and failures and also the distinguishing of potentially relevant cases in order to increase the number of cases, since the events studies are rare events. The article proceeds to study the political changes from the perspective of democratic transition theories. Then the two main approaches to study of political regimes and regime changes are discussed, i.e. the structure-oriented and the actor-oriented. The article concludes that regime changes can start in the conditions of various combinations of structural causes, but only the political will of the actors can bring the conflict-processing into the institutional framework. Actors can prevent revolts and revolutions, foster democratization and stop conflicts, but the political will, the actor's strategy and tactics can be studied post factum, in qualitative case-studies or small N comparisons.

Keywords: political regime, regime change, conceptualization, operationalization, structure approach, agency approach

References

1. Gandhi, J. and Przeworski, A. (2007). Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats. *Comparative Political Studies*, 40 (11), 1279–1301.
2. Geddes B. (1999). What do we know about democratization after twenty years? *Annual Review of Political Science*, (2), 115–144.
3. Hale H. (2006). Democracy or autocracy on the march? The colored revolutions as normal dynamics of patrimonial presidentialism. *Communist and Post-Communist Studies*, 39, 305–329.
4. Kebshul H. G. (1994). Operation "Just Missed": Lessons from Failed Coup attempts. *Armed Forces and Society*, 20(4), 565–579.
5. Kendall-Taylor A., and Frantz, E. (2014). How Autocracies Fall. *The Washington Quarterly*, 37(1), 35–47.
6. Lane D. (2008). The Orange Revolution: 'People's Revolution' or Revolutionary Coup? *British Journal of Politics and International Relations*, 10 (4), 525–549.
7. Magaloni B., and Kricheli, R. (2010). Political Order and One-Party Rule. *Annual Review of Political Science*, (13), 123–143.
8. Mahoney J, and Goertz, G. (2004). The Possibility Principle: Choosing Negative Cases in Comparative Research. *American Political Science Review*, 98(4), 653–669.

9. O'Donnell, G., and Schmitter, P. (1986). *Transitions from authoritarian rule: Tentative conclusions about uncertain democracies*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
10. Powell, J. M. and Thyne, C. L. (2016). Coup d'état or coup d'Autocracy? How coups impact democratization, 1950–2008. *Foreign Policy Analysis*, 12 (2), 192–213.
11. Przeworski, A. (2013). Political institution and political order(s). In *Democracy in a Russian mirror*, Przeworski A., Migranian, A. (eds). Moscow, MGIMO, 398–428.
12. Schock K. (2013). The practice and study of civil resistance. *Journal of Peace Research*, 50(3), 277–290.
13. Thompson W. R. (1980). Corporate Coup-Maker Grievances And Types Of Regime Targets. *Comparative Political Studies*, 12(4), 485–496.

Информация об авторе

Харитоновна Оксана Геннадьевна

кандидат политических наук, Доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России. E-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru

Oxana Kharitonova

Associate professor, PhD (political science), MGIMO university, Russian Federation

Научное издание

«25 ЛЕТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ»

Сборник материалов X Конвента РАМИ

(Москва, 8–9 декабря 2016 г.)

В пяти томах

Том 2

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР:

ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

В двух частях

Часть 1

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка
и художественное оформление А. С. Туманова

Подписано в печать 25.09.2017

Формат 60×84¹/₁₆. Усл. печ. л. 31,2. Уч.-изд. л. 27,7

Тираж экз. Заказ №

Издательство «МГИМО–Университет»

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России

119454, Москва, пр. Вернадского, 76